

Tamar Amar-Dahl

Zionist Israel and the Question of Palestine

Jewish Statehood and the History of the Middle
East Conflict

DE GRUYTER
OLDENBOURG

Тамар Амар-Даль

Сионистский Израиль и Вопрос о Палестина

Еврейская государственность и история ближневосточного
конфликта

DE GRUYTER
OLDENBOURG

First edition published by Ferdinand Schöningh GmbH & Co. KG in 2012:
Das zionistische Israel. Jüdischer Nationalismus und die Geschichte des Nahostkonflikts

An electronic version of this book is freely available, thanks to the support of libraries working with Knowledge Unlatched. KU is a collaborative initiative designed to make high quality books Open Access. More information about the initiative can be found at www.knowledgeunlatched.org

This work is licensed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivs 3.0 License. For details go to <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>.

ISBN 978-3-11-049663-5

e-ISBN (PDF) 978-3-11-049880-6

e-ISBN (EPUB) 978-3-11-049564-5

Library of Congress Cataloging-in-Publication Data

A CIP catalog record for this book has been applied for at the Library of Congress.

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek

The Deutsche Nationalbibliothek lists this publication in the Deutsche Nationalbibliographie; detailed bibliographic data are available in the Internet at <http://dnb.dnb.de>.

© 2017 Tamar Amar-Dahl, published by Walter de Gruyter GmbH, Berlin/Boston

Cover image: Jerusalem, Thinkstock: gkuna

Translated from the German by Dr. Olga Thierbach-McLean

Typesetting: Dr. Rainer Ostermann, München

Printing: CPI books GmbH, Leck

☼ Printed on acid free paper

Printed in Germany

www.degruyter.com

www.magnespress.co.il

Первое издание было опубликовано компанией Ferdinand Schöningh GmbH & Co. KG в 2012 году:

Дас сионистский Израиль. Jüdischer Nationalismus und die Geschichte des Nahostkonflikts

Электронная версия этой книги доступна бесплатно благодаря поддержке библиотек, сотрудничающих с Knowledge Unlatched. KU — это совместная инициатива, направленная на обеспечение открытого доступа к высококачественным книгам. Более подробную информацию об инициативе можно найти на сайте www.knowledgeunlatched.org

Данная работа распространяется под лицензией Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivs 3.0. Подробности см. на сайте <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>.

ISBN 978-3-11-049663-5

Электронный ISBN (PDF) 978-3-11-049880-6

Электронный ISBN (EPUB) 978-3-11-049564-5

Каталогизация в Библиотеке Конгресса

В Библиотеку Конгресса подана заявка на включение этой книги в каталог CIP.

Библиографическая информация Немецкой национальной библиотеки

Немецкая национальная библиотека включила эту публикацию в Немецкую национальную библиографию;

подробная библиографическая справка Данные доступны в интернете по адресу <http://dnb.dnb.de>.

© Тамар Амар-Даль, 2017 г., опубликовано Walter de Gruyter GmbH, Берлин/Бостон

Изображение на обложке: Иерусалим, Thinkstock: gkuna

Перевод с немецкого: д-р Ольга Тирбах-Маклин.

Верстка: д-р Райнер Остерманн, Мюнхен.

Печать: CPI books GmbH, Лек ©

Напечатано на бескислотной бумаге.

Произведено в Германии.

www.degruyter.com

www.magnespress.co.il

This book is dedicated to a dear friend and mentor
Professor Hans Mommsen (1930–2015)

Эта книга посвящена дорогому другу и наставнику,
профессору Хансу Моммзену (1930–2015).

Contents

Introduction — 1

1 Zionism and the Ideology of the Jewish State — 4

2 Zionist Israel and its Enemies — 18

3 Israeli Democracy and the Zionist Project — 52

4 Israel's War Policy in the Service of Zionist Israel — 92

5 Jewish Statehood and Regional Peace — 148

Bibliography — 191

Internet sources — 196

Index of Persons — 197

Содержание

Введение — 1

1 Сионизм и идеология еврейского государства — 4

2 Сионистский Израиль и его враги — 18

3 Израильская демократия и сионистский проект — 52

4 Военная политика Израиля на службе сионистского Израиля — 92

5 Еврейская государственность и региональный мир — 148

Библиография — 191

Интернет-источники — 196

Указатель лиц — 197

Introduction

Israel is a product of Zionism. The Jewish state originates in Jewish nationalism that emerged in the second half of the nineteenth century in Europe. In the course of the secularization and formation of national states that was taking place in Western Europe, the religiously hued, old Christian hatred towards Jews assumed racist features, turning into virulent anti-Semitism. At the same time, efforts to achieve real emancipation for European Jews were failing. Consequently, as new approaches to a resolution seemed to be called for, the Jewish people themselves took up the “Jewish question.”

Theodor Herzl’s 1896 pamphlet *The Jewish State (Der Judenstaat)* was followed in 1897 by the First Zionist Congress in Basel. With the founding of the World Zionist Organization the political goal was promptly proclaimed: the establishment of a Jewish state for the Jewish people outside of Europe. The hostility towards Jewish life in Europe turned into the Zionist principle of the “negation of the diaspora,” with Zionist-motivated Jewish emigration starting as early as 1882, first from Eastern and later also from Western Europe. And it was the old-new land of Israel – *Eretz Israel* – that in the beginning of the twentieth century was chosen as the appropriate territory.

Half a century later – but only after millions of European Jews had been murdered by Germany’s Nazi regime – the Jewish national movement won an important victory in the proclamation of the Jewish state. Apart from 1945, the year 1948 represents the decisive turning point in contemporary Jewish history. With the founding of Israel so soon after the Shoah, the Zionist project in *Eretz Israel* appeared to be a matter of bitter urgency. More than anything else, the extermination of the intended citizens of the to-be-founded Jewish state solidified Zionism as the ultimate answer to the “Jewish question,” not only among Jews but also on the international political-diplomatic stage.

These two historical momentums set into motion a historic process, namely the nationalization of the Jews in the second half of the twentieth century. Jewish national statehood was established as a manifest way of life, with political sovereignty and military strength becoming the cornerstones of the new Jewish-Israeli self-image. To wit, in the Zionist understanding of history, national statehood is seen as the normal state of the to-be-nationalized Jewish people – a state that needs to be actively fought for. At the beginning of the twenty-first century, the Jewish self-concept has a markedly Zionist orientation: *Eretz Israel* is in Jewish hands, the majority of the Jewish people live in the old-new country, and the Jewish nation state is the *raison d’être* of Israeli polity.

But Zionist Israel is neither a self-evident nor a natural state of affairs. Israel does not have an internationally accepted state territory, a large part of the coun-

Введение

Израиль — продукт сионизма. Еврейское государство берет свое начало в еврейском национализме, возникшем во второй половине XIX века в Европе. В ходе секуляризации и формирования национальных государств, происходивших в Западной Европе, религиозная, старая христианская ненависть к евреям приобрела расистские черты, превратившись в яростный антисемитизм. В то же время попытки добиться реальной эмансипации европейских евреев терпели неудачу. Следовательно, когда возникла необходимость в новых подходах к решению проблемы, еврейский народ сам взялся за «еврейский вопрос».

Брошюра Теодора Герцля 1896 года *Еврейское государство* (Правительственное государство) В 1897 году последовал Первый сионистский конгресс в Базеле. С основанием Всемирной сионистской организации сразу же была провозглашена политическая цель: создание еврейского государства для еврейского народа за пределами Европы. Враждебность к еврейской жизни в Европе переросла в сионистский принцип «отрицания диаспоры», и сионистски мотивированная еврейская эмиграция началась уже в 1882 году, сначала из Восточной, а затем и из Западной Европы. И это была старая-новая земля Израиля – *Эрец Израиль* – что в начале двадцатого века было выбрано в качестве подходящей территории.

Спустя полвека – но только после того, как миллионы европейских евреев были убиты нацистским режимом Германии – еврейское национальное движение одержало важную победу, провозгласив еврейское государство. Помимо 1945 года, 1948 год представляет собой решающий поворотный момент в современной еврейской истории. С основанием Израиля вскоре после Холокоста, сионистский проект в *Эрец Израиль* Это казалось вопросом крайней необходимости. Более того, истребление предполагаемых граждан будущего еврейского государства укрепило сионизм как окончательный ответ на «еврейский вопрос» не только среди евреев, но и на международной политико-дипломатической арене.

Эти два исторических импульса дали толчок историческому процессу, а именно национализации евреев во второй половине XX века. Еврейская национальная государственность была установлена как само собой разумеющийся образ жизни, а политический суверенитет и военная мощь стали краеугольными камнями нового еврейско-израильского самосознания. Иными словами, в сионистском понимании истории национальная государственность рассматривается как нормальное состояние еврейского народа, подлежащего национализации, – состояние, за которое необходимо активно бороться. В начале XXI века еврейское самосознание приобрело ярко выраженную сионистскую направленность: *Эрец Израиль* находится в руках евреев, большинство еврейского народа проживает в старой и новой стране, и еврейское национальное государство является *raison d'être* израильской политической системы.

Но сионистский Израиль не является ни само собой разумеющимся, ни естественным положением дел. У Израиля нет международно признанной государственной территории, большая часть страны...

try's population is made up of non-Jews, and above all it has been in nothing less than a permanent state of war from the very time of its proclamation. The conflict over Palestine and its escalation into an irresolvable regional problem has deeply impacted Israeli nationalism. The fight for national statehood is *de facto* still continuing, thus dominating the policy, society, military and political culture of Israel. And so "security" has become a key code of Israeli society.

The history of Israel may be mapped in terms of this tension between, on the one hand, the perception of national statehood as a Jewish way of life to which there is really no alternative and, on the other hand, the given conditions for the realization of the Zionist project. The history of the Zionist undertaking is characterized by the conflict between Zionist self-image in *Eretz Israel* and the reality in Palestine, the place where that self-image is lived. This is where the key to understanding Israel's history and the Middle East conflict may be found.

In this book, I am addressing the following questions: How did Zionist Israel come into existence? What does the Zionist ideology, which forms the basis for the Israeli state, actually imply, and what does it mean for the realization of Zionism in a *de facto* bi-national Palestine? What kind of political order has emerged over the years in the face of this discrepancy between the prevailing notion of the state and the demographic and geopolitical reality? And also: How can political culture, the relationship between the state, politics, military and society in Israel, be characterized?

This book comprises five thematic clusters, in the first of which I discuss the origin and ideology of Zionism. From there, in the second section, I go on to examine the view of the enemy that has emerged in the course of Israeli history, taking a closer look at the way the opponent, who is identified as nemesis, is treated. A third chapter addresses Israeli democracy, and especially the dichotomy present in the self-imposed standard according to which the Israeli state can be not only "Jewish" but also "democratic." The subject matter of my account is the demographical contradiction between a Jewish state in *Eretz Israel* and the bi-national reality in Palestine. As well it covers the meaning for Israeli democracy of a political culture that has been so strongly shaped by security-political aspects in the course of its historical development. The key question is whether Israeli democracy can be sustained in the face of a permanent state of war.

The subsequent fourth part explores the role and significance of war in the creation and consolidation of Jewish national statehood. Here, the reasons for and also the form and understanding of military action as an indispensable instrument for ensuring the security and national statehood of Israel are investigated with a view to their consequences. And finally, the fifth chapter deals with the question of whether a peaceful settlement of the Middle East conflict is

Население Израиля состоит из неевреев, и, прежде всего, страна находится в состоянии перманентной войны с момента провозглашения независимости. Конфликт вокруг Палестины и его эскалация в неразрешимую региональную проблему глубоко повлияли на израильский национализм. Борьба за национальную государственность...*де-факто* Это продолжается и по сей день, доминируя таким образом в политике, обществе, военной и политической культуре Израиля. Таким образом, «безопасность» стала ключевым кодексом израильского общества.

История Израиля может быть описана через призму этого напряжения между, с одной стороны, восприятием национальной государственности как еврейского образа жизни, которому на самом деле нет альтернативы, и, с другой стороны, существующими условиями для реализации сионистского проекта. История сионистского начинания характеризуется конфликтом между сионистским самовосприятием и *Эрец Израиль* реальность в Палестине, месте, где этот образ себя воплощается в жизнь. Именно здесь может быть найден ключ к пониманию истории Израиля и ближневосточного конфликта.

В этой книге я рассматриваю следующие вопросы: Как возник сионистский Израиль? Что на самом деле подразумевает сионистская идеология, лежащая в основе израильского государства, и что она означает для реализации сионизма в современном мире? *де-факто* Двунациональная Палестина? Какой политический порядок сформировался за эти годы в условиях этого несоответствия между господствующим представлением о государстве и демографической и геополитической реальностью? И еще: как можно охарактеризовать политическую культуру, взаимоотношения между государством, политикой, армией и обществом в Израиле?

Эта книга состоит из пяти тематических разделов, в первом из которых я рассматриваю происхождение и идеологию сионизма. Далее, во втором разделе, я перехожу к изучению образа врага, сформировавшегося в ходе израильской истории, более подробно рассматривая отношение к противнику, которого отождествляют с заклятым врагом. Третья глава посвящена израильской демократии, и особенно дихотомии, присутствующей в самопровозглашенном стандарте, согласно которому израильское государство может быть не только «еврейским», но и «демократическим». Предметом моего исследования является демографическое противоречие между еврейским государством и *Эрец Израиль* также двунациональную реальность в Палестине. Кроме того, рассматривается значение для израильской демократии политической культуры, которая в ходе своего исторического развития в значительной степени формировалась аспектами политики безопасности. Ключевой вопрос заключается в том, может ли израильская демократия сохраниться в условиях перманентной войны.

В четвертой части рассматривается роль и значение войны в создании и укреплении еврейской национальной государственности. Здесь исследуются причины, а также форма и понимание военных действий как незаменимого инструмента обеспечения безопасности и национальной государственности Израиля с учетом их последствий. И наконец, пятая глава посвящена вопросу о том, является ли мирное урегулирование ближневосточного конфликта целесообразным.

compatible with Israel's reason of state. In other words, is Zionist Israel actually capable of reconciling with its neighbors?

For it is especially with regard to the old-Zionist question of Palestine – which is, however, still being denied in the political culture of the country – that today's political Israel stands with its back against the wall. As the pressure from the international community to resolve the problems of state and international law by political means is dramatically increasing, the country is poised in its traditional position of obstinate defiance. This “destructive” ethos calls for an explanation. It may be found in the history of Zionist Israel that is related in this book – in a way that is critical without being accusing, differentiated without seeking to expose, and sober without being detached.

The present volume is a translation of a research book that was published in 2012 with the German Publisher Ferdinand Schöningh, Paderborn. The strong responses and excellent reviews it received in the academic world as well as from the general public suggested its great interest also for an international audience, and thus the present translation now makes it accessible to the global readership.

My very special thanks go to the remarkable devoted translators and editors of this volume: Olga Thierbach-McLean, Ph.D. and Aram McLean.

Это согласуется с государственной логикой Израиля. Иными словами, способен ли сионистский Израиль на самом деле примириться со своими соседями?

Именно в отношении старого сионистского вопроса о Палестине, который, однако, до сих пор отрицается в политической культуре страны, сегодняшний политический Израиль оказывается в безвыходном положении. Поскольку давление со стороны международного сообщества с целью решения проблем государственного и международного права политическими средствами резко возрастает, страна занимает свою традиционную позицию упрямого неповиновения. Этот «деструктивный» дух требует объяснения. Его можно найти в истории сионистского Израиля, изложенной в этой книге.

– критическим, но не обвиняющим, объективным, но не стремящимся к разоблачению, трезвым, но не отстраненным.

Настоящий том представляет собой перевод исследовательской книги, опубликованной в 2012 году немецким издательством Ferdinand Schöningh в Падерборне. Положительный отклик и отличные отзывы, полученные ею в академическом мире, а также от широкой публики, свидетельствовали о большом интересе к ней и со стороны международной аудитории, и поэтому настоящий перевод делает её доступной для читателей по всему миру.

Выражаю особую благодарность замечательным и преданным своему делу переводчикам и редакторам этого тома: Ольге Тирбах-Маклин, доктору философии, и Араму Маклину.

1 Zionism and the Ideology of the Jewish State

The Jewish Diaspora and its Negation

Zionism emerged in Europe in the middle of the nineteenth century with the defined goal of terminating the “abnormal” political situation of the Jewish diaspora, that is, statelessness of the Jews, and of creating a mode of collective life based on a national state. Arising from the emergency situation posed by an increasingly rampant racist anti-Semitism in Europe, Jewish nationalism was funneled into a movement, with the “negation of the diaspora” forming the core of its ideology and the starting point of its politics. Thus, Shimon Peres (1923–2016), a Zionist statesman and Israeli politician of many years who himself was born in an Eastern European shtetl and emigrated to Palestine as an adolescent, described the Jewish diaspora from the vantage point of an already achieved national statehood:

[...], a famous Jewish philosopher by the name of Yankelwitz said once that Jewish life in the diaspora was similar to a voyage in a subway – you travel underground, you don’t see the scenery, and nobody sees you in the train. It’s only now, in modern times, that Jewish life is being conducted as if it were a voyage in a bus; you can see from within the outside scenery, and you can see from the outside that people are sitting in the bus. A *shtetl* in many ways was the subway of Jewish life; it was totally disconnected from the outside world. Let’s have a good look at it – I mean, in a way, it was a dream and in a way it was a pleasure. It was a pleasure because it was disconnected from the rest of life. It wasn’t a normal place to live. And a dream because we weren’t living there mentally. Our hearts were in Israel. The *shtetl* was like a passing station.¹

Two thousand years of Jewish diaspora as a historical transitional phase to the long awaited “normal” form of the national state? Apart from this Zionist one, there are various other Jewish interpretations of the diaspora. For instance, in his 1931 essay *Diaspora*, the Jewish historian Simon Dubnow (1860–1941) points out that from the *religious* perspective, the diaspora is considered to be *God’s punishment*: “The hope for a return to Zion and for the coming of the Messiah has always remained alive in the hearts of Orthodox Jews and has constituted one of the thirteen tenets of Jewish religion as formulated by Maimonides.” In response to the resignation that was setting in after more than two thousand years of futile waiting for the return to Zion, Jews “have found solace in the idea that the diaspora was not God’s curse, but rather His blessing [of the Jewish people].” In this

¹ Peres and Littell 1998: 3–4.

1. Сионизм и идеология еврейского государства

Еврейская диаспора и её отрицание

Сионизм возник в Европе в середине XIX века с четко определенной целью положить конец «аномальному» политическому положению еврейской диаспоры, то есть безгосударственности евреев, и создать образ коллективной жизни, основанный на национальном государстве. Возникнув в условиях чрезвычайной ситуации, вызванной все более распространенным расистским антисемитизмом в Европе, еврейский национализм превратился в движение, в основе идеологии которого, как и в политической повестке дня, лежало «отрицание диаспоры». Так, Шимон Перес (1923–2016), сионистский государственный деятель и многолетний израильский политик, сам родившийся в восточноевропейском штетле и эмигрировавший в Палестину в подростковом возрасте, описывал еврейскую диаспору с точки зрения уже достигнутой национальной государственности:

[...], известный еврейский философ Янкелевич однажды сказал, что еврейская жизнь в диаспоре похожа на поездку в метро: ты едешь под землей, не видишь пейзажа, и никто не видит тебя в поезде. Только сейчас, в современную эпоху, еврейская жизнь протекает так, как будто это поездка на автобусе: изнутри видишь пейзаж, а снаружи видишь, что люди сидят в автобусе. *штетл* Во многом это было своего рода метро еврейской жизни; оно было полностью оторвано от внешнего мира. Давайте посмотрим на это внимательно – я имею в виду, в каком-то смысле это была мечта, а в каком-то – удовольствие. Удовольствие было потому, что оно было оторвано от остальной жизни. Это было не обычное место для жизни. И мечта потому, что мы не жили там ментально. Наши сердца были в Израиле. *штетл* Это было похоже на перевалочный пункт.

Две тысячи лет еврейской диаспоры как исторический переходный этап к долгожданной «нормальной» форме национального государства? Помимо сионистской интерпретации, существуют и другие еврейские толкования диаспоры. Например, в его эссе 1931 года *Диаспора*, Еврейский историк Симон Дубнов (1860–1941) указывает, что из *религиозный* С точки зрения перспективы, диаспора рассматривается как *Божье наказание* «Надежда на возвращение в Сион и на пришествие Мессии всегда оставалась живой в сердцах ортодоксальных евреев и составляла один из тринадцати догматов иудейской религии, сформулированных Маймонидам». В ответ на смирение, наступавшее после более чем двух тысяч лет тщетного ожидания возвращения в Сион, евреи «нашли утешение в мысли, что диаспора была не проклятием Божьим, а Его благословением [еврейского народа]». В этом

1Перес и Литтелл 1998: 3–4.

context, Dubnow quotes an explanation put forward by the medieval Torah commentator Rashi who argues that the diaspora is a blessing in consideration of the fact that a scattered people cannot be completely exterminated at the same time. At least under the religious aspect, a universally beneficent effect is ascribed to the Jews' way of life as a "scattered people": "God did not 'scatter' the Jews, but sowed them among the peoples like seeds from which the true world religion of monotheism would grow."²

The diverging perspectives on life in the diaspora have all found their way into Jewish political movements. The modern Jewish reform movement or religious liberalism accepts assimilation, i.e., the absorption into the majority population, as something to which there is no alternative, thus embracing life in exile as a kind of universal task. Then there were the so-called diaspora nationalists who held that neither the assimilation nor the categorical rejection of the diaspora offered a solution. As they saw it, Jewish identity and national autonomy were being preserved just as well in the diaspora, namely by their own cultural institutions and organized communities on the one hand and assimilation to the new political and cultural environment on the other. By contrast, the Zionists deemed the diaspora a way of life that is dangerous for Jews and Jewish identity, since they saw assimilation and the consequential deracination as the inevitable result of the ever-present fierce anti-Semitism. By taking the political approach of radically rejecting the diaspora, Zionists brought to life "the messianic teachings in a modernized political form."³ On this point, the Israeli historian Amnon Raz-Krakotzkin (1958–) offers the observation that

'negation of exile' refers to the consciousness that deems the present Jewish settlement in, and sovereignty over, Palestine as the 'return' of the Jews to the land believed to be their home, and imagined, prior to its 'redemption,' as empty. The negation of exile appeared to be the 'fulfillment' of Jewish history and the realization of Jewish prayers and messianic expectations. According to this perspective, the cultural framework that the Zionists wished to actualize and uncover was the 'authentic,' original Jewish culture, as opposed to the exilic culture, described in blatant orientalist terms as stagnant, unproductive, and irrational.⁴

Further, Raz-Krakotzkin points out that Zionist-Israeli historians such as Yitzhak Baer (1888–1980), Chaim Hillel Ben-Sasson (1914–1977), Gershom Scholem (1897–1982), Ben-Zion Dinur (1884–1973) – all of whom played a central role in the cre-

² Dubnow 1931/2003: 176–177.

³ Ibid.

⁴ Raz-Krakotzkin 2005: 167.

В контексте этого исследования Дубнов цитирует объяснение средневекового комментатора Торы Раши, который утверждает, что диаспора является благословением, учитывая тот факт, что рассеянный народ не может быть полностью истреблен одновременно. По крайней мере, в религиозном аспекте, образу жизни евреев как «рассеянного народа» приписывается общепризнанно благотворное влияние: «Бог не „рассеял“ евреев, а посеял их среди народов, как семена, из которых должна была вырасти истинная мировая религия монотеизма».²

Различные взгляды на жизнь в диаспоре нашли отражение в еврейских политических движениях. Современное еврейское реформистское движение или религиозный либерализм принимают ассимиляцию, то есть поглощение большинством населения, как нечто, чему нет альтернативы, тем самым рассматривая жизнь в изгнании как своего рода универсальную задачу. Затем были так называемые диаспорные националисты, которые считали, что ни ассимиляция, ни категорическое неприятие диаспоры не предлагают решения. По их мнению, еврейская идентичность и национальная автономия сохраняются в диаспоре так же хорошо, а именно, с одной стороны, благодаря собственным культурным институтам и организованным общинам, а с другой — благодаря ассимиляции в новую политическую и культурную среду. В противоположность этому, сионисты считали диаспору образом жизни, опасным для евреев и еврейской идентичности, поскольку они видели в ассимиляции и вытекающем из неё отчуждении неизбежный результат вездесущего яростного антисемитизма. Применив политический подход, радикально отвергающий диаспору, сионисты воплотили в жизнь «мессианские учения в модернизированной политической форме».³ В этом отношении израильский историк Амнон Раз-Кракоцкин (1958–) отмечает, что

«Отрицание изгнания» относится к сознанию, которое рассматривает нынешнее еврейское поселение в Палестине и суверенитет над ней как «возвращение» евреев на землю, которую они считали своим домом и которая до «искупления» представлялась им пустой. Отрицание изгнания представлялось «исполнением» еврейской истории и воплощением еврейских молитв и мессианских ожиданий. Согласно этой перспективе, культурная основа, которую сионисты стремились реализовать и раскрыть, представляла собой «подлинную», первоначальную еврейскую культуру, в противоположность культуре изгнания, описываемой в откровенно ориенталистских терминах как застойная, непродуктивная и иррациональная.⁴

Кроме того, Раз-Кракоцкин указывает, что сионистско-израильские историки, такие как Ицхак Баер (1888–1980), Хаим Хиллель Бен-Сассон (1914–1977), Гершом Шолем (1897–1982), Бен-Цион Динур (1884–1973) – все они сыграли центральную роль в создании...

²Дубнов 1931/2003: 176–177. **3**

Там же.

⁴Раз-Кракоцкин 2005: 167.

ation and shaping of a Zionist national history –, although they do expound the problems of the complex national and territorial definition of the Jewish collective in the Zionist historical narrative, still maintain that not only did the general “negation of exile” not call into question Zionist historiography, but that it actually firmly embedded it in Zionist culture as its very basis. In doing so, the Israeli present is interpreted as the “fulfillment of Jewish history”: Jewish exile culture is seen as the reflection of the “spirit of the nation” and the history of exile as an integral part of a specifically Jewish national and territorial master narrative.

As is also noted by the American sociologist Rogers Brubaker (1956–), “nearly every nationalist historiography is of a teleological nature: History is read in terms of its outcome, it culminates in the nation state independence. This redemptive point of culmination can either be projected into the future – as a state that has to be fought for – or can be celebrated as something that has already become reality.”⁵

According to the Zionist-Israeli political scientist Shlomo Avineri (1933–), for example, the Zionist way of life represents a “progression.” To him, the Jewish national statehood has a moral-normative significance. Israel epitomizes the “public of the Jewish people” by taking over the role of the traditional religious-communal diaspora centers that used to be responsible for the preservation of “collective Judaism.” In the face of modernization and secularization processes, and hence the increasing assimilation of Jews into their respective society, the Jewish state is attributed a normative function, namely the preservation of the “collective existence of the Jewish people.” Avineri stresses that the state is not to be seen as a substitute for Jewish religion, since the latter already has a deeply collectively-existentialist meaning for the faithful. Rather, it represents an adequate response to the danger posed by the assimilation that is brought in the wake of the increasing secularization of Jewish life: “Only the Jewish state, and not religion, can serve as a common denominator [...] for all the heterogeneous factors of Jewish existence.”⁶

This approach, in which the core of Jewish identity is shifted from religion towards nationalism, is naturally rejected by the Jewish orthodoxy. From the very beginning, the majority in the orthodox camp staunchly opposed Zionism and the idea that any “redemption of the Jews” can be brought about by the efforts of men. A radical religious anti-Zionist movement, the *Neturei Karta*, which champions the dissolution of the State of Israel, dismisses Theodor Herzl’s idea of the termination of the diaspora as a violation of divine law. The Torah

⁵ Brubaker 2002: 218–219.

⁶ Avineri 1999: 251–252.

Хотя авторы и излагают проблемы сложного национального и территориального определения еврейского коллектива в сионистском историческом повествовании, они всё же утверждают, что общее «отрицание изгнания» не только не ставило под сомнение сионистскую историографию, но и фактически прочно укоренило её в сионистской культуре как её основу. При этом израильское настоящее интерпретируется как «исполнение еврейской истории»: культура еврейского изгнания рассматривается как отражение «духа нации», а история изгнания — как неотъемлемая часть специфического еврейского национального и территориального господствующего нарратива.

Как отмечает американский социолог Роджерс Брубейкер (1956–), «почти вся националистическая историография носит телеологический характер: история рассматривается с точки зрения ее результатов, она завершается независимостью национального государства. Эта точка искупления может быть либо спроецирована в будущее — как государство, за которое нужно бороться, — либо может быть отмечена как нечто уже ставшее реальностью».⁵

Например, по мнению сионистско-израильского политолога Шломо Авинери (1933–), сионистский образ жизни представляет собой «прогресс». Для него еврейская национальная государственность имеет морально-нормативное значение. Израиль олицетворяет собой «общественность еврейского народа», принимая на себя роль традиционных религиозно-общинных центров диаспоры, которые ранее отвечали за сохранение «коллективного иудаизма». В условиях модернизации и секуляризации, а следовательно, и растущей ассимиляции евреев в их общество, еврейскому государству отводится нормативная функция, а именно сохранение «коллективного существования еврейского народа». Авинери подчеркивает, что государство не следует рассматривать как замену еврейской религии, поскольку последняя уже имеет глубоко коллективно-экзистенциалистское значение для верующих. Скорее, это адекватный ответ на опасность, исходящую от ассимиляции, которая происходит вслед за усиливающейся секуляризацией еврейской жизни: «Только еврейское государство, а не религия, может служить общим знаменателем [...] для всех разнородных факторов еврейского существования».⁶

Такой подход, при котором ядро еврейской идентичности смещается от религии к национализму, естественно, отвергается еврейской ортодоксией. С самого начала большинство в ортодоксальном лагере решительно выступало против сионизма и идеи о том, что какое-либо «искупление евреев» может быть осуществлено усилиями людей. Радикальное религиозное антиссионистское движение, *Нетурей Карта* Организация, выступающая за роспуск Государства Израиль, отвергает идею Теодора Герцля о прекращении диаспоры как нарушение божественного закона. Тора

⁵Брубейкер 2002: 218–219. ⁶

Авинери 1999: 251–252.

forbids [the Jews] to leave the diaspora of their own accord and found a state before God brings final salvation to His people and to the entire world [...]. 2,000 years ago, God sent the Jewish people into exile (diaspora), and it is also by God that they will be redeemed from it. Until then, they must be patient, faithful and loyal to their host peoples, wherever divine fate has cast them. This also extends to the Palestinians who live in the Holy Land of Palestine according to divine will. This is unambiguously recorded in written form in the Torah and by the prophets.⁷

Here, the categorical rejection of a Jewish state and of a cessation of the diaspora is derived from an orthodox interpretation of Jewish religion. In a stance that is in opposition to the religiously motivated anti-Zionist Judaism, the anti-religious movement of the *Canaanites* proposes a new concept of a Hebrew state. This movement, which was founded by Yonatan Ratosh (1908–1981) and was active in the founding period, first and foremost aspired to the integration of the new state into the culture of the Middle East, which would entail the total separation of the Jews living in Palestine from Jewish history and thus from the diaspora Jews.⁸

But also the less radical, not necessarily anti-Zionist religious Jews were occupied by the question as to what extent Israel as the Jewish state can really draw on Jewish tradition and religion, or in how far Israel can represent the Jewish people in the way envisioned by Avineri. The orthodox Israeli philosopher Yeshayahu Leibowitz (1903–1994), a resolute advocate of the separation of state and religion, aims his criticism not so much at the existence of the Jewish state but rather at the usurpation of the Jewish people and the instrumentalization of Jewish religion and tradition for Zionist purposes. As Leibowitz wrote in 1954:

The State of Israel does not dare disclose the true nature of its spirit, which is a rebellion against the religious tradition of the Jewish nation. It cannot afford to be sincere because the atheistic state at present does not know any other origin or any other source other than the historic Jewish nation on which it could draw. The only way for the state to justify its existence and create an ideological fundament is by falling back on Jewish history and tradition. For this reason, this secular state is constantly forced to use symbols and terms of traditional Judaism – in education as well as in propaganda, internally and externally – although the meaning and content of these symbols and terms is of a religious nature. [...] The effects on public morality are fatal: By utilizing wordings, names and symbols depleted of their religious meaning, all values are destroyed and hypocrisy, cynicism and nihilism are promoted.⁹

⁷ http://www.nkusa.org/Foreign_Language/German/062504ViennaGerman.cfm.

⁸ Brenner 2002: 90.

⁹ Leibowitz 1954/1997: 39.

запрещает [евреям] покидать диаспору по собственной воле и основывать государство до того, как Бог принесет окончательное спасение Своему народу и всему миру [...]. 2000 лет назад Бог отправил еврейский народ в изгнание (диаспору), и именно Богом они будут освобождены от него. До тех пор они должны быть терпеливыми, верными и преданными принимающим их народам, куда бы ни завела их божественная судьба. Это также относится к палестинцам, живущим на Святой Земле Палестины согласно божественной воле. Это недвусмысленно зафиксировано в письменной форме в Торе и пророками.⁷

Здесь категорическое неприятие еврейского государства и прекращения диаспоры вытекает из ортодоксальной интерпретации еврейской религии. В позиции, противостоящей религиозно мотивированному антисиионистскому иудаизму, антирелигиозное движение *хананеи* предлагает новую концепцию еврейского государства. Это движение, основанное Йонатаном Ратошем (1908–1981) и активно действовавшее в период основания государства, прежде всего стремилось к интеграции нового государства в культуру Ближнего Востока, что подразумевало бы полное отделение евреев, проживающих в Палестине, от еврейской истории и, следовательно, от евреев диаспоры.⁸

Но и менее радикальные, не обязательно антисиионистски настроенные религиозные евреи были озабочены вопросом о том, в какой степени Израиль как еврейское государство может действительно опираться на еврейские традиции и религию, или в какой степени Израиль может представлять еврейский народ так, как это представлял Авинери. Ортодоксальный израильский философ Иешаягу Лейбовиц (1903–1994), убежденный сторонник разделения государства и религии, направляет свою критику не столько на существование еврейского государства, сколько на узурпацию еврейского народа и инструментализацию еврейской религии и традиций в сионистских целях. Как писал Лейбовиц в 1954 году:

Государство Израиль не смеет раскрывать истинную природу своего духа, который представляет собой бунт против религиозных традиций еврейского народа. Оно не может позволить себе быть искренним, потому что атеистическое государство в настоящее время не знает никакого другого происхождения или источника, кроме исторического еврейского народа, на который оно могло бы опираться. Единственный способ для государства оправдать свое существование и создать идеологическую основу — это обратиться к еврейской истории и традициям. По этой причине это светское государство постоянно вынуждено использовать символы и термины традиционного иудаизма — как в образовании, так и в пропаганде, внутри и вне страны, — хотя смысл и содержание этих символов и терминов носят религиозный характер. [...] Последствия для общественной морали фатальны: используя слова, имена и символы, лишенные своего религиозного смысла, разрушаются все ценности и поощряются лицемерие, цинизм и нигилизм.⁹

⁷http://www.nkusa.org/Foreign_Language/German/062504ViennaGerman.cfm. 8

Бреннер 2002: 90. ⁹Лейбовиц 1954/1997: 39.

There is a current in Jewish thought, however, which is positioned between secular Zionism and religious a-Zionism or anti-Zionism in which the two momentums – the religious and the national one – are not only considered not contradictory, but even jointly form the bedrock for the movement's agitation. That is religious Zionism, which shares the same basic idea with secular Zionism: namely the negation of the diaspora and the assumption that the creation of a Jewish national state is the only sustainable way of Jewish life. In contrast to the Orthodox Jews, the early religious Zionists did not construe secular Zionism and its goal of settling the Holy Land to be blasphemous in any way. Rather, they effectively reconciled Jewish religion and national statehood by bringing questions of culture and education center stage in their movement while shifting the more controversial messianic dimension of Jewish Orthodoxy into the background.

Initially, the establishment of a religious state in keeping with the Jewish *Halacha* law did not constitute a stated goal of religious Zionism. Only later, influenced in the 1920s by the Jewish mystic Abraham Isaac Kook HaCohen (1865–1935), did religious Zionism take on messianic features. These became manifest after the Six-Day War of 1967, and formed the ideological basis for the national-religious settlement movement *Gush Emunim* (Hebrew for “block of the faithful”) that was founded in 1974. It considered the creation of a secular Jewish state an indispensable step on the way to “messianic redemption.” Especially following the events of 1967, *Gush Emunim* and its advocates in the Knesset knew how to effectively rope in the state apparatus for their goal of promoting Jewish settlement in the Holy Land.¹⁰ It has to be stressed here, however, that when it comes to the ideology of the “Judaization of the land of the forefathers,” there is barely any difference between religious and secular Zionism. This may explain the settlement policies adopted over the years by the various Zionist-oriented Israeli governments. The implementation of the Zionist project in *Eretz Israel* is the work of Zionist Israel, with Jewish nationalism asserting itself in the course of the second half of the twentieth century as the central Jewish line of thought.

On Nationalism

Emerging as a reaction to anti-Semitism and the persecution of Jews in Europe, Zionism was ultimately inspired by European nationalism. Nationalism – and hence conceptions of nation, nationality and sense of national identity – has occupied thinkers of Romanticism since the middle of the nineteenth century.

¹⁰ Zertal and Eldar 2004; Hagemann 2010.

Однако в еврейской мысли существует течение, занимающее промежуточное положение между светским сионизмом и религиозным асионизмом или антисионизмом, в котором эти два направления – религиозное и национальное – не только не считаются противоречащими друг другу, но даже совместно составляют основу агитации движения. Это религиозный сионизм, который разделяет ту же основную идею, что и светский сионизм: а именно, отрицание диаспоры и предположение, что создание еврейского национального государства является единственным устойчивым способом еврейской жизни. В отличие от ортодоксальных евреев, ранние религиозные сионисты не считали светский сионизм и его цель заселения Святой Земли богохульством. Напротив, они эффективно примирили еврейскую религию и национальную государственность, поставив вопросы культуры и образования в центр своего движения, отодвинув на второй план более спорное мессианское измерение еврейской ортодоксии.

Первоначально предполагалось создание религиозного государства в соответствии с иудейскими традициями. *Галаха* Закон не являлся заявленной целью религиозного сионизма. Лишь позже, под влиянием еврейского мистика Авраама Исаака Кука Хакоэна (1865–1935) в 1920-х годах, религиозный сионизм приобрел мессианские черты. Они проявились после Шестидневной войны 1967 года и легли в идеологическую основу национально-религиозного поселенческого движения. *Гуш Эмуним* (На иврите «блок верующих»), основанная в 1974 году. Она считала создание светского еврейского государства необходимым шагом на пути к «мессианскому искуплению». Особенно после событий 1967 года. *Гуш Эмуним* его сторонники в Кнессете знали, как эффективно вовлечь государственный аппарат в достижение своей цели — содействия еврейским поселениям на Святой Земле. Однако здесь следует подчеркнуть, что когда речь идет об идеологии «иудаизации земли предков», между религиозным и светским сионизмом практически нет разницы. Это может объяснить политику поселений, проводимую на протяжении многих лет различными израильскими правительствами, ориентированными на сионизм. Реализация сионистского проекта в *Эрец Израиль* Это работа сионистского Израиля, где еврейский национализм утвердился во второй половине XX века как центральное направление еврейской мысли.

О национализме

Возникнув как реакция на антисемитизм и преследования евреев в Европе, сионизм в конечном итоге был вдохновлен европейским национализмом. Национализм — а следовательно, и представления о нации, национальности и чувстве национальной идентичности — занимал мыслителей романтизма с середины XIX века.

From the early 1980s on, the so-called “premoderns” dominated scientific understanding of nations and nationalism. They perceived nations as quasi-natural units which have been developing since the Middle Ages, so that the first nations were able to “blossom and fully unfold in an organic growth process.”¹¹

The second assumption relates to the right of a nation to its own state. It is from this premise that the right of self-determination of peoples, as evoked by Woodrow Wilson (1856–1924) and Vladimir I. Lenin (1870–1924), was derived after the First World War. Thirdly, it was assumed that each nation has its own system of ideas and values which justifies the respective nation’s existence and which can be referred to as national consciousness, patriotism or national sentiment. And fourthly, this understanding of the nation infers the existence of a pre-defined political and linguistic “national foundation” that provides an ideational “superstructure” in the form of nationalism.¹²

More recent studies on nationalism distance themselves from these fundamental assumptions. Instead, they draw on the constructivist idea according to which historical phenomena can be interpreted as constructs of the human mind.¹³ Max Weber (1864–1920) was the first scholar to understand nationalism as a historic-ideological phenomenon with a clearly definable beginning as well as a possible end. Weber radically contested the basic attitudes towards nationalism and nations that were prevailing in his own time. In doing so, he opened up the possibilities of new, modern research on nationalism that is based on the understanding of a nation as a utopian concept or “imagined order.”¹⁴

In the words of the sociologist Ernest Gellner (1925–1995): “It is nationalism which engenders nations, and not the other way around.”¹⁵ For the British historian Eric J. Hobsbawm (1917–2012) “no serious historian [...] can be a committed political nationalist [...] Nationalism requires too much belief in what is patently not so. [...] Historians are professionally obliged not to get it [history] wrong, or at least to make an effort not to.”¹⁶

But how is this comment to be understood? Does it mean that nationalism does not really exist? Here one should keep in mind that just like “other people” historians, too, are “trapped” inside their specific historical epochs and perform their work within specific social, political and cultural structures. Accordingly,

¹¹ Wehler 2007: 7.

¹² Ibid. 8.

¹³ Cf. i.a. Gellner 1983; Anderson 1983; Hobsbawm, 1983; id. 1992.

¹⁴ Wehler 2007: 9.

¹⁵ Quoted from Wehler 2007: 9.

¹⁶ Hobsbawm 1992: 12–13.

Начиная с начала 1980-х годов, так называемые «досовременники» доминировали в научном понимании наций и национализма. Они воспринимали нации как квазиестественные единицы, развивавшиеся со времен Средневековья, так что первые нации смогли «расцвести и полностью раскрыться в процессе органического роста».¹¹

Второе предположение касается права нации на собственное государство. Именно из этой предпосылки вытекает право народов на самоопределение, как его отстаивали Вудро Уилсон (1856–1924) и Владимир И. Ленин (1870–1924) после Первой мировой войны. В-третьих, предполагалось, что каждая нация имеет свою собственную систему идей и ценностей, которая оправдывает существование соответствующей нации и которую можно назвать национальным самосознанием, патриотизмом или национальным чувством. И в-четвертых, такое понимание нации подразумевает существование заранее определенной политической и языковой «национальной основы», которая обеспечивает идейную «надстройку» в форме национализма.¹²

Более поздние исследования национализма дистанцируются от этих фундаментальных предположений. Вместо этого они опираются на конструктивистскую идею, согласно которой исторические явления можно интерпретировать как конструкции человеческого разума.¹³ Макс Вебер (1864–1920) был первым ученым, который понял национализм как историко-идеологическое явление с четко определенным началом, а также возможным концом. Вебер радикально оспаривал основные взгляды на национализм и нации, преобладавшие в его время. Тем самым он открыл возможности для новых, современных исследований национализма, основанных на понимании нации как утопической концепции или «воображаемого порядка».¹⁴

Как говорил социолог Эрнест Геллнер (1925–1995): «Именно национализм порождает нации, а не наоборот».¹⁵ Британский историк Эрик Дж. Хобсбаум (1917–2012) считал, что «ни один серьезный историк [...] не может быть убежденным политическим националистом [...] Национализм требует слишком большой веры в то, что явно не соответствует действительности. [...] Историки профессионально обязаны не ошибаться в [истории], или, по крайней мере, прилагать усилия, чтобы этого не делать».¹⁶

Но как следует понимать это замечание? Означает ли это, что национализма на самом деле не существует? Здесь следует помнить, что, как и «другие народы», историки тоже «заперты» в рамках своих конкретных исторических эпох и выполняют свою работу в рамках конкретных социальных, политических и культурных структур. Соответственно,

¹¹Велер 2007: 7. ¹²

Там же, 8.

¹³См. также Gellner 1983; Anderson 1983; Hobsbawm, 1983; там же, 1992. ¹⁴Велер 2007: 9.

¹⁵Цитата из работы Велера 2007 года: 9. ¹⁶Хобсбаум 1992: 12–13.

societies shaped by nationalism tend to “produce” nationalistically oriented historians. This is also true for other great ideologies. When it comes to Jewish nationalism, Israel and the Jewish-Israeli society are steeped in Zionism, just as are most of its historians. They write their history from their own, that is, *authentic*, perspective. This fact has to be acknowledged, even if the approaches they take may not appeal to non-Zionist or anti-Zionist readers, or are even completely misunderstood by them. A historian cannot ignore the ideological constellation of the figures he or she researches and seeks to understand, even if not sharing their ideology.

As for Hobsbawm, he enquires into the attraction that nationalism exerts on the population at large. Why is it that nationalism enjoyed and continues to enjoy such an enormous degree of popularity? Where does the actual source for this responsiveness to national ideas reside? For herein lies the weakness of the constructivist view; it barely offers any answers to the question regarding the ready absorption of nationalism by the broad population, which in turn allows the inference that nationalism is not a completely foreign, “constructed” element and hence not something that is entirely “invented.” Instead, it has to be a phenomenon that is fed from an already existing reservoir of cultural and political perceptions and notions.

It is this idea that the British sociologist Anthony D. Smith (1939–) focuses on in his studies of nationalism. Smith is the main proponent of the older conventional approach, which is highly significant for Zionist historiography. According to Smith, nationalism appeals to a deeply ingrained human need to belong to a group. The term “ethnic groups” plays a central role here, as it takes on the function of an essential unit. The nation, notes Smith, has endured across all historic, economic and social developments since archaic times. Smith provides several criteria for identifying ethnic groups: the name of the group, the common myth of its origins, the actual common history and obviously a common culture, the connection to a commonly shared territory as well as the existence of a feeling of solidarity towards the group.¹⁷

Viewed in this light, nationalism is explained as a survival strategy of the ethnic group against the threats that are posed to the group’s continued existence by the oncoming modern era. As Smith sees it, although processes of the ethnic group’s politization and secularization, of territorialization and of the appearance of modern elites play an important role in all nationalisms, the ethnic roots are not to be neglected in a historical analysis of nationalism. According to him, this historic development of nationalism was based on the fact of a commonly

¹⁷ Smith 1991: 170; id. 1986.

Общества, сформированные национализмом, как правило, «производят» историков националистической направленности. Это справедливо и для других великих идеологий. Что касается еврейского национализма, то Израиль и еврейско-израильское общество глубоко укоренены в сионизме, как и большинство его историков. Они пишут свою историю, исходя из собственных взглядов, то есть...*аутентичный*,перспективу. Этот факт необходимо признать, даже если используемые подходы могут не понравиться читателям, не являющимся сионистами или антисионистами, или даже быть ими совершенно неправильно поняты. Историк не может игнорировать идеологическую структуру фигур, которых он исследует и стремится понять, даже если не разделяет их идеологию.

Что касается Хобсбаума, он исследует привлекательность национализма для населения в целом. Почему национализм пользовался и продолжает пользоваться такой огромной популярностью? Где же кроется истинный источник этой восприимчивости к национальным идеям? Именно в этом заключается слабость конструктивистского подхода; он практически не дает ответов на вопрос о легкости усвоения национализма широкими слоями населения, что, в свою очередь, позволяет сделать вывод о том, что национализм не является полностью чужеродным, «сконструированным» элементом и, следовательно, не чем-то полностью «изобретенным». Вместо этого, это явление, подпитываемое уже существующим резервуаром культурных и политических представлений и идей.

Именно на этой идее британский социолог Энтони Д. Смит (1939–) сосредотачивается в своих исследованиях национализма. Смит является главным сторонником более старого, традиционного подхода, имеющего большое значение для сионистской историографии. По мнению Смита, национализм апеллирует к глубоко укоренившейся человеческой потребности принадлежать к группе. Термин «этнические группы» играет здесь центральную роль, поскольку он принимает на себя функцию сущностной единицы. Нация, отмечает Смит, существовала на протяжении всех исторических, экономических и социальных событий с архаических времен. Смит предлагает несколько критериев для идентификации этнических групп: название группы, распространенный миф о ее происхождении, общая история и, очевидно, общая культура, связь с общей территорией, а также наличие чувства солидарности по отношению к группе.¹⁷

В этом свете национализм объясняется как стратегия выживания этнической группы перед лицом угроз, которые надвигающаяся современная эпоха представляет для ее дальнейшего существования. Как считает Смит, хотя процессы политизации и секуляризации этнической группы, территориализации и появления современных элит играют важную роль во всех формах национализма, этнические корни не следует игнорировать в историческом анализе национализма. По его мнению, это историческое развитие национализма было основано на факте общего

¹⁷Смит 1991: 170; там же, 1986.

shared past, even if the nations' historical narrative may be subject to manipulation or may be re-interpreted in a more flattering manner in the process.¹⁸

Thinkers and Critics of Zionism

Already early on, the initial, decidedly secular and assimilated thinkers of Zionism such as Moshe Hess (1812–1875) and Theodor Herzl (1860–1904) recognized the necessity of a “secular religion” for the Jews. When faced with a growing racist anti-Semitism, these thinkers realized that the legal emancipation and assimilation of Western European Jews as initiated in the nineteenth century had failed. The Hungarian Jew Theodor Herzl referred to this problem in his work *The Jewish State*, which was published 1896:

The Jewish question still exists. It would be foolish to deny it. It is a remnant of the Middle Ages, which civilized nations do not even yet seem able to shake off, try as they will. They certainly showed a generous desire to do so when they emancipated us. The Jewish question exists wherever Jews live in perceptible numbers. Where it does not exist, it is carried by Jews in the course of their migrations¹⁹

Disappointed by unsuccessful attempts at assimilation and in a fatalistic state of mind, Herzl developed a new understanding of the “Jewish question”:

I think the Jewish question is no more a social than a religious one, notwithstanding that it sometimes takes these and other forms. It is a national question, which can only be solved by making it a political world-question to be discussed and settled by the civilized nations of the world in council. We are a people – one *people*.²⁰

Herzl's main idea was to remedy the precarious situation of European Jews that resulted from racist anti-Semitism by creating a politically sovereign state outside of Europe. What was eventually aimed for was a complete termination of life in the diaspora through a massive emigration of European Jews to their new national “homestead.” What essentially distinguished Zionism from other national mindscapes of its time was the fact its definition of the nation was neither connected to a unified territory nor to a common language. Rather, by the end of the nineteenth

¹⁸ Wehler 2007: 36–37.

¹⁹ Herzl 1896; <http://www.math.ias.edu/~boaz/JewishState/herzl1.html>: Translated from the German by Sylvie D'Avigdor. This edition was published in 1946 by the American Zionist Emergency Council.

²⁰ Ibid.

общее прошлое, даже если историческое повествование наций может быть подвержено манипуляциям или может быть переосмыслено в более выгодном ключе.¹⁸

Мыслители и критики сионизма

Уже на ранних этапах развития сионизма его первые, явно светские и ассимилированные мыслители, такие как Моше Гесс (1812–1875) и Теодор Герцль (1860–1904), осознавали необходимость «светской религии» для евреев. Столкнувшись с растущим расистским антисемитизмом, эти мыслители поняли, что юридическая эмансипация и ассимиляция западноевропейских евреев, начатые в XIX веке, потерпели неудачу. Венгерский еврей Теодор Герцль упоминал об этой проблеме в своих работах. *Еврейское государство*, который был опубликован в 1896 году:

Еврейский вопрос всё ещё существует. Было бы глупо отрицать это. Это пережиток Средневековья, от которого цивилизованные народы, как бы ни старались, до сих пор не могут избавиться. Они, безусловно, проявили великодушное желание сделать это, когда освободили нас. Еврейский вопрос существует везде, где евреи живут в заметном количестве. Там, где его нет, он несётся евреями в ходе их миграций¹⁹

Разочарованный неудачными попытками ассимиляции и пребывая в фаталистическом состоянии, Герцль сформировал новое понимание «еврейского вопроса»:

Я считаю, что еврейский вопрос — это не столько социальный, сколько религиозный вопрос, несмотря на то, что он иногда принимает эти и другие формы. Это национальный вопрос, который можно решить только превратив его в политический вопрос мирового масштаба, который должен обсуждаться и решаться цивилизованными нациями мира на совете. Мы — народ — единый *люди*.²⁰

Главная идея Герцля заключалась в том, чтобы исправить шаткое положение европейских евреев, возникшее в результате расистского антисемитизма, путем создания политически суверенного государства за пределами Европы. В конечном итоге целью было полное прекращение жизни в диаспоре посредством массовой эмиграции европейских евреев на их новую национальную «родину». Существенным отличием сионизма от других национальных менталитетов того времени было то, что его определение нации не было связано ни с единой территорией, ни с общим языком. Скорее, к концу XIX века

¹⁸Велер 2007: 36–37.

¹⁹Герцль, 1896; <http://www.math.ias.edu/~boaz/JewishState/herzl1.html>: Перевод с немецкого Сильви Д'Авивгдор. Это издание было опубликовано в 1946 году Американским сионистским советом по чрезвычайным ситуациям.

²⁰Там же.

century, the integration factor for the Jewish national movement consisted in the sense of being under threat and of sharing a religious background.

But Herzl's postulate of the radical cessation of life in the diaspora by means of a politically-nationalistically hued Zionism encountered a competitor from another Zionist school of thought. In the beginning of the twentieth century, Achad Ha'am (1856–1927), who was from Odessa, the metropole of an enlightened and secular Eastern European Judaism, voiced his skepticism with regard to the goal defined by Herzl in his Political Zionism. He harbored doubts over whether a categorical negation of the diaspora was right or, for that matter, even practicable. In his view, the creation of a Jewish state could neither solve the Jewish question nor put an end to life in the diaspora.

What was possible in Achad Ha'am's opinion, though, was a gradual settlement by a small part of the Jewish people who would build up the national basis and "national culture." This, thought Ha'am, would be the proper preparation for the "return of Judaism into history." Committed to the historical-cultural spirit of nineteenth century Romanticism in which the nation state was understood to be the pinnacle in the historical development of a nation's cultural resources, Achad Ha'am saw the revitalization and the unfolding of Hebrew national culture in *Eretz Israel* as a necessary preliminary stage on the path to statehood:

It needs not an independent State, but only the creation in its native land of conditions favourable to its development: a good-sized settlement of Jews working *without hindrance* in every branch of culture, from agriculture and handicrafts to science and literature. This Jewish settlement, which will be a gradual growth, will become in course of time the centre of the nation, wherein its spirit will find pure expression and develop in all its aspects up to the highest degree of perfection of which it is capable. Then from this centre the spirit of Judaism will go forth to the great circumference, to all the communities of the Diaspora, and will breathe new life into them and preserve their unity; and when our national culture in Palestine has attained that level, we may be confident that it will produce men in the country who will be able, on a favourable opportunity, to establish a State which will be a Jewish State, and not merely a State of Jews.²¹

Achad Ha'am left a lasting mark on Cultural Zionism that primarily consisted in reviving the *volksgeist*, the "spirit of Judaism" and creating a Hebrew culture. The creation of a state was intended to be a long-term "natural" development that was not to be forced. Ha'am's main criticism of Herzl's Zionism was aimed at the issue of the "Jewishness" of the Jewish state that was to be brought into being by means of diplomatic efforts with the Great Powers.

²¹ Quoted from Avineri 1999: 135.

В течение столетия фактором интеграции для еврейского национального движения было ощущение угрозы и наличие общих религиозных корней.

Однако постулат Герцля о радикальном прекращении жизни в диаспоре посредством сионизма с политически-националистическим подтекстом столкнулся с конкурентом из другой сионистской школы мысли. В начале XX века Ахад Хаам (1856–1927), выходец из Одессы, метрополии просвещенного и светского восточноевропейского иудаизма, выразил свой скептицизм в отношении цели, определенной Герцлем в его «Политическом сионизме». Он сомневался в правильности или, если уж на то пошло, в практической осуществимости категорического отрицания диаспоры. По его мнению, создание еврейского государства не могло ни решить еврейский вопрос, ни положить конец жизни в диаспоре.

Однако, по мнению Ахада Хаама, возможно было постепенное заселение небольшой частью еврейского народа, которая бы создала национальную основу и «национальную культуру». Это, считал Хаам, стало бы надлежащей подготовкой к «возвращению иудаизма в историю». Приверженный историко-культурному духу романтизма XIX века, в котором национальное государство понималось как вершина исторического развития культурных ресурсов нации, Ахад Хаам видел возрождение и развитие еврейской национальной культуры в *Эрец Израиль* в качестве необходимого предварительного этапа на пути к обретению статуса штата:

Ей не нужно независимое государство, а лишь создание на родине благоприятных условий для её развития: достаточно большого поселения евреев, занятых трудом. *без препятствий* Во всех областях культуры, от сельского хозяйства и ремесел до науки и литературы. Это еврейское поселение, которое будет развиваться постепенно, со временем станет центром нации, где ее дух найдет чистое выражение и разовьется во всех своих аспектах до наивысшей степени совершенства, на которую он способен. Затем из этого центра дух иудаизма распространится по всему миру, ко всем общинам диаспоры, вдохнет в них новую жизнь и сохранит их единство; и когда наша национальная культура в Палестине достигнет этого уровня, мы можем быть уверены, что она породит в стране людей, которые смогут, при благоприятном случае, создать государство, которое будет еврейским государством, а не просто государством евреев.²¹

Ахад Хаам оставил неизгладимый след в культурном сионизме, который в первую очередь заключался в возрождении *фольксгайт* «Дух иудаизма» и создание еврейской культуры. Создание государства задумывалось как долгосрочное «естественное» развитие, не предполагающее принуждения. Главная критика Хаама в адрес сионизма Герцля была направлена на вопрос о «еврейском происхождении» еврейского государства, которое должно было быть создано посредством дипломатических усилий с великими державами.

²¹Цитата из Авинери 1999: 135.

As Achad Ha'am, who wrote in Hebrew, asked himself: In how far can one speak of a national Hebrew culture if, as Herzl had expounded in what would be referred to as the "cosmopolitan national concept"²² contained in *The Old New Land* (*Altneuland*, 1902), Jews would speak the language of their countries of origin, found a German theater, or build an Italian opera in their utopian state in *Eretz Israel*? The goal of Cultural Zionism was a spiritual and cultural Renaissance of Judaism, which gave rise to the question as to what the contents of the finally-to-be-founded Jewish state, and also the role of and the relationship to diaspora Judaism, should be. As for the latter, it was to be inspired in its Jewish identity through a cultural Renaissance in *Eretz Israel* and at the same time be strengthened in its Jewish existence. Cultural Zionism saw the strength of a Jewish state as residing in Hebrew culture, which means that statehood as an end in itself would ultimately be a threat to the Jewish state.²³

Whether their Zionism took on a political or a spiritual-cultural form, both Zionist thinkers based their definition of the Jewish people on a secular conception of the nation. The Jewish people were perceived to be secular-national subjects in the context of a secular undertaking. Jewish religion as a confession played only a subordinate role in these Zionist utopias and notions as they appeared in the heterogeneous currents of the Zionist movement (revisionist, democratic, liberal, Marxist or socialist). In fact, the Jewish national movement originated in an anti-religious tradition that was carried by the spirit of the socialist and progressive influences of the nineteenth century. In certain phases it even took a decidedly hostile stance towards religion. The Zionist ideology, based on the negation of the diaspora, rejected the traditional-religious way of life of the Torah schools.

In turn, the religious orthodoxy subsequently opposed Zionist-activist aspiration to a Jewish state in the strongest terms from the very beginning; it adhered to the axiom that redemption is to be granted by God, not to be brought about by men. But in how far can Zionism be understood as a *secular* national movement? What is meant by the "Hebrew national culture" in the context of Judaism? Which role does the Jewish religion ultimately play in the Zionist national idea?

According to the Israeli-Marxist historian Moshe Zuckermann (1949–), a religious momentum was inherent in the Zionist nation-state movement from the outset. In contrast to the Western formation of national states, "Zionism [...] in its very origins unfolded not in practice, but basically as an idea of a national state constituted within the context of a superstructure. The idea of a Jewish state existed before there was a territory for this Jewish state. The idea of a Jewish state

²² Brenner 2002: 49; Brenner 2016.

²³ Avineri 1999: 131–144.

Как задавался вопросом Ахад Хаам, писавший на иврите: насколько можно говорить о национальной еврейской культуре, если, как излагал Герцль в том, что впоследствии стало называться «космополитической национальной концепцией»²², содержащейся в *Старая Новая Земля* (Альтнеуланд). В 1902 году евреи могли бы говорить на языке своих стран происхождения, основать немецкий театр или построить итальянскую оперу в своем утопическом государстве. *Эрец Израиль* Целью культурного сионизма было духовное и культурное возрождение иудаизма, что породило вопрос о том, каким должно быть содержание будущего еврейского государства, а также о роли и отношениях с иудаизмом диаспоры. Что касается последнего, то оно должно было укрепить свою еврейскую идентичность посредством культурного возрождения. *Эрец Израиль* в то же время укреплялась в своем еврейском существовании. Культурный сионизм рассматривал силу еврейского государства в еврейской культуре, а это означает, что государственность как самоцель в конечном итоге представляла бы угрозу для еврейского государства.²³

Независимо от того, принимали ли их сионизм политическую или духовно-культурную форму, оба сионистских мыслителя основывали свое определение еврейского народа на светском понимании нации. Еврейский народ воспринимался как светско-национальный субъект в контексте светского начинания. Еврейская религия как исповедание играла лишь второстепенную роль в этих сионистских утопиях и представлениях, которые появлялись в разнородных течениях сионистского движения (ревизионистском, демократическом, либеральном, марксистском или социалистическом). Фактически, еврейское национальное движение зародилось в антирелигиозной традиции, которая была подхвачена духом социалистических и прогрессивных влияний XIX века. На определенных этапах оно даже занимало явно враждебную позицию по отношению к религии. Сионистская идеология, основанная на отрицании диаспоры, отвергала традиционный религиозный образ жизни школ Торы.

В свою очередь, религиозная ортодоксия впоследствии самым решительным образом с самого начала противостояла стремлениям сионистов-активистов к созданию еврейского государства; она придерживалась аксиомы, что искупление даруется Богом, а не осуществляется людьми. Но в какой степени сионизм можно понимать как светский Национальное движение? Что подразумевается под «еврейской национальной культурой» в контексте иудаизма? Какую роль в конечном итоге играет иудаизм в сионистской национальной идее?

По мнению израильского историка-марксиста Моше Цукермана (1949–), религиозный импульс с самого начала был присущ сионистскому движению за создание национального государства. В отличие от западного формирования национальных государств, «сионизм [...] в самом своем зарождении разворачивался не на практике, а в основном как идея национального государства, сформированного в контексте надстройки. Идея еврейского государства существовала еще до того, как появилась территория для этого еврейского государства. Идея еврейского государства

²²Бреннер 2002: 49; Бреннер 2016. ²³

Авинери 1999: 131–144.

existed before the population who was supposed to inhabit that territory objectively existed as such.”²⁴

According to Zuckermann, all the ideological building blocks of Zionism – the negation of the diaspora, the creation of a “new Jew,” the assembly of all diaspora communities on a territory that had to be conquered and cultivated, and the mixing of all these diaspora communities, so that the “new Jew” may arise from their midst as the future Israeli – are, in the final analysis, all based on a religious momentum. After all, the selection of *Eretz Israel* – in itself an appellation of the diaspora Jews that is charged with religious connotations – was a significant contradiction to the secular aspirations of Zionism from the start, considering the fact “that the formation of a nation state that was pre-shaped in a European-style, modern and therefore secular cast was based on a deeply religious momentum.”²⁵

After all, the ideological premise of the unpopulated territory stood in total contrast to the objective situation in Palestine. It was home to another collective, with whom Zionism and later also Israel had to fight for the land. This fight is ultimately justified on religious grounds: “Zionism laid claim to a modern national home, but what was invoked as the underlying ideological rationale was that historically it was Jewish land, land promised to the Jews.”²⁶

Thus, the national movement that is at bottom political in nature depends on the religious justification basis of a divine promise. Zuckermann also draws attention to another contradiction in Zionism, namely that the religious momentum functions as the only connective link between the different segments of the potential population of the to-be-constructed state nation, “for on closer consideration there is no connection whatsoever between the Baghdad merchant, the Polish carter, the German-Jewish Grunewald professor and the Yemeni cobbler.”²⁷ They all have nothing in common besides their religion, whether they actually practice it or not.

Jewish religion constitutes the core of Israeli nationalism, which finds expression in the Israeli right of return for all Jews. This is true despite the fact that this basis does not have a superstructure that includes all Jews. That is to say, for the time being the Jews of Arab countries do not exist in the perspective of this Western-modernist Zionism, just as they fail to make an appearance in Herzl’s vision. Neither the Baghdad merchant nor the Yemeni shoemaker is envisioned as a pillar of this new nation.

²⁴ Zuckermann 2002: 37.

²⁵ Ibid. 37.

²⁶ Ibid. 40.

²⁷ Ibid. 37.

существовало до того, как население, которое должно было объективно населять эту территорию, стало таковым».24

По мнению Цукермана, все идеологические составляющие сионизма — отрицание диаспоры, создание «нового еврея», объединение всех диаспорных общин на территории, которую необходимо было завоевать и обработать, и смешение всех этих диаспорных общин, чтобы «новый еврей» мог возникнуть из их среды как будущий израильтянин, — в конечном счете, основаны на религиозном импульсе. В конце концов, отбор *Эрец Израиль* — Само по себе это обозначение евреев диаспоры, наделенное религиозным подтекстом, представляло собой существенное противоречие светским устремлениям сионизма с самого начала, учитывая тот факт, что «формирование национального государства, изначально созданного в европейском стиле, современном и, следовательно, светском, основывалось на глубоко религиозном импульсе».25

В конце концов, идеологическая предпосылка существования незаселенной территории полностью противоречила объективной ситуации в Палестине. Там проживало другое сообщество, с которым сионизму, а позже и Израилю, приходилось бороться за землю. Эта борьба в конечном итоге оправдывается религиозными соображениями: «Сионизм претендовал на современный национальный дом, но в качестве основной идеологической основы приводилось то, что исторически это была еврейская земля, земля, обещанная евреям».26

Таким образом, национальное движение, которое по своей сути является политическим, опирается на религиозное обоснование божественного обещания. Цукерман также обращает внимание на другое противоречие в сионизме, а именно на то, что религиозный импульс служит единственным связующим звеном между различными сегментами потенциального населения будущего государства, «ибо при более внимательном рассмотрении нет никакой связи между багдадским купцом, польским возчиком, немецко-еврейским профессором Грюневальдом и йеменским сапожником».27 Все они не имеют ничего общего, кроме своей религии, независимо от того, исповедуют они ее на самом деле или нет.

Еврейская религия составляет ядро израильского национализма, который находит выражение в праве Израиля на возвращение всех евреев. Это верно, несмотря на то, что эта основа не имеет надстройки, включающей всех евреев. Иными словами, в настоящее время евреи арабских стран не существуют в перспективе этого западного модернистского сионизма, так же как они не появляются в видении Герцля. Ни багдадский купец, ни йеменский сапожник не рассматриваются как опора этой новой нации.

24Цукерман 2002: 37. 25

Там же, 37.

26Там же, 40.

27Там же, 37.

Nevertheless, ethnicity is defined in religious terms in the realization of the Zionist project and determines the national self-image correspondingly. Seen from this angle, Zionism as a Western-secular “project of modernity” contains within itself a dialectic aspect: “Zionism is a project which on the one hand has considered the national state to be a constituent of the liberation of a people, but on the other hand has introduced into this very same constituent an element that is adverse to the concept of a civic nation.”²⁸

As a “project of modernity,” Zionism, too, has the goal of liberating the Jewish people by means of national state formation, but in the course of this process the collective which is already present on the to-be-conquered and to-be-cultivated territory is simultaneously cast as “the other,” the “enemy.” In this way it is excluded from the national project, even as it is officially naturalized, albeit only partly and under restrictions. Being based on ethnically-religious aspects, the political-nationalist Zionism that ultimately carried the day ensured that Israeli nationalism developed a self-image based not on citizenship but on ethnicity. This tendency was also observed by the German-Jewish philosopher Hannah Arendt (1906–1975). As early as 1945 she detected the emerging apolitical and supra-historical conception of the Zionist community in Palestine that was informed by Herzl’s Political Zionism:

It is nothing else than the uncritical acceptance of German-inspired nationalism. This holds a nation to be an eternal organic body, the product of inevitable natural growth of inherent qualities; and it explains peoples, not in terms of political organizations, but in terms of biological superhuman personalities. In this conception European history is split up into the stories of unrelated organic bodies, and the grand French idea of the sovereignty of the people is perverted into the nationalist claims to autarchical existence. Zionism, closely tied up with that tradition of nationalist thinking, never bothered much about sovereignty of the people, which is the prerequisite for the formation of a nation, but wanted from the beginning that utopian nationalist independence.²⁹

Arendt also pointed out the ideologically-utopian dimension in Herzl’s *The Jewish State* which was fed by the desire to separate Jews from non-Jews as a response to a perpetual and fateful anti-Semitism, and which was also being projected on the situation in Palestine. According to Arendt, this separation principle defines the self-image and the practice of Zionism. In her opinion, this ahistorical or apolitical perception is as unrealistic as it is detrimental. To her, Herzl’s vision of a radical withdrawal of the Jews from a world perceived to be hostile, and the flight

²⁸ Ibid. 36.

²⁹ Arendt 1945/1970: 241.

Тем не менее, в реализации сионистского проекта этническая принадлежность определяется в религиозных терминах и, соответственно, формирует национальное самосознание. С этой точки зрения, сионизм как западно-светский «проект современности» содержит в себе диалектический аспект: «Сионизм — это проект, который, с одной стороны, рассматривает национальное государство как составную часть освобождения народа, но с другой стороны, вводит в эту самую составную часть элемент, противоречащий концепции гражданской нации».²⁸

Сионизм, как «проект модернизации», также ставит перед собой цель освобождения еврейского народа посредством формирования национального государства, но в ходе этого процесса коллектив, уже присутствующий на завоёванной и обрабатываемой территории, одновременно изображается как «другой», «враг». Таким образом, он исключается из национального проекта, даже несмотря на то, что официально натурализуется, хотя и частично и с ограничениями. Основанный на этнорелигиозных аспектах, политико-националистический сионизм, в конечном итоге одержавший победу, обеспечил израильскому национализму формирование самоидентификации, основанной не на гражданстве, а на этнической принадлежности. Эту тенденцию также отмечала немецко-еврейский философ Ханна Арендт (1906–1975). Ещё в 1945 году она выявила зарождающуюся аполитичную и надисторическую концепцию сионистского сообщества в Палестине, основанную на «Политическом сионизме» Герцля.

Это не что иное, как безоговорочное принятие национализма, вдохновлённого Германией. Этот национализм рассматривает нацию как вечное органическое тело, продукт неизбежного естественного роста присущих ей качеств; и он объясняет народы не с точки зрения политических организаций, а с точки зрения биологических сверхчеловеческих личностей. В этой концепции европейская история разделяется на истории несвязанных между собой органических тел, а великая французская идея суверенитета народа извращается в националистические притязания на автократическое существование. Сионизм, тесно связанный с этой традицией националистического мышления, никогда особо не заботился о суверенитете народа, который является предпосылкой для формирования нации, но с самого начала стремился к утопической националистической независимости.

Арендт также указала на идеологически-утопический аспект в произведениях Герцля. *Еврейское государство* Это подпитывалось желанием отделить евреев от неевреев в ответ на постоянный и губительный антисемитизм, который также проецировался на ситуацию в Палестине. По мнению Арендт, этот принцип разделения определяет самовосприятие и практику сионизма. По ее мнению, такое аисторическое или аполитичное восприятие столь же нереалистично, сколь и вредно. Для нее видение Герцля о радикальном уходе евреев из мира, воспринимаемого как враждебный, и бегство

²⁸ Там же, 36.

²⁹ Арендт 1945/1970: 241.

to a “land without a people” where Jews would be able to thrive as a closed-off national-ethnic group, safe from their persecutors, seemed unworldly and naive.

Arendt’s point was not only that such an empty land does not actually exist. She also maintained that the political philosophy of Jewish isolationism is misguidedly apolitical in a world characterized by complex mutual dependencies between different nations and states. In her assessment, Jewish nationalism, which she termed “pan-Semitism”³⁰ in reference to anti-Semitism, meant nothing less than a withdrawal of the Jews from the world in the politically-pragmatic shape of founding a Jewish state. She could neither see a guaranty for taming anti-Semitism nor for the rescue of the Jews from the “outside world” in this course.³¹

For Arendt, in 1945, Jewish reclusiveness and withdrawal were illusionary, utopian. For Israel of the early twenty-first century, it is an already realized fact. Half a century after the state’s founding, the outbreak of the Second Intifada in October 2000 and the failure of political attempts to resolve the conflict over Palestine are indicative of a historically grown, insidious alienation of Zionist Israel from “the world.” This process is closely connected to the inability of Israeli politics to grapple with the discrepancy between a longed-for Zionist vision and the bi-national reality in Palestine *by political means*. What is meant here by the Zionist vision is the Israeli reason or definition of state which has been invoked since the state’s founding, namely the notion of a Jewish and democratic state for the Jewish people in *Eretz Israel*. Since approximately half of the population living on this territory is non-Jewish, Israel’s concept of state remains a myth. Yet the Zionist utopia continues to be imagined and strived for.

In his book *The Imaginary Voyage: With Theodor Herzl in Israel* (2000), Shimon Peres takes the founder of Political Zionism on an imaginary excursion through the country he had been envisioning, at the same time taking stock of the accomplishments and shortcomings of the Jewish state that has been in existence for five decades. In his closing paragraph, Peres describes in a rather poetic tone the Zionist vision of the reunification of the “lost people” from all parts of the world in a Jewish nation state, just as Herzl had dreamed of a century earlier:

As night fell, a numberless crowd converged upon the shores of the lake. Joining us were the millions and millions who over the course of centuries have made up the Jewish people – generation upon generation upon generation. A nation is composed not only of those living in the present, but of those past and to come. In the crowd are the Zealots who lived in Palestine under Roman rule, the Essenes emerging from their sanctuary at Qumran, and the Sadducees allied with Rome; joining us are Flavius Joseph, the historian who won

³⁰ Ibid. 236.

³¹ Ibid. 230–236.

Представлять себе «землю без народа», где евреи могли бы процветать как замкнутая национально-этническая группа, защищенная от преследователей, казалось чем-то нереальным и наивным.

Арендт утверждала не только то, что такой пустой земли на самом деле не существует. Она также считала, что политическая философия еврейского изоляционизма ошибочно аполитична в мире, характеризующемся сложными взаимными зависимостями между различными нациями и государствами. По её оценке, еврейский национализм, который она называла «пансемитизмом»³⁰ в отношении антисемитизма, означал не что иное, как уход евреев из мира в политически прагматичной форме создания еврейского государства. Она не видела в этом ни гарантии обуздать антисемитизм, ни спасения евреев от «внешнего мира».³¹

Для Арендт в 1945 году еврейская замкнутость и отстраненность были иллюзорными, утопическими. Для Израиля начала XXI века это уже свершившийся факт. Спустя полвека после основания государства, начало Второй интифады в октябре 2000 года и провал политических попыток урегулировать конфликт вокруг Палестины свидетельствуют об исторически сложившемся, коварном отчуждении сионистского Израиля от «мира». Этот процесс тесно связан с неспособностью израильской политики справиться с несоответствием между желанным сионистским видением и двунациональной реальностью в Палестине. *политическими средствами* Под сионистским видением здесь подразумевается израильское понимание или определение государства, которое используется с момента основания государства, а именно идея еврейского и демократического государства для еврейского народа. *Эрец Израиль* Поскольку примерно половина населения, проживающего на этой территории, не является евреем, концепция государства в Израиле остается мифом. Тем не менее, сионистская утопия продолжает существовать и к ней стремятся.

В своей книге *Воображаемое путешествие: с Теодором Герцлем в Израиле* (В 2000 году Шимон Перес отправляет основателя политического сионизма в воображаемое путешествие по стране, которую тот себе представлял, одновременно подводя итоги достижений и недостатков еврейского государства, существовавшего на протяжении пяти десятилетий. В заключительном абзаце Перес в довольно поэтическом тоне описывает сионистское видение воссоединения «потерянного народа» со всех уголков мира в еврейском национальном государстве, о котором мечтал Герцль столетием ранее:

С наступлением ночи бесчисленная толпа собралась на берегах озера. К нам присоединились миллионы и миллионы людей, которые на протяжении веков составляли еврейский народ – из поколения в поколение. Нация состоит не только из тех, кто живет в настоящем, но и из тех, кто жил в прошлом и будет жить в будущем. В толпе – zeloty, жившие в Палестине под римским владычеством, ессеи, вышедшие из своего святилища в Кумране, и саддуккеи, союзники Рима; к нам присоединяется Флавий Иосиф, историк, который...

³⁰ Там же, 236.

³¹ Там же, стр. 230–236.

over Titus, and Rabbi Akiba ben Joseph, the bard of the Insurrection of 135; and the partisan of the Kahena, the Judeo-Berber queen of the Aurès, and the Marranos, who secretly celebrated Judaism in Quinto or in Buenos Aires; and the proud Champenois rabbis of the eleventh century, and the poets from the Spain of three religions; and the Jews from distant China, and those from Vichneva; and the *hāsīdh* disciples of Ba'al Shem Tov and the clever *mitnagdim* and the believers in neo-orthodox Samson Raphael Hirsch; and the inhabitants of the shtetlachs of Eastern Europe, the *mellahs* of Morocco, and the *harats* of Tunisia; and the proud aristocratic owners of private residences in Paris, London, Vienna, or Berlin; and the partisans for world revolution, and believers in assimilation; and the believers and the nonbelievers and the agnostics; those who proclaim their Judaism, and those who have forgotten their origins; and the survivors of the massacres of Worms, Trèves, Fez, and Sijil-massa during the Middle Ages, or the Warsaw ghetto in the modern age; and the uncountable victims of pogroms and of the Shoah; and the pious rabbis commenting forever on the Talmudic texts, and intellectuals absorbed by modernity and by new ideas.³²

What becomes apparent here is that Peres' ethnicity-based understanding of the state in keeping with Israeli nationalism and the invocation of a strong feeling of belonging to a group – in the sense proposed by Smith – form the basis of his Zionism. Interestingly, Peres also counts potential and declared opponents of Jewish nationalism among those agents who have contributed to the historic path he delineates here. The criterion for belonging to the Jewish nation is defined in the ethnic-biological sense; it is something that is determined at birth.

For, it “matters little who they are and what they think,” which is why Peres includes a range of widely different groups and historic constructs: “They were all gathered at this vesperal hour to listen to Herzl recite this passage from the Bible: ‘If I forget you Jerusalem, may my right hand be severed’.” Hence, the relationship of the Jewish people as a group to Jerusalem, to Zion, is evidently ahistorical as well as apolitical in nature. It is not relevant what kind of religious understanding or which political orientation these people have adopted; it hardly matters what kind of personal experiences or inclinations they have, or what *zeitgeist* the respective epoch was dominated by.

Instead, all of them form, be it consciously or unconsciously, the limbs of one single organism that is directed toward Zion and can experience its redemption only there: “For one timeless moment the world was still, suspended between the past, the present, and eternity. In the grace of that moment, all was finally order, calm, harmony, peace, prosperity, and happiness.”³³

³² Peres 2000: 197–198.

³³ Ibid. 198.

над Титом и раввином Акибой бен Иосифом, бардом восстания 135 года; и сторонницей Кахены, иудео-берберской королевой Ауреса и марранами, которые тайно исповедовали иудаизм в Кинто или Буэнос-Айресе; и гордыми шампанскими раввинами XI века, и поэтами из Испании трех религий; и евреями из далекого Китая, и евреями из Вичневой; *ихасид*ученики Баал Шем Това и хитрые *митнагдим* последователи неоортодоксального Самсона Рафаэля Хирша; и жители штетлахов Восточной Европы, *меллах*с Марокко и *харатм*из Туниса; и гордые аристократические владельцы частных домов в Париже, Лондоне, Вене или Берлине; и сторонники мировой революции, и приверженцы ассимиляции; и верующие, и неверующие, и агностики; те, кто провозглашает свой иудаизм, и те, кто забыл свое происхождение; и пережившие массовые убийства в Вормсе, Треве, Фесе и Сиджильмассе в Средние века или в Варшавском гетто в современную эпоху; и бесчисленные жертвы погромов и Холокоста; и благочестивые раввины, вечно комментирующие талмудические тексты, и интеллектуалы, поглощенные современностью и новыми идеями.³²

Здесь становится очевидным, что основанное на этнической принадлежности понимание государства, присущее Пересу в контексте израильского национализма и апеллирующее к сильному чувству принадлежности к группе – в смысле, предложенном Смитом, – составляют основу его сионизма. Интересно, что Перес также относит потенциальных и заявленных противников еврейского национализма к числу тех, кто внес свой вклад в исторический путь, который он здесь описывает. Критерий принадлежности к еврейской нации определяется в этнобиологическом смысле; это то, что определяется при рождении.

Ведь «маловажно, кто они и что думают», поэтому Перес включает в свой список множество совершенно разных групп и исторических конструкторов: «Все они собрались в этот вечерний час, чтобы послушать, как Герцль читает этот отрывок из Библии: „Если забуду тебя, Иерусалим, да отрубится правая рука моя“». Следовательно, отношения еврейского народа как группы с Иерусалимом, с Сионом, очевидно, носят как внеисторический, так и аполитический характер. Не имеет значения, какое религиозное понимание или какую политическую ориентацию исповедуют эти люди; едва ли важно, какой у них личный опыт или склонности, или что-либо ещё. *Эйтгай*сВ соответствующую эпоху доминировали следующие факторы.

Вместо этого, все они, сознательно или бессознательно, образуют части единого организма, направленного к Сиону и способного обрести искупление только там: «На одно вневременное мгновение мир замер, зависнув между прошлым, настоящим и вечностью. В благодати этого мгновения все, наконец, стало порядком, спокойствием, гармонией, миром, процветанием и счастьем».³³

³²Перес 2000: 197–198. 33

Там же, 198.

2 Zionist Israel and its Enemies

Tranquility, harmony, peace, prosperity and happiness are hardly the attributes that spring to mind when it comes to Israel's political reality. So what or who is it that stands in the way of the Zionist vision? How does Israel define its opponents and how does it act towards them? From its very beginning, Jewish nationalism has had to grapple with the fact that the territory which it cast as the "land of the forefathers" was already settled by another collective; one that was granted no room at all in the Zionist vision. Instead, over time the "Arabs of *Eretz Israel*," as the non-Jewish inhabitants of Palestine are referred to in Zionist jargon, turned out to be the true Achilles' heel of Zionist Israel. The so-called "Arab question" has been progressively shifting into the main focus of the Zionist movement since the beginning of the Zionist-motivated settlement of Palestine in the late nineteenth century.¹

So in what manner did the *Yishuv* – the Jewish-Zionist community in Palestine prior to the founding of the state – treat the "Arabs of *Eretz Israel*"? What political stance toward the Palestinian collective did they deem to be most instrumental for their Zionist goals? The Zionist discourse in the *Yishuv* concerning this point was characterized by a wide gulf between the objective demographical situation as it existed up to the state's establishment, and the political goal of a state with a Jewish majority as it was championed by most Zionist parties.

With the establishment of the state and following the disastrous demographical and political consequences of the First Arab-Israeli War of 1948 – which resulted in the Palestinian Catastrophe (*Nakba* in Arabic) as well as the seizure of 78% of the territory of Palestine/*Eretz Israel* – the Arab question was eventually also extended to the neighboring Arab states. As five Arab armies intervened in the battle over Palestine in May of 1948 with the goal of thwarting the establishment of a Jewish state in the interests of the Palestinians, the local Palestine question turned into a regional conflict.

Then the Six-Day War of 1967 led to Israel seizing Palestinian territories, among other things, and marked a turning point in the conflicts' history. From the Israeli point of view, the Arab question, which had pertained to the entire region, now went back to being a local "Palestinian question," strictly limited to the occupied territories.

1 Gorny 1986.

2. Сионистский Израиль и его враги

Спокойствие, гармония, мир, процветание и счастье — едва ли те качества, которые приходят на ум, когда речь заходит о политической реальности Израиля. Так что же или кто стоит на пути сионистского видения? Как Израиль определяет своих противников и как он по отношению к ним действует? С самого начала еврейскому национализму приходилось бороться с тем фактом, что территория, которую он называл «землей предков», уже была заселена другим коллективом; коллективом, которому вообще не было места в сионистском видении. Вместо этого, со временем, «арабы» *Эрец Израиль* Арабский вопрос, как называют нееврейских жителей Палестины в сионистском жаргоне, оказался настоящей ахиллесовой пятой сионистского Израиля. Так называемый «арабский вопрос» постепенно становится главным предметом внимания сионистского движения с начала сионистски мотивированного заселения Палестины в конце XIX века.

Итак, каким же образом это произошло? *Ишув*–Еврейско-сионистская община в Палестине до основания государства – относится к «арабам» *Эрец Израиль* Какую политическую позицию по отношению к палестинскому сообществу они считали наиболее важной для достижения своих сионистских целей? Сионистский дискурс в *Ишув* В этом отношении наблюдался огромный разрыв между объективной демографической ситуацией, существовавшей до создания государства, и политической целью создания государства с еврейским большинством, которую отстаивало большинство сионистских партий.

С созданием государства и после катастрофических демографических и политических последствий Первой арабо-израильской войны 1948 года, которая привела к палестинской катастрофе (*Накба* также захват 78% территории Палестины. *Эрец Израиль*–Арабский вопрос в конечном итоге распространился и на соседние арабские государства. Когда в мае 1948 года пять арабских армий вмешались в борьбу за Палестину с целью сорвать создание еврейского государства в интересах палестинцев, местный палестинский вопрос перерос в региональный конфликт.

Затем Шестидневная война 1967 года привела, среди прочего, к захвату Израилем палестинских территорий и ознаменовала поворотный момент в истории конфликта. С израильской точки зрения, арабский вопрос, который касался всего региона, теперь снова стал локальным «палестинским вопросом», строго ограниченными оккупированными территориями.

The Perception of the Orient by “Modern Western Israel”

Although the ideological roots of Zionism lie in Europe and its nationalistic and colonialist tradition, its actual realization took place in the Orient. The question of the relationship between the Arab-Palestinian and the Jewish collective is closely entwined with the tradition-steeped intellectual issues of the relations between Orient and Occident, Islam and Christianity. According to the historian Amnon Raz-Krakotzkin, the orientalism thesis developed by the Palestinian-American literary scholar Edward W. Said (1935–2003) is indispensable for understanding the modern discourse of and about the Jewish people. One of Raz-Krakotzkin’s own studies on the Zionist discourse is based on this insight. In the “secularization” of the Jewish discourse as an aspect of the nationalization of Jewish life, he discerns a distancing from the old, religiously motivated Christian-Jewish polemics and, ensuing from there, a reformulation of the modern Jewish discourse in orientalist terms.² What Said had defined as orientalism is

a style of thought based upon an ontological and epistemological distinction made between ‘the Orient’ and (most of the time) ‘the Occident.’ Thus a very large mass of writers, among whom are poets, novelists, philosophers, political theorists, economists, and imperial administrators, have accepted the basic distinction between East and West as the starting point for elaborate theories, epics, novels, social descriptions, and political accounts concerning the Orient, its people, customs, ‘mind,’ destiny, and so on.³

Said points out the historical rivalry between the two big religions, wherein a centuries-old image of Islam and the Arabs as “fanatical, violent, lecherous, irrational” is reinforced. Another aspect of this perception was the Western desire to exert political control over the Orient. Said speaks of a “polemical character of the knowledge about Islam and the Arabs, which developed in colonial times and led to what I refer to as Orientalism, a form of knowledge in which the study of the Other is strongly connected to the control and dominance of Europe and the West in general over the Islamic world.”⁴

In Raz-Krakotzkin’s view, the Zionist discourse was based on an orientalist conception from its very outset. He explains this by the historic process of Jewish nationalization:

² Raz-Krakotzkin 2005: 162–163.

³ Said 1978/2009: 11.

⁴ Said and Barsamian 2003/2006: 111.

Восприятие Востока «современным западным Израилем»

Хотя идеологические корни сионизма лежат в Европе и его националистической и колониалистской традиции, его фактическая реализация произошла на Востоке. Вопрос о взаимоотношениях арабо-палестинского и еврейского коллективов тесно переплетен с укоренившимися в традициях интеллектуальными проблемами взаимоотношений между Востоком и Западом, исламом и христианством. По мнению историка Амнона Раз-Кракоцкина, тезис об ориентализме, разработанный палестинско-американским литературоведом Эдвардом У. Саидом (1935–2003), является незаменимым для понимания современного дискурса о еврейском народе и о нем. Одно из собственных исследований Раз-Кракоцкина, посвященное сионистскому дискурсу, основано на этом понимании. В «секуляризации» еврейского дискурса как аспекте национализации еврейской жизни он видит отход от старых, религиозно мотивированных христианско-еврейских полемик и, как следствие, переформулирование современного еврейского дискурса в ориенталистских терминах.² То, что Саид определил как ориентализм, — это

Стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом разграничении «Востока» и (в большинстве случаев) «Запада». Таким образом, очень большая масса писателей, среди которых поэты, романисты, философы, политологи, экономисты и имперские администраторы, приняли это принципиальное различие между Востоком и Западом как отправную точку для сложных теорий, эпосов, романов, социальных описаний и политических докладов, касающихся Востока, его народа, обычаев, «менталитета», судьбы и так далее.³

Саид указывает на историческое соперничество между двумя крупными религиями, в котором подкрепляется многовековой образ ислама и арабов как «фанатичных, жестоких, похотливых, иррациональных». Другим аспектом этого восприятия было стремление Запада установить политический контроль над Востоком. Саид говорит о «полемическом характере знаний об исламе и арабах, которые развивались в колониальные времена и привели к тому, что я называю ориентализмом, — форме знания, в которой изучение Другого тесно связано с контролем и господством Европы и Запада в целом над исламским миром».⁴

По мнению Раз-Кракоцкина, сионистский дискурс с самого начала основывался на ориенталистской концепции. Он объясняет это историческим процессом еврейской национализации:

²Раз-Кракоцкин 2005: 162–163. ³Указано в 1978/2009 годах: 11.

⁴Саид и Барсамян 2003/2006: 111.

Despite the Zionist rejection of ‘assimilationist trends,’ it can be read as an extreme expression of the desire to assimilate the Jews into the Western narrative of enlightenment and redemption. [...] Generally, Zionist thought, in spite of very important differences from assimilationist ideologies, did not challenge the dichotomy between Europe and the Orient; rather, it was based on the desire to assimilate into the West. [...] Zionists developed a range of attitudes toward the Orient and toward the Arabs, from romantic desire to a total denial; but all of them remained within the framework of orientalist dichotomy, and served to create the ‘new Jew,’ whom Zionism wished to define as a new European, and not an oriental.⁵

Consequently, an orientalist element is firmly established within the Zionist discourse. The “negation of exile” contained in itself the impulse of negating the “exile Jew,” as he was understood in orientalist terms. According to this perception, the negation of the diaspora involved the abrogation of everything that was considered “oriental” by the Jews, whilst at the same time expressing the wish of the Jews to return into Western history: “The act of immigration was perceived as the transformation and regeneration of the Jew; that is, the overcoming of oriental elements.”⁶ Zionism as it has been asserted in Israel is orientated towards the West, fully distancing itself from its immediate environment. The Zionist perceives the Orient as “the other” to such an extent that Zionist Israel feels almost eerily out of place in the region.

Zionist Thinkers and the “Arab Question”

When pondering the question of territory in *The Jewish State*, Herzl barely gave any consideration to the population living in Palestine, or to how they may react to this Jewish-European colonization. Instead, his focus was on the dominant powers that needed to be coerced into giving Palestine to the Jews. While Herzl offered the Ottoman sultan “financial services” for the settlement of his empire’s financial matters, he proposed the following return service to the West: “We should there form a portion of a rampart of Europe against Asia, an outpost of civilization as opposed to barbarism.”⁷

What is so remarkable about this often quoted sentence, and also the further remarks concerning a “return service” being offered by the Jews, is that Herzl does not actually specify what or who he is referring to when he uses the expression “barbarism.” He reverts to “Asia” and “barbarism” as a contrastive pairing to

⁵ Raz-Krakotzkin 2005: 166.

⁶ Ibid. 166–167.

⁷ Herzl 1896/1997: 41; <https://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/Zionism/herzl2.html>.

Несмотря на неприятие сионистами «ассимиляционистских тенденций», это можно рассматривать как крайнее выражение стремления ассимилировать евреев в западную концепцию Просвещения и искупления. [...] В целом, сионистская мысль, несмотря на очень важные отличия от ассимиляционистских идеологий, не оспаривала дихотомию между Европой и Востоком; скорее, она основывалась на стремлении ассимилироваться на Западе. [...] Сионисты развили целый ряд взглядов на Восток и на арабов, от романтического желания до полного отрицания; но все они оставались в рамках ориенталистской дихотомии и служили созданию «нового еврея», которого сионизм хотел определить как нового европейца, а не как восточного человека.⁵

Следовательно, ориенталистский элемент прочно укоренился в сионистском дискурсе. «Отрицание изгнания» содержало в себе импульс отрицания «изгнанного еврея», как он понимался в ориенталистских терминах. Согласно этому восприятию, отрицание диаспоры подразумевало отмену всего, что евреи считали «восточным», одновременно выражая желание евреев вернуться в западную историю: «Акт иммиграции воспринимался как трансформация и возрождение еврея; то есть, преодоление восточных элементов».⁶ Сионизм, как он утверждается в Израиле, ориентирован на Запад, полностью дистанцируясь от своего непосредственного окружения. Сионист воспринимает Восток как «другого» до такой степени, что сионистский Израиль чувствует себя почти пугающе неуместным в этом регионе.

Сионистские мыслители и «арабский вопрос»

Размышляя над вопросом территории в *Еврейское государство* Герцль почти не обращал внимания на население Палестины и на то, как оно может отреагировать на эту еврейско-европейскую колонизацию. Вместо этого он сосредоточился на господствующих державах, которых необходимо было принудить к передаче Палестины евреям. Предлагая османскому султану «финансовые услуги» для урегулирования финансовых вопросов его империи, Герцль предложил Западу следующую ответную услугу: «Мы должны там стать частью европейского бастиона против Азии, форпостом цивилизации, противостоящим варварству».⁷

Что особенно примечательно в этом часто цитируемом предложении, а также в дальнейших замечаниях относительно «службы возмещения ущерба», предлагаемой евреями, так это то, что Герцль фактически не уточняет, о чём или о ком он говорит, когда использует выражение «варварство». Он возвращается к «Азии» и «варварству» как к контрастному сочетанию.

⁵Раз-Кракотцкин 2005: 166. **6**

Там же. 166–167.

⁷Герцль 1896/1997: 41; <https://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/Zionism/herzl2.html>.

“Europe” and “culture,” but does not outline the “great other.” It remains utterly faceless. And although there is further mention of a “guard of honor around the holy sites of Christianity” in Palestine to be warranted by the Jews, the other great religion of the Muslims from which Christianity and its sites are to be protected does not make an appearance here, with no mention of terms such as “Islam,” “Arabs,” or even “Orient.”⁸

In the utopian novel *The Old New Land* (*Altneuland*, 1902), in which Herzl sketched his ideas of the new Jewish society in *Eretz Israel*, the author does dedicate several pages to the Arabs who are already living in that region. But the main viewing direction of these passages remains fixated on the firm belief in the positive effects that a Jewish settlement would have on the development of the country, and thus presents a fixed conception that the Jewish presence would elevate the living standard of the Arab population.

As such, Herzl thought that they would be grateful to Zionism. The novel is written from the perspective of the Jews as Europeans or European modernizers, bringing culture and progress to the underdeveloped *terra incognita* that was still lingering in a state of barbarism. It is the very notion of a “Europe in the Orient” that is the focal point of *The Old New Land*. As Herzl perceived it, the integration of Arab Palestinians into the new society depended on their ability to adapt to Western civilization.⁹ Likewise, Herzl’s fellow campaigner Max Nordau (1849–1923) advocated the concept of the Jewish nation as a part of Western civilization.

Retorting to Achad Ha’am’s criticism of *The Old New Land*, which was aimed at the fact there were no Jewish but rather just European elements in Herzl’s new society, Nordau offered the following argument: “*The Old New Land* is indeed supposed to be a European unit in the Orient. [...] We wish that the Jewish people continue being a cultural nation after their liberation [from Europe] and unification [in the Orient].” He further emphasized his position by stressing: “We would never allow that the return of the Jewish people to their homeland is accompanied by a relapse into barbarism [...] The Jewish people shall unfold their intrinsic characteristics within the framework of Western culture, just like all other civilized peoples, and not outside of it in a feral, uncultured Asianism of the kind that Achad Ha’am seems to desire.”¹⁰

At the World Zionist Congress of 1907, Nordau gave a speech in which he confirmed his perception of the Zionist vision and agitation as a purely Western-inspired phenomenon, and stressed his wish that Zionism would continue

⁸ Ibid. 41.

⁹ Gorny 1986: 36–38; Herzl 1902.

¹⁰ Gorny 1986: 38.

«Европа» и «культура» упоминаются, но «великий другой» не описывается. Он остается совершенно безликим. И хотя далее упоминается «почетный караул вокруг святых мест христианства» в Палестине, который должны соблюдать евреи, другая великая религия мусульман, от которой христианство и его святыни должны быть защищены, здесь не упоминается, нет даже таких терминов, как «ислам», «арабы» или «Восток».8

В утопическом романе *Старая Новая Земля* (Альтнеуланд, 1902 г.), в котором Герцль изложил свои идеи о новом еврейском обществе. *Эрец Израиль* Автор действительно посвящает несколько страниц арабам, уже проживающим в этом регионе. Но основное внимание в этих отрывках по-прежнему сосредоточено на твердой вере в положительное влияние еврейского поселения на развитие страны, и, таким образом, представляет собой устоявшееся представление о том, что присутствие евреев повысит уровень жизни арабского населения.

Поэтому Герцль считал, что они будут благодарны сионизму. Роман написан с точки зрения евреев как европейцев или европейских модернизаторов, приносящих культуру и прогресс в слаборазвитые страны. *terra incognita* которая все еще пребывала в состоянии варварства. Именно сама идея «Европы на Востоке» является центральным элементом. *Старая Новая Земля*. Как считал Герцль, интеграция арабских палестинцев в новое общество зависела от их способности адаптироваться к западной цивилизации.⁹ Аналогично, соратник Герцля, Макс Нордау (1849–1923), отстаивал концепцию еврейской нации как части западной цивилизации.

В ответ на критику Ахада Хаама *Старая Новая Земля* В своем аргументе, направленном против того факта, что в новом обществе Герцля не было еврейских, а существовали лишь европейские элементы, Нордау предложил следующее: «*Старая Новая Земля*». Действительно, предполагается, что это европейская единица на Востоке. [...] Мы желаем, чтобы еврейский народ оставался культурной нацией после своего освобождения [от Европы] и объединения [на Востоке]». Он также подчеркнул свою позицию, заявив: «Мы никогда не допустим, чтобы возвращение еврейского народа на родину сопровождалось возвращением к варварству [...] Еврейский народ должен раскрыть свои исконные черты в рамках западной культуры, как и все другие цивилизованные народы, а не вне её, в диком, некультурном азиатизме того рода, которого, кажется, желает Ахад Хаам».10

На Всемирном сионистском конгрессе 1907 года Нордау выступил с речью, в которой подтвердил свое понимание сионистского видения и движения как явления, вдохновленного исключительно Западом, и подчеркнул свое желание, чтобы сионизм продолжал существовать.

8 Там же, 41.

9 Горни 1986: 36–38; Герцль 1902.

10 Горный 1986: 38.

to be informed by European ideas. He also cleared up any concerns regarding a possible “Asianization of the Jews”: “We will endeavor to accomplish in the Middle East what the English have done in India: We will come to *Eretz Israel* as the missionaries of culture and extend the moral borders of Europe all the way to the Euphrates.”¹¹

The Zionist-Israeli historian Yosef Gorny (1933–) clearly identified Nordau as a representative of the group that intended to solve the ongoing Arab question – as it had been arising repeatedly in the Jewish *Yishuv* and in the Zionist discourse since the beginning of the Zionist settlement and increasingly in the wake of the First World War – by means of a nationalist-separatist approach. This school of thought rejected any attempts to integrate Jewish society into the oriental region, striving instead for an unchallenged hegemony over *Eretz Israel*. In the light of this predominant attitude towards the Orient that was characterized by contempt, a total separation of the two societies was aspired to. And so a national confrontation seemed inevitable.¹²

The alternative approach to the Arab question was what Gorny calls the “altruistic-integrationist” one. Here, the realization of Zionism is predicated upon the Jewish capacity to integrate into the Orient. Yitzhak Epstein (1863–1943) is regarded as a major proponent of this position. In 1907, he published an essay entitled “The Hidden Question,” in which he addressed what he saw as the crucial problem of Zionism, namely whether it was able or willing to integrate into the region. He criticized the prevalent Zionist approach of blocking out the Arab question and advocated instead for its active integration into Zionism.

Epstein believed this to be the right course for the Zionist objective, from the moral as well as the realpolitik point of view. A favorable reception of the Jews by the Palestinians would benefit both. It would mean progress for the latter while the Jews would be given a homeland. He saw the shared Semitic origins of both peoples as a basis for such cooperation and actually considered it counterproductive to Zionist goals that the new immigrants to Palestine take a colonialist or repressive stance. Furthermore, Epstein didn’t think that the Arab nationalism of the early twentieth century was necessarily an adversary of Jewish nationalism. Rather, he endorsed a policy geared towards balance and compromise with the objective of advancing the national development of the Arabs, which would be in the interests of Zionism as well.¹³

¹¹ Ibid. 39.

¹² Ibid. 56–57.

¹³ Ibid. 47–55.

быть вдохновлёнными европейскими идеями. Он также развеял опасения относительно возможной «азиатизации евреев»: «Мы будем стремиться достичь на Ближнем Востоке того, чего англичане достигли в Индии: мы придём к *Эрец Израиль* как миссионеры культуры и расширяющие моральные границы Европы вплоть до Евфрата». ¹¹

Сионистско-израильский историк Йосеф Горни (1933–) четко определил Нордау как представителя группы, которая намеревалась решить продолжающийся арабский вопрос, неоднократно поднимавшийся в еврейском обществе. *Ишув*В сионистском дискурсе с самого начала сионистского заселения и все чаще после Первой мировой войны – используется националистическо-сепаратистский подход. Эта школа мысли отвергала любые попытки интегрировать еврейское общество в восточный регион, стремясь вместо этого к неоспоримой гегемонии над *Эрец Израиль*В свете преобладавшего презрительного отношения к Востоку, возникла потребность в полном разделении двух обществ. Поэтому национальное противостояние казалось неизбежным. ¹²

Альтернативный подход к арабскому вопросу, по мнению Горни, был «альтруистически-интеграционистским». В этом случае реализация сионизма основывалась на способности евреев интегрироваться в восточной культуре. Ицхак Эпштейн (1863–1943) считается одним из главных сторонников этой позиции. В 1907 году он опубликовал эссе под названием «Скрытый вопрос», в котором рассматривал, по его мнению, важнейшую проблему сионизма, а именно, способен ли он или желает ли он интегрироваться в регион. Он критиковал распространенный сионистский подход, заключающийся в игнорировании арабского вопроса, и выступал за его активную интеграцию в сионизм.

Эпштейн считал, что это правильный курс для достижения сионистских целей как с моральной, так и с реальной политической точки зрения. Благоприятный прием евреев палестинцами принесет пользу обеим сторонам. Это будет означать прогресс для последних, а евреи получат родину. Он видел общее семитское происхождение обоих народов как основу для такого сотрудничества и фактически считал контрпродуктивным для сионистских целей, если новые иммигранты в Палестине займут колониальную или репрессивную позицию. Более того, Эпштейн не считал, что арабский национализм начала XX века обязательно является противником еврейского национализма. Скорее, он поддерживал политику, направленную на баланс и компромисс с целью продвижения национального развития арабов, что также отвечало бы интересам сионизма. ¹³

¹¹ Там же, 39.

¹² Там же, стр. 56–57.

¹³ Там же, стр. 47–55.

The first half of the twentieth century also saw socialist-influenced concepts for a solution being advocated by Eastern European Zionists. The proponents of such approaches belonged mainly to the labor movement or the party “Workers of Zion” (*Achdut Haavoda*, 1919–1930). But this model was characterized by tensions from the outset, namely between the underlying universalistic-socialist elements versus the particularistic-national, if not even nationalistic ones. In 1910, David Ben-Gurion (1886–1973), at that time the coeditor of the “Workers of Zion” newspaper *Ichud* (“unity” in Hebrew), pointed out the dangers which arise for the Zionist cause by linking class conflict to nationalism. Rather than making sense of the hostility that the country’s Arabs felt towards the Jews in the context of a class struggle, he tied it to a national context.¹⁴

As a result, the notion became increasingly prevalent in labor movement circles that class-conflict solidarity in its conventional socialist sense was not conducive to Zionist goals in *Eretz Israel*. The integration of Palestinians into the new settlements was seen as having an adverse effect on the Zionist cause. Eventually, the labor movement even adopted a guideline under the slogan “Fight for Hebrew Work,” which excluded Palestinians from entering the labor market that was being created in the *Yishuv* at that time.

So the separation of both markets – and thus the creation of an independent national market for the Jews – was already in place long before the actual founding of Israel occurred. The segregation policy in the *Yishuv*, and later in Israel, was understood to be an inevitable measure in establishing the necessary political and economic power basis for the Jewish people in the country. This basis was in turn seen as a precondition for the future coexistence of both peoples. Given that at the time of the *Yishuv* the objective power relations were clearly in favor of the Arab Palestinians, especially with regard to demographics, the realization of Zionism was to guarantee future peace.

Jewish nation statehood should come first, and only after that might follow a possible reconciliation. In contemporary Israeli jargon, this formula has come to be referred to as “Security and Peace.” According to this view, a basis for negotiations can only advance after the balance of power has fundamentally shifted in favor of the Jewish people in Palestine, or after Zionist ideology has achieved an appropriately stable power base. Seen from this vantage point, the possible coexistence of both peoples depends on a socio-economic separation policy, which in turn continues to intensify the tensions in Palestine.¹⁵

¹⁴ Ibid. 80–81.

¹⁵ Ibid. 91.

В первой половине XX века восточноевропейские сионисты также отстаивали концепции решения проблемы, находящиеся под влиянием социализма. Сторонники таких подходов принадлежали в основном к рабочему движению или партии «Рабочие Сиона». *Ахдут Хаавода* (1919–1930). Но эта модель с самого начала характеризовалась напряженностью, а именно между лежащими в её основе универсалистско-социалистическими элементами и партикуляристско-националистическими, если не даже националистическими. В 1910 году Давид Бен-Гурион (1886–1973), в то время соредатор газеты «Рабочие Сиона», *Ихуд* «Он указал на опасность, которая возникает для сионистского дела, когда классовый конфликт связывают с национализмом. Вместо того чтобы объяснить враждебность, которую арабы страны испытывали к евреям, в контексте классовой борьбы, он связал её с национальным контекстом.»¹⁴

В результате в кругах рабочего движения все больше распространялось мнение о том, что солидарность в условиях классового конфликта в ее традиционном социалистическом смысле не способствует достижению сионистских целей. *Эрец Израиль* Интеграция палестинцев в новые поселения рассматривалась как оказывающая негативное воздействие на сионистское дело. В конце концов, рабочее движение даже приняло руководящий принцип под лозунгом «Борьба за еврейский труд», который исключал палестинцев из числа претендентов на рынок труда, создававшийся в новых поселениях. *Ишув* в это время.

Таким образом, разделение обоих рынков — и, следовательно, создание независимого национального рынка для евреев — существовало задолго до фактического основания Израиля. Политика сегрегации в *Ишув* в Израиле, а позже и в Израиле, это понималось как неизбежная мера по созданию необходимой политической и экономической базы для еврейского народа в стране. Эта база, в свою очередь, рассматривалась как предпосылка для будущего сосуществования обоих народов. Учитывая, что во время *Ишув* Объективные властные отношения явно были в пользу арабских палестинцев, особенно в демографическом отношении, а реализация сионизма должна была гарантировать мир в будущем.

Создание еврейского национального государства должно быть первоочередной задачей, и только после этого может последовать возможное примирение. В современном израильском жаргоне эта формула получила название «Безопасность и мир». Согласно этой точке зрения, основа для переговоров может быть создана только после того, как баланс сил в Палестине коренным образом сместится в пользу еврейского народа, или после того, как сионистская идеология обретет достаточно стабильную базу власти. С этой точки зрения, возможное сосуществование обоих народов зависит от политики социально-экономического разделения, которая, в свою очередь, продолжает усиливать напряженность в Палестине.»¹⁵

¹⁴ Там же. 80–81.

¹⁵ Там же. 91.

Berl Katznelson (1887–1944) ranks among the leading ideologists of the Jewish labor movement, and he influenced an entire generation through his opinion-forming function as editor-in-chief of the union newspaper *Davar*; a position he held from the paper's founding in 1925 until his death in 1944. The said generation also included Shimon Peres who emigrated as a boy from Belarus to Palestine in 1935, to later become a prominent Labor Party politician and, once the state had been established, a realizer of Political Zionism.

Katznelson's grappling with the Arab question had a lasting influence on Israel's founding generation in the formative years of the pre-statehood period. His take on the problem, according to his biographer Anita Shapira (1940–), can be identified as exclusively Zionist, with his stance towards the new "Arab goy" being informed by his deep-seated distrust in general of non-Jewish people that originated in his background experience of the traditionally hostile relations between Russia and its Jews.

Mixed tactics of stalling and blanking out characterized Katznelson's approach to the demographic question, the main obstacle standing in the way of Zionism. Faced with the factual demographical situation and proceeding from the vantage point of "maximalist Zionism" – Shapira's term for Katznelson's claim to the territory of Palestine –, Katznelson adopted a stance according to which "the focus [of the Zionist discourse] should not be on the 'Arab question,' but rather on the Jewish cause." The Zionist policy of the *Yishuv*, represented by the three maxims of immigration, land acquisition and settlement, was to be moved to the center of the debate. In this way Katznelson sought to provide a long-term solution to the Arab question.¹⁶

In line with "constructive Zionism" (Gorny), Katznelson as well considered the creation of an economic, political and social power basis to be the answer to the burning Arab conundrum, which was conceived of as a purely demographic problem. The decisive aspect here was not so much that a socio-political regulation was sought, but rather the fact that Katznelson chose to see the solution of the Arab question as a long-term process based on "the change of the (demographical) situation in *Eretz Israel*."

In keeping with this approach, the strategy that had to be adopted under the objectively given current circumstances was to employ stalling techniques towards the Palestinians, or to blank out the entire Arab question altogether. Yet when it came to explaining why the actual reality was a far cry from this pretense, Katznelson found himself in a difficult situation to be still backing the central goal of a Jewish homestead in the "land of the forefathers." Although he did not

¹⁶ Shapira 1980/1983: 307–308.

Берл Кацнельсон (1887–1944) входит в число ведущих идеологов еврейского рабочего движения и оказал влияние на целое поколение благодаря своей роли главного редактора профсоюзной газеты, формирующей общественное мнение. *Давар* Эту должность он занимал с момента основания газеты в 1925 году до своей смерти в 1944 году. К этому поколению также относился Шимон Перес, который в 1935 году эмигрировал из Беларуси в Палестину еще мальчиком, впоследствии стал видным политиком от Рабочей партии, а после создания государства — деятелем политического сионизма.

Размышления Кацнельсона об арабском вопросе оказали длительное влияние на поколение основателей Израиля в годы становления до образования государства. По словам его биографа Аниты Шапиры (1940–), его взгляд на проблему можно определить как исключительно сионистский, а его отношение к новому «арабскому гою» было обусловлено глубоко укоренившимся недоверием к неевреям, которое возникло из-за его опыта традиционно враждебных отношений между Россией и ее евреями.

Смешанная тактика затягивания и игнорирования характеризовала подход Кацнельсона к демографическому вопросу, главному препятствию на пути сионизма. Столкнувшись с фактической демографической ситуацией и исходя из позиции «максималистского сионизма» — термина Шапиры, обозначающего претензии Кацнельсона на территорию Палестины, — Кацнельсон занял позицию, согласно которой «в центре внимания [сионистского дискурса] должен быть не „арабский вопрос“, а еврейское дело». Сионистская политика *Ишув*, Представленная тремя максимами — иммиграцией, приобретением земли и расселением — концепция должна была занять центральное место в дискуссии. Таким образом, Кацнельсон стремился предложить долгосрочное решение арабского вопроса.¹⁶

В соответствии с «конструктивным сионизмом» (Горный), Кацнельсон также считал создание экономической, политической и социальной властной базы ответом на насущную арабскую проблему, которая рассматривалась как чисто демографическая. Решающим аспектом здесь было не столько стремление к социально-политическому регулированию, сколько тот факт, что Кацнельсон решил рассматривать решение арабского вопроса как долгосрочный процесс, основанный на «изменении (демографической) ситуации в *Эрец Израиль*».

В соответствии с этим подходом, стратегия, которую необходимо было принять в объективно сложившихся обстоятельствах, заключалась в использовании методов затягивания процесса в отношении палестинцев или в полном игнорировании арабского вопроса. Однако, когда дело дошло до объяснения того, почему реальная ситуация сильно отличалась от этой видимости, Кацнельсон оказался в затруднительном положении, продолжая поддерживать главную цель — создание еврейского поселения на «земле предков». Хотя он и не

¹⁶Шапира 1980/1983: 307–308.

explicitly deny the Palestinians’ right to the land they were settled on, he did affirm that they “have no right to keep the Jews from re-shaping *Eretz Israel*. They may still be the majority in the country, but that can be changed in the long run through immigration, land acquisition and settlements.”¹⁷

What is significant here is the “blank space” created by the gap between aspiration and reality, which the local population is left to “fill out.” While Katznelson conceded these people a right to the land they settled on – after all, they were *de facto* living there – and thus adopted a realpolitik position, his Zionism nevertheless kept aspiring to change this very situation to the disadvantage of the native population who had “no right to keep the Jews from re-shaping *Eretz Israel*.” In other words, reality had to be subordinated in favor of the aspiration. Not only is it presupposed here that the Palestinians would have to acquiesce to the “re-shaping of *Eretz Israel*” – in the form as Katznelson imagined it mind you – it is also assumed that any rebellion against this form of Zionism is illegitimate. It is not least such maximalist-Zionist notions by which the ongoing relocation of Palestinians into regions outside of Palestine is actively encouraged.

In the assessment of his biographer Shapira, Katznelson supported the separation principle for two reasons, one of which was pragmatic. Put simply, a political cooperation based on the demographic conditions of that time would have given the Palestinians a considerable advantage over the Jews. The rules of democracy would not have served the interests of the Jewish minority because they would have reaffirmed the *status quo*, which is why Katznelson decidedly rejected any political-constitutional regulation. The other reason for Katznelson’s insistence on a strict separation of both peoples and his rejection of any kind of political integration, according to Shapira, was fed by his orientalist worldview. Based on his conviction that Arab culture and society was downright backward, technologically as well as socially speaking, he opposed any attempt at integration as an obstacle to his own society’s advancement.¹⁸

Accordingly, the “others” with their “peculiar” traits are given hardly any attention. Rather, Katznelson’s main focus was on the “Jewish question,” which was to be solved by creating two units in Palestine which should be “completely separated from each other, not influencing each other, each respectively developing according their requirements and their own rhythm.”¹⁹

Shortly before his death in 1944, Katznelson did admit that problems were arising for the native population as a result of the Zionists’ ambitions. As he

¹⁷ Ibid. 306.

¹⁸ Ibid. 307; Gorny 1986: 287.

¹⁹ Shapira 1980/1983: 306.

Несмотря на то, что он прямо отрицал право палестинцев на землю, на которой они были поселены, он подтвердил, что они «не имеют права препятствовать евреям в переустройстве». *Эрец Израиль* «Они могут по-прежнему составлять большинство в стране, но в долгосрочной перспективе это можно изменить за счет иммиграции, приобретения земли и расселения».¹⁷

Здесь важно отметить «пустое пространство», образованное разрывом между стремлениями и реальностью, которое местное население вынуждено «заполнять». Хотя Кацнельсон и признал за этими людьми право на землю, на которой они поселились, — в конце концов, они были *де-факто* Проживая там и, таким образом, занимая позицию реальной политики, его сионизм, тем не менее, продолжал стремиться изменить эту ситуацию в ущерб коренному населению, которое «не имело права препятствовать евреям в их переустройстве». *Эрец Израиль* Иными словами, реальность пришлось подчинить стремлениям. Здесь подразумевается не только то, что палестинцы должны будут согласиться с «переформатированием». *Эрец Израиль* — в той форме, в какой её представлял себе Кацнельсон, заметьте.

– также предполагается, что любое восстание против этой формы сионизма является нелегитимным. Не в последнюю очередь именно такие максималистско-сионистские идеи активно поощряют продолжающееся переселение палестинцев в регионы за пределами Палестины.

По оценке его биографа Шапиры, Кацнельсон поддерживал принцип отделения по двум причинам, одна из которых была прагматической. Проще говоря, политическое сотрудничество, основанное на демографических условиях того времени, дало бы палестинцам значительное преимущество перед евреями. Правила демократии не отвечали бы интересам еврейского меньшинства, поскольку они подтвердили бы *статус-кво* Именно поэтому Кацнельсон решительно отвергал любые политико-конституционные нормы. Другая причина, по мнению Шапиры, заключалась в его настойчивом стремлении к строгому разделению двух народов и неприятию любой политической интеграции, а именно в его ориенталистском мировоззрении. Исходя из убеждения, что арабская культура и общество отстали как в технологическом, так и в социальном плане, он выступал против любых попыток интеграции, считая их препятствием для развития собственного общества.¹⁸

Соответственно, «другим» с их «особыми» чертами уделяется практически нулевое внимание. Вместо этого основное внимание Кацнельсона было сосредоточено на «еврейском вопросе», который должен был быть решен путем создания в Палестине двух единиц, которые должны были быть «полностью отделены друг от друга, не влияя друг на друга, каждая из которых должна развиваться в соответствии со своими потребностями и собственным ритмом».¹⁹

Незадолго до своей смерти в 1944 году Кацнельсон признал, что в результате амбиций сионистов у коренного населения возникли проблемы.

¹⁷ Там же, 306.

¹⁸ Там же, стр. 307; Горни 1986:

287. ¹⁹ Шапира 1980/1983: 306.

remarked, it was hard to reconcile the Zionist objective with a “formal morality,” but he saw it as compatible with what he called an “actual, real morality.” For just as a poor person has no less right to acquire possessions than a rich person, “a people without country and without land have the right” to soil and territory just like all other peoples of the world – even if Zionism had to fight its way against the current and reach its goals even in defiance of the will of the majority or the course of history, and therefore it was subject to “other standards” than “formal morality.”²⁰

Insofar the existence of a national state of one’s own hinges upon the ability to act according to “one’s own rules,” to comply with self-imposed moral standards. This form of existence, worded in the ideological language of maximalist Zionism, could ultimately only be brought about by displacing the other collective – indeed not only from the country, but also from one’s consciousness. This notion translates into relocation as it was anticipated by Katznelson, which seemed like a feasible option during the Second World War.²¹

Torn between his own maximalist-Zionist aspirations and his understanding of Zionism as a moral movement with apodictic moral goals, Katznelson found himself in a trying dilemma when confronted with the very real, but consistently suppressed Arab question. This is what led him to make contradictory statements. Shortly before his death, he said: “In the Jewish state, the Arabs will have equal rights and no Arab will be expropriated, expelled or deported. Should they wish to emigrate, however, we will not stand in their way. We will even help them do it.”²²

More than half a century later, Shimon Peres, who had been Berl Katznelson’s student in the 1940s, regarded the Palestinian question at a time when it was actually being acknowledged by Israeli politics. The Jewish state had already been established, and Israel had seized the whole country in two wars of conquest (1948 and 1967). The new state had put the “Arabs of *Eretz Israel*” *mutatis mutandis* under the control of the military, so that the Zionist project within the meaning of maximalist Zionism had largely been realized.

In late 1996, Peres offered his view of the “other collective” from the winner’s perspective, so to speak. At this point, the Labor Party government had entered into talks with the PLO as a legitimate political representative of the Palestinian people, and had made some concessions in the course of the two Oslo Accords (1993 and 1995). Being the minister of foreign affairs at the time (1992–1995), Peres

²⁰ Gorny 1986: 382.

²¹ Ibid. 383.

²² Ibid. 382.

Он отметил, что трудно согласовать сионистские цели с «формальной моралью», но он считал их совместимыми с тем, что он называл «реальной, подлинной моралью». Ибо, подобно тому как бедный человек имеет не меньшее право на приобретение имущества, чем богатый, «народ без страны и без земли имеет право» на землю и территорию, как и все другие народы мира – даже если сионизму приходилось бороться против течения и достигать своих целей, даже вопреки воле большинства или ходу истории, и поэтому он подчинялся «другим стандартам», чем «формальная мораль».²⁰

Поскольку существование собственного национального государства зависит от способности действовать по «собственным правилам», соблюдать самостоятельно установленные моральные нормы. Такая форма существования, сформулированная на идеологическом языке максималистского сионизма, в конечном итоге могла быть достигнута только путем вытеснения другого коллектива – не только из страны, но и из собственного сознания. Это понятие воплощается в переселение, как его предвидел Кацнельсон, которое казалось вполне осуществимым вариантом во время Второй мировой войны.²¹

Разрываясь между собственными максималистско-сионистскими устремлениями и пониманием сионизма как морального движения с аподиктическими моральными целями, Кацнельсон оказался в сложной дилемме, столкнувшись с вполне реальным, но постоянно замалчиваемым арабским вопросом. Именно это привело его к противоречивым заявлениям. Незадолго до смерти он сказал: «В еврейском государстве арабы будут иметь равные права, и ни один араб не будет экспроприрован, изгнан или депортирован. Однако, если они захотят эмигрировать, мы не будем им препятствовать. Мы даже поможем им это сделать».²²

Спустя более полувека Шимон Перес, ученик Берла Кацнельсона в 1940-х годах, рассматривал палестинский вопрос в то время, когда он фактически признавался израильской политикой. Еврейское государство уже было создано, и Израиль захватил всю страну в двух завоевательных войнах (1948 и 1967 годы). Новое государство поставило «арабов» *Эрец Израиль* "mutatis mutandis" под контролем военных, так что сионистский проект в смысле максималистского сионизма был в значительной степени реализован.

В конце 1996 года Перес изложил свою точку зрения на «другой коллектив» с позиции, так сказать, победителя. К этому моменту правительство Лейбористской партии вступило в переговоры с ООП как с законным политическим представителем палестинского народа и пошло на некоторые уступки в ходе двух Ословских соглашений (1993 и 1995 гг.). Будучи в то время министром иностранных дел (1992–1995 гг.), Перес

²⁰Горный 1986: 382. ²¹

Там же, 383.

²²Там же, 382.

figured as a co-initiator of the Oslo Peace Process that was set in motion in 1993. Asked to comment on the strengths and weaknesses of the Palestinian people, the then president of the Labor Party gave this reply:

Undoubtedly they [the Palestinians] are a talented people, and under the right circumstances they can become a modern people – as modern as any other people in the world. They have several shortcomings. One is that they have never been a people – there never was a Palestinian people until very recently. They have never experienced the taste of statehood – there never was a Palestinian state. And they were eaten up by violence and terror, as well as tribal and family divisions, which makes it very hard for them to unite. But then I think they are fast learners – they can be quite ingenious. I mean, they could excel in all walks of life if they were to come to normalcy. They are on their way to normalcy. To compare them with the Jewish people would be apt if you remember that the Jewish people didn't have normalcy either. By normal, I mean running a state and becoming responsible. Another shortcoming is their sensitivity to respect and honor. They are very sensitive to their self-respect. This is [for them] almost consideration number one. But having land is their highest priority. This in an age in which science is more important than land, which is something they haven't grasped yet.²³

In order to better understand such an irritating statement by a leading Israeli politician, one has to be aware not only of Katznelson's take on the Arab question, but also of what the historian Raz-Krakotzkin understands to be a basic characteristic of Israeli political culture: its fundamental tendency to separate the two histories. As a consequence, the history of the Zionist settlement is explained apart from the history of the conflict or the history of the Palestinians. In this context, Raz-Krakotzkin indicates the division of labor of Israeli historians, as it is referred to by the Israeli sociologist Gershon Shafir (1947–), namely between those who address the history of Zionism, the Jewish people, and the Jewish settlement in Palestine, and the so-called “orientalists” who study the “Arabs” and the “Orient.”²⁴

What is striking about Peres' description of the Palestinians and their history is that he blocks out the history of Zionism and the Jewish settlement, outlining Palestinian history with an omission of the Zionist-Israeli connection. Even as Peres compares the nonexistent nation statehood of the Jews prior to the founding of State of Israel to the present situation of the Palestinians, the actual Zionist-Israeli context is by and large left out. It is therefore impossible to gather from his remark just who the opponent of this “talented people” could possibly be, or in which concrete historic context they were not able to unfold their talents.

²³ Peres and Littell 1998: 79–80.

²⁴ Raz-Krakotzkin 2000.

Он был одним из инициаторов Ословского мирного процесса, начатого в 1993 году. На вопрос о сильных и слабых сторонах палестинского народа тогдашний президент Лейбористской партии дал следующий ответ:

Несомненно, они [палестинцы] — талантливый народ, и при правильных обстоятельствах они могут стать современным народом — таким же современным, как и любой другой народ в мире. У них есть несколько недостатков. Один из них заключается в том, что они никогда не были народом — палестинского народа не существовало до недавнего времени. Они никогда не ощущали вкуса государственности — палестинского государства никогда не было. И они были поглощены насилием и террором, а также племенными и семейными разногласиями, что очень затрудняет их объединение. Но я думаю, что они быстро учатся — они могут быть довольно изобретательными. Я имею в виду, что они могли бы преуспеть во всех сферах жизни, если бы вернулись к нормальной жизни. Они на пути к нормальной жизни. Сравнить их с еврейским народом было бы уместно, если вспомнить, что у еврейского народа тоже не было нормальной жизни. Под нормальной жизнью я подразумеваю управление государством и принятие ответственности. Еще один недостаток — их чувствительность к уважению и чести. Они очень чувствительны к своему самоуважению. Это [для них] почти вопрос номер один. Но владение землей — их наивысший приоритет. И это в эпоху, когда наука важнее земли, чего они еще не осознали.²³

Для лучшего понимания столь раздражающего заявления ведущего израильского политика необходимо учитывать не только точку зрения Кацнельсона на арабский вопрос, но и то, что историк Раз-Кракоцкин считает основной характеристикой израильской политической культуры: её фундаментальную тенденцию к разделению двух историй. В результате история сионистского поселения объясняется отдельно от истории конфликта или истории палестинцев. В этом контексте Раз-Кракоцкин указывает на разделение труда израильских историков, как это называет израильский социолог Гершон Шафир (1947–), а именно между теми, кто занимается историей сионизма, еврейского народа и еврейского поселения в Палестине, и так называемыми «востоковедами», изучающими «арабов» и «Восток».²⁴

Что поразительно в описании Пересом палестинцев и их истории, так это то, что он игнорирует историю сионизма и еврейских поселений, излагая палестинскую историю без упоминания сионистско-израильской связи. Даже сравнивая несуществующую национальную государственность евреев до основания Государства Израиль с нынешним положением палестинцев, Перес в значительной степени опускает реальный сионистско-израильский контекст. Поэтому из его замечания невозможно понять, кто мог быть противником этого «талантливого народа» или в каком конкретном историческом контексте они не смогли раскрыть свои таланты.

²³Перес и Литтелл 1998: 79–80.

²⁴Раз-Кракоцкин 2000.

When, in the very same interview, Peres' attention was called to the fact that Israel also values land as a precious commodity and that all the different governments have in fact supported the settler movement, his brief response was that the settlers were also in the wrong. He then immediately returned to talking about Palestinian history, which he explained as being separate from the Israeli-Zionist one.²⁵ Regardless of in what form Peres may express criticism of the Jewish settler movement, for him it always falls under the category of the "holy history" of Zionism, and as such cannot have any contact points with the history of the Palestinians.

In the Peres quote cited above, orientalist tendencies are palpable. A key feature of this attitude is the paternalistic stance towards the Palestinians. In a seemingly benevolent tone that strikes one as colonialist, they are ascribed a number of positive traits. They are called "a talented people" who "under the right circumstances" could have become "a modern people." Even though they "have several shortcomings" when it comes to a couple of things, they "are fast learners." They are described as "ingenious" and as having the potential to "excel in all walks of life." If only it wasn't for the one obstacle to all of this, namely the lacking nation statehood.

After all, deliberates Peres, "if they were to come to normalcy," they would be able to live under the "normal" conditions of nation statehood. This is the point where the train of thought on Palestinian history abruptly ends, because it threatens to come into contact with the history of Israel. It is here that the conciliatory language is aborted and the attempt to explain the lacking nation statehood of the Palestinians begins – completely detached from Israeli history, mind you. What is created here is, in Raz-Krakotzkin's words, a "distorted historical picture." By blocking out a rather important perspective of Palestinian history, Peres falls into line with a historical understanding that yields only a fragmented picture also with regard to one's own history.²⁶

After all, Peres explains the Palestinians' lack of nation statehood as being based exclusively on their "intrinsic traits": First of all, they are a young nation as "there never was a Palestinian people until very recently." What remains unclear is at what point in their history the Palestinians can actually be considered a "people." Peres rates the traditional way of life practiced by the Palestinians as a "test of statehood." But they are also described as being still consumed "by violence and terror" and separated by "tribal and family divisions," which are "hard [...] to unite." What is more, they are extremely sensitive when it comes to

²⁵ Peres and Littell 1998: 80.

²⁶ Raz-Krakotzkin 2000: 187.

Когда в том же самом интервью Пересу обратили внимание на то, что Израиль также ценит землю как ценный товар и что все правительства фактически поддерживали поселенческое движение, он кратко ответил, что поселенцы тоже неправы. Затем он немедленно вернулся к разговору о палестинской истории, которую, по его словам, следует рассматривать как отдельную от израильско-сионистской.²⁵ Независимо от того, в какой форме Перес выражает критику еврейского поселенческого движения, для него она всегда попадает в категорию «священной истории» сионизма и, как таковая, не может иметь никаких точек соприкосновения с историей палестинцев.

В приведенной выше цитате Переса отчетливо прослеживаются ориенталистские тенденции. Ключевой чертой такого отношения является патерналистская позиция по отношению к палестинцам. В кажущемся благожелательном тоне, который воспринимается как колониалистский, им приписываются многочисленные положительные качества. Их называют «талантливым народом», который «при правильных обстоятельствах» мог бы стать «современным народом». Хотя у них «есть несколько недостатков» в некоторых областях, они «быстро учатся». Их описывают как «изобретательных» и обладающих потенциалом «преуспеть во всех сферах жизни». Если бы только не одно препятствие на пути ко всему этому, а именно отсутствие национальной государственности.

В конце концов, рассуждает Перес, «если бы они вернулись к нормальной жизни», они смогли бы жить в «нормальных» условиях национального государства. Именно здесь ход мыслей о палестинской истории резко обрывается, поскольку он грозит соприкоснуться с историей Израиля. Здесь прерывается примирительный язык и начинается попытка объяснить отсутствие национального государства у палестинцев – совершенно оторванная, заметьте, от израильской истории. В результате, по словам Раз-Кракотцкина, создается «искаженная историческая картина». Блокируя довольно важную перспективу палестинской истории, Перес следует историческому пониманию, которое дает лишь фрагментарную картину и в отношении собственной истории.²⁶

В конце концов, Перес объясняет отсутствие у палестинцев национального государства исключительно их «внутренними чертами»: во-первых, это молодая нация, поскольку «палестинского народа не существовало до недавнего времени». Остается неясным, на каком этапе своей истории палестинцев можно считать «народом». Перес оценивает традиционный образ жизни палестинцев как «проверку на государственность». Но их также описывают как все еще «погрязших в насилии и терроре» и разделенных «племенными и семейными разногласиями», которые «трудно [...] объединить». Более того, они крайне чувствительны, когда дело касается

²⁵Перес и Литтелл 1998: 80.

²⁶Раз-Кракотцкин 2000: 187.

“respect and honor” and “very sensitive to their self-respect.” It is of particular significance here that Peres reduces the question of territory, mentioned at the end of the passage, to merely “having land.”

Of all things, Peres chooses to take out of context in a rather baffling manner the very territory that has been at the center of the hundred-year-long conflict. He labels the desire to own land a specifically Palestinian problem, denouncing it as an anachronistic intrinsic trait. By doing this he not only omits the very thing that connects the two histories, but he uses the reference to the special relationship of the Palestinians to the contested land to corroborate his assumption that the Palestinian people live in a pre-modern age. What they “haven’t grasped yet” is that we live in “an age in which science is more important than land.” Because “having land is their highest priority,” Palestinians are still trapped in an allegedly backward state.

A rather remarkable feature of this text from 1996 is the separate understanding of history and, explicit therein, the rejection of any responsibility for the fate of the Palestinians on the part of Zionism. The “traits” of the Palestinian people that are listed here and that supposedly represent the sole defining factors of their destiny are conceived entirely independently of Israeli history, which is also why they seemingly cannot pose any risk to its continuation.

Even at the end of 1996, a politician of many years from the midst of Israeli society does nothing less here than blatantly contend that Israel has virtually no share in the current situation of the Palestinians, so that it really is “none of its concern.” But how is it possible to profess such a casual lack of concern in view of the Zionist-Arab confrontation over Palestine/*Eretz Israel*? Are the Palestinian people the unadmitted archenemy of Zionist Israel? Or are they a defeated or smashed enemy here, one that is very unlikely to endanger Israel’s existence?

Since its initial founding, Israel has been looking at the “Arab enemy” and the Arab-Israeli conflict within two contexts. On the one hand, it is perceived in the domestic-local, Palestinian context; hence as the old Arab question. On the other hand, the larger context of a regional pan-Arab-Israeli conflict is invoked. Although Israel does not see these two conflict spheres as completely separate – after all, the “Arabs of *Eretz Israel*” are considered a part of the “Arab world” –, the danger that is emanating for Zionist Israel from these two conflict spheres has been respectively viewed and evaluated in quite a different manner over the course of the Arab-Israeli and the Israeli-Palestinian conflicts.

All in all, this phenomenon can be outlined as follows: In the first three decades it was primarily the “Arab world” or Arab nationalism that was cast as the dangerous enemy by Israel. The unification of the Arab armies with the goal of “annihilating the Zionist project” posed the greatest challenge to the coun-

«Уважение и честь» и «очень чуткие к своему самоуважению». Здесь особенно важно, что Перес сводит вопрос о территории, упомянутый в конце отрывка, к простому «наличию земли».

Перес, как ни странно, вырывает из контекста именно ту территорию, которая находится в центре столетнего конфликта. Он называет стремление к владению землей специфически палестинской проблемой, осуждая его как анахроничную, неотъемлемую черту. Таким образом, он не только упускает из виду то, что связывает две истории, но и использует отсылку к особым отношениям палестинцев со спорной землей, чтобы подтвердить свое предположение о том, что палестинский народ живет в досовременную эпоху. Они «еще не поняли», что мы живем в «эпоху, в которой наука важнее земли». Поскольку «владение землей является для них наивысшим приоритетом», палестинцы по-прежнему находятся в якобы отсталом государстве.

Примечательной особенностью этого текста 1996 года является обособленное понимание истории и, в нем явно выраженное, отрицание какой-либо ответственности сионизма за судьбу палестинцев. Перечисленные здесь «черты» палестинского народа, которые, предположительно, являются единственными определяющими факторами его судьбы, рассматриваются совершенно независимо от израильской истории, и именно поэтому они, по-видимому, не могут представлять никакой угрозы для ее продолжения.

Даже в конце 1996 года политик с многолетним стажем, выходец из израильского общества, открыто заявляет, что Израиль практически не имеет отношения к нынешнему положению палестинцев, и что это действительно «не его касается». Но как можно заявлять о таком равнодушном безразличии, учитывая сионистско-арабский конфликт вокруг Палестины? *Эрец Израиль* Являются ли палестинские народы заклятыми врагами сионистского Израиля, пусть и не признаваемыми? Или же они — побежденный или сокрушенный враг, который вряд ли сможет поставить под угрозу существование Израиля?

С момента своего основания Израиль рассматривает «арабского врага» и арабо-израильский конфликт в двух контекстах. С одной стороны, он воспринимается во внутривнутриполитическом, палестинском контексте, то есть как старый арабский вопрос. С другой стороны, рассматривается более широкий контекст регионального панарабо-израильского конфликта. Хотя Израиль не рассматривает эти две сферы конфликта как полностью разделенные.

- в конце концов, «арабы» *Эрец Израиль* Они считаются частью «арабского мира»»
- Опасность, исходящая для сионистского Израиля из этих двух сфер конфликта, рассматривалась и оценивалась совершенно по-разному в ходе арабо-израильского и израильско-палестинского конфликтов.

В целом, это явление можно описать следующим образом: в первые три десятилетия Израиль в первую очередь представлял опасным врагом «арабский мир» или арабский национализм. Объединение арабских армий с целью «уничтожения сионистского проекта» представляло собой наибольшую угрозу для страны.

try's security-political leadership. Historic examples for this danger are the first Arab-Israeli War of 1948, Arab nationalism of the 1950s and 1960s under the leadership of Egyptian president Gamal Abdel Nasser (1918–1970), and the Egyptian-Syrian attack on the Jewish Day of Atonement *Yom Kippur* in 1973.

In this period, the problem of the “Arabs of *Eretz Israel*” more or less receded into the background. After all, following Israel's victory of 1948 with its demographic and geopolitical significance for Zionism, it initially appeared as if the Palestinians would be controllable by military means. This became even more the case when another territorial victory over the Palestinians followed in 1967. Thus, from the security-political perspective, up until the late 1970s Israel's attention was drawn to the larger regional conflict with the world of Arab states.

Only in the course of the 1980s, as the tensions of the regional conflict decreased to a more reasonable degree as a result of the Israeli-Egyptian peace treaty of 1979, did the old Arab question inevitably shift back into the focus of Israeli politics in the form of the Palestinian question. And due to the following chain of events, namely the failure to achieve an autonomy for the Palestinians according to the Camp David Accord of 1979, followed by Israel's fight against the PLO in Lebanon in 1982 with the exact goal of obstructing the realization of this very same autonomy, among other things, followed by the First Palestinian Intifada against the Israeli occupation of Palestinian territories (1987–1992), the ensuing 1990s peace process with the Palestinians and its ongoing failure, and finally the outbreak of the Second Intifada (2000–2004), it continues to dominate Israeli security policy to this day.

As such, the Palestinian question inevitably made its way into the politics and collective consciousness of Israel, increasingly becoming the weak point of Zionist Israel. At the very latest since 2000, following the ultimate failure of the only attempt from 1993 to 2000 to solve the Palestinian question by political means, it has proven to be an unsolvable problem for Israel.

The term “Palestinian question” is true to the Israeli understanding of this question actually being about Palestine, since *Eretz Israel* represents a territorial unit for Zionist Israel, the basis of the Zionist project. The “Judaization” of the country was and remains a basic principle of Israeli politics, before and after 1967. This is why, according to the official Israeli reading, Palestinians are not understood to be a national collective but rather individuals who have different statuses under Israeli supremacy. The Zionist-Israeli term of the “Arabs of *Eretz Israel*” (referring to the inhabitants of Palestine up to the establishment of the state, as well as to the naturalized Palestinians of Israel after 1948) has an exemplary significance here. The next section explores how the Israeli perspective on the “internal enemies” has developed over the course of the years.

Безопасность и политическое руководство страны. Историческими примерами этой опасности являются первая арабо-израильская война 1948 года, арабский национализм 1950-х и 1960-х годов под руководством египетского президента Гамаль Абдель Нассера (1918–1970) и египетско-сирийское нападение на еврейский День искупления. *Йом Киппур* в 1973 году.

В этот период возникла проблема «арабов». *Эрец Израиль* в целом отошла на второй план. В конце концов, после победы Израиля в 1948 году, имевшей демографическое и геополитическое значение для сионизма, первоначально казалось, что палестинцев можно контролировать военными средствами. Это стало еще более очевидным после еще одной территориальной победы над палестинцами в 1967 году. Таким образом, с точки зрения безопасности и политики, до конца 1970-х годов внимание Израиля было сосредоточено на более масштабном региональном конфликте с арабскими государствами.

Лишь в 1980-х годах, когда напряженность регионального конфликта снизилась до более разумного уровня в результате израильско-египетского мирного договора 1979 года, старый арабский вопрос неизбежно вновь оказался в центре внимания израильской политики в форме палестинского вопроса. И в результате последующей цепочки событий, а именно: провала в достижении автономии для палестинцев в соответствии с Кэмп-Дэвидскими соглашениями 1979 года, последующей борьбы Израиля против ООП в Ливане в 1982 году с целью воспрепятствовать реализации этой самой автономии, а также Первой палестинской интифады против израильской оккупации палестинских территорий (1987–1992), последующего мирного процесса с палестинцами в 1990-х годах и его продолжающегося провала, и, наконец, начала Второй интифады (2000–2004), он продолжает доминировать в израильской политике безопасности по сей день.

Таким образом, палестинский вопрос неизбежно проник в политику и коллективное сознание Израиля, все больше становясь слабым звеном сионистского Израиля. По меньшей мере, с 2000 года, после окончательного провала единственной попытки решить палестинский вопрос политическими средствами в период с 1993 по 2000 год, он оказался неразрешимой проблемой для Израиля.

Термин «палестинский вопрос» соответствует израильскому пониманию того, что этот вопрос на самом деле касается Палестины, поскольку *Эрец Израиль* представляет собой территориальную единицу для сионистского Израиля, основу сионистского проекта. «Иудаизация» страны была и остается основным принципом израильской политики до и после 1967 года. Именно поэтому, согласно официальной израильской интерпретации, палестинцы понимаются не как национальный коллектив, а как отдельные личности, имеющие разный статус под израильским господством. Сионистско-израильский термин «арабы» *Эрец Израиль* Фраза «внутренние враги» (имеется в виду население Палестины до создания государства, а также натурализованные палестинцы, получившие гражданство Израиля после 1948 года) здесь имеет показательное значение. В следующем разделе рассматривается, как развивалась израильская точка зрения на «внутренних врагов» на протяжении многих лет.

Israel and the “Palestinian Question”

In 1948, the Zionist movement succeeded in dramatically shifting the geopolitical and demographical relationship between the two collectives in Palestine through war. This was a significant step along the path to realizing the Zionist goal of a Jewish state in *Eretz Israel*. After all, during the British mandatory period (1917–1947) and up to the first Arab-Israeli armed encounter (1948), roughly half a century after the First Zionist Congress (1897), the Zionist movement had managed to acquire little more than six percent of Palestine’s land area, mainly by means of land acquisition.²⁷

Then, in the course of the war of 1948, the Israeli armed forces occupied seventy-eight percent of the total territory, and in the armistice talks of 1949 in Rhodes between Israel and the neighboring states involved in the war the so-called armistice borders were determined. The remaining twenty-two percent of the land area passed to Jordan (West Bank) and Egypt (Gaza Strip), before they were finally captured by Israel in the Six-Day War. It should be pointed out here that the UN Resolution 181 of November 29, 1947 actually stipulated a division of Palestine in which fifty-five percent of the land was allotted to the Jewish and forty-five percent to the Arab state.

Apart from this geopolitical shift, 1948 also saw a demographic one in the relationship between Jews and Palestinians. During British rule, the Jewish share in Palestine’s population increased from ten percent in 1900, sixteen percent in 1929, i.e., 156,000, to a third of the total population in 1947, amounting to about two million people.²⁸ The most drastic demographic transformation took place during the war of 1948–1949 when approximately 750,000 Palestinians left the territory on which the State of Israel would finally be created in a mass exodus, and as a massive Jewish immigration from European and Arab states occurred before and after the founding of Israel.

While approximately 160,000 Palestinians remained in the heartland of Israel, a majority of the refugees found refuge in the former mandated territory of Palestine; that is, in the Gaza Strip that was occupied by Egypt and in the West Bank controlled by Jordan. Accordingly, 1.4 million Jews and approximately 1.2 million Palestinians were living throughout the entire territory of Palestine in 1952.²⁹ Over the course of the Six-Day War another exodus of approximately 200,000 Palestinians from the West Bank into Jordan took place. So in 1967 an

²⁷ Wasserstein 2003: 45.

²⁸ Ibid. 12, 18, 26.

²⁹ Ibid. 26.

Израиль и «палестинский вопрос»

В 1948 году сионистскому движению удалось кардинально изменить геополитические и демографические отношения между двумя группами населения в Палестине посредством войны. Это стало важным шагом на пути к реализации сионистской цели создания еврейского государства в Палестине. *Эрец Израиль* В конце концов, в период британского мандата (1917–1947) и до первого арабо-израильского вооруженного столкновения (1948), примерно через полвека после Первого сионистского конгресса (1897), сионистскому движению удалось приобрести немногим более шести процентов территории Палестины, главным образом путем захвата земель.²⁷

Затем, в ходе войны 1948 года, израильские вооруженные силы оккупировали семьдесят восемь процентов всей территории, а на переговорах о перемирии 1949 года на Родосе между Израилем и соседними государствами, участвовавшими в войне, были определены так называемые границы перемирия. Оставшиеся двадцать два процента территории перешли к Иордании (Западный берег) и Египту (сектор Газа), прежде чем они были окончательно захвачены Израилем в Шестидневной войне. Следует отметить, что резолюция ООН № 181 от 29 ноября 1947 года фактически предусматривала раздел Палестины, в соответствии с которым пятьдесят пять процентов территории было отведено еврейскому государству и сорок пять процентов — арабскому государству.

Помимо этого геополитического сдвига, 1948 год ознаменовался также демографическими изменениями в отношениях между евреями и палестинцами. Во время британского правления доля евреев в населении Палестины увеличилась с десяти процентов в 1900 году, шестнадцати процентов в 1929 году, то есть с 156 000 человек, до трети от общей численности населения в 1947 году, что составило около двух миллионов человек.²⁸ Наиболее радикальные демографические изменения произошли во время войны 1948–1949 годов, когда около 750 000 палестинцев покинули территорию, на которой в конечном итоге было создано Государство Израиль, в результате массового исхода, а также в связи с массовой еврейской иммиграцией из европейских и арабских государств, которая происходила до и после основания Израйля.

В то время как около 160 000 палестинцев оставались в самом сердце Израйля, большинство беженцев нашли убежище на бывшей подмандатной территории Палестины, то есть в секторе Газа, оккупированном Египтом, и на Западном берегу, контролируемом Иорданией. Соответственно, в 1952 году на всей территории Палестины проживало 1,4 миллиона евреев и около 1,2 миллиона палестинцев.²⁹ В ходе Шестидневной войны произошел еще один исход примерно 200 000 палестинцев с Западного берега в Иорданию. Таким образом, в 1967 году

²⁷Вассерштейн 2003: 45. ²⁸

Там же, стр. 12, 18, 26. ²⁹Там же. 26.

overall number of 1.2 million Palestinians remained in the territories now occupied by Israel, with Jews making up two-thirds of the total population. In 2003, 3.3 million Palestinians were living in the occupied territories and 1.3 million Israeli Palestinians were settled in the heartland of Israel, while the number of Jews rose to 5.1 million.³⁰ As of 2015, 6.4 million Jews and 2.0 million naturalized and over 4.0 million non-naturalized Palestinians are living in the territory of *Eretz Israel/Palestine*.³¹

And so the Palestinian question is something that Israel constantly has to deal with, even as its Political Zionism has been realized. By pursuing the Zionist goal of nationalizing the Jewish people by means of land seizures and Jewish settlements, Israel since its very founding has been pursuing a policy of de-nationalization and fragmentation of Palestinians. Already shortly after the war of 1948, a Palestinian state in accordance with the UN Partition Resolution 181 of 1947 became a taboo topic. Accordingly, in 1949 Israel was confronted in the main by three distinct groups of Palestinians: refugees, returnees – called “intruders” in Israeli jargon – and Palestinians who had remained in the country after 1948 and were naturalized by Israel in 1949.

From its very beginning, Israel’s policy has been determined by three factors: the goal of a Jewish state, the claim of representing a democratic political system, and the intention of coming to grips with the permanently simmering Arab-Israeli conflict.³² The state’s Jewish character is fostered by population-political means through a prohibition of return for the Palestinian refugees while at the same time supporting Jewish immigration. In July 1950, the *Knesset* enacted the “Law of Return.” In its first paragraph, the new state grants every Jewish person the right to an Israeli citizenship.³³ In parallel, a legally institutionalized, insidious expropriation of Palestinians who have either fled or stayed is pursued.³⁴ Besides this, the educational system of those Palestinians who have remained in the country is controlled as an instrument for excluding them from all centers of power; that is, for marginalizing them politically and economically.³⁵

The legal basis for confiscating Palestinian land and property after the establishment of the state is based on a series of Israeli laws. According to “The Law of Fallow Land” of 1948, land that has not been cultivated for over a year

³⁰ Ibid. 27.

³¹ <http://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-4066153,00.html>.

³² Ozacky-Lazar 1998: 349.

³³ http://www.knesset.gov.il/laws/special/heb/chok_hashvut.htm.

³⁴ Ozacky-Lazar 1998: 356–357; Golan 1995: 403–440.

³⁵ Ozacky-Lazar 1998: 349–350; Cohen 2006.

В общей сложности на оккупированных Израилем территориях оставалось 1,2 миллиона палестинцев, причем евреи составляли две трети от общей численности населения. В 2003 году на оккупированных территориях проживало 3,3 миллиона палестинцев, а в центральной части Израиля — 1,3 миллиона израильских палестинцев, в то время как число евреев возросло до 5,1 миллиона.³⁰ По состоянию на 2015 год на территории Израиля проживало 6,4 миллиона евреев, 2 миллиона натурализованных и более 4 миллионов ненатурализованных палестинцев. *Эрец Израилы* Палестина.³¹

Таким образом, палестинский вопрос — это то, с чем Израилью постоянно приходится иметь дело, даже несмотря на то, что его политический сионизм уже реализован. Преследуя сионистскую цель национализации еврейского народа посредством захвата земель и создания еврейских поселений, Израиль с самого своего основания проводит политику денационализации и фрагментации палестинцев. Уже вскоре после войны 1948 года палестинское государство в соответствии с резолюцией ООН № 181 от 1947 года стало табуированной темой. Соответственно, в 1949 году Израиль столкнулся главным образом с тремя различными группами палестинцев: беженцами, вернувшимися — которых в израильском жаргоне называют «захватчиками» — и палестинцами, оставшимися в стране после 1948 года и получившими израильское гражданство в 1949 году.

С самого начала политика Израиля определялась тремя факторами: целью создания еврейского государства, утверждением о том, что Израиль представляет собой демократическую политическую систему, и намерением урегулировать постоянно тлеющий арабо-израильский конфликт.³² Еврейский характер государства поддерживается демографически-политическими средствами посредством запрета на возвращение палестинских беженцев и одновременной поддержки еврейской иммиграции. В июле 1950 года *Кнессет* был принят «Закон о возвращении». В первом абзаце нового государства каждому еврею предоставляется право на израильское гражданство.³³ Параллельно осуществляется юридически закреплённая, коварная экспроприация палестинцев, которые либо бежали, либо остались.³⁴ Кроме того, система образования тех палестинцев, которые остались в стране, контролируется как инструмент исключения их из всех центров власти; то есть, для их политической и экономической маргинализации.³⁵

Правовая основа для конфискации палестинских земель и имущества после создания государства базируется на ряде израильских законов. Согласно «Закону о необработанных землях» 1948 года, под необработанными землями понимается земля, которая не обрабатывалась более года.

³⁰ Там же, 27.

³¹ <http://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-4066153,00.html>. **32**

Озаки-Лазар 1998: 349.

³³ http://www.knesset.gov.il/laws/special/heb/chok_hashvut.htm. **34**

Озаки-Лазар 1998: 356–357; Голаны 1995: 403–440. **35** Озаки-Лазар

1998: 349–350; Коэн 2006.

is transferred to the Ministry of Agriculture in order to guarantee its proper use. According to the “Absentees Property Law” issued in 1950, the entire property of Palestinian refugees (who are referred to as “absentees” here) is assigned to a state custodian. The category of “absentees” includes all people who have left their house or land since the beginning of the war on November 29, 1947, and comprises Palestinian refugees living outside as well as inside (so-called “present absentees”) Israeli state territory.

The “Land Acquisitions Law” of 1953 regulates the lawful transfer of the confiscated land into state ownership, including the land of those Palestinian citizens of Israel who have been declared “present-absent,” wherein their legal claims to compensation are also specified in that law. Above all, the still applicable emergency laws give Israeli authorities considerable leeway when it comes to declaring particular areas “protected” and confiscating them for “security reasons.”

Israel’s claim of being a democratic state entailed that Palestinians living on Israeli state territory should receive Israeli citizenship as well as voting, social and educational rights.³⁶ And shortly after the fighting ceased in 1949 Israel did naturalize approximately 160,000 Palestinians. This was done in connection with the new state’s admission to the United Nations on May 11, 1949. Nevertheless, these “Israeli Arabs” as they are called in Israeli jargon were subjected to a strict military government that was only lifted in December 1966.

Its primary purpose was, for one thing, to secure access to the country’s resources for the Zionist project, and, for another, to ensure the political-social control of the Palestinian population. The goal was to prevent any cooperation between Israeli Arabs and the neighboring Arab states,³⁷ with the military government being authorized to administrate the territories inhabited by the Palestinians in the heartland of Israel. This included, among other things, the issuing of work, building and entry permits. Another objective was to limit the freedom of movement as well as the settlement possibilities available to the Palestinians within the country. Moreover, the military government enforced a curfew of nine p.m.

Initially, the legal basis for the military government was provided by emergency and defense decrees (“Defence Regulations Emergency”) of the British mandate administration of 1945, being adopted first by the provisional and later by the elected Israeli governments. According to these laws, the military, authorized by the minister of defense, may exert legislative, judicial and executive

³⁶ Ozacky-Lazar 1998: 361.

³⁷ Ibid. 349–355.

имущество передается в Министерство сельского хозяйства для обеспечения его надлежащего использования. Согласно «Закону об имуществе отсутствующих лиц», принятому в 1950 году, все имущество палестинских беженцев (далее именуемых «отсутствующими») передается государственному хранителю. К категории «отсутствующих лиц» относятся все люди, покинувшие свои дома или земли с начала войны 29 ноября 1947 года, и включают палестинских беженцев, проживающих как за пределами, так и внутри (так называемые «присутствующие отсутствующие») территории государства Израиль.

Закон о приобретении земли 1953 года регулирует законную передачу конфискованных земель в государственную собственность, включая земли палестинских граждан Израиля, объявленных «отсутствующими», в отношении которых также определены их законные права на компенсацию. Прежде всего, действующие законы о чрезвычайном положении предоставляют израильским властям значительную свободу действий в вопросах объявления отдельных территорий «охраняемыми» и их конфискации по «соображениям безопасности».

Заявление Израйля о том, что он является демократическим государством, подразумевало, что палестинцы, проживающие на территории Израйля, должны получить израильское гражданство, а также избирательные, социальные и образовательные права.³⁶ И вскоре после прекращения боевых действий в 1949 году Израиль действительно натурализовал около 160 000 палестинцев. Это было сделано в связи с принятием нового государства в Организацию Объединенных Наций 11 мая 1949 года. Тем не менее, эти «израильские арабы», как их называют в израильском жаргоне, находились под строгим военным управлением, которое было свергнуто только в декабре 1966 года.

Его основная цель заключалась, во-первых, в обеспечении доступа к ресурсам страны для сионистского проекта, а во-вторых, в обеспечении политико-социального контроля над палестинским населением. Цель состояла в том, чтобы предотвратить любое сотрудничество между израильскими арабами и соседними арабскими государствами³⁷, при этом военное правительство имело право управлять территориями, населенными палестинцами в самом сердце Израйля. Это включало, помимо прочего, выдачу разрешений на работу, строительство и въезд. Еще одной целью было ограничение свободы передвижения, а также возможностей для поселения палестинцев внутри страны. Кроме того, военное правительство ввело комендантский час с девяти вечера.

Первоначально правовая основа для военного правительства была обеспечена указами о чрезвычайном положении и обороне («Чрезвычайные положения об обороне») британской мандатной администрации 1945 года, принятыми сначала временным, а затем и избранным израильским правительством. Согласно этим законам, военные, уполномоченные министром обороны, могут осуществлять законодательную, судебную и исполнительную власть.

³⁶Озаки-Лазар 1998: 361. ³⁷

Там же, стр. 349–355.

power over certain areas of the population's life. This regulation is founded on the conviction that the country is in a continuous state of defense, rendering extreme measures necessary. This means that a military commander has the legal power to, for example, initiate legal seizures, conduct house searches without search warrants, order the destruction of buildings, or impose arbitrary curfews.³⁸

The military government that ruled from 1949 to 1966 has almost been extinguished from the collective historical awareness of Jewish Israelis. One reason for this may be the incapability to deal with the humanitarianly and politically aggravating question of the military occupation of the Palestinian territories *since* 1967, which is still on the political agenda.³⁹ Faced with the more acute problems of this ongoing occupation, the chapter concerning the nineteen-year-long military governance over Israeli Palestinians is allowed to fade into the background of political and historical perception. This blanking out of the "first experience with occupation" may further be interpreted as a denial of the salient fact that the State of Israel has *de facto* never really experienced any other situation than that of military rule over the Palestinians. This in turn is taken as a clear sign they are indeed the antagonists of Zionist Israel and must be fought against, kept in check.

While the naturalized Palestinians were thus kept under control, the Palestinian refugees of 1948 were completely banned from Israel's consciousness by means of enacting a strict prohibition to return.⁴⁰ When the war of 1967 came along, however, the Arab question was once again on the Israeli agenda, and the conquest of Palestinian territories in the Six-Day War turned the old Arab question into the "Palestinian question." Yet the claim that *Eretz Israel* was the possession of the Jewish people and thus a Zionist tenet remained unshaken. Instead, the issue that was seen as being in need of clarification was what status the Palestinians living on this territory were to be given in the expanded Jewish state.

After the Six-Day War, Israel unleashed the apparatus of military government into the newly gained territories and considered them "occupied" for the time being. In practice, though, the Gaza Strip, the West Bank, the Golan Heights and the Sinai Peninsula were treated as "liberated" Jewish territories. This is why Jews settled them, and especially the Palestinian population was affected by this slowly advancing Israeli occupation. While the population of the Golan Heights could flee or was expelled to Syria, and that of Sinai to Egypt, the majority of the Palestinian population remained in the Palestinian territories taken over by

³⁸ Hofnung 1996: 50; Benziman and Mansour 1992: 33.

³⁹ Azoulay and Ophir 2008.

⁴⁰ Morris 1996: 136–151.

Власть над определенными сферами жизни населения. Это регулирование основано на убеждении, что страна находится в состоянии постоянной обороны, что делает необходимыми крайние меры. Это означает, что военный командир имеет законные полномочия, например, инициировать законные конфискации, проводить обыски в домах без ордера, отдавать приказы о разрушении зданий или вводить произвольный комендантский час.³⁸

Военное правительство, правившее с 1949 по 1966 год, практически стерлось из коллективного исторического сознания израильских евреев. Одной из причин этого может быть неспособность справиться с гуманитарно и политически осложненным вопросом военной оккупации палестинских территорий. с 1967 год, который до сих пор находится в политической повестке дня.³⁹ В условиях более острых проблем продолжающейся оккупации глава, касающаяся девятнадцатилетнего военного правления над израильскими палестинцами, отходит на второй план в политическом и историческом восприятии. Такое замалчивание «первого опыта оккупации» может быть истолковано как отрицание важного факта, что Государство Израиль имеет *де-факто* Они никогда не сталкивались ни с какой другой ситуацией, кроме военного правления над палестинцами. Это, в свою очередь, воспринимается как явный признак того, что они действительно являются противниками сионистского Израиля и с ними необходимо бороться, держать под контролем.

В то время как натурализованные палестинцы таким образом находились под контролем, палестинские беженцы 1948 года были полностью исключены из израильского сознания посредством введения строгого запрета на возвращение.⁴⁰ Однако, когда началась война 1967 года, арабский вопрос вновь оказался в повестке дня Израиля, и завоевание палестинских территорий в Шестидневной войне превратило старый арабский вопрос в «палестинский вопрос». Тем не менее, утверждение о том, что *Эрец Израиль* Эта территория принадлежала еврейскому народу, и таким образом сионистский принцип оставался непоколебимым. Вместо этого, вопрос, нуждающийся в разъяснении, заключался в том, какой статус должны получить палестинцы, проживающие на этой территории, в расширенном еврейском государстве.

После Шестидневной войны Израиль развернул военный аппарат на вновь захваченных территориях и на время считал их «оккупированными». Однако на практике сектор Газа, Западный берег, Голанские высоты и Синайский полуостров рассматривались как «освобожденные» еврейские территории. Именно поэтому евреи заселили их, и особенно палестинское население пострадало от этой медленно продвигающейся израильской оккупации. В то время как население Голанских высот могло бежать или было выслано в Сирию, а население Синая — в Египет, большая часть палестинского населения осталась на палестинских территориях, захваченных Израилем.

³⁸Хофнунг 1996: 50; Бензиман и Мансур 1992: 33.

³⁹Азулай и Офир 2008. ⁴⁰Моррис 1996: 136–151.

the Israeli military – referred to as “Judea, Samaria and Gaza” in Israeli-Zionist jargon.

No longer on the agenda after 1967 was the naturalization of the “new Palestinians.” After all, the integration of several millions of non-Jews into the Israeli state corpus would inevitably run counter to the Zionist goal of a Jewish state. From 1967 on, the Palestinian question remained an open dilemma that consistently dominated security policy and politics in Israel.

After the Six-Day War, it took only a decade until the question of the Palestinian territories conquered in 1967 was brought back to the political agenda in earnest in connection to the Camp David peace negotiations with Egypt of 1977 and 1978. The main question was how Israel was to proceed with the Palestinians in the Gaza Strip and the West Bank. For the first time, an autonomy solution for the Palestinians was negotiated. Yet, even as in the late 1970s and early 1980s the government headed by Menachem Begin (1913–1992) did succeed in reaching a peace treaty with Egypt under the leadership of Muhammad Anwar el-Sadat (1918–1981) – namely at the cost of returning to Egypt the Sinai Peninsula conquered in 1967 – Israel still failed to realize the agreed upon autonomy for Palestinians in the West Bank and the Gaza Strip.

In the early 1980s, political Israel was simply not willing to lose its power status in the Palestinian territories and instead gave the highest priority to consolidating the Jewish presence. In that decade, more precisely from 1984 to 1990, Israel was governed by a grand coalition of two big Zionist camps: the *Likud* and Labor Party. One way of securing the Jewish presence was through the massive settlement of Judea, Samaria and Gaza, but the constant fight against the Palestinian national movement and its representatives served the same purpose.

Shortly after the implementation of the Israeli-Egyptian peace treaty stipulating Israel’s pullout from Sinai, the Israeli leadership under Menachem Begin and Ariel Sharon (1928–2014) sent military into Lebanon. June 1982 saw the beginning of a war that was also supported by the Labor Party, – then constituting the opposition – and that had as its proclaimed goal the righteous fight against Lebanon-based PLO terrorism. The true objective of the war, however, was to shape a new geopolitical order in the Middle East, one in which Israel would be able to preserve its strategic interests.

Above all, the motivation was to avert the autonomy of the Palestinians in the occupied territories since that would challenge the Israeli claim to parts of *Eretz Israel*. Minister of Defense and war initiator Ariel Sharon tried to convince PLO Chairman Yasser Arafat (1929–2004) to create a Palestinian state in Jordan, which would entail the fall of the Kingdom of Jordan. Arafat declined this suggestion. At that, Israel forcibly expelled the PLO leadership as well as hundreds of Palestinian activists from Lebanon in the summer of 1982.

Израильские военные – в израильско-сионистской терминологии их называют «Иудея, Самария и Газа».

После 1967 года вопрос о натурализации «новых палестинцев» перестал быть актуальным. В конце концов, интеграция нескольких миллионов неевреев в израильское государство неизбежно противоречила бы сионистской цели создания еврейского государства. С 1967 года палестинский вопрос оставался открытой дилеммой, неизменно доминировавшей в политике безопасности и политической жизни Израиля.

После Шестидневной войны прошло всего десять лет, прежде чем вопрос о палестинских территориях, завоеванных в 1967 году, вновь всерьез вошел в политическую повестку дня в связи с мирными переговорами в Кэмп-Дэвиде с Египтом в 1977 и 1978 годах. Главный вопрос заключался в том, как Израилю следует действовать в отношении палестинцев в секторе Газа и на Западном берегу. Впервые было достигнуто соглашение об автономии палестинцев. Однако, даже несмотря на то, что в конце 1970-х и начале 1980-х годов правительство во главе с Менахемом Бегомом (1913–1992) и добилося мирного договора с Египтом под руководством Мухаммеда Анвара ас-Садата (1918–1981) – а именно ценой возвращения Египту Синайского полуострова, завоеванного в 1967 году, – Израилю так и не удалось реализовать согласованную автономию для палестинцев на Западном берегу и в секторе Газа.

В начале 1980-х годов политический Израиль просто не желал терять свой статус лидера на палестинских территориях и вместо этого уделял первостепенное внимание укреплению еврейского присутствия. В то десятилетие, точнее, с 1984 по 1990 год, Израилем управляла большая коалиция двух крупных сионистских лагерей: *Ликуди* Лейбористской партии. Одним из способов обеспечения еврейского присутствия было масштабное заселение Иудеи, Самарии и Газы, но постоянная борьба против палестинского национального движения и его представителей служила той же цели.

Вскоре после заключения израильско-египетского мирного договора, предусматривающего вывод израильских войск из Синая, израильское руководство во главе с Менахемом Бегомом и Ариэлем Шароном (1928–2014) ввело войска в Ливан. В июне 1982 года началась война, которую поддерживала также Лейбористская партия, – тогда представлявшая оппозицию, – и которая провозглашала своей целью праведную борьбу с терроризмом, осуществляемым базирующейся в Ливане ООП. Однако истинной целью войны было формирование нового геополитического порядка на Ближнем Востоке, в котором Израиль смог бы сохранить свои стратегические интересы.

Прежде всего, мотивацией было предотвращение автономии палестинцев на оккупированных территориях, поскольку это поставило бы под сомнение претензии Израиля на части оккупированных территорий. *Эрец Израиль* Министр обороны и инициатор войны Ариэль Шарон пытался убедить председателя ООП Ясира Арафата (1929–2004) создать палестинское государство в Иордании, что повлекло бы за собой падение Иорданского Королевства. Арафат отклонил это предложение. После этого летом 1982 года Израиль силой выслал из Ливана руководство ООП, а также сотни палестинских активистов.

In any case, by thus removing the Palestinian leadership from the neighboring country, Israel only managed to buy a couple of years before the Palestinian question was back on the table. In December 1987, the first so-called “Intifada of Stones” broke out when the civilian population of Palestine rose up; brandishing the most primitive of weapons against an occupying force equipped with highly sophisticated arms. But political and military Israel was confronted with a new kind of situation when the images of their military oppression of the civilian uprising went all around the world. More and more, Israel was being perceived as “Goliath” in this conflict, while the Palestinians gained the attention and respect of large swaths of the world’s public for being the oppressed “David.”

After the East-West break of 1989 and the Second Gulf War of 1991 – a traumatic event for Israel⁴¹ – the international community under US leadership finally pressed for the Madrid Conference that took place in October 1991. Israel, Syria, Lebanon, Jordan and the Palestinians were brought to the negotiating table in order to try and jointly settle the Middle East conflict with international support. The Palestinian question was at the center of the talks, which is why the Zionist Right government headed (from 1990 to 1992) by *Likud* party leader Yitzhak Shamir (1915–2012) took part in the conference only very reluctantly. As was to be expected, this peace summit failed to achieve any results.

Only after a changeover of power had occurred in Jerusalem could a noteworthy breakthrough in Israeli-Palestinian relations be achieved. As the Labor Party took over power in 1992, a peace process with the Palestinians was set in motion. In the so-called Oslo Peace Process of 1993, Israel recognized the rights of the Palestinian people for the first time in history, and accepted the PLO headed by Yasser Arafat as its legitimate leadership and Israel’s dialogue partner.

The Palestinian Authority (PA) was established in two treaties (1993, 1995), and with this framework in place it was assumed that the basic conditions for a permanent solution of the Palestine question had been created. This gave rise to the hope that Israel might now be actually willing to put *Eretz Israel* up for political debate, and to divide the country between both peoples. Furthermore, it seemed that Israel had come to accept that the two-state solution would be in the best interests of Zionism. (The Oslo Peace Process and its failure will be discussed in more detail in Chapter 5).

There are several reasons why the first serious attempt to end the century-long conflict over Palestine failed. Taking into account the broad historic context, I would like to offer the following explanatory approach: By the end of the 1990s, Israel is in a precarious political situation, if not a total dead end. On

⁴¹ Zuckermann 1993.

В любом случае, таким образом, сместив палестинское руководство из соседней страны, Израилу удалось выиграть всего пару лет, прежде чем палестинский вопрос снова встал на повестку дня. В декабре 1987 года разразилась первая так называемая «Интифада камней», когда мирное население Палестины подняло восстание, размахивая самым примитивным оружием против оккупационных сил, оснащенных высокотехнологичным вооружением. Но политический и военный Израиль столкнулся с новой ситуацией, когда кадры военного подавления гражданского восстания облетели весь мир. Израиль все чаще воспринимался в этом конфликте как «Голиаф», в то время как палестинцы привлекали внимание и уважение значительной части мировой общественности, представляя себя угнетенным «Давидом».

После разрыва между Востоком и Западом в 1989 году и Второй войны в Персидском заливе в 1991 году – травмирующего события для Израиля⁴¹ – международное сообщество под руководством США наконец-то настояло на проведении Мадридской конференции, состоявшейся в октябре 1991 года. Израиль, Сирия, Ливан, Иордания и палестинцы были привлечены к переговорам с целью совместного урегулирования ближневосточного конфликта при международной поддержке. Палестинский вопрос находился в центре переговоров, поэтому сионистское правое правительство во главе (с 1990 по 1992 год) *Ликуд* Лидер партии Ицхак Шамир (1915–2012) принял участие в конференции лишь с большой неохотой. Как и следовало ожидать, этот мирный саммит не принес никаких результатов.

Только после смены власти в Иерусалиме удалось добиться значительного прорыва в израильско-палестинских отношениях. С приходом к власти в 1992 году Лейбористской партии был запущен мирный процесс с палестинцами. В рамках так называемого Ословского мирного процесса 1993 года Израиль впервые в истории признал права палестинского народа и признал Организацию освобождения Палестины (ООП) во главе с Ясиром Арафатом своим законным руководством и партнером Израиля по диалогу.

Палестинская автономия (ПА) была создана в соответствии с двумя договорами (1993, 1995 гг.), и, исходя из этой структуры, предполагалось, что созданы основные условия для окончательного решения палестинского вопроса. Это породило надежду на то, что Израиль теперь действительно может быть готов пойти на уступки. *Эрец Израиль* Это стало предметом политических дебатов и привело к разделению страны между двумя народами. Более того, казалось, что Израиль смирился с тем, что решение о создании двух государств будет отвечать наилучшим интересам сионизма. (Ословский мирный процесс и его провал будут более подробно рассмотрены в главе 5).

Существует несколько причин, по которым первая серьезная попытка положить конец столетнему конфликту вокруг Палестины провалилась. Принимая во внимание широкий исторический контекст, я хотел бы предложить следующий объяснительный подход: к концу 1990-х годов Израиль оказался в шатком политическом положении, если не в полном тупике.

⁴¹Цукерман 1993.

the one hand, Israel is unable to carry through with the division of the country due to ongoing domestic political reasons and due to its reason of state. Such an action continues to be regarded as blasphemous not only by the Zionist Right and by religious Zionism who have fought and will continue to fight such a measure by all available means, but to no lesser extent also by the Zionist Left, commonly referred to as the Israeli “peace camp,” that principally refuses to share sovereignty over the country with the Palestinians.

After all, the camp of the Zionist Left equally embraces the Zionist principle that *Eretz Israel* is the land of the Jewish people. This remains true even as the Zionist Left attempts to respond to the dilemma of the so-called demographic question, meaning the bi-national reality in Palestine, with the rhetoric of a two-state solution. The unshakable fact is that all Zionist parties have been actively taking part in the implementation of the Zionist project in *Eretz Israel* for a long time, and they have done so from a position of firm conviction that Zionism is the ultimate answer to the so-called “Jewish question.”

This is linked to another key aspect, namely Israel’s Orientalist attitude towards the “Arab” and consequently towards the regional Arab-Israeli conflict. This kind of perspective forms the historically grown basis for the civilian-military dominated Israeli order. An important consideration with regard to the failed Israeli-Palestinian peace process of the 1990s discussed herein is the fact that political Israel is simply not up to the task of dividing the country owing to domestic-political and ideological reasons. And what is more, Israeli politics is extremely skeptical when it comes to the question of whether a resolution of the local Palestine question would indeed result in regional peace. In the following, it will be scrutinized how political or Zionist Israel perceives the Arab environment in which it is inescapably located.

Israel and its View of the Arab World

Examining the texts of an establishment man such as Shimon Peres from the first three decades of Israel’s existence, one can detect in them a marked Orientalist image of the enemy that is closely connected to the central topos of these texts, namely the security question or the Arab-Israeli conflict. In those years, Peres (Deputy Director-General of the Ministry of Defense from 1953 to 1965, and Minister of Defense from 1974 to 1977, among other offices) showed a tendency of referring to those he identified as enemies of the Jewish state by the generalized

С одной стороны, Израиль не в состоянии осуществить раздел страны из-за сохраняющихся внутрисполитических причин и по государственным соображениям. Такой шаг по-прежнему рассматривается как кощунство не только сионистскими правыми и религиозным сионизмом, которые боролись и будут продолжать бороться с такой мерой всеми доступными средствами, но и в не меньшей степени сионистскими левыми, которых обычно называют израильским «лагерем мира», которые принципиально отказываются делить суверенитет над страной с палестинцами.

В конце концов, лагерь сионистских левых в равной степени разделяет сионистский принцип, согласно которому *Эрец Израиль* — это земля еврейского народа. Это остается верным, даже несмотря на то, что сионистские левые пытаются ответить на дилемму так называемого демографического вопроса, то есть двунациональной реальности в Палестине, риторикой решения проблемы двух государств. Непокоримым фактом является то, что все сионистские партии активно участвуют в реализации сионистского проекта в Палестине. *Эрец Израиль* Они делали это уже давно, твердо убежденные в том, что сионизм является окончательным ответом на так называемый «еврейский вопрос».

Это связано с другим ключевым аспектом, а именно с ориенталистским отношением Израиля к «арабам» и, следовательно, к региональному арабо-израильскому конфликту. Такая перспектива исторически формирует основу израильского порядка, в котором доминируют гражданские и военные структуры. Важным соображением в отношении провалившегося израильско-палестинского мирного процесса 1990-х годов, обсуждаемого здесь, является тот факт, что политический Израиль просто не способен разделить страну по внутрисполитическим и идеологическим причинам. Более того, израильская политика крайне скептически относится к вопросу о том, приведет ли разрешение местного палестинского вопроса к региональному миру. Далее будет рассмотрено, как политический или сионистский Израиль воспринимает арабскую среду, в которой он неизбежно находится.

Израиль и его взгляд на арабский мир

Анализируя тексты такого влиятельного деятеля, как Шимон Перес, написанные в первые три десятилетия существования Израиля, можно обнаружить в них ярко выраженный ориенталистский образ врага, тесно связанный с центральной темой этих текстов, а именно с вопросом безопасности или арабо-израильским конфликтом. В те годы Перес (заместитель генерального директора Министерства обороны с 1953 по 1965 год и министр обороны с 1974 по 1977 год, помимо других должностей) проявлял тенденцию называть тех, кого он считал врагами еврейского государства, обобщенным образом.

terms “Arab world” and “the Arabs.” In some instances he even talks of a conflict between “the Arab and the Jewish people.”⁴²

Peres perceives the Arab-Israeli conflict in the context of the long historic tradition of the persecution of Jews. As he said in 1965: “We are a people under constant threat and siege.”⁴³ Elsewhere he stresses, “Israel is a state under siege, with nothing less than its naked existence being at stake.”⁴⁴

The motif of being “alone amongst the peoples” (*Am levadad Ischkun*) is equally applied to the situation in the Middle East. Similarly, the metaphor of a “giant banana” that Peres uses to illustrate the difference in size between the small Jewish state and the dangerous and malicious enemies it is surrounded by – “Syria in the northern corner, Egypt in the south, threatening to suffocate it”⁴⁵ – reflects the Israeli sense of being threatened and isolated in that region. A key text with regard to Peres’ enemy image is the opening chapter of his book *David’s Sling* published in 1970, entitled “Conflict at the Abyss.”

Two things are relevant here. Firstly, the time when this text was written was right after the great victory of Israel over three Arab armies in the Six-Day War. Secondly, it should be kept in mind that the deliberations expounded in the book could – apart from their immediate ideological-political intentions in view of the new geopolitical situation – also be regarded as a résumé of Peres’ conflict or security concepts after serving more than a decade in the Ministry of Defense (1953–1965). As he himself has stated, Peres wrote this book after resigning from that ministry. Accordingly, his statements may be understood as reflections on the formative years of Israeli sovereignty:

Israel’s security problem is unique. It is compounded of several ingredients, all of them unusual. Its prime feature is the totality of Arab hostility. This is both publicly proclaimed and actively practiced, prevails in the entire Arab area, embraces the bulk of its inhabitants, is conducted in the military, political and economic fields, and is unceasing.

Except for its sea coast on the west, Israel is surrounded by Arab States: Lebanon and Syria, and beyond them, Iraq, in the north; Jordan in the east; Egypt, Yemen and Saudi Arabia in the south. Enmity towards Israel is the official and operative policy of all these States, and it is all-embracing. It includes economic boycott and blockade; political pressure and propaganda; closed frontiers and passage; military attack by regular units and official encouragement to sabotage and terror by irregular forces.

⁴² Peres 1978: 74.

⁴³ Peres 1965: 88.

⁴⁴ Ibid. 101.

⁴⁵ Peres 1970: 143; Peres 1965: 65.

Он использует термины «арабский мир» и «арабы». В некоторых случаях он даже говорит о конфликте между «арабским и еврейским народами».42

Перес рассматривает арабо-израильский конфликт в контексте долгой исторической традиции преследования евреев. Как он сказал в 1965 году: «Мы — народ, находящийся под постоянной угрозой и осадой».43 В другом месте он подчеркивает: «Израиль — государство в осаде, на кону стоит не что иное, как само его существование».44

Мотив одиночества среди народов (*Am levadad Ischkun* Метафора «гигантского банана», которую Перес использует для иллюстрации разницы в размерах между небольшим еврейским государством и опасными и злобными врагами, которыми оно окружено, также весьма уместна. – «Сирия в северном углу, Египет на юге, угрожая задушить его»45 – отражает ощущение израильянами угрозы и изоляции в этом регионе. Ключевым текстом, касающимся образа врага в глазах Переса, является первая глава его книги. *Праца Давида* опубликовано в 1970 году под названием «Конфликт в бездне».

Здесь важны два момента. Во-первых, этот текст был написан сразу после великой победы Израиля над тремя арабскими армиями в Шестидневной войне. Во-вторых, следует помнить, что изложенные в книге рассуждения – помимо их непосредственных идеологически-политических намерений в свете новой геополитической ситуации – можно также рассматривать как изложение концепций Переса в области конфликта или безопасности после более чем десяти лет работы в Министерстве обороны (1953–1965). Как он сам заявлял, Перес написал эту книгу после ухода из министерства. Соответственно, его высказывания можно понимать как размышления о годах становления израильского суверенитета:

Проблема безопасности Израиля уникальна. Она состоит из нескольких необычных составляющих. Ее главная особенность — всеобъемлющая враждебность со стороны арабского мира. Эта враждебность, как публично провозглашаемая, так и активно практикуемая, царит на всей территории арабского мира, затрагивает большую часть его населения, проявляется в военной, политической и экономической сферах и не прекращается.

За исключением западного морского побережья, Израиль окружен арабскими государствами: Ливаном и Сирией, а за ними — Ираком на севере, Иорданией на востоке, Египтом, Йеменом и Саудовской Аравией на юге. Враждебность по отношению к Израилю является официальной и действенной политикой всех этих государств и носит всеобъемлющий характер. Она включает в себя экономический бойкот и блокаду; политическое давление и пропаганду; закрытие границ и прохода; военные нападения со стороны регулярных войск и официальное поощрение диверсий и террора со стороны нерегулярных формирований.

42Перес 1978: 74.

43Перес 1965: 88.

44Там же, 101.

45Перес 1970: 143; Перес 1965: 65.

The aims of this policy are not confined to one particular area of Israel life or territory. The Arabs do not seek just one particular portion of Israel's land, sources of water, oil wells; they are not interested only in political advantage or economic domination. The Arab purpose is all-absorptive – the destruction of Israel and the annihilation or banishment of her inhabitants. [...]

The second special feature of the Arab-Israel conflict springs from the present mentality of the Arab world. Its source does not lie necessarily in the establishment and existence of the State of Israel. Soon after World War One, when the Zionist ideals began to be realized on a large scale, there were friendly and fruitful meetings between the leaders of the Jewish and the Arab peoples. In the Weizmann-Feisal Agreement signed in the Autumn of 1918, Article 4 stated that 'all means will be taken to encourage Jewish immigration to Palestine on a large scale'; and Article 7 recorded that 'the Zionist Movement proposes to send to Palestine a committee of experts to survey the economic possibilities of the country and to report on the most suitable means to develop it.'

The source of the conflict and of its widespread nature is to be sought not in issues between the Arabs and the Israelis, but in events and developments within the Arab States themselves. It is not so much that Israel-Arab relations are the fruits of misunderstandings, but that these misunderstandings are a reflection of the internal tensions which have struck the Arab world.

These tensions are expressed in a warlike mood which pervades the whole region. In their extreme form, they are expressed in full scale military action. In the last twenty years there have been seven wars in the Middle East, four of them among the Arabs themselves, and three between Israel and Egypt. [...]

The constant instability had its impact on life in the entire region and gave a special character to the social regimes in the Middle Eastern States. Of all the Arab States who border, or are close to, Israel, only one, Lebanon, has tasted democracy. All the others have been subjected throughout the entire period to a military or quasi-military regime.

The Arab States have in fact become a caricature of the slogan of Frederick the Great: they are not States who have armies but armies who have States. Military considerations are overriding in all their decisions affecting civilian life in these countries.

They have no system of 'checks and balances,' no institutions with the power to approve, restrain, or delay for further reflection items in the fashioning of policy. They have no free press, no independent political parties, no freely elected parliaments, no truly representative trade union movements. They lack a middle class which tends to recognize social obligations – their own and the regime's.

There is also something singular about Arab communication – the way they communicate with others and also among themselves. The Arab form of expression is given to using words in a decorative manner, with emotional connotations, rather than as precise instruments of exact meaning. This is reflected in vague formulations of obligations. Arab argument, instead of being fashioned with the ingredients of cogent and sober reasoning, tends to fit

Цели этой политики не ограничиваются какой-либо одной конкретной областью жизни или территорией Израиля. Арабы не стремятся захватить лишь какой-то конкретный участок израильской земли, источники воды, нефтяные скважины; их интересует не только политическая выгода или экономическое господство. Цель арабов всеобъемлюща – уничтожение Израиля и истребление или изгнание его жителей. [...]

Вторая особенность арабо-израильского конфликта проистекает из современного менталитета арабского мира. Его истоки не обязательно связаны с созданием и существованием Государства Израиль. Вскоре после Первой мировой войны, когда сионистские идеалы начали воплощаться в жизнь в больших масштабах, состоялись дружеские и плодотворные встречи между лидерами еврейского и арабского народов. В соглашении Вейцмана-Фейсала, подписанном осенью 1918 года, статья 4 гласила, что «будут приняты все меры для поощрения массовой еврейской иммиграции в Палестину»; а статья 7 фиксировала, что «сионистское движение предлагает направить в Палестину комитет экспертов для изучения экономических возможностей страны и подготовки доклада о наиболее подходящих средствах ее развития».

Источник конфликта и его широкомасштабного характера следует искать не в проблемах между арабами и израильтянами, а в событиях и изменениях внутри самих арабских государств. Дело не столько в том, что израильско-арабские отношения являются результатом недопонимания, сколько в том, что это недопонимание является отражением внутренней напряженности, охватившей арабский мир.

Эти противоречия выражаются в воинственном настроении, которое пронизывает весь регион. В своей крайней форме они проявляются в полномасштабных военных действиях. За последние двадцать лет на Ближнем Востоке произошло семь войн: четыре из них — между самими арабами, и три — между Израилем и Египтом. [...]

Постоянная нестабильность оказала влияние на жизнь во всем регионе и придала особый характер социальным режимам в государствах Ближнего Востока. Из всех арабских государств, граничащих с Израилем или находящихся в непосредственной близости от него, только одно, Ливан, познало демократию. Все остальные на протяжении всего этого периода находились под властью военного или квазивоенного режима.

Арабские государства фактически превратились в карикатуру на лозунг Фридриха Великого: это не государства, имеющие армии, а армии, имеющие государства. Военные соображения преобладают во всех решениях, затрагивающих гражданскую жизнь в этих странах.

У них нет системы «сдержек и противовесов», нет институтов, обладающих полномочиями утверждать, ограничивать или откладывать для дальнейшего рассмотрения вопросы, касающиеся формирования политики. У них нет свободной прессы, независимых политических партий, свободно избранных парламентов, подлинно представительных профсоюзных движений. Им не хватает среднего класса, который склонен осознавать социальные обязательства – свои собственные и обязательства режима.

Есть еще одна особенность в арабском общении – в том, как они общаются друг с другом и между собой. Арабская форма выражения склонна использовать слова скорее в качестве украшения, с эмоциональными коннотациями, чем как точные средства передачи смысла. Это отражается в расплывчатых формулировках обязательств. Арабская аргументация, вместо того чтобы быть построенной на основе убедительных и трезвых рассуждений, как правило, ограничивается...

the mould of propaganda and incitement. Truth finds it difficult to wend its way through the thickets of Arab communication not only with the outside world but also within the Arab world itself.⁴⁶

Thus, the two features of the Arab-Israeli conflict or the characteristics of the generalized image of the “Arab world” and the “Arab states” are, on the one hand, the “totality of Arab hostility” towards Israel and, on the other hand, the “present mentality of the Arab world.” In contrast to the statements Peres would make about the Palestinians in 1996, the above passages from 1970 contain a clear message of the acute peril for the Jewish state being posed by the Arab world. Peres’ unambiguous language, especially when referring to the all-engrossing Arab hostility, as well as the double emphasis of the “Arab purpose” of annihilating Israel being made already on the first page of his book, hardly leaves any doubt as to the significance which he ascribes to this danger.

Furthermore, the enumeration of the Arab states by name, even including those that are not direct neighbors of Israel and hence not involved in a direct conflict with it, and also the mention of a series of anti-Israeli measures, are all meant to support his theory of an archenemy alliance between the entire Arab world against Israel. The main message of this 1970 book is that there is no basis for negotiations whatsoever between Israel and its neighboring states, and a fact that is alluded to in a rather ostensible manner is that peace based on territorial concessions made by Israel cannot possibly be achieved in this particular historical phase.

An interesting contradiction comes to light when it becomes apparent that the chief characteristic of the “all-absorptive” hostility is rooted in the strong interconnection of the two histories; the Israeli-Zionist one and that of the other side. On the one hand, the “Arab world” as a clearly defined unit is fixated on the goal of “the destruction of Israel” and “the annihilation or banishment of her inhabitants.” This is pursued by very concrete political measures, namely through “economic boycott and blockade; political pressure and propaganda; closed frontiers and passage; military attack by regular units and official encouragement to sabotage and terror by irregular forces.”

On the other hand, the history of Israel is depicted as that of a victim of the malevolent intentions and policies of the Arab world, which is why Israel has no choice but to take security-political measures to ensure its own future existence. In this sense, it is clearly conveyed that the attribute of an all-encompassing hostility is rooted in a strong connection of both histories. In the last paragraph,

⁴⁶ Peres 1970: 10–12.

Это форма пропаганды и подстрекательства. Истине трудно пробиться сквозь дебри арабской коммуникации не только с внешним миром, но и внутри самого арабского мира.⁴⁶

Таким образом, двумя характерными чертами арабо-израильского конфликта или чертами обобщенного образа «арабского мира» и «арабских государств» являются, с одной стороны, «совокупность арабской враждебности» по отношению к Израилю, а с другой — «современный менталитет арабского мира». В отличие от заявлений Переса о палестинцах, сделанных в 1996 году, приведенные выше отрывки из книги 1970 года содержат ясное послание об острой опасности, которую арабский мир представляет для еврейского государства. Недвусмысленный язык Переса, особенно когда речь идет о всепоглощающей арабской враждебности, а также двойной акцент на «арабской цели» уничтожения Израиля, сделанный уже на первой странице его книги, практически не оставляет сомнений в том значении, которое он придает этой опасности.

Более того, перечисление арабских государств по именам, включая даже те, которые не являются прямыми соседями Израиля и, следовательно, не вовлечены в прямой конфликт с ним, а также упоминание ряда антиизраильских мер, призваны подтвердить его теорию о союзе заклятых врагов между всем арабским миром и Израилем. Главный посыл этой книги 1970 года заключается в том, что нет никаких оснований для переговоров между Израилем и его соседними государствами, и довольно явно намекается на то, что мир, основанный на территориальных уступках со стороны Израиля, в данный исторический период невозможен.

Интересное противоречие проявляется, когда становится очевидно, что главная характеристика «всепоглощающей» враждебности коренится в тесной взаимосвязи двух историй: израильско-сионистской и истории другой стороны. С одной стороны, «арабский мир» как четко определенная единица сосредоточен на цели «уничтожения Израиля» и «истребления или изгнания его жителей». Это достигается с помощью весьма конкретных политических мер, а именно: «экономического бойкота и блокады; политического давления и пропаганды; закрытия границ и проезда; военных атак регулярных частей и официального поощрения саботажа и террора со стороны нерегулярных формирований».

С другой стороны, история Израиля изображается как история жертвы злонамеренных намерений и политики арабского мира, поэтому у Израиля нет иного выбора, кроме как принимать меры в сфере безопасности и политики для обеспечения своего будущего существования. В этом смысле ясно показано, что атрибут всеобъемлющей враждебности коренится в тесной связи обеих историй. В последнем абзаце...

⁴⁶Перес 1970: 10–12.

however, Peres develops a reversed argumentative strategy that relies on the separation of both narratives. Thus he dehistoricizes and depoliticizes the conflict. As he goes on to explain: “The Arabs do not seek just one particular portion of Israel’s land, sources of water, oil wells; they are not interested only in political advantage of economic domination. The Arab purpose is all-absorptive – the destruction of Israel and the annihilation or banishment of her inhabitants.”

This kind of reasoning, aimed at excluding any option of negotiation, contains both momentums. On the one hand, there is the obviously conjunctive aspect, namely the intention of destruction that one side harbors against the other which is understood as an apodictic axiom not requiring any further explanation. On the other hand, there is a refusal to treat as an issue that which actually connects the two histories, namely the subject matter of the conflict – in this case particularly the territory – to which a solution may in fact be found together. The territory is quasi expunged from the conflict.

It has been argued that Peres *per se* denies that the territory is the central conflict issue. In reality, he is very much aware that the land is at the center of this clash. It is only that he chooses to put the accent on the fact that it is “all or nothing” when it comes to this conflict item. He sees this conflict as being governed by the logic of the zero-sum game – wherein it is alleged that the other side is not interested in any kind of compromise, whether concerning the land or other things – but wants nothing less than the whole territory, which means the annihilation of the Jewish state.

Even if the Palestinian question remains decidedly unmentioned, it always looms just below the surface in such contexts, especially by virtue of the fact that during the years in question Peres conceived of the “Arabs” or the “Arab world” as one entity, firmly unified in its hostility towards Israel. One may speak of a decoupling of both histories insofar as Peres grasps the conflict in the fundamental terms of “to be or not to be,” which *a priori* prohibits concrete compromises over “just one particular portion of Israel’s land” or “sources of water, oil wells.” Rather, any such concessions appear pointless, even downright dangerous.

This discourse implies not only the historical but also the spacial severance of one’s own history from that of the others. Consequently, based on the conflict feature of the all-encompassing hostility of the Arab world alone, Peres draws the following pessimistic conclusion:

This comprehensive hostility has been maintained without pause since the day of Israel’s establishment, and it has been kept at boiling point throughout. It is reflected in the condition of Israel. She has no powerful patrons who may, on the political plane, help to achieve a compromise which could prove an effective turning point. Her military victories are always overshadowed by the thought that they do not necessarily mark the end of warfare. Every success is countered in the Arab mind by the knowledge that they enjoy overwhelm-

Однако Перес разрабатывает обратную аргументационную стратегию, основанную на разделении двух нарративов. Таким образом, он деисторизует и деполитизирует конфликт. Как он далее объясняет: «Арабы не стремятся захватить лишь какой-то конкретный участок израильской земли, источники воды, нефтяные скважины; их интересует не только политическая выгода или экономическое господство. Цель арабов всеобъемлюща – уничтожение Израиля и истребление или изгнание его жителей».

Такой ход рассуждений, направленный на исключение любой возможности переговоров, содержит в себе оба аспекта. С одной стороны, присутствует очевидный конъюнктивный аспект, а именно намерение к разрушению, которое одна сторона питает по отношению к другой, и которое понимается как аподиктическая аксиома, не требующая дальнейших объяснений. С другой стороны, наблюдается отказ рассматривать как проблему то, что фактически связывает две истории, а именно предмет конфликта – в данном случае, в частности, территорию – решение которого фактически может быть найдено совместно. Территория фактически исключается из конфликта.

Было высказано предположение, что Перессам *по себе* отрицает, что территория является центральным конфликтным вопросом. В действительности, он прекрасно осознает, что земля находится в центре этого столкновения. Просто он предпочитает делать акцент на том, что в этом конфликтном вопросе действует принцип «всё или ничего». Он рассматривает этот конфликт как игру с нулевой суммой, в которой утверждается, что другая сторона не заинтересована ни в каком компромиссе, будь то в отношении земли или чего-либо еще, но хочет не меньше, чем всю территорию, что означает уничтожение еврейского государства.

Даже если палестинский вопрос остается практически не затронутым, в подобных контекстах он всегда маячит где-то на поверхности, особенно в силу того факта, что в рассматриваемые годы Перес воспринимал «арабов» или «арабский мир» как единое целое, твердо объединенное в своей враждебности к Израилю. Можно говорить о разрыве между этими двумя историями, поскольку Перес понимает конфликт в фундаментальном смысле «быть или не быть», что *априори* запрещается идти на конкретные компромиссы по поводу «лишь одной конкретной части израильской земли» или «источников воды, нефтяных скважин». Напротив, любые подобные уступки кажутся бессмысленными, даже откровенно опасными.

Этот дискурс подразумевает не только историческую, но и пространственную обособленность собственной истории от истории других. Следовательно, исходя из конфликтного характера всеобъемлющей враждебности только арабского мира, Перес делает следующий пессимистический вывод:

Эта всеобъемлющая враждебность поддерживается непрерывно со дня основания Израиля и постоянно находится в состоянии кипения. Это отражается на положении Израиля. У него нет влиятельных покровителей, которые могли бы на политическом уровне помочь достичь компромисса, способного стать эффективным поворотным моментом. Его военные победы всегда омрачаются мыслью о том, что они не обязательно означают конец войны. В арабском сознании каждый успех сопровождается осознанием того, что он имеет подавляющее превосходство.

ing superiority in the numbers of their populations, the size of their territories, the scale of their armies, and by the belief in their historic capacity for the long pull.

No compromise can satisfy them. It is the Arab goal to abolish Israel, not to change a political situation. Israel must surely be the only State since the Second World War which has had to face so stark a situation, with no alternative on the horizon.⁴⁷

Even after such decisive military victories of the Israeli army (IDF: Israel Defense Forces) over the Arab armies like the one in 1967, Israel cannot heave a sigh of relief because – given the demographical superiority of the Arabs in a region being seen as threatening – the hazard is far from eliminated. After all: “No compromise can satisfy them.” The reduction of the conflict to an all-encompassing Arab hostility towards Israel contains an irreconcilable contrast within itself.

While linking the narrative of the two collectives, where one respectively refuses to accept the other and thus banks on the disappearance of its opponent, this very connection is not addressed any further because the mutual hostility is absolutized. The “comprehensive hostility” of the Arabs towards Israel remains unsubstantiated and therefore becomes depoliticized and dehistoricized. Political events notwithstanding, it is perceived as a given, unchangeable and inevitable fact.

Peres follows this dehistoricization or depoliticization discourse by drawing on a separation rhetoric and blaming one particular Arab character trait for the Arab-Israeli conflict: namely the “present mentality of the Arab world.” It is seen as a unique conflict feature and is of great importance for the enemy image that is being discussed here. The expression “present mentality” contains two contrary components. On the one hand, the term “mentality” points to something that is ingrained, constant, and hence hard to change. On the other hand, the reference to the “present” alludes to its transient character, thus qualifying it. By tracing “the source for the conflict” not to “issues between the Arabs and the Israelis,” but to the *current* system of the Arab states themselves, Peres clearly continues to pursue his political argumentation according to which peace simply cannot be negotiated *at the present time*.

Two points are merged in this characterization of “Arab mentality,” one being the Arabs’ “warlike mood,” the other the “backwardness of most Arab states.” In her 2002 study on Peres’ view of the Arab world, Israeli historian Yael Krispin states that what we have here before us is a rather obvious enemy image. Up until the late 1960s, Peres saw Arabs as “malicious, inferior, not willing to compromise” and prone “to twisting [the truth] and aggressive agitation.” Also, they are

⁴⁷ Ibid. 9–10.

превосходство в численности населения, размерах территорий, масштабах армий, а также в вере в свою историческую способность к долгосрочному господству.

Никакой компромисс их не удовлетворит. Цель арабов — уничтожить Израиль, а не изменить политическую ситуацию. Израиль, несомненно, является единственным государством со времен Второй мировой войны, которому пришлось столкнуться с столь суровой ситуацией, когда на горизонте нет альтернативы.⁴⁷

Даже после таких решающих военных побед израильской армии (ЦАХАЛ: Армия обороны Израиля) над арабскими армиями, как, например, в 1967 году, Израиль не может вздохнуть с облегчением, потому что – учитывая демографическое превосходство арабов в регионе, воспринимаемом как угроза – опасность далеко не устранена. В конце концов: «Никакой компромисс их не удовлетворит». Сведение конфликта к всеобъемлющей арабской враждебности по отношению к Израилю содержит в себе непримиримый контраст.

Хотя в повествовании двух коллективов, где один из них отказывается принять другой и, таким образом, рассчитывает на исчезновение своего оппонента, эта связь далее не рассматривается, поскольку взаимная враждебность абсолютизируется. «Всеобщая враждебность» арабов по отношению к Израилю остается необоснованной и, следовательно, деполитизируется и деисторизируется. Несмотря на политические события, она воспринимается как данный, неизменный и неизбежный факт.

Перес продолжает этот дискурс деисторизации или деполитизации, опираясь на риторику разделения и обвиняя в арабо-израильском конфликте одну конкретную черту характера арабов: а именно «современный менталитет арабского мира». Он рассматривается как уникальная особенность конфликта и имеет большое значение для образа врага, который здесь обсуждается. Выражение «современный менталитет» содержит два противоположных компонента. С одной стороны, термин «менталитет» указывает на нечто укоренившееся, постоянное и, следовательно, трудноизменяемое. С другой стороны, ссылка на «настоящее» намекает на его преходящий характер, тем самым уточняя его. Проследивая «источник конфликта» не к «проблемам между арабами и израильтянами», а к *текущий*В рамках системы самих арабских государств Перес явно продолжает свою политическую аргументацию, согласно которой мир просто невозможен в результате переговоров.*в настоящее время.*

В этой характеристике «арабского менталитета» сливаются два момента: «воинственный настрой» арабов и «отсталость большинства арабских государств». В своем исследовании 2002 года, посвященном взгляду Переса на арабский мир, израильский историк Яэль Криспин утверждает, что перед нами довольно очевидный образ врага. Вплоть до конца 1960-х годов Перес считал арабов «злыми, неполноценными, не желающими идти на компромисс» и склонными «к искажению [правды] и агрессивной агитации». Кроме того, они

⁴⁷ Там же. 9–10.

“primitive and extremely concerned about their dignity, aggressive, uneducated and socially backward.”⁴⁸

That these two aspects of socio-cultural regression coupled with aggressive tendencies form the basis of Peres’ Arab enemy image is also confirmed in the text of 1970. At its very beginning, the “internal tensions” that lie at the core of the Arab world as well as the combative tendency lingering therein is mentioned. Peres takes a descriptive approach here by elaborating in some detail on the numerous wars and military *coup d’états* in the region. He speaks of a resulting “constant instability” in these states, which are informed by the particular character of their dictatorial regimes, and refers to the Arab governments as “military” or “quasi-military regimes.”

Peres fails to produce an explicit analysis of this inner instability, however. It is barely associated with the region’s colonial history and its still perceivable impact. Instead, it is ascribed to a *characteristic trait* exhibited by Arab societies. For example, Peres links the militant tendency of Arab states – with the exception of Lebanon – to a lack of civil institutions in these countries. After all, they have “no free press, no independent political parties,” and also “no freely elected parliaments, no truly representative trade union movements.” Likewise, there is “no middle class which tends to recognize social obligations.” To him, Arab states are “not States who have armies but armies who have States.”⁴⁹

To underline his hypothesis of the Arab world’s regressive culture, Peres goes on to include the Arabic language in the overall picture. He, who has hardly any knowledge of Arabic, alleges that the enemy has insufficient communication skills, portraying Arabic as a reflection of a backward and bellicose culture. As he says, Arabic shows the tendency of “using words in a decorative manner, with emotional connotations.” This implies that expressions are generally of a non-binding nature, and hence no great importance is attached to the word in Arab culture.

Not least, Peres charges the Arabic language with being violent in nature: “Arab argument, instead of being fashioned with the ingredients of cogent and sober reasoning, tends to fit the mold of propaganda and incitement.” Here, Peres underpins his theory that peace is not negotiable by pointing out the inadequacy of the enemy’s means of communication. Arabic is simply unsuitable for discerning truth, which is why “[t]ruth finds it difficult to wend its way through the thickets of Arab communication.”

⁴⁸ Krispin 2002: 196–197.

⁴⁹ Peres 1970: 11.

«Примитивные и крайне озабоченные своим достоинством, агрессивные, необразованные и социально отсталые».⁴⁸

То, что эти два аспекта социально-культурной регрессии в сочетании с агрессивными тенденциями составляют основу образа арабского врага, созданного Пересом, подтверждается и в тексте 1970 года. В самом начале упоминаются «внутренние противоречия», лежащие в основе арабского мира, а также сохраняющаяся в нем воинственная тенденция. Перес использует здесь описательный подход, подробно описывая многочисленные войны и военные действия *государственный переворот* в регионе. Он говорит о возникающей в результате «постоянной нестабильности» в этих государствах, обусловленной особым характером их диктаторских режимов, и называет арабские правительства «военными» или «квазимилитарными режимами».

Однако Перес не предлагает явного анализа этой внутренней нестабильности. Она лишь поверхностно связана с колониальной историей региона и её всё ещё ощутимым влиянием. Вместо этого её приписывают...*характерная черта* Это характерно для арабских обществ. Например, Перес связывает воинственную тенденцию арабских государств – за исключением Ливана – с отсутствием гражданских институтов в этих странах. В конце концов, у них «нет свободной прессы, нет независимых политических партий», а также «нет свободно избранных парламентов, нет по-настоящему представительных профсоюзных движений». Точно так же, там «нет среднего класса, который склонен признавать социальные обязательства». По его мнению, арабские государства – это «не государства, имеющие армии, а армии, имеющие государства».⁴⁹

Чтобы подчеркнуть свою гипотезу о регрессивной культуре арабского мира, Перес включает в общую картину арабский язык. Он, практически не владеющий арабским языком, утверждает, что у противника недостаточно коммуникативных навыков, изображая арабский язык как отражение отсталой и воинственной культуры. Как он говорит, в арабском языке наблюдается тенденция «использовать слова в декоративных целях, с эмоциональными коннотациями». Это подразумевает, что выражения, как правило, несут необязательный характер, и поэтому в арабской культуре слову не придается большого значения.

В частности, Перес обвиняет арабский язык в насильственном характере: «Арабские аргументы, вместо того чтобы быть построенными на основе убедительного и трезвого рассуждения, как правило, соответствуют шаблонам пропаганды и подстрекательства». Здесь Перес подкрепляет свою теорию о том, что мир не подлежит обсуждению, указывая на неадекватность средств коммуникации противника. Арабский язык просто непригоден для распознавания истины, поэтому «истине трудно проложить себе путь сквозь дебри арабской коммуникации».

⁴⁸Криспин 2002: 196–197.

⁴⁹Перес 1970: 11.

As a result, any attempt at communication is doomed to failure. Peres stresses the fact that these communicational features not only impact foreign policy but also inform the inner-Arab relations. Put another way, even amongst themselves Arabs cannot help but communicate in a “peculiar” manner. This line of argument is not only aimed at confirming Peres’ message that peace is out of reach at this point in time, it also implicitly locates the source of the conflict “on the other side.”

True, after his harsh, curt judgment, Peres does go on to soften his tone: “I do not cite this to draw a sweeping judgment of the character of the Arabs, or to claim that it is immutable, but simply to show how this character is used by the current regimes to which the Arabs are at present reconciled.” But this relativization does little to mitigate the postulate of the “peculiar nature of the Arabs,” as it still implies that it remains prey to easy manipulation by Arab regimes.

In Peres’ estimation, it is these regimes that are to blame for taking advantage of this general mentality. He may express the future-oriented, optimistic position that the current situation can be altered, not least because “the Arabs have known more enlightened regimes in the past” and “far-reaching social change is already knocking on the historic door of the Arabs, and if indeed there is such change, the destiny of the region will be completely transformed.” But despite this fact, in Peres’ understanding the destiny of the region depends entirely *on the change of the political history of the Arabs*.⁵⁰

The history of the Arab-Israeli conflict, the topos Peres is addressing here, is explained based exclusively on Arab history, with the solution being hinged on an inner-Arab shift: “At all events, until there is change, Israel feels rather like a State planted in an international suburb which is torn by constant disturbances, a suburb in which neither law nor order, logic nor peace, plays any role in the life of its inhabitants.”⁵¹

Here, Peres is projecting his Eastern European experience, his personal perspective, on the Middle Eastern context. In the original Hebrew version of the same text he even uses the term “pogrom”⁵² to describe the Arab outbursts of violence, a term rooted in the history of the Jewish diaspora, highlighting his sense of a parallelism between the Arab-Israeli relations and the situation of the Jewish minority within an inimical Eastern European environment. With regard to the two other conflict features invoked by Peres, namely the “superiority in the numbers” of the Arabs over the Jews in the region and the frequency of violent

⁵⁰ Ibid. 12.

⁵¹ Ibid. 12.

⁵² Peres 1970: 4. (Hebr.)

В результате любая попытка коммуникации обречена на провал. Перес подчеркивает, что эти особенности коммуникации влияют не только на внешнюю политику, но и на внутриарабские отношения. Иными словами, даже между собой арабы не могут не общаться «своеобразным» образом. Эта линия аргументации направлена не только на подтверждение утверждения Переса о том, что мир в данный момент недостижим, но и косвенно указывает на источник конфликта «на другой стороне».

Действительно, после своего резкого и лаконичного суждения Перес смягчает тон: «Я привожу это не для того, чтобы вынести всеобъемлющее суждение о характере арабов или утверждать, что он неизменен, а просто чтобы показать, как этот характер используется нынешними режимами, с которыми арабы в настоящее время примирились». Но эта релятивизация мало что делает для смягчения постулата о «своеобразном характере арабов», поскольку она по-прежнему подразумевает, что они остаются легкой добычей для манипуляций со стороны арабских режимов.

По мнению Переса, именно эти режимы виноваты в том, что воспользовались таким общим менталитетом. Он может выражать оптимистичную, ориентированную на будущее позицию, полагая, что нынешнюю ситуацию можно изменить, не в последнюю очередь потому, что «арабы в прошлом знали более просвещенные режимы» и «далеко идущие социальные перемены уже стучатся в исторические двери арабского мира, и если такие перемены действительно произойдут, судьба региона полностью изменится». Но, несмотря на это, в понимании Переса судьба региона полностью зависит от этого. *об изменении политической истории арабов*.⁵⁰

История арабо-израильского конфликта, к которой обращается Перес, объясняется исключительно на основе арабской истории, а решение конфликта основывается на внутриарабских переменных: «В любом случае, пока не произойдут перемены, Израиль ощущается скорее как государство, расположенное в международном пригороде, раздираемом постоянными беспорядками, пригороде, в котором ни закон, ни порядок, ни логика, ни мир не играют никакой роли в жизни его жителей»..⁵¹

Здесь Перес проецирует свой восточноевропейский опыт, свою личную точку зрения, на ближневосточный контекст. В оригинальной еврейской версии того же текста он даже использует термин «погром»⁵² для описания вспышек насилия со стороны арабов — термин, уходящий корнями в историю еврейской диаспоры, — подчеркивая свое ощущение параллели между арабо-израильскими отношениями и положением еврейского меньшинства во враждебной восточноевропейской среде. Что касается двух других конфликтных моментов, упомянутых Пересом, а именно «численного превосходства» арабов над евреями в регионе и частоты насильственных действий

⁵⁰Там же. 12.

⁵¹Там же. 12.

⁵²Перес 1970: 4. (ивр.)

outbreaks, his explanations are restricted to quantitative aspects, referencing data, population size, territory and military power.⁵³

The Arab world is an unknown territory to him; it inspires in him feelings of fear. Consequently, an integration of Israel into the Arab region is downright unimaginable in the years before 1970. As early as the mid-1950s, in his function as Deputy Director-General of the Ministry of Defense, Shimon Peres formulates the so-called “Periphery Doctrine,” also known as the “Border State Doctrine.” It is aimed at overcoming Israel’s clearly felt and unsettling regional isolation by means of an Israeli alliance with non-Arab or non-Muslim states and minorities in the Middle East.

From the historical perspective, this line of thought constitutes the foundation for the mainly military forms of cooperation between Israel and states such as Iran, Ethiopia and Turkey, as well as with minorities like the Christians in Lebanon or the Kurds. As co-developer of this doctrine and also given his position in the Ministry of Defense, Peres had a key role in shaping Israeli relations with states in Africa and Asia that are subject to a high security rating and about which little is known due to their mostly military nature, including arms trade and military training.

The logic of the Periphery Doctrine, arising out of a deep sense of isolation, contains the “activistic” approach that consists in retorting to perceived rejection from the immediate environment by “activistically” shutting-off from it. An important aim of this doctrine, developed after the Suez War of 1956 in reaction to Israel’s political defeat, was to counter the Arab nationalism led by the Egyptian President Nasser. The Suez War boosted his position considerably as it was extremely alarming to Israel.

The fear of a spread of hostilities fostered by Arab nationalism – in particular the 1958 Syrian-Egyptian military unification into the United Arab Republic gave reason for concern – also finds expression in Peres’ book of 1970. He underscores the necessity of putting a stop to the process in which Arab neighbor states are infecting the entire Arab world and the Muslim religious community with their enmity towards Israel, lest it grab hold of the whole region.⁵⁴

Pursuant to the Periphery Doctrine, Israel was supposed to confront Arab nationalism, perceived to be the archenemy, by providing military support to non-Arab and non-Muslim forces within the region. The hope was to weaken Arab nationalism in this way, and hence its member states. This concept contributed to the establishment of the notion that one has no choice but to resign oneself

⁵³ Peres 1970: 12–14.

⁵⁴ Peres 1970, Chapter 13 “Israel and the Arab World”: 258–280.

В отношении всплеск заболеваний его объяснения ограничиваются количественными аспектами, ссылаясь на данные, численность населения, территорию и военную мощь.⁵³

Арабский мир был для него неизведанной территорией; он внушал ему страх. Следовательно, интеграция Израиля в арабский регион была совершенно немыслима в годы до 1970 года. Еще в середине 1950-х годов, занимая должность заместителя генерального директора Министерства обороны, Шимон Перес сформулировал так называемую «доктрину периферии», также известную как «доктрина пограничного государства». Она была направлена на преодоление явно ощущаемой и тревожной региональной изоляции Израиля посредством союза Израиля с неарабскими или немусульманскими государствами и меньшинствами на Ближнем Востоке.

С исторической точки зрения, эта линия мысли составляет основу для преимущественно военных форм сотрудничества между Израилем и такими государствами, как Иран, Эфиопия и Турция, а также с меньшинствами, такими как христиане в Ливане или курды. Будучи одним из разработчиков этой доктрины, а также учитывая его должность в Министерстве обороны, Перес сыграл ключевую роль в формировании израильских отношений с государствами Африки и Азии, которые имеют высокий уровень безопасности и о которых мало что известно из-за их преимущественно военного характера, включая торговлю оружием и военную подготовку.

Логика доктрины периферии, проистекающая из глубокого чувства изоляции, включает в себя «активистский» подход, заключающийся в ответ на предполагаемое отторжение со стороны непосредственного окружения путем «активистского» отстранения от него. Важной целью этой доктрины, разработанной после Суэцкой войны 1956 года в ответ на политическое поражение Израиля, было противодействие арабскому национализму во главе с египетским президентом Насером. Суэцкая война значительно укрепила его позиции, поскольку она была крайне тревожной для Израиля.

Страх перед распространением враждебности, разжигаемой арабским национализмом, – в частности, поводом для беспокойства стало военное объединение Сирии и Египта в 1958 году в Объединенную Арабскую Республику, – также находит отражение в книге Переса 1970 года. Он подчеркивает необходимость положить конец процессу, в ходе которого соседние арабские государства заражают весь арабский мир и мусульманскую религиозную общину своей враждебностью к Израилю, чтобы тот не захватил весь регион.⁵⁴

В соответствии с доктриной периферии, Израиль должен был противостоять арабскому национализму, воспринимаемому как заклятый враг, оказывая военную поддержку неарабским и немусульманским силам в регионе. Надежда состояла в том, чтобы таким образом ослабить арабский национализм, а следовательно, и государства-члены. Эта концепция способствовала формированию представления о том, что у человека нет иного выбора, кроме как смириться с ситуацией.

⁵³Перес 1970: 12–14.

⁵⁴Перес 1970, Глава 13 «Израиль и арабский мир»: 258–280.

to the existing regional situation of besiegement. And this view was ultimately solidified as the main focus was averted from the near environment – but only in a political-diplomatic, certainly not in a military and secret-military sense.

In 1958, Peres justifies this way of thinking as follows: “We are looking to draw nearer to an environment that will cooperate with us, and not one that is capable of exterminating us.”⁵⁵ Following this logic, the immediate neighbor states have to be partially ignored and removed from one’s consciousness, as they are obviously not adequate to the task of cooperation.

Arab Nationalism as Israel’s Archenemy

Egypt’s President Gamal Abdel Nasser was the enemy *par excellence* for Israel from 1952 until his death in 1970, particularly between the armed encounters of 1956 and Egypt’s defeat in 1967. This decade is considered to be a period of relative calm after the devastating years that followed the establishment of Israel right up until the Suez War in October 1956. From Israel’s point of view, however, the calm was pregnant with tension as Arab nationalism was at its peak during this time.

In these years, Arab nationalism, with the charismatic Egyptian president as its figurehead, was seen as a highly dangerous phenomenon for the young state. Following his military defeat in the Suez War, Nasser scored an important political victory when Israel was not able to celebrate its military success due to international pressure and was forced to withdraw from the conquered land, particularly the Sinai Peninsula and the Gaza Strip, by March 1957.

At that time Arab nationalism gained new momentum through the broadening of support in the Arab world for a secular national movement of the Arab states as they were gradually being freed from imperialism. The unification of Syria and Egypt in 1958, the reinforcement of Palestinian forces in Jordan, the founding of the Palestinian organization “Fatah” in 1964 with Nasser’s help, and Nasser’s general support for the Palestinian cause – all contributed to the process in which Nasser was stylized as Israel’s nemesis.

In 1970, Shimon Peres analyzed Nasser as a person and as a politician, taking, as it were, a retrospective view of the Nasser era. He described Nasser’s dilemma as follows: “Nasser’s regime is also torn by two conflicting purposes. It would like to establish a reform movement which will grapple with the grim realities of

⁵⁵ Peres 1965: 68.

к существующей региональной ситуации осады. И эта точка зрения в конечном итоге укрепились, поскольку основное внимание было перенесено с ближайшего окружения – но только в политико-дипломатическом, безусловно, не в военном и секретно-военном смысле.

В 1958 году Перес обосновал такой образ мышления следующим образом: «Мы стремимся приблизиться к среде, которая будет сотрудничать с нами, а не к той, которая способна нас истребить».⁵⁵ Следуя этой логике, ближайших соседей следует частично игнорировать и исключить из сознания, поскольку они явно не подходят для задачи сотрудничества.

Арабский национализм как заклятый враг Израиля

Президент Египта Гамаль Абдель Насер был врагом. *превосходный* Для Израиля это десятилетие длилось с 1952 года до его смерти в 1970 году, особенно в период между вооруженными столкновениями 1956 года и поражением Египта в 1967 году. Это десятилетие считается периодом относительного спокойствия после разрушительных лет, последовавших за созданием Израиля вплоть до Суэцкой войны в октябре 1956 года. Однако с точки зрения Израиля это спокойствие было сопряжено с напряженностью, поскольку арабский национализм в это время достиг своего пика.

В те годы арабский национализм, во главе с харизматичным египетским президентом, рассматривался как крайне опасное явление для молодого государства. После военного поражения в Суэцкой войне Насер одержал важную политическую победу, когда Израиль не смог отпраздновать свой военный успех из-за международного давления и был вынужден вывести войска с оккупированных территорий, в частности с Синайского полуострова и сектора Газа, к марту 1957 года.

В то время арабский национализм набрал новый импульс благодаря расширению поддержки в арабском мире светского национального движения арабских государств, постепенно освобождавшихся от империализма. Объединение Сирии и Египта в 1958 году, усиление палестинских сил в Иордании, создание палестинской организации «ФАТХ» в 1964 году при поддержке Насера и общая поддержка Насером палестинского дела — все это способствовало тому, что Насер стал восприниматься как заклятый враг Израиля.

В 1970 году Шимон Перес проанализировал Насера как личность и как политика, взглянув, так сказать, на эпоху Насера в ретроспективе. Он описал дилемму Насера следующим образом: «Режим Насера также раздрают две противоречащие друг другу цели. Он хотел бы создать реформаторское движение, которое будет бороться с суровыми реалиями...»

⁵⁵Перес 1965: 68.

Arab life; but it also wants it to be a messianic movement, pursuing mystical aims inspired by Arab history.”⁵⁶

Among Nasser's reform goals Peres lists the fight against the Muslim religious extremists such as the “Muslim Brotherhood,” and the implementation of a socialist policy; even if the respective reforms in the fields of education, economy and lifestyle were mostly of a merely symbolic nature. The messianic aspect, comments Peres, drives Nasser to “create the kind of army which Egypt is incapable of establishing at present”⁵⁷. Finally, Peres explicitly states what he sees as the actual conflict: namely the wish to become an “Egyptian Kemal Atatürk”⁵⁸, “securing a place in Arab history as the modern Saladin”⁵⁹ at the same time.⁶⁰

Peres basically assumes that as a result of the ambivalence of the two ambitions – statesman and messiah – Nasser ultimately falls prey to the Arab salvation movement in the form of Arab nationalism. Especially following Nasser's promising rise to becoming the leader of the country on the Nile as it was being liberated from British imperialism, Peres sees him as “a grave disappointment – to the world, to Egypt itself, to the Arabs and to Israel.”⁶¹

Arab nationalism, understood mainly as pressure to solve the Palestine question, caused Israel great anxiety between 1956 and 1967. In the years after the founding of the state up until the “liberating” Six-Day War, Israel relied on securing and consolidating the demographic and geopolitical successes of 1948–1949. The local border or retaliation wars of 1952–1956 and the regional armed encounters of 1956 and 1967 were an expression of these attempts to permanently preserve Israel's achievements of 1948. The fear of a powerful Arab nationalism can be clearly perceived between the lines of Peres' retrospective account of this time.

Such a movement would force Israel to solve the Palestine question in the interests of the “Arabs of *Eretz Israel*,” which would pose a real threat for the Zionist project. Although Peres does address, even if only very sporadically and briefly, the interconnectedness of the Israeli-Palestinian and the pan-Arab-Israeli conflicts, the fear of consequences ultimately leaves him speechless. He briefly mentions the hope of the Arabs of *Eretz Israel*, inspired by the strengthening of the Egyptian president and his desire to become an Arab Saladin. But he does not fail to mention what a disaster Nasser has ultimately brought on the Palestinians

⁵⁶ Peres 1970: 263.

⁵⁷ Ibid. 263.

⁵⁸ Mustafa Kemal Atatürk (1881–1938), founder of the modern state of Turkey.

⁵⁹ Yusuf Ibn Ayyub (1138–1193), called Saladin, first sultan of the Ayyubid Dynasty. In 1187 he conquered Jerusalem, ending the 88 years of Christian rule for the time being.

⁶⁰ Peres 1970: 263.

⁶¹ Ibid. 265.

«Арабская жизнь; но она также хочет, чтобы это было мессианское движение, преследующее мистические цели, вдохновленные арабской историей».⁵⁶

Среди целей реформ Насера Перес перечисляет борьбу с мусульманскими религиозными экстремистами, такими как «Братья-мусульмане», и проведение социалистической политики; хотя соответствующие реформы в области образования, экономики и образа жизни носили в основном лишь символический характер. Мессианский аспект, отмечает Перес, побуждает Насера «создать такую армию, которую Египет в настоящее время не способен создать»⁵⁷. Наконец, Перес прямо заявляет о том, что он считает реальным конфликтом: а именно, желание стать «египетским Кемалем Ататюрком»⁵⁸, «обеспечив себе место в арабской истории как современный Саладин»⁵⁹ одновременно.⁶⁰

Перес, по сути, исходит из двойственности двух амбиций – государственного деятеля и мессии – и в конечном итоге становится жертвой арабского движения спасения в форме арабского национализма. Особенно после многообещающего восхождения Насера на пост лидера страны на Ниле в период её освобождения от британского империализма, Перес видит в нём «серьёзное разочарование – для мира, для самого Египта, для арабов и для Израиля».⁶¹

Арабский национализм, понимаемый главным образом как давление с целью решения палестинского вопроса, вызывал у Израиля большую тревогу в период с 1956 по 1967 год. В годы после основания государства и вплоть до «освободительной» Шестидневной войны Израиль полагался на обеспечение и закрепление демографических и геополитических успехов 1948–1949 годов. Локальные пограничные или ответные войны 1952–1956 годов и региональные вооруженные столкновения 1956 и 1967 годов были выражением этих попыток навсегда сохранить достижения Израиля 1948 года. Страх перед сильным арабским национализмом отчетливо прослеживается между строк ретроспективного описания этого периода Пересом.

Подобное движение вынудило бы Израиль решать палестинский вопрос в интересах «арабов». *Эрец Израиль*», что представляло бы реальную угрозу сионистскому проекту. Хотя Перес и затрагивает, пусть и очень спорадически и кратко, взаимосвязь израильско-палестинского и панарабско-израильского конфликтов, страх перед последствиями в конечном итоге лишает его дара речи. Он кратко упоминает надежду арабов на *Эрец Израиль*. Вдохновленный укреплением позиций египетского президента и его стремлением стать арабским Саладином, он не упускает из виду, какую катастрофу в конечном итоге навлек на палестинцев Насер.

⁵⁶Перес 1970: 263.

⁵⁷Там же, 263.

⁵⁸Мустафа Кемаль Ататюрк (1881–1938), основатель современного турецкого государства.

⁵⁹Осуф ибн Айюб (1138–1193), прозванный Саладином, первый султан династии Айюбидов. В 1187 году он завоевал Иерусалим, положив конец 88-летнему христианскому правлению на тот момент.

⁶⁰Перес 1970: 263.

⁶¹Там же, 265.

through his policy of war, “a bigger catastrophe than they [the Palestinians] have experienced under King Farouk and the Mufti of Jerusalem put together.”⁶²

Even when looking at the Palestine question from this angle, Peres omits Israel and its role as if it was purely “an Arab affair.” In order to understand how Zionist Israel perceives the “Arab environment,” “the Arab world” or “the Arabs,” it is useful to employ the separation discourse hypothesis according to which Israel’s political culture has cultivated a discourse over the years that is drawing on an isolated perception of the two histories, with the Jewish-Zionist or Israeli on one side and that of “the Arabs” on the other.

Conclusion: Between Regional Conflict and the Question of Palestine

The implementation of Zionism in the Orient threw Israel into a clash with the “Arab enemy.” Political Israel conceives of and deals with the so-called Middle East conflict on two different planes: on the one hand as a local Palestinian question, on the other as a regional conflict with the “Arab world.” The traumatic invasion in May 1948 of five Arab armies into Palestine to fight against the creation of the Jewish state marked a turning point in the conflict history, as it meant the spacial expansion of the Arab question. From Israel’s point of view, the “Arab world” and not only the Arab population of *Eretz Israel* had now become a dangerous adversary, and as Peres’ texts reveal, even an archenemy. This enemy image of the Arab environment soon consolidated in Israel, and lastingly shaped the Israeli understanding of the conflict.

Numerous armed encounters with several neighboring states on different fronts – the so-called War of Independence in 1948, the Suez War in 1956, the Six-Day War in 1967, the War of Attrition in 1967–1969, the *Yom Kippur War* in 1973, the Lebanon War in 1982–2000, the Gulf War in 1991 and other military operations – all served to solidify this image. Up until the Egyptian-Israeli peace settlement of 1978, Egypt was considered the most dangerous antagonist. As the leading state of Arab nationalism and as the major opponent in the wars of 1948, 1956, 1967, and especially 1973, it had been the state most feared by Israel up to this point.

In the 1980s, the war theater shifted from the south to the north. As a civil war broke out in Lebanon in 1975, the country became increasingly attractive for interventions by neighboring states like Syria, with whom Israel has been engaged in a territorial conflict since 1967. Israel intervened in Lebanon as early as 1978 and

⁶² Peres 1970: 144. (Hebr.)

Его военная политика привела к «большей катастрофе, чем та, которую они [палестинцы] пережили при короле Фаруке и муфтии Иерусалима вместе взятых».⁶²

Даже рассматривая палестинский вопрос с этой точки зрения, Перес умалчивает об Израиле и его роли, как если бы это было исключительно «арабское дело». Для понимания того, как сионистский Израиль воспринимает «арабскую среду», «арабский мир» или «арабов», полезно использовать гипотезу дискурса разделения, согласно которой политическая культура Израиля на протяжении многих лет культивировала дискурс, основанный на изолированном восприятии двух историй: еврейско-сионистской или израильской с одной стороны и истории «арабов» с другой.

Заключение: Между региональным конфликтом и палестинским вопросом

Внедрение сионизма на Востоке свергло Израиль в столкновение с «арабским врагом». Политический Израиль рассматривает и решает так называемый ближневосточный конфликт на двух разных уровнях: с одной стороны, как локальный палестинский вопрос, с другой — как региональный конфликт с «арабским миром». Травматическое вторжение в Палестину в мае 1948 года пяти арабских армий для борьбы против создания еврейского государства стало поворотным моментом в истории конфликта, поскольку означало пространственное расширение арабского вопроса. С точки зрения Израиля, «арабский мир», а не только арабское население, *Эрец Израиль* теперь он стал опасным противником, а, как показывают тексты Переса, даже заклятым врагом. Этот враждебный образ арабского мира вскоре укрепился в Израиле и надолго сформировал израильское понимание конфликта.

Многочисленные вооруженные столкновения с несколькими соседними государствами на разных фронтах – так называемая Война за независимость 1948 года, Суэцкая война 1956 года, Шестидневная война 1967 года, Война на истощение 1967–1969 годов, *Война Судного дня* 1973 году, Ливанская война 1982–2000 годов, война в Персидском заливе в 1991 году и другие военные операции.

– все это лишь укрепляло этот образ. Вплоть до египетско-израильского мирного соглашения 1978 года Египет считался самым опасным противником. Будучи ведущим государством арабского национализма и главным соперником в войнах 1948, 1956, 1967 и особенно 1973 годов, он был государством, которого Израиль боялся больше всего.

В 1980-х годах театр военных действий переместился с юга на север. С началом гражданской войны в Ливане в 1975 году страна стала все более привлекательной для интервенций со стороны соседних государств, таких как Сирия, с которой Израиль находится в территориальном конфликте с 1967 года. Израиль вмешался в ситуацию в Ливане еще в 1978 году.

⁶²Перес 1970: 144. (Евр.)

then again in 1982 to 2000, in order to shape the geopolitical order according to its own interests.

Tense relations with other Arab countries apart from Syria – such as Iraq (1991, 2003), Jordan (despite the peace treaty of 1994) and Iran (since 1979) – are still a part of political reality. Thus the regional constellation of the “all-absorptive hostility,” as portrayed by Peres in 1970, seems to have been confirmed from the historic perspective.

But what is ultimately at the heart of these conflicts on different fronts is the shift of borders that occurred in 1948 and 1967, in other words, the Palestine question. This in turn is linked to other entanglements of the regional conflict and has profound historic reasons. Over the years, Israel’s understanding of the Palestinian question has directly led to the impasse in which it currently finds itself locked. The fear of grappling with this question by political means is caused by the fact that this would mean calling into question a pillar of Zionism: *Eretz Israel* as the country of the Jewish people.

Since this myth is a constituent of the Israeli reason of state, there is no real dispute over Palestine in Israel’s political discourse. It is not the *Palestine* question but rather the *Palestinian* question that is on Israel’s agenda. This agenda has been discussed mainly in security-political and military terms (through the military government before 1967 and the military occupation afterwards), which has resulted in the depoliticization of the conflict. Ensuing from this, Israel has gradually developed an understanding of the conflict according to which the confrontation with the Palestinians or the neighboring Arab states is not really about the land or other material resources, but rather about a general aversion against the Jewish state as such – in other words about the “all-absorptive hostility” of the “new *Goyim*.”

If one draws on Yosef Gorny’s typology of the Zionist schools of thought that dedicated themselves to the Arab question during the time of the *Yishuv* before 1948, then historically Israel has been trying to realize the concept of a Political Zionism as it has been formulated by Theodor Herzl, or a Zionism of maximalist-separatist orientation as proposed by Berl Katznelson, with the main focus being on the establishment and preservation of a Jewish state for the Jewish people in *Eretz Israel*. This entailed displacing “the others,” the Palestinians living in the area, not only physically (as soon as the opportunity arose) but also mentally. The Palestinians were forced into the role of an “out group” of the Zionist vision as they were *de facto* living on the “land without a people” that was understood to be the “promised land” meant “for a people without a land.”

Israel’s view of the Palestinians, however, is highly ambivalent. On the one hand they appear as the beaten enemy given the devastating defeats they sustained in 1948 and 1967. Over the course of Zionism’s dramatic victory, especially

затем снова в период с 1982 по 2000 год, с целью формирования геополитического порядка в соответствии со своими собственными интересами.

Напряженные отношения с другими арабскими странами, помимо Сирии, – такими как Ирак (1991, 2003), Иордания (несмотря на мирный договор 1994 года) и Иран (с 1979 года) – по-прежнему являются частью политической реальности. Таким образом, региональная картина «всепоглощающей враждебности», как её описывал Перес в 1970 году, похоже, подтвердилась с исторической точки зрения.

Но в основе этих конфликтов на разных фронтах лежит, в конечном счете, смещение границ, произошедшее в 1948 и 1967 годах, иными словами, палестинский вопрос. Это, в свою очередь, связано с другими аспектами регионального конфликта и имеет глубокие исторические причины. На протяжении многих лет понимание Израилем палестинского вопроса напрямую приводило к тупиковой ситуации, в которой он сейчас находится. Страх перед решением этого вопроса политическими средствами вызван тем, что это означало бы поставить под сомнение один из столпов сионизма: *Эрец Израиль* как страна еврейского народа.

Поскольку этот миф является неотъемлемой частью израильского государственного устройства, в израильском политическом дискурсе нет реальных споров по поводу Палестины. Это не так. *Палестина* вопрос, а скорее *палестинец* вопрос, стоящий на повестке дня Израиля. Эта повестка дня обсуждалась главным образом в контексте безопасности, политики и военного дела (в период военного правления до 1967 года и военной оккупации после него), что привело к деполитизации конфликта. В результате Израиль постепенно выработал понимание конфликта, согласно которому противостояние с палестинцами или соседними арабскими государствами на самом деле связано не с землей или другими материальными ресурсами, а скорее с общей неприязнью к еврейскому государству как таковому – другими словами, с «всепоглощающей враждебностью» «нового» *Гои*.

Если обратиться к типологии Йосефа Горни сионистских школ мысли, посвятивших себя арабскому вопросу в период *Ишув* До 1948 года Израиль исторически пытался реализовать концепцию политического сионизма, сформулированную Теодором Герцлем, или сионизма максималистско-сепаратистской направленности, предложенного Берлом Кацнельсоном, с основным упором на создание и сохранение еврейского государства для еврейского народа. *Эрец Израиль* Это подразумевало вытеснение «других», палестинцев, проживающих в этом районе, не только физически (как только представилась возможность), но и ментально. Палестинцы были вынуждены занять роль «чужой группы» в сионистской концепции, поскольку они были *де-факто* жить на «земле без народа», которая считалась «землей обетованной», предназначенной «для народа без земли».

Однако отношение Израиля к палестинцам весьма неоднозначно. С одной стороны, они предстают как побежденный враг, учитывая сокрушительные поражения, которые они потерпели в 1948 и 1967 годах. В ходе драматической победы сионизма, особенно...

in geopolitical and demographic terms, the old Arab question came to seem less precarious than at the time of the *Yishuv*. Now it was thought to be either solvable by limited concessions, or controllable by military means. Indeed, the Palestinian “refugees” or “intruders” as well as the Palestinian “citizens” have been kept in check by the Israeli military since 1948. This is also true for the Palestinians who have been living under Israeli hegemony since 1967. And although the military rule over Israeli Palestinians was officially suspended in 1966, they factually remained under the observation of the domestic intelligence service, and they continued to be denied a truly equal status.

On the other hand, the Palestinians have slipped from total control. Because not only are they living on the territory of *Eretz Israel* and thus pose a permanent demographic and (security) political challenge for Zionist Israel, they also see themselves as a nation and claim nation statehood on the territory of Palestine. Still, Israel continues to fight their right to self-determination throughout and without compromise, all the while falling into a more and more difficult position on the global as well as on the regional stage. For by denying the Palestinians their right to autonomy and statehood, Israel is thrust into an ever-escalating conflict with the Arab world.

Israel has always been apprehensive of the Israeli-Palestinian conflict spreading into the entire Middle Eastern region, and the example of May 1948 when five Arab armies got involved in the conflict over Palestine, fighting together to bring down the new state, is seared into Israeli consciousness. The same is true for the war of 1973. A united “Arab nation” would essentially force Israel to bring the Palestine question to the negotiating table, among other things.

The pan-Arab backing of the Palestinians translates into a direct threat to Israel’s state concept. The notion of an all-encompassing hostility emanating from the Arab world is closely connected to the Israeli view of the conflict over Palestine. Continuing to ignore the Palestinian enemy by excluding this problem complex from the political discourse for many years is an expression of this ongoing pushing-aside tactic. It is exactly because it is believed that the Palestinians are a defeated enemy that the Palestinian question has become depoliticized and delegated to the military. In this way, the issue disappeared from the Israeli public’s general awareness for many years, until the First Intifada broke out in late 1987.

Only in the early 1990s did the willingness emerge in the Israeli Zionist Left to take on the Palestinian question by political means, and to accept the hated PLO as the political representative of the Palestinians. Negotiations with the PLO had been unthinkable in Israel up to the Oslo Peace Process in 1993, and as of 1985 the law had even prohibited them. It is precisely because the Palestinians had been systematically eliminated from the Israeli consciousness and made out to be

В геополитическом и демографическом плане старый арабский вопрос стал казаться менее шатким, чем во времена...*Ишув* Теперь считалось, что проблему можно решить либо путем ограниченных уступок, либо военным путем. Действительно, палестинские «беженцы» или «захватчики», а также палестинские «граждане» находятся под контролем израильской армии с 1948 года. Это справедливо и для палестинцев, живущих под израильской гегемонией с 1967 года. И хотя военное правление над израильскими палестинцами было официально приостановлено в 1966 году, фактически они оставались под наблюдением внутренней разведки и продолжали быть лишены подлинно равного статуса.

С другой стороны, палестинцы вышли из-под полного контроля. Потому что они не только живут на территории...*Эрец Израиль* Таким образом, они представляют собой постоянную демографическую и (политическую) проблему для сионистского Израиля, а также считают себя нацией и заявляют о создании национального государства на территории Палестины. Тем не менее, Израиль продолжает бороться за свое право на самоопределение без компромиссов, постоянно оказываясь во все более сложном положении как на мировой, так и на региональной арене. Отказывая палестинцам в праве на автономию и государственность, Израиль втягивается во все более обостряющийся конфликт с арабским миром.

Израиль всегда опасался распространения израильско-палестинского конфликта на весь Ближний Восток, и пример мая 1948 года, когда пять арабских армий вмешались в конфликт из-за Палестины, сражаясь вместе за свержение нового государства, прочно запечатлелся в израильском сознании. То же самое относится и к войне 1973 года. Объединенная «арабская нация», по сути, заставила бы Израиль, помимо прочего, поднять палестинский вопрос за стол переговоров.

Панарабская поддержка палестинцев трансформируется в прямую угрозу государственной концепции Израиля. Представление о всеобъемлющей враждебности, исходящей из арабского мира, тесно связано с израильским взглядом на конфликт вокруг Палестины. Продолжающееся игнорирование палестинского врага путем исключения этого комплексного вопроса из политического дискурса на протяжении многих лет является выражением этой продолжающейся тактики оттеснения. Именно потому, что палестинцы считаются побежденным врагом, палестинский вопрос деполитизировался и был передан в ведение военных. Таким образом, проблема исчезла из общественного сознания Израиля на долгие годы, пока в конце 1987 года не разразилась Первая интифада.

Лишь в начале 1990-х годов в израильском сионистском левом движении появилась готовность заняться палестинским вопросом политическими средствами и признать ненавистную ООП политическим представителем палестинцев. Переговоры с ООП были немыслимы в Израиле до Ословского мирного процесса 1993 года, а с 1985 года закон даже запрещал их. Именно потому, что палестинцы были систематически исключены из израильского сознания и представлены как...

nothing more than a defeated yet still dangerous “out-group” over time that the peace process of the 1990s could not lead to a true settlement.

For Israel kept insisting, even during the Oslo Peace Process, on its maxims of “military dominance,” “Jewish freedom of settlement in *Eretz Israel*” and “open borders” throughout the region. This is why, despite the fact that the PLO has been officially recognized and negotiations with it – difficult to carry out and extremely controversial as they are in Israel – have been taken up, the core of the conflict, *Eretz Israel*, has remained untouchable through these years.

Israel’s refusal to split the country is very closely related to the fear of questioning the Zionist reason of state. In view of the existing bi-national situation, Israel’s understanding of the Zionist project as a Jewish state for the Jewish people in the land of the Jews will inescapably lead to an order of violence as it is inherent in the system itself. Indeed, the historically grown political order represents the “consequent” practice of Political Zionism because it ultimately makes the separation of both peoples in the Holy Land necessary.

Closely linked therewith is Israel’s orientalist view of the “Arab world” as the great “Other.” Just as with the entire “Arab world,” the Palestinians are also alternately ascribed the role of archenemy and patient opponent, with whom negotiations are possible to a certain extent but by no means on a plane of equality. An honest rapprochement or a real integration into a “backward and violent” region is at no time even aspired to, which is why mechanisms of dissociation and exclusion have been established in the course of time.

This regional isolation, whether it is self-imposed or forced on the Jewish state from the outside, finally leads to the conflict being integrated into the political order; hence to an understanding of the conflict in which the state of strife is interpreted as a given, unchangeable fact and in which that conflict is ultimately depoliticized. What is meant by the depoliticization of the conflict is the refusal to locate its core within one’s own politics, be it war, settlement or population policies. Rather, it is thought of as residing exclusively in the “universal hostility” that is an integral part of the “mentality of the others.”

In the Israeli consciousness it is “the violence of the others” or the “Arab will to annihilation” that remain the pivotal factors for the emergence of Arab-Israeli animosities. Whether it is Egypt under Nasser in the 1950s and 1960s, or under Sadat in 1973, or fundamentalist Iran since the late 1970s supporting the religious Palestinian Hamas movement and Hezbollah in Lebanon since the mid-1980s – they all fall into the category of the relentless archenemy. This provides an explanation for the historically grown, depoliticized perception of the conflict, which in turn forms the basis of the political order and the political culture as well as the self-image of Zionist Israel. All three issues will be the subject matter of the next chapter.

не что иное, как побежденная, но все еще опасная «чужая группа», существование которой мирный процесс 1990-х годов не смог привести к подлинному урегулированию.

Израиль, даже в ходе мирного процесса в Осло, продолжал настаивать на своих принципах «военного превосходства» и «еврейской свободы расселения в *Эрец Израиль*» и «открытые границы» во всем регионе. Именно поэтому, несмотря на официальное признание ООП и начало переговоров с ней – сложных и крайне противоречивых в Израиле – суть конфликта заключается в следующем: *Эрец Израиль* Оставаясь неприкасаемым на протяжении всех этих лет.

Отказ Израиля от разделения страны тесно связан со страхом поставить под сомнение сионистскую государственную идеологию. Ввиду существующей двунациональной ситуации, понимание Израилем сионистского проекта как еврейского государства для еврейского народа на земле евреев неизбежно приведет к насилию, поскольку это заложено в самой системе. Действительно, исторически сложившийся политический порядок представляет собой «следствие» политического сионизма, поскольку в конечном итоге он делает необходимым разделение обоих народов на Святой Земле.

С этим тесно связан израильский ориенталистский взгляд на «арабский мир» как на великого «другого». Как и в случае со всем «арабским миром», палестинцам попеременно приписывается роль заклятого врага и терпеливого противника, с которым переговоры возможны в определенной степени, но ни в коем случае не на равных. Честное сближение или реальная интеграция в «отсталый и жестокий» регион даже не рассматриваются, поэтому с течением времени были созданы механизмы отчуждения и исключения.

Эта региональная изоляция, будь то самоизоляция или навязанная еврейскому государству извне, в конечном итоге приводит к интеграции конфликта в политический порядок; следовательно, к пониманию конфликта, в котором состояние конфликта интерпретируется как данный, неизменный факт, и в котором этот конфликт в конечном счете деполитизируется. Под деполитизацией конфликта подразумевается отказ рассматривать его суть в рамках собственной политики, будь то война, поселенческая или демографическая политика. Вместо этого, конфликт рассматривается как существующий исключительно в «всеобщей враждебности», которая является неотъемлемой частью «менталитета других».

В израильском сознании ключевыми факторами возникновения арабо-израильской вражды остаются «насилие других» или «арабская воля к уничтожению». Будь то Египет при Насере в 1950-х и 1960-х годах, или Садат в 1973 году, или фундаменталистский Иран с конца 1970-х, поддерживающий религиозное палестинское движение ХАМАС и «Хезболлу» в Ливане с середины 1980-х годов, — все они попадают в категорию неумолимого заклятого врага. Это объясняет исторически сложившееся, деполитизированное восприятие конфликта, которое, в свою очередь, формирует основу политического порядка и политической культуры, а также самосознания сионистского Израиля. Все три вопроса станут предметом следующей главы.

3 Israeli Democracy and the Zionist Project

Given its Zionist self-conception as a Jewish state on the one hand and the bi-national reality in Palestine/*Eretz Israel* on the other, the question as to what form of government the Israeli state was to take arose from the very moment of its establishment. Israel defines itself as a “Jewish and democratic state.” The tension immanent in a definition of state that contains both these aspects already becomes apparent in the founding document. Thus, the Declaration of Independence of May 14, 1948 states the following with regard to the purposes and principles of the Jewish state:

The State of Israel will be open for Jewish immigration and for the Ingathering of the Exiles; it will foster the development of the country for the benefit of all its inhabitants; it will be based on freedom, justice and peace as envisaged by the prophets of Israel; it will ensure complete equality of social and political rights to all its inhabitants irrespective of religion, race or sex; it will guarantee freedom of religion, conscience, language, education and culture; it will safeguard the Holy Places of all religions; and it will be faithful to the principles of the Charter of the United Nations.¹

This passage outlines the conflicting priorities of the task of *Eretz Israel*’s “Judaization” as it is contained in the Zionist project *and* the aspiration of the new state to democratic and liberal values. The Declaration of Independence wishes to see universalist concepts such as “freedom, justice and peace” as compatible with the Jewish-national *raison d’état* of demographically reshaping the country. The Zionist project is supposed to be based on liberal principles, while at the same time drawing on biblical sources of the visions “of the prophets of Israel.”

The Declaration of Independence is often seen as a liberal-democratic basis for the coexistence of Jewish and Palestinian citizens. But the “Jewish Code” – a term coined by Baruch Kimmerling (1939–2007) – still remains the main pillar of Jewish society and the Jewish state. Traditional Israeli social and political sciences invoke the Declaration of Independence when they label the Israeli political system a liberal democracy, even though they do not fail to stress the deficits which are attributable to its specific historical origins.

Israeli democracy is therefore defined in different ways. Some writers stress the “democratic” element in the self-conception of the “Jewish and democratic

¹ The Ministry of Foreign Affairs: <http://www.mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/declaration%20of%20establishment%20of%20state%20of%20israel.aspx>.

3. Израильская демократия и сионистский проект

Учитывая, с одной стороны, сионистское самовосприятие Палестины как еврейского государства, а с другой — двунациональную реальность в Палестине/Эрец ИзраильС другой стороны, вопрос о том, какую форму правления примет израильское государство, возник с самого момента его создания. Израиль определяет себя как «еврейское и демократическое государство». Напряжение, присущее определению государства, включающему оба этих аспекта, становится очевидным уже в учредительном документе. Так, Декларация независимости от 14 мая 1948 года гласит следующее относительно целей и принципов еврейского государства:

Государство Израиль будет открыто для еврейской иммиграции и для воссоединения изгнанников; оно будет способствовать развитию страны на благо всех ее жителей; оно будет основано на свободе, справедливости и мире, как это было предопределено пророками Израиля; оно обеспечит полное равенство социальных и политических прав всем своим жителям независимо от религии, расы или пола; оно гарантирует свободу вероисповедания, совести, языка, образования и культуры; оно будет охранять святыне места всех религий; и оно будет верно принципам Устава Организации Объединенных Наций.

В этом отрывке изложены противоречивые приоритеты задачиЭрец Исраэль«Иудаизация» в том виде, в котором она представлена в сионистском проекте.ИСтремление нового государства к демократическим и либеральным ценностям. Декларация независимости выражает желание видеть универсалистские концепции, такие как «свобода, справедливость и мир», совместимыми с еврейско-националистическим мировоззрением.*raison d'état*демографическая перестройка страны. Сионистский проект должен основываться на либеральных принципах, одновременно опираясь на библейские источники видений «пророков Израиля».

Декларация независимости часто рассматривается как либерально-демократическая основа для сосуществования еврейских и палестинских граждан. Однако «Еврейский кодекс» — термин, введенный Барухом Киммерлингом (1939–2007) — по-прежнему остается главной опорой еврейского общества и еврейского государства. Традиционные израильские социальные и политические науки ссылаются на Декларацию независимости, когда называют израильскую политическую систему либеральной демократией, хотя и не упускают из виду недостатки, обусловленные ее специфическими историческими истоками.

Таким образом, израильская демократия определяется по-разному. Некоторые авторы подчеркивают «демократический» элемент в самоидентификации «еврейского и демократического».

1Министерство иностранных дел: <http://www.mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/declaration%20of%20establishment%20of%20state%20of%20israel.aspx>.

state,” and refer to its constitution as a liberal² or constitutional democracy³, but also as a concordance democracy⁴ such as the ones of Switzerland or Belgium, where the aim is to include as many social agents as possible into the political process and to arrive at decisions by bringing about consensus.

Other voices underline the “Jewish-ethnic” aspect and conceive of Israel as an “ethnic democracy”⁵, or even as a “Jewish democracy” or “theo-democracy”⁶. Basically, all these research opinions assume that the Israeli body politic is democratic in principle. This premise is also shared by relatively critical researchers who point out the considerable defects of this democracy, even as they make only the core country of Israel, i.e., the territory within the so-called armistice borders of 1949–1967, the object of their studies.

In contrast, other researchers insist that the entire area of Palestine/*Eretz Israel* is relevant when it comes to the question of the political constitution since the State of Israel has exerted almost continuous political-military and socio-economical hegemony over this territory from 1967 on. These writers arrive at the conclusion that the Israeli state can hardly be called a democracy in the light of these two considerations: Firstly, the country has declared the policy of “Judaization of the country” to be its reason of state. And secondly, this policy keeps restricting the living conditions of non-Jews, with the term “non-naturalized population” being used to refer to the occupied Palestinian territories. This line of research uses terms such as “apartheid”⁷, “*herrenvolk* democracy”⁸, “a hybrid of democracy and military occupation”⁹, or “ethnocracy”¹⁰ in reference to Israel.

If the term “liberal democracy” is taken in the meaning of the French Revolution, according to which the same civil rights are to be granted to all citizens regardless of them belonging to a particular social group, Israeli democracy hardly qualifies. After all, Jews are automatically guaranteed privileges as compared to non-Jewish citizens in consequence of the Israeli self-definition as a “Jewish” state. Here, the principle of civil rights collides with the *raison d'état* of a “state of the Jewish people,” which by definition prefers Jews, whether they be Israeli citizens or not.

2 Neurberger 1998.

3 Eisenstadt 1985.

4 Horowitz and Lissak 1990.

5 Smootha 1996.

6 Kimmerling 1994.

7 Davis 2003.

8 Benvenisti 1987.

9 Azoulay and Ophir 2008.

10 Yiftachel 1999.

государство», и называть его конституцию либеральной² или конституционной демократией³, а также демократией согласия⁴, подобной швейцарской или бельгийской, где цель состоит в том, чтобы вовлечь как можно больше социальных субъектов в политический процесс и принимать решения путем достижения консенсуса.

Другие исследователи подчеркивают «еврейско-этнический» аспект и рассматривают Израиль как «этническую демократию»⁵, или даже как «еврейскую демократию» или «теодемократию»⁶. В основном, все эти исследовательские мнения исходят из предположения, что израильское политическое сообщество в принципе демократично. Это предположение разделяют и относительно критически настроенные исследователи, которые указывают на значительные недостатки этой демократии, даже несмотря на то, что объектом их исследований является только основная территория Израиля, то есть территория в пределах так называемых границ перемирия 1949–1967 годов.

В противоположность этому, другие исследователи настаивают на том, что вся территория Палестины/*Эрец Израиль* это актуально в контексте вопроса о политической конституции, поскольку Государство Израиль с 1967 года почти непрерывно осуществляет политико-военную и социально-экономическую гегемонию над этой территорией. Авторы приходят к выводу, что израильское государство вряд ли можно назвать демократией, учитывая два следующих обстоятельства: во-первых, страна объявила политику «иудаизации страны» своей государственной целью. Во-вторых, эта политика продолжает ограничивать условия жизни неевреев, при этом термин «ненатурализованное население» используется для обозначения оккупированных палестинских территорий. В данном исследовании используются такие термины, как «апартеид»⁷, «*herrenvolk* демократия»⁸, «гибрид демократии и военной оккупации»⁹ или «этнократия»¹⁰ в отношении Израиля.

Если понимать термин «либеральная демократия» в значении Французской революции, согласно которой всем гражданам должны быть предоставлены одинаковые гражданские права независимо от их принадлежности к той или иной социальной группе, то израильская демократия вряд ли подходит под это определение. В конце концов, евреям автоматически гарантируются привилегии по сравнению с нееврейскими гражданами в силу самоопределения Израиля как «еврейского» государства. Здесь принцип гражданских прав сталкивается с *craison d'état* Государства еврейского народа», которое по определению отдает предпочтение евреям, независимо от того, являются ли они гражданами Израиля или нет.

² Нейрбергер 1998.

³ Эйзенштадт, 1985.

⁴ Горовиц и Лиссак, 1990. 5

Смуха 1996.

⁶ Киммерлинг 1994.

⁷ Дэвис 2003.

⁸ Бенвенисти 1987.

⁹ Азулай и Офир 2008. 10

Ифтахель 1999.

Israeli Democracy: “Ethnic Democracy” or “Ethnocracy”?

Two concepts of democracy that were being discussed in the Israel of the 1990s epitomize the tension between the antidemocratic policy and democratic self-conception that is contained in the Israeli self-definition as a “Jewish and democratic state.” These were the hypotheses of the “ethnic democracy” developed by the Israeli political scientist Sammy Smooha (1941–), and the model of “ethnocracy” proposed by the Israeli geographer Oren Yiftachel (1956–). When Smooha applies the model of an ethnic democracy to Israel, this serves as an alternative concept to the national-state liberal democracy that is based on equal rights for all citizens.

Likewise, it creates an alternative to the concept of the concordance democracy that is based on the equal status of various ethnic-national and religious sections of the population.¹¹ The ethnic democracy describes states and societies that are characterized by pronounced ethnic-national divides while still having democratic organizational forms. In an ethnic democracy, the political power is not distributed between the pluralities of ethnicities living in the state territory. Rather, the state is dominated by only one of the hostile ethnic-national collectives, so that the interests of that single group are catered to as a matter of priority.

Based on this definition, Smooha identifies Israel as an ethnic democracy, in which the Jewish ethnic group has been able to preserve its group-related interests (national, demographic, economic, social and cultural) by appropriating the state apparatus. Although individual rights are granted to the ethnic democracy’s non-Jewish, Palestinian citizens, they are subjected to the mechanisms of a structural group hierarchy.

According to Smooha, the ethnic democracy model applies to ethnically divided or hostile societies. Despite the fact that political and civil rights may be due to all citizens in a democracy thus constituted, the hegemony of the state’s dominant ethnic group is ultimately institutionalized. In Israel, the refusal to recognize Israeli Palestinians as a national minority is justified by invoking the obligation to the Zionist master narrative. For Smooha, one motive for doing so is of a historic-legal nature, namely that the recognition of the national rights of Palestinians would undermine the exclusive right of the Jews to *Eretz Israel*.

Another reason is that a minority status would grant the Palestinians a claim to autonomy, and hence create the danger of territorial separation. As a third aspect, Smooha points out a security-political motive: “According to the opinion of many Jews, such a recognition of the Arabs in Israel as a Palestinian national minority could lead to them being defined as an enemy, so that the hostile relations between

¹¹ Smooha 2002.

Израильская демократия: «этническая демократия» или «этнократия»?

Две концепции демократии, обсуждавшиеся в Израиле в 1990-х годах, ярко демонстрируют напряжение между антидемократической политикой и демократическим самосознанием, заложенным в самоопределении Израиля как «еврейского и демократического государства». Это были гипотезы «этнической демократии», разработанные израильским политологом Сэмми Смуха (1941–), и модель «этнократии», предложенная израильским географом Ореном Ифтахелем (1956–). Когда Смуха применяет модель этнической демократии к Израилю, это служит альтернативой концепции либеральной демократии национального государства, основанной на равных правах всех граждан.

Аналогичным образом, она создает альтернативу концепции конкордансной демократии, основанной на равном статусе различных этнических, национальных и религиозных групп населения.¹¹ Этническая демократия описывает государства и общества, которые характеризуются выраженными этническими и национальными различиями, но при этом сохраняют демократические организационные формы. В этнической демократии политическая власть не распределяется между множеством этнических групп, проживающих на территории государства. Скорее, государство находится под доминированием только одной из враждебных этнических групп, так что интересы этой единственной группы удовлетворяются в приоритетном порядке.

Исходя из этого определения, Смуха рассматривает Израиль как этническую демократию, в которой еврейская этническая группа смогла сохранить свои групповые интересы (национальные, демографические, экономические, социальные и культурные) путем присвоения государственного аппарата. Хотя нееврейские палестинские граждане, являющиеся частью этой этнической демократии, обладают индивидуальными правами, они подчиняются механизмам структурной групповой иерархии.

По мнению Смухи, модель этнической демократии применима к этнически разделённым или враждебным обществам. Несмотря на то, что в такой демократии все граждане могут обладать политическими и гражданскими правами, гегемония доминирующей этнической группы в государстве в конечном итоге институционализируется. В Израиле отказ признать израильских палестинцев национальным меньшинством оправдывается ссылкой на обязательство перед сионистским господствующим нарративом. Для Смухи одним из мотивов этого является историко-правовой характер, а именно то, что признание национальных прав палестинцев подорвало бы исключительное право евреев на *Эрец Израиль*.

Еще одна причина заключается в том, что статус меньшинства предоставил бы палестинцам право на автономию и, следовательно, создал бы опасность территориального разделения. В качестве третьего аспекта Смуха указывает на политический мотив безопасности: «По мнению многих евреев, такое признание арабов в Израиле в качестве палестинского национального меньшинства может привести к тому, что их определят как врагов, что приведет к враждебным отношениям между

¹¹Смуха 2002.

them and the Palestinian people [living in the territories occupied by Israel] would be quasi reinforced, thus encouraging the Palestinians to sabotage the state."¹²

Given the structural discrimination against inferior groups in an ethnic democracy, this model is understood as a compromise concept in which the two contradicting elements of the Israeli definition of state, namely the "Jewish" and "democratic" aspects, can be more or less reconciled. However, on a subtextual level the term "ethnic democracy" – no less than the self-definition as "Jewish" and "democratic" – actually serves to deny the bi-national political reality, i.e., the presence of two ethnic groups and the discrimination of one by the other.

After all, what does this combination of "Jewish" and "democratic" mean if not the blocking out of the fact that the Israeli state not only exercises the hegemony over another, non-Jewish nationality, but also that an undemocratic situation arises, and indeed cannot but arise, in the course of this process, if what is aspired to is a Jewish state in *Eretz Israel*.

Having a "state of the Jewish people" as its reason of state, Israel traditionally opposes the model of a "state of all its citizens," that is, the bi-national option as a solution of the Israeli-Palestinian conflict. As for an equal status within the meaning of a concordance democracy, that too is rejected in the ethnic democracy model. And as the national right to self-determination continues to be denied to Israel's Palestinian minority, the distribution of public power resources is clearly unfolding to their disadvantage.

Considering all this, the problem of Smootha's line of argument does not least lie in the fact that he wishes the ethnic democracy to be understood as a stable, sustainable model. He seeks to bridge the contradiction between a truly democratic status of equality and favoritism towards *one* ethnic group contained in the term of the ethnic democracy by means of an intellectual balancing act; maintaining that the "dominance of the majority group" is made up for by "democratic terms" for all citizens.¹³ Smootha's criterion for the distinction between the different kinds of democracy is the *constitutional* relationship between the dominant ethnic group, the state and the ethnic minority groups.

In an ethnic democracy the "ethnic nation, not the citizenry, shapes the symbols, laws and policies of the state for the benefit of the majority. This ideology makes a crucial distinction between members and non-members of the ethnic nation."¹⁴ Thus, Smootha relies on the procedural or constitutional elements of

¹² Smootha 1996: 296.

¹³ Ibid. 303.

¹⁴ Smootha 2002: 477; http://edoc.vifapol.de/opus/volltexte/2009/1893/pdf/working_paper_13.pdf, 39.

«Их и палестинский народ [проживающий на оккупированных Израилем территориях] фактически получили бы усиление, что подтолкнуло бы палестинцев к саботажу государства».¹²

Учитывая структурную дискриминацию в отношении низших групп в условиях этнической демократии, эта модель понимается как компромиссная концепция, в которой два противоречащих элемента израильского определения государства, а именно «еврейский» и «демократический» аспекты, могут быть более или менее примирены. Однако на подтекстовом уровне термин «этническая демократия» — не меньше, чем самоопределение как «еврейское» и «демократическое» — фактически служит для отрицания двунациональной политической реальности, то есть существования двух этнических групп и дискриминации одной другой.

В конце концов, что означает это сочетание слов «еврейский» и «демократический», если не игнорирование того факта, что израильское государство не только осуществляет гегемонию над другой, нееврейской национальностью, но и что в ходе этого процесса возникает, и, по сути, не может не возникнуть, недемократическая ситуация, если целью является создание еврейского государства в Израиле? *Эрец Израиль*.

Исходя из того, что Израиль основывает свою государственную политику на принципе «государства еврейского народа», он традиционно выступает против модели «государства всех своих граждан», то есть двунационального варианта решения израильско-палестинского конфликта. Что касается равного статуса в смысле демократии согласия, то и он отвергается в модели этнической демократии. И поскольку право на национальное самоопределение продолжает отрицаться для палестинского меньшинства Израиля, распределение государственных ресурсов явно происходит в их ущерб.

Учитывая все вышесказанное, проблема аргументации Смуха заключается, в частности, в том, что он хочет, чтобы этническая демократия понималась как стабильная, устойчивая модель. Он стремится преодолеть противоречие между подлинно демократическим статусом равенства и фаворитизмом по отношению к другим. *Один* этническая группа, включенная в понятие этнической демократии посредством интеллектуального балансирования; утверждается, что «доминирование большинства» компенсируется «демократическими условиями» для всех граждан.¹³ Критерием Смуха для различения различных видов демократии является... *институциональный* взаимоотношения между доминирующей этнической группой, государством и этническими меньшинствами.

В этнической демократии «этническая нация, а не граждане, формирует символы, законы и политику государства в интересах большинства. Эта идеология проводит решающее различие между членами и нечленами этнической нации».¹⁴ Таким образом, Смуха опирается на процессуальные или конституционные элементы

¹²Смуха 1996: 296. ¹³

Там же, 303.

¹⁴Смуха 2002: 477; http://edoc.vifapol.de/opus/volltexte/2009/1893/pdf/working_paper_13.pdf, 39.

a democracy according to which the majority principle and the civil liberties of the individual must be respected. But the core question as to how much legal inequality an ethnic democracy is supposed to tolerate still remains unanswered. When it comes to this special type of democracy in a divided society, Smootha's goal here is to differentiate it from the model of a "*herrenvolk* democracy" at all costs.

He argues that the latter, unlike an ethnic democracy, grants "the dominated groups no democratic rights whatsoever," acts "against universal norms and the world public," and thus represents a "non-democratic, extreme, rare and unstable regime."¹⁵ By contrast, the ethnic democracy is cast as a stable construct and therefore a success model. This stability is ascribed to the "democratic tradition of the Zionist movement and the *Yishuv*," the "pronounced Western orientation of the Jews in Israel," and the "external dependencies on the democratic-western world."

In stressing that the continual inclusion of the Palestinian minority in Israeli democracy is warranted by the democratic purpose of Israel as well as the democratic orientation of Zionism, Smootha asserts the democratic aspect of the ethnic democracy concept. Consequently, the ethnic democracy is seen as representing "a realistic compromise between ethnic national state and democratic regime."¹⁶ When Smootha calls the ethnic democracy a "realistic compromise"¹⁷, one reason for this is that its "ethnic" aspect is understood to be a mainstay of the Zionist self-conception. Another explanation is the fact that security-political considerations serve as a rational method to implement and preserve this self-conception. In other words, what we have here is a "realistic model" with regard to a state that is "Jewish" and "democratic."

While Smootha applies his model to the sovereign state territory of Israel within the pre-1967 borders, thus drawing a clear dividing line around the occupied – or "disputed," as they are termed in the jargon of the Zionist Left – territories, the geographer Oren Yiftachel bases his model of ethnocracy on a different area of research. In his analysis of the Israeli political constitution, conducted against the blueprint of a conception of democracy which properly also includes civil equality, civil rights and the protection of minorities, Yiftachel refers to all territories under Israeli control, that is, the entire area of Palestine/*Eretz Israel*. As Yiftachel observes, the power distribution in the region has remained unchanged even throughout the Oslo Peace Process that was set in motion in 1993, as in fact

¹⁵ Smootha 1996: 303.

¹⁶ *Ibid.* 303.

¹⁷ *Ibid.* 304.

Демократия, в соответствии с которой должны уважаться принцип большинства и гражданские свободы личности. Но ключевой вопрос о том, насколько допустимое юридическое неравенство должна терпеть этническая демократия, до сих пор остается без ответа. Когда речь идет об этом особом типе демократии в разделенном обществе, цель Смуха здесь состоит в том, чтобы отличить ее от модели «*herrenvolk*» демократию любой ценой.

Он утверждает, что последняя, в отличие от этнической демократии, не предоставляет «угнетенным группам никаких демократических прав», действует «противоположно универсальным нормам и мировому обществу» и, таким образом, представляет собой «недемократический, экстремистский, редкий и нестабильный режим».¹⁵ Напротив, этническая демократия рассматривается как стабильная конструкция и, следовательно, как модель успеха. Эта стабильность приписывается «демократической традиции сионистского движения и *Ишув*» явно выраженная западная ориентация евреев в Израиле» и «внешняя зависимость от демократического западного мира».

Подчеркивая, что постоянное включение палестинского меньшинства в израильскую демократию оправдано как демократическими целями Израиля, так и демократической направленностью сионизма, Смуха утверждает демократический аспект концепции этнической демократии. Следовательно, этническая демократия рассматривается как «реалистичный компромисс между этническим национальным государством и демократическим режимом».¹⁶ Когда Смуха называет этническую демократию «реалистичным компромиссом»¹⁷, одна из причин этого заключается в том, что ее «этнический» аспект понимается как основа сионистского самосознания. Другое объяснение состоит в том, что соображения безопасности и политики служат рациональным методом для реализации и сохранения этого самосознания. Другими словами, мы имеем дело с «реалистичной моделью» государства, которое является «еврейским» и «демократическим».

В то время как Смуха применяет свою модель к суверенной государственной территории Израиля в пределах границ до 1967 года, проводя таким образом четкую разделительную линию вокруг оккупированных — или «спорных», как их называют на жаргоне сионистских левых, — территорий, географ Орен Ифтахель основывает свою модель этнократии на другой области исследований. В своем анализе израильской политической конституции, проведенном на основе концепции демократии, которая по праву включает в себя также гражданское равенство, гражданские права и защиту меньшинств, Ифтахель ссылается на все территории, находящиеся под израильским контролем, то есть на всю территорию Палестины. *Эрец Израиль* Как отмечает Ифтахель, распределение власти в регионе оставалось неизменным даже на протяжении всего Ословского мирного процесса, начатого в 1993 году, поскольку фактически

¹⁵ Смуха 1996: 303. ¹⁶

Там же, 303.

¹⁷ Там же, 304.

the limited Palestinian autonomous areas are still being subjected to Israeli-military hegemony.¹⁸

Just as in the model of the ethnic democracy, in the ethnocracy model the "dominance of one ethnic group" with respect to the other ethnic groups of the state serves as the basis for the body politic. In contrast to the ethnic democracy, however, the ethnocracy is judged to be undemocratic as by definition it puts the dominant ethnic group into the center of its contemplation. Its hegemony inevitably goes hand in hand with the control and supervision of other ethnic groups in the state. As Yiftachel goes on to explain:

An Ethnocracy is a non-democratic regime which attempts to extend or preserve disproportional ethnic control over a contested multi-ethnic territory. Ethnocracy develops chiefly when control over territory is challenged, and when a dominant group is powerful enough to determine unilaterally the nature of the state. Ethnocracy is thus an unstable regime, with opposite forces of expansionism and resistance in constant conflict.¹⁹

When it comes to the conflicting priorities of a "Jewish and democratic state," the ethnocracy makes the interests of the Jewish-ethnic elements its main priority. Yiftachel demonstrates this by referring to the *Knesset* legislation by which the Jewish character of the state is ensured, such as the right of return of 1950 and the citizenship law of 1952, both of which favor Jews over non-Jews when it comes to the entitlement to citizenship. Another reinforcement of the Jewish-ethnic element, says Yiftachel, is a 1964 ruling by the Israeli Supreme Court in which the "Jewish character of the State of Israel is constitutionally" prescribed, as well as in the amendment made to the Basic Law in 1985 according to which no party may be accepted into the *Knesset* that seeks to change Israel's definition as a state of the Jewish people.²⁰

But for Yiftachel, the main issue when it comes to defining Israeli democracy is not only a matter of the *legal* level. Rather, he stresses that the actual *state practice* should be examined. As he points out in this context, a double process has been underway ever since the establishment of the state: namely the "Judaization" of the land on the one hand and its "de-Arabization" on the other, meaning the expropriation and displacement of the Palestinians. These dynamics of the political geography have led to a radical demographic change, hence to the modification of the structures of ethnic-territorial control, the break-up of state

¹⁸ Yiftachel 1999: 369.

¹⁹ Ibid. 367–368.

²⁰ Ibid. 370.

Ограниченные автономные палестинские районы по-прежнему находятся под гегемонией израильско-военных сил.¹⁸

Как и в модели этнической демократии, в модели этнократии «доминирование одной этнической группы» по отношению к другим этническим группам государства служит основой для политической системы. Однако, в отличие от этнической демократии, этнократия считается недемократичной, поскольку по определению ставит доминирующую этническую группу в центр своего внимания. Ее гегемония неизбежно идет рука об руку с контролем и надзором за другими этническими группами в государстве. Как далее поясняет Ифтахель:

Этнократия — это недемократический режим, который пытается расширить или сохранить непропорциональный этнический контроль над спорной многоэтнической территорией. Этнократия развивается главным образом тогда, когда контроль над территорией оспаривается и когда доминирующая группа достаточно сильна, чтобы в одностороннем порядке определять характер государства. Таким образом, этнократия — это нестабильный режим, в котором постоянно конфликтуют противоположные силы экспансионизма и сопротивления.¹⁹

Когда речь заходит о противоречивых приоритетах «еврейского и демократического государства», этнократия ставит интересы еврейско-этнических элементов на первое место. Ифтахель демонстрирует это, ссылаясь на...*Кнессет* Законодательство, гарантирующее еврейский характер государства, такое как право на возвращение 1950 года и закон о гражданстве 1952 года, оба из которых отдают предпочтение евреям перед неевреями в вопросе предоставления гражданства. Еще одним подтверждением еврейско-этнического элемента, по словам Ифтахеля, является решение Верховного суда Израиля 1964 года, в котором «еврейский характер Государства Израиль конституционно закреплен», а также поправка к Основному закону 1985 года, согласно которой ни одна партия не может быть принята в состав государства.*Кнессет* которая стремится изменить определение Израиля как государства еврейского народа.²⁰

Однако для Ифтахеля главный вопрос, когда речь идет об определении израильской демократии, заключается не только в...*юридический* уровень. Скорее, он подчеркивает, что фактический *государственная практика* Следует изучить этот вопрос. Как он указывает в этом контексте, с момента создания государства происходил двойной процесс: с одной стороны, «иудаизация» земли, а с другой — ее «деарабизация», то есть экспроприация и вытеснение палестинцев. Эта динамика политической географии привела к радикальным демографическим изменениям, а следовательно, к изменению структур этнотерриториального контроля и распаду государства.

¹⁸Ифтахель 1999: 369. ¹⁹

Там же, стр. 367–368.

²⁰Там же, 370.

borders, the inclusion of the Jewish and exclusion of the Palestinian diaspora, and also to a close interlacing of religion, territory and ethnicity.²¹

According to Yiftachel, the main obstacle on the way to a true Israeli democracy is the non-existence of a clearly definable Israeli *demos*. What he alludes to here is the abstract definition of the “national population” that is indispensable for a democracy, in this case “the Jewish people.” According to the “right of return,” Jewish citizens of other states have more rights in the State of Israel than non-Jewish citizens born on Israeli territory.

Moreover, Yiftachel finds it problematic that extraterritorial, non-civic Jewish organizations influence political decisions inside Israel. This includes extraterritorial Jewish organizations and groups such as the “Jewish National Fund,” the “Jewish Agency” and the “Zionist Federation,” which, although not being elected by the Israeli people, have an effective political power in Israel. Yiftachel also mentions the extensive system of donations by wealthy Jews abroad, as well as lobbies of Jewish communities on the international stage. He perceives them as an integral part of the exercise of political power by extraterritorial organizations.

From Yiftachel’s point of view, it is not only the lack of a clearly defined distinction between the rulers and the ruled that is standing in the way of terming Israel a democracy, but also the hazy lines of demarcation of the Israeli state territory. Yiftachel’s term of “geographic dynamics” is central here, alluding to the Israeli transgression of borders by promoting the settlement of Israeli-Jewish citizens outside the sovereign, internationally recognized state territory. In this geographic space of the occupied territories, Israel pursues an ethnic segregation between Jewish citizens and disenfranchised Palestinians by military means, which collides with democratic principles. Yiftachel draws the conclusion:

‘Israel,’ as a definable democratic-political entity, simply *does not exist*. The legal and political power of extraterritorial (Jewish) bodies and the breaching of state borders empty the notion of Israel from the broadly accepted meaning of a state as a territorial-legal institution. Hence, the unproblematic acceptance of ‘Israel proper’ in most social science writings [...] and in the public media has been based on a misnomer.²²

From this consideration Yiftachel develops his main hypothesis according to which it is the Jewish *ethnos* as opposed to the Israeli *demos* that rules the Jewish state, so that the latter has to be defined not as a *democracy* but as an *ethnocracy*. In 2007, the Israeli political scientist Yoav Peled (1947–) argued that since the beginning of 2000, within its internationally recognized borders of 1949–1967,

²¹ Ibid. 371–373; Yiftachel 2006: 114.

²² Yiftachel 1999: 377.

границы, включение еврейской и исключение палестинской диаспоры, а также тесное переплетение религии, территории и этнической принадлежности.²¹

По словам Ифтахеля, главным препятствием на пути к подлинной израильской демократии является отсутствие четко определяемого израильского государства. *демоверсии*. Здесь он намекает на абстрактное определение «национального населения», необходимое для демократии, в данном случае — «еврейского народа». Согласно «праву на возвращение», еврейские граждане других государств имеют больше прав в Государстве Израиль, чем нееврейские граждане, родившиеся на территории Израйля.

Более того, Ифтахель считает проблематичным влияние экстерриториальных, не связанных с гражданским обществом еврейских организаций на политические решения внутри Израйля. Это включает в себя такие экстерриториальные еврейские организации и группы, как «Еврейский национальный фонд», «Еврейское агентство» и «Сионистская федерация».», которые, хотя и не избираются израильским народом, обладают эффективной политической властью в Израйле. Ифтахель также упоминает обширную систему пожертвований богатых евреев за рубежом, а также лоббистские группы еврейских общин на международной арене. Он рассматривает их как неотъемлемую часть осуществления политической власти экстерриториальными организациями.

С точки зрения Ифтахеля, препятствием для того, чтобы назвать Израиль демократией, является не только отсутствие четко определенного различия между правителями и подданными, но и размытые линии разграничения государственной территории Израйля. Здесь центральное место занимает термин Ифтахеля «географическая динамика», указывающий на нарушение Израйлем границ путем содействия расселению израильских граждан еврейского происхождения за пределами суверенной, международно признанной государственной территории. В этом географическом пространстве оккупированных территорий Израйль проводит этническую сегрегацию между еврейскими гражданами и лишенными прав палестинцами военными средствами, что противоречит демократическим принципам. Ифтахель делает вывод:

«Израиль» как определяемое демократическо-политическое образование, *просто не существует*. Правовая и политическая власть экстерриториальных (еврейских) органов и нарушение государственных границ лишают понятие Израйля общепринятого значения государства как территориально-правового института. Следовательно, беспроblemное принятие «собственно Израйля» в большинстве работ по социальным наукам [...] и в средствах массовой информации основано на ошибочном названии.²²

Исходя из этих соображений, Ифтахель разрабатывает свою главную гипотезу, согласно которой это еврейское явление. *этнос* отличие от израильского *демо* которое управляет еврейским государством, поэтому последнее следует определять не как *демократия* но как *этнократия*. В 2007 году израильский политолог Йоав Пелед (1947–) утверждал, что с начала 2000 года в пределах своих международно признанных границ 1949–1967 годов,

²¹ Там же. 371–373; Ифтахель 2006: 114.

²² Ифтахель 1999: 377.

Israel has been continuously developing from an ethnic democracy to a form of government which comes very close to an ethnocracy.

In this context, Peled points out two crucial processes in Israel’s relationship to its Palestinian citizens: for one thing, Israel’s “denial of the right to family reunification between Palestinians with Israeli citizenship and Palestinians from the occupied territories”; for another, he speaks of “the formulation of a plan to move westward the border between Israel and the West Bank in the so-called ‘Arab triangle’ of Galilee, whereby 150,000 to 200,000 Israeli Palestinians would lose their Israeli citizenship.”²³ Peled concludes:

In the current context, the restriction of the Palestinians’ civil rights is not really a price that has to be paid to achieve other goals such as security, democracy or other things, regardless of whether this price is justified or not. The curtailment of rights is in itself *the actual* goal of the aforementioned measures. Denying the right to family reunification to the Palestinian citizens of Israel and stripping some of them of Israeli citizenship are partial measures on this path. [...] a course which implies a turn from an ethnic democracy into an ethnocracy.²⁴

The “Jewish Code” and Israeli Democracy

In the two state models that have been discussed above, the primacy of the Jewish ethnic group in the Israeli reason of state is not contested. Rather, the central point of dispute when it comes to labeling the Israeli form of government is the question as to what kind of relationship the two components of the definition of state, “Jewish” and “democratic,” have to each other in a bi-national political reality. The Israeli sociologist Baruch Kimmerling investigates this matter in his essay, “Religion, Nationalism and Democracy in Israel.”²⁵ Therein, he develops the concept of a specifically Jewish cultural code, the “Jewish Code,” as a central pillar of the Israeli political and social order, i.e., Israeli democracy. His analysis of the relationship of the three factors of religion, nation and democracy provides an insight into the special features of the Israeli understanding of democracy.

Kimmerling’s central argument is the taken-for-granted equation of the religious and national aspect of Jewish identity that Zionist ideology is based on. Thus, in contrast to other Western democracies, Zionist Israel defines itself not as a “state of its citizens,” but as “state of the Jewish people.” This means that ethnicity and religion are the factors based on which state membership and rights

²³ Peled 2007: 355.

²⁴ Ibid. 362.

²⁵ Kimmerling 1994.

Израиль непрерывно развивается от этнической демократии к форме правления, которая очень близка к этнократии.

В этом контексте Пелед указывает на два важнейших процесса в отношениях Израиля с палестинскими гражданами: во-первых, «отказ Израиля в праве на воссоединение семей между палестинцами, имеющими израильское гражданство, и палестинцами с оккупированных территорий»; во-вторых, он говорит о «разработке плана по перемещению границы между Израилем и Западным берегом на запад в так называемом «арабском треугольнике» Галилеи, в результате чего от 150 000 до 200 000 израильских палестинцев потеряют свое израильское гражданство».²³ Пелед заключает:

В нынешних условиях ограничение гражданских прав палестинцев на самом деле не является ценой, которую необходимо платить для достижения других целей, таких как безопасность, демократия или что-либо еще, независимо от того, оправдана эта цена или нет. Ограничение прав само по себе является фактической целью вышеупомянутых мер. Отказ палестинским гражданам Израиля в праве на воссоединение семьи и лишение некоторых из них израильского гражданства являются частичными мерами на этом пути. [...] курс, который подразумевает переход от этнической демократии к этнократии.²⁴

«Еврейский кодекс» и израильская демократия

В двух рассмотренных выше моделях государственного устройства первенство еврейской этнической группы в израильском понимании государства не оспаривается. Скорее, центральным спорным моментом при определении израильской формы правления является вопрос о том, какие взаимоотношения существуют между двумя компонентами определения государства — «еврейским» и «демократическим» — в двунациональной политической реальности. Израильский социолог Барух Киммерлинг исследует этот вопрос в своем эссе «Религия, национализм и демократия в Израиле»²⁵. В нем он развивает концепцию специфически еврейского культурного кода, «еврейского кодекса», как центрального столпа израильского политического и социального порядка, то есть израильской демократии. Его анализ взаимосвязи трех факторов — религии, нации и демократии — позволяет понять особенности израильского понимания демократии.

Главный аргумент Киммерлинга заключается в принятом как данность отождествлении религиозного и национального аспектов еврейской идентичности, на котором основана сионистская идеология. Таким образом, в отличие от других западных демократий, сионистский Израиль определяет себя не как «государство своих граждан», а как «государство еврейского народа». Это означает, что этническая принадлежность и религия являются факторами, на основе которых определяется членство в государстве и права человека.

²³Пелед 2007: 355.

²⁴Там же, 362.

²⁵Киммерлинг 1994.

are granted, so that although Israel may indeed function according to democratic principles and boast free elections, parties, a division of powers as well as a free press, these democratic institutions and processes are strictly limited to the framework that is prescribed by the Zionist hegemony, with privileges only being ensured to the Jewish ethnic group. Therefore, Kimmerling calls Israeli democracy a “theo-democracy” or a “Jewish democracy.”²⁶

To explain the genesis of the Israeli body politic, Kimmerling turns first to the *Yishuv* time before the establishment of the state. As he observes, undemocratic developments were looming already at this early stage, even though the question of the political constitution was not yet on the table. It was of secondary importance prior to the founding of the state, in a time when a secular Jewish society was in the process of emerging and more important and pressing political, military, social and economic issues had to be solved. Moreover, the different Zionist orientations – liberal, socialist, nationalist and national-religious – held highly diverse ideas on the form of rule, so the intention was to avoid any intensification of the already existing tensions within the Jewish-Zionist collective.

In this situation, the “Jewish basis” seemed a promising fundament for a future society with a broad consensus. As for non-Jews, they were already perceived as an “out-group” anyway. The electoral system that was introduced in the *Yishuv* for the national or Jewish-Zionist institutions (such as the parties, the “Jewish Agency,” the “National Committee” and the Jewish labor union apparatus *Histadrut*) served as a legitimizing factor towards justifying the rules of the game *within* the Jewish community.

These elections had at least some external features of a democracy, which Kimmerling refers to as “processual democracy,” with a certain degree of social and individual autonomy still being guaranteed within the different socio-political groups and parties.²⁷ Thus, the *Yishuv* functioned on a Jewish-Zionist basis while representing the collective identity, and, among other things, providing the organizational principles for warranting legal protection to the individual community members. These rights were not universal in the civil sense, but were grounded on belonging to the Jewish community.²⁸

With the establishment of the state, however, the question of the political constitution inescapably arose. The basis of the new state was the strong, inseparable connection between religious and national elements. Characteristic for this conjunction was the agreement reached on the eve of the state’s establish-

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid. 116–119.

²⁸ Ibid. 120–121.

Предоставляются привилегии, так что, хотя Израиль действительно может функционировать в соответствии с демократическими принципами и похвастаться свободными выборами, партиями, разделением властей, а также свободной прессой, эти демократические институты и процессы строго ограничены рамками, предписанными сионистской гегемонией, при этом привилегии гарантируются только еврейской этнической группе. Поэтому Киммерлинг называет израильскую демократию «теодемократией» или «еврейской демократией».²⁶

Чтобы объяснить происхождение израильского политического устройства, Киммерлинг обращается прежде всего к... *Ишув* Это происходило задолго до создания государства. Как он отмечает, антидемократические процессы назревали уже на этом раннем этапе, хотя вопрос о политической конституции еще не стоял на повестке дня. До основания государства он имел второстепенное значение, поскольку светское еврейское общество находилось в процессе формирования, и необходимо было решать более важные и неотложные политические, военные, социальные и экономические вопросы. Более того, различные сионистские направления – либеральное, социалистическое, националистическое и национально-религиозное – придерживались весьма разных взглядов на форму правления, поэтому целью было избежать усиления уже существовавшей напряженности внутри еврейско-сионистского сообщества.

В этой ситуации «еврейская основа» казалась многообещающим фундаментом для будущего общества с широким консенсусом. Что касается неевреев, то они и так уже воспринимались как «чужая группа». Избирательная система, введенная в то время, *Ишув* для национальных или еврейско-сионистских институтов (таких как партии, «Еврейское агентство», «Национальный комитет» и еврейский профсоюзный аппарат). *Гистадрут*) служило легитимирующим фактором, оправдывающим правила игры. *в пределах* Еврейская община.

Эти выборы, по крайней мере, обладали некоторыми внешними признаками демократии, которую Киммерлинг называет «процессной демократией», с гарантией определенной степени социальной и индивидуальной автономии внутри различных социально-политических групп и партий.²⁷ Таким образом, *Ишув* Она функционировала на основе еврейско-сионистского подхода, представляя коллективную идентичность и, помимо прочего, обеспечивая организационные принципы, гарантирующие правовую защиту отдельных членов общины. Эти права не были универсальными в гражданском смысле, а основывались на принадлежности к еврейской общине.²⁸

Однако с созданием государства неизбежно возник вопрос о политической конституции. Основой нового государства стала прочная, неразрывная связь между религиозными и национальными элементами. Характерной чертой этой связи было соглашение, достигнутое накануне создания государства.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. 116–119.

²⁸ Там же. 120–121.

ment between the Jewish Agency (the executive institution of the *Yishuv*) and the non-Zionist Orthodox Party *Agudat Israel*, in which the religious status quo was made the fundament of the future Israeli order. And although the *Halacha* (the Jewish-religious legislation) was not adopted in its entirety or as a legal basis of the state, *Shabbat* as a day of rest as well as the observance of kosher commandments were stipulated by law in all public and government institutions. Likewise, family law (marriage, birth and death) was to be determined according to Halakhic legislation.

Upon the founding of the state, it *de facto* withdrew from the realm of family legislation, devolving it to the religious administrative authorities by law. This legal situation represented an adoption of the legal framework in the *Yishuv* according to which the Jews as a “religious *millet*” (a religiously defined nation of believers in the Ottoman Empire) had submitted to religious jurisdiction (1922–1947). At the time it had been left up to the individual in the *Yishuv* whether or not they would submit themselves to civil law, a choice that was no longer available with the establishment of Israel. And finally, the agreement had conceded full autonomy to the various currents within the Jewish religion when it came to matters of education.²⁹

Choosing the Western Model

The new state’s directional decision for a Western-style democracy was by no means a matter of course in the founding period. After all, the dominant political and social powers defined themselves as socialist; some of them – like *Mapam* and the communist party *Maki* – even had a distinct Soviet orientation. What is more, in 1948 the Soviet Union advocated the founding of the State of Israel and also ensured important arms supplies via Eastern European countries when Israel faced an American weapons boycott.

According to Kimmerling, Israel ultimately orientated itself towards the West for the following reasons: Firstly, because organized American Judaism was considered a long-term political and economic supporter of Israel; secondly, due to David Ben-Gurion’s growing admiration for the strength and diversity of American society; and thirdly, because the Israeli political state elites sought to distance themselves from the Middle East region which they considered “backward.”

Especially in a situation where several hundreds of thousands of Jews from the Arab countries of the Middle East as well as from North Africa were being

²⁹ Ibid. 121–123.

соглашение между Еврейским агентством (исполнительным органом) *Ишув* и несионистской православной партией *Агудат Исраэль* в котором религиозный статус-кво был сделан основой будущего израильского порядка. И хотя *Галаха* (Законодательство о еврейской религии) не было принято в полном объеме или в качестве правовой основы государства. *Шаббат* (День отдыха, а также соблюдение кошерных заповедей) были установлены законом во всех государственных и правительственных учреждениях. Аналогичным образом, семейное право (брак, рождение и смерть) должно было определяться в соответствии с галахическим законодательством.

С момента основания государства оно *де-факто* Закон вывел семейное право из-под действия закона, передав его религиозным административным органам. Эта правовая ситуация представляла собой принятие правовой базы, существовавшей ранее. *Ишув* согласно которому евреи как «религиозная» *просо* «(религиозно определяемая нация верующих в Османской империи) подчинилась религиозной юрисдикции (1922–1947). В то время это было оставлено на усмотрение отдельного человека». *Ишув* Примут ли они гражданское право или нет — выбор, который стал недоступен после образования Израиля. И наконец, соглашение предоставило полную автономию различным течениям внутри иудаизма в вопросах образования.²⁹

Выбор западной модели

Решение нового государства о создании демократии западного образца отнюдь не было само собой разумеющимся в период его основания. В конце концов, господствующие политические и социальные силы определяли себя как социалистические; некоторые из них – например, *Мапам* и коммунистическая партия *Маки* – Она даже имела ярко выраженную советскую ориентацию. Более того, в 1948 году Советский Союз выступал за создание Государства Израиль, а также обеспечивал важные поставки оружия через страны Восточной Европы, когда Израиль столкнулся с американским бойкотом оружия.

По словам Киммерлинга, Израиль в конечном итоге ориентировался на Запад по следующим причинам: во-первых, потому что организованный американский иудаизм считался долгосрочным политическим и экономическим сторонником Израиля; во-вторых, из-за растущего восхищения Давида Бен-Гуриона силой и многообразием американского общества; и в-третьих, потому что израильская политическая элита стремилась дистанцироваться от ближневосточного региона, который она считала «отсталым».

Особенно в ситуации, когда сотни тысяч евреев из арабских стран Ближнего Востока, а также из Северной Африки подвергались преследованиям.

²⁹ Там же. 121–123.

received into the country, the political leadership felt compelled to demonstrate and codify the Western-European orientation. Besides, there would have been no room for a genuinely religious Jewish self-conception in an Israel embracing an atheistic-communist orientation. And after all, it was Judaism in its religious sense that soon became indispensable for the ultimate legitimation of Zionism, which is why the religious camp had to be included in the national project. For it was by appealing to expressly religious symbols and values that the Zionist movement succeeded in winning the support of Jews as well as non-Jews.

The Israeli Declaration of Independence of 1948 reflects the problematic roots and the controversial legitimation of the new state, attesting to the linking and blending of religious and secular elements, and of religion and nation. Jewish history, which is described in detail and traced all the way back to the biblical epoch, as well as the mention of the UN Resolution 181 of November 29, 1947, are meant to underpin the “natural and historic right” of the Jewish people to their political sovereignty in *Eretz Israel*.

The new state was supposed to be based “on liberty, justice and peace,” that is, on universal values, while also being grounded in the spirit of “the prophets of Israel.” Moreover, a direct appeal is made to the Jewish people of the diaspora, “to rally around the Jews of *Eretz Israel* in the task of immigration and development.” Simultaneously, the religiously connoted goal of “the redemption of Israel” is mentioned. According to the declaration, the state is supposed to “uphold the full social and political equality of all its citizens, without distinction of race, creed or sex.” All this is underscored by the addition of the religiously charged phrase of “our trust in the rock of Israel.”

In 1949, David Ben-Gurion preferred the religiously oriented parties (*Hamisrachi* or *Hapoel Hamisrachi*) as coalition partners to the secular-socialist *Mapam* or the liberal “General Zionists.” His goal was to vest the new society composed of immigrants and settlers with a kind of legitimation through the religiously oriented parties, groups and individuals.³⁰

The Israeli philosopher Adi Ophir (1951–) also perceived the tension between religious and national-collective identity features present in the Israeli Declaration of Independence. Although the document is not of a legally binding nature, it does fulfill a symbolic or legitimation-like function for Israeli democracy that is not to be underestimated. Ophir points out the sometimes-contradictory legitimation patterns that the Declaration of Independence is based on.

On the one hand, it refers to a metaphysical, that is, ahistorical, relationship of the Jewish people to *Eretz Israel*. On the other hand, it points out the bitter

³⁰ Ibid. 123.

После прихода в страну политическое руководство почувствовало себя обязанным продемонстрировать и кодифицировать западноевропейскую ориентацию. Кроме того, в Израиле, принявшем атеистическо-коммунистическую ориентацию, не осталось бы места для подлинно религиозного еврейского самосознания. И в конце концов, именно иудаизм в его религиозном смысле вскоре стал незаменимым для окончательной легитимации сионизма, поэтому религиозный лагерь необходимо было включить в национальный проект. Ведь именно благодаря обращению к явно религиозным символам и ценностям сионистское движение сумело завоевать поддержку как евреев, так и неевреев.

Декларация независимости Израиля 1948 года отражает проблемные корни и противоречивую легитимацию нового государства, свидетельствуя о взаимосвязи и смешении религиозных и светских элементов, а также религии и нации. Еврейская история, подробно описанная и прослеживаемая вплоть до библейской эпохи, а также упоминание резолюции ООН № 181 от 29 ноября 1947 года, призваны обосновать «естественное и историческое право» еврейского народа на свой политический суверенитет. *Эрец Израиль*.

Новое государство должно было основываться «на свободе, справедливости и мире», то есть на универсальных ценностях, а также на духе «пророков Израиля». Более того, прямое обращение адресовано еврейскому народу диаспоры, «к сплочению вокруг евреев». *Эрец Израиль* в деле иммиграции и развития». Одновременно упоминается религиозно окрашенная цель «искупления Израиля». Согласно декларации, государство должно «поддерживать полное социальное и политическое равенство всех своих граждан без различия расы, вероисповедания или пола». Все это подчеркивается добавлением религиозно окрашенной фразы «наша вера в скалу Израиля».

В 1949 году Давид Бен-Гурион отдавал предпочтение религиозно ориентированным партиям. *Хамисрахили* (*Хапозль Хамисрахил*) в качестве партнеров по коалиции светско-социалистического режима *Мапам* или либеральных «всеобщих сионистов». Его целью было наделить новое общество, состоящее из иммигрантов и поселенцев, своего рода легитимацией через религиозно ориентированные партии, группы и отдельных лиц.³⁰

Израильский философ Ади Офир (1951–) также отмечал напряжение между религиозными и национально-коллективистскими чертами идентичности, присутствующими в Декларации независимости Израиля. Хотя документ не имеет юридически обязательной силы, он выполняет символическую или легитимационную функцию для израильской демократии, которую нельзя недооценивать. Офир указывает на порой противоречивые модели легитимации, на которых основана Декларация независимости.

С одной стороны, это указывает на метафизическое, то есть внеисторическое, отношение еврейского народа к *Эрец-Исраэль*. С другой стороны, это указывает на горечь.

³⁰ Там же, 123.

experience of the Jews in Europe, that is, the Jewish history of suffering; at the same time asserting the Jewish right to self-determination on a universal basis and the aspiration to a normalized situation in the context of a Jewish national state. The political choice between the Jewish-particularist and the universalist path, in other words between adhering to the maxim of the uniqueness of the Jewish people and the Zionist aspiration to a “normalization” of the living conditions of Jews – meaning their reconciliation with the *Goyim* – is considered to be a matter still undecided.³¹

But in how far is there really a contrast between the Zionist Right and the Zionist Left with regard to this “open” question of the “Israeli path”? After all, it was no other than the “Father of the Nation” and leader of the Labor Party who shortly after the establishment of the state pushed through his opinion against a written constitution for Israel. The “Zionist Leftist” David Ben-Gurion mobilized his *Mapai* party against such a document, even though the opposition parties *Mapam*, the General Zionists, *Herut* and the communist party *Maki* advocated it. All of them argued in favor of a constitution and for civil rights with a view to warranting the protection of minorities and limiting the power of the ruling *Mapai* party.³²

Ben-Gurion’s reasons for opposing a constitution lie in the fact that, firstly, forming a coalition with the religious party block (*Agudat Israel*, *Poalei Agudat Israel*, *Hamisrachi* and *Hapoel Hamisrachi*), his favored option, would not have been politically viable because these parties would have rejected a secular political constitution from the outset. Secondly, such a constitution would have restricted the dominance of the *Mapai* party, and hence the leeway of the government or ruling party that held a majority in the *Knesset* together with its coalition partners. Ben-Gurion considered the majority principle combined with the principle of the rule of law to be sufficient for legitimizing the Western character of the Jewish state. And thirdly, Ben-Gurion saw a constitution as a substantial obstacle to nation building by means of immigration, settlement and the genesis of a people still in the process of emerging.

All things considered, the demographic and geopolitical projects pursued by the Israeli political and security-political establishment of these first years were not compatible with a written constitution. After all, in such a document the borders of Israel as well as the status of the Palestinian citizens – in other words the question of lawfulness of a military government in the state territory (1949–1966) – would have had to be clarified and determined.

³¹ Ophir 2001: 245–255.

³² Bechor 1996.

Опыт евреев в Европе, то есть еврейская история страданий; одновременно утверждение права евреев на самоопределение на универсальной основе и стремление к нормализации ситуации в контексте еврейского национального государства. Политический выбор между еврейско-партикуляристским и универсалистским путем, иными словами, между приверженностью максиме уникальности еврейского народа и сионистским стремлением к «нормализации» условий жизни евреев – то есть к их примирению с...*Гои*–считается, что этот вопрос до сих пор не решен.³¹

Но насколько действительно существует контраст между сионистскими правыми и сионистскими левыми в отношении этого «открытого» вопроса об «израильском пути»? В конце концов, именно «Отец нации» и лидер Рабочей партии вскоре после создания государства протолкнул свое мнение против писаной конституции Израиля. «Сионистский левый» Давид Бен-Гурион мобилизовал своих *Мапай* партия против такого документа, даже несмотря на то, что оппозиционные партии *Мапам* Генеральные сионисты, *Херути* коммунистическая партия *Маки* выступал за это. Все они выступали за конституцию и за гражданские права с целью обеспечения защиты меньшинств и ограничения власти правящей партии. *Мапай* вечеринка.³²

Причины, по которым Бен-Гурион выступает против конституции, заключаются, во-первых, в формировании коалиции с блоком религиозных партий (*Агудат Исраэль*, *Поалей Агудат Израиль*, *Хамисрахим* *Хапоэль* *Хамисрахим*). Во-первых, его предпочтительный вариант не был бы политически жизнеспособным, поскольку эти партии с самого начала отвергли бы светскую политическую конституцию. Во-вторых, такая конституция ограничила бы доминирование... *Мапай* партия, и, следовательно, свобода действий правительства или правящей партии, имевшей большинство в *Кнессет*. Вместе со своими партнерами по коалиции Бен-Гурион считал принцип большинства в сочетании с принципом верховенства права достаточным для легитимизации западного характера еврейского государства. И, в-третьих, Бен-Гурион рассматривал конституцию как существенное препятствие для национального строительства посредством иммиграции, расселения и формирования народа, который все еще находится в процессе становления.

В целом, демографические и геополитические проекты, проводимые израильским политическим и силовым политическим истеблишментом в первые годы, были несовместимы с писаной конституцией. В конце концов, в таком документе необходимо было бы уточнить и определить границы Израиля, а также статус палестинских граждан – иными словами, вопрос о законности военного правительства на территории государства (1949–1966).

³¹Офир 2001: 245–255.

³²Бехор 1996.

In January of 1949, Ben-Gurion presented before the *Knesset* his argument against a constitution: “Our state is the most dynamic in the world and is being reshaped daily. Every day new Jewish people come into the country and every day abandoned land is liberated. These dynamics cannot be submitted to a pre-defined frame or artificial bonds.”³³

During the same *Knesset* discussion about a constitution, another party member, David Bar-Rav-Hei (1894–1977), summed up the matter in a way that corroborates Yiftachel’s hypothesis of the geographic dynamics: “A constitution [...] is not enacted at the beginning of a revolution, but at its end. Every constitution aims at codifying and perpetuating certain principles. Most of the constitutions formulated in the course of a revolution had to be modified or dismissed altogether. This is to say that it is necessary to reach a certain stability first.”³⁴

Shortly after the establishment of the state it was mainly by continuing to promote Jewish immigration and settlement that this “stability” was to be guaranteed. Religious coalition member Mordechai Nurok (1884–1962) stressed the vital importance of immigration for Israel. After all, only ten percent of Jewish people were living in Israel by 1949. With the majority of Jews still living in the diaspora and therefore not able to participate in the decision, at this point in time a fixed constitution was objected to as being undemocratic.³⁵ With this in mind, a constitution seemed to run counter to Zionist tasks and national values such as state building, Jewish immigration and territorial gains.

On June 13, 1950, the *Knesset* decided to commission the *Knesset Constitution, Law and Justice Committee* to prepare a constitution based on the basic law. They did not, however, determine a date for the conclusion of the procedure. Only as late as 1992 did the *Knesset* enact a basic law that honored human rights. This means that the basic law articles for human dignity and freedom and for freedom of employment were issued as much as forty-five years after the state had been established. Even more importantly, these and most other basic law articles have no constitutional status, which means they can be modified or even abolished by a simple majority in the *Knesset*.³⁶

So a written constitution for Israel has been successfully averted and does not stand in the way of the Zionist project. The new state took up the dynamic concept of the country’s “Judaization,” with immigration, settlement and security becoming the leitmotifs of Israeli policy. Israel absorbed Jewish immigrants

³³ Quoted from Bechor 1996: 39.

³⁴ Ibid. 42.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid. 32, 45.

В январе 1949 года Бен-Гурион выступил перед *Кнессет*. Его аргумент против конституции: «Наше государство — самое динамичное в мире, и оно ежедневно претерпевает изменения. Каждый день в страну приезжают новые евреи, и каждый день освобождаются заброшенные земли. Эти динамические процессы нельзя подчинять заранее определенным рамкам или искусственным ограничениям». ³³

В течение того же самого *Кнессет* в ходе обсуждения конституции другой член партии, Давид Бар-Рав-Хей (1894–1977), подытожил вопрос таким образом, что это подтверждает гипотезу Ифтахеля о географической динамике: «Конституция [...] принимается не в начале революции, а в ее конце. Каждая конституция направлена на кодификацию и увековечивание определенных принципов. Большинство конституций, разработанных в ходе революции, пришлось изменить или вовсе отменить. Это означает, что сначала необходимо достичь определенной стабильности». ³⁴

Вскоре после создания государства предполагалось, что «стабильность» будет обеспечена главным образом за счет дальнейшего содействия еврейской иммиграции и расселению. Член религиозной коалиции Мордехай Нурок (1884–1962) подчеркивал жизненно важное значение иммиграции для Израиля. В конце концов, к 1949 году в Израиле проживало всего десять процентов еврейского населения. Поскольку большинство евреев все еще жили в диаспоре и, следовательно, не могли участвовать в принятии решений, в тот момент принятие конституции на постоянной основе было воспринято как недемократичное. ³⁵ С учетом этого, конституция, казалось, противоречила сионистским задачам и национальным ценностям, таким как государственное строительство, еврейская иммиграция и территориальные приобретения.

13 июня 1950 года *Кнессет* решили заказать *Комитет Кнессета по конституции, праву и правосудию* разработать конституцию на основе основного закона. Однако дату завершения процедуры они не определили. Лишь в 1992 году это было сделано. *Кнессет* Принять основной закон, который бы уважал права человека. Это означает, что статьи основного закона о достоинстве и свободе человека, а также о свободе трудоустройства были приняты спустя сорок пять лет после образования государства. Что еще более важно, эти и большинство других статей основного закона не имеют конституционного статуса, а это значит, что они могут быть изменены или даже отменены простым большинством голосов. *Кнессет*. ³⁶

Таким образом, принятие писаной конституции для Израиля было успешно предотвращено и не препятствует сионистскому проекту. Новое государство приняло динамичную концепцию «иудаизации» страны, где иммиграция, расселение и безопасность стали лейтмотивами израильской политики. Израиль принял еврейских иммигрантов.

³³Цитата из работы Бехора 1996 года: 39.

³⁴Там же, 42.

³⁵Там же.

³⁶Там же, стр. 32, 45.

from European and Arab countries and provided for their settlement on Israeli state territory as it had been internationally recognized in 1949. In all of this, the military and the security apparatus played a central role. Conquering the country, securing its resources for the Jewish state, protecting the borders, and exerting control over the Palestinians living in the state – all these tasks fell under the scope of the military’s competence. As such, military and security forces were increasingly viewed as the guardians of the Zionist project.

Already in the ten years between 1948 and 1958, the Ministry of Defense rose to be the most powerful and politically significant department of the cabinet. To this day it holds a special status and an extremely strong position of power. Among other reasons this is due to the fact that the conflict with the Palestinians and the neighboring states kept on escalating over the course of the years. The evolution and establishment of an Israeli democracy with a specifically security-political orientation is the subject of the next chapter. What shape the political culture of the country is in will be explored by taking a look at two examples of historically significant security-political affairs.

Military and Politics in a “Jewish and Democratic” Israel

In his book *David’s Sling*, published in 1970, Shimon Peres, who very much contributed to shaping the Ministry of Defense in the years from 1953 to 1965, offered the following reasoning concerning the relationship of military and politics in Israel:

Occasional observers have expressed surprise that the Israel Army has never at any time sought to weaken or challenge the democratic civilian processes of the State by direct or indirect intervention or by an outright coup d’état. The fact is that there is hardly a democracy in the world which is more secure. If the Israel democracy faced any danger at all, it would be from perverted civilians and not from a misguided soldiery. Israel’s troops – civilians temporarily in uniform and subject to military discipline – are as varied in their ideas and political allegiances as all other civilians. [...] The falsity of the analogy with Israel of the two historical examples – the Crusades and Sparta, is easily exposed. The idea of the army’s influencing the political life of Israel is purely fanciful. [...] As a nation, we tend to be extreme individualists, and we suffer from a chronic multiplicity of political views and parties. Army service educates us to a discipline which is foreign to our character and our experience.³⁷

³⁷ Peres 1970: 255.

Из европейских и арабских стран были привезены палестинцы, которые затем были расселены на территории Израиля, признанной на международном уровне в 1949 году. Во всем этом центральную роль играли военные и силовые структуры. Завоевание страны, обеспечение ее ресурсами для еврейского государства, защита границ и контроль над палестинцами, проживающими в государстве, — все эти задачи входили в компетенцию военных. Таким образом, военные и силы безопасности все чаще рассматривались как хранители сионистского проекта.

Уже за десять лет с 1948 по 1958 год Министерство обороны стало самым влиятельным и политически значимым ведомством в правительстве. По сей день оно сохраняет особый статус и чрезвычайно сильные позиции. Среди прочих причин это объясняется тем, что конфликт с палестинцами и соседними государствами на протяжении многих лет продолжал обостряться. Эволюция и становление израильской демократии со специфической политико-безопасной ориентацией станут предметом следующей главы. Форма политической культуры страны будет рассмотрена на примере двух исторически значимых событий в сфере политики безопасности.

Военное и политическое устройство «еврейского и демократического» Израиля

В своей книге *Граца Давида*, в опубликованной в 1970 году работе Шимона Переса, внесшего значительный вклад в формирование Министерства обороны в период с 1953 по 1965 год, были предложены следующие рассуждения относительно взаимосвязи военных и политических сил в Израиле:

Отдельные наблюдатели выражали удивление по поводу того, что израильская армия никогда не пыталась ослабить или бросить вызов демократическим гражданским процессам государства путем прямого или косвенного вмешательства или прямого государственного переворота. Дело в том, что в мире едва ли найдется более безопасная демократия. Если израильская демократия и сталкивалась с какой-либо опасностью, то она исходила бы от извращенных гражданских лиц, а не от заблудших солдат. Израильские войска – гражданские лица, временно находящиеся в военной форме и подчиняющиеся военной дисциплине, – столь же разнообразны в своих взглядах и политических пристрастиях, как и все другие гражданские лица. [...] Ложность аналогии с Израилем, основанной на двух исторических примерах – крестовых походах и Спарте, легко разоблачается. Идея о влиянии армии на политическую жизнь Израиля – чистая фантазия. [...] Как нация, мы склонны к крайнему индивидуализму и страдаем от хронического многообразия политических взглядов и партий. Служба в армии воспитывает в нас дисциплину, чуждую нашему характеру и нашему опыту.³⁷

³⁷Перес 1970: 255.

With this statement, a man of the establishment explicitly propagates the compatibility of militarism and democracy, thus decidedly dismissing the possibility of a military coup. In keeping with the maxim of the “nation in arms,” the notion of the indispensability of the military and the view of Israeli society as pluralist and democratic, Peres’ confidence in the stability of Israeli democracy appears unshakeable. He fails to recognize any contradiction between the emergency-like situation in Israel and the aspiration to a pluralistically oriented, free society. But is Israel really so immune against a military coup?

Scholarship has attempted to explain the relationship between military and politics in two ways. A first approach, the paradigm of the interconnectedness of the civil and military spheres, assumes a fundamental dichotomy between these two areas. Consequently, military coups are interpreted as a result of some kind of “malfunction” within the political-civilian system or the various mechanisms of civic control of the military.³⁸

Traditional Israeli sociology generally draws on this paradigm to describe the specific situation in Israel. In this, it follows the American sociologist Morris Janowitz (1919–1988) who sees the “civilianization of the military” and the elimination of the strict separation between the two areas as a safeguard against coup attempts.³⁹ The Israeli sociologists Dan Horowitz (1928–1991) and Moshe Lissak (1928–) argue that Israel resembles ancient Athens rather than Sparta, being as a balance between a partially militarized society and civilianized army characterized it. Because the army is strongly involved in matters that are originally non-military, such as nation-forming and modernization processes, a “reversal of roles” has occurred between the Israeli army and the civilian entities.⁴⁰ Due to the widely internalized paradigm of the dichotomy of military and politics, and because of a principally apolitical conception of the military, a military coup is deemed unlikely by Israeli political science and historical research. To the contrary, the Israeli army is thought to be averse to political and civil tasks.⁴¹

A second line of research describes the relationship of military and politics by referring to the model of a “nation in arms.”⁴² In contrast to the paradigm of the dichotomy of military and politics, this approach stresses the close connections and common features of both spheres. The national state as an organizational principle and dominant basic structure requiring a high degree of political par-

³⁸ Edmonds 1999.

³⁹ Janowitz 1971; Huntington 1968.

⁴⁰ Lissak 1983.

⁴¹ Barzilai 1996.

⁴² Ben-Eliezer 1994/1998.

Этим заявлением представитель истеблишмента открыто пропагандирует совместимость милитаризма и демократии, тем самым решительно отвергая возможность военного переворота. В соответствии с принципом «нации в оружии», представлением о незаменности армии и взглядом на израильское общество как на плюралистическое и демократическое, уверенность Переса в стабильности израильской демократии кажется непоколебимой. Он не видит никакого противоречия между чрезвычайной ситуацией в Израиле и стремлением к плюралистически ориентированному, свободному обществу. Но действительно ли Израиль настолько защищен от военного переворота?

В научных исследованиях предпринимались попытки объяснить взаимосвязь между военной сферой и политикой двумя способами. Первый подход, парадигма взаимосвязи гражданской и военной сфер, предполагает фундаментальную дихотомию между этими двумя областями. Следовательно, военные перевороты интерпретируются как результат некоего «сбоя» в политико-гражданской системе или различных механизмах гражданского контроля над военными.³⁸

Традиционная израильская социология, как правило, опирается на эту парадигму для описания специфической ситуации в Израиле. В этом она следует за американским социологом Моррисом Яновицем (1919–1988), который рассматривает «гражданизацию армии» и устранение строгого разделения между двумя территориями как гарантию от попыток государственного переворота.³⁹ Израильские социологи Дан Горовиц (1928–1991) и Моше Лиссак (1928–) утверждают, что Израиль больше похож на древние Афины, чем на Спарту, поскольку для него характерен баланс между частично милитаризованным обществом и гражданской армией. Поскольку армия активно участвует в вопросах, изначально не имеющих военного характера, таких как процессы формирования нации и модернизации, между израильской армией и гражданскими структурами произошла «смена ролей».⁴⁰ Из-за широко распространенной парадигмы дихотомии военного и политического, а также из-за преимущественно аполитичного понимания армии, военный переворот считается маловероятным в израильской политологии и исторических исследованиях. Напротив, считается, что израильская армия избегает политических и гражданских задач.⁴¹

Второе направление исследований описывает взаимосвязь военной сферы и политики, ссылаясь на модель «нации в вооружённом состоянии»⁴². В отличие от парадигмы дихотомии военной и политической сфер, этот подход подчёркивает тесную связь и общие черты обеих областей. Национальное государство как организационный принцип и доминирующая базовая структура, требующая высокой степени политической вовлеченности...

³⁸Эдмондс, 1999.

³⁹Яновиц 1971; Хантингтон 1968.

⁴⁰Лиссак 1983.

⁴¹Барзилай 1996.

⁴²Бен-Элиэзер 1994/1998.

ticipation is the precondition for enabling the masses to war or mobilizing them for other national goals. In this sense, the state armies are mass organizations.⁴³ The model of a “nation in arms” focuses on a centralistically ruled state, and is committed to an understanding of national statehood that originates in the late nineteenth and early twentieth centuries.

Along these lines, Israeli sociologist Uri Ben-Eliezer (1951–) identifies four characteristics of the “nation in arms”: Firstly, the existence of a state army; secondly, a close cooperation between military and political elites based on a commonly shared ideology; thirdly, obscure boundaries between the two spheres; and fourthly, the self-image of the national army as apolitical and non-partisan, representing the values of the nation. Ben-Eliezer’s conclusion is that Israel is indeed a nation in arms. Ben-Gurion popularized the maxim of *Mamlachtijut* (“statehood”) which resulted in a professional mass army, legally anchored by the *Military Service Act* that was enacted in 1949.⁴⁴

But which of these models matches the Israeli understanding of politics and military: the concept of a state with a “civilianized military” or that of a “nation in arms”? What is the nature of the relationship between politics and military, and what position does security policy take regarding the rule of law in the face of a permanent state of war? What significance does the Middle East conflict have for Israeli democracy? And what kind of security-political culture is ultimately created in Zionist Israel?

Let us first turn to the so-called Lavon Affair. Originally a purely security-political and military matter, it eventually escalated into a full-blown domestic and party political crisis. The Lavon Affair began in 1954 and the split of the ruling *Mapai* party marked its endpoint in 1965, as brought about by its leader of many years, the state founder David Ben-Gurion.

Similar to the Lavon Affair, the second conflict that will be examined, the Shin Bet Affair, starts out as a security-political, military problem, but later turns into a profound crisis of government and the rule of law. The main point of dispute was the democratic principle of the division of powers. In how far should the executive – that is, the government and the state security apparatus – be amenable to the law? The Shin Bet Affair dragged on for two years, from 1984 to 1986, during which time Shimon Peres held the office of prime minister.

⁴³ Vagts 1959.

⁴⁴ Ben-Eliezer 1998A: 318–320.

Предвкусение является необходимым условием для того, чтобы дать массам возможность участвовать в войне или мобилизовать их для достижения других национальных целей. В этом смысле государственные армии являются массовыми организациями.⁴³ Модель «нации в вооружённом оружии» фокусируется на централизованно управляемом государстве и придерживается понимания национальной государственности, зародившегося в конце XIX и начале XX веков.

В этом контексте израильский социолог Ури Бен-Элиэзер (1951–) выделяет четыре характеристики «нации, вооружённой оружием»: во-первых, существование государственной армии; во-вторых, тесное сотрудничество между военной и политической элитами, основанное на общей идеологии; в-третьих, размытые границы между этими двумя сферами; и в-четвёртых, самовосприятие национальной армии как аполитичной и беспартийной, представляющей ценности нации. Бен-Элиэзер приходит к выводу, что Израиль действительно является нацией, вооружённой оружием. Бен-Гурион популяризировал максимум *Mamlachtijut* («государственность»), что привело к созданию профессиональной массовой армии, юридически закреплённой за *Законом о военной службе*, который был принят в 1949 году.⁴⁴

Но какая из этих моделей соответствует израильскому пониманию политики и армии: концепция государства с «граждански ориентированной армией» или концепция «нации в вооружённых войсках»? Какова природа взаимосвязи между политикой и армией, и какую позицию занимает политика безопасности в отношении верховенства права в условиях перманентной войны? Какое значение имеет конфликт на Ближнем Востоке для израильской демократии? И какая в конечном итоге культура безопасности и политики создаётся в сионистском Израиле?

Давайте сначала обратимся к так называемому делу Лавона. Первоначально это был чисто политический и военный вопрос, но в конечном итоге он перерос в полномасштабный внутриполитический и партийный кризис. Дело Лавона началось в 1954 году с раскола правящей партии. *Мапай* Партия прекратила свое существование в 1965 году, чему способствовал ее многолетний лидер, основатель государства Давид Бен-Гурион.

Подобно делу Лавона, второй конфликт, который будет рассмотрен, — дело Шин Бет — начинается как политическая и военная проблема, но позже перерастает в глубокий кризис государственного управления и верховенства права. Главным предметом спора был демократический принцип разделения властей. В какой степени исполнительная власть — то есть правительство и государственный аппарат безопасности — должна подчиняться закону? Дело Шин Бет длилось два года, с 1984 по 1986 год, в течение которого Шимон Перес занимал пост премьер-министра.

⁴³Вагтс 1959.

⁴⁴Бен-Элиэзер 1998А: 318–320.

The Lavon Affair 1954–1964

The background to the Lavon Affair is the July 1954 military operation undertaken in Egypt by Unit 131 of the Information Department of the IDF Aman. Its goal was to undermine the relations between the USA, Great Britain and Egypt. The operation was carried out by the military without the authorization of Israel's political leadership. Only after the arrest of the involved Unit 131 members by Egyptian police did Prime Minister and Foreign Minister Moshe Sharett (1894–1965), Minister of Defense Pinchas Lavon (1904–1976) and the rest of the Israeli government learn about the scale of the operation, which would soon be referred to in Israel by the code name *Esek Bish*, meaning “bad business” in Hebrew.

In early 1953, the newly elected American government under Republican President Dwight D. Eisenhower exerted pressure on Great Britain to pull out of its military bases in the Suez Zone. Israel followed the British-Egyptian negotiations with concern because the matter was also related to the handover of British arms depots and military facilities to Egypt. It was speculated in some military and political circles that an act of violence directed against the Brits in Egypt would suspend the negotiations, or even thwart the pullout plans.⁴⁵

And thus Unit 131 was activated. In May 1954, the head of Aman, Benjamin Gibli (1919–2008), sent the commander of the unit to Paris where he met up with contact man Avri Elad (1925–1993) and gave him instructions for the activation of the sabotage unit in Egypt. The operation began on July 2, 1954, with small fire bombs that were deposited in different mail boxes in Alexandria. Two days later, rather harmless explosive charges were set off in American cultural centers in Cairo and Alexandria. On July 23, the Egypt's Revolution Day, Philip Natanson (1933–2004), a member of the unit, set out to place explosive charges in various cinemas in Cairo and Alexandria and in the Alexandria railroad yard; but one charge exploded prematurely in his pocket, leading to his arrest.

In the very same night the Egyptian security police arrested the other members of the unit, most of whom were Egyptians of Jewish faith. The court proceedings against them began on December 11, 1954 in Cairo. One member committed suicide in prison and two were sentenced to death and duly executed in late January 1955. The other agents received prison sentences.⁴⁶

The “bad business” of 1954–1955 became a state affair the moment high-ranking officers of the army, the Chief of General Staff among them, intentionally – and for some time also successfully – covered up the incident. The secret inves-

⁴⁵ Kafkafi 1998: 235–236; Eldar 1990.

⁴⁶ Black and Morris 1994: 177, 180.

Дело Лавона 1954–1964 гг.

Предпосылки дела Лавона восходят к военной операции, проведенной в июле 1954 года в Египте подразделением № 131 Информационного отдела Армии обороны Израиля в Амане. Ее целью было подорвать отношения между США, Великобританией и Египтом. Операция проводилась военными без разрешения политического руководства Израиля. Только после ареста египетской полицией членов подразделения № 131 премьер-министр и министр иностранных дел Моше Шарет (1894–1965), министр обороны Пинхас Лавон (1904–1976) и остальное израильское правительство узнали о масштабах операции, которая вскоре получила в Израиле кодовое название. *Эсек Биш*, что в переводе с иврита означает «плохое дело».

В начале 1953 года новоизбранное американское правительство под руководством президента-республиканца Дуайта Д. Эйзенхауэра оказало давление на Великобританию с целью вывода войск из Суэцкой зоны. Израиль с обеспокоенностью следил за британско-египетскими переговорами, поскольку этот вопрос также был связан с передачей Египту британских складов оружия и военных объектов. В некоторых военных и политических кругах высказывались предположения, что акт насилия, направленный против британцев в Египте, может приостановить переговоры или даже сорвать планы вывода войск.⁴⁵

Таким образом, было активировано подразделение 131. В мае 1954 года глава Амана, Бенджамин Гибли (1919–2008) отправил командира подразделения в Париж, где тот встретился с связным Аври Эладом (1925–1993) и дал ему инструкции по активации диверсионного подразделения в Египте. Операция началась 2 июля 1954 года с небольших зажигательных бомб, которые были подброшены в разные почтовые ящики в Александрии. Два дня спустя относительно безобидные взрывные устройства были приведены в действие в американских культурных центрах в Каире и Александрии. 23 июля, в День египетской революции, Филип Натансон (1933–2004), член подразделения, отправился заложить взрывные устройства в различных кинотеатрах Каира и Александрии, а также на железнодорожной станции Александрии; но одно из зарядов преждевременно взорвалось у него в кармане, что привело к его аресту.

В ту же ночь египетская полиция безопасности арестовала остальных членов подразделения, большинство из которых были египтянами иудейского вероисповедания. Судебное разбирательство против них началось 11 декабря 1954 года в Каире. Один из членов покончил жизнь самоубийством в тюрьме, двое были приговорены к смертной казни и казнены в конце января 1955 года. Остальные агенты получили тюремные сроки.⁴⁶

«Неблаговидное дело» 1954–1955 годов стало государственным делом в тот момент, когда высокопоставленные офицеры армии, в том числе начальник Генерального штаба, намеренно – и некоторое время успешно – скрывали инцидент. Тайное расследование...

⁴⁵Кафафи 1998: 235–236; Эльдар 1990.

⁴⁶Блэк и Моррис 1994: 177, 180.

tigative commission that was appointed in early 1955 by Sharett in consultation with Lavon was not a juridical or parliamentary committee because Israel did not officially admit to the operation in Egypt. A “two-man commission” made up of the President of the Supreme Court Yitzhak Olshen (1895–1983) and the ex-Chief of General Staff Yaacov Dori (1899–1973) was appointed to investigate the question as to who was responsible for the operation.

Initially it looked like the military would be able to dodge accountability because the evidence led the “two-man commission” to the conclusion that it was impossible to determine who was accountable for the order. What is more, Minister of Defense Lavon resigned as a consequence of this finding, even though his responsibility for the “bad business” could not be established and his involvement in the matter seemed unlikely given the conditions in the security establishment.

It says a lot that the events surrounding this failed military operation in Egypt of mid-1954 and its aftermath lasting well into 1965 were generally referred to as “The Affair”; such was the significance of the Lavon Affair’s long-term and far-reaching consequences. Since all this took place during Israel’s formative years, the affair had a considerable impact on the political culture of the new state. It is a powerful example of the relationship between politics and military in a state in which the army was progressively gaining in significance.

This complex and multi-faceted story has all the ingredients of a full-fledged state affair, including the deception of a prime minister and minister of defense by the military as it executed a military plot in a neighboring state without any political authorization, intrigues in the highest echelons of the security organs, forgery of documents, cover-up of mistakes and false testimonies given to the investigation committee, as well as conspiracy against a minister and betrayal of one’s own people.

In its second phase, the affair developed into a party-political matter. As details about the first phase became known to the affected individuals, the struggle to expose the entanglements of 1954 led to an intense personal dispute within the *Mapai* party between David Ben-Gurion and Pinchas Lavon, who was dismissed as Minister of Defense in 1955 as a result of the occurrences of 1954. This dispute was a continuation of the political power struggle which had already been seething between the two camps of the ruling *Mapai*; namely the “Old Guard” and the “Ben-Gurion Boys,” which included Ben-Gurion’s protégés Shimon Peres and Moshe Dayan (1915–1981). From the time of the failed military

Следственная комиссия, назначенная в начале 1955 года Шареттом по согласованию с Лавоном, не являлась ни юридическим, ни парламентским комитетом, поскольку Израиль официально не признавал операцию в Египте. Для расследования вопроса о том, кто несёт ответственность за операцию, была назначена «комиссия из двух человек», состоящая из председателя Верховного суда Ицхака Ольшена (1895–1983) и бывшего начальника Генерального штаба Яакова Дори (1899–1973).

Первоначально казалось, что военным удастся избежать ответственности, поскольку доказательства привели «комиссию из двух человек» к выводу о невозможности установить, кто несет ответственность за этот приказ. Более того, министр обороны Лавон подал в отставку в результате этого вывода, хотя его ответственность за «неправомерные действия» не удалось установить, а его причастность к делу казалась маловероятной, учитывая обстановку в силовых структурах.

Примечательно, что события, связанные с провалившейся военной операцией в Египте в середине 1954 года и её последствиями, продолжавшимися до 1965 года, обычно назывались «Делом Лавона»; таково было значение долгосрочных и далеко идущих последствий этого дела. Поскольку всё это происходило в годы становления Израиля, дело оказало значительное влияние на политическую культуру нового государства. Это яркий пример взаимосвязи политики и армии в государстве, где армия постепенно приобретала всё большее значение.

Эта сложная и многогранная история содержит все составляющие полноценного государственного дела, включая обман премьер-министра и министра обороны военными, которые осуществляли военный заговор в соседнем государстве без какого-либо политического разрешения, интриги в высших эшелонах органов безопасности, подделку документов, сокрытие ошибок и ложные показания, данные следственной комиссии, а также заговор против министра и предательство собственного народа.

На втором этапе дело переросло в партийно-политический конфликт. По мере того как подробности первого этапа становились известны пострадавшим лицам, борьба за раскрытие обстоятельств событий 1954 года привела к ожесточенному личному спору внутри организации. *Мапай* Конфликт между Давидом Бен-Гурионом и Пинхасом Лавоном, который был уволен с поста министра обороны в 1955 году в результате событий 1954 года, стал продолжением политической борьбы за власть, которая уже назревала между двумя лагерями правящей власти. *Мапай*а именно «Старая гвардия» и «Мальчики Бен-Гуриона», в число которых входили протеже Бен-Гуриона Шимон Перес и Моше Даян (1915–1981). Со времен провалившейся военной операции.

operation in July 1954 right up to the split of the *Mapai* party in 1965, the affair repeatedly boiled up and became the subject of numerous publications.⁴⁷

The Security Establishment of the First Years

When David Ben-Gurion resigned as Prime Minister and Minister of Defense in late 1953, he appointed Pinchas Lavon as Minister of Defense and Moshe Dayan as Chief of General Staff. New Prime Minister Moshe Sharett met this with some reservation. Meanwhile, Shimon Peres was given the post of Director-General in the Ministry of Defense. With these three changes of staff in the field of defense, Sharett's attempt to push through a moderate course with respect to security policy was considerably complicated.

As secret exploratory talks were held with Egypt in the course of the year 1954, not only Dayan and Peres but also Minister of Defense Lavon took a critical attitude towards the new prime minister because of the latter's allegedly "weak stance." They had doubts when it came to Sharett's political authority since he was maneuvering between different positions regarding retaliation policy. Despite a supposedly shared ideology, a power struggle concerning security-political questions soon ensued among the three new heads in the Ministry of Defense.

Tensions developed in the course of time between Peres and Dayan about the respective areas of competence of ministry and army, but they soon identified a common enemy. The times when Peres and Dayan could enjoy generous freedom of action in ministry and army under the aegis of Ben-Gurion – not least thanks to the latter's double responsibility as Prime Minister and Minister of Defense – were a thing of the past. As Lavon intensively immersed himself in ministerial issues, his two subordinates found it difficult to get used to his methods which were meant to exhibit accountability and transparency towards the political elite. They also found it hard to accept his authority.

For Peres, it meant a restriction of the freedom of action he had enjoyed as Vice Director-General (1952–1953) under Ben-Gurion. Differences of opinion in ministry matters, such as the purchase of weapons or the structure of the army, were growing between Lavon and Peres. And so Peres, together with Dayan, often chose to consult with the former Minister of Defense Ben-Gurion about ministerial issues. According to Lavon's biographer Eyal Kafkafi (1941–2002), Ben-Gurion *de facto* continued to rule during his "hiatus" in the south Israeli kibbutz

⁴⁷ Hasin and Horowitz 1961; Arieli 1965; Harel 1979/1982; Eshed 1963/1979; Teveth 1994/1996; Kafkafi 1998; Shahar 1989; Kafkafi 1998; Uri Avneri 1975; Elgazi 1997; Arye Avneri 2004.

операция в июле 1954 года вплоть до раскола *Мапай*. На вечеринке в 1965 году дело неоднократно разгоралось и становилось предметом многочисленных публикаций.⁴⁷

Служба безопасности первых лет

Когда Давид Бен-Гурион ушел в отставку с постов премьер-министра и министра обороны в конце 1953 года, он назначил Пинхаса Лавона министром обороны, а Моше Даяна — начальником Генерального штаба. Новый премьер-министр Моше Шаретт отнесся к этому с некоторыми оговорками. Тем временем Шимон Перес получил должность генерального директора Министерства обороны. Таким образом, произошли три кадровые перестановки в сфере обороны. Попытка Шаретта продвинуть умеренный курс в отношении политики безопасности оказалась значительно осложненной.

В ходе секретных предварительных переговоров с Египтом в 1954 году не только Даян и Перес, но и министр обороны Лавон критически отнеслись к новому премьер-министру из-за его якобы «слабой позиции». Они сомневались в политическом авторитете Шаретта, поскольку он колебался между различными позициями в отношении политики ответных мер. Несмотря на якобы общую идеологию, вскоре между тремя новыми главами Министерства обороны разгорелась борьба за власть по вопросам безопасности и политики.

Со временем между Пересом и Даяном возникла напряженность по поводу соответствующих сфер компетенции министерства и армии, но вскоре они выявили общего врага. Времена, когда Перес и Даян могли пользоваться широкой свободой действий в министерстве и армии под эгидой Бен-Гуриона – не в последнюю очередь благодаря двойной ответственности последнего как премьер-министра и министра обороны – остались в прошлом. Поскольку Лавон интенсивно занимался министерскими вопросами, его двум подчиненным было трудно привыкнуть к его методам, которые должны были демонстрировать подотчетность и прозрачность перед политической элитой. Им также было трудно принять его авторитет.

Для Переса это означало ограничение свободы действий, которой он пользовался в качестве вице-генерального директора (1952–1953) при Бен-Гурионе. Разногласия по вопросам министерства, таким как закупка оружия или структура армии, между Лавоном и Пересом нарастали. Поэтому Перес вместе с Даяном часто предпочитал консультироваться с бывшим министром обороны Бен-Гурионом по вопросам министерства. По словам биографа Лавона Эяля Кафафи (1941–2002), Бен-Гурион *де-факто* продолжал править во время своего «перерыва» в киббце на юге Израиля.

⁴⁷Хасин и Горовиц, 1961; Ариэли 1965; Харель 1979/1982; Эшед 1963/1979; Тевет 1994/1996 год; Кафафи 1998; Шахар 1989; Кафафи 1998; Ури Авнери, 1975 г.; Эльгази 1997; Арье Авнери 2004.

of Sde-Boker by proxy through his two protégés, whereby he effectively circumvented Sharett. This constellation is habitually referred to as the “Sde-Boker government”⁴⁸, and the question arises as to how far this government was involved in the conception of the sabotage operations in Egypt.

Dayan's actions in the wake of the undercover maneuvering, including the cover-up strategy before the “two-man commission,” were aimed at denying any responsibility whatsoever for his failure as Chief of General Staff. Dayan left it up to the head of Aman, Benjamin Gibli, as to whether he would assume responsibility for the military operation himself or “transfer” it to the minister of defense. Secretly, Dayan pursued the second option, without seriously examining the state of affairs. Therefore he bound himself, as it were, to aligning with Gibli's side, even as signs were subsequently adding up that Gibli's version rested on shaky ground.⁴⁹

Soon Peres ranged himself with Dayan. For him, the mentioned conflicts concerning the area of competence in the Ministry of Defense were in themselves an obvious and sufficient motif to testify against Lavon before the “two-man commission.” But there were also fundamental differences of opinion about the role of military in a democratic society coupled to this personal power struggle. The Director-General of the Ministry of Defense was skeptical of Lavon's suggestions for the reorganization of the ministry.

These comprised the following items: Clear delimitations of the supervision areas of minister, chief of staff and director-general, so that the range of competence of the three positions would be unambiguously defined; the formation of a defense council comprised of representatives from the civilian as well as the military sphere; the introduction of the office of vice minister of defense (under Ben-Gurion this office did not exist, which provided the precondition for Peres' position of power); subordination of the army spokesperson under the minister of defense rather than the chief of general staff; and the regulation of all matters concerning military purchasing being under one roof.⁵⁰

All these measures were aimed at politically controlling the military. In fact, Peres should have found little fault with this concept as a high-ranking civil servant in the Ministry of Defense. But then, these plans would have meant the curtailment of his political elbow room, since now he would not only have to accept an independent minister but also a vice minister as his superior. What is more, Lavon's intention to submit the military to political authority represented a

⁴⁸ Kafkafi 1998: 197–199.

⁴⁹ Arieli 1965: 46, 55.

⁵⁰ Ibid. 113; Kafkafi 1998: 280–281.

Сде-Бокер действовал через своих двух протеже, фактически обходя Шаретта. Эта структура обычно называется «правительством Сде-Бокера»⁴⁸, и возникает вопрос, насколько это правительство было вовлечено в разработку диверсионных операций в Египте.

Действия Даяна после тайных операций, включая стратегию сокрытия информации перед «комиссией из двух человек», были направлены на то, чтобы полностью отрицать свою ответственность за провал на посту начальника Генерального штаба. Даян предоставил главе Амана, Бенджамину Гибли, право решать, возьмет ли он на себя ответственность за военную операцию сам или «передаст» ее министру обороны. Втайне Даян выбрал второй вариант, не всерьез изучив ситуацию. Таким образом, он, так сказать, связал себя с стороной Гибли, даже несмотря на то, что впоследствии стали появляться признаки того, что версия Гибли зиждется на шатких основаниях.⁴⁹

Вскоре Перес сблизился с Даяном. Для него упомянутые конфликты, касающиеся сферы компетенции Министерства обороны, сами по себе были очевидным и достаточным поводом для дачи показаний против Лавона перед «комиссией из двух человек». Но помимо этой личной борьбы за власть, существовали также и принципиальные разногласия по поводу роли военных в демократическом обществе. Генеральный директор Министерства обороны скептически отнесся к предложениям Лавона по реорганизации министерства.

Эти меры включали следующие пункты: четкое разграничение сфер надзора министра, начальника штаба и генерального директора, чтобы однозначно определить круг полномочий этих трех должностей; формирование совета обороны в составе представителей как гражданской, так и военной сфер; введение должности заместителя министра обороны (при Бен-Гурионе этой должности не существовало, что послужило предпосылкой для прихода Переса к власти); подчинение пресс-секретаря армии министру обороны, а не начальнику генерального штаба; и регулирование всех вопросов, касающихся военных закупок, в рамках единой структуры.⁵⁰

Все эти меры были направлены на политический контроль над военными. По сути, Перес, будучи высокопоставленным государственным служащим в Министерстве обороны, вряд ли мог бы найти в этом что-то предосудительное. Но тогда эти планы означали бы ограничение его политического влияния, поскольку теперь ему пришлось бы признавать в качестве своего начальника не только независимого министра, но и вице-министра. Более того, намерение Лавона подчинить военных политической власти представляло собой

⁴⁸Кафкафи 1998: 197–199.

⁴⁹Ариэли 1965: 46, 55.

⁵⁰Там же. 113; Кафкафи 1998: 280–281.

rival concept to Peres' idea of the Ministry of Defense being a "closed structure of a separated security empire."⁵¹

Peres' notion was perfectly aligned to Ben-Gurion's understanding of the tasks and work methods of the minister of defense, in which the political level determines general guidelines but leaves the actual implementation up to the military or the "security experts." As a consequence, the security establishment developed into a closed-off kingdom that enjoyed such a high degree of authority and autonomy that the political institutions – *Knesset*, government and judicial power – had little way of supervising it; a situation that was already noted in 1961 by Israeli journalists Eliyahu Hasin (1927–2008) and Dan Horowitz.⁵²

The further course of the affair suggests that Peres' rivalry with Lavon was of a personal, power-political nature. His idea to help bring Ben-Gurion back into power in 1955 in order to improve his own political career prospects became increasingly obvious. As the Israeli historian Yehoshua Arieli (1916–2002) suggests, it was already at this point that Peres and Dayan saw their future in politics coupled to Ben-Gurion's political power. Lavon's disempowerment along with an unstable government under Sharett would propel them closer towards their goal.⁵³

As the affair continued to unfold through late 1960 and early 1961, Ben-Gurion and his Boys in the *Mapai* party kept antagonizing Lavon until they succeeded once more in bringing about his dismissal from his post as secretary general in the trade union confederation *Histadrut*. Hasin and Horowitz see the reason for this campaign in the fact that Lavon was still fighting for his rehabilitation in the Lavon Affair, the clarification of which might have endangered the Boys' not yet secured political power position within the *Mapai*.⁵⁴

As it were, the Lavon Affair was reignited in 1960 because of a series of events gradually bringing the truth to light. Bit by bit, Lavon learned about the 1955 conspiracy against him, but had little solid proof. In 1957, however, he got more evidence following the arrest of the Aman officer Avri Elad. The secret lawsuit against Elad, who turned out to be a double agent, is surrounded by rumors regarding his contribution to false testimonies made by officers before the "two-man commission," also concerning Lavon's role in the affair. Lavon turned to the head of government and party leader demanding elucidation, and henceforth his rehabilitation. Ben-Gurion commissioned his military secretary Chaim Ben-David

⁵¹ Arieli 1965: 114; Hasin and Horowitz 1961: 214–215.

⁵² Hasin and Horowitz 1961: 214–215.

⁵³ Arieli 1965: 24.

⁵⁴ Hasin and Horowitz 1961: 219.

Конкурирующая концепция с идеей Переса о том, что Министерство обороны представляет собой «закрытую структуру обособленной империи безопасности».⁵¹

Представление Переса полностью совпадало с пониманием Бен-Гуриона задач и методов работы министра обороны, в котором политический уровень определяет общие направления, но оставляет фактическую реализацию военным или «экспертам по безопасности». В результате система безопасности превратилась в замкнутое королевство, пользовавшееся такой высокой степенью власти и автономии, что политические институты...*Кнессет* Правительство и судебная власть практически не имели возможности контролировать это; ситуация, отмеченная еще в 1961 году израильскими журналистами Элияху Хасином (1927–2008) и Даном Горовицем.⁵²

Дальнейшее развитие событий позволяет предположить, что соперничество Переса с Лавоном носило личный, властно-политический характер. Его идея помочь Бен-Гуриону вернуться к власти в 1955 году, чтобы улучшить свои собственные политические перспективы, становилась все более очевидной. Как отмечает израильский историк Йехошуа Ариэли (1916–2002), уже на этом этапе Перес и Даян видели свое будущее в политике в связи с политической властью Бен-Гуриона. Лишение Лавона власти, наряду с нестабильным правительством под руководством Шаретта, приблизило бы их к цели.⁵³

По мере развития событий в конце 1960 и начале 1961 года Бен-Гурион и его соратники в *Мапай* Партия продолжала провоцировать Лавона, пока ей в очередной раз не удалось добиться его увольнения с поста генерального секретаря конфедерации профсоюзов. *Гистадрут* Хасин и Горовиц видят причину этой кампании в том, что Лавон все еще боролся за свою реабилитацию в рамках дела Лавона, выяснение обстоятельств которого могло поставить под угрозу еще не укрепившееся политическое влияние «Мальчиков» внутри организации. *Мапай*.⁵⁴

Дело Лавона, по сути, возобновилось в 1960 году из-за череды событий, постепенно раскрывающих правду. Постепенно Лавон узнавал о заговоре 1955 года против него, но у него было мало веских доказательств. Однако в 1957 году он получил больше доказательств после ареста офицера Амана Аври Элада. Секретный судебный процесс против Элада, который оказался двойным агентом, окружен слухами о его причастности к ложным показаниям офицеров перед «женской комиссией», касающимся также роли Лавона в этом деле. Лавон обратился к главе правительства и лидеру партии с требованием разъяснений и последующей реабилитации. Бен-Гурион назначил своим военным секретарем Хаима Бен-Давида

⁵¹Ариэли 1965: 114; Хасин и Горовиц 1961: 214–215.

⁵²Хасин и Горовиц 1961: 214–215. ⁵³Ариэли 1965: 24.

⁵⁴Хасин и Горовиц 1961: 219.

(1919–1967) to investigate the matter based on the existing evidence, including the body of evidence Lavon had compiled over the years.

By mid-June 1960, Ben-David concluded his investigation with the suspicion that documents had been forged or made to disappear.⁵⁵ In late August 1960, Ben-Gurion appointed another investigative commission, this time headed by Justice of the Supreme Court Chaim Cohn (1911–2002). The findings corroborated the results of the previous investigation. Moreover, they confirmed the suspicions regarding the destruction of documents, false testimonies and coercion of witnesses before the “two-man commission.” Based on these results, Lavon demanded his political rehabilitation from Ben-Gurion but was refused. The situation spun out of control and the details became known to the public.⁵⁶

From this point on the affair increasingly turned into a duel between Lavon and Ben-Gurion, or the “Old Guard” and the “Boys,” both of who were members of the *Mapai* party. Much to Ben-Gurion’s dismay, Lavon appealed to the *Knesset*’s Security and Foreign Affairs Committee. But his statement before this committee on October 17, 1960 turned out to be his own downfall. Lavon reported on the intolerable state of affairs in the security establishment of 1954, which up until that point had only been known within a small circle. For example, he drew attention to a budget meeting of the Ministry of Defense that had been held by Ben-Gurion during Lavon’s term of office and in his absence, by which the parliament’s power of the purse was bypassed.⁵⁷ Ben-Gurion reacted with outrage and condemned Lavon’s statement as “an intrusion into his empire,” and a direct attack on the military: “The officers [...] must not be convicted before their guilt has been proven. This falls under the authority of the court of law alone.”⁵⁸

Faced with the imminent escalation of the affair into an outright crisis, the *Mapai* leadership sought to withdraw responsibility for uncovering the events from the *Knesset* Security and Foreign Affairs Committee. A commission of ministers consisting of seven ministers from different parties was appointed as the investigation committee.⁵⁹ Hired by the commission, State Prosecutor Gideon Hausner (1915–1990) uncovered another piece of evidence. The then Aman secretary Dalia Carmel-Goldstein testified that a letter dated July 19, 1954, in which the order for the operation in Egypt was given, was a forgery.⁶⁰ Based on various

⁵⁵ Ibid. 88.

⁵⁶ Ibid. 91.

⁵⁷ Kafkafi 1998: 372–373.

⁵⁸ Quoted from Arieli 1965: 155–156.

⁵⁹ According to Hasin and Horowitz 1961: 144, the investigation had been comprehensive and intensive.

⁶⁰ Segev 1989.

(1919–1967) расследовать это дело на основе имеющихся доказательств, включая совокупность доказательств, собранных Лавоном за эти годы.

К середине июня 1960 года Бен-Давид завершил расследование, заподозрив, что документы были подделаны или исчезли.⁵⁵ В конце августа 1960 года Бен-Гурион назначил еще одну следственную комиссию, на этот раз возглавляемую судьей Верховного суда Хаимом Коном (1911–2002). Результаты подтвердили выводы предыдущего расследования. Более того, они подтвердили подозрения относительно уничтожения документов, ложных показаний и принуждения свидетелей перед «комиссией из двух человек». На основании этих результатов Лавон потребовал от Бен-Гуриона политической реабилитации, но получил отказ. Ситуация вышла из-под контроля, и подробности стали известны общественности.⁵⁶

С этого момента дело все больше превращалось в дуэль между Лавоном и Бен-Гурионом, или между «Старой гвардией» и «Парнями», оба из которых были членами *Мапай* партии. К большому разочарованию Бен-Гуриона, Лавон обратился к... *Кнессета* Комитет по безопасности и иностранным делам. Но его заявление перед этим комитетом 17 октября 1960 года обернулось для него крахом. Лавон доложил о невыносимом положении дел в силовых структурах в 1954 году, о котором до этого момента было известно лишь в узком кругу. Например, он обратил внимание на бюджетное совещание Министерства обороны, проведенное Бен-Гурионом во время пребывания Лавона на посту и в его отсутствие, на котором парламентское право распоряжаться бюджетными средствами было обойдено.⁵⁷ Бен-Гурион отреагировал с возмущением и осудил заявление Лавона как «вторжение в его империю» и прямое нападение на военных: «Офицеры [...] не должны быть осуждены до того, как будет доказана их вина. Это входит в компетенцию исключительно суда».⁵⁸

Столкнувшись с неминуемой эскалацией дела до настоящего кризиса, *Мапай* Руководство пыталось снять с себя ответственность за раскрытие этих событий. *Кнессет* Комитет по безопасности и иностранным делам. В качестве следственной комиссии была назначена комиссия министров, состоящая из семи министров от разных партий.⁵⁹ Нанятый комиссией государственный прокурор Гидеон Хауснер (1915–1990) обнаружил еще одно доказательство. Тогдашний секретарь организации «Аман» Далия Кармель-Гольдштейн дала показания о том, что письмо от 19 июля 1954 года, в котором был отдан приказ о проведении операции в Египте, является подделкой.⁶⁰ На основании различных

⁵⁵ Там же, 88.

⁵⁶ Там же. 91.

⁵⁷ Кафкафи 1998: 372–373.

⁵⁸ Цитата из работы Ариэли 1965 года: 155–156.

⁵⁹ Согласно Хасину и Горовицу (1961: 144), расследование было всесторонним и интенсивным.

⁶⁰ Сегев 1989.

findings, on December 25, 1960 the “seven-man commission” arrived at the conclusion that Lavon neither gave the order for the operation in Egypt nor did he have any knowledge of it.⁶¹

But Ben-Gurion refused to accept this verdict as well. Quite the reverse, in that same cabinet meeting of December 25, 1960 he gave a speech that has been figuratively called the “raised hatchet” by Hasin and Horowitz.⁶² He accused Lavon of “dangerously hawkish” tendencies, which cannot be reconciled with “the honor of the military.” He maintained that high-ranking officers of the Israeli army could hardly have come up with a plan like the sabotage operation in Egypt all by themselves. Thus, Ben-Gurion refused to accept the conclusions reached by investigative committees he himself had appointed. And so Pandora’s box remained open as the Boys kept opposing Lavon’s rehabilitation contrary to the decision of the commission of ministers by which Lavon was exonerated, and also against public opinion.

But Lavon found well-known spokesmen for his rehabilitation among Jerusalem intellectuals who, when faced with Ben-Gurion’s conduct, assembled on January 11, 1961, to express their concern regarding the democratic values of Israel in a petition. They pointed out the following aspects as particularly concerning: Firstly, Ben-Gurion’s demand to retract the decision of a government commission; secondly, the insistence on Lavon’s dismissal despite his exoneration – as should this claim be complied with the credibility of the rule of law would be seriously damaged; thirdly, the argument brought forward by Ben-Gurion’s Boys that the country depended on the leadership of a single person, which is irreconcilable with democratic principles; and fourthly, the endangerment of democracy not only through words, but also by the methods of the Boys. Further, these Jerusalem intellectuals criticized the opinion of the Boys that the credibility of the military is based on its sacrosanctity, on “the honor of the military.” They regarded such a thought as alien to democracy.⁶³

All this public and intra-party pressure notwithstanding, Ben-Gurion and his Boys not only succeeded in forcing the *Mapai* party to dismiss Lavon from his *Histadrut* post, but also in having his name removed from the party list for the *Knesset* election. These had been Ben-Gurion’s conditions if he was not to resign from his offices.⁶⁴ By early 1961, the anticipated final line under the affair was still

⁶¹ Arieli 1965: 148–149; Kafkafi 1998: 386; Hasin and Horowitz 1961: 150.

⁶² Hasin and Horowitz 1961: 156.

⁶³ *Ibid.* 174–175.

⁶⁴ Kafkafi 1998: 398.

По итогам расследования, проведенного 25 декабря 1960 года, «комиссия из семи человек» пришла к выводу, что Лавон не отдавал приказ об операции в Египте и не знал о ней.⁶¹

Но Бен-Гурион отказался принять и этот вердикт. Напротив, на том же заседании кабинета министров 25 декабря 1960 года он произнес речь, которую Хасин и Горовиц образно назвали «поднятым топором».⁶² Он обвинил Лавона в «опасно воинственных» наклонностях, которые несовместимы с «честью армии». Он утверждал, что высокопоставленные офицеры израильской армии вряд ли могли самостоятельно придумать такой план, как диверсионная операция в Египте. Таким образом, Бен-Гурион отказался принять выводы следственных комиссий, которые он сам же и назначил. И поэтому ящик Пандоры оставался открытым, поскольку «мальчики» продолжали выступать против реабилитации Лавона, вопреки решению комиссии министров, которая оправдала Лавона, а также вопреки общественному мнению.

Однако Лавон нашел известных сторонников своей реабилитации среди иерусалимской интеллигенции, которая, столкнувшись с поведением Бен-Гуриона, 11 января 1961 года собралась, чтобы выразить свою обеспокоенность по поводу демократических ценностей Израиля в петиции. Они указали на следующие аспекты как на особенно вызывающие беспокойство: во-первых, требование Бен-Гуриона отменить решение правительственной комиссии; во-вторых, настойчивое требование об увольнении Лавона, несмотря на его оправдание, — поскольку, если это требование будет удовлетворено, доверие к верховенству права будет серьезно подорвано; в-третьих, аргумент, выдвинутый «мальчиками Бен-Гуриона», о том, что страна зависит от руководства одного человека, что несовместимо с демократическими принципами; и в-четвертых, угроза демократии не только словами, но и методами «мальчиков». Кроме того, эти иерусалимские интеллектуалы критиковали мнение «мальчиков» о том, что авторитет армии основан на ее неприкосновенности, на «честь армии». Они считали подобную мысль чуждой демократии.⁶³

Несмотря на всё это общественное и внутрипартийное давление, Бен-Гурион и его команда не только добились того, чтобы *Мапай* партия собирается отстранить Лавона от должности. *Гистадрут* не только в связи с публикацией, но и в связи с исключением его имени из партийного списка. *Кнессет* выборы. Таковы были условия Бен-Гуриона, если он не уйдет в отставку со своего поста.⁶⁴ К началу 1961 года ожидаемая окончательная позиция в этом деле все еще оставалась прежней:

⁶¹Ариэли 1965: 148–149; Кафкафи 1998: 386; Хасин и Горовиц 1961: 150. ⁶²

Хасин и Горовиц 1961: 156. ⁶³Там же. 174–175.

⁶⁴Кафкафи 1998: 398.

not drawn; just as reconciliation within the internally divided government party had still not been reached.⁶⁵

Meanwhile, the Ministry of Defense was busy preparing the official version of the affair. In October 1962, the journalist of the union newspaper *Davar*, Chagei Eshed (1928–1988), was commissioned to investigate the affair.⁶⁶ Apparently it was not enough for Ben-Gurion and his Boys to get their way, they also wanted to be in the right. In early 1964, Ben-Gurion, who had by then left his offices, judged that Lavon “had sole responsibility for the affair” based on Eshed’s conclusions.⁶⁷ He demanded that the inquiry into the events be reopened within the framework of a “juridical investigation” based on the claim that a commission of ministers was unlawful. But the government under Levi Eshkol (1895–1969) declined Ben-Gurion’s request. At a party congress on November 11, 1964, Ben-Gurion repeatedly expressed his opinion of Lavon, yet his words were aimed mainly against his successor Levi Eshkol and his government.

Now that Lavon was banned from politics once and for all, Ben-Gurion attempted to remove the Prime Minister and Minister of Defense Levi Eshkol. Dayan and Peres, who both held ministerial offices in the Eshkol government, supported him in the endeavor. This time, however, Ben-Gurion failed to reach his goal. Instead, on December 14, 1964, Eshkol handed in his notice of resignation to the president of the state. On the following day he was elected by the Central Committee of the *Mapai* party as their candidate for the office of prime minister.

Eshkol also managed to assert himself within the party concerning the question of the “juridical investigative commission” repeatedly demanded by Ben-Gurion. Thus, the prime minister closed the Lavon Affair with the conclusion of the “seven-man commission,” in other words, with Lavon’s exoneration. Faced with defeat, Ben-Gurion deserted his own party. During a meeting of his party supporters in June 1965 he declared the necessity of “purges” within the party due to “insecurity and deception” as well as “distortion of judgment.” In late June 1965, he founded a new party named *Rafi*, Israel’s Labor List, and forced his protégés Peres and Dayan to follow him into the opposition.

⁶⁵ Arieli 1965: 149–150; Teveth 1996: 268.

⁶⁶ Kafkafi 1998: 401.

⁶⁷ Eshed 1963/1979.

не было составлено; так же, как и примирение внутри расколотой внутри правящей партии еще не было достигнуто.⁶⁵

Тем временем Министерство обороны было занято подготовкой официальной версии событий. В октябре 1962 года журналист профсоюзной газеты...*Давар* Чагей Эшколь (1928–1988) был назначен для расследования этого дела.⁶⁶ По-видимому, Бен-Гуриону и его сторонникам было недостаточно добиться своего, они также хотели оказаться правыми. В начале 1964 года Бен-Гурион, к тому времени покинувший свой пост, на основании выводов Эшеда посчитал, что Лавон «несет единоличную ответственность за это дело».⁶⁷ Он потребовал возобновить расследование событий в рамках «юридического расследования», основываясь на утверждении о незаконности комиссии министров. Но правительство Леви Эшколя (1895–1969) отклонило просьбу Бен-Гуриона. На партийном съезде 11 ноября 1964 года Бен-Гурион неоднократно высказывал свое мнение о Лавоне, однако его слова были направлены главным образом против его преемника Леви Эшколя и его правительства.

После того как Лавон был окончательно отстранен от политики, Бен-Гурион попытался сместить премьер-министра и министра обороны Леви Эшколя. Даян и Перес, занимавшие министерские посты в правительстве Эшколя, поддержали его в этом начинании. Однако на этот раз Бен-Гурион не достиг своей цели. Вместо этого 14 декабря 1964 года Эшколь подал заявление об отставке президенту государства. На следующий день он был избран Центральным комитетом *Мапай* в качестве своего кандидата на пост премьер-министра.

Эшколь также сумел утвердиться в партии по вопросу о «юридической следственной комиссии», неоднократно запрашиваемой Бен-Гурионом. Таким образом, премьер-министр закрыл дело Лавона, завершив работу «комиссии из семи человек», то есть оправдав Лавона. Столкнувшись с поражением, Бен-Гурион покинул свою партию. На собрании сторонников своей партии в июне 1965 года он заявил о необходимости «чисток» внутри партии из-за «неуверенности и обмана», а также «искажения суждений». В конце июня 1965 года он основал новую партию под названием *Рафи*. Он был выдвинут израильской партией "Лейбористский список" и вынудил своих протеже Переса и Даяна последовать за ним в оппозицию.

⁶⁵Ариэли 1965: 149–150; Тевет 1996: 268. ⁶⁶Кафкафи 1998: 401. ⁶⁷Эшед 1963/1979.

The Lavon Affair as a Battle between Generations

The sociologist Baruch Kimmerling interprets the Lavon Affair as a power-political struggle between two generations who respectively established their power bases in different state institutions. The so-called “Old Guard” – comprised of the second generation of the *Mapai* party – exerted influence via the party and the strong union organization *Histadrut*. Among the people belonging to this group were Lavon, Eshkol, Sharett and Golda Meir (1898–1978); all in their sixties. In contrast, the younger generation that was supported by Ben-Gurion was in the fourth decade of their lives. This group of politicians saw the security department as the main pillar of state leadership, and consequently sought to reinforce it as their power base.⁶⁸ For them, the 1965 split from the *Mapai* mother party and the loss of power that accompanied it marked only a temporary power-political defeat.

The “necessity of war” and the resulting increased significance of security soon helped the Boys regain state leadership. Dayan and Peres returned to the Ministry of Defense. In the course of the crisis of May/June 1967, on the eve of the Six-Day War, Ben-Gurion’s new party *Rafi* formed part of the government in the grand coalition. Dayan became minister of defense in Eshkol’s stead. This change facilitated the decision to enter into the military conflict of the June War. In 1974, in the wake of the Yom Kippur War of 1973 and the domestic political crisis that followed because of the high number of dead and injured Israelis, Peres took over the Defense Department from Dayan, holding this office until the Labor Party’s electoral defeat and changeover of power in 1977.

The *Mapai* party had already been dissolved in 1968 and unified with the labor parties *Achdut Haavoda* and *Rafi*, and later also the Marxist *Mapam* party, to form the Israeli Labor Party. Thus, the “Old Guard” was already considerably weakened by 1974, when the Golda Meir government fell as a consequence of the Yom Kippur War debacle. In 1977, the Labor Party lost its state leadership for the first time, and the *Likud* party, led by Menachem Begin, came to power. After seven years in the opposition, the Labor Party returned to government responsibility in 1984, this time with Peres as party leader and prime minister, in a grand coalition with the *Likud*. Shortly after his assumption of office, Prime Minister Peres was forced to deal with a string of serious security-political matters that dominated the political agenda and increasingly thrust Israeli democracy, including its concept of an open society, into a quandary.

⁶⁸ Kimmerling 1993: 346.

Дело Лавона как битва поколений

Социолог Барух Киммерлинг интерпретирует дело Лавона как борьбу за власть и политическую силу между двумя поколениями, которые, соответственно, закрепили свои властные позиции в различных государственных институтах. Так называемая «старая гвардия» – второе поколение *Мапай* – оказывала влияние через саму партию и сильную профсоюзную организацию. *Гистадрут* Среди людей, принадлежавших к этой группе, были Лавон, Эшколь, Шаретт и Голда Меир (1898–1978); всем им было за шестьдесят. В отличие от них, молодое поколение, которое поддерживал Бен-Гурион, находилось в четвертом десятилетии своей жизни. Эта группа политиков рассматривала департамент безопасности как главную опору государственного управления и, следовательно, стремилась укрепить его как свою властную базу.⁶⁸ Для них раскол 1965 года стал определяющим событием. *Мапай* Материнская партия и последовавшая за этим потеря власти означали лишь временное политическое поражение.

«Необходимость войны» и, как следствие, возросшее значение безопасности вскоре помогли «Мальчикам» вернуть себе лидерство в государстве. Даян и Перес вернулись в Министерство обороны. В ходе кризиса мая/июня 1967 года, накануне Шестидневной войны, новая партия Бен-Гуриона *Рафи* вошел в состав правительства в рамках большой коалиции. Даян стал министром обороны вместо Эшколя. Это изменение способствовало принятию решения о вступлении в военный конфликт в рамках Июньской войны. В 1974 году, после войны Судного дня 1973 года и последовавшего за ней внутривластного кризиса, вызванного большим числом погибших и раненых израильтян, Перес сменил Даяна на посту министра обороны, занимая эту должность до поражения Лейбористской партии на выборах и смены власти в 1977 году.

Он *Мапай* Партия была распущена ещё в 1968 году и объединилась с рабочими партиями. *Ахдут Хаавода* *Рафи*, а позже и марксист *Мапам* партия, чтобы сформировать Израильскую рабочую партию. Таким образом, «старая гвардия» была уже значительно ослаблена к 1974 году, когда правительство Голды Меир пало в результате катастрофы войны Судного дня. В 1977 году Рабочая партия впервые потеряла руководство в штате, и *Ликуд* Партия во главе с Менахемом Бегинем пришла к власти. После семи лет в оппозиции Лейбористская партия вернулась к власти в 1984 году, на этот раз с Пересом в качестве лидера партии и премьер-министра, в рамках широкой коалиции с *Ликуд* Вскоре после вступления в должность премьер-министру Пересу пришлось столкнуться с целым рядом серьезных вопросов безопасности и политики, которые доминировали в политической повестке дня и все больше ставили израильскую демократию, включая ее концепцию открытого общества, в затруднительное положение.

⁶⁸Киммерлинг 1993: 346.

The Shin Bet Affair of 1984–1986

Two decades after the end of the Lavon Affair, the special significance of the military-territorial security had long been cemented into the political culture of the country. Still in a state of war, Israel had to come to grips with the conflicting priorities of “security” (understood as national-state existence) and the rule of law as an imperative feature of democracy. A number of affairs dominated the political agenda. This time, the illegal methods of the internal security service Shin Bet as well as the foreign intelligence agency Mossad were the focus of the debate.

It all began in April 1987, when details of the Nafsu Affair surfaced. In short, the Shin Bet had tortured Izzat Nafsu (1955–), a lieutenant in the Israeli army, and accused him of treason and espionage. By the time the public finally gained knowledge of it, the Circassian lieutenant had already served seven years of an eighteen-year prison sentence. In reaction to these events, the so-called Landau Commission took on the task of examining Shin Bet investigation methods in cases of “hostile terrorist activities,” also with the goal of developing recommendations for the future.⁶⁹

The second scandal, the Pollard Affair of November 1985, revolved around John Pollard (1954–), an American of Jewish faith and a convinced Zionist, who had worked for the US Navy and the “Anti-Terrorist Alert Center” (ATAC). He had offered Israel his services as a spy and provided the Mossad with vast amounts of valuable secret documents from the beginning of 1985 up until the time of his arrest.⁷⁰ The Mossad also had a hand in the Iran Gate Affair, which became known in late 1986. As it was uncovered the secret arms deals between the USA and Iran under Ayatollah Khomeini came to light. And then there was the 1986 Vanunu Affair, which led to the unraveling of the Israeli “policy of ambiguity” with regard to its nuclear capacity.⁷¹

The many scandals of the 1980s offer deep insights into the political culture of Israel as they disclose the characteristic structures of the “Israeli order.” The Shin Bet Affair serves to illustrate this in an especially poignant manner, because it shows what happens when there are people who are not willing to play by the specific rules of the Israeli order. The term “Israeli order” refers to the relationship between the respective state institutions and the associated historically grown political culture that is committed to the Israeli reason of state. The term also covers the *habitus* of the political and military elites with regard to the Zionist

⁶⁹ Black and Morris 1994: 591–595.

⁷⁰ Ibid. 601–614.

⁷¹ Cf. pages 121–127 of this book.

Дело Шин Бет 1984–1986 годов

Спустя два десятилетия после завершения дела Лавона особое значение военно-территориальной безопасности прочно укоренилось в политической культуре страны. Находясь всё ещё в состоянии войны, Израиль должен был разобраться с противоречивыми приоритетами «безопасности» (понимаемой как существование национального государства) и верховенства права как важнейшего элемента демократии. В политической повестке дня доминировал ряд вопросов. На этот раз в центре внимания оказались незаконные методы работы службы внутренней безопасности Шин Бет, а также внешней разведки Моссад.

Всё началось в апреле 1987 года, когда всплыли подробности дела Нафсу. Вкратце, Шин Бет подверг пыткам Иззата Нафсу (1955–), лейтенанта израильской армии, и обвинил его в государственной измене и шпионаже. К тому времени, когда об этом стало известно общественности, черкесский лейтенант уже отсидел семь лет из восемнадцатилетнего тюремного срока. В ответ на эти события так называемая Комиссия Ландау взяла на себя задачу изучения методов расследования Шин Бет в случаях «враждебной террористической деятельности», также с целью разработки рекомендаций на будущее.⁶⁹

Второй скандал, дело Полларда в ноябре 1985 года, был связан с Джоном Поллардом (1954–), американцем еврейского вероисповедания и убежденным сионистом, работавшим на ВМС США и в «Центре оповещения о террористической угрозе» (АТАС). Он предлагал Израилю свои услуги в качестве шпиона и предоставлял Моссаду огромное количество ценных секретных документов с начала 1985 года до момента своего ареста.⁷⁰ Моссад также был причастен к делу «Ирангейт», которое стало известно в конце 1986 года. По мере его раскрытия вскрылись секретные сделки по продаже оружия между США и Ираном при аятолле Хомейни. А затем было дело Вануну 1986 года, которое привело к развалу израильской «политики двусмысленности» в отношении своего ядерного потенциала.⁷¹

Многочисленные скандалы 1980-х годов дают глубокое представление о политической культуре Израиля, раскрывая характерные структуры «израильского порядка». Дело Шин Бет особенно наглядно иллюстрирует это, показывая, что происходит, когда есть люди, не желающие играть по определенным правилам израильского порядка. Термин «израильский порядок» относится к взаимоотношениям между соответствующими государственными институтами и связанной с ними исторически сложившейся политической культурой, приверженной израильскому государственному устройству. Этот термин также охватывает *габиту* политической и военной элиты в отношении сионизма

⁶⁹Блэк и Моррис 1994: 591–595. ⁷⁰ Там же. 601–614.

⁷¹См. страницы 121–127 этой книги.

project of the “Judaization” of the country and the closely related task of state security. Another facet of the Israeli order is the democratic and constitutional conception of the state, meaning its respective institutions and laws. The Shin Bet Affair provides a glimpse into the conflicting priorities of law and security within a security-political order dominated by war, fear and loss of control in a time when the war that had started on the northern front in 1982 had become the “Lebanon quagmire.”

Similar to the Lavon Affair, the Shin Bet Affair was about the illegal conduct of the leadership within a security authority, in this case Avraham Shalom (1928–2014), who, in an attempt to cover up his own responsibility undermined the work of state investigative commissions. Innocent people were held accountable while the real culprits seemed to be able to dodge responsibility. Despite the attempts to sweep the matter under the rug, it unleashed political discussions and finally led to inquiries by prosecuting authorities.

The conflict between politics and law that unfolded in the course of the Shin Bet Affair had a far-reaching and profound impact. In contrast to the Lavon Affair, the focus in this scandal was not on the ruling party or the government. Rather it was on the quarrels between the executive represented by the protagonists of security politics and the secret service Shin Bet on the one side, and the judicial power, particularly the prosecuting authorities, on the other. In this affair, law fought against politics. And by Israeli standards the success it managed to score is not to be underestimated.

The Shin Bet Affair is the subject of numerous publications.⁷² Especially worth mentioning in this context is the “*Maariv* Special Report – Shin Bet Affair” published in the daily newspaper *Maariv* on July 18, 1986. It elaborates on various issues of the operational, political, legal and medial level, and also discusses aspects of the political culture. Explosive details about the affair were also disclosed by the journalist Nahum Barnea (1944–) in his article “The Shin Bet Way” (June 4, 1986) written for the newspaper *Koteret Rashit*, and later in “We Were at War” (June 25, 2004) for *Yedioth Ahronoth*.

⁷² Barnea 1984; Baron 1986; Ben-Porat 1986; Azoulay-Katz 1986; Oz 1986; Zertal 1986; Rosental 1997; Bar-Josef 1997. In their work *Israel's Secret Wars: A History of Israel's Intelligence Services*, Ian Black and Benny Morris provide a concise overview of the events. The Israeli political scientist Michael Keren also includes the Shin Bet Affair as he tries to analyze Peres' legislative term from 1984 to 1986 from a political-science angle. In his book *Professionals Against Populism, The Peres' Government and Democracy*, Keren points out Peres' dilemma and explains his view of things in the chapter “Law and Democracy.” In his biography, Bar-Zohar also devotes several pages to Peres' conduct in the course of the affair. A detailed but still pointed description is provided by Yechiel Gutman in his 1995 book *A Storm in the G.S.S.*

Проект «иудаизации» страны и тесно связанная с ним задача государственной безопасности. Другой аспект израильского порядка — демократическая и конституционная концепция государства, то есть его институтов и законов. Дело Шин Бет дает представление о противоречивых приоритетах права и безопасности в рамках политически-охранного порядка, где доминируют война, страх и потеря контроля, в то время как война, начавшаяся на северном фронте в 1982 году, превратилась в «ливанское болото».

Подобно делу Лавона, дело Шин Бет касалось незаконных действий руководства силового ведомства, в данном случае Авраама Шалом (1928–2014), который, пытаясь скрыть свою ответственность, подорвал работу государственных следственных комиссий. Невинные были привлечены к ответственности, в то время как настоящие виновники, казалось, смогли избежать наказания. Несмотря на попытки замять дело, оно вызвало политические дискуссии и в конечном итоге привело к расследованиям со стороны прокуратуры.

Конфликт между политикой и правом, развернувшийся в ходе дела Шин Бет, имел далеко идущие и глубокие последствия. В отличие от дела Лавона, в этом скандале в центре внимания была не правящая партия или правительство. Скорее, речь шла о спорах между исполнительной властью, представленной сторонниками политики безопасности и секретной службой Шин Бет, с одной стороны, и судебной властью, в частности, органами прокуратуры, с другой. В этом деле закон боролся с политикой. И по израильским меркам успех, которого ему удалось достичь, нельзя недооценивать.

Дело Шин Бет является предметом многочисленных публикаций.⁷² В этом контексте особенно стоит упомянуть «*Маарив*» Специальный репортаж – Дело Шин Бет, опубликованный в ежедневной газете. *Маарив* 18 июля 1986 года. В нем подробно рассматриваются различные вопросы оперативного, политического, правового и медицинского уровней, а также обсуждаются аспекты политической культуры. Взрывные подробности этого дела были также раскрыты журналистом Нахумом Барнеа (1944–) в его статье «Путь Шин Бет» (4 июня 1986 г.), написанной для газеты. *Котерет Рашита* позже в книге «Мы были на войне» (25 июня 2004 г.) *Йедиот Арнот*.

⁷² Барнеа 1984; Барон 1986 г.; Бен-Порат, 1986 г.; Азулай-Кац, 1986 г.; Оз, 1986 год; Зерталь 1986 г.; Розенталь 1997; Бар-Йозеф 1997. В своей работе «*Секретные войны Израиля: история израильских разведывательных служб*». Иэн Блэк и Бенни Моррис дают краткий обзор событий. Израильский политолог Майкл Керен также включает в свою книгу расследование дела Шин Бет, пытаясь проанализировать законодательный срок Переса с 1984 по 1986 год с точки зрения политологии. «*Профессионалы против популизма*», «*Правительство Переса и демократия*». Керен указывает на дилемму Переса и объясняет его точку зрения в главе «Закон и демократия». В своей биографии Бар-Зохар также посвящает несколько страниц поведению Переса в ходе этого дела. Подробное, но все же острое описание приводит Йехиэль Гутман в своей книге 1995 года. *Буря в ГСС*.

The Shin Bet Affair became publicly known on May 24, 1986, but had actually begun two years earlier with an assault on a group of Israelis. On the evening of April 12, 1984, four Palestinian teenagers from the Gaza Strip hijacked a bus on the 300-line, which was on its way from Tel Aviv to Ashkelon. They forced the bus driver to head towards Gaza instead. As they let the passengers know, their intention was to have their comrades released from Israeli prisons. A pregnant woman was allowed to disembark near Ashdod, at which point she alerted police.⁷³

Israeli security forces managed to stop the bus on the outskirts of Deir al-Balah, south of Gaza City. During a blitz operation by storm commandos, one female passenger and several members of the security force were killed. Seven passengers were injured. Two hijackers were shot during the rescue operation and the other two were overpowered. Following a brief interrogation by Brigadier General Yitzhak Mordechai (1944–), they were handed over to Shin Bet and executed illegally on the orders of Shin Bet Chief Avraham Shalom who was on site. All this occurred in the presence of the press.⁷⁴

Photo evidence showing the hijackers still alive led the army and press to ask questions about the course of events. Finally Minister of Defense Moshe Arens (1925–) initiated the elucidation of the case and appointed a secret commission headed by Reserve General Meir Zorea (1923–1995) to investigate the incident. As Arens was well aware, being the highest-ranking person present at the scene on the evening of the execution, he himself could be suspected of having given the order.

Shalom, who had been trying in vain to avert the investigation, ultimately persuaded Prime Minister Yitzhak Shamir and Arens to accept his demand that one of his own men, Yossi Genossar (1946–2004), be included in the commission as a representative of Shin Bet. Shalom considered this appropriate given the tensions between the army and Shin Bet. To Attorney General Yitzhak Zamir (1931–), however, the new member of the investigation committee seemed highly suspicious. And indeed, Shalom used Genossar as a Trojan horse in the investigation so the truth might be kept from emerging.⁷⁵ What the chief of Shin Bet ultimately wanted was to cover up his own responsibility for having given the command to kill, and in this he was successful.

The Zorea commission determined that the two Palestinian hijackers died as a result of skull fractures, and that unidentified members of the security force were guilty of this offense. The commission recommended that the Attorney

⁷³ Black and Morris 1994: 579–590.

⁷⁴ Ibid. 579–581; Gutman 1995: 16–18.

⁷⁵ Gutman 1995: 24.

Дело Шин Бет стало известно общественности 24 мая 1986 года, но на самом деле началось двумя годами ранее с нападения на группу израильтян. Вечером 12 апреля 1984 года четверо палестинских подростков из сектора Газа захватили автобус маршрута 300, следовавший из Тель-Авива в Ашкелон. Они заставили водителя автобуса направиться в сторону Газы. Как они сообщили пассажирам, их намерением было добиться освобождения своих товарищей из израильских тюрем. Беременной женщине разрешили выйти из автобуса недалеко от Ашдода, после чего она сообщила об этом полиции.⁷³

Израильским силам безопасности удалось остановить автобус на окраине Дейр-эль-Балаха, к югу от Газы. В ходе операции штурмовых отрядов погибла одна пассажирка и несколько сотрудников сил безопасности. Семь пассажиров получили ранения. Двое угонщиков были застрелены во время спасательной операции, а двое других были обезврежены. После краткого допроса бригадным генералом Ицхаком Мордехаем (1944–) они были переданы в Шин Бет и незаконно казнены по приказу главы Шин Бет Авраама Шалом, находившегося на месте происшествия. Все это происходило в присутствии прессы.⁷⁴

Фотодоказательства, свидетельствующие о том, что угонщики самолетов остались живы, заставили армию и прессу задать вопросы о ходе событий. В конце концов, министр обороны Моше Аренс (1925–) инициировал расследование дела и назначил секретную комиссию во главе с генералом резерва Меиром Зорейем (1923–1995) для расследования инцидента. Поскольку Аренс, будучи самым высокопоставленным лицом, присутствовавшим на месте происшествия вечером в день казни, хорошо понимал, что именно он отдал приказ, его самого могли заподозрить в отдаче приказа.

Шалом, тщетно пытавшийся предотвратить расследование, в конце концов убедил премьер-министра Ицхака Шамира и Аренса принять его требование о включении в комиссию одного из своих людей, Йосси Геноссара (1946–2004), в качестве представителя Шин Бет. Шалом считал это уместным, учитывая напряженность в отношениях между армией и Шин Бет. Однако генеральному прокурору Ицхаку Замиру (1931–) новый член следственной комиссии показался крайне подозрительным. И действительно, Шалом использовал Геноссара как троянского коня в расследовании, чтобы скрыть правду.⁷⁵ В конечном итоге глава Шин Бет хотел скрыть свою собственную ответственность за отдачу приказа об убийстве, и в этом он преуспел.

Комиссия Зорея установила, что двое палестинских угонщиков самолетов скончались от переломов черепа, и что неустановленные сотрудники сил безопасности виновны в этом преступлении. Комиссия рекомендовала прокурору

⁷³Блэк и Моррис 1994: 579–590. ⁷⁴Там же, 579–581; Гутман 1995: 16–18. ⁷⁵ Гутман 1995: 24.

General persevere in the case, at which point Shalom put Zamir under considerable pressure to terminate the all inquiries. In spite of this, on June 4, 1984, Zamir appointed an investigation team headed by State Attorney Yonah Blatman (1929–2012).⁷⁶ This time Shin Bet managed to throw suspicion of having committed homicide on Brigadier General Yitzhak Mordechai, since he was the only one who had admitted to the Zorea Commission that he had beaten the bus hijackers after their arrest.

In the end, Mordechai was successfully framed as the main suspect through Shin Bet's statements. On August 12, 1985, the Blatman Commission concluded there was no sufficient proof to charge Mordechai with having murdered the kidnappers. But it recommended putting him and other members of Shin Bet, as well as three police officers, on trial for assault and battery. On the orders of Zamir, Mordechai was subjected to a disciplinary procedure by the army in which he was acquitted on August 18, 1985 after a seven-minute hearing. Shortly after that, he was promoted to major general.⁷⁷ The five other members of Shin Bet that were involved in the case were likewise acquitted of their assault and battery charges in a special disciplinary procedure.⁷⁸

At this point, the "Bus Line 300 Affair" would have been the end of it had not high-ranking Shin Bet members turned it into the Shin Bet Affair. Although Shalom's deputy Reuven Hazak (1938–) had been privy to the cover-up scheme of the Shin Bet, with Shalom intimating to him that it had been agreed to by then Prime Minister Yitzhak Shamir, Hazak soon discovered that Shalom had acted on his own initiative. Thereupon, on October 14, 1985, Hazak asked Shalom to resign.

Two high-ranking Shin Bet representatives, Rafi Malka (1943–), head of the operations division, and Peleg Radaï (1938–), head of the protection and security department, joined in supporting Hazak. They were of the opinion "that the service's tradition of honest reporting was crucial to the Shin Bet's efficient functioning both internally and externally in its relations with the Ministry of Justice and the courts."⁷⁹ When Shalom refused to comply with Hazak's demand, Hazak turned to the new Prime Minister Shimon Peres.

Peres commented on his meeting with Hazak, who had already been described to him by Shalom as an "over-ambitious deputy"⁸⁰, on October 29, 1985: "He [Shalom] said that action is being taken against him from within the service.

⁷⁶ Ibid. 27.

⁷⁷ Black and Morris 1994: 584.

⁷⁸ Ibid. 584–585; Gutman 1995: 28–32.

⁷⁹ Black and Morris 1991: 405.

⁸⁰ Ibid.

Генерал продолжал настаивать на расследовании, после чего Шалом оказал значительное давление на Замира, требуя прекратить все расследования. Несмотря на это, 4 июня 1984 года Замир назначил следственную группу во главе с государственным прокурором Йонахом Блатманом (1929–2012).⁷⁶ На этот раз Шин Бет удалось возложить подозрение в убийстве на бригадного генерала Ицхака Мордехая, поскольку он был единственным, кто признался комиссии Зорея, что избил угонщиков автобуса после их ареста.

В итоге, благодаря показаниям сотрудников Шин Бет, Мордехай был успешно представлен как главный подозреваемый. 12 августа 1985 года Комиссия Блатмана пришла к выводу, что нет достаточных доказательств для предъявления Мордехаю обвинения в убийстве похитителей. Однако она рекомендовала привлечь его и других членов Шин Бет, а также трех полицейских к суду по обвинению в нападении и нанесении побоев. По приказу Замира Мордехай был подвергнут дисциплинарному взысканию в армии, в ходе которого 18 августа 1985 года после семиминутного слушания он был оправдан. Вскоре после этого он был произведен в генерал-майоры.⁷⁷ Пять других членов Шин Бет, причастных к делу, также были оправданы по обвинениям в нападении и нанесении побоев в рамках специального дисциплинарного разбирательства.⁷⁸

На этом этапе «Дело автобусной линии 300» могло бы положить конец всему, если бы высокопоставленные члены Шин Бет не превратили его в дело Шин Бет. Хотя заместитель Шалома, Реувен Хазак (1938–), был в курсе плана Шин Бет по сокрытию правды, поскольку Шалом намекнул ему, что это было согласовано с тогдашним премьер-министром Ицхаком Шамиром, Хазак вскоре обнаружил, что Шалом действовал по собственной инициативе. После этого, 14 октября 1985 года, Хазак потребовал от Шалома уйти в отставку.

Два высокопоставленных представителя Шин Бет, Рафи Малка (1943–), глава оперативного отдела, и Пелег Радаи (1938–), глава отдела охраны и безопасности, поддержали Хазака. Они считали, что «традиция честной отчетности службы имеет решающее значение для эффективного функционирования Шин Бет как внутри организации, так и во внешних отношениях с Министерством юстиции и судами». ⁷⁹ Когда Шалом отказался выполнить требование Хазака, Хазак обратился к новому премьер-министру Шимону Пересу.

Перес прокомментировал свою встречу с Хазак, которого Шалом ранее охарактеризовал как «чрезмерно амбициозного заместителя»⁸⁰, 29 октября 1985 года: «Он [Шалом] сказал, что против него принимаются меры внутри службы».

⁷⁶Там же, 27.

⁷⁷Блэк и Моррис 1994: 584. ⁷⁸Там же, 584–585; Гутман 1995: 28–32. ⁷⁹Блэк и Моррис 1991: 405. ⁸⁰Там же.

Naturally the leader has to be protected. [...] The leader is constantly facing conspiracies. [...] Three people within the organization have attempted to proceed against him. I cannot tolerate such conduct in such an organization.”⁸¹ Peres interpreted Hazak’s accusations against Shalom as a “coup attempt” within the Shin Bet, even though he had been informed by Shalom that Hazak was prepared to accept the possibility of having to resign.⁸² Peres’ coup hypothesis is also untenable for the reason that Hazak would have acceded to Shalom’s post in only a matter of months had he not made the issue known to outside circles.

The *Maariv* journalist Avi Betelheim notes that the meeting with Hazak made Peres very apprehensive for the secret service that he had politically supported for over a decade. For patriotic reasons, Peres preferred “to extinguish the fire as quickly as possible” instead of getting to the bottom of the issue.⁸³ A few days after their first discussion, Peres let Hazak know:

I have pondered the matter. I have no judicial authority [...]. After the various judicial proceedings that have already been undertaken, I have arrived at the conclusion that I will believe the leader. Because you [Shalom and Hazak] are at strife, and such a situation won’t work in an organization like this one, you have to go. [...] I do not convict you, of course; I respect your rights. But because of the conflict between the head and his deputy, and because I have no reason to dismiss the head, I suggest that you go on educational leave. The matter is herewith settled.⁸⁴

The events soon sparked a fierce controversy between the Prime Minister and the Attorney General, escalating into a serious state affair. At the core of the dispute was the question as to whether Israel’s existing laws were sufficient for serving the special security requirements of the country, or whether there were cases that had to be dealt with outside of the law in a silent arrangement between the respective state institutions. While the Attorney General and Law Professor Yitzhak Zamir held up the law and saw it as sufficient for the security requirements of the state, Prime Minister Peres took a conspicuously uncritical stance towards the Shin Bet.

For Peres, the secret service and all other state security apparatuses had an almost sacral character and were not to be touched under any circumstances. Whereas Zamir intended to hold the Shin Bet responsible for their alleged criminal act, Peres did everything in his power to shield them from the law. He totally ruled out the possibility that the secret service might have indeed acted unlaw-

⁸¹ Gutman 1995: 36.

⁸² Ibid. 39; Black and Morris 1994: 585.

⁸³ Betelheim 1986.

⁸⁴ Ibid.; Gutman 1995: 40.

Естественно, лидера нужно защищать. [...] Лидер постоянно сталкивается с заговорами. [...] Три человека внутри организации пытались выдвинуть против него обвинения. Я не могу терпеть такое поведение в такой организации».81 Перес истолковал обвинения Хазак против Шалом как «попытку государственного переворота» внутри Шин Бет, хотя Шалом сообщил ему, что Хазак готов принять возможность отставки.82 Гипотеза Переса о государственном перевороте также несостоятельна, поскольку Хазак занял бы пост Шалом всего за несколько месяцев, если бы не довел дело до сведения внешних кругов.

Он *Маарив* Журналист Ави Бетельхайм отмечает, что встреча с Хазак вызвала у Переса серьезные опасения за секретную службу, которую он политически поддерживал более десяти лет. Из патриотических соображений Перес предпочел «как можно быстрее потушить пожар», вместо того чтобы докопаться до сути проблемы.83 Через несколько дней после первой беседы Перес сообщил Хзаку:

Я обдумал этот вопрос. У меня нет судебных полномочий [...]. После различных судебных разбирательств, которые уже были проведены, я пришел к выводу, что поверю руководителю. Поскольку вы [Шалом и Хазак] находитесь в конфликте, а такая ситуация недопустима в организации подобного рода, вы должны уйти. [...] Конечно, я не осуждаю вас; я уважаю ваши права. Но из-за конфликта между руководителем и его заместителем, и поскольку у меня нет оснований увольнять руководителя, я предлагаю вам уйти в учебный отпуск. На этом дело решено.84

Эти события вскоре вызвали ожесточенный спор между премьер-министром и генеральным прокурором, переросший в серьезное государственное дело. В основе спора лежал вопрос о том, достаточно ли существующих законов Израиля для удовлетворения особых потребностей страны в области безопасности, или же существуют случаи, которые должны рассматриваться вне рамок закона в рамках негласного соглашения между соответствующими государственными учреждениями. В то время как генеральный прокурор и профессор права Ицхак Замир отстаивал закон и считал его достаточным для обеспечения безопасности государства, премьер-министр Перес занял явно некритическую позицию по отношению к Шин Бет.

Для Переса секретная служба и все остальные государственные структуры безопасности имели почти сакральный характер и не подлежали никакому вмешательству. В то время как Замир намеревался привлечь Шин Бет к ответственности за их предполагаемое преступное деяние, Перес делал все возможное, чтобы защитить их от закона. Он полностью исключил возможность того, что секретная служба действительно могла действовать противозаконно.

81 Гутман 1995: 36.

82 Там же, стр. 39; Блэк и Моррис, 1994: 585. **83** Бетельхайм 1986.

84 Там же; Гутман 1995: 40.

fully. In Zamir's eyes, the affair was much more than a purely security-political matter. It was not just the murder of Palestinian prisoners in the "Bus Line 300 Affair" that worried him, but also the conduct of the Shin Bet members towards the investigative commissions. For Peres, however, the highest precept remained to prevent any investigation into the Shin Bet Affair. This repeatedly brought him into conflict with the law. Initially, Peres relied on dealing with the affair internally by means of personnel decisions. In doing so, the Prime Minister unleashed an avalanche of events over which he almost failed to regain control.

After Hazak, Malka, too, was fired. He appealed to the Supreme Court, seeking to push through his own reappointment as well as Shalom's dismissal by way of legal action. A little later, Radaï voluntarily handed in his resignation, as he was no longer willing to support the policies of Shin Bet. These occurrences had not yet come to the public's attention, but they did cause some anxiety within Shin Bet and the prosecuting authorities.⁸⁵

Finally, Hazak himself contacted the Attorney General and his staff to provide first-hand information about the cover-up. After secretly questioning the three Shin Bet dissidents for days, Zamir came to be convinced that their statements, according to which Shalom intentionally misled the two investigation committees to evade responsibility for having issued the order to kill the two captive Palestinians, were indeed truthful.

Zamir prompted Peres to dismiss the four people directly involved in the attempted cover-up – Shalom, Ginossar and the two legal advisors of the secret service – but Peres refused. He insisted on an internal settlement of the conflict, and suggested that the Attorney General appoint a former Shin Bet member – Josef Harmelin (1922–1994), the Shin Bet Chief from 1963 to 1974, and eventually Shalom's successor from June 1986 to March 1988 – as investigator. Zamir declined, feeling that as a partisan of Shin Bet, Harmelin would contribute little to finding the truth.⁸⁶

Shortly before Zamir left office he managed to initiate further investigations into the affair. This move once again brought him into conflict with Prime Minister Peres as the latter strictly opposed any inquiries. Peres remained convinced that state security would be endangered by the investigations because Shin Bet, one of the pillars of the Israeli security systems, would be moved into the spotlight. He countered Zamir's demands with stalling tactics. As commander in chief of Shin Bet, Peres hesitated for some weeks before responding and finally granting a meeting to the Shin Bet dissident. He quoted "state security" and the "welfare

⁸⁵ Gutman 1995: 40–41.

⁸⁶ *Ibid.* 43.

В глазах Замира это дело было чем-то гораздо большим, чем просто вопрос безопасности и политики. Его беспокоило не только убийство палестинских заключенных в рамках «дела № 300», но и поведение сотрудников Шин Бет по отношению к следственным комиссиям. Однако для Переса высшим принципом оставалось не прекращать расследование дела Шин Бет. Это неоднократно приводило его к конфликту с законом. Первоначально Перес полагался на внутреннее урегулирование дела посредством кадровых решений. При этом премьер-министр спровоцировал лавину событий, над которыми ему едва не удалось восстановить контроль.

После Хазака был уволен и Малка. Он подал апелляцию в Верховный суд, стремясь добиться как своего повторного назначения, так и увольнения Шалома в судебном порядке. Чуть позже Радай добровольно подал в отставку, поскольку больше не желал поддерживать политику Шин Бет. Эти события еще не стали достоянием общественности, но они вызвали некоторую тревогу в Шин Бет и в прокуратуре.⁸⁵

В конце концов, Хазак сам связался с генеральным прокурором и его сотрудниками, чтобы предоставить информацию из первых рук о сокрытии правды. После нескольких дней тайного допроса трех диссидентов из Шин Бет Замир убедился в правдивости их показаний, согласно которым Шалом намеренно ввел в заблуждение две следственные комиссии, чтобы избежать ответственности за отдачу приказа об убийстве двух захваченных палестинцев.

Замир убедил Переса уволить четырех человек, непосредственно причастных к попытке сокрытия правды – Шалома, Гиноссара и двух юридических советников секретной службы, – но Перес отказался. Он настаивал на внутреннем урегулировании конфликта и предложил генеральному прокурору назначить следователем бывшего сотрудника Шин Бет – Йозефа Хармелина (1922–1994), главу Шин Бет с 1963 по 1974 год, а затем преемника Шалома с июня 1986 года по март 1988 года. Замир отказался, посчитав, что, будучи сторонником Шин Бет, Хармелин мало что сможет сделать для установления истины.⁸⁶

Незадолго до ухода Замира с поста премьер-министра ему удалось инициировать дальнейшее расследование этого дела. Этот шаг вновь ввел его в конфликт с премьер-министром Пересом, поскольку последний категорически выступал против любых расследований. Перес оставался убежденным, что расследования поставят под угрозу государственную безопасность, поскольку Шин Бет, один из столпов израильской системы безопасности, окажется в центре внимания. Он противодействовал требованиям Замира тактикой затягивания. Будучи главнокомандующим Шин Бет, Перес несколько недель колебался, прежде чем ответить и, наконец, предоставить встречу диссиденту из Шин Бет. Он сослался на «государственную безопасность» и «благополучие».

⁸⁵Гутман 1995: 40–41. ⁸⁶

Там же, 43.

of the state” as reasons for his decision to avoid an investigation at all costs.⁸⁷ He was downright appalled by the idea of seeing the secret service caught up in a police investigation as this amounted to a heresy in his eyes:

As head of state, it is my duty to protect this organization [Shin Bet] as it grapples with secret and complex matters and requires this protection. After all, its people – in contrast to other people in uniform – act in a legal gray area, which is why I must grant it the necessary defense [...]. It is an excellent organization. I believe the Chief and defended him because he should not appear before the public. [...] In the event of a court case, he would need the support of attorneys. And also previous cases would have to be discussed. Therefore, it is my security-political objective to leave the matter alone. [...] This could do serious harm to the service.⁸⁸

The central motive of this argumentation is the security of the state, in this case epitomized by an Israeli internal security service that is supposed to remain untouchable despite allegations being brought against it. Similar to Peres’ comments on the Lavon Affair, published in 1995, the actual events are shifted into the background.⁸⁹ Instead, Peres applies a victim discourse when talking about Shin Bet, portraying its strengths – its secret mode of operation and its ability to act within a grey zone – as weaknesses in order to justify the special protection of Shin Bet from the law. He is concerned that a court trial might expose questionable methods applied by the secret service. Accordingly, his final resolution is “to leave the matter alone.”

In reply to Zamir, Peres invokes that judicial procedures against Shalom would seriously impair the struggle against terrorism: “My duty is to fight terrorism, and for this purpose I need the best man. This man is Abrum [Avraham Shalom], so let him do his work.” Zamir and his team were put under enormous pressure by this statement that a judicial inquiry would endanger “one’s own people” and paralyze important security-political structures.⁹⁰

In April and May 1986, before the dismissal of the Attorney General on June 1, 1986, an unprecedented contention about the status of the Israeli secret services and their relationship to the law flared up between Zamir on the one side, and Peres, his closest “cabinet of ministers” (Foreign Minister Yitzhak Shamir and Minister of Defense Yitzhak Rabin, 1922–1995) and the Israeli government on the other. Were the circumstances of the Palestinian hijackers’ deaths to be investigated any further? Or do the members of the Shin Bet enjoy an implicitly

⁸⁷ Betelheim: 1986.

⁸⁸ Gutman 1995: 47.

⁸⁹ Amar-Dahl 2010: 147–164.

⁹⁰ Betelheim 1986.

«государства» — так он назвал причины своего решения любой ценой избежать расследования.⁸⁷ Его совершенно ужаснула мысль о том, что секретная служба может быть вовлечена в полицейское расследование, поскольку в его глазах это было ересью:

Как глава государства, я обязан защищать эту организацию [Шин Бет], поскольку она занимается секретными и сложными делами и нуждается в этой защите. В конце концов, ее сотрудники – в отличие от других людей в форме – действуют в правовой серой зоне, поэтому я должен обеспечить ей необходимую защиту [...]. Это отличная организация. Я верю начальнику и защищал его, потому что он не должен появляться на публике. [...] В случае судебного разбирательства ему потребуется поддержка адвокатов. Также необходимо будет обсудить предыдущие дела. Поэтому моя задача в сфере безопасности и политики – оставить этот вопрос в покое. [...] Это может нанести серьезный вред службе.⁸⁸

Центральным мотивом этой аргументации является безопасность государства, в данном случае воплощенная в израильской службе внутренней безопасности, которая должна оставаться неприкасаемой, несмотря на выдвинутые против нее обвинения. Подобно комментариям Переса по делу Лавона, опубликованным в 1995 году, реальные события отодвигаются на второй план.⁸⁹ Вместо этого Перес использует дискурс жертвы, говоря о Шин Бет, изображая его сильные стороны – секретный режим работы и способность действовать в «серой зоне» – как слабости, чтобы оправдать особую защиту Шин Бет от закона. Он опасается, что судебное разбирательство может выявить сомнительные методы, применяемые секретной службой. Соответственно, его окончательное решение – «оставить это дело в покое».

В ответ на заявление Замира Перес утверждает, что судебные разбирательства против Шаломы серьезно подорвут борьбу с терроризмом: «Мой долг — бороться с терроризмом, и для этого мне нужен лучший человек. Этот человек — Абрум [Авраам Шалом], так пусть он делает свою работу». Замир и его команда подверглись огромному давлению из-за этого заявления о том, что судебное расследование поставит под угрозу «собственный народ» и парализует важные силовые и политические структуры.⁹⁰

В апреле и мае 1986 года, до отставки генерального прокурора в июне... 1 января 1986 года между Замиром, с одной стороны, и Пересом, его ближайшим «кабинетом министров» (министром иностранных дел Ицхаком Шамиром и министром обороны Ицхаком Рабином, 1922–1995), и израильским правительством, с другой, разгорелся беспрецедентный спор о статусе израильских секретных служб и их отношении к закону. Следует ли проводить дальнейшее расследование обстоятельств гибели палестинских угонщиков самолетов? Или же члены Шин Бет обладают негласным правом на...

⁸⁷Бетельхайм: 1986.

⁸⁸Гутман 1995: 47. ⁸⁹Амар-Даль 2010: 147–164. ⁹⁰Бетельхайм 1986.

assumed immunity from the law due to the national task of fighting terrorism that is entrusted to them? And should they accordingly be spared any investigation that concerns civil offenses falling under civil law, such as in the present case of alleged wrongful deaths?

The Attorney General initially insisted that the investigation be continued, but relenting in the course of the controversy and being willing to forego any further inquest – provided that the four Shin Bet suspects were removed from their offices. But they, with the support of their political allies, continued to insist on their immunity from being investigated or, for that matter, from suffering any further consequences. Zamir declared: “Things have been done for which someone must be held accountable, so that something like this does not happen again. Such cover-up maneuvers before the judicial branch must never happen again.”⁹¹

But Peres remained adamant. On the occasion of a no-confidence vote against his government following the Shin Bet Affair, he declared before the *Knesset* on June 30, 1986:

Rule of law means that not only the accuser but also the accused is granted rights. Each may defend themselves as is allowed by the law. [...] I have arrived at the conclusion that there are weighty security-political reasons [against the investigation]. In the event of an investigation I would have to allow the service to present precedents which the entire state [what is meant is Israeli society] wishes to see treated as secret matters. [...] And because the government is not able to grant the defendant [the Shin-Bet] the same position as the accuser [attorney], a situation of inequality [before the law] to the disadvantage of the defendant arises. This is why I am fully convinced that fighting terrorism is essentially impossible without secrecy. This is by no means an attempt to use the argument of security merely as a pretext.⁹²

Peres maintains that in cases such as this one the rule of law cannot be satisfied, because given their special tasks the accused persons are not in a situation where they can let themselves be defended. The government cannot allow such a lawsuit to happen, as this would mean that state secrets would be disclosed. For Peres, the work of the secret service has a special status within the law, even if he does not explicitly state this. He also fails to describe in any more detail what such special status actually involves.

In any case he is convinced that strict secrecy is the only means of guaranteeing national security, which holds the highest priority in his political thinking.

⁹¹ Gutman 1995: 48.

⁹² Ibid. 50.

Разве это означает, что они обладают иммунитетом от закона в силу возложенной на них национальной задачи борьбы с терроризмом? И должны ли они, соответственно, быть освобождены от любого расследования, касающегося гражданских правонарушений, подпадающих под действие гражданского права, таких как нынешний случай предполагаемой смерти по неосторожности?

Генеральный прокурор первоначально настаивал на продолжении расследования, но в ходе полемики уступил и был готов отказаться от дальнейшего разбирательства — при условии, что четверо подозреваемых из Шин Бет будут отстранены от своих должностей. Однако они, при поддержке своих политических союзников, продолжали настаивать на своей неприкосновенности от расследования и, собственно говоря, от каких-либо дальнейших последствий. Замир заявил: «Были совершены действия, за которые кто-то должен понести ответственность, чтобы подобное больше не повторилось. Подобные попытки сокрытия правды в судебной системе никогда больше не должны повторяться».⁹¹

Но Перес оставался непреклонен. В связи с вотумом недоверия его правительству после инцидента в Шин Бет он заявил перед *Кнессет* 30 июня 1986 года:

Верховенство права означает, что права предоставляются не только обвинителю, но и обвиняемому. Каждый может защищать себя в соответствии с законом. [...] Я пришел к выводу, что существуют веские причины, связанные с безопасностью и политикой [против расследования]. В случае расследования мне пришлось бы позволить службе представить прецеденты, которые все государство [имеется в виду израильское общество] желает рассматривать как секретные дела. [...] А поскольку правительство не может предоставить обвиняемому [Шин-Бет] те же права, что и обвинителю [адвокату], возникает ситуация неравенства [перед законом] в ущерб обвиняемому. Именно поэтому я полностью убежден, что борьба с терроризмом по сути невозможна без секретности. Это ни в коем случае не попытка использовать аргумент безопасности лишь как предлог.⁹²

Перес утверждает, что в подобных случаях верховенство права не может быть соблюдено, поскольку, учитывая их особые обязанности, обвиняемые не находятся в ситуации, когда они могут позволить себе защиту. Правительство не может допустить подобного судебного разбирательства, поскольку это означало бы разглашение государственных секретов. По мнению Переса, работа секретной службы имеет особый статус в рамках закона, даже если он прямо об этом не говорит. Он также не описывает более подробно, что именно подразумевает этот особый статус.

В любом случае он убежден, что строгая секретность — единственное средство обеспечения национальной безопасности, которая занимает первостепенное место в его политических взглядах.

⁹¹Гутман 1995: 48. ⁹²

Там же. 50.

Consequently, the security authorities, including their methods of operation, can neither be subjected to the principle of rule of law nor to any universally valid legislation. For Peres, the secret service with its “special task of fighting terrorism” should be the concern of a very small circle of “security experts” within the executive.

Zamir, however, who had experienced intelligence methods first hand⁹³, took the view that in this case the security argument is merely a pretext, misused for the purpose of covering up questionable intelligence practices. He felt obliged to bring this matter before the court and filed a suit with the police, presenting evidence against Shalom and other Shin Bet members. On May 30, 1986, right before his dismissal and only a short time after the affair had gone public, Zamir presented his position to the press, the majority of which were soon on his side:

Peres said that I was put under no pressure whatsoever [to refrain from an investigation]. Perhaps one should ask what exactly he means by ‘pressure on the attorney.’ [...] I cannot accept that [military] censorship prohibits the affair from being made public. [...] I do not believe that a publication painting a comprehensive picture of the affair will endanger national security. It may cause certain people some embarrassment. I think it would be appropriate to first inform the public of the facts, so that we can have a more intelligent debate. I am firmly convinced that even then some would demand no action be taken against the people against whom such serious allegations have been made. But it is beyond question that essential aspects of democratic rules are being violated by withholding facts from the public.⁹⁴

As Zamir sees it, democratic values such as the flow of information and the division of powers are reconcilable with the Israeli primacy of security. By contrast, Peres perceives security policy and intelligence activities as something that should be dealt with exclusively behind closed doors. To him, the mere fact that the affair has shifted Shin Bet into the center of the public eye is already enough to endanger national security. In other words, Shin Bet shall not be deprived of its mystique.

For this long-serving politician, one property of the Israeli order is the taken-for-granted exclusion of society, judicial power and the *Knesset* from the sphere of security. To what extent this political culture had already been established in Israel by this point is illustrated by Peres’ remark, as quoted earlier: “In the event of an investigation I would have to allow the service to present precedents which the entire state wants to see as a secret matter.”

⁹³ Gutman 1995: 50–51.

⁹⁴ *Haaretz*, May 30, 1986.

Следовательно, органы безопасности, включая методы их работы, не могут подчиняться ни принципу верховенства права, ни какому-либо универсальному законодательству. По мнению Переса, секретная служба со своей «особой задачей борьбы с терроризмом» должна быть предметом внимания очень узкого круга «экспертов по безопасности» в исполнительной власти.

Однако Замир, имевший непосредственный опыт работы с методами разведки⁹³, считал, что в данном случае аргумент о безопасности является лишь предлогом, использованным для сокрытия сомнительных методов работы разведки. Он посчитал необходимым довести это дело до суда и подал иск в полицию, представив доказательства против Шалома и других членов Шин Бет. 30 мая 1986 года, незадолго до своего увольнения и вскоре после того, как дело стало достоянием общественности, Замир изложил свою позицию прессе, большинство которой вскоре встало на его сторону:

Перес сказал, что на меня не оказывалось никакого давления [с целью заставить меня воздержаться от расследования]. Возможно, следует спросить, что именно он подразумевает под «давлением на адвоката». [...] Я не могу согласиться с тем, что [военная] цензура запрещает обнародование этого дела. [...] Я не верю, что публикация, представляющая полную картину этого дела, поставит под угрозу национальную безопасность. Это может вызвать у некоторых людей некоторое смущение. Я думаю, было бы уместно сначала проинформировать общественность о фактах, чтобы мы могли провести более осмысленную дискуссию. Я твердо убежден, что даже тогда некоторые потребуют, чтобы не предпринимались никакие действия против людей, против которых были выдвинуты столь серьезные обвинения. Но несомненно, что сокрытие фактов от общественности нарушает существенные аспекты демократических правил.⁹⁴

По мнению Замира, демократические ценности, такие как свобода обмена информацией и разделение властей, согласуются с приоритетом безопасности в Израиле. Перес же, напротив, считает, что политика безопасности и разведывательная деятельность должны обсуждаться исключительно за закрытыми дверями. Для него сам факт того, что это дело вывело Шин Бет в центр внимания общественности, уже достаточен для того, чтобы поставить под угрозу национальную безопасность. Другими словами, Шин Бет не должен лишаться своей ореола таинственности.

Для этого политика с многолетним стажем одной из особенностей израильского порядка является само собой разумеющееся исключение общества, судебной власти и... *Кнессет* из сферы безопасности. Насколько эта политическая культура уже утвердилась в Израиле к этому моменту, иллюстрирует замечание Переса, цитированное ранее: «В случае расследования мне пришлось бы разрешить службе представить прецеденты, которые все государство хочет рассматривать как секретную информацию».

⁹³Гутман 1995: 50–51. ⁹⁴

Хаарец 30 мая 1986 г.

This presupposition made by an establishment man and bearer of hope for the Zionist Left, according to which there is a social consensus to remain silent on certain topics as well as the concurrent assumption that society is identical with the state, demonstrate to what extent Peres has internalized security as a universal task of politics. In his understanding this goal can ultimately only be accomplished by security organizations using their own methods of operation while society remains excluded. Security is thought of as the security experts' field of competence, by no means an object of public debate. Against the backdrop of this perception, it may be explained why Peres kept the *Knesset*, his own party and even his own government in the dark right up to the moment the affair came to light.

From this point on, the events threatened to spin out of control. Shortly after, on June 1, 1986, Attorney General Zamir was ousted. But as he had already personally filed an indictment against the four Shin Bet suspects with the chief of police and instructed him to take up investigations, Zamir's successor Josef Harish (1923–2013) had to deal with his predecessor's problematic legacy.⁹⁵

Now a new proposition shifted into focus, namely that the defendants should be pardoned, by which the earlier process and guilty verdict would be waived. The person authorized to carry out such a procedure was the president of the state. This office was held by Chaim Herzog (1918–1997), a lawyer, former chief of Aman and co-founder of *Rafi*, and given his personal and political relationship with Peres, as well as his security-political ideology, he was indeed willing to contribute to the "rescue of the security service and state security." On June 25, 1986, Herzog went ahead with the procedure and put the pardon to a vote in a cabinet meeting.⁹⁶

As was to be expected, the amnesty of the Shin Bet's suspects provoked a wave of criticism in the Israeli press, particularly aimed against a political leadership that bent the law by using "cheap tricks." The Israeli lawyer and journalist Moshe Negbi (1949–) interprets the role of the Israeli government in the Shin Bet Affair as "a rebellion against the constitutional state and the rule of law."⁹⁷ The outrage in the country reached a peak.

But ultimately even the pardon could not avert a police investigation, which led to all four pardoned persons resigning by the end of 1986. In August, the Supreme Court upheld the legal validity of the pardons, so that a government crisis was avoided. The result of the police investigation was presented to Harish

⁹⁵ Gutman 1995: 81–82.

⁹⁶ Ibid. 87–91.

⁹⁷ Negbi 1987: 9.

Это предположение, выдвинутое представителем истеблишмента и носителем надежды для сионистских левых, согласно которому существует общественный консенсус относительно молчания по определенным вопросам, а также одновременное предположение о том, что общество тождественно государству, демонстрируют, в какой степени Перес усвоил безопасность как универсальную задачу политики. В его понимании эта цель в конечном итоге может быть достигнута только организациями безопасности, использующими собственные методы работы, в то время как общество остается исключенным. Безопасность рассматривается как сфера компетенции экспертов по безопасности, никоим образом не являющаяся предметом публичных дебатов. На фоне этого восприятия можно объяснить, почему Перес сохранил...*Кнесет* Его собственная партия и даже собственное правительство хранили молчание вплоть до момента, когда дело стало известно.

С этого момента события грозили выйти из-под контроля. Вскоре после этого, 1 июня 1986 года, генеральный прокурор Замир был смещен с должности. Но поскольку он уже лично передал начальнику полиции обвинительное заключение против четырех подозреваемых из Шин Бет и поручил ему провести расследование, преемнику Замира, Йозефу Харишу (1923–2013), пришлось иметь дело с проблематичным наследием своего предшественника.⁹⁵

Теперь в центре внимания оказалось новое предложение, а именно, помилование подсудимых, в результате которого отменялась бы предыдущая процедура и обвинительный приговор. Лицом, уполномоченным на проведение такой процедуры, был президент государства. Эту должность занимал Хаим Герцог (1918–1997), юрист, бывший глава Амана и сооснователь *Рафи*. Учитывая его личные и политические отношения с Пересом, а также его идеологию безопасности и политики, он действительно был готов внести свой вклад в «спасение службы безопасности и государственной безопасности». 25 июня 1986 года Герцог приступил к процедуре и вынес вопрос о помиловании на голосование на заседании кабинета министров.⁹⁶

Как и следовало ожидать, амнистия подозреваемых из Шин Бет вызвала волну критики в израильской прессе, особенно направленную против политического руководства, которое нарушало закон, используя «дешевые уловки». Израильский юрист и журналист Моше Негби (1949–) интерпретирует роль израильского правительства в деле Шин Бет как «восстание против конституционного государства и верховенства права». ⁹⁷ Возмущение в стране достигло своего пика.

Но в конечном итоге даже помилование не смогло предотвратить полицейское расследование, в результате которого все четверо помилованных подали в отставку к концу 1986 года. В августе Верховный суд подтвердил юридическую силу помилований, что позволило избежать правительственного кризиса. Результаты полицейского расследования были представлены Харишу.

⁹⁵Гутман 1995: 81–82. ⁹⁶Там же, стр. 87–91.

⁹⁷Негби 1987: 9.

in mid-September and analyzed by three high-ranking officials of the Ministry of Justice. At this point there was no doubt that the two Palestinian hijackers had been killed on Shalom's orders. And yet Shalom maintained that he gave the order on the grounds of a private meeting with Prime Minister Yitzhak Shamir in November 1983, in which the treatment of captured terrorists had been discussed.

Shamir, however, told the police that although he remembered a talk taking place, he had not given any kind of authorization to act in the course of that conversation. The judicial commission neither held Shamir responsible for the killing of the kidnappers nor for the attempted cover-up that followed. Harish closed the case by the end of December 1986.⁹⁸

Security, Rule of Law and the Israeli Order

The conduct exhibited by Shimon Peres in the course of this affair shows his deep commitment to the "Israeli order." This order is a firmly established political culture centered on "security" which has taken shape with time as a result of the tensions between the Zionist goal of nation building and the frequently escalating Arab-Israeli conflict. The strong fixation on security has become a characteristic attribute of the Israeli social fabric and one of its untouchable tenets.

This development can be explained by the fact that in the eyes of many Israelis national statehood is still in the process of being shaped. And having not yet been fully realized, it still has to be consolidated by settlements and properly secured in the first place. Consequently, security is the absolute, basic prerequisite for the existence of the national state and thus indispensable to it. In turn, this fixation on security sustains the Arab-Israeli or Palestinian-Israeli conflict, so that the high social significance of security is being continually fostered.

The Shin Bet affair clearly outlines the existing relationships. The prime minister, acting and arguing in the name of security, was able to assert himself against the resistance of the press and the law by drawing on the firmly established political culture in which the public is excluded from security-political matters. In the various offices and functions he has held since the early 1950s, Peres has significantly contributed to this depoliticization of security that has become such a defining feature of the Israeli mindset.

As the example of the Shin Bet Affair shows, security is understood as an elementary basis of the Israeli immigrant and settler society. Rule of law, integrity, morality and the "truth" take a backseat in the face of this goal. Since the fight

⁹⁸ Black and Morris 1994: 588–590.

В середине сентября эти данные были проанализированы тремя высокопоставленными чиновниками Министерства юстиции. На тот момент не было никаких сомнений в том, что двое палестинских угонщиков самолетов были убиты по приказу Шалома. И все же Шалом утверждал, что отдал приказ на основании частной встречи с премьер-министром Ицхаком Шамиром в ноябре 1983 года, на которой обсуждался вопрос обращения с захваченными террористами.

Однако Шамир заявил полиции, что, хотя он и помнит, что состоялся разговор, он не давал никаких указаний на действия в ходе этой беседы. Судебная комиссия не признала Шамира ответственным ни за убийство похитителей, ни за попытку сокрытия преступления, последовавшую за этим. Хариш закрыл дело к концу декабря 1986 года.

Безопасность, верховенство права и израильский порядок

Поведение Шимона Переса в ходе этого дела демонстрирует его глубокую приверженность «израильскому порядку». Этот порядок представляет собой прочно устоявшуюся политическую культуру, ориентированную на «безопасность», которая сформировалась с течением времени в результате напряженности между сионистской целью государственного строительства и часто обостряющимся арабо-израильским конфликтом. Сильная ориентация на безопасность стала характерной чертой израильского общества и одним из его непокосновенных принципов.

Такое развитие событий объясняется тем, что в глазах многих израильтян национальная государственность все еще находится в процессе формирования. И, будучи еще не полностью реализованной, она еще должна быть укреплена путем создания поселений и должным образом обеспечена. Следовательно, безопасность является абсолютной, основной предпосылкой существования национального государства и, таким образом, незаменима для него. В свою очередь, эта фиксация на безопасности поддерживает арабо-израильский или палестино-израильский конфликт, так что высокая социальная значимость безопасности постоянно подкрепляется.

Дело Шин Бет наглядно демонстрирует существующие взаимоотношения. Премьер-министр, действуя и отстаивая интересы безопасности, смог противостоять сопротивлению прессы и закона, опираясь на прочно укоренившуюся политическую культуру, в которой общественность исключена из вопросов безопасности и политики. На различных должностях и функциях, которые он занимал с начала 1950-х годов, Перес внес значительный вклад в эту деполитизацию безопасности, ставшую определяющей чертой израильского менталитета.

Как показывает пример дела Шин Бет, безопасность рассматривается как основополагающий принцип израильского иммигрантского и поселенческого общества. Верховенство права, честность, мораль и «правда» отходят на второй план перед лицом этой цели. После начала боевых действий

against terrorism and the securing of Zionist Israel are deemed so essential, even questionable intelligence methods of operation are considered admissible – provided they continue to be excluded as a subject matter for public debate.

Peres' telling statement of 2000 – "In the first fifty years Israel fought for its physical existence, in the next fifty years it will be fighting for its moral identity."⁹⁹ – reflects his notion that democratic, constitutional and moral values can only be warranted to a certain extent while the process of shaping a Jewish national statehood is still underway. This also applies to the domestic context. Within this political order, not only the public and its representatives but also ultimately the law has to be subordinated to the primary principle of national security. Even if Peres did not want to right out dismiss the rule of law, like in how he was careful to avoid openly questioning the Attorney General's authority, he still solved "the dilemma" in this affair between security and law in his own way.

Israeli political scientist Ehud Sprinzak (1940–2002) sees the demeanor of the political leadership in the Shin Bet Affair as a typical example of the firmly established political culture of "elite illegalism":

[...] the Shin Bet scandal [...] shows that Israel's political culture contains a strong dimension of elite illegalism, an instrumental orientation of the nations' leadership toward the law and the idea of the rule of law. Israeli leaders, so it seems, do not appear to be antidemocratic in principle, or have an alternative model of government to the democratic order. But their conception of democracy is limited, and their commitment to universal legal principles, recognized today as an integral part of the modern democracy, is very low. [...] Israeli democracy has always been very weak on the question of legalism, and [...] recent governments have not been an exception to this phenomenon. Legalism in the Western sense of the term never was an integral part of the democratic system established in Israel by the Zionist parties and their leaders.¹⁰⁰

In his detailed presentation of the development of the tradition of "elite illegalism" since the time of the *Yishuv*, Sprinzak goes on to say:

The political psychology of Yitzhak Shamir, Shimon Peres, and Yitzhak Rabin, the ministers involved in the Shin Bet Affair, was shaped when almost everything was permissible. They all grew up in Palestine of the 1940s, when it was prestigious to cheat on the British and to engage in 'illegal' settlement, 'illegal' defense, and 'illegal' immigration; [...] The Zionist founding fathers of Israel were not vicious or corrupt. They were great idealists and daring dreamers. They wished to build a better society and set an example for the rest of the world.

⁹⁹ Schmidt 2000: 75.

¹⁰⁰ Sprinzak 1993: 174–175.

Борьба с терроризмом и обеспечение безопасности сионистского Израиля считаются настолько важными, что даже сомнительные методы разведывательной деятельности рассматриваются как допустимые — при условии, что они по-прежнему исключаются из числа тем для публичных дебатов.

Значимое заявление Переса 2000 года: «В первые пятьдесят лет Израиль боролся за свое физическое существование, в следующие пятьдесят лет он будет бороться за свою моральную идентичность»⁹⁹ — отражает его представление о том, что демократические, конституционные и моральные ценности могут быть оправданы лишь до определенной степени, пока продолжается процесс формирования еврейской национальной государственности. Это относится и к внутривнутриполитическому контексту. В рамках этого политического порядка не только общественность и ее представители, но и, в конечном счете, закон должны быть подчинены первостепенному принципу национальной безопасности. Даже если Перес не хотел полностью отвергать верховенство права, как, например, в том, как он старался избегать открытого оспаривания полномочий генерального прокурора, он все же по-своему разрешил «дилемму» в этом вопросе между безопасностью и законом.

Израильский политолог Эхуд Спринзак (1940–2002) рассматривает поведение политического руководства в деле Шин Бет как типичный пример прочно укоренившейся политической культуры «элитного нелегализма»:

[...] скандал с Шин Бет [...] показывает, что политическая культура Израиля содержит в себе сильный элемент элитарного легализма, инструментальную ориентацию руководства страны на закон и идею верховенства права. Израильские лидеры, по-видимому, не являются антидемократичными по своей сути и не предлагают альтернативной модели правления демократическому порядку. Но их понимание демократии ограничено, а их приверженность универсальным правовым принципам, признанным сегодня неотъемлемой частью современной демократии, очень низка. [...] Израильская демократия всегда была очень слаба в вопросе легализма, и [...] последние правительства не стали исключением из этого явления. Легализм в западном смысле этого слова никогда не был неотъемлемой частью демократической системы, установленной в Израиле сионистскими партиями и их лидерами.¹⁰⁰

В своем подробном изложении развития традиции «элитного нелегализма» со времен *Ишув* Спринзак продолжает:

Политическая психология Ицхака Шамира, Шимона Переса и Ицхака Рабина, министров, участвовавших в деле Шин-Бет, сформировалась в то время, когда почти всё было дозволено. Все они выросли в Палестине 1940-х годов, когда считалось престижным обманывать британцев и заниматься «незаконным» заселением, «незаконной» обороной и «незаконной» иммиграцией; [...] Сионистские отцы-основатели Израиля не были порочными или коррумпированными. Они были великими идеалистами и смелыми мечтателями. Они хотели построить лучшее общество и подать пример остальному миру.

⁹⁹Шмидт 2000: 75. ¹⁰⁰

Спринзак 1993: 174–175.

Eager to do so as fast as they could, they ignored legalistic details and procedures. All they wanted was political power, free of constraints, to make the dreams come true.¹⁰¹

Peres' way of presenting the Shin Bet Affair in his 1995 political memoirs reaffirms the notion that the existing Israeli order is inevitable for the state's existence and therefore has to be kept up under all circumstances. Even a decade later, Peres still clings to his truth of 1986 – and not just out of self-righteousness. Although he is aware that the Shin Bet Affair is not exactly a glorious chapter in his political career, he supports the Shin Bet in his carefully constructed historical narrative and creates the impression that the guilt of the secret service has never been conclusively established.¹⁰²

When called out on his “selective way of narrating” by the journalist Nahum Barnea, who was well acquainted with the details of the affair, Peres replied that “facts are a subjective matter,” whereupon Barnea commented that this is “Peres' way of justifying his disgraceful role and that of his colleagues in the Shin Bet Affair. For Peres, political survival and one's own interests are of greatest priority. [...] the rest is of secondary importance.”¹⁰³

But when it comes to this particular case, Barnea's hypothesis that Peres' actions were motivated by the goal of maintaining power falls short. There was far more at stake for him. Of course, the assumption that Peres refrained from politically capitalizing on the affair because he did not want to strain his image any further and reinforce his repudiation as an untrustworthy politician cannot be fully dismissed.¹⁰⁴ Indeed, it would have compromised his position had he failed to observe the coalition agreement with Shamir because of the affair and called early elections. He also knew: “No one in Israel ever won votes by making an issue out of two dead Arab terrorists. Peres seems to be doing everything he could to bury the affair.”¹⁰⁵

However, as far as Peres was concerned, the “two dead Arab terrorists” were indeed not sufficient grounds for a state affair, and so he did everything in his power to prevent them from turning into one. After the affair had become known in May 1986, he was put under massive pressure to join “the good guys,” that is, to advocate an investigation into the matter so as to possibly capitalize on it politically. But he ultimately stayed true to his innermost convictions that Shin Bet has to be protected in the interests of the Israeli order. By doing this he accepted the

101 Sprinzak 1993: 190–191.

102 Peres 1995: 295–300.

103 Barnea, June 25, 2004.

104 Bar-Zohar 2006: 542; Keren 1996: 50.

105 Black and Morris 1991: 407.

Стремясь сделать это как можно быстрее, они игнорировали юридические тонкости и процедуры. Все, чего они хотели, — это политическая власть, свободная от ограничений, чтобы воплотить свои мечты в жизнь.¹⁰¹

В своих политических мемуарах 1995 года Перес излагает историю с Шин Бет, подтверждая идею о том, что существующий израильский порядок неизбежен для существования государства и, следовательно, должен поддерживаться при любых обстоятельствах. Даже спустя десятилетие Перес всё ещё придерживается правды 1986 года — и не только из чувства собственной праведности. Хотя он осознаёт, что история с Шин Бет не является блестящей главой в его политической карьере, он поддерживает Шин Бет в своём тщательно выстроенном историческом повествовании и создаёт впечатление, что вина секретной службы так и не была окончательно доказана.¹⁰²

Когда журналист Нахум Барнеа, хорошо знакомый с подробностями дела, упрекнул Переса в «избирательном способе изложения событий», тот ответил, что «факты — дело субъективное», на что Барнеа заметил, что «это способ Переса оправдать свою позорную роль и роль своих коллег в деле Шин Бет. Для Переса политическое выживание и собственные интересы имеют первостепенное значение. [...] все остальное второстепенно».¹⁰³

Но когда речь заходит о данном конкретном случае, гипотеза Барнеа о том, что действия Переса были мотивированы стремлением сохранить власть, оказывается несостоятельной. Для него на кону стояло гораздо большее. Конечно, нельзя полностью отвергать предположение о том, что Перес воздержался от политической игры на этом деле, потому что не хотел еще больше испортить свой имидж и укрепить репутацию не заслуживающего доверия политика.¹⁰⁴ Действительно, это подорвало бы его положение, если бы он не выполнил коалиционное соглашение с Шамиром из-за этого дела и не назначил досрочные выборы. Он также знал: «Никто в Израиле никогда не получал голоса, раздувая проблему из двух убитых арабских террористов. Перес, похоже, делает все возможное, чтобы замаять это дело».¹⁰⁵

Однако, с точки зрения Переса, «двух убитых арабских террористов» было недостаточно для возбуждения государственного дела, и поэтому он сделал все возможное, чтобы предотвратить его разрастание. После того, как дело стало известно в мае 1986 года, на него оказывалось огромное давление с целью заставить его присоединиться к «хорошим парням», то есть выступать за расследование этого дела, чтобы, возможно, извлечь из него политическую выгоду. Но в конечном итоге он остался верен своим сокровенным убеждениям, что Шин Бет должен быть защищен в интересах израильского порядка. Поступая так, он принял на себя

101Спринзак 1993: 190–191.

102Перес 1995: 295–300. **103**

Барнеа, 25 июня 2004 г.

104Бар-Зоар 2006: 542; Керен 1996: 50.

105Блэк и Моррис 1991: 407.

possibility of losing part of his authority and damaging his moral standing in the eyes of the public.

Peres' reappraisal of the events in his memoirs of 1995 further attests to his depoliticized understanding of the affair. Here, the seventy-two-year-old still-acting politician is intent on stripping this clearly political affair of its explosive political nature. He insists that his actions in the years of 1985 and 1986 were correct, precisely because he perceives the existing political order as a matter of course and apodictically right, so that it must be maintained at all costs. This is what Peres understands to be his duty in this affair, even though he may express it in a more instinctive than reflective manner.¹⁰⁶

Conclusion: Civil Militarization of Israeli Democracy

Established politician that Peres is, his contribution to what the sociologist Uri Ben-Eliezer has termed “state-spawned praetorianism”¹⁰⁷ – in other words the government-sponsored concentration of power in the hands of the army – cannot be overstated. The security-political affairs discussed herein may serve as telling examples of how the special status of the Israeli military and security apparatuses is reinforced and ultimately consolidated by state and politics. It was particularly from his civilian political position – first as a government official in the Ministry of Defense, and later in an unprecedentedly long political career in central positions of power – that Peres effectively helped shape the civilian militarization of Israeli democracy. His was a historically as well as socio-politically important contribution, in the process of which the security authorities, especially the military, were stylized as the “guardians of the nation.”

And so, to this very day they are viewed as indispensable for the protection of Zionist Israel, which is seen as the only available option. A scenario where the military might seize power, where the “nation in arms” might rise up against its own government or against civil society seems unimaginable in Israel. For the military is still perceived as the main identity-establishing institution of the national state. More than any other entity, it is thought of as the agent that the State of Israel owes its existence to. As a result, the security apparatuses are held in high esteem and are still determining the security-political discourse in political and public life.

¹⁰⁶ Amar-Dahl 2010: 178–183.

¹⁰⁷ Ben-Eliezer 1998: 338–339.

существует вероятность потери части своего авторитета и нанесения ущерба его моральному имиджу в глазах общественности.

Переосмысление событий Пересом в его мемуарах 1995 года еще раз подтверждает его деполитизированное понимание этого дела. Здесь семидесятидвулетний политик, все еще исполняющий свои обязанности, намерен лишить это явно политическое дело его взрывоопасной политической природы. Он настаивает на том, что его действия в 1985 и 1986 годах были правильными именно потому, что он воспринимает существующий политический порядок как нечто само собой разумеющееся и аподиктически правильное, так что его необходимо поддерживать любой ценой. Именно это Перес понимает как свой долг в этом деле, хотя он может выражать это скорее инстинктивно, чем обдуманно.¹⁰⁶

Заключение: Гражданская милитаризация израильской демократии

Будучи признанным политиком, Перес внес огромный вклад в то, что социолог Ури Бен-Элиэзер назвал «порожденным государством преторианством»¹⁰⁷ – иными словами, в спонсируемую правительством концентрацию власти в руках армии. Обсуждаемые здесь вопросы безопасности и политики могут служить показательными примерами того, как особый статус израильских военных и силовых структур укрепляется и в конечном итоге консолидируется государством и политикой. Именно со своего гражданского политического положения – сначала в качестве государственного чиновника в Министерстве обороны, а затем в ходе беспрецедентно долгой политической карьеры на центральных властных постах – Перес фактически помог сформировать гражданскую милитаризацию израильской демократии. Его вклад был исторически и социально-политически важен, в процессе которого органы безопасности, особенно военные, были представлены как «хранители нации».

И поэтому по сей день они рассматриваются как незаменимые для защиты сионистского Израиля, который воспринимается как единственный доступный вариант. Сценарий, при котором военные могут захватить власть, когда «нация в оружии» может восстать против собственного правительства или против гражданского общества, кажется в Израиле невысказанным. Ведь армия по-прежнему воспринимается как главный институт, определяющий идентичность национального государства. Больше, чем любая другая структура, она считается тем агентом, которому Государство Израиль обязано своим существованием. В результате, аппараты безопасности пользуются высоким уважением и до сих пор определяют дискурс безопасности и политики в политической и общественной жизни.

¹⁰⁶Амар-Даль 2010: 178–183.

¹⁰⁷Бен-Элиэзер 1998: 338–339.

In Israel, this is linked to a highly developed civil militarism, with politics and military closely cooperating in the political culture of the country. By and large the security policy represents a product of an agreement between these two spheres, where the heads of the security apparatus are entrusted to set the tone and *de facto* shape security policy in their function as “security experts.”

This may serve to explain why the depoliticization of the topic of “security” is a central feature of Israel’s political culture. A depoliticization of security means the effective transfer of the power of decision on security matters from the hands of civil society and its political representatives into those of the security forces and the exclusive “security cabinet” clique. Such a depoliticization process amounts to nothing less than a disempowerment of civil society, since the entire field of internal and external security cannot really be made the subject of public debate. Considering its existential importance, it is deemed untouchable – and therefore apolitical.

Peres’ statement from the year 1970 – “If the Israel democracy faced any danger at all, it would be from perverted civilians and not from a misguided soldiery.”¹⁰⁸ – is baffling, not least because Peres is a career politician. But as has been shown here, this is indeed consistent with his worldview and politics. In the Lavon Affair, it was the “Old Guard” of the *Mapai* party or individual political decision makers of the first decade after the state’s founding that Peres fought as the enemies of the security authority he considered sacrosanct. Later, in the Shin Bet Affair, it was the judicial power, the press, and the public. Peres’ dictum that “in Israel arms are not only subjected to civilian authority but quite literally lie in civilian [i.e., political] hands.” illustrates the perception of the Israeli order as it is widely held in the country. The same is true for this point of view: “The necessity for defense against exterior threats corresponds to the [Israeli] will to remain a free and pluralist society, just as if there were no security problems. That is to say, the military in Israel is a consequence of the situation and not of the [Israeli] orientation.”¹⁰⁹

What finds expression here is the conviction that Israeli democracy can unite both elements, namely the special status of the military as guardian of the newly formed small nation in need of protection, and at the same time the self-conception as a democratic, open and pluralist, but nonetheless Jewish society. The “Jewish democracy” which has historically emerged in Israel is indeed the product of a political order that corresponds to the model of a “Jewish-Israeli nation in arms.” And indeed war does represent an integral part of this democracy.

¹⁰⁸ Peres 1970: 255.

¹⁰⁹ Peres 1970: 210. (Hebr.)

В Израиле это связано с высокоразвитым гражданским милитаризмом, где политика и армия тесно сотрудничают в политической культуре страны. В целом, политика безопасности представляет собой продукт соглашения между этими двумя сферами, где руководителям силовых структур поручено задавать тон *иде-факто*. Они формируют политику безопасности, выполняя функцию «экспертов по безопасности».

Это может объяснить, почему деполитизация темы «безопасности» является центральной чертой политической культуры Израиля. Деполитизация безопасности означает фактическую передачу власти принятия решений по вопросам безопасности из рук гражданского общества и его политических представителей в руки сил безопасности и закрытой клики «кабинета безопасности». Такой процесс деполитизации равносителен не чему иному, как лишению гражданского общества его полномочий, поскольку вся сфера внутренней и внешней безопасности не может быть предметом публичного обсуждения. Учитывая ее экзистенциальную важность, она считается неприкасаемой – и, следовательно, аполитичной.

Заявление Переса 1970 года — «Если израильской демократии и грозила какая-либо опасность, то она исходила бы от извращенных мирных жителей, а не от заблудших солдат»¹⁰⁸ — вызывает недоумение, не в последнюю очередь потому, что Перес — профессиональный политик. Но, как было показано здесь, это действительно соответствует его мировоззрению и политическим взглядам. В деле Лавона это была «старая гвардия» *Мапай*. В первое десятилетие после основания государства Перес боролся с политическими деятелями, будь то представители партий или отдельные лица, принимавшие решения, против тех органов безопасности, которые он считал неприкосновенными. Позже, в деле Шин Бет, это были судебная власть, пресса и общественность. Утверждение Переса о том, что «в Израиле оружие не только подчиняется гражданской власти, но и буквально находится в гражданских [т.е. политических] руках», иллюстрирует широко распространенное в стране представление об израильском порядке. То же самое справедливо и для следующей точки зрения: «Необходимость защиты от внешних угроз соответствует [израильской] воле оставаться свободным и плюралистическим обществом, как если бы не существовало проблем безопасности. Иными словами, армия в Израиле является следствием ситуации, а не [израильской] ориентации».¹⁰⁹

Здесь находит выражение убеждение, что израильская демократия может объединить два элемента: особый статус армии как защитника новообразованного небольшого государства, нуждающегося в защите, и одновременно самовосприятие себя как демократического, открытого и плюралистического, но тем не менее еврейского общества. «Еврейская демократия», исторически возникшая в Израиле, действительно является продуктом политического порядка, соответствующего модели «еврейско-израильской нации, ведущей войну». И действительно, война представляет собой неотъемлемую часть этой демократии.

¹⁰⁸Перес 1970: 255. ¹⁰⁹

Перес 1970: 210. (Евр.)

4 Israel's War Policy in the Service of Zionist Israel

From its very beginnings, the Zionist movement was highly ambivalent when it came to the question as to whether its adherents were allowed to use violence to reach their goals. In her book *The Sword of the Dove*, the Israeli-Zionist historian Anita Shapira puts forth the hypothesis that prior to the establishment of the State of Israel the policy in the *Yishuv* was initially characterized by a “defensive ethos.” As a matter of necessity and only hesitantly did it turn into an “offensive ethos” over time. Shapira identifies the “Arab Revolt” of 1936 to 1939, when the organized Arab-Palestinian community protested against the progressing Jewish settlement of the country, as a decisive watershed event. From that point on a more offensive stance developed in Zionism, culminating in the war of 1948.¹

As for Jewish nationalism in the Zionist context, Shapira makes out two different notions regarding the issue of violence. For a first group, it is not only inevitable, but even plays a positive role when Jews make recourse to violence. Jewish authors like Micha Josef Berdyczewski (1865–1921) and Max Nordau preached a “muscular Judaism” as a prerequisite to creating the “New Jew” who was to make nationalization possible, and by doing so would help bring “Judaism back into history.”

By the same token, the physically weak exiled Jew who recoiled from any kind of violence was denounced as an obstacle to nationalization and thus to a “normalization” of Jewish life. The German-Jewish philosopher Emil L. Fackenheim (1916–2003) and the Zionist-Israeli philosopher Eliezer Schweid (1929–) go so far as to interpret violence used by Jews as a form of counter-violence, given that the Jews are powerless and the ultimate victim of the aggression directed against them. This reasoning helps to shape an attitude in which violence against the *Goyim* is generally considered legitimate, however unrestrained it may be.²

The second notion, as proposed by Cultural Zionist Achad Ha'am, makes a plea to the Jewish people to sustain their “moral superiority” and to reject any kind of violence. He thinks that “true Jews” should never be ashamed of their physical weakness, but rather cherish it as a source of their uniqueness and moral superiority over the *Goy*. Zionism, as Achad Ha'am understands it, is decidedly not a project of Jewish assimilation to the non-Jewish world with regard to politics and national-state existence, but rather an endeavor to preserve the mental and cultural singularity of the Jewish people. His Cultural Zionism challenges the

1 Shapira 1992; Biale 1986.

2 Fackenheim 1990/1978; Schweid 1973.

4. Военная политика Израиля на службе сионистского Израиля.

С самого начала сионистское движение проявляло большую двойственность в вопросе о том, разрешено ли его сторонникам использовать насилие для достижения своих целей. В своей книге *она Меч Голубки* Израильско-сионистский историк Анита Шапира выдвигает гипотезу о том, что до создания Государства Израиль политика в этой области была... *Ишув*

Первоначально сионизм характеризовался «оборонительной позицией». Со временем, по необходимости и лишь с неохотой, он перешёл к «наступательной позиции». Шапира называет «Арабское восстание» 1936–1939 годов, когда организованное арабо-палестинское сообщество протестовало против растущего еврейского заселения страны, решающим поворотным событием. С этого момента в сионизме развилась более наступательная позиция, кульминацией которой стала война 1948 года.

Что касается еврейского национализма в сионистском контексте, Шапира выделяет два разных подхода к проблеме насилия. Для первой группы насилие не только неизбежно, но и играет положительную роль. Еврейские авторы, такие как Миха Йозеф Бердычевский (1865–1921) и Макс Нордау, проповедовали «мускулистый иудаизм» как необходимое условие для создания «нового еврея», который должен был сделать возможной национализацию и тем самым помочь «вернуть иудаизм в историю».

Аналогичным образом, физически слабый еврей-эмигрант, сопротивлявшийся любому виду насилия, объявлялся препятствием для национализации и, следовательно, для «нормализации» еврейской жизни. Немецко-еврейский философ Эмиль Л. Факенхайм (1916–2003) и сионистско-израильский философ Элиэзер Швайд (1929–) заходят так далеко, что интерпретируют насилие, применяемое евреями, как форму ответного насилия, учитывая, что евреи бессильны и являются конечной жертвой направленной против них агрессии. Эта логика способствует формированию отношения, при котором насилие против *Гои* как правило, считается законным, каким бы неограниченным оно ни было.²

Вторая идея, предложенная культурным сионистом Ахадом Хаамом, призывает еврейский народ сохранять свое «моральное превосходство» и отвергать любое насилие. Он считает, что «истинные евреи» никогда не должны стыдиться своей физической слабости, а, наоборот, должны ценить ее как источник своей уникальности и морального превосходства над другими. *Гой* Сионизм, в понимании Ахада Хаама, — это отнюдь не проект ассимиляции евреев с нееврейским миром в отношении политики и существования национального государства, а скорее попытка сохранить ментальную и культурную самобытность еврейского народа. Его «Культурный сионизм» бросает вызов...

¹Шапира 1992; Биале 1986.

²Факенхайм 1990/1978; Швейд 1973.

maxim that a Jewish state has to follow particular examples and define itself by physical strength and power.³

Militarism in Israel

From 1948 on, the military was given a pre-eminent role in the realization of the Zionist project in *Eretz Israel*. The Jewish state was born out of war and has been in a permanent state of war ever since. This is true in the political, legal and mental sense. As for the juridical situation, Israel has been under emergency law since the proclamation of the state in 1948, with emergency ordinances being in effect from then on. In spite of this fact, traditional Israeli political and social sciences are unwilling to speak of an Israeli militarism.⁴ It is not that the question is not raised as to why no militarism would evolve in a country where the military enjoys such high prestige, is given such a central status, and also has an enormous budget at its disposal. Also, Israel's influential military-industrial complex controlled by the Ministry of Defense does not remain unnoticed.⁵

Rather the notion that these factors might pose a danger to the democratic social order or that Israel might be well on its way to becoming a "modern Sparta" is brushed aside. It is presumed that the country's democratic culture is just too firmly established, the political system too stable for any such thing to happen. Besides, the Israeli army is seen as a "people's army" comprised of reservists and civilians, so that the formation of a closed-off military class is by no means considered likely.⁶

In addition, the institutional and mental separation of the army and the "civilian," i.e., political, sphere is looked upon as an indication that the military is concerned exclusively with matters of national security. It is underscored that members of the military, including the officers, are strongly involved in the national decision processes and therefore have no reason to break the democratic rules they themselves profit from. According to this point of view, the danger of militarism is neutralized.⁷

Other sociologists, however, explicitly address a pronounced "Israeli militarism." One of them, the Israeli sociologist Uri Ben-Eliezer, proposes the hypoth-

³ Shapira 1992: 37–53.

⁴ Shapira 1992.

⁵ Mintz 1983.

⁶ Horowitz 1977; Lissak 1984.

⁷ Horowitz 1977.

Согласно максиме, еврейское государство должно следовать определенным примерам и определять себя физической силой и мощью.³

Милитаризм в Израиле

Начиная с 1948 года, военным отводилась ведущая роль в реализации сионистского проекта. *Эрец Израиль* Еврейское государство возникло в результате войны и с тех пор находится в состоянии постоянной войны. Это верно в политическом, правовом и ментальном смысле. Что касается юридической ситуации, то Израиль находится в режиме чрезвычайного положения с момента провозглашения государства в 1948 году, и с тех пор действуют указы о чрезвычайном положении. Несмотря на это, традиционные израильские политические и социальные науки не желают говорить об израильском милитаризме.⁴ Не стоит задаваться вопросом, почему не возникает милитаризм в стране, где армия пользуется таким высоким престижем, имеет такой центральный статус и располагает огромным бюджетом. Также не остается незамеченным влиятельный военно-промышленный комплекс Израиля, контролируемый Министерством обороны.⁵

Скорее, отбрасывается предположение, что эти факторы могут представлять опасность для демократического общественного порядка или что Израиль находится на пути к превращению в «современную Спарту». Предполагается, что демократическая культура страны слишком прочно укоренилась, а политическая система слишком стабильна, чтобы что-либо подобное могло произойти. Кроме того, израильская армия рассматривается как «народная армия», состоящая из резервистов и гражданских лиц, поэтому формирование замкнутого военного класса никоим образом не считается вероятным.⁶

Кроме того, институциональное и ментальное разделение армии и «гражданской», то есть политической, сферы рассматривается как признак того, что военные занимаются исключительно вопросами национальной безопасности. Подчеркивается, что военнослужащие, включая офицеров, активно участвуют в процессах принятия национальных решений и, следовательно, не имеют оснований нарушать демократические правила, от которых они сами получают выгоду. С этой точки зрения опасность милитаризма нейтрализуется.⁷

Однако другие социологи прямо указывают на ярко выраженный «израильский милитаризм». Один из них, израильский социолог Ури Бен-Элизер, выдвигает гипотезу...

³Шапира 1992: 37–53. ⁴

Шапира 1992.

⁵Минц, 1983.

⁶Горовиц 1977; Лиссак 1984.

⁷Горовиц 1977.

esis that a political culture of the martial has gradually emerged and taken on a life of its own in Israel, resulting in fundamental impacts on nearly all political decisions. The model of a “nation in arms” provides the socio-cultural context.⁸

Israeli militarism, so says the Israeli sociologist Baruch Kimmerling, has been developing one step at a time since the establishment of the state to become a shaping principle of the Israeli social order. Although he sees this militarism as arising mainly in reaction to the Arab-Israeli conflict, he thinks that by now it in and of itself has become a reason for keeping up that conflict – one that forms an integral part of Israeli reality and is firmly rooted in social awareness.⁹

Kimmerling generally distinguishes three central dimensions of militarism. The first dimension is the *political-violent* one, which develops only when a direct or indirect military government exercises power over an extended period of time – as was the case with the military regimes in Africa and South America during the 1970s.

Kimmerling's second dimension of militarism, *cultural* militarism, arises in societies where the military plays a central role for public life and collective self-perception, with the military being an important symbol of collectivity and epitomizing patriotism.¹⁰ Here, Kimmerling bases himself on Alfred Vagts' concept of civilian versus soldierly militarism: In civilian militarism most collective aims are defined in connection to war. Wars are considered a central part of collective life and are initiated by civilian leaders.¹¹

The third dimension of militarism identified by Kimmerling lies in the sphere of the *cognitive*; structural and cultural militarism are internalized to such a degree that they become a general state of mind. It is on this level that militarism, not being consciously reflected, unfolds with a particularly strong effect. It is taken for granted and no longer questioned by either the ruling or the ruled. With all these mechanisms in place, the collective becomes fixated upon war, both on the institutional (politics, military, society, economy, industry and legal system) as well as on the mental level. War preparations become an ongoing social state. The next armed encounter appears inescapable. Wars and military missions turn into routine.¹²

This last dimension of militarism is defined by Kimmerling as “civilian militarism,” and he uses it to refer to Israel. He sees Israel as profoundly influenced

⁸ Ben-Eliezer 1994: 63.

⁹ Kimmerling 1993A: 125.

¹⁰ Ibid. 125–127.

¹¹ Vagts 1937.

¹² Kimmerling 1993A: 127–128.

Теория показывает, что в Израиле постепенно сформировалась и обрела собственную политическую культуру военного дела, что оказало фундаментальное влияние почти на все политические решения. Модель «нации в оружии» обеспечивает социокультурный контекст.⁸

Израильский милитаризм, как утверждает израильский социолог Барух Киммерлинг, развивался постепенно с момента создания государства, превратившись в определяющий принцип израильского общественного порядка. Хотя он рассматривает этот милитаризм как реакцию главным образом на арабо-израильский конфликт, он считает, что к настоящему времени он сам по себе стал причиной поддержания этого конфликта – причиной, которая является неотъемлемой частью израильской реальности и прочно укоренилась в общественном сознании.⁹

Киммерлинг в целом выделяет три основных измерения милитаризма. Первое измерение — это *политическое насилие*. Такое явление развивается только тогда, когда прямое или косвенное военное правительство осуществляет власть в течение длительного периода времени.

– как это было в случае с военными режимами в Африке и Южной Америке в 1970-х годах.

Второе измерение милитаризма по Киммерлингу...*культурный* Милитаризм возникает в обществах, где армия играет центральную роль в общественной жизни и коллективном самовосприятии, являясь важным символом коллективизма и олицетворением патриотизма.¹⁰ Здесь Киммерлинг опирается на концепцию Альфреда Вагтса о гражданском и военном милитаризме: в гражданском милитаризме большинство коллективных целей определяются в связи с войной. Войны считаются центральной частью коллективной жизни и иницируются гражданскими лидерами.¹¹

Третье измерение милитаризма, выделенное Киммерлингом, находится в сфере...*огнитив* Структурный и культурный милитаризм настолько глубоко укоренился в сознании, что стал общим состоянием ума. Именно на этом уровне милитаризм, не будучи осознанно осмысленным, разворачивается с особенно сильным эффектом. Он воспринимается как нечто само собой разумеющееся и больше не подвергается сомнению ни правящими, ни управляемыми. При наличии всех этих механизмов коллектив становится одержим войной как на институциональном (политика, армия, общество, экономика, промышленность и правовая система), так и на ментальном уровне. Подготовка к войне становится непрерывным социальным процессом. Следующее вооруженное столкновение кажется неизбежным. Войны и военные миссии превращаются в рутину.¹²

Этот последний аспект милитаризма Киммерлинг определяет как «гражданский милитаризм», и он использует это определение для обозначения Израиля. Он считает, что Израиль находится под глубоким влиянием

⁸Бен-Элиэзер 1994: 63. ⁹

Киммерлинг 1993А: 125. ¹⁰

Там же. 125–127.

¹¹Вагтс 1937.

¹²Киммерлинг 1993А: 127–128.

by it, with the pillars of Israeli militarism being no other than the civilian government, the academic, legal and economic elites, and not least, Israeli society itself.

The military does not have to stand at the center of political power to be influential. It suffices that military approaches, worldviews and mindsets are systematically internalized by most decision makers as well as the broad public, across all party affiliations and class identities. In “civilian militarism” the military is understood to be the warrantor of “national security,” in other words it guarantees the state’s existence. And as the guarantor of existence it nearly always is granted priority over all other areas of life. Kimmerling sees this precept as an organizational principle of Israeli polity.¹³

A good example of this is the eulogy that Chief of General Staff Moshe Dayan gave at the open grave of the soldier Ro’i Rotberg on April 30, 1956. The words he uttered on this occasion in the formative years of Jewish national statehood have sunk deep into the new society’s collective memory. The Israeli historian Idith Zertal (1945–) draws attention to the wide circulation of this text in Israeli media: “It had an immediate, stunning impact. The Israeli collective, the members of the young Israeli elites, saw themselves as represented and defined by this text, which had become the voice of a generation.”¹⁴ With this in mind, it is worthwhile quoting the speech in its entirety:

Yesterday morning Ro’i was murdered. The quiet of a spring morning blinded him, and he failed to see those who lurked in wait for him behind the furrow. Let us not, today, hurl accusations at the killers. Why should we complain at their fierce hatred of us? For eight years they have been dwelling in refugee camps in Gaza, and before their very eyes we are turning their land and the villages where they and their forefathers dwelt into our home.

It is not from the Arabs in Gaza, but among ourselves that we should seek Ro’i’s blood. How could we have failed to look our fate in the eye, to see the destiny of our generation in all its brutality? Have we forgotten that this group of young people, living in Nahal Oz, bear on their shoulders the heavy gates of Gaza, gates beyond which are crowded hundreds of thousands of eyes and hands, praying for our weakness, so as to tear us to pieces – have we forgotten this? For we know that, in order for their hope of annihilating us to die away, it is incumbent on us – morning and night – to be armed and ready. We are the generation of settlement, and without the steel helmet and the cannon’s mouth we cannot plant a tree nor build a house. There will be no life for our children if we do not dig shelters, and without barbed wire fences and machine guns we cannot pave roads nor drill for water. Millions of Jews, who were exterminated because they had no country, are watching us from the ashes of Israeli history and exhorting us to settle and to build up a land for our people.

¹³ Ibid.130.

¹⁴ Zertal 2005: 179–180.

В основе израильского милитаризма лежат не что иное, как гражданское правительство, академическая, юридическая и экономическая элита, и, что немаловажно, само израильское общество.

Военным не обязательно находиться в центре политической власти, чтобы быть влиятельными. Достаточно, чтобы военные подходы, мировоззрения и образ мышления систематически усваивались большинством лиц, принимающих решения, а также широкой общественностью, независимо от партийной принадлежности и классовой принадлежности. В «гражданском милитаризме» военные понимаются как гарант «национальной безопасности», другими словами, они гарантируют существование государства. И как гарант существования им почти всегда отдается приоритет над всеми другими сферами жизни. Киммерлинг рассматривает этот принцип как организационный принцип израильской политической системы.

Хорошим примером этого является речь, произнесенная начальником Генерального штаба Моше Даяном у открытой могилы солдата Рои Ротберга 30 апреля 1956 года. Слова, произнесенные им по этому случаю в годы становления еврейского национального государства, глубоко запечатались в коллективной памяти нового общества. Израильский историк Идит Зерталь (1945–) обращает внимание на широкое распространение этого текста в израильских СМИ: «Он оказал немедленное, ошеломляющее воздействие. Израильское общество, члены молодой израильской элиты, увидели себя представленными и определенными этим текстом, который стал голосом поколения».¹⁴ Учитывая это, стоит процитировать речь целиком:

Вчера утром Рои был убит. Тишина весеннего утра ослепила его, и он не заметил тех, кто поджидал его за бороздой. Давайте сегодня не будем обвинять убийц. Почему мы должны жаловаться на их яростную ненависть к нам? Восемь лет они живут в лагерях беженцев в Газе, и прямо у них на глазах мы превращаем их землю и деревни, где жили они и их предки, в свой дом.

Не от арабов в Газе, а среди нас самих мы должны искать крови Рои. Как мы могли не взглянуть в глаза своей судьбе, не увидеть судьбу нашего поколения во всей ее жестокости? Неужели мы забыли, что эта группа молодых людей, живущих в Нахаль-Оз, несет на своих плечах тяжелые ворота Газы, ворота, за которыми толпятся сотни тысяч глаз и рук, молящихся о нашей слабости, чтобы разорвать нас на куски, – неужели мы забыли об этом? Ибо мы знаем, что для того, чтобы их надежда на наше уничтожение угасла, мы обязаны – утром и вечером – быть вооруженными и готовыми. Мы – поколение поселений, и без стального шлема и жерла пушки мы не можем посадить дерево или построить дом. У наших детей не будет жизни, если мы не будем рыть убежища, и без колючей проволоки и пулеметов мы не можем прокладывать дороги или бурить скважины для воды. Миллионы евреев, истребленных за то, что у них не было своей страны, наблюдают за нами из пепла израильской истории и призывают нас заселить эти земли и создать землю для нашего народа.

¹³Там же, 130.

¹⁴Зерталь 2005: 179–180.

But beyond the furrows of the border surges a sea of hatred and dreams of vengeance, awaiting the day when the calm dulls our alertness, when we lend an ear to the ambassadors of scheming hypocrisy, who exhort us to lay down our arms. Ro'i's blood cries out to us from his mangled body. For we swore a thousand times that our blood would not be spilled in vain and yesterday we were beguiled once more, we listened and we believed. Let us conduct a reckoning with our selves today. Let us not shrink from seeing the enmity, which attends and fills the lives of hundreds of thousands of Arabs, who dwell around us and await the moment when they can spill our blood. Let us not lower our gaze lest our arm be weakened. This is the decree of our generation. This is our only choice – to be ready and armed, strong and hardy, for if the sword slips from our fists – our lives will be cut short.

Ro'i Rothberg, the lean blond youth, who left Tel Aviv to build a home at the gates of Gaza, to be a wall for us all; Ro'i – the light in his heart dazzled his eyes, and he did not see the glint of the knife. The yearning for peace dulled his hearing, and he did not hear the sound of lurking murder. The gates of Gaza weighed too heavily on him and undid him.¹⁵

Kimmerling discerns seven codes of Israeli society in this text: Firstly, the State of Israel is a settler and immigrant state and its existence in the region is neither secured nor can it be taken for granted. The second code reads that the “Arabs” – an undifferentiated and generalized category – hate “us.” Thirdly, Kimmerling gathers from this text a code by which the immutability of the situation is postulated. All is fate, and it is for Israeli society alone to secure its existence. Fourthly, this existence can only be secured “with the fist and the sword,” by which the necessity of war is implied. The fifth code, namely the dominance of security, follows from this inevitability. This in turn is, sixthly, connected to the perpetual mobilization of Israeli society. And, seventhly, Dayan also speaks of unavoidable “human sacrifices.”¹⁶

Critical voices in Israel have repeatedly put into question the constitutive power of these codes. Nonetheless, their defining influence in shaping the new society remains by and large uncontradicted to this day. Against this background the conflict with the Arab neighbors and the Palestinians stands as a given, unchangeable fact, with the negative attitude of the “new *Goyim*” towards the “Jews” being thought of as a constant that defies all historical developments.

The Arab rejection of Israel's existence is put in the same line as the Jewish experience of violence in Europe. And even as it is admitted that the Arab position is understandable given the new historic developments, the Arab-Israeli conflict still appears as nothing more than another version of anti-Semitism in the

¹⁵ Zertal 2005: 180–181; text quoted from Dayan.

¹⁶ Kimmerling 1993A: 123.

Но за бороздами границы бушует море ненависти и жажды мести, ожидая того дня, когда затишье притупит нашу бдительность, когда мы прислушаемся к послам коварного лицемерия, призывающим нас сложить оружие. Кровь Рои взывает к нам из его изувеченного тела. Ибо мы тысячу раз клялись, что наша кровь не будет пролита напрасно, и вчера нас снова обманули, мы слушали и верили. Давайте сегодня проведем расплату с самими собой. Давайте не будем уклоняться от вражды, которая сопровождает и наполняет жизни сотен тысяч арабов, живущих вокруг нас и ожидающих момента, когда они смогут пролить нашу кровь. Давайте не будем опускать взоры, чтобы наша рука не ослабела. Это указ нашего поколения. Это наш единственный выбор – быть готовыми и вооруженными, сильными и выносливыми, ибо если меч выскользнет из наших кулаков – наши жизни будут оборваны.

Рои Ротберг, худой светловолосый юноша, покинувший Тель-Авив, чтобы построить дом у ворот Газы, чтобы он стал стеной для всех нас; Рои – свет в его сердце ослеплял его глаза, и он не видел блеска ножа. Стремление к миру притупило его слух, и он не слышал звука подстерегающего убийства. Ворота Газы слишком тяжело давили на него и сломили его.¹⁵

Киммерлинг выделяет в этом тексте семь кодов израильского общества: во-первых, Государство Израиль — это государство поселенцев и иммигрантов, и его существование в регионе не гарантировано и не может считаться само собой разумеющимся. Второй код гласит, что «арабы» – недифференцированная и обобщенная категория – ненависть к «нам». Во-третьих, Киммерлинг извлекает из этого текста код, посредством которого постулируется неизменность ситуации. Все – судьба, и только израильское общество должно обеспечить свое существование. В-четвертых, это существование может быть обеспечено только «кулаком и мечом», что подразумевает необходимость войны. Пятый код, а именно доминирование безопасности, вытекает из этой неизбежности. Это, в свою очередь, в-шестых, связано с постоянной мобилизацией израильского общества. И, в-седьмых, Даян также говорит о неизбежных «человеческих жертвах».¹⁶

Критики в Израиле неоднократно ставили под сомнение конституирующую силу этих кодексов. Тем не менее, их определяющее влияние на формирование нового общества в значительной степени остается неоспоримым по сей день. На этом фоне конфликт с арабскими соседями и палестинцами воспринимается как данность и неизменный факт, с негативным отношением со стороны «нового общества». *Голив* в отношении того, чтобы «евреи» воспринимались как нечто неизменное, неподвластное никаким историческим событиям.

Отрицание арабами существования Израиля рассматривается в том же ключе, что и еврейский опыт насилия в Европе. И даже несмотря на признание того, что позиция арабов понятна в свете новых исторических событий, арабо-израильский конфликт по-прежнему представляется не чем иным, как еще одной формой антисемитизма.

¹⁵Зертал 2005: 180–181; текст цитируется из Даяна.

¹⁶Киммерлинг 1993А: 123.

Jewish-Israeli awareness. But this also serves to dehistoricize and depoliticize the conflict, rendering its concrete subject matter all but irrelevant.

Soon this notion of an “eternal” conflict solidified, and social institutions prepared to face a long-term confrontation. Therefore, Kimmerling speaks of a routinization of war, in the course of which Israeli society improved its ability to mobilize from one war to the next. This goes on to the point where war finally permeates the entire day-to-day reality, while it can still be conveniently pushed aside in “times of peace.” In this way, the conflict becomes a constant and constitutive factor of the Israeli order and thus of Israeli awareness. The boundaries between politics and military are dissolved, and as a general rule politics bows to the military, the ultimate argument of national security. This submission in turn serves a particular kind of security policy that perpetuates its own monopoly by blurring the dividing lines between war and peace, civil society and military.¹⁷

The genesis of Israeli security policy is explained by the Israeli political scientist Reuven Pedezur (1948–): In the founding years of the state between 1949 and 1956, leading political personalities have formulated a security doctrine and developed a distinct security culture. In all of this, Prime Minister and Minister of Defense David Ben-Gurion had a key role. In his unique party-political position as the father of the nation, he laid the foundation for a national security policy. He did this by excluding the members of his party from this decision process, so that *de facto* he obtained unlimited freedom for himself and the security establishment in the shaping of security policy.

Ben-Gurion asserted himself within the ruling *Mapai* party in that he separated the complex of “security” from other “political” matters. In this way, he laid the tracks toward a political culture in which security was no longer the concern of party and government, but rather of the Ministry of Defense and the military.¹⁸ As a consequence of this division between security and politics, a small group of politicians and members of the military were able to push through an “offensive ethos” under the protective hand of Ben-Gurion. As a proponent of the “defensive ethos,” Moshe Sharett (foreign minister from 1949 to 1956, and prime minister from 1953 to 1955) struggled in vain against the hardliners in the security establishment.¹⁹ The Israeli historian Motti Golani (1954–) thinks of the 1950s as a crucial period for the history of Israeli militarism. It was in the 1950s and 1960s

¹⁷ Ibid. 131.

¹⁸ Pedezur 2003: 88–89.

¹⁹ Sheffer 1995; Amar-Dahl 2003.

Осведомленность о еврейско-израильских отношениях. Но это также способствует деисторизации и деполитизации конфликта, делая его конкретную тематику практически неактуальной.

Вскоре это представление о «вечном» конфликте укрепились, и социальные институты подготовились к длительному противостоянию. Поэтому Киммерлинг говорит о рутинизации войны, в ходе которой израильское общество улучшило свою способность мобилизоваться от одной войны к другой. Это продолжается до тех пор, пока война, наконец, не проникает во всю повседневную реальность, в то время как ее все еще можно удобно отложить в «мирное время». Таким образом, конфликт становится постоянным и конституирующим фактором израильского порядка и, следовательно, израильского самосознания. Границы между политикой и военным размываются, и, как правило, политика склоняется перед военным, высшим аргументом национальной безопасности. Это подчинение, в свою очередь, служит особому типу политики безопасности, которая увековечивает свою собственную монополию, размывая разделительные линии между войной и миром, гражданским обществом и военными.¹⁷

Истоки израильской политики безопасности объясняет израильский политолог Реувен Педезур (1948–): В годы основания государства, с 1949 по 1956 год, ведущие политические деятели сформулировали доктрину безопасности и развили особую культуру безопасности. Во всем этом ключевую роль сыграл премьер-министр и министр обороны Давид Бен-Гурион. В своем уникальном партийно-политическом положении отца нации он заложил основу национальной политики безопасности. Он сделал это, исключив членов своей партии из процесса принятия решений, чтобы *де-факто* Он добился для себя и для силовых структур неограниченной свободы в формировании политики безопасности.

Бен-Гурион проявил себя в рамках судебного процесса. *Мапай* Партия в том смысле, что он отделил комплекс «безопасности» от других «политических» вопросов. Таким образом, он проложил путь к политической культуре, в которой безопасность перестала быть заботой партии и правительства, а стала прерогативой Министерства обороны и армии.¹⁸ В результате этого разделения между безопасностью и политикой небольшая группа политиков и военных смогла продвинуть «наступательную идеологию» под защитой Бен-Гуриона. Будучи сторонником «оборонительной идеологии», Моше Шаретт (министр иностранных дел с 1949 по 1956 год и премьер-министр с 1953 по 1955 год) тщетно боролся против сторонников жесткой линии в силовых структурах.¹⁹ Израильский историк Мотти Голани (1954–) считает 1950-е годы решающим периодом в истории израильского милитаризма. Именно в 1950-х и 1960-х годах

¹⁷ Там же, 131.

¹⁸ Педезур 2003: 88–89. ¹⁹

Шеффер 1995; Амар-Даль 2003.

that the “offensive stance” that had emerged in the 1930s and finally taken on an aggressive dimension in the subsequent decade was ultimately cemented.²⁰

Let us now investigate further the connection between the establishment of the Jewish state and Israel's war policy by trying to answer the question as to which role the use of national-state violence plays in the realization and protection of the Zionist project, and as to what exactly the Israeli security doctrine entails. Why does war appear to be a permanent companion of its politics and history? And which social constellation facilitates the perpetual use of military violence? Does Zionist Israel have to be a modern Sparta to survive?

The Sinai-Suez Campaign of 1956

The Sinai-Suez Campaign is considered the climax of the so-called “little border wars” that were fought after the war of 1948 between Israel and its Arab neighbor states, or between Israel and the Palestinian refugees²¹, as the Israeli leadership and army opposed the attempts of the Palestinian refugees to return to their homes and properties in the core country of Israel. During its first years Israel developed defense strategies in reaction to the Palestinians' attempts to return, which they referred to as “infiltration.” These tactics comprised measures such as the founding of Jewish settlements at the borders, the deployment of a border protection police, and even the expulsion or killing of the “intruders.”²²

In addition, an offensive form of military response was established: the policy of retaliation. This practice dates back to the 1930s, when already the *Haganah* (“defense” in Hebrew), a paramilitary Jewish organization controlled by the Jewish Agency, reacted to Arab raids with violence. It did not only target the actual perpetrators, but also their families and tribes for the purpose of determent. After the establishment of the state, the political leadership carried on with the retaliation policy but did not officially admit to it until 1953. The military operation in Qibya in October 1953, in which the Israeli army killed sixty-nine Palestinian civilians in a Jordanian village in the West Bank, is a well-known example of the public denial of such measures by then Prime Minister David Ben-Gurion.²³

²⁰ Golani 2002: 97.

²¹ Morris 1996: 458–459.

²² Ibid. 129–198.

²³ Ibid. 199, 203. On the cooperation of the Israeli press with the government as it rejects responsibility for Qibya, see Morris 2000: 175–197.

что «наступательная позиция», сформировавшаяся в 1930-х годах и в конечном итоге приобретающая агрессивный характер в последующее десятилетие, в конечном счете закрепились.²⁰

Давайте теперь подробнее рассмотрим связь между созданием еврейского государства и военной политикой Израиля, попытаюсь ответить на вопрос о том, какую роль играет использование насилия со стороны национального государства в реализации и защите сионистского проекта, и что именно подразумевает израильская доктрина безопасности. Почему война, кажется, является постоянным спутником его политики и истории? И какая социальная структура способствует постоянному применению военного насилия? Должен ли сионистский Израиль быть современной Спартой, чтобы выжить?

Синайско-Суэцкая кампания 1956 года

Синайско-Суэцкая кампания считается кульминацией так называемых «малых пограничных войн», которые велись после войны 1948 года между Израилем и его арабскими соседними государствами, или между Израилем и палестинскими беженцами²¹, поскольку израильское руководство и армия противодействовали попыткам палестинских беженцев вернуться в свои дома и на свою собственность в центральной части Израиля. В первые годы своего существования Израиль разработал оборонительные стратегии в ответ на попытки палестинцев вернуться, которые они называли «инфильтрацией». Эта тактика включала такие меры, как создание еврейских поселений на границах, развертывание пограничной полиции и даже высылка или убийство «нарушителей». ²²

Кроме того, была установлена наступательная форма военного ответа: политика возмездия. Эта практика восходит к 1930-м годам, когда уже тогда... *Хагана* («Еврейская военизированная организация» (на иврите «оборона»), контролируемая Еврейским агентством, реагировала на арабские набеги насилием. Она преследовала не только непосредственных исполнителей, но и их семьи и племена в целях сдерживания. После создания государства политическое руководство продолжало политику возмездия, но официально не признавало её до 1953 года. Военная операция в Кибье в октябре 1953 года, в ходе которой израильская армия убила шестьдесят девять палестинских мирных жителей в иорданской деревне на Западном берегу, является известным примером публичного отрицания подобных мер тогдашним премьер-министром Давидом Бен-Гурионом.

²⁰Голани 2002: 97. **21**

Моррис 1996: 458–459. **22**

Там же. 129–198.

²³Там же, стр. 199, 203. О сотрудничестве израильской прессы с правительством, которое отрицает свою ответственность за Кибью, см. Моррис 2000: 175–197.

Revenge was an important motive of this retaliation policy, but so was the wish to demonstrate military strength as a defensive strategy. The excessive retaliatory strikes served the purpose of deterring the Arab neighbor states and the Palestinians from attacking Israel. Another thing Ben-Gurion and his Chief of General Staff Moshe Dayan had in mind was to make the Arab World recognize Israel's strength and therefore accept its existence in the borders of 1949.

National statehood was associated with military strength and ultimately made dependent on it. After all, the new state territory – seventy-eight percent of Palestine – still remained to be secured. Already in the 1950s, the so-called “activist stance” – in other words the tough military course – became the dominant approach, not least because it was deemed indispensable for the desired security. Very soon this activist stance came to constitute a central tenet of the Israeli security doctrine. Moreover, the retaliation policy also had a domestic political aspect. According to the Israeli historian Benny Morris (1948–) it created a permanent state of emergency, which strengthened the ruling *Mapai* party. Besides, actively fighting was a suitable way to bind together the young society of immigrants.²⁴

This retaliation policy of the 1950s unsettled the Arab neighbor states, infringed on their territorial sovereignty and made them look powerless. At a certain point, the ongoing Arab-Palestinian acts of violence against Israelis and the Israeli military attacks crossed the line into a conventional war. Having originally been directed solely against the Palestinians who were attempting to return, the retaliation practice led to an expansion of the conflict when it was increasingly aimed at the responsible Palestinians and also more against the Arab neighbor states.

Another reason why the Israeli-Palestinian and the Arab-Israeli conflict blended into each other was Israel's rejection of its responsibility for the Palestinian refugees, instead shifting it onto the states that took them in, i.e., Egypt, Syria, Jordan and Lebanon. The intertwining of the two conflicts had further consequences. In 1955, the devastating escalation of violence at Israel's southern border brought the Palestinian combat units onto the scene against Israel.

Especially after the heavy attacks of the Israeli army in February and August of 1955 in the Gaza Strip, Egypt's President Nasser deployed the “Fedayeen” (Arabic for “liberation units”) – who had opposed the British in 1952 and 1953 at the Suez Canal – against Israel. Despite their military inferiority, they inflicted heavy losses on the Israelis and scared the settlers on Israel's southern border. In

²⁴ Morris 1996: 199, 206–208, 447; Landau 2015: 35.

Месть была важным мотивом этой политики возмездия, но не менее важным было и желание продемонстрировать военную мощь в качестве оборонительной стратегии. Чрезмерные ответные удары служили цели сдерживания арабских соседних государств и палестинцев от нападения на Израиль. Еще одной целью Бен-Гуриона и его начальника Генерального штаба Моше Даяна было заставить арабский мир признать силу Израиля и, следовательно, принять его существование в границах 1949 года.

Национальная государственность ассоциировалась с военной мощью и в конечном итоге становилась зависимой от неё. В конце концов, новая государственная территория — семьдесят восемь процентов Палестины — ещё не была обеспечена. Уже в 1950-х годах так называемая «активистская позиция» — другими словами, жёсткий военный курс — стала доминирующим подходом, не в последнюю очередь потому, что она считалась необходимой для достижения желаемой безопасности. Очень скоро эта активистская позиция стала центральным принципом израильской доктрины безопасности. Более того, политика ответных мер имела и внутриполитический аспект. По словам израильского историка Бенни Морриса (1948–), она создала постоянное чрезвычайное положение, которое укрепило правление. *Мапай* тартия. Кроме того, активная борьба была подходящим способом сплотить молодое общество иммигрантов.²⁴

Эта политика ответных мер 1950-х годов дестабилизировала соседние арабские государства, посягнула на их территориальный суверенитет и показала их бессилие. В определенный момент продолжающиеся акты насилия арабо-палестинской стороны против израильтян и израильские военные атаки перешли грань и превратились в обычную войну. Первоначально направленная исключительно против палестинцев, пытавшихся вернуться, практика ответных мер привела к расширению конфликта, когда она все больше стала направлена против ответственных палестинцев, а также в большей степени против соседних арабских государств.

Еще одной причиной слияния израильско-палестинского и арабо-израильского конфликтов стало то, что Израиль отказался от своей ответственности за палестинских беженцев, переложив ее на государства, принявшие их, а именно Египет, Сирию, Иорданию и Ливан. Переплетение двух конфликтов имело и другие последствия. В 1955 году разрушительная эскалация насилия на южной границе Израиля привела к появлению палестинских боевых частей, противостоящих Израилю.

Особенно после массированных атак израильской армии в феврале и августе 1955 года в секторе Газа, президент Египта Насер направил против Израиля «федаинов» (араб. «освободительные отряды»), которые противостояли британцам в 1952 и 1953 годах у Суэцкого канала. Несмотря на свою военную неполноценность, они нанесли израильтянам тяжелые потери и напугали поселенцев на южной границе Израиля.

²⁴Моррис 1996: 199, 206–208, 447; Ландау 2015: 35.

late 1956, a crackdown on the Fedayeen was announced as a war objective in the conflict with Egypt.²⁵

The role of the retaliation policy in the eruptions of violence in the years 1955 and 1956, particularly in the Suez War in October 1956, is assessed differently in historical research. Benny Morris regards the numerous skirmishes at the border and the conflicts between Israel and its neighbor states, especially Egypt and Jordan, in these years as an important escalation factor that ultimately led to war. One of the reasons brought forward by the Israeli leadership as justification for the first preemptive war, was the goal of eliminating Fedayeen strongholds on the Sinai Peninsula. The Israeli army finally succeeded in seizing the Gaza Strip and the Sinai Peninsula and in destroying these bases in the Sinai-Suez War.²⁶

In contrast, the Israeli historian David Tal argues that the French-British-Israeli cooperation against Egypt in October 1956 was based on the Israeli-French alliance: In return for the military-strategic alliance with France that was still in the process of being carved out and was considered a matter of existential importance, Israel was expected to render a counterperformance. And that it did by getting involved in a risky armed encounter with Egypt, hoping to get an angle against Egypt at optimal conditions.²⁷

Tal turns against the commonly held research opinion that there is a close connection between the border wars and the Sinai-Suez War²⁸, whereby the latter is made to look like a “self-defense encounter” as well. He thinks of the situation at the borders as more of a local issue, with both Israel and Egypt being averse to a conventional war. Accordingly, Tal rules out a direct relationship between the border wars and the Sinai-Suez War.²⁹

Motti Golani assumes a loose connection between the border wars and the Sinai Campaign. He thinks that Israel was “in search of a war” in the years 1955 and 1956. In stating this, Golani mainly refers to Moshe Dayan, the political chief of general staff of the Israeli army, who he says explicitly sought war and instrumentalized the retaliation and escalation policy of the 1950s for that purpose.³⁰

In his 1992 book about Israeli foreign policy in the years 1955 to 1957, Dayan's then secretary Mordechai Bar-On (1928–) lists the following motivations for the war: One of the decisive aspects was the desire to defeat the Egyptian army, and

²⁵ Ibid. 446, 459, 372–376.

²⁶ Ibid. 382–436.

²⁷ Tal 2001: 1.

²⁸ Tal is referring to Bar-On 1992; Love 1969; Oren 1992, Morris 1996.

²⁹ Tal 2001: 2.

³⁰ Golani 1998: viii– ix.

В конце 1956 года подавление деятельности федаинов было объявлено одной из целей войны в конфликте с Египтом.²⁵

Роль политики ответных мер в вспышках насилия в 1955 и 1956 годах, особенно в Суэцкой войне в октябре 1956 года, оценивается в исторических исследованиях по-разному. Бенни Моррис рассматривает многочисленные стычки на границе и конфликты между Израилем и его соседними государствами, особенно Египтом и Иорданией, в эти годы как важный фактор эскалации, который в конечном итоге привел к войне. Одной из причин, выдвинутых израильским руководством в качестве оправдания первой превентивной войны, была цель ликвидации опорных пунктов федаинов на Синайском полуострове. Израильской армии в конечном итоге удалось захватить сектор Газа и Синайский полуостров и уничтожить эти базы в ходе Синайско-Суэцкой войны.²⁶

Напротив, израильский историк Давид Таль утверждает, что франко-британско-израильское сотрудничество против Египта в октябре 1956 года основывалось на израильско-французском союзе: в обмен на военно-стратегический союз с Францией, который еще формировался и считался вопросом экзистенциальной важности, от Израиля ожидалось ответное действие. И он его выполнил, вступив в рискованное вооруженное столкновение с Египтом, надеясь получить преимущество над Египтом в оптимальных условиях.²⁷

Таль опровергает распространенное среди исследователей мнение о тесной связи между пограничными войнами и Синайско-Суэцкой войной²⁸, согласно которому последняя также представляется как «столкновение в целях самообороны». Он рассматривает ситуацию на границах скорее как локальную проблему, поскольку и Израиль, и Египет противятся обычной войне. Соответственно, Таль исключает прямую связь между пограничными войнами и Синайско-Суэцкой войной.²⁹

Мотти Голани предполагает наличие слабой связи между пограничными войнами и Синайской кампанией. Он считает, что Израиль «искал войну» в 1955 и 1956 годах. В этом утверждении Голани в основном ссылается на Моше Даяна, политического начальника генерального штаба израильской армии, который, по его словам, открыто стремился к войне и использовал политику ответных мер и эскалации 1950-х годов для достижения этой цели.³⁰

В своей книге 1992 года об израильской внешней политике в 1955-1957 годах тогдашний секретарь Даяна Мордехай Бар-Он (1928-) перечисляет следующие мотивы войны: одним из решающих аспектов было желание разгромить египетскую армию, и

²⁵Там же, стр. 446, 459, 372-376. ²⁶

Там же, стр. 382-436.

²⁷Тал 2001: 1.

²⁸Тал имеет в виду работы Бар-Он 1992 года, Лава 1969 года, Орена 1992 года и Морриса 1996 года. ²⁹Тал 2001: 2.

³⁰Голани 1998: viii- ix.

by using this argument Ben-Gurion was able to get the government to consent to the war. Bar-On goes on to outline the security-political concept of the hardliners, namely that the demonstration of military dominance over a leading Arab state could create a sufficient degree of determent so that other potential enemies would be discouraged from taking up arms against Israel.

From that time on, determent has been a cornerstone of Israel's concept of security. Military passivity is deemed a long-term danger for the existence of the state. Weakness equals vulnerability. In "activistic" policy, war became a "part of the defense strategy." Military strength was to be demonstrated, not least in order to "make it clear to the enemy that by attacking Israel they put themselves in danger." Bar-On is convinced that the armed encounter of 1956 considerably strengthened Israeli deterrence power, and thus made the quiet years at the southern Israeli border from 1957 to 1967 possible in the first place.³¹

But the doctrine of determent involved two problems. For one thing, the "demonstration of strength" always entails the danger of escalation, which is exactly what it originally tried to avoid. Even if Israel is militarily superior, a military reaction by the other state still cannot be excluded. This can be clearly seen in the history of border wars, and indeed Ben-Gurion's qualms in the run-up to the war decision were grounded in his fear of such a counterstrike. The term "pre-emptive war" reflects this problem: It follows the logic that in order to prevent an attack from the outside, one has to start a war oneself. However – and this is the second problem – Israel could not yet boast clear military superiority in 1956, which is why Ben-Gurion dared to go to war only with the support of two European powers. It is not by its own means that Israel achieved the 1956 military victory.³²

Regional War in Exchange for an Alliance with France

So why did Israel enter into the Sinai-Suez War? In those years, Israel was trying to obtain weapons from the Western Powers. Armament and purchase of weapons were an important factor in the cooperation with the West up to the Sinai-Suez Campaign. In the early 1950s, the USA, Great Britain and France officially met the corresponding Israeli endeavors with some skepticism because they did not want to freely supply the region with weapons. Secretly, these powers founded

³¹ Bar-On 1992: 378.

³² Ibid. 378–379.

Используя этот аргумент, Бен-Гурион смог добиться согласия правительства на войну. Бар-Он далее излагает концепцию безопасности и политики, лежащую в основе жесткой линии, а именно, что демонстрация военного превосходства над ведущим арабским государством может создать достаточную степень сдерживания, чтобы другие потенциальные враги были отговорены от вооруженного противостояния Израилю.

С тех пор сдерживание стало краеугольным камнем израильской концепции безопасности. Военная пассивность рассматривается как долгосрочная угроза существованию государства. Слабость равна уязвимости. В «активистской» политике война стала «частью оборонительной стратегии». Военная сила должна была демонстрироваться, не в последнюю очередь для того, чтобы «дать понять врагу, что, нападая на Израиль, он подвергает себя опасности». Бар-Он убежден, что вооруженное столкновение 1956 года значительно укрепило сдерживающую силу Израиля и, таким образом, сделало возможными спокойные годы на южной израильской границе с 1957 по 1967 год.³¹

Однако доктрина сдерживания содержала две проблемы. Во-первых, «демонстрация силы» всегда влечет за собой опасность эскалации, чего она изначально и пыталась избежать. Даже если Израиль обладает военным превосходством, военную реакцию со стороны другого государства все равно нельзя исключить. Это ясно видно в истории пограничных войн, и действительно, опасения Бен-Гуриона перед принятием решения о войне были основаны на его страхе перед таким контрнаступлением. Термин «превентивная война» отражает эту проблему: он следует логике, согласно которой для предотвращения нападения извне необходимо начать войну самому. Однако – и это вторая проблема – Израиль в 1956 году еще не мог похвастаться явным военным превосходством, поэтому Бен-Гурион осмелился начать войну только при поддержке двух европейских держав. Израиль добился военной победы в 1956 году не своими силами.³²

Региональная война в обмен на союз с Францией

Так почему же Израиль вступил в Синайско-Суэцкую войну? В те годы Израиль пытался получить оружие от западных держав. Вооружение и закупка оружия были важным фактором сотрудничества с Западом вплоть до Синайско-Суэцкой кампании. В начале 1950-х годов США, Великобритания и Франция официально отнеслись к соответствующим израильским усилиям с некоторым скептицизмом, поскольку не хотели свободно поставлять оружие в регион. Тайно эти державы основали

³¹Бар-Он 1992: 378. ³²

Там же, стр. 378–379.

the “Near East Arms Coordinating Committee” (NEACC) to regulate the purchase of arms.³³

As for the United States, they responded only reluctantly to Israeli attempts to buy weapons. US Foreign Minister John Foster Dulles (1888–1959) was willing to supply Israel with weapons only for defense purposes, directly or via a third party, i.e., Canada, France or Great Britain.³⁴ Moreover, he was determined to make the supplies dependent on Israel's border policy and its cooperation with the UNTSO (“UN Truce Supervision Organization”), which was responsible for the observance of the ceasefire agreement, among other things.

The Egyptian-Czech arms treaty that became public on September 27, 1955, threw the Israeli leadership into a newly menacing situation. For Dayan, this supply agreement seemed to provide the occasion for the war against Egypt. He pressed the matter with Ben-Gurion, and the latter, though turning down the war option at this time, decided for an armament of the army.³⁵

However, Israeli attempts to purchase weapons through the USA and Great Britain failed. Only in France, in talks with the French Prime Minister Edgar Faure (1908–1988), did the still Prime Minister and Foreign Minister Moshe Sharett succeed in laying the foundations of the large arms deal of June 1956 that would ultimately be concluded under the direction of Peres.³⁶ For it was Peres who was commissioned by Ben-Gurion to carry on the negotiations with France, following the political disempowerment of Sharett in early June 1956.

Peres had developed his expertise in the purchase of weapons during his stay in the USA from 1949 to 1952, at the time of the American arms embargo against Israel. All arms deals had to be concluded illegally and in roundabout ways.³⁷ Peres commented on the embargo: “The embargo of the great powers was not lifted. The independent, sovereign State of Israel has to buy its weapons through dealers, bring them to her territory by clandestine ways, and keep their very existence in utmost secrecy.”³⁸

Peres had already tried his luck in France in early 1954, taking advantage of political instability in the Fourth Republic (1944–1958) to gain access to particular individuals in the military and political leadership. He gradually convinced Ben-Gurion to begin negotiations with France regardless of the American arms

³³ Kafkafi 1994: 17.

³⁴ Ibid. 18.

³⁵ Tal 2001: 7–8.

³⁶ Ibid. 8.

³⁷ Bar-Zohar 2006: 114–115.

³⁸ Bar-Zohar 2007: 105.

«Комитет по координации вооружений Ближнего Востока» (ККБВ) регулирует закупки вооружений.³³

Что касается Соединенных Штатов, то они лишь неохотно реагировали на попытки Израиля закупить оружие. Министр иностранных дел США Джон Фостер Даллес (1888–1959) был готов поставлять Израилю оружие только в оборонных целях, напрямую или через третью сторону, то есть Канаду, Францию или Великобританию.³⁴ Более того, он был полон решимости сделать поставки зависимыми от пограничной политики Израиля и его сотрудничества с Организацией ООН по наблюдению за перемирием (UNTSO), которая, помимо прочего, отвечала за соблюдение соглашения о прекращении огня.

Египетско-чешский договор о поставках вооружений, обнародованный 27 сентября 1955 года, поставил израильское руководство в новое, угрожающее положение. Для Даяна это соглашение о поставках, казалось, стало поводом для войны против Египта. Он настаивал на этом вопросе перед Бен-Гурионом, и последний, хотя и отказался от варианта войны в тот момент, решил вооружить армию.³⁵

Однако попытки Израиля приобрести оружие через США и Великобританию потерпели неудачу. Только во Франции, в ходе переговоров с премьер-министром Эдгаром Фором (1908–1988), тогдашнему премьер-министру и министру иностранных дел Моше Шаретту удалось заложить основы крупной сделки по поставкам оружия в июне 1956 года, которая в конечном итоге была заключена под руководством Переса.³⁶ Именно Пересу Бен-Гурион поручил продолжить переговоры с Францией после политического отстранения Шаретта от власти в начале июня 1956 года.

Перес приобрел опыт в закупке оружия во время своего пребывания в США с 1949 по 1952 год, в период американского эмбарго на поставки оружия Израилю. Все сделки с оружием приходилось заключать незаконно и окольными путями.³⁷ Перес так прокомментировал эмбарго: «Эмбарго великих держав не было снято. Независимое, суверенное государство Израиль вынуждено закупать оружие через торговцев, доставлять его на свою территорию тайными путями и хранить само его существование в строжайшей секретности».³⁸

Перес уже пытался попытать счастья во Франции в начале 1954 года, воспользовавшись политической нестабильностью в Четвертой республике (1944–1958), чтобы получить доступ к определенным лицам в военном и политическом руководстве. Он постепенно убедил Бен-Гуриона начать переговоры с Францией, несмотря на американское вооружение.

³³Кафкафи 1994: 17.

³⁴Там же. 18.

³⁵Тал 2001: 7–8. ³⁶

Там же, 8.

³⁷Бар-Зохар 2006: 114–115.

³⁸Бар-Зохар 2007: 105.

embargo.³⁹ As Ben-Gurion's personal confidant, Peres succeeded in taking up contact with the new socialist government under Guy Mollet (1905–1975), and in particular with Minister of Defense Maurice Bourgès-Maunoury (1914–1993), the leader of the *Parti radical*.

All this took place to the exclusion of the Israeli Foreign Ministry. Bourgès-Maunoury's primary interest was in securing Algeria for France and crushing the local independence movement ("Front de Libération Nationale" FLN). Egyptian President Nasser was considered a supporter of the FLN, so his disempowerment would certainly have been in the interests of France as well. Having this common enemy, France and Israel now moved closer together. Already in March 1956, talks between representatives of the two ministries of defense took place with the goal of planning a joint action against Nasser. Both respective foreign ministries were excluded from this as well.⁴⁰

The negotiations with France about the acquisition of weapons also created tensions between the Israeli Foreign Ministry and the Ministry of Defense. The two heads of these ministries, Ben-Gurion and Sharett, disagreed on core questions of security policy. Their opinions diverged especially when it came to the foreign-political significance of the retaliation policy, because the responsible people in the Ministry of Defense wanted to be able to decide independently on any purchasing of weapons abroad.

In a special session on April 10, 1956, Ben-Gurion won through and transferred responsibility for the procurement of weapons from the Foreign Ministry to the Ministry of Defense. Peres got the green light for the unofficial acquisition of weapons. In the same session, he hinted at the possibility of cooperating with France in order to satisfy Israel's armament needs: "The main question now is how to make the French believe that we are ready to act together with them. [...] We must take dramatic steps, to make France understand that we are ready to engage in far-reaching cooperation. [...] I propose finding an unconventional way to negotiate with the French, and make them offers that they would consider as real accomplishments."⁴¹

What Peres is alluding to here in coded language is the Israeli-French cooperation basis for the next months, namely an alliance in exchange for war. Foreign Minister Sharett would not have supported such an agreement. In fact, he most probably would have done everything in his power to prevent it. In order to preempt the possibility of any resistance from Sharett's side, he first had to be

³⁹ Bar-Zohar 2006: 159–163.

⁴⁰ Ibid. 177.

⁴¹ Bar-Zohar 2007: 124.

эмбарго.³⁹ Будучи личным доверенным лицом Бен-Гуриона, Перес сумел наладить контакты с новым социалистическим правительством под руководством Ги Молле (1905–1975), и в частности с министром обороны Морисом Бурже-Монури (1914–1993), лидером *Части радикал*.

Всё это происходило в обход израильского Министерства иностранных дел. Главным интересом Бурже-Монури было обеспечение независимости Алжира для Франции и подавление местного движения за независимость («Фронт национального освобождения» ФНО). Египетский президент Насер считался сторонником ФНО, поэтому его лишение власти, безусловно, отвечало бы интересам и Франции. Имея этого общего врага, Франция и Израиль сблизились. Уже в марте 1956 года состоялись переговоры между представителями двух министерств обороны с целью планирования совместных действий против Насера. Оба министерства иностранных дел также были исключены из этого процесса.⁴⁰

Переговоры с Францией о закупке оружия также создали напряженность между Министерством иностранных дел Израиля и Министерством обороны. Главы этих министерств, Бен-Гурион и Шаретт, расходились во мнениях по ключевым вопросам политики безопасности. Их взгляды расходились особенно в отношении внешнеполитического значения ответных мер, поскольку ответственные лица в Министерстве обороны хотели иметь возможность самостоятельно принимать решения о любых закупках оружия за рубежом.

На специальном заседании 10 апреля 1956 года Бен-Гурион добился своего и передал ответственность за закупку оружия от Министерства иностранных дел Министерству обороны. Перес получил зеленый свет на неофициальную закупку оружия. На том же заседании он намекнул на возможность сотрудничества с Францией для удовлетворения потребностей Израиля в вооружениях: «Главный вопрос сейчас в том, как убедить французов в том, что мы готовы действовать вместе с ними. [...] Мы должны предпринять решительные шаги, чтобы Франция поняла, что мы готовы к далеко идущему сотрудничеству. [...] Я предлагаю найти нетрадиционный способ вести переговоры с французами и сделать им предложения, которые они сочтут реальными достижениями».⁴¹

Здесь Перес завуалированно намекает на основу израильско-французского сотрудничества на ближайшие месяцы, а именно на союз в обмен на войну. Министр иностранных дел Шаретт не поддержал бы такое соглашение. Более того, он, скорее всего, сделал бы все возможное, чтобы предотвратить его. Чтобы предотвратить любое сопротивление со стороны Шаретта, ему сначала нужно было...

³⁹Бар-Зохар 2006: 159–163. **40**

Там же, 177.

⁴¹Бар-Зохар 2007: 124.

shut out from the negotiations with France and later, before the planned war, he had also to be deprived of power.

As early as mid-April 1956, Peres was unofficially acting in Paris against the Egyptian president in the interests of the Guy Mollet government. The French Ministry of Defense signaled to Peres that it sought to win Israel's military cooperation for the fight against Nasser. Peres passed this information on to Ben-Gurion on May 31, 1956. Ten days later the latter authorized negotiations with France about working together, which could also include armed clashes as long as responsibility for it would be shared with Israel.⁴²

On June 23 and 24, 1956, an Israeli delegation under Peres met with high-ranking representatives of the French government in a top-secret conference in Vermars and concluded agreements about extensive arms supplies to Israel. While the French side sanctioned the entire Israeli purchase list – 200 AMX tanks and 72 Mystère IV fighter jets valued at eighty million US dollars⁴³ – what was expected in return was a supply of intelligence concerning Egyptian support of the Algerian rebels, as well as the execution of secret operations against Egypt and other forces involved in the Algerian War.⁴⁴

In the run-up to the Sinai-Suez War, Dayan and Peres were looking for arguments that would provide a basis for a war against Egypt and that could also win over Ben-Gurion for it.⁴⁵ As of late 1955, the Chief of General Staff explicitly spoke of a preemptive war. After Nasser nationalized the Suez Canal on July 26, 1956 as a reaction to the USA withdrawing aid for the construction of the Aswan Dam, Dayan once again proposed an offensive. But Ben-Gurion still objected to a war without any foreign support for Israel.

Thanks to Peres' mediation, this assistance was now shifting tantalizingly close. Following the nationalization of the Suez Canal, the responsible people on the French side were increasingly eager to unseat Nasser. They found an ally in Great Britain, where Nasser's actions were also meeting with vehement criticism, and saw Israel as another convenient partner in the fight against him. It was France who finally took the initiative to open negotiations about a military pact between the three states.

In August 1956, Peres met with his French colleague Abel Thomas, *Directeur Général* in the French Ministry of Defense, who informed him that the Brits

⁴² Tal 2001: 8.

⁴³ According to Bar-Zohar, it amounts to a total of 20 percent of Israel's entire budget. Cf. Bar-Zohar 2006: 189.

⁴⁴ Tal 2001: 9.

⁴⁵ Golani 1998: viii-ix.

Его отстранили от переговоров с Францией, а позже, перед запланированной войной, пришлось лишиться и власти.

Уже в середине апреля 1956 года Перес неофициально действовал в Париже против египетского президента в интересах правительства Ги Молле. Министерство обороны Франции дало Пересу понять, что стремится заручиться военным сотрудничеством Израиля в борьбе против Насера. Перес передал эту информацию Бен-Гуриону 31 мая 1956 года. Десять дней спустя последний санкционировал переговоры с Францией о совместной работе, которая могла также включать вооруженные столкновения, при условии, что ответственность за них будет разделена с Израилем.⁴²

23 и 24 июня 1956 года израильская делегация под руководством Переса встретила с высокопоставленными представителями французского правительства на совершенно секретной конференции в Вермаре и заключила соглашения о масштабных поставках оружия Израилю. Хотя французская сторона одобрила весь список закупок Израиля – 200 танков AMX и 72 истребителя Mystère IV общей стоимостью восемьдесят миллионов долларов США⁴³ – взамен ожидалось предоставление разведывательной информации о поддержке Египтом алжирских повстанцев, а также проведение секретных операций против Египта и других сил, участвовавших в Алжирской войне.⁴⁴

В преддверии Синайско-Суэцкой войны Даян и Перес искали аргументы, которые могли бы послужить основанием для войны против Египта и которые также могли бы склонить на её сторону Бен-Гуриона.⁴⁵ К концу 1955 года начальник Генерального штаба прямо говорил о превентивной войне. После того как Насер национализировал Суэцкий канал 26 июля 1956 года в ответ на прекращение США помощи в строительстве Асуанской плотины, Даян вновь предложил наступление. Но Бен-Гурион по-прежнему возражал против войны без какой-либо иностранной поддержки Израиля.

Благодаря посредничеству Переса, эта помощь теперь стала невероятно близкой. После национализации Суэцкого канала ответственные лица с французской стороны все больше стремились свергнуть Насера. Они нашли союзника в Великобритании, где действия Насера также встречали резкую критику, и видели в Израиле еще одного удобного партнера в борьбе против него. Именно Франция в конце концов взяла на себя инициативу начать переговоры о военном пакте между тремя государствами.

В августе 1956 года Перес встретился со своим французским коллегой Абелем Томасом. *Генеральный директор* французского Министерства обороны, который сообщил ему, что британцы

⁴²Тал 2001: 8.

⁴³По словам Бар-Зохара, это составляет в общей сложности 20 процентов всего бюджета Израиля. См. Бар-Зохар 2006: 189.

⁴⁴Тал 2001: 9.

⁴⁵Голани 1998: viii-ix.

and the French had opted for a joint military operation for the purpose of taking control of the Suez Canal.⁴⁶ The only thing still lacking was a concrete reason for a French-British armed action against Nasser. Great Britain, having taken a critical position towards the Israeli retaliation policy, hesitated to openly team up with Israel. What is more, the country was bound to Jordan by a defense pact, and was also connected to Egypt by the so-called *Tripartite Declaration* of May 1950 between France, Great Britain and Egypt.⁴⁷

The solution finally came from the French side. It would later be referred to as the “Challe Scenario.” In talks on October 14, 1956, General Maurice Challe (1905–1979), representative of the French chief of general staff, accompanied by Albert Gazier (1908–1997), representative of the Foreign Ministry, proposed to the British Prime Minister Anthony Eden (1897–1977) an attack on Egypt on the grounds that Israel was to engage in an armed encounter with the Egyptian army in Sinai.

A conflict between Egypt and Israel was in turn supposed to give France and Great Britain a reason to seize the Suez Canal as it would be endangered by the clashes, so as to defend it and keep the fighting parties apart (“Operation Musketeer”).⁴⁸ Eden agreed in principle, and in further talks on October 16, 1956, signaled to Mollet and Foreign Minister Christian Pineau (1904–1995) that Great Britain would not interfere in the event of an assault on Egypt, the *Tripartite Declaration* of May 1950 notwithstanding.⁴⁹

Ben-Gurion only reluctantly gave his consent to the Challe Scenario at the conference of Sèvres that took place from October 22 to 24, 1956, not least because it put his country in a highly precarious situation. An offensive against an Arab state for the purpose of paving the way for France and Great Britain would not only make Israel come across as the aggressor, but would also expose it to the danger of becoming a target itself. What Ben-Gurion had in mind was an equal partnership between the allies. Instead Israel was granted only a rather subordinated mercenary role in the Challe Scenario.

The Israeli delegation was keenly aware of all this. But to avoid endangering the freshly forged agreements concerning French arms supplies, it was cautious not to snub France. With this in mind, the Israeli delegation and particularly Ben-Gurion made sure to always refer to the “British plan” when discussing the Challe Scenario that was so awkward for Israel, although its true origin was very well known. This linguistic twist made it possible for Ben-Gurion to point to the

⁴⁶ Tal 2001: 11.

⁴⁷ Shlaim 2001: 119–143, 121–122.

⁴⁸ Ibid. 121.

⁴⁹ Ibid. 121–122.

Французы выбрали совместную военную операцию с целью установления контроля над Суэцким каналом.⁴⁶ Единственное, чего еще не хватало, — это конкретной причины для франко-британских вооруженных действий против Насера. Великобритания, заняв критическую позицию по отношению к израильской политике возмездия, колебалась, прежде чем открыто объединиться с Израилем. Более того, страна была связана с Иорданией оборонным пактом, а также с Египтом так называемым *Трехсторонняя декларация* май 1950 года между Францией, Великобританией и Египтом.⁴⁷

Решение в итоге пришло с французской стороны. Позже оно получило название «сценарий Шалле». На переговорах 14 октября 1956 года генерал Морис Шалле (1905–1979), представитель начальника генерального штаба Франции, в сопровождении Альберта Газье (1908–1997), представителя Министерства иностранных дел, предложил премьер-министру Великобритании Энтони Идену (1897–1977) нападение на Египет на том основании, что Израиль должен был вступить в вооруженное столкновение с египетской армией на Синае.

Конфликт между Египтом и Израилем, в свою очередь, должен был дать Франции и Великобритании повод захватить Суэцкий канал, поскольку столкновения поставили бы его под угрозу, чтобы защитить его и развести враждующие стороны («Операция Мушкетер»).⁴⁸ Иден в принципе согласился и в ходе дальнейших переговоров 16 октября 1956 года дал понять Молле и министру иностранных дел Кристиану Пино (1904–1995), что Великобритания не будет вмешиваться в случае нападения на Египет. *Трехсторонняя декларация* несмотря на май 1950 года.⁴⁹

Бен-Гурион неохотно дал свое согласие на «сценарий Шаль» на Севрской конференции, состоявшейся с 22 по 24 октября 1956 года, не в последнюю очередь потому, что это ставило его страну в крайне опасное положение. Наступление на арабское государство с целью подготовить почву для Франции и Великобритании не только выставило бы Израиль агрессором, но и подвергло бы его опасности стать мишенью. Бен-Гурион же рассчитывал на равноправное партнерство между союзниками. Вместо этого Израилю в «сценарии Шаль» была отведена лишь довольно подчиненная роль наемника.

Израильская делегация прекрасно обо всем этом знала. Но чтобы не ставить под угрозу недавно заключенные соглашения о поставках французского оружия, она проявляла осторожность и не хотела пренебрегать Францией. Поэтому израильская делегация, и особенно Бен-Гурион, всегда ссылались на «британский план» при обсуждении сценария «Шалья», который был столь неудобен для Израиля, хотя его истинное происхождение было хорошо известно. Этот языковой прием позволил Бен-Гуриону указать на

⁴⁶Тал 2001: 11.

⁴⁷Шлайм 2001: 119–143, 121–122. ⁴⁸

Там же, 121.

⁴⁹Там же. 121–122.

risk associated for Israel in the scenario, and to oppose Great Britain's plan that would have Israel leading the way all by itself in the first seventy-two hours of the attack until an ultimatum would be submitted to Israel by Great Britain and France. The Israeli Prime Minister pleaded that the Royal Air Force would destroy the Egyptian Air Force before the Israeli troops advanced into Sinai.⁵⁰

Ultimately, an eight-point plan drafted by Dayan and finally endorsed by Ben-Gurion provided the basis for the cooperation. According to this plan, Israel itself would have the authority to decide how to initiate its attack on Sinai. In the second point it was stipulated that Israel was to perform military actions resembling a military operation, so that the French as well as the British government would be able to spin it as an endangerment of the canal. Thirdly, the French and British air forces were to become active thirty-six hours into the attack at the latest. Fourthly, the French and British governments were to separately direct messages to Egypt and Israel a day after the Israeli attack. As for Israel, it was to receive an appeal rather than an ultimatum to withdraw from the Canal Zone. Fifthly, France was to station fighter jets in Israel to protect Israeli cities at the onset of the operation and up to the intervention by the allies, wherein the origin of the planes was supposed to be unrecognizable. In the last point, the date of the attack was determined to be Monday, October 29, 1956, at seven p.m. Israeli time.⁵¹

David Ben-Gurion's Vision for a New Order in the Middle East

Eventually, Ben-Gurion's allies had to also acknowledge Israel's territorial claims. The Prime Minister had added another item to Dayan's plan, though it did not get included into the protocol as it was ultimately signed in Sèvres. Ben-Gurion appealed to the French and British governments to take note of Israel's territorial aspirations. Here is how the Oxford professor of International Relations Avi Shlaim (1945–) outlines the hopes Ben-Gurion was cherishing at the time for cooperation between the two old European powers, which Shlaim himself calls a “fantastic plan”:

Jordan, he [Ben-Gurion] observed, was not viable as an independent state and should therefore be divided. Iraq would get the East Bank in return for a promise to settle the Palestinian refugees there and to make peace with Israel while the West Bank would be attached to Israel as a semi-autonomous region. Lebanon suffered from having a large Muslim population which was concentrated in the south. The problem could be solved by Israel's expan-

⁵⁰ Shlaim 2001: 123–126.

⁵¹ *Ibid.* 130–131.

Израиль подвергается риску в этом сценарии, и ему необходимо противостоять плану Великобритании, согласно которому Израиль должен был бы в одиночку возглавлять атаку в первые семьдесят два часа, пока Великобритания и Франция не предъявят Израилю ультиматум. Премьер-министр Израиля призвал Королевские ВВС уничтожить ВВС Египта до того, как израильские войска продвинулись на Синай.⁵⁰

В конечном итоге, восьмипунктный план, разработанный Даяном и окончательно одобренный Бен-Гурионом, послужил основой для сотрудничества. Согласно этому плану, Израиль сам должен был иметь право решать, как начать нападение на Синай. Во втором пункте было оговорено, что Израиль должен был проводить военные действия, напоминающие военную операцию, чтобы французское и британское правительства могли представить это как угрозу каналу. В-третьих, французские и британские военно-воздушные силы должны были активизироваться не позднее чем через тридцать шесть часов после начала атаки. В-четвертых, французское и британское правительства должны были отдельно направить сообщения Египту и Израилю на следующий день после израильской атаки. Что касается Израиля, то он должен был получить призыв, а не ультиматум, о выводе войск из зоны канала. В-пятых, Франция должна была разместить истребители в Израиле для защиты израильских городов с начала операции и до вмешательства союзников, при этом происхождение самолетов должно было оставаться неизвестным. В последнем пункте датой нападения было определено понедельник, 29 октября 1956 года, в семь часов вечера по израильскому времени.⁵¹

Видение Давида Бен-Гуриона о новом порядке на Ближнем Востоке

В конце концов, союзникам Бен-Гуриона пришлось признать и территориальные претензии Израиля. Премьер-министр добавил к плану Даяна еще один пункт, хотя он и не был включен в протокол, подписанный в Севре. Бен-Гурион обратился к французскому и британскому правительствам с просьбой принять во внимание территориальные устремления Израиля. Вот как профессор международных отношений Оксфордского университета Ави Шлаим (1945–) описывает надежды Бен-Гуриона на сотрудничество между двумя старыми европейскими державами, которое сам Шлаим называет «фантастическим планом»:

Он [Бен-Гурион] заметил, что Иордания нежизнеспособна как независимое государство и поэтому должна быть разделена. Ирак получит Восточный берег в обмен на обещание расселить там палестинских беженцев и заключить мир с Израилем, а Западный берег будет присоединен к Израилю как полуавтономный регион. Ливан страдал от большого мусульманского населения, сосредоточенного на юге. Эту проблему можно было бы решить путем расширения Израиля.

⁵⁰Шлаим 2001: 123–126. ⁵¹

Там же. 130–131.

sion up to the Litani River, thereby helping to turn Lebanon into a more compact Christian state. The Suez Canal area should be given an international status while the Straits of Tiran in the Gulf of Aqaba should come under Israeli control to ensure freedom of navigation. A prior condition for realizing this plan was the elimination of Nasser and the replacement of his regime with a pro-Western government which would also be prepared to make peace with Israel. Ben-Gurion argued that his plan would serve the interests of all the Western powers as well as those of Israel by destroying Nasser and the forces of Arab nationalism that he had unleashed. The Suez Canal would revert to being an international waterway. Britain would restore its hegemony in Iraq and Jordan and secure its access to the oil of the Middle East. France would consolidate its influence in the Middle East through Lebanon and Israel while its problems in Algeria would come to an end with the fall of Nasser. Even the United States might be persuaded to support the plan for it would promote stable, pro-Western regimes and help to check Soviet advances in the Middle East. Before rushing into a military campaign against Egypt, Ben-Gurion urged that they take time to consider the wider political possibilities. His plan might appear fantastic at first sight, he remarked, but it was not beyond the realm of possibility given time, British goodwill and good faith.⁵²

Israel's view of the Western and the Arab world is the pivotal point of this new geopolitical order. True to Herzl's vision of a Jewish state also being a bridge pillar of the West in that region, the dominant notion was that of a natural alliance with the West based on allegedly common goals. The orientation towards the West seems indispensable for Israel's vital interests. Meanwhile, the West itself is perceived out of hand as an enemy of the Arab world.

The direct projection of one's own enemy image onto the Western powers is clearly reflected in the plan. It is based on the conviction that Western control over the region would also serve Israeli interests, Ben-Gurion seeing it as a means by which he believed he could contain the dreaded Arab nationalism. The suggestion to just do away with Jordan by parceling it off in order to solve the Israeli-Palestinian conflict gives an idea of how little Israel was and would be willing to integrate into the region.

Ben-Gurion was pursuing two objectives with his scheme: Israel would expand and by doing so would get rid of its most bitter enemies at the same time. His intentions to pin Israeli interests to the interests of the West illustrates two things: namely the marked fear of isolation felt by the Israeli decision makers in the 1950s and the condescension and arrogance that the Israeli leadership exhibited towards the inhabitants of the region. This way of thinking grows out of a bipolar worldview in which people can be divided into "good ones," the strong and the civilized, and weak ones, the backward. Based on this understanding, an active geopolitical "restructuring" of the region does seem indeed plausible. At

⁵² Ibid. 124–125.

До реки Литани, что способствовало бы превращению Ливана в более компактное христианское государство. Району Суэцкого канала должен быть присвоен международный статус, а пролив Тиран в заливе Акаба должен перейти под израильский контроль для обеспечения свободы судоходства. Предварительным условием реализации этого плана было устранение Насера и замена его режима прозападным правительством, которое также было бы готово заключить мир с Израилем. Бен-Гурион утверждал, что его план послужит интересам всех западных держав, а также Израиля, уничтожив Насера и развязанные им силы арабского национализма. Суэцкий канал снова станет международным водным путем. Великобритания восстановит свою гегемонию в Ираке и Иордании и обеспечит себе доступ к нефти Ближнего Востока. Франция укрепит свое влияние на Ближнем Востоке через Ливан и Израиль, а ее проблемы в Алжире закончатся со падением Насера. Даже Соединенные Штаты могли бы согласиться поддержать этот план, поскольку он способствовал бы установлению стабильных, прозападных режимов и помог бы сдержать продвижение Советского Союза на Ближнем Востоке. Прежде чем бросаться в военную кампанию против Египта, Бен-Гурион призвал их уделить время рассмотрению более широких политических возможностей. Его план, как он заметил, может показаться фантастическим на первый взгляд, но он не выходит за рамки возможного, если будет достаточно времени, доброй воли и добросовестности Великобритании.⁵²

Взгляд Израиля на Запад и арабский мир является ключевым моментом этого нового геополитического порядка. Верный видению Герцля о еврейском государстве, которое одновременно являлось бы связующим звеном между Западом и этим регионом, доминирующим представлением был естественный союз с Западом, основанный на якобы общих целях. Ориентация на Запад кажется незаменимой для жизненно важных интересов Израиля. Между тем, сам Запад воспринимается как враг арабского мира.

В плане явно отражено прямое проецирование образа собственного врага на западные державы. Он основан на убеждении, что контроль Запада над регионом также будет служить интересам Израиля; Бен-Гурион видел в этом средство, с помощью которого, по его мнению, он сможет сдержать ужасающий арабский национализм. Предложение просто ликвидировать Иорданию, разделив её на части, чтобы разрешить израильско-палестинский конфликт, даёт представление о том, насколько мало Израиль был готов интегрироваться в регион и насколько мало он был готов это сделать.

Бен-Гурион преследовал две цели в своем плане: Израиль должен был расшириться, и тем самым избавиться от своих самых заклятых врагов. Его намерение привязать израильские интересы к интересам Запада иллюстрирует две вещи: а именно, явный страх перед изоляцией, который испытывали израильские лица, принимающие решения, в 1950-х годах, и снисходительность и высокомерие, которые израильское руководство проявляло по отношению к жителям региона. Такой образ мышления проистекает из биполярного мировоззрения, в котором людей можно разделить на «хороших» — сильных и цивилизованных, и слабых — отсталых. Исходя из этого понимания, активная геополитическая «перестройка» региона действительно кажется вполне вероятной.

⁵² Там же. 124–125.

that time, the Palestinian *Nakba* of 1948 was only a few years in the past, and up to that point Israel had balked at any compromise on the refugee question.

In the Suez War, the Israeli decision makers were well aware they ran the risk of being painted as the helpmates of Western imperialism – an accusation which could have a direct negative impact on the recognition of Israel's right to exist in the region. With this in mind, Ben-Gurion was even concerned about Israel's esteem among its enemies. He wondered whether “the Arabs will ever be able to forgive us and our descendants that we are a bridge head of aggression and annihilation?”⁵³ But as for Shimon Peres, he had no second thoughts. This can be gathered from his description of the last day of the conference, October 24, 1956:

I think there was a general feeling that a supreme effort had been made, involving the fate of nations, and had ended with the logical conclusion. We had come together to wipe out evil, to nullify the aggression and stifle the further aggressive intentions of the Egyptian dictator. Of course, [the] decision was not easy, for life is not easy. It is not a tabula rasa but heaped with snares and obstacles, risks and complications. In the final analysis, however, when faced with a historic challenge, there is only one choice – the elementary and fundamental choice between good and bad, right and wrong. With us, the basic alternatives were to defend ourselves, even with the power of the sword, or to submit to the sword of the aggressor.

The French nation had sacrificed the lives of her finest sons, not many years before, because she had failed to recognize in time the danger of Hitlerism. She was now of firm mind that a dictator had to be dealt with not after he had struck but while he was still building his might. Nasser revived painful memories of their recent past.⁵⁴

The enemy image of a Hitler-like dictator eager for war leaves barely any room to consider alternatives to military action. Nasser is portrayed as unpredictable and dangerous but also as powerless, as someone who seems to lack the ability to correctly assess his own power. Nasser's unpredictability concerning his policy towards Israel as well as his actual weakness renders the elimination of “evil” a reasonable option. And since Israel is not the only one affected by this evil, the international community must also be mobilized against it. Over and over, this argumentative pattern would resonate in Peres' long political career during which he repeatedly supported Israel's war policy.⁵⁵

⁵³ Quoted from Bar-Zohar 2006: 199.

⁵⁴ Peres 1970: 204–205.

⁵⁵ Amar-Dahl 2010: 219–295.

в то время палестинец *Накба*. События 1948 года произошли всего несколько лет назад, и до этого момента Израиль отказывался от каких-либо компромиссов по вопросу беженцев.

В ходе Суэцкой войны израильские руководители прекрасно понимали, что рискуют быть представленными как пособники западного империализма – обвинение, которое могло оказать прямое негативное влияние на признание права Израиля на существование в регионе. Учитывая это, Бен-Гурион даже беспокоился о том, как Израиль воспринимается своими врагами. Он задавался вопросом: «Смогут ли когда-нибудь арабы простить нам и нашим потомкам то, что мы являемся плацдармом агрессии и уничтожения?»⁵³ Но что касается Шимона Переса, то у него не было никаких сомнений. Об этом можно судить по его описанию последнего дня конференции, 24 октября 1956 года:

Думаю, существовало общее ощущение, что были предприняты величайшие усилия, касающиеся судьбы народов, и они завершились логическим выводом. Мы объединились, чтобы искоренить зло, нейтрализовать агрессию и подавить дальнейшие агрессивные намерения египетского диктатора. Конечно, решение было непростым, ведь жизнь нелегка. Это не чистый лист, а сплошные ловушки и препятствия, риски и сложности. Однако в конечном счете, столкнувшись с историческим вызовом, есть только один выбор – элементарный и фундаментальный выбор между добром и злом, правильным и неправильным. Для нас основными альтернативами были либо защищаться, даже силой меча, либо подчиниться мечу агрессора.

Французская нация пожертвовала жизнями своих лучших сынов всего несколько лет назад, потому что не смогла вовремя распознать опасность гитлеризма. Теперь она твердо решила, что с диктатором нужно бороться не после того, как он нанес удар, а пока он еще наращивает свою мощь. Насер воскресил болезненные воспоминания об их недавнем прошлом.⁵⁴

Образ врага — диктатора, подобного Гитлеру, жаждущего войны, — практически не оставляет места для рассмотрения альтернатив военным действиям. Насер изображается как непредсказуемый и опасный, но также и как бессильный, как человек, которому, кажется, не хватает способности правильно оценить собственную силу. Непредсказуемость политики Насера в отношении Израиля, а также его реальная слабость делают устранение «зла» разумным вариантом. И поскольку Израиль — не единственный, кто страдает от этого зла, международное сообщество также должно быть мобилизовано против него. Эта аргументационная модель неоднократно повторялась на протяжении долгой политической карьеры Переса, в течение которой он неоднократно поддерживал военную политику Израиля.⁵⁵

⁵³Цитата из книги Бар-Зохара, 2006:

199. ⁵⁴Перес 1970: 204–205. ⁵⁵Амар-Даль 2010: 219–295.

Of War and Nuclear Weapons

A little known fact is that Israel took advantage of the military alliance with France in the Sinai-Suez War of 1956 to begin developing nuclear weapons. As Director-General in the Israeli Ministry of Defense, Shimon Peres played a key role in all of this. He is considered to be the driving power behind the endeavor to obtain French start-up support for the construction of a nuclear reactor. According to the Israeli historian Avner Cohen (1951–), a specialist in the nuclear history of Israel, Peres' most important contribution to the country's armament with nuclear weapons is the establishment of the connection to France. As the right hand of the Prime Minister and due to his position in the Ministry of Defense, Peres was the man who would continue to advance this strictly secret project over a decade.⁵⁶

According to Cohen, it was three men who eventually fathered the project: Ernst David Bergman (1903–1975), David Ben-Gurion and Shimon Peres. Bergman, Ben-Gurion's scientific advisor in nuclear matters, convinced the Prime Minister that Israel would be able to develop nuclear weapons. Subsequently, Peres was entrusted with the task of probing the international scene for Israel's options for "realizing Ben-Gurion's vision."⁵⁷

Since Israel under the leadership of Ben-Gurion considered military strength an important means for vouchsafing security, the possession of nuclear weapons appeared to be the panacea. Although Cohen himself considers the idea of a country as small as Israel acquiring nuclear technology for military purposes a "considerable brazenness," he also submits that for a state that is "born from the Shoah to find itself thrown into a hostile Arab environment, it would be downright reckless not to do it."⁵⁸

Peres finally convinced his mentor to embark on this project, despite it being not only extremely costly but also difficult to push through internationally. France proved to be the right contact for the initial steps. The political instability of the Fourth Republic presented Peres with a unique opportunity, and he seized upon it between the summer of 1956 and autumn of 1957.⁵⁹

Whether the French support for an Israeli nuclear program already constituted an integral part of the Israeli-French military alliance as it was reached at the conference of Sèvres remains the subject of a controversial scholarly debate.

⁵⁶ Cohen 2000: 39; Evron 1987: 14–15.

⁵⁷ Cohen 2000: 37.

⁵⁸ Ibid. 25.

⁵⁹ Ibid. 39; Bar-Zohar 2006: 292–296.

О войне и ядерном оружии

Малоизвестный факт: Израиль воспользовался военным союзом с Францией во время Синайско-Суэцкой войны 1956 года, чтобы начать разработку ядерного оружия. Шимон Перес, будучи генеральным директором Министерства обороны Израиля, сыграл ключевую роль во всем этом. Его считают движущей силой усилий по получению французской поддержки для начала строительства ядерного реактора. По словам израильского историка Авнера Коэна (1951–), специалиста по ядерной истории Израиля, наиболее важным вкладом Переса в ядерное вооружение страны является установление связи с Францией. Будучи правой рукой премьер-министра и благодаря своему положению в Министерстве обороны, Перес был тем человеком, который на протяжении более десяти лет продолжал продвигать этот строго секретный проект.⁵⁶

По словам Коэна, в конечном итоге проект был инициирован тремя людьми: Эрнстом Давидом Бергманом (1903–1975), Давидом Бен-Гурионом и Шимоном Пересом. Бергман, научный советник Бен-Гуриона по ядерным вопросам, убедил премьер-министра в том, что Израиль сможет разработать ядерное оружие. Впоследствии Пересу было поручено изучить международную ситуацию и рассмотреть варианты действий Израиля по «реализации видения Бен-Гуриона».⁵⁷

Поскольку Израиль под руководством Бен-Гуриона считал военную мощь важным средством обеспечения безопасности, обладание ядерным оружием казалось панацеей. Хотя сам Коэн считает идею приобретения ядерных технологий такой небольшой страной, как Израиль, в военных целях «значительной наглостью», он также утверждает, что для государства, «родившегося после Холокоста, оказаться втянутым во враждебную арабскую среду, было бы совершенно безрассудно этого не делать».⁵⁸

Перес наконец убедил своего наставника взяться за этот проект, несмотря на то, что он был не только чрезвычайно дорогостоящим, но и сложным в реализации на международном уровне. Франция оказалась подходящим партнером для первых шагов. Политическая нестабильность Четвертой республики предоставила Пересу уникальную возможность, и он воспользовался ею в период с лета 1956 года по осень 1957 года.

Вопрос о том, являлась ли поддержка Францией израильской ядерной программы неотъемлемой частью израильско-французского военного союза, достигнутого на Севрской конференции, остается предметом ожесточенных научных дискуссий.

⁵⁶Коэн 2000: 39; Эврон 1987: 14–15. ⁵⁷

Коэн 2000: 37. ⁵⁸Там же, 25.

⁵⁹Там же, 39; Бар-Зохар 2006: 292–296.

Did France buy Israeli cooperation with a reactor? Is this the reason why Ben-Gurion consented to the Sinai-Suez War? Cohen believes that Peres used the Israeli-French rapprochement of 1956 as a singular occasion to “realize the nuclear vision.”

But in Cohen's assessment, France's assent to the reactor was not the actual “price” for Israel's intervention in the Suez Crisis: “From the perspective of both states, this cooperation was an ‘additional incentive.’ [...] Had Ben-Gurion declined the political and military conditions for the cooperation, the purchase of the reactor could not have tipped the scales.”⁶⁰ In any case, Cohen asserts that Peres' motivation for the cooperation with France in the Suez Crisis is directly connected to the armament aid offered by France, which also extended to nuclear weapons.⁶¹

Avi Shlaim likewise contends that the purchase of a French reactor by Israel was not directly linked to Israeli military cooperation with France in the Suez Crisis. Shlaim's elaborations suggest that Ben-Gurion ultimately had to go to war because of the military alliance. Still, the acquisition of the nuclear reactor was an aspect related to the hopes of satisfying Israel's territorial claims and of weakening or even ousting the Egyptian president. In his memoirs, however, Peres makes a statement about Sèvres that admits interpretations different from Shlaim's:

Before the final signing, I asked Ben-Gurion for a brief adjournment, during which I met Mollet and Bourges-Maunoury alone. It was here that I finalized with these two leaders an agreement for the building of a nuclear reactor at Dimona, in southern Israel, and the supply of natural uranium to fuel it. I put forward a series of detailed proposals and, after discussion, they accepted them. *Eventually, the Protocol was signed.*⁶² (emphasis added)

Despite its significance, Shlaim leaves out this last remark.⁶³ Unlike Avner Cohen and Avi Shlaim, Peres' biographer Michael Bar-Zohar (1938–) supports the hypothesis that Israel's military backing was bought with the reactor. He quotes a remark Peres made to a French friend about the signing of the protocol, in which he implied that the reactor was one of Israel's conditions: “Should Israel's request [for nuclear start-up support] not be complied with, we may reconsider our commitment [to war].”⁶⁴

⁶⁰ Cohen 2000: 81.

⁶¹ Ibid. 79–81.

⁶² Peres 1995: 149–150.

⁶³ Shlaim 2001: 41, 142.

⁶⁴ Bar-Zohar 2006: 292.

Купила ли Франция израильскому сотрудничеству в разработке реактора? Не по этой ли причине Бен-Гурион согласился на Синайско-Суэцкую войну? Коэн считает, что Перес использовал израильско-французское сближение 1956 года как уникальный повод для «реализации ядерной концепции».

Однако, по оценке Коэна, согласие Франции на строительство реактора не было фактической «ценой» за вмешательство Израиля в Суэцкий кризис: «С точки зрения обоих государств, это сотрудничество было „дополнительным стимулом“. [...] Если бы Бен-Гурион отказался от политических и военных условий сотрудничества, покупка реактора не смогла бы переломить ситуацию».60 В любом случае, Коэн утверждает, что мотивация Переса к сотрудничеству с Францией в Суэцком кризисе напрямую связана с военной помощью, предложенной Францией, которая также распространялась на ядерное оружие.61

Ави Шлаим также утверждает, что покупка Израилем французского реактора не была напрямую связана с военным сотрудничеством Израиля с Францией во время Суэцкого кризиса. Разъяснения Шлаима предполагают, что Бен-Гуриону в конечном итоге пришлось вступить в войну из-за этого военного союза. Тем не менее, приобретение ядерного реактора было аспектом, связанным с надеждами удовлетворить территориальные претензии Израиля и ослабить или даже свергнуть египетского президента. Однако в своих мемуарах Перес делает заявление о Севре, допускающее иные интерпретации, чем у Шлаима:

Перед окончательным подписанием я попросил Бен-Гуриона о небольшой отсрочке, во время которой я встретился наедине с Молле и Бурже-Монури. Именно здесь я завершил с этими двумя лидерами соглашение о строительстве ядерного реактора в Димоне, на юге Израиля, и поставке природного урана для его топлива. Я представил ряд подробных предложений, и после обсуждения они их приняли. *В итоге Протокол был подписан.*62 (выделено курсивом)

Несмотря на свою значимость, Шлаим упускает это последнее замечание.63 В отличие от Авнера Коэна и Ави Шлаима, биограф Переса Михаэль Бар-Зохар (1938–) поддерживает гипотезу о том, что военная поддержка Израиля была куплена вместе с реактором. Он цитирует замечание Переса, сделанное французскому другу по поводу подписания протокола, в котором тот намекнул, что реактор был одним из условий Израиля: «Если просьба Израиля [о поддержке запуска ядерной программы] не будет удовлетворена, мы можем пересмотреть наше обязательство [вести войну]».64

60Коэн 2000: 81. 61Там же, стр. 79–81.

62Перес 1995: 149–150.

63Шлаим 2001: 41, 142.

64Бар-Зохар 2006: 292.

Peres is said to have indicated in the talks what sort of risk Israel would face as a result of a military operation against Egypt, such as the danger of “the surge of Arab hostility towards Israel” and the “associated threat to its existence.” Israel, said Peres, was in need of a deterrent potential that France was in a position to provide. In the end, Peres got the French to agree to a draft agreement on cooperation for the construction of a reactor in Israel, as well as a French commitment to provide regular uranium supplies.⁶⁵

Although this is not the place to relate the entire process of the emergence of Israeli nuclear power in the 1950s and early 1960s⁶⁶, what is important to stress here is that as coordinator of the Ministry of Defense Peres played a decisive role in this top-secret treaty. His was a key contribution to the conference of Sèvres which resulted in the agreement on a “nuclear cooperation” with France that was ultimately concluded in late September 1957, in the last days of the Bourgès-Maunoury government.

Three treaties were finally signed at the end of 1957. The treaty of December 12, 1956 provided French aid in the construction of a nuclear reactor for the purposes of nuclear research. In it, France committed to supply Israel with a forty – according to other sources only twenty-five – megawatt nuclear reactor and 385 tons of natural uranium.

The second agreement of August 23, 1957, negotiated amidst the greatest secrecy between Peres and French Prime Minister Bourgès-Maunoury, stipulated cooperation in the research and production of nuclear weapons.⁶⁷

The third treaty of October 1957 regulated all aspects concerning the construction of the reactor and the production of plutonium. It was only with the greatest effort that Peres was able to reach an agreement in the last days of the government under Bourgès-Maunoury. At this point in time, both Foreign Minister Pineau and Party Leader Mollet had reservations when it came to giving their final consent required to put the deal into effect. After all, this would mean nothing less than putting into place the entire basis for the development of nuclear weapons in Israel. In Bar-Zohar’s opinion, the “peaceful purposes” underscored by France were just lip service meant to refute any accusations by Arab states to the effect that France had made Israel a nuclear power.⁶⁸

The pact with France paved Israel’s path to Dimona, the site of the nuclear reactor that would soon become a synonym for this Israeli secret. Today, the

⁶⁵ Ibid. 292–294.

⁶⁶ Ibid. 292–308; Cohen 2000.

⁶⁷ Bar-Zohar 2006: 296–297.

⁶⁸ Ibid. 302.

Сообщается, что Перес в ходе переговоров указал на то, с какими рисками Израиль столкнется в результате военной операции против Египта, такими как опасность «всплеска арабской враждебности по отношению к Израилю» и «связанная с этим угроза его существованию». По словам Переса, Израилю необходим сдерживающий потенциал, который Франция могла бы обеспечить. В итоге Перес добился от французов согласия на проект соглашения о сотрудничестве в строительстве реактора в Израиле, а также на обязательство Франции регулярно поставлять уран.⁶⁵

Хотя здесь нет места для подробного описания всего процесса становления израильской ядерной мощи в 1950-х и начале 1960-х годов⁶⁶, важно подчеркнуть, что Перес, будучи координатором Министерства обороны, сыграл решающую роль в этом совершенно секретном договоре. Он внес ключевой вклад в Севрскую конференцию, результатом которой стало соглашение о «ядерном сотрудничестве» с Францией, окончательно заключенное в конце сентября 1957 года, в последние дни правления правительства Бурже-Монури.

В конце 1957 года были подписаны три договора. Договор от 12 декабря 1956 года предусматривал французскую помощь в строительстве ядерного реактора для целей ядерных исследований. В нем Франция обязалась поставить Израилю ядерный реактор мощностью сорок мегаватт (по данным других источников, всего двадцать пять) и 385 тонн природного урана.

Второе соглашение от 23 августа 1957 года, заключенное в условиях строжайшей секретности между Пересом и премьер-министром Франции Бурже-Монури, предусматривало сотрудничество в исследованиях и производстве ядерного оружия.⁶⁷

Третий договор от октября 1957 года регулировал все аспекты, касающиеся строительства реактора и производства плутония. Пересу удалось достичь соглашения лишь с огромными усилиями в последние дни правления Бурже-Монури. На тот момент и министр иностранных дел Пино, и лидер партии Молле испытывали сомнения относительно окончательного согласия, необходимого для реализации соглашения. В конце концов, это означало бы создание всей основы для разработки ядерного оружия в Израиле. По мнению Бар-Зохара, «мирные цели», подчеркиваемые Францией, были лишь пустыми словами, призванными опровергнуть любые обвинения арабских государств в том, что Франция сделала Израиль ядерной державой.⁶⁸

Соглашение с Францией проложило Израилю путь к Димоне, месту расположения ядерного реактора, который вскоре стал синонимом этой израильской тайны. Сегодня...

⁶⁵Там же. 292–294.

⁶⁶Там же, стр. 292–308; Коэн 2000.

⁶⁷Бар-Зохар 2006: 296–297. ⁶⁸Там же, 302.

fact that Peres contributed to the project of turning Israel into a nuclear power is beyond dispute. But what was Peres' politico-ideological stance towards this project? What about the political environment in general? Did any kind of political discussion about this topic even take place in the late 1950s?

David Ben-Gurion made the decision in favor of Dimona from a unique political-charismatic position. Only a small, exclusive circle of confidants was in the know, and the decision process did not take the appropriate legal route via the inclusion of the government and the *Knesset*. Ben-Gurion succeeded in keeping the matter off the political agenda. From the very beginning, construction work on the reactor in the years 1958 to 1960 was subject to the strictest military censorship.

In spite of all this, political debates in the *Mapai* party, the government and the parliament could not be entirely suppressed. As completion of the reactor drew near in early 1962, the question as to what was to be done with the now available nuclear capacities became more pressing. Should they be used for peaceful purposes, or for the production of nuclear weapons? This debate took place to the exclusion of the public.⁶⁹

Over the course of the year 1962, two schools of thought emerged within the small security-political circles that were grappling with the questions of the security concept and the structure of the military. Avner Cohen labeled them the "nuclear technology school" and the "school of conventionalists."⁷⁰ The main representatives of the "nuclear technology school" were Vice Minister of Defense Peres (1959–1965) and Moshe Dayan (since 1959 a member of the *Mapai* party, the *Knesset* and the cabinets). At this point, Ben-Gurion was still wavering in his position.⁷¹

As the responsible person, the Prime Minister had to face down the growing pressure from the United States demanding he put Dimona under international supervision. For that would have meant revealing Israel's actual goals. The adherents of the nuclear technology school expected a long-term regional conflict that would involve an endlessly progressing conventional armament, which is why they advocated the development of high-tech arms systems that would make an ongoing conventional armament superfluous in the long run. The desired deterrent effect would be achieved through nuclear weapons.⁷²

⁶⁹ Cohen 2000: 187.

⁷⁰ Ibid. 194.

⁷¹ Evron 1987: 18.

⁷² Cohen 2000: 194.

Тот факт, что Перес внес свой вклад в проект превращения Израиля в ядерную державу, не вызывает сомнений. Но какова была политико-идеологическая позиция Переса по отношению к этому проекту? А какова была политическая обстановка в целом? Проводились ли вообще какие-либо политические дискуссии на эту тему в конце 1950-х годов?

Давид Бен-Гурион принял решение в пользу Димоны, занимая уникальную политико-харизматическую позицию. В курсе дела был лишь небольшой, эксклюзивный круг доверенных лиц, и процесс принятия решения не прошел должным образом с юридической точки зрения, без участия правительства и других заинтересованных сторон. *Кнессет* Бен-Гуриону удалось избежать обсуждения этого вопроса на политической повестке дня. С самого начала строительные работы на реакторе в период с 1958 по 1960 год подвергались строжайшей военной цензуре.

Несмотря на все это, политические дебаты в *Мапай* Партию, правительство и парламент не могли быть полностью подавлены. По мере приближения к завершению строительства реактора в начале 1962 года вопрос о том, что делать с имеющимися ядерными мощностями, становился все более актуальным. Следует ли использовать их в мирных целях или для производства ядерного оружия? Эта дискуссия велась в отсутствие общественности.⁶⁹

В течение 1962 года в небольших кругах, занимавшихся вопросами концепции безопасности и структуры вооруженных сил, сформировались две школы мысли. Авнер Коэн назвал их «школой ядерных технологий» и «школой конвенционалистов». ⁷⁰ Главными представителями «школы ядерных технологий» были заместитель министра обороны Перес (1959–1965) и Моше Даян (с 1959 года член *Мапай* партия, *Кнессет* кабинетов). На тот момент Бен-Гурион все еще колебался в своей позиции.⁷¹

Как ответственное лицо, премьер-министр должен был противостоять растущему давлению со стороны Соединенных Штатов, требовавших установить международный контроль над Димоней. Ведь это означало бы раскрытие истинных целей Израиля. Сторонники школы ядерных технологий ожидали долгосрочного регионального конфликта, который бы предполагал бесконечное развитие обычных вооружений, поэтому они выступали за разработку высокотехнологичных систем вооружения, которые в долгосрочной перспективе сделали бы постоянное наличие обычных вооружений излишним. Желаемый сдерживающий эффект должен был быть достигнут с помощью ядерного оружия.⁷²

⁶⁹Коэн 2000: 187. ⁷⁰

Там же, 194.

⁷¹Эврон 1987: 18.

⁷²Коэн 2000: 194.

These conjectures of the “nuclear technology school” also had a transregional aspect. In light of the experience of the years 1956 and 1957, when the United Nations had forced Israel to give up the territorial conquests it had made in the Sinai War, the deterrent was also to be directed against the Western Powers should Israel’s interests be at stake. The Israeli political scientist Yair Evron called Israel’s nuclear weapon capacity an “undeclared trump card” and “leverage” towards the USA, so that they would ensure arms supplies to Israel.⁷³

In the security-political cabinet, the nuclear lobby was set against the “conventionalists.” This latter was represented mainly by *Mapai*’s coalition partner *Ahdut Haavoda*, headed by Yigal Alon (1918–1980) and Israel Galili (1911–1986). They, too, expected a long-lasting contention with the Arab neighbors, making a powerful army necessary. But their goal was in maintaining a well-armed conventional force comprised of a modern and mobile tank force and a strong air force. In their assessment, a deterrent by nuclear weapons alone could not provide a lasting guarantee for Israel’s security.

Aside from this, the “conventionalists” feared the policy pursued by the nuclear technology advocates would lead to the “nuclearization of the Arab-Israeli conflict,” and this could hardly be in the interests of a small state surrounded by enemies. The “conventionalists” also rejected the naïve notion that Israel would be able to maintain its monopoly with regard to nuclear weapons over the long haul.⁷⁴ Nuclear weapons might even provoke the Arabs with their demographic and geopolitical advantages to wage war against Israel.⁷⁵

Both lines of thought adopted a negative and pessimistic perspective of the conflict. The subject matter of the debate was made up of specialist military-technical questions, while diplomatic-political approaches for ending the conflict were not taken into consideration as a realistic option. The quarrel between the two schools of thought reflects their perplexity when grappling with the future of Israel in the region, as they both put the main focus on military aspects. And it is not by chance that both the “conventionalists” and the proponents of nuclear technology were able to score successes, with massive investments being made in both directions.

Cohen and Evron show that this domestic political controversy hardly qualified as a proper political debate, since the rivals did not really object to the other side’s position. Supporters of nuclear technology did not press for a reduction in spending on conventional armament, while the “conventionalists” for their part

⁷³ Evron 1987: 80–81.

⁷⁴ Ibid. 17–18.

⁷⁵ Cohen 2000: 195.

Эти предположения «школы ядерных технологий» имели также транснациональный аспект. В свете опыта 1956 и 1957 годов, когда Организация Объединенных Наций вынудила Израиль отказаться от территориальных завоеваний, совершенных в Синайской войне, сдерживание должно было быть направлено и против западных держав, если интересы Израиля окажутся под угрозой. Израильский политолог Яир Эврон назвал ядерный потенциал Израиля «неявленным козырем» и «рычагом» в отношениях с США, чтобы те обеспечили поставки оружия Израилю.⁷³

В кабинете министров, занимающемся вопросами безопасности и политики, ядерное лобби противостояло «конвенционалистам». Последние были представлены главным образом...*Мапай* партнер по коалиции *Ахдут Хаавода* Израиль, возглавляемый Игалеом Алоном (1918–1980) и Исраэлем Галили (1911–1986), также ожидал затяжного противостояния с арабскими соседями, что делало необходимым наличие мощной армии. Но их целью было поддержание хорошо вооруженных обычных вооруженных сил, состоящих из современных и мобильных танковых войск и сильных военно-воздушных сил. По их оценке, сдерживание одним лишь ядерным оружием не могло обеспечить долговременную гарантию безопасности Израиля.

Помимо этого, «конвенционалисты» опасались, что политика, проводимая сторонниками ядерных технологий, приведет к «ядеризации арабо-израильского конфликта», а это вряд ли отвечало бы интересам небольшого государства, окруженного врагами. «Конвенционалисты» также отвергали наивное представление о том, что Израиль сможет сохранить свою монополию на ядерное оружие в долгосрочной перспективе.⁷⁴ Ядерное оружие могло бы даже спровоцировать арабов, обладающих демографическими и геополитическими преимуществами, на войну против Израиля.⁷⁵

Обе линии рассуждений придерживались негативного и пессимистического взгляда на конфликт. Предметом дискуссии были специализированные военно-технические вопросы, в то время как дипломатические и политические подходы к урегулированию конфликта не рассматривались как реалистичный вариант. Разногласия между двумя школами мысли отражают их растерянность в вопросе будущего Израиля в регионе, поскольку обе они уделяют основное внимание военным аспектам. И не случайно как «конвенционалисты», так и сторонники ядерных технологий смогли добиться успехов, вложив огромные средства в обоих направлениях.

Коэн и Эврон показывают, что этот внутриполитический спор едва ли можно было назвать полноценной политической дискуссией, поскольку соперники на самом деле не возражали против позиции другой стороны. Сторонники ядерных технологий не настаивали на сокращении расходов на обычные вооружения, в то время как «конвенционалисты», со своей стороны,

⁷³Эврон 1987: 80–81. ⁷⁴

Там же. 17–18.

⁷⁵Коэн 2000: 195.

did not categorically reject nuclear research and development.⁷⁶ Ultimately, both schools of thought prevailed by invoking the worst-case scenario.

Published texts by a proponent of nuclear technology like Shimon Peres barely touched on the issue of nuclear weapons, as the topic was and still is subject to the strictest military censorship. But the texts he wrote in the early 1960s may be reassessed in light of what we know today. What is important to remember is that at this point in time the question as to what purpose Israel would put its nuclear plant to use was still open. An anthology published in 1965 as well as some of Peres' statements to the press yield several clues as to what the security policy of the time looked like.⁷⁷ In his essay "Aspects of Quality" Peres advocated modern technology and stressed the significance of the deterrent potential:

The road to security and peace comprises three stages: firstly, retaliation power; secondly, deterrent power; and thirdly, disarmament. [...] For a long time, we have been fighting for the formation of a defense force in *Eretz Israel* so as to be able to defend ourselves in the event of an attack, but in this we have only been partially successful. [...] In the War of Independence we organized an army and bought weapons, but not in sufficient amounts, so that we were unable to dictate the desired war aim. [...] Today, we are entering the second phase, the creation of a deterrent power. In doing this – and I say this in all sincerity in spite of journalists being present – we do not seek war, but only wish to *deter* our enemies. We want to establish a power so that Nasser may feel compelled to eschew an attack on the State of Israel. Herewith, we proclaim in all sincerity our willingness regarding the third phase: the disarmament of the Middle East.⁷⁸

Here, Peres wants the possibility of disarmament in the region, and therefore of a peaceful solution, to be understood as dependent on the deterrent potential of Israel. Even if he does not use the term "nuclear weapon," there is no doubt as to what he is referring to. But he suggests that the nuclear weapons are not meant to be used, but are only for deterrent as a safeguard against being attacked.

Peres' chain of thought is based on the assumption that Israel as such is unwanted in the region, with its neighbors striving for its demise. Peace is only possible if Israel succeeds in commanding respect and convincing the Arab states of its strength and invincibility. And since this is going to be an extended process, Israel has no choice but to build up its arms arsenals "in the meantime."

⁷⁶ Ibid. 196; Evron 1987: 19.

⁷⁷ Cf. interview with Peres: "Alert for prevention of backwardness by power balance," *Davar*, August 24, 1962; weekly interview with Vice Minister of Defense Shimon Peres, "Arms race began already before Shavit 2," *Maariv*, February 27, 1962; Peres' release to the press: "We are entering a difficult era," *Maariv*, August 5, 1962.

⁷⁸ Peres 1965: 190.

не отвергали категорически ядерные исследования и разработки.⁷⁶ В конечном итоге, обе точки зрения возобладали, опираясь на наихудший сценарий.

В опубликованных текстах сторонника ядерных технологий, такого как Шимон Перес, вопрос ядерного оружия практически не затрагивался, поскольку эта тема подвергалась и до сих пор подвергается строжайшей военной цензуре. Однако тексты, написанные им в начале 1960-х годов, могут быть переоценены в свете того, что нам известно сегодня. Важно помнить, что в тот момент вопрос о том, для каких целей Израиль будет использовать свою атомную электростанцию, оставался открытым. Антология, опубликованная в 1965 году, а также некоторые заявления Переса для прессы дают несколько подсказок о том, какой была политика безопасности того времени.⁷⁷ В своем эссе «Аспекты качества» Перес отстаивал современные технологии и подчеркивал значимость потенциала сдерживания:

Путь к безопасности и миру состоит из трех этапов: во-первых, сила возмездия; во-вторых, сила сдерживания; и в-третьих, разоружение. [...] Долгое время мы боролись за формирование вооруженных сил *в Эрец Израиль* чтобы иметь возможность защитить себя в случае нападения, но в этом мы преуспели лишь частично. [...] В Войне за независимость мы организовали армию и закупили оружие, но в недостаточном количестве, так что не смогли диктовать желаемую цель войны. [...] Сегодня мы вступаем во вторую фазу, создание сдерживающей силы. Делая это – и я говорю это со всей искренностью, несмотря на присутствие журналистов – мы не стремимся к войне, а лишь желаем... *сдерживание* Наши враги. Мы хотим создать такую силу, чтобы Насер был вынужден воздержаться от нападения на Государство Израиль. Настоящим мы со всей искренностью заявляем о своей готовности к третьему этапу: разоружению Ближнего Востока.⁷⁸

Здесь Перес хочет, чтобы возможность разоружения в регионе, а следовательно, и мирного решения, понималась как зависящая от сдерживающего потенциала Израиля. Даже если он не использует термин «ядерное оружие», нет сомнений в том, что он имеет в виду. Но он предполагает, что ядерное оружие не предназначено для применения, а служит лишь сдерживающим фактором в качестве гарантии от нападения.

Логика рассуждений Переса основана на предположении, что Израиль как таковой нежелателен в регионе, а его соседи стремятся к его уничтожению. Мир возможен только в том случае, если Израилу удастся завоевать уважение и убедить арабские государства в своей силе и непобедимости. А поскольку это будет длительный процесс, у Израиля нет иного выбора, кроме как наращивать свои арсеналы вооружений «тем временем».

⁷⁶ Там же, 196; Эврон 1987: 19.

⁷⁷ См. интервью с Пересом: «Предупреждение о предотвращении отсталости путем баланса сил», *Давар* 24 августа 1962 года; еженедельное интервью с заместителем министра обороны Шимоном Пересом: «Гонка вооружений началась еще до Шавита-2», *Маарив* 27 февраля 1962 года; заявление Переса для прессы: «Мы вступаем в трудную эпоху», *Маарив* 5 августа 1962 года. ⁷⁸ Перес 1965: 190.

Peace, which was probably almost impossible to imagine for Peres at that point in time, can only be achieved by military strength. Peres' maxim with regard to the "decade of peace" that began in 1990 is this: "The path to Oslo is via Dimona." In the mid-1960s he comments: "If the defense force [the conventional army] is regarded as indispensable, and the deterrent power as an opportunity, then the disarmament can be called a hope. In the State of Israel opportunity and hope go hand in hand."⁷⁹

According to this logic, peace can only come about as a side effect of security. And security is synonymous with the existence of the national state. The development of modern weapons with the goal of becoming militarily superior to the Arab neighbor states is the logical conclusion to this way of reasoning. Thus, in Israel's formative years Peres' perception of political reality in the Middle East was firmly tied to the described security doctrine.

He gets to the heart of it in a May 1962 essay entitled "Lessons for Security Policy."⁸⁰ The text was written under the impression of the debate between the "conventionalists" and the proponents of nuclear technology, and against the backdrop of a relative calm on the Israeli borders following the Sinai-Suez War:

Given the absence [of peace], we have to rely on our [military] power alone. The formation of this power has to proceed in a timely manner for the purpose of achieving maximal [Israeli] independence. But the creation of military power requires considerable endurance, especially in view of the constantly changing political and security-political situation. Accordingly, this task of power buildup [meaning armament] must not be influenced by temporary changes in the political situation. Rather, it needs to be tackled from the perspective of a pessimistic assessment of the situation in order to be able to face one of the most complicated and grave of constellations. Against this background, the relative relief which is achieved by temporary political improvements must be completely ignored. [...] We are in a new phase in the history of arms acquisitions. This is not a political, but a technological change. There is talk of a kind of weapon, which we could barely imagine in the past, but which now is introduced into our region.⁸¹

This text may serve to illustrate another aspect of the security doctrine, namely its depoliticization. In this context, the term "depoliticization" refers to the exclusion of the public from any discussion regarding the issue of non-conventional weapons, hence the security doctrine itself. There is some irony to the fact that by falling back on his coded language, Peres dives into the public debate with the sole purpose of arguing that it is not up for discussion because deterrence power

⁷⁹ Ibid. 190.

⁸⁰ Cf. Peres, "Lessons for Security Policy," of May 1962, in: Peres 1965: 146–156.

⁸¹ Ibid. 146, 149.

Мир, который, вероятно, был почти немислим для Переса в тот момент, может быть достигнут только военной силой. Максима Переса относительно «десятилетия мира», начавшегося в 1990 году, звучит так: «Путь в Осло лежит через Димону». В середине 1960-х годов он заметил: «Если оборонительные силы [обычная армия] рассматриваются как незаменимые, а сдерживающая сила — как возможность, то разоружение можно назвать надеждой. В Государстве Израиль возможность и надежда идут рука об руку».⁷⁹

Согласно этой логике, мир может возникнуть только как побочный эффект безопасности. А безопасность синонимична существованию национального государства. Разработка современного оружия с целью достижения военного превосходства над соседними арабскими государствами является логическим следствием такого рассуждения. Таким образом, в годы становления Израиля восприятие Пересом политической реальности на Ближнем Востоке было прочно связано с описанной доктриной безопасности.

Он добирается до сути вопроса в эссе, опубликованном в мае 1962 года и озаглавленном «Уроки для политики безопасности».⁸⁰ Текст был написан под влиянием дискуссии между «конвенционалистами» и сторонниками ядерных технологий, а также на фоне относительного затишья на израильских границах после Синайско-Суэцкой войны:

В условиях отсутствия мира нам приходится полагаться исключительно на нашу [военную] мощь. Формирование этой мощи должно происходить своевременно с целью достижения максимальной [израильской] независимости. Но создание военной мощи требует значительной выносливости, особенно в свете постоянно меняющейся политической и военно-политической ситуации. Соответственно, эта задача наращивания мощи [имеется в виду вооружение] не должна зависеть от временных изменений политической ситуации. Скорее, к ней необходимо подходить с пессимистической оценки ситуации, чтобы иметь возможность противостоять одной из самых сложных и серьезных ситуаций. На этом фоне относительное облегчение, достигаемое временными политическими улучшениями, должно быть полностью проигнорировано. [...] Мы находимся на новом этапе в истории приобретения вооружений. Это не политическое, а технологическое изменение. Речь идет о таком виде оружия, которое мы едва могли себе представить в прошлом, но которое теперь внедряется в нашем регионе.⁸¹

Этот текст может служить иллюстрацией другого аспекта доктрины безопасности, а именно её деполитизации. В этом контексте термин «деполитизация» относится к исключению общественности из любого обсуждения вопроса о нетрадиционных вооружениях, отсюда и сама доктрина безопасности. Есть определенная ирония в том, что, прибегая к завуалированной лексике, Перес вступает в публичную дискуссию с единственной целью — доказать, что она не подлежит обсуждению, поскольку сдерживающая сила является непреодолимой.

⁷⁹ Там же, 190.

⁸⁰ См. Перес, «Уроки для политики безопасности», май 1962 г., в: Перес 1965: 146–156. ⁸¹ Там же, стр. 146, 149.

is simply indispensable. Peres' argument that the comparatively peaceful period of 1962 is treacherous and that a pessimistic assessment of the situation is pertinent to upholding security is ultimately an appeal to keep shaping security policy based on the worst-case scenario. Proceeding from this assumption, any political debate seems obsolete to him.

Besides, such a discussion was virtually impossible at that time. After all, the Dimona project was in a precarious phase in the early 1960s. By the end of 1960 the USA gained knowledge of the Dimona reactor. Now Ben-Gurion came under massive pressure from the American government to put the nuclear plant under international supervision and to disclose Israel's plans. But since the Israeli leadership was unwilling to let anyone peer at their cards, it came up with a security-political strategy that consisted of dodging any confirmation or denial of Israel's nuclear weapons potential.

The Policy of Opacity

When asked about the nuclear program, Israel usually fell back on the standard reply: "Israel will not be the first country to introduce nuclear weapons into the Middle East." The Israeli leadership would neither negate their possession of nuclear weapons nor corroborate it. In domestic politics the issue had already been a taboo topic from the 1960s onward. In his book *The Last Taboo*, published in 2005, Avner Cohen deals with the Israeli "policy of ambiguity" which he calls the "policy of opacity."⁸²

Cohen depicts this policy as a "case of extreme tension between nuclear policy and democracy." The social tabooing of this topic has been possible because it simply does not exist in the public sphere, i.e., government, *Knesset*, and judicial power. Cohen puts the phenomenon of tabooing nuclear weapons in the context of a "culture of opacity," a political culture which is closely connected to the "Israeli order": "The culture of opacity leads to extreme tensions in liberal democracy, in particular when it comes to the question of supervision."⁸³

Avner Cohen ascribes this political culture to the interplay of three factors, namely the taboo as a social code within the Jewish-Israeli "tribe," the military censorship as an instrument used by the state to enforce the taboo, and the policy of opacity as a political strategy. Without the strict military censorship, and later the social tabooing of the nuclear issue, the policy of opacity would not have

⁸² Cohen 2005.

⁸³ Ibid. 14.

Это просто необходимо. Аргумент Переса о том, что сравнительно мирный период 1962 года был опасным и что пессимистическая оценка ситуации имеет значение для поддержания безопасности, в конечном счете, сводится к призыву продолжать формировать политику безопасности, основываясь на наихудшем сценарии. Исходя из этого предположения, любые политические дебаты кажутся ему устаревшими.

Кроме того, подобное обсуждение в то время было практически невозможно. В конце концов, проект «Димона» находился в шатком положении в начале 1960-х годов. К концу 1960 года США получили информацию о реакторе в Димоне. Теперь Бен-Гурион оказался под огромным давлением со стороны американского правительства с требованием установить международный контроль над атомной электростанцией и раскрыть планы Израиля. Но поскольку израильское руководство не желало никому раскрывать свои карты, оно разработало стратегию в области безопасности и политики, которая заключалась в уклонении от любого подтверждения или опровержения потенциала Израиля в области ядерного оружия.

Политика непрозрачности

Когда Израиль спрашивали о ядерной программе, он обычно отвечал стандартным образом: «Израиль не будет первой страной, которая разместит ядерное оружие на Ближнем Востоке». Израильское руководство не отрицало наличие у себя ядерного оружия и не подтверждало его. Во внутренней политике этот вопрос был табуированной темой еще с 1960-х годов. В своей книге *Последнее табу* в своей работе, опубликованной в 2005 году, Авнер Коэн рассматривает израильскую «политику двусмысленности», которую он называет «политикой непрозрачности».⁸²

Коэн описывает эту политику как «случай крайней напряженности между ядерной политикой и демократией». Социальное табуирование этой темы стало возможным потому, что она просто не существует в публичной сфере, то есть в правительстве. *Кнессет*, и судебной власти. Коэн рассматривает феномен табу на ядерное оружие в контексте «культуры непрозрачности», политической культуры, тесно связанной с «израильским порядком»: «Культура непрозрачности приводит к крайней напряженности в либеральной демократии, особенно когда речь идет о вопросе контроля».⁸³

Авнер Коэн объясняет эту политическую культуру взаимодействием трех факторов: табу как социального кодекса внутри еврейско-израильского «племени», военной цензуры как инструмента, используемого государством для поддержания табу, и политики непрозрачности как политической стратегии. Без строгой военной цензуры, а позже и социального табу на ядерную проблему, политика непрозрачности не имела бы такого эффекта.

⁸²Коэн 2005.

⁸³Там же. 14.

been so successful. And the social tabooing would have been impossible to keep up without the public's recognition that the nuclear weapons policy is a matter of national security.⁸⁴

With the information block-out firmly in place, one may even wonder in how far it can be said that the public has any knowledge of the nuclear program at all. Avner Cohen goes on to point out: "Out of almost mythical fear, the public manages to stay clear of the topic and its actual meaning, to completely block it out and to act as if the serious strategic and moral dilemmas are none of its business."⁸⁵

In Israel, disregarding this social imperative still means becoming liable to prosecution. To break this silence was the objective of *The Last Taboo*, which barely made it past the military censorship.⁸⁶ The author offers the following hypothesis: Although the taboo on discussing nuclear weapons might have been forced on the public, the public itself has "a deep-seated desire" to remain oblivious of this delicate topic. The taboo is actually "an echo of the authentic will of the Israelis to not discuss the topic publicly and to leave it completely up to the 'authorized experts.'"⁸⁷

Although Avner Cohen makes a plea for an open debate about Israel's nuclear weapons, he does not really question their necessity. Rather, he sees the "tremendous success of the nuclear endeavor" in how it "has turned Israel into a regional power and has given it standing and prestige among its enemies as well as its friends." With this kind of appraisal, he might be said to hold the same view as Peres, namely that it is (military) strength that inspires (political and diplomatic) respect. What is more, Cohen draws on the presumed consensus in Israeli society that Israel's nuclear weapons serve the national security. At the same time, Cohen points out the deliberate ignorance of the Israeli public in this matter.⁸⁸

But how is such a taboo created? Where does the "putative authentic will" to not want to know come from? How did this social consensus concerning the nuclear issue come about? Is it that the unreserved support of the Israelis as it is hinted at here applies exclusively to the procurement of nuclear weapons? Or does this political behavior also pertain to other aspects of security policy such as conventional armament? First and foremost stands the question as to what position a man of the establishment like Peres took with regard to the "policy of

⁸⁴ Ibid. 142.

⁸⁵ Ibid. 141.

⁸⁶ Ibid. 19–20.

⁸⁷ Ibid. 142.

⁸⁸ Cohen 2005: 12–13, 184–187.

Добиться такого успеха. И поддерживать социальное табу было бы невозможно без признания общественностью того факта, что политика в отношении ядерного оружия — это вопрос национальной безопасности.⁸⁴

В условиях жесткой информационной блокады можно даже задаться вопросом, насколько вообще общественность осведомлена о ядерной программе. Авнер Коэн далее отмечает: «Из-за почти мифического страха общественность умудряется избегать этой темы и ее истинного смысла, полностью блокируя ее и ведя себя так, как будто серьезные стратегические и моральные дилеммы ее не касаются».⁸⁵

В Израиле игнорирование этого социального императива по-прежнему означает привлечение к уголовной ответственности. Нарушить это молчание было целью *Последнее табу*, которая едва прошла военную цензуру.⁸⁶ Автор выдвигает следующую гипотезу: хотя табу на обсуждение ядерного оружия, возможно, было навязано общественности, сама общественность имеет «глубоко укоренившееся желание» оставаться в неведении относительно этой деликатной темы. Табу на самом деле является «отголоском подлинного желания израильтян не обсуждать эту тему публично и полностью оставить ее на усмотрение «уполномоченных экспертов»».⁸⁷

Хотя Авнер Коэн призывает к открытой дискуссии об израильском ядерном оружии, он на самом деле не ставит под сомнение его необходимость. Скорее, он видит «огромный успех ядерной программы» в том, как она «превратила Израиль в региональную державу и придала ему авторитет и престиж как среди врагов, так и среди друзей». С такой оценкой можно сказать, что он придерживается того же мнения, что и Перес, а именно, что именно (военная) мощь внушает (политическое и дипломатическое) уважение. Более того, Коэн опирается на предполагаемый консенсус в израильском обществе о том, что израильское ядерное оружие служит национальной безопасности. В то же время Коэн указывает на преднамеренное игнорирование этого вопроса израильской общественностью.⁸⁸

Но как создается такое табу? Откуда берется «предполагаемое подлинное желание» не хотеть знать? Как возник этот общественный консенсус по ядерной проблеме? Означает ли это, что безоговорочная поддержка израильтян, на которую здесь намекается, относится исключительно к закупке ядерного оружия? Или такое политическое поведение распространяется и на другие аспекты политики безопасности, такие как обычные вооружения? Прежде всего, возникает вопрос о том, какую позицию занимал человек из истеблишмента, такой как Перес, в отношении «политики

⁸⁴Там же, 142.

⁸⁵Там же, 141.

⁸⁶Там же, 19–20.

⁸⁷Там же, 142.

⁸⁸Коэн 2005: 12–13, 184–187.

ambiguity” when it came to the issue of nuclear weapons, and what contribution he made to the tabooing of this topic, hence to the establishment of a “political culture of opacity.”

The culture of secrecy surrounding security questions has its roots in the pre-state *Yishuv*. The principle of secrecy created in British Palestine provided the ideological-cultural basis for the Zionists in representing their own security interests. The first arms purchases as well as the provisional production of weapons in the 1930s and 1940s were subject to utmost secrecy.

The Zionist underground militia, as such illegal, formed the fundament of the secrecy culture. In the 1950s, this element of political culture survived and took root particularly in security policy. Befittingly, Ben-Gurion finalized the decision to buy a nuclear reactor from France with only a handful of people involved and continued to keep the project secret. Ben-Gurion's political mentality of secrecy also found expression in the fact that he was not willing to set any long-term goals. When the USA discovered the nuclear reactor at Dimona towards the end of 1960, Ben-Gurion went on to declare before the *Knesset* on December 21, 1960 that Israel was not developing nuclear weapons and Dimona served exclusively peaceful purposes.

This formal explanation was accepted without discussion or criticism. All too touchy was the issue even for the nuclear weapons opponents in parliament. Ben-Gurion's authority inhibited any resistance.⁸⁹ And although most *Knesset* delegates from the big parties were essentially opposed to the armament with nuclear weapons, they – with the exception of representatives of the communist party *Maki* – barely dared to bring it up and challenge Ben-Gurion. He in turn applied his own strategy in order to ascertain the parliament and public remained excluded. To evade any parliamentary debates, the Prime Minister made it possible for every leader of a *Knesset* parliamentary group to turn to him directly.

In addition, a secret commission was formed in late 1962 within the context of the *Knesset* Foreign Affairs and Defense Committee to deal with the financial aspects of Dimona. Avner Cohen observes that this secrecy policy was a “convenient solution” for the legislative and the executive. As for the nuclear weapons opponents within the *Mapai*, they also failed to express their pragmatic and moral reservations within the party. Accordingly, the secrecy imperative extended to the entire parliamentary system and thus contributed to the depoliticization of the nuclear weapons issue.⁹⁰

⁸⁹ Ibid. 150–151.

⁹⁰ Ibid. 192–193.

Он проявлял неопределенность в вопросе ядерного оружия и способствовал замалчиванию этой темы, а следовательно, и созданию «политической культуры непрозрачности».

Культура секретности в отношении вопросов безопасности уходит корнями в догосударственную эпоху. *Ишув* Принцип секретности, установленный в британской Палестине, послужил идеологической и культурной основой для сионистов в отстаивании собственных интересов безопасности. Первые закупки оружия, а также временное производство вооружений в 1930-х и 1940-х годах осуществлялись в условиях строжайшей секретности.

Сионистское подпольное ополчение, будучи, по сути, незаконным, составляло основу культуры секретности. В 1950-х годах этот элемент политической культуры сохранился и укоренился, в частности, в политике безопасности. Примечательно, что Бен-Гурион принял решение о покупке ядерного реактора у Франции, согласовав его с участием лишь нескольких человек, и продолжал держать проект в секрете. Политическая ментальность Бен-Гуриона, основанная на секретности, также нашла отражение в том, что он не желал ставить перед собой долгосрочные цели. Когда США обнаружили ядерный реактор в Димоне в конце 1960 года, Бен-Гурион заявил перед... *Кнессет* 21 декабря 1960 года было заявлено, что Израиль не разрабатывает ядерное оружие, и что Димона служит исключительно мирным целям.

Это формальное объяснение было принято без обсуждения и критики. Слишком щекотливым был этот вопрос даже для противников ядерного оружия в парламенте. Авторитет Бен-Гуриона подавлял любое сопротивление.⁸⁹ И хотя большинство *Кнессет* Делегаты от крупных партий были в основном против вооружения ядерным оружием, за исключением представителей коммунистической партии. *Маки* — Он едва осмеливался поднять этот вопрос и бросить вызов Бен-Гуриону. В свою очередь, он применил собственную стратегию, чтобы гарантировать, что парламент и общественность останутся вне его внимания. Чтобы избежать любых парламентских дебатов, премьер-министр предоставил возможность каждому лидеру... *Кнессет* парламентская группа обратится к нему напрямую.

Кроме того, в конце 1962 года в рамках этой деятельности была сформирована секретная комиссия. *Кнессет* Комитет по иностранным делам и обороне займется финансовыми аспектами дела Димоны. Авнер Козн отмечает, что эта политика секретности была «удобным решением» для законодательной и исполнительной власти. Что касается противников ядерного оружия внутри... *Мапай* Кроме того, они не смогли выразить свои прагматические и моральные опасения внутри партии. Соответственно, необходимость соблюдения секретности распространилась на всю парламентскую систему и тем самым способствовала деполитизации вопроса о ядерном оружии.⁹⁰

⁸⁹ Там же. 150–151.

⁹⁰ Там же. 192–193.

But still some nuclear weapons opponents did express their protest openly in the hopes of being able to stop the project in time. How did the duo of Ben-Gurion and Peres deal with them? The example of the intellectual Eliezer Livneh (1902–1975), a former member of the *Mapai* party, shows how effective the rules of censorship laid down by the Ministry of Defense were.

Even before the decision as to how the nuclear capacity of Israel was to be used was made, Livneh came out in favor of publicly discussing “the true purpose of the nuclear venture.” In an article entitled “The Last Warning,” published in *Haaretz* on January 12, 1962, Livneh expressed his concern regarding Israeli security policy. He feared that a security doctrine based on nuclear weapons and ballistic missiles would “nuclearize” the Middle East conflict – a disastrous development for the region.

Some months later he founded a small group that included Israeli personalities such as Martin Buber (1878–1965), Efreim Orbach (1912–1991) and Yeshayahu Leibowitz, as well as former members of the Israeli Atomic Energy Commission Gabriel Stein (1920–1976) and Franz Ollendorff (1900–1981). They jointly handed in a petition to the government seeking to prevent the introduction of nuclear weapons into the region.

Confusion spread in the Ministry of Defense. An official reply was never issued. Instead, the group around Livneh was fought behind the scenes. In order to silence the nuclear opponents they were portrayed as a danger to the security of the state. For this purpose, the Ministry of Defense put the Israeli Journalists’ Association under pressure to cancel a press conference on “Nuclear Weapons in the Middle East” announced by Livneh – with success. All this was justified by arguing that Livneh and his supporters compromised national security.⁹¹

In the summer and fall of 1962, Peres tried to convey his ministry’s position through the press. But Peres’ statements to the media turned out to be counter-productive. His public statements confirmed the suspicions of the anti-nuclear weapons group, namely that Israel did indeed intend to use its nuclear capacity for the production of weapons. In the summer of 1962, Livneh, Stein, Orbach and others founded the “Committee for the Nuclear Disarmament of the Middle East” with the support of the President of the World Zionist Organization Nahum Goldman (1895–1982). The committee appealed to the political elites of the country to draw attention to the dangers posed by nuclear weapons.

The objective of the committee was to make the nuclear weapons issue a top-priority political topic, and the argument put into the foreground by the group was that the introduction of weapons of mass destruction into the region could

91 Cohen 2000: 188–189.

Однако некоторые противники ядерного оружия всё же открыто выражали свой протест в надежде вовремя остановить проект. Как с ними справлялись Бен-Гурион и Перес? Примером тому служит интеллектуал Элизер Ливне (1902–1975), бывший член *Мапаи* партия, показывает, насколько эффективными были правила цензуры, установленные Министерством обороны.

Еще до принятия решения о том, как будет использоваться ядерный потенциал Израиля, Ливне высказалась за публичное обсуждение «истинной цели ядерного проекта». В статье под названием «Последнее предупреждение», опубликованной в *Хаарец* 12 января 1962 года Ливне выразил обеспокоенность по поводу израильской политики безопасности. Он опасался, что доктрина безопасности, основанная на ядерном оружии и баллистических ракетах, приведет к «ядерной» агитации в ближневосточном конфликте – катастрофическому развитию событий для региона.

Несколько месяцев спустя он основал небольшую группу, в которую вошли такие израильские деятели, как Мартин Бубер (1878–1965), Эфрейм Орбах (1912–1991) и Йешаягу Лейбовиц, а также бывшие члены Израильской комиссии по атомной энергии Габриэль Штайн (1920–1976) и Франц Оллендорф (1900–1981). Они совместно подали петицию правительству с требованием предотвратить размещение ядерного оружия в регионе.

В Министерстве обороны воцарилась неразбериха. Официального ответа так и не последовало. Вместо этого за кулисами велась борьба с группировкой Ливне. Чтобы заставить замолчать противников ядерного оружия, их изображали как угрозу безопасности государства. С этой целью Министерство обороны оказало давление на Ассоциацию израильских журналистов, чтобы та отменила пресс-конференцию по теме «Ядерное оружие на Ближнем Востоке», объявленную Ливне, — и добились успеха. Все это оправдывалось аргументом о том, что Ливне и его сторонники ставят под угрозу национальную безопасность.⁹¹

Летом и осенью 1962 года Перес пытался донести позицию своего министерства через прессу. Но заявления Переса для СМИ оказались контрпродуктивными. Его публичные заявления подтвердили подозрения антиядерной группы, а именно, что Израиль действительно намерен использовать свой ядерный потенциал для производства оружия. Летом 1962 года Ливне, Штайн, Орбах и другие при поддержке президента Всемирной сионистской организации Нахума Гольдмана (1895–1982) основали «Комитет по ядерному разоружению Ближнего Востока». Комитет обратился к политической элите страны с призывом привлечь внимание к опасностям, исходящим от ядерного оружия.

Целью комитета было сделать вопрос ядерного оружия первоочередной политической темой, и выдвинутый группой аргумент заключался в том, что размещение оружия массового уничтожения в регионе может привести к...

⁹¹Коэн 2000: 188–189.

endanger the entire Zionist project. As they emphasized, given Israel's small size and its disadvantageous geopolitical and demographic situation, it would be exposed to the risk of total annihilation should it come to a nuclearization of the Middle East conflict. In its own best interests the country should seek an absolute ban on the introduction of such arms into the region.

For even if Israel should prove successful in producing technically superior nuclear weapons in the near future, it would not be able to keep up the advantage permanently. The committee advocated opening negotiations with the other states in the region to avert the danger of nuclear armament. Its members further stressed that the acquisition of the weapons as well as the associated secrecy policy were undemocratic.⁹² Already then the critical Israeli philosopher Yeshayahu Leibowitz recognized the problem of the nuclear program, which he described as a "state within the state" in the sense that it stands outside Israeli jurisdiction and beyond the public's oversight.⁹³

But the nuclear weapon opponents were quickly silenced when the government invoked military censorship. Avner Cohen points out the essential role of censorship in the enforcement of this demand to silence, and later in the consolidation of the policy of ambiguity.⁹⁴ The military censorship prohibited any factual references to Israel's nuclear program. It only allowed and still only allows commentary on foreign sources, or publications that are specifically marked as a personal opinion or as hypothetical deliberations of the author. In this way, any basis for a possible public debate is eliminated.

Even today, to publish information about the Israeli nuclear program means making oneself guilty of an offense. And so the anti-nuclear committee was trapped in a Catch-22 situation: In order to be able to pursue their goal, its members put themselves in danger of being accused of betraying state secrets.⁹⁵ Indeed, the Israeli media scientist Yoel Cohen points out that Livneh was "summoned and warned by government representatives that he could be indicted."⁹⁶

⁹² Ibid. 180–191.

⁹³ Cohen 2005: 152.

⁹⁴ Ibid. 151–152.

⁹⁵ Cohen 2000: 191.

⁹⁶ Cohen 1995: 370.

Это поставит под угрозу весь сионистский проект. Как они подчеркнули, учитывая небольшие размеры Израиля и его невыгодное геополитическое и демографическое положение, в случае ядерного вмешательства в конфликт на Ближнем Востоке страна окажется под угрозой полного уничтожения. В собственных интересах страна должна добиваться полного запрета на ввоз такого оружия в регион.

Даже если Израилю в ближайшем будущем удастся создать технически превосходящее ядерное оружие, он не сможет сохранить это преимущество на постоянной основе. Комитет выступал за начало переговоров с другими государствами региона, чтобы предотвратить опасность ядерного вооружения. Его члены также подчеркивали, что приобретение оружия, а также связанная с этим политика секретности являются недемократичными.⁹² Уже тогда критически настроенный израильский философ Иешаягу Лейбовиц признал проблему ядерной программы, которую он описал как «государство в государстве» в том смысле, что она находится вне израильской юрисдикции и вне общественного контроля.⁹³

Однако противники ядерного оружия были быстро замолчены, когда правительство прибегло к военной цензуре. Авнер Коэн указывает на существенную роль цензуры в обеспечении этого требования молчания, а позже и в укреплении политики двусмысленности.⁹⁴ Военная цензура запрещала любые фактические упоминания израильской ядерной программы. Она разрешала и до сих пор разрешает только комментарии к иностранным источникам или публикации, специально помеченные как личное мнение или как гипотетические рассуждения автора. Таким образом, исключается любая возможность публичной дискуссии.

Даже сегодня публикация информации об израильской ядерной программе означает совершение правонарушения. Таким образом, антиядерный комитет оказался в безвыходной ситуации: чтобы достичь своей цели, его члены рисковали быть обвиненными в разглашении государственных секретов.⁹⁵ Действительно, израильский медиа-ученый Йозель Коэн отмечает, что Ливне был «вызван и предупрежден представителями правительства о возможности предъявления ему обвинения».⁹⁶

⁹²Там же. 180–191.

⁹³Коэн 2005: 152. ⁹⁴

Там же. 151–152.

⁹⁵Коэн 2000: 191.

⁹⁶Коэн 1995: 370.

The Vanunu Affair

Following the short and unsuccessful attempt at resistance by the “Committee for the Nuclear Disarmament of the Middle East” in the early 1960s, the policy of opacity became more and more prevalent – even as particularly Peres’ position regarding this policy remained inconsistent for decades. According to Avner Cohen, on the eve of the Six-Day War Peres made a proposition to abandon the strategy of ambiguity and disclose Israel’s position as a nuclear power to the public. Prime Minister Levi Eshkol rejected the suggestion.⁹⁷

The Israeli historian Tom Segev (1945–) also maintains that in the crisis of May/June 1967, Peres campaigned for demonstrating Israel’s deterrent potential to avoid the impending war.⁹⁸ Some years later, in the initial days of the Yom Kippur War of 1973, Minister of Defense Moshe Dayan was thrown into a state of panic when faced with heavy losses at the southern front. He suggested the deployment of nuclear weapons to Prime Minister Golda Meir, but this time as well Israel made do with its conventional military forces. What is important here, though, is that both Peres in 1967 and Dayan in 1973 believed that Israel could indeed make use of its nuclear weapons in an emergency situation to escape catastrophe.⁹⁹

Only in the mid-1980s did the concept of “opacity” start to show cracks. On October 5, 1986, the London Sunday Times ran an exclusive report on its front page: “Revealed: The Secrets of Israel’s Nuclear Arsenal.” The article relied on information provided by Mordechai Vanunu (1954–), formerly a technician at the Nuclear Research Center near Dimona where he worked from 1977 to 1985 in a top-secret subterranean bunker system.

The article, the contents of which had been thoroughly vetted by the Sunday Times’ research team *Insight* prior to its publication, created a giant stir worldwide. From the evidence and statements offered by Vanunu, nuclear scientists consulted by *Insight* concluded that not only does Israel have the atomic bomb – which had long been speculated –, but also that the country has developed into a major nuclear power. In a nutshell the article said: Israel takes sixth place among the nuclear powers of the world, it secretly produces plutonium in an

⁹⁷ Cohen 2005: 154.

⁹⁸ Segev 2005: 347–345.

⁹⁹ Cohen 2005: 49–54. In the wake of the 1973 war, Israel “tremendously” increased its nuclear arsenal. This took place under the Rabin government of 1974–1977, with Peres as minister of defense. It is by this increase, Cohen says, that Israel became a nuclear world power. *Ibid.* 54–55.

Дело Вануну

После короткой и безуспешной попытки сопротивления со стороны «Комитета по ядерному разоружению Ближнего Востока» в начале 1960-х годов политика непрозрачности становилась все более распространенной – хотя позиция Переса в отношении этой политики оставалась, в частности, непоследовательной на протяжении десятилетий. По словам Авнера Коэна, накануне Шестидневной войны Перес предложил отказаться от стратегии двусмысленности и раскрыть общественности позицию Израиля как ядерной державы. Премьер-министр Леви Эшколь отклонил это предложение.⁹⁷

Израильский историк Том Сегев (1945–) также утверждает, что во время кризиса мая/июня 1967 года Перес проводил кампанию за демонстрацию потенциала Израиля в сдерживании, чтобы избежать надвигающейся войны.⁹⁸ Несколько лет спустя, в первые дни войны Судного дня 1973 года, министр обороны Моше Даян впал в панику, столкнувшись с тяжелыми потерями на южном фронте. Он предложил премьер-министру Голде Меир развернуть ядерное оружие, но и на этот раз Израиль обошелся своими обычными вооруженными силами. Важно отметить, что и Перес в 1967 году, и Даян в 1973 году считали, что Израиль действительно может использовать свое ядерное оружие в чрезвычайной ситуации, чтобы избежать катастрофы.⁹⁹

Лишь в середине 1980-х годов концепция «непрозрачности» начала давать трещины. 5 октября 1986 года лондонская газета Sunday Times опубликовала на первой полосе эксклюзивный репортаж: «Раскрыты секреты израильского ядерного арсенала». Статья основывалась на информации, предоставленной Мордехаем Вануну (1954–), бывшим техником в Центре ядерных исследований недалеко от Димоны, где он работал с 1977 по 1985 год в сверхсекретной подземной бункерной системе.

Статья, содержание которой было тщательно проверено исследовательской группой Sunday Times, *Понимание* До публикации это вызвало огромный резонанс во всем мире. На основании представленных Вануну доказательств и заявлений, ученые-ядерщики, с которыми консультировались, *Понимание* пришли к выводу, что Израиль не только обладает атомной бомбой. – о чем давно ходили слухи, – но также и о том, что страна превратилась в крупную ядерную державу. Вкратце в статье говорилось: Израиль занимает шестое место среди ядерных держав мира, он тайно производит плутоний в

⁹⁷Коэн 2005: 154. ⁹⁸

Сегев 2005: 347–345.

⁹⁹Коэн 2005: 49–54. После войны 1973 года Израиль «значительно» увеличил свой ядерный арсенал. Это произошло при правительстве Рабина в 1974–1977 годах, когда Перес занимал пост министра обороны. Именно благодаря этому увеличению, как утверждает Коэн, Израиль стал ядерной мировой державой. Там же, 54–55.

underground complex, and one hundred to two hundred nuclear weapons have already been produced in Dimona.¹⁰⁰

In August 1986, the Israeli security service informed Prime Minister Peres that Vanunu had made contact with the Sunday Times. At first the Mossad searched for Vanunu in Australia, but later learned from the British security service MI6 that the technician was in London. On September 21, 1986, Peres decided, together with his deputy, Foreign Minister Yitzhak Shamir, and Minister of Defense Yitzhak Rabin, to abduct Vanunu and bring him back to Israel.¹⁰¹

Given the tensions between the Israeli and the British security services since the early 1980s, Peres is said to have instructed the Mossad to make sure to not violate any British laws when kidnapping Vanunu. As such the Mossad developed a plan to first coax Vanunu out of England, and then bring him to Israel by force.¹⁰² In the end, Vanunu fell into the trap of Mossad agent Cheryl Hanin-Bentov who managed to lure her victim to Rome, from where he was taken to Israel.

Vanunu was put on trial to the exclusion of the public. The charge comprised three items: treason, espionage of a particularly heinous nature and collection of secret information with the intent to compromise state security. On March 24, 1988, Vanunu was found guilty of espionage and treason and sentenced to eighteen years in prison in solitary confinement.¹⁰³ Due to international pressure his solitary confinement was lifted after eleven years. Finally, on April 21, 2004, Vanunu was released, but his freedom of movement remains highly restricted to this day.¹⁰⁴

All decisions reached in the Vanunu Affair were subject to the strictest secrecy and were made by a small group of people, with Peres keeping only a few members of the cabinet of ministers in the loop. He neither informed the *Knesset* nor did he consult with his advisors. Only as late as November 16, 1986 – seven weeks after Vanunu's disappearance from England on the first of October – and only in reaction to international pressure put on Israel to disclose the whereabouts of the persecuted man, was it finally confirmed that Vanunu was indeed in Israel and under arrest.

Yoel Cohen, author of *Nuclear Ambiguity: Vanunu Affair*, is of the opinion that Peres' decision to break the silence was a major mistake. It brought to light that

¹⁰⁰ Black and Morris 1994: 631; Cohen 1995: 123–126; *Haaretz*, November 6, 1986, and April 19, 2004.

¹⁰¹ Cohen 1995: 169.

¹⁰² *Ibid.* 177.

¹⁰³ *Ibid.* 329–331.

¹⁰⁴ Malman 2004.

подземный комплекс, и в Димоне уже произведено от ста до двухсот ядерных боеголовок.¹⁰⁰

В августе 1986 года израильская служба безопасности сообщила премьер-министру Пересу, что Вануну связался с газетой Sunday Times. Сначала Моссад разыскивал Вануну в Австралии, но позже узнал от британской службы безопасности МИ6, что техник находится в Лондоне. 21 сентября 1986 года Перес вместе со своим заместителем, министром иностранных дел Ицхаком Шамиром, и министром обороны Ицхаком Рабином принял решение похитить Вануну и вернуть его в Израиль.¹⁰¹

Учитывая напряженность между израильскими и британскими службами безопасности с начала 1980-х годов, Перес, как сообщается, дал указание Моссаду не нарушать британские законы при похищении Вануну. Поэтому Моссад разработал план: сначала выманить Вануну из Англии, а затем силой доставить его в Израиль.¹⁰² В конце концов, Вануну попал в ловушку агента Моссада Шерил Ханин-Бентов, которой удалось заманить свою жертву в Рим, откуда его доставили в Израиль.

Вануну был предан суду в отсутствие публики. Обвинение включало три пункта: государственную измену, особо тяжкий шпионаж и сбор секретной информации с целью подорвать государственную безопасность. 24 марта 1988 года Вануну был признан виновным в шпионаже и государственной измене и приговорен к восемнадцати годам тюремного заключения в одиночной камере.¹⁰³ Благодаря международному давлению его одиночное заключение было отменено через одиннадцать лет. Наконец, 21 апреля 2004 года Вануну был освобожден, но его свобода передвижения остается сильно ограниченной по сей день.¹⁰⁴

Все решения, принятые в рамках дела Вануну, хранились в строжайшей тайне и принимались небольшой группой лиц. Перес держал в курсе лишь немногих членов кабинета министров. Он также не проинформировал никого из них. *Кнессет* Он также не консультировался со своими советниками. Лишь 16 ноября 1986 года — через семь недель после исчезновения Вануну из Англии 1 октября — и только в ответ на международное давление на Израиль с целью раскрытия местонахождения преследуемого человека, было окончательно подтверждено, что Вануну действительно находится в Израиле и арестован.

Йозель Коэн, автор *Ядерная двусмысленность: Дело Вануну*, Существует мнение, что решение Переса нарушить молчание было большой ошибкой. Это выявило, что

¹⁰⁰Блэк и Моррис 1994: 631; Коэн 1995: 123–126; *Хаарец* 6 ноября 1986 г. и 19 апреля 2004 г.

¹⁰¹Коэн 1995: 169. ¹⁰²

Там же, 177.

¹⁰³Там же, стр. 329–331.

¹⁰⁴Мальман 2004.

he had secretly planned the kidnapping within a small circle without taking into account the consequences. Moreover, by publicly confirming a covert operation he committed nothing less than a deadly sin of intelligence work.¹⁰⁵

Whether Peres really had any chance of permanently keeping under wraps Vanunu's whereabouts and the breach of international law committed by the kidnapping remains controversial. At any rate, he managed to remain silent for several weeks. Or did Peres anticipate that he would have to admit to the kidnapping and had accepted this fact? As Yoel Cohen speculates, Peres had developed "a full-on security neurosis" over the course of the years, and not having any personal experience in intelligence work finally made the decision that would trigger such severe criticisms from the world public and various foreign parliaments.

Another position is that Peres wanted to create a precedent.¹⁰⁶ With this in mind, can the decision to take recourse to such a drastic measure as kidnapping really be attributed to a "security neurosis" which the decision makers were suffering from? Or did Peres merely make use of common practices to preserve the "Israeli order"? This is what Peres, who only rarely comments on the affair, said about the decision for the kidnapping: "Even if Vanunu's information about nuclear weapons is incorrect, Israel should still prosecute him because he does not have the right to talk about such matters. He has betrayed state secrets."¹⁰⁷

Yoel Cohen labels this a "cosmetic excuse." He argues that patriotism and the imperative to remain silent on state secrets are deeply ingrained in the political culture of Israel as it is, so that setting a cautionary example was not really necessary. Cohen is convinced that Vanunu was kidnapped because Israeli authorities sought to prevent him from betraying even more information.¹⁰⁸ This claim is plausible because the decision to capture Vanunu was finalized before the revelations were made public. The hope was that he could be stopped in time. But can the reason given by Peres, to the effect that the abduction was supposed to set a warning example, really be dismissed as a "cosmetic excuse"? Is this kind of deterrent not in fact an integral part of the political culture of Israel?

Peres' blunt remark regarding people who divulge state secrets sheds some light on the fundament of the specific "Israeli order," namely its keen sense of security. Any attempt to shake that order is to be resisted tooth and nail. It is assumed that Vanunu had no right to disclose information because no one is jus-

¹⁰⁵ Cohen 1995: 250.

¹⁰⁶ Ibid. 236, 239–240.

¹⁰⁷ Ibid. 240.

¹⁰⁸ Ibid.

Он тайно спланировал похищение в узком кругу, не принимая во внимание последствия. Более того, публично подтвердив тайную операцию, он совершил не что иное, как смертный грех разведывательной деятельности.¹⁰⁵

Остаётся спорным вопрос, действительно ли у Переса был шанс навсегда скрыть местонахождение Вануну и нарушение международного права, совершённое в результате похищения. Во всяком случае, ему удалось промолчать несколько недель. Или же Перес предвидел, что ему придётся признаться в похищении, и смирился с этим фактом? Как предполагает Йоэль Коэн, у Переса за годы развился «настоящий невроз, связанный с безопасностью», и отсутствие личного опыта в разведывательной работе в конечном итоге сделало решение, вызвавшее столь резкую критику со стороны мирового сообщества и различных зарубежных парламентов, достоянием общественности.

Другая точка зрения заключается в том, что Перес хотел создать прецедент.¹⁰⁶ Учитывая это, можно ли действительно объяснить решение прибегнуть к такой радикальной мере, как похищение, «неврозом безопасности», от которого страдали лица, принимавшие решение? Или же Перес просто использовал общепринятые методы для сохранения «израильского порядка»? Вот что сказал Перес, который лишь изредка комментирует это дело, о решении похитить человека: «Даже если информация Вануну о ядерном оружии неверна, Израиль все равно должен привлечь его к ответственности, потому что он не имеет права говорить о таких вещах. Он разгласил государственные секреты».¹⁰⁷

Йоэль Коэн называет это «косметическим оправданием». Он утверждает, что патриотизм и необходимость хранить молчание о государственных тайнах глубоко укоренены в политической культуре Израиля, поэтому подавать предостерегающий пример на самом деле не было необходимо. Коэн убежден, что Вануну был похищен, потому что израильские власти стремились предотвратить разглашение им еще большей информации.¹⁰⁸ Это утверждение правдоподобно, поскольку решение о захвате Вануну было принято до того, как разоблачения стали достоянием общественности. Была надежда, что его удастся остановить вовремя. Но можно ли действительно считать «косметическим оправданием» причину, приведенную Пересом, о том, что похищение должно было послужить предостережением? Разве подобное сдерживание на самом деле не является неотъемлемой частью политической культуры Израиля?

Резкое замечание Переса по поводу людей, разглашающих государственные секреты, проливает свет на основу специфического «израильского порядка», а именно на его острое чувство безопасности. Любая попытка поколебать этот порядок встречает яростное сопротивление. Предполагается, что Вануну не имел права разглашать информацию, потому что никто не может быть справедливым...

105Коэн 1995: 250. **106**Там

же, стр. 236, 239–240. **107**

Там же, 240.

108Там же.

tified “to talk about such matters” unless they are authorized by the state. Consequently, “Israel” had to go after him.

As for the press, they took Peres' side. The Israeli journalist Gidon Shapiro observes that the Israeli press had defamed and condemned Vanunu with the support of the government even before the beginning of the trial.¹⁰⁹ This in turn confirms the position of the Israeli journalist Akiva Orr that Vanunu would have had no chance to pursue his objective via the Israeli press. Not only would they have refused to publish his information, but also in all probability they would have even turned him over to the authorities straight away. Bearing this in mind, Vanunu's decision to approach a foreign newspaper seemed like the logical way to proceed. “In Israel, the loyalty of newspaper editors is first and foremost to the state.” Democracy – or truth, for that matter – is of secondary importance.¹¹⁰

Avner Cohen expounds on the severe punishment of the Israeli nuclear informant¹¹¹ by stressing the social significance of his actions: Vanunu did not grasp the “actual social function of opacity.” Its goal was “to conceal the entire nuclear issue.” Vanunu had failed to fully appreciate that “beyond the fiction of opacity, we all know exactly what is going on in Dimona. But we pretend not to know [...] so that we do not have to deal with the strategic and moral dilemmas associated with it.” Vanunu had believed “with a naïveté that was very close to stupidity,” says Avner Cohen, that his actions could trigger a profound national debate.¹¹²

Still, in his book *The Last Taboo*, Avner Cohen has himself come out in favor of giving up the “anachronistic politics of opacity,” which got him into conflict with the military authorities and the censorship regulations.¹¹³ He explains the non-appearance of a nuclear weapons-debate with the single fact that Israeli society did not want to know about the weapons in the first place. But what Cohen sometimes loses sight of is that this “schizophrenic situation” must be evaluated in closer context to the ban on speaking that is enforced by the Israeli leadership with utmost severity.

This order to remain silent is one of the preconditions for the eyes of Israeli society being so firmly closed. The way that the Israeli government, the security apparatuses and the justice system reacted to the Vanunu Affair shows just how powerful the principle of “not being allowed to speak” really is. The press,

¹⁰⁹ Shapiro 1998: 154–155.

¹¹⁰ Orr 1998: 65–68.

¹¹¹ Amnesty International called Vanunu's detention conditions “cruel and inhumane.” Cf. Kimmerling 2004.

¹¹² Cohen 2005: 159.

¹¹³ Ibid. 23–40, 246–264.

Ему было запрещено «говорить о таких вещах», если это не разрешено государством. Следовательно, «Израилю» пришлось преследовать его.

Что касается прессы, то она встала на сторону Переса. Израильский журналист Гидон Шапиро отмечает, что израильская пресса оклеветала и осудила Вануну при поддержке правительства еще до начала судебного процесса.¹⁰⁹ Это, в свою очередь, подтверждает позицию израильского журналиста Акивы Орра о том, что у Вануну не было бы шансов добиться своей цели через израильскую прессу. Они не только отказались бы публиковать его информацию, но и, по всей вероятности, сразу же передали бы его властям. Учитывая это, решение Вануну обратиться в иностранную газету казалось логичным шагом. «В Израиле лояльность редакторов газет прежде всего к государству». Демократия — или правда, если уж на то пошло, — имеет второстепенное значение.¹¹⁰

Авнер Коэн подробно описывает суровое наказание израильского ядерного информатора¹¹¹, подчеркивая социальное значение его действий: Вануну не понял «фактической социальной функции непрозрачности». Его целью было «скрыть всю ядерную проблему». Вануну не смог в полной мере осознать, что «за пределами фикции непрозрачности мы все точно знаем, что происходит в Димоне. Но мы делаем вид, что не знаем [...] чтобы не иметь дела со стратегическими и моральными дилеммами, связанными с этим». Вануну верил, «с наивностью, очень близкой к глупости», — говорит Авнер Коэн, — что его действия могут спровоцировать глубокую национальную дискуссию.¹¹²

Тем не менее, в своей книге *Последнее табу* Авнер Коэн сам высказался за отказ от «анахроничной политики непрозрачности», которая привела его к конфликту с военными властями и цензурными правилами.¹¹³ Он объясняет отсутствие дискуссии о ядерном оружии тем единственным фактом, что израильское общество изначально не хотело знать об этом оружии. Но Коэн иногда упускает из виду, что эту «шизофреническую ситуацию» следует оценивать в более тесном контексте с запретом на свободу слова, который израильское руководство вводит с предельной строгостью.

Приказ хранить молчание является одним из предварительных условий для столь жесткого закрытия глаз израильского общества. Реакция израильского правительства, силовых структур и судебной системы на дело Вануну показывает, насколько силен принцип «нельзя говорить». Пресса,

¹⁰⁹Шапиро 1998: 154–155.

¹¹⁰Орр 1998: 65–68.

¹¹¹Международная амнистия назвала условия содержания под стражей в Вануну «жестокими и негуманными». См. Киммерлинг, 2004.

¹¹²Коэн 2005: 159. ¹¹³Там же, 23–40, 246–264.

too, makes sure to observe the prescribed rules. When the imminent publication of explosive material in the Sunday Times came to Peres' knowledge, he turned to the Editors' Committee, an association of Israeli broadcasting and television station directors and newspaper editors.

The Editors' Committee is regularly informed of sensitive military and diplomatic matters by high-ranking cabinet members. In return, it promotes the political line of the government when required. Peres told the Editors' Committee about the upcoming publication in the Sunday Times. Since the foreign media is beyond the reach of Israeli censorship regulations, he appealed to the patriotism of the journalists in asking them to not allow any local reporting and also no comments for a period of forty-eight hours after the article's publication.¹¹⁴ Moreover, Peres requested that the Editors' Committee refrain from mentioning in their coverage any details about security glitches. He assumed as a matter of course that the Editors' Committee would cooperate. Avner Cohen sees this as confirmation of how firmly the taboo to talk about the nuclear program has taken hold of society.¹¹⁵

The press policy validates Avner Cohen's assessment that the political system is schizophrenic. After all, word of the meeting between Peres and the Editors' Committee also reached the *Insight* team of the Sunday Times, who saw this as corroboration of Vanunu's story. But even in the moment when the fiction has been unmasked, Peres and the Israeli press continue to pursue the "policy of opacity." The guardians of the "Israeli order" are the first to pretend "to not know what is going on in Dimona." And society follows suit.

Many years of information-banning policies combined with the cooperation of the press are why the topic is not publicly discussed and why Israelis appear indifferent. The schizophrenia inherent in the "policy of opacity" is based on the discrepancy between being and seeming – a discrepancy that threatens the stability of the "Israeli order" in instances such as this affair. This is the reason why Vanunu is considered a public enemy even now.

In January of 1988, Peres, by then foreign minister, testified in Vanunu's trial. Oddly enough he was summoned as a witness for the defense, because in November 1986 he had announced in a non-public session with *Knesset* members of the Labor Party that the article in the Sunday Times had not caused any serious harm to Israel's security.¹¹⁶ And refuting the allegation that Vanunu's revelations had damaged Israeli security or that Vanunu had acted with this kind of sinister

¹¹⁴ Cohen 1995: 120.

¹¹⁵ Cohen 2005: 160.

¹¹⁶ Cohen 1995: 319.

Перес также обязательно соблюдает установленные правила. Когда Пересу стало известно о готовящейся публикации сенсационных материалов в газете Sunday Times, он обратился в Комитет редакторов — ассоциацию директоров израильских телерадиовещательных и радиостанций, а также редакторов газет.

Редакционная коллегия регулярно получает информацию о деликатных военных и дипломатических вопросах от высокопоставленных членов кабинета министров. В свою очередь, она, при необходимости, продвигает политическую линию правительства. Перес сообщил Редакционной коллегии о предстоящей публикации в Sunday Times. Поскольку иностранные СМИ находятся вне досягаемости израильских цензурных правил, он обратился к патриотизму журналистов, попросив их не допускать никаких местных репортажей, а также не оставлять комментарии в течение сорока восьми часов после публикации статьи.¹¹⁴ Более того, Перес попросил Редакционную коллегию воздержаться от упоминания в своих материалах каких-либо подробностей о сбоях в системе безопасности. Он предположил, что Редакционная коллегия, естественно, будет сотрудничать. Авнер Коэн видит в этом подтверждение того, насколько прочно табу на обсуждение ядерной программы укоренилось в обществе.¹¹⁵

Политика в отношении прессы подтверждает оценку Авнера Коэна о шизофрении политической системы. В конце концов, информация о встрече Переса с редакционным комитетом также дошла до...*Понимание* Команда Sunday Times увидела в этом подтверждение истории Вануну. Но даже в момент, когда вымысел был разоблачен, Перес и израильская пресса продолжают проводить «политику непрозрачности». Хранители «израильского порядка» первыми делают вид, что «не знают, что происходит в Димоне». И общество следует их примеру.

Многолетняя политика запрета информации в сочетании с сотрудничеством прессы — вот почему эта тема не обсуждается публично и почему израильтяне кажутся равнодушными. Шизофрения, присущая «политике непрозрачности», основана на несоответствии между бытием и видимостью — несоответствии, которое угрожает стабильности «израильского порядка» в таких случаях, как этот. Именно поэтому Вануну до сих пор считается врагом народа.

В январе 1988 года Перес, к тому времени уже министр иностранных дел, дал показания на суде над Вануну. Как ни странно, его вызвали в качестве свидетеля защиты, потому что в ноябре 1986 года он заявил на закрытом заседании *сКнессет* Члены Лейбористской партии заявили, что статья в Sunday Times не нанесла серьезного вреда безопасности Израиля.¹¹⁶ И опровергли утверждение о том, что разоблачения Вануну нанесли ущерб безопасности Израиля или что Вануну действовал с подобными зловещими намерениями.

114Коэн 1995: 120.

115Коэн 2005: 160.

116Коэн 1995: 319.

intent was precisely what Vanunu's defense attorney Avigdor Feldmann (1948–) built his defense strategy around.

In the trial, though, Peres kept insisting that Vanunu's information had jeopardized the security of the state. He neither gave reasons for this claim nor offered any explanation for his remark before the members of his party, which he had most probably made in order to reassure the persons present and to convince them that Israel's deterrent power had not been damaged. When making his statement in court, he adhered strictly to the government instructions according to which certain issues were not to be discussed in the courtroom; such as the question as to whether the article in the *Sunday Times* had caused any damage, or even whether it had actually been true. Peres refused to answer Feldmann's queries, and only repeated that the published information had harmed "Israel's security."¹¹⁷ In the excerpts from the protocol of the Vanunu trial, published in late 1999, Peres' testimony reads as follows: "The publications of the *Sunday Times* prompt some Arab states to head into various directions that are undesirable for Israel."¹¹⁸

How to verify or refute Peres' allegation of 1988? What is the gauge by which to rate the harm inflicted on national security? Were the Arab states really completely ignorant of the Israeli nuclear weapons arsenal prior to the report in the *Sunday Times*? Or could the article have even amplified the desired deterrent effect? What exactly are the unwelcome reactions that Peres observes in his Arab neighbors?

To make it possible to publicly ask and discuss such questions was Vanunu's intention, and also the cause taken up by the few members of the "Israeli Committee for the Liberation of Mordechai Vanunu and for A Middle East Free of Atomic, Biological and Chemical Weapons." By criticizing the "policy of opacity" and the continuing information ban as undemocratic, they hoped to initiate a political discussion about nuclear weapons. They assumed that once the Israeli public was informed of what was going on in Dimona, it could be mobilized against the nuclear armament.

Moreover, they were hoping to be able to effect a change in the way of thinking about security, so that weapons of mass destruction would be prohibited. In contrast to Avner Cohen who, in spite of proposing leaving behind the policy of opacity, considers nuclear weapons to be advantageous for the purpose of deterrent, the Israeli disarmament activists and nuclear weapons opponents of the

¹¹⁷ Ibid. 318–320.

¹¹⁸ Protocols of the Vanunu trial, *Haaretz*, April 20, 2004 (first published November 25, 1999).

Именно на намерениях и строил свою стратегию защиты адвокат Вануну, Авигдор Фельдман (1948–).

Однако на суде Перес продолжал настаивать на том, что информация Вануну поставила под угрозу безопасность государства. Он не объяснил причину своего заявления и не дал никаких объяснений своим словам перед членами своей партии, которые, скорее всего, он сделал, чтобы успокоить присутствующих и убедить их в том, что сдерживающая сила Израиля не пострадала. При выступлении в суде он строго придерживался правительственных инструкций, согласно которым некоторые вопросы не должны были обсуждаться в зале суда, например, вопрос о том, причинила ли статья в *Sunday Times* какой-либо ущерб или даже была ли она правдивой. Перес отказался отвечать на вопросы Фельдмана и лишь повторил, что опубликованная информация нанесла ущерб «безопасности Израиля». ¹¹⁷ В выдержках из протокола суда над Вануну, опубликованных в конце 1999 года, показания Переса гласят: «Публикации *Sunday Times* побуждают некоторые арабские государства двигаться в различных направлениях, нежелательных для Израиля». ¹¹⁸

Как проверить или опровергнуть утверждение Переса о событиях 1988 года? По какому критерию следует оценивать ущерб, нанесенный национальной безопасности? Действительно ли арабские государства были совершенно не осведомлены об израильском ядерном арсенале до публикации статьи в *Sunday Times*? Или же статья могла даже усилить желаемый сдерживающий эффект? Каковы именно нежелательные реакции, которые Перес наблюдает у своих арабских соседей?

Цель Вануну заключалась в том, чтобы дать возможность публично задавать и обсуждать подобные вопросы, а также в том, чтобы этим занялись несколько членов «Израильского комитета по освобождению Мордехая Вануну и за Ближний Восток, свободный от атомного, биологического и химического оружия». Критикуя «политику непрозрачности» и продолжающийся запрет на информацию как недемократичные, они надеялись инициировать политическую дискуссию о ядерном оружии. Они полагали, что как только израильская общественность будет проинформирована о происходящем в Димоне, ее можно будет мобилизовать против ядерного вооружения.

Более того, они надеялись изменить образ мышления в отношении безопасности, чтобы запретить оружие массового уничтожения. В отличие от Авнера Козна, который, несмотря на предложение отказаться от политики непрозрачности, считает ядерное оружие выгодным для целей сдерживания, израильские активисты, выступающие за разоружение, и противники ядерного оружия

¹¹⁷ Там же, стр. 318–320.

¹¹⁸ Протоколы исследования Вануну, *Хаарец* 20 апреля 2004 г. (первая публикация 25 ноября 1999 г.).

1960s saw the mere existence of the Dimona plant as a danger to the Zionist project as well as to the environment.

Israeli law made it easy for the government to declare any concern a state secret. As Vanunu's defense attorney objected during the trial: "Anything that the government wishes to categorize as a state secret is considered a state secret by the law." At the same time it is under no obligation to define what a state secret actually is.¹¹⁹ But all this only became possible because the *Knesset* acquiesced to the directives and sat still. Its submission is firmly rooted in the political culture. There is a consensus among most delegates to leave certain tasks up to the "security experts." In other words, the parliament cooperates in blocking the debate about nuclear weapons.¹²⁰

Two perspectives on the use of violence in the service of the Zionist project are merged in the "policy of nuclear opacity." For one thing, the ambivalent attitude towards violence, and for another, the justification of the use of violence, even as it takes on extreme features, since it is seen as counterviolence or necessary violence. The policy of nuclear opacity has a paradoxical character, for it denies the factual possession of weapons of mass destruction while at the same time declaring that these weapons are merely for determent as a kind of "insurance policy," and not for actually being used. The possibility of an actual deployment as a last resort is firmly blocked out, for it would trigger too much fear. After all, in the face of Israel's geographic and demographic situation, the deployment of nuclear weapons could very likely mean the end of the Zionist project.

The other aspect incorporated in the policy of opacity is the willingness contained in the concept of determent to actually resort to "extreme means," should it really come to the worst. Domestically, this would be legitimized as a necessity, as counterviolence by the "ultimate victim" in the sense proposed by Fackenheim and Schweid. But let us now look closer into the question of whether the principle of determent is really limited to non-conventional weapons.

Conventional War and the Zionist Project: Lebanon 1982

As is well known, conventional wars are still a bitter reality in Israel, the determent potential of nuclear weapons notwithstanding. The security-political concept that a conventional war can be avoided by means of nuclear determent did not prove successful. War has dominated Israeli everyday life since the estab-

¹¹⁹ Feldmann 1998: 129.

¹²⁰ Cohen 2005: 163–165.

В 1960-х годах само существование растения Димона воспринималось как угроза сионистскому проекту, а также окружающей среде.

Израильское законодательство упростило для правительства объявление любой проблемы государственной тайной. Как возражал адвокат Вануну во время суда: «Все, что правительство хочет классифицировать как государственную тайну, по закону считается государственной тайной». В то же время оно не обязано определять, что именно представляет собой государственная тайна.¹¹⁹ Но все это стало возможным только потому, что *Кнессет* уступив директивам, они замерли. Их подчинение прочно укоренилось в политической культуре. Среди большинства делегатов существует консенсус относительно того, чтобы оставить определенные задачи «экспертам по безопасности». Другими словами, парламент сотрудничает в блокировании дебатов о ядерном оружии.¹²⁰

В «политике ядерной непрозрачности» сливаются две точки зрения на использование насилия в интересах сионистского проекта. С одной стороны, это двойственное отношение к насилию, а с другой — оправдание его применения, даже если оно приобретает крайние черты, поскольку рассматривается как контрнасилие или необходимое насилие. Политика ядерной непрозрачности носит парадоксальный характер, поскольку отрицает фактическое обладание оружием массового уничтожения, одновременно заявляя, что это оружие служит лишь сдерживающим фактором, своего рода «страховым полисом», а не предназначено для фактического применения. Возможность фактического развертывания в качестве крайней меры категорически исключается, поскольку это вызвало бы слишком сильный страх. В конце концов, учитывая географическое и демографическое положение Израиля, развертывание ядерного оружия вполне может означать конец сионистского проекта.

Другой аспект, заложенный в политике непрозрачности, — это готовность, заложенная в концепции сдерживания, фактически прибегнуть к «крайним средствам», если дело действительно дойдет до худшего. На внутриполитической арене это будет легитимизировано как необходимость, как ответное насилие со стороны «конечной жертвы» в смысле, предложенном Факенхаймом и Швайдом. Но давайте теперь подробнее рассмотрим вопрос о том, действительно ли принцип сдерживания ограничивается нетрадиционными видами оружия.

Обычная война и сионистский проект: Ливан 1982 года

Как известно, обычные войны по-прежнему остаются горькой реальностью для Израиля, несмотря на сдерживающий потенциал ядерного оружия. Концепция безопасности и политики, согласно которой обычной войны можно избежать с помощью ядерного сдерживания, не оказалась успешной. Война доминирует в повседневной жизни Израиля с момента установления...

¹¹⁹Фельдман 1998: 129.

¹²⁰Коэн 2005: 163–165.

lishment of the state. Wars of conquest such as the Sinai-Suez War of 1956 and the Six-Day War of 1967; explicit defense wars such as the Yom Kippur War of 1973; “Wars of Attrition” from 1968 to 1970 on the southern border, and from 1985 to 2000 on the northern border; military clashes with the goal of retaining territories, such as the Lebanon War of 1982 or countering the First and Second Intifada of 1987 to 1992 and 2000 to 2004; moreover, those wars in which Israel, though not directly militarily involved, was nevertheless attacked, such as the Second Gulf War of 1991.

The vortex of violence and counterviolence is further intensified by the military occupation of the Palestinian territories and by the acts of terror against Israeli facilities triggering retaliation operations from Israel's side. As has been demonstrated by drawing on the example of the Sinai-Suez War, the notion that war is necessary to preserve the Jewish state has solidified over the course of the years. As such, conventional war has become an integral part of the Israeli order. The Israeli invasion of Lebanon on June 6, 1982 has entered Israel's political and social awareness as the first war that was “freely chosen” by the security-political leadership of the country. Prime Minister Menachem Begin and Minister of Defense Ariel Sharon sent the Israeli army into Lebanon in a military operation called “Peace for Galilee,” which was also the official rationale.

Ian Black and Benny Morris, coauthors of *Israel's Secret Wars: A History of Israel's Intelligence Services*, view the Lebanon War as a result of two developments. For one thing, Israel interfered in Lebanon because PLO leader Yasser Arafat and his combat units had shifted their main area of activities to Beirut and South Lebanon after having being expelled from Jordan by Jordanian troops in the so-called “Black September” of 1970. The second strand of events is made up of the Lebanese Civil War of 1975, the volatile situation in the country and the Israeli-Falangist alliance.¹²¹

Israel had been supporting the Christians in Lebanon since the 1950s as part of the so-called Periphery Doctrine, with these connections being referred to as a “natural alliance.”¹²² In 1982, the Israeli leadership deemed that the right moment to push through a new political order in the region had arrived. Black and Morris count the influx of PLO fighters in the wake of “Black September” among the main factors that led to the gradual disintegration of Lebanon in the first half of the 1970s:

¹²¹ Black and Morris 1994: 526.

¹²² Ibid. 528.

Уничтожение государства. Завоевательные войны, такие как Синайско-Суэцкая война 1956 года и Шестидневная война 1967 года; войны с явной целью обороны, такие как война Судного дня 1973 года; «войны на истощение» с 1968 по 1970 год на южной границе и с 1985 по 2000 год на северной границе; военные столкновения с целью сохранения территорий, такие как Ливанская война 1982 года или противодействие Первой и Второй интифаде 1987-1992 и 2000-2004 годов; кроме того, войны, в которых Израиль, хотя и не принимал непосредственного военного участия, тем не менее подвергался нападению, такие как Вторая война в Персидском заливе 1991 года.

Вихрь насилия и ответного насилия еще больше усиливается военной оккупацией палестинских территорий и актами террора против израильских объектов, провоцирующими ответные операции со стороны Израиля. Как показал пример Синайско-Суэцкой войны, представление о необходимости войны для сохранения еврейского государства укрепилось с годами. Таким образом, обычная война стала неотъемлемой частью израильского порядка. Израильское вторжение в Ливан 6 июня 1982 года вошло в политическое и социальное сознание Израиля как первая война, «свободно выбранная» руководством страны в сфере безопасности и политики. Премьер-министр Менахем Бегин и министр обороны Ариэль Шарон ввели израильскую армию в Ливан в рамках военной операции под названием «Мир для Галилеи», что также являлось официальным обоснованием.

Иэн Блэк и Бенни Моррис, соавторы *«Секретные войны Израиля: история израильских разведывательных служб»*. Ливанскую войну следует рассматривать как результат двух событий. Во-первых, Израиль вмешался в ситуацию в Ливане, потому что лидер ООП Ясир Арафат и его боевые подразделения перенесли свою основную зону деятельности в Бейрут и Южный Ливан после того, как были вытеснены из Иордании иорданскими войсками в так называемом «Черном сентябре» 1970 года. Вторая составляющая событий включает в себя ливанскую гражданскую войну 1975 года, нестабильную ситуацию в стране и израильско-фалангистский альянс.¹²¹

Израиль поддерживал христиан в Ливане с 1950-х годов в рамках так называемой доктрины периферии, и эти связи назывались «естественным союзом».¹²² В 1982 году израильское руководство сочло, что настал подходящий момент для установления нового политического порядка в регионе. Блэк и Моррис относят приток бойцов ООП после «Черного сентября» к числу основных факторов, приведших к постепенному распаду Ливана в первой половине 1970-х годов:

¹²¹Блэк и Моррис 1994: 526. ¹²²

Там же, 528.

The PLO influx was one of the factors leading to the gradual disintegration of the Lebanese state and society during the first half of the 1970s. The organization's cross border operations against Israeli frontier settlements brought IDF retaliation against the whole population of southern Lebanon, leading, in turn, to the flight of Shi'ite refugees to Beirut's southern suburbs. These poor Shi'ites were embittered with the Christian-dominated Lebanese establishment and turned increasingly to fundamentalist religion. They became an important element in the destabilization that eventually resulted in civil war. When that began the country's Christian communities, led by the Maronites, and their militias – dominated by the 'Lebanese Forces' of the Phalange Party – were pitted against a loose and shifting coalition of Muslims and left-wingers [...].¹²³

Israel supported the Christian Maronites in the 1975 Lebanese Civil War, and Israeli troops marched into Lebanon on March 15, 1978. In the ensuing "Operation Litani," a retaliatory act for Palestinian attacks in the Israeli core country, several brigades comprising a total number of seven thousand men were deployed. The goal was to destroy PLO facilities north of the Israeli-Lebanese border. The plan was to create four enclaves that would be dominated by Israel, and via which military control for Israel's Christian allies, the Free Lebanese Army (FLA) of Major Saad Haddad (1936–1984), was to be ensured.¹²⁴

Since the accession of the second *Likud* government in August 1981, Israel's security policy had been shaped by Prime Minister Menachem Begin, Minister of Defense Ariel Sharon and Chief of General Staff Refael Eitan (1929–2004). But it was Sharon who was the main driving force.¹²⁵ He did everything he could to weaken the PLO at the northern border of Israel so as to make sure his overall strategy would be successful. He believed "that with the PLO humbled, Israel would find it easier to browbeat the now leaderless Palestinians of the West Bank and Gaza Strip into accepting Israeli rule, thus paving the way for eventual Israeli annexation."¹²⁶

Once the political-military power of the Palestinians and the Muslims of Lebanon was crushed, Sharon hoped to be able to create a "new" Lebanese state under the leadership of the "Phalange" party with which Israel was prepared to conclude peace. Sharon expanded on the plan that had been drafted in April 1981 by the Israeli military for the invasion of Lebanon, called "Operation Pinetree." In the original plan, the invasion of the Israeli army as far as Sidon was provided; while in Sharon's variant the troops were to advance all the way up to a line north

¹²³ Black and Morris 1991: 364.

¹²⁴ Black and Morris 1994: 525–526.

¹²⁵ Landau 2015: 146–169.

¹²⁶ Black and Morris 1991: 371.

Приток боевиков ООП стал одним из факторов, приведших к постепенному распаду ливанского государства и общества в первой половине 1970-х годов. Трансграничные операции организации против израильских приграничных поселений вызвали ответные действия ЦАХАЛ против всего населения южного Ливана, что, в свою очередь, привело к бегству шиитских беженцев в южные пригороды Бейрута. Эти бедные шииты были озлоблены на ливанскую систему, где доминировали христиане, и все больше обращались к фундаменталистской религии. Они стали важным элементом дестабилизации, которая в конечном итоге привела к гражданской войне. Когда началась война, христианские общины страны, возглавляемые маронитами, и их ополчения – в которых доминировали «Ливанские силы» партии «Фаланга» – противостояли рыхлой и изменчивой коалиции мусульман и левых [...].¹²³

Израиль поддержал христианских маронитов в ливанской гражданской войне 1975 года, и израильские войска вошли в Ливан 15 марта 1978 года. В ходе последовавшей за этим «Операции Литани», ответного акта на палестинские нападения на территорию, являющуюся ядром Израиля, были развернуты несколько бригад общей численностью семь тысяч человек. Целью было уничтожение объектов ООП к северу от израильско-ливанской границы. План предусматривал создание четырех анклавов, которые находились бы под контролем Израиля, и посредством которых должен был обеспечиваться военный контроль христианских союзников Израиля, Свободной ливанской армии (СЛА) майора Саада Хаддада (1936–1984).¹²⁴

С момента восшествия на престол второго *Ликуд*В августе 1981 года политика безопасности Израиля формировалась премьер-министром Менахемом Бегинем, министром обороны Ариэлем Шароном и начальником Генерального штаба Рафаэлем Эйтаном (1929–2004). Но именно Шарон был главной движущей силой.^{¹²⁵} Он делал все возможное, чтобы ослабить ООП на северной границе Израиля и тем самым обеспечить успех своей общей стратегии. Он считал, что «с ослаблением ООП Израиллю будет легче запугать палестинцев Западного берега и сектора Газа, оставшихся без лидеров, чтобы они приняли израильское правление, тем самым проложив путь к возможной израильской аннексии».^{¹²⁶}

После того как военно-политическая мощь палестинцев и мусульман Ливана будет сокрушена, Шарон надеялся создать «новое» ливанское государство под руководством партии «Фаланга», с которой Израиль был готов заключить мир. Шарон развил план, разработанный в апреле 1981 года израильскими военными для вторжения в Ливан, получивший название «Операция «Сосновое дерево»». В первоначальном плане предусматривалось вторжение израильской армии до Сидона; в варианте Шарона же войска должны были продвинуться до линии, идущей на север.

¹²³Блэк и Моррис 1991: 364. ¹²⁴Блэк и Моррис 1994: 525–526. ¹²⁵Ландау 2015: 146–169. ¹²⁶Блэк и Моррис 1991: 371.

of Beirut. From the beginning, Sharon preferred his so-called "Operation Big Pines" to "Operation Small Pines."¹²⁷

Operation Big Pines included bringing the PLO from Lebanon back to Jordan in order to overthrow the Hashemite royal family and establish a Palestinian state.¹²⁸ Black and Morris stress that the Minister of Defense "henceforward proceeded more cautiously, rarely letting his cabinet colleagues see the entire breadth of this thinking."¹²⁹ On May 10, 1982, Prime Minister Begin presented the cabinet with a shortened version of Operation Big Pines, which Sharon described as a "limited operation." He and Begin wanted to convince the ministers that the undertaking was an attack in the mold of "Operation Small Pines."

The occasion for an Israeli military invasion into Lebanon came up in June 1982 through an incident in London. The Israeli ambassador to Great Britain, Shlomo Argov (1929–2003), was shot and severely injured by a Palestinian who was a member of the renegade group of Abu Nidal. At that, Minister of Defense Sharon and Prime Minister Begin sent the Israeli army into Lebanon. Begin cited the fight against the "terrorists" as the reason for the military operation. The cabinet and ultimately also the *Knesset*, including the Labor Party opposition under the leadership of Shimon Peres and Yitzhak Rabin, did not put any obstacles in the way of this motion. The goal was to destroy PLO mortar and rocket launchers that were positioned in range of Galilean settlements within a forty-kilometer zone in South Lebanon.

Sharon spoke of a "twenty-four-hour" operation that was to bring about "Peace for Galilee."¹³⁰ Following the Israeli invasion of Lebanon, Yasser Arafat and approximately eleven thousand PLO combatants were evacuated to Tunisia by August 1982. The preparations for realizing Sharon's Big Plan for a "new order" in Lebanon got underway, with Israel helping thirty-four-year-old Phalange leader Bachir Gemayel (1947–1982) win the presidential election through military backing. According to the Lebanese constitution, a candidate had to attain a two-third majority in parliament to be successful, so the Israeli occupation hindered Gemayel's opponents from casting their vote.

On August 23, 1982 Gemayel was elected president of Lebanon with fifty-seven votes of the sixty-two delegates who managed to make an appearance. Already on September 14, 1982 he was assassinated.¹³¹ An escalation was bound to occur,

¹²⁷ Black and Morris 1994: 538.

¹²⁸ Shlaim 2000, "Ariel Sharon's Big Plan": 395–400; Benziman 256.

¹²⁹ Black and Morris 1991: 372.

¹³⁰ Black and Morris 1994: 543–545.

¹³¹ Shlaim 2000: 413–415.

из Бейрута. С самого начала Шарон предпочитал свою так называемую «Операцию Большие Сосны» «Операции Маленькие Сосны». ¹²⁷

Операция «Большие сосны» включала в себя возвращение ООП из Ливана в Иорданию с целью свержения хашимитской королевской семьи и создания палестинского государства. ¹²⁸ Блэк и Моррис подчеркивают, что министр обороны «с тех пор действовал более осторожно, редко позволяя своим коллегам по кабинету министров увидеть всю полноту этих идей». ¹²⁹ 10 мая 1982 года премьер-министр Бегин представил кабинету министров сокращенную версию операции «Большие сосны», которую Шарон описал как «ограниченную операцию». Он и Бегин хотели убедить министров, что это нападение проводилось по образцу «Операции «Маленькие сосны»».

Поводом для израильского военного вторжения в Ливан послужил инцидент в Лондоне в июне 1982 года. Израильский посол в Великобритании Шломо Аргов (1929–2003) был ранен и тяжело ранен палестинцем, членом мятежной группировки Абу Нидаля. Министр обороны Шарон и премьер-министр Бегин ввели израильскую армию в Ливан. Бегин сослался на борьбу с «террористами» как на причину военной операции. Кабинет министров и, в конечном итоге, также *Кнессет*, в том числе и со стороны оппозиции от Лейбористской партии под руководством Шимона Переса и Ицхака Рабина, это предложение не встретило никаких препятствий. Целью было уничтожение минометных и ракетных установок ООП, размещенных в зоне досягаемости галилейских поселений в пределах сорока километровой зоны на юге Ливана.

Шарон говорил о «двадцатичетырехчасовой» операции, которая должна была принести «мир Галилее». ¹³⁰ После израильского вторжения в Ливан Ясир Арафат и около одиннадцати тысяч боевиков ООП были эвакуированы в Тунис к августу 1982 года. Началась подготовка к реализации «Большого плана» Шарона по «новому порядку» в Ливане: Израиль помог 34-летнему лидеру фаланг Баширу Джемайелю (1947–1982) одержать победу на президентских выборах при поддержке военных. Согласно ливанской конституции, кандидату для победы необходимо было получить две трети голосов в парламенте, поэтому израильская оккупация помешала противникам Джемайеля отдать свои голоса.

23 августа 1982 года Джемайель был избран президентом Ливана, получив пятьдесят семь голосов из шестидесяти двух делегатов, которым удалось присутствовать на выборах. Уже 14 сентября 1982 года он был убит. ¹³¹ Эскалация была неизбежна.

¹²⁷Блэк и Моррис 1994: 538.

¹²⁸Шлаим 2000, «Большой план Ариэля Шарона»: 395–400; Бензيمان 256.

¹²⁹Блэк и Моррис 1991: 372. ¹³⁰Блэк и Моррис 1994: 543–545. ¹³¹Шлаим 2000: 413–415.

and Sharon feared that the remaining PLO fighters could seize political power in Beirut. He instructed the Israeli army to advance into West Beirut where the PLO still held control. The Phalangists, meanwhile, intruded into the Palestinian refugee camps of Sabra and Shatila in South Beirut to “purge them of hidden terrorists.” From September 16 to 18, 1982, the Phalangists unleashed a massacre of the Palestinians, all while in plain sight of the Israeli army. According to Israeli reports, between seven hundred and eight hundred were killed, while Palestinian sources estimated more than two thousand people slaughtered.¹³²

War Policy: A Social Political Consensus

When it comes to the question of military operations in the service of national statehood or of security, what is important to remember is the fact this practice traditionally enjoys social and political backing. For all Zionist parties of Israel, war and national-state existence are intricately linked. This could particularly be observed in the war of 1982, when for the first time in Israeli history a “right-wing government” chose to go to war. All military operations carried out up to that point – with the exception of the Litani operation of March 1978 – were decided under the governments of the *Mapai* or Labor Party.

This time, the position of the Zionist Left was represented from the ranks of the opposition. As leader of the Labor Party opposition, Shimon Peres defended the invasion on June 8, 1982 – two days after the war had started – in the face of a no-confidence vote made by the small Jewish-Arab *Knesset* parliamentary group *Hadash* (“Democratic Front for Peace and Equality”) against Begin’s government and the war decision. Peres’ support helped secure Begin the majority in the *Knesset*.¹³³

Why did Peres stand up for Begin in the no-confidence vote? And why does the Zionist Left historiography cling to the hypothesis that Peres was “one of the fiercest opponents of the 1982 invasion of Lebanon by the IDF”?¹³⁴

What has to be factored in here is that the Israeli Zionist Left has always had an ambivalent understanding of the use of national-state violence. It deems it absolutely essential for security – though security is exactly what it fails to achieve, even endangering it instead. The escalation potential of the respective missions is denied. Immediately after the invasion, Peres made statements to

¹³² Ibid. 416.

¹³³ *Maariv*, June 9, 1982.

¹³⁴ Ben-Simon 1997: 231.

Шарон опасался, что оставшиеся бойцы ООП могут захватить политическую власть в Бейруте. Он приказал израильской армии продвинуться в Западный Бейрут, где ООП все еще контролировала ситуацию. Тем временем фалангисты вторглись в палестинские лагеря беженцев Сабра и Шатила в Южном Бейруте, чтобы «очистить их от скрытых террористов». С 16 по 18 сентября 1982 года фалангисты устроили резню палестинцев, причем все это происходило на виду у израильской армии. По данным израильских отчетов, было убито от семисот до восьмисот человек, а палестинские источники оценили число убитых более чем в две тысячи человек.¹³²

Военная политика: социально-политический консенсус

Когда речь заходит о военных операциях на службе национальной государственности или безопасности, важно помнить, что эта практика традиционно пользуется социальной и политической поддержкой. Для всех сионистских партий Израиля война и существование национального государства тесно связаны. Это особенно хорошо проявилось в войне 1982 года, когда впервые в истории Израиля «правое правительство» решило начать войну. Все военные операции, проведенные до этого момента, за исключением операции в Литани в марте 1978 года, были организованы правительствами других стран. *Мапай* и *Ли* Лейбористской партии.

На этот раз позиция сионистских левых была представлена из рядов оппозиции. Будучи лидером оппозиционной Рабочей партии, Шимон Перес 8 июня 1982 года — через два дня после начала войны — защищал вторжение, несмотря на вотум недоверия, вынесенный небольшим еврейско-арабским населением. *Кнессет* парламентская группа *Хадаш* («Демократический фронт за мир и равенство» выступал против правительства Бегина и решения о войне. Поддержка Переса помогла Бегину получить большинство в парламенте. *Кнессет*.¹³³

Почему Перес поддержал Бегина во время вотума недоверия? И почему историография сионистских левых придерживается гипотезы о том, что Перес был «одним из самых ярых противников вторжения ЦАХАЛ в Ливан в 1982 году»?¹³⁴

Здесь необходимо учитывать, что израильские сионистские левые всегда имели двойственное отношение к применению насилия в рамках национального государства. Они считают его абсолютно необходимым для безопасности, хотя именно безопасности они и не достигают, а, наоборот, ставят под угрозу. Потенциал эскалации соответствующих операций отрицается. Сразу после вторжения Перес сделал заявления...

¹³² Там же, 416.

¹³³ *Маарив* 9 июня 1982 года.

¹³⁴ Бен-Симон 1997: 231.

the press about the war that seemed irresolute and scattered. He did not really give the impression that he belonged to the great proponents of the war. This awkward stance shows an ambivalent attitude towards the use of violence: Peres supported the war *de facto*, but would not be frank about it.

Newspaper headlines testify to this fact: "Peres and Rabin Demand: No Strife with Syria"¹³⁵; "Please not Another West Bank"¹³⁶; "Peres: [Begin's] Government Will Have a Reckoning After the Days of Mourning [for the fallen Israelis] and the Return of the Soldiers"¹³⁷; "Israeli Invasion into West Beirut Could Become a Historic Mistake"¹³⁸; "The Invasion into West Beirut Will Come at a High Price, Although the Temptation is Great [to invade West-Beirut]"¹³⁹; "Peres Asks: Why was the Bombing of Beirut Necessary?"¹⁴⁰.

On the occasion of the Lebanon War, Peres himself penned an article entitled, "For the Political Path."¹⁴¹ Then, shortly after the massacre committed by the Phalangists against Palestinians in Sabra and Shatila on September 16 to 18, 1982, he published the newspaper article "Public Squares and Bulldozers – But No Way Out."¹⁴²

Clearly, Israel's war objective was the expulsion of the PLO from Lebanon. Peres stressed that this was not only in the interests of Israel but also for the benefit of Lebanon. He said that the IDF acted in the interest of the Lebanese government that "knows [...] that the destruction of Beirut did not start with the invasion of the Israeli army, but has rather been going on [...] since 1975 on account of the Syrians and the PLO."¹⁴³

Thus, in Peres' argumentation the war is a positive force which helps eliminate injustice in Lebanon. According to Peres, "the Muslim inhabitants of Beirut" would be wise to wish for the expulsion of the "PLO terrorists," even if at this point in time they still feel represented by them. He attributes their support of the PLO to a "lack of judgment" keeping them from recognizing that "the PLO ultimately has no one to blame but itself for their bitter fate." In Peres' interpretation the Israeli army is even rendering the Palestinians in Beirut an important service.

135 *Maariv*, June 8, 1982.

136 *Al Hamishmar*, June 11, 1982.

137 *Haaretz*, June 16, 1982.

138 *Maariv*, June 29, 1982.

139 *Davar*, June 24, 1982.

140 *Maariv*, July 26, 1982.

141 *Haaretz*, July 30, 1982.

142 *Maariv*, September 26, 1982.

143 *Haaretz*, July 30, 1982.

Пресса, освещавшая войну, казалась нерешительной и разрозненной. Он не производил впечатления человека, принадлежащего к числу главных сторонников войны. Эта неуверенная позиция свидетельствует о двойственном отношении к применению насилия: Перес поддерживал войну, *де-факто* не стал бы говорить об этом откровенно.

Заголовки газет свидетельствуют об этом факте: «Перес и Рабин требуют: никаких конфликтов с Сирией»¹³⁵; «Пожалуйста, только не еще один Западный берег»¹³⁶; «Перес: [Правительство Бегина] столкнется с расплатой после дней траура [по павшим израильтянам] и возвращения солдат»¹³⁷; «Вторжение Израиля в Западный Бейрут может стать исторической ошибкой»¹³⁸; «Вторжение в Западный Бейрут обойдется дорого, хотя искушение велико [вторгнуться в Западный Бейрут]»¹³⁹; «Перес спрашивает: зачем была необходима бомбардировка Бейрута?»¹⁴⁰.

В связи с Ливанской войной сам Перес написал статью под названием «За политический путь»¹⁴¹ Затем, вскоре после резни, совершенной фалангистами против палестинцев в Сабре и Шатиле с 16 по 18 сентября 1982 года, он опубликовал в газете статью «Площади и бульдозеры – но выхода нет»¹⁴²

Очевидно, что целью войны Израиля было изгнание ООП из Ливана. Перес подчеркнул, что это было не только в интересах Израиля, но и на благо Ливана. Он сказал, что Армия обороны Израиля действовала в интересах ливанского правительства, которое «знает [...] что разрушение Бейрута началось не с вторжения израильской армии, а продолжалось [...] с 1975 года из-за сирийцев и ООП».¹⁴³

Таким образом, в аргументации Переса война рассматривается как позитивная сила, способствующая устранению несправедливости в Ливане. По мнению Переса, «мусульманские жители Бейрута» поступили бы мудро, если бы желали изгнания «террористов ООП», даже если на данный момент они все еще чувствуют, что их интересы представляют именно они. Он объясняет их поддержку ООП «отсутствием здравого смысла», мешающим им признать, что «в конечном итоге ООП не виновата ни в ком, кроме себя самой, в своей горькой участи». В интерпретации Переса израильская армия даже оказывает палестинцам в Бейруте важную услугу.

¹³⁵Маарив 8 июня 1982 года. ¹³⁶Аль-

Хамишмар 11 июня 1982 года. ¹³⁷

Хаарец 16 июня 1982 года. ¹³⁸Маарив

29 июня 1982 года. ¹³⁹Давар 24 июня

1982 года. ¹⁴⁰Маарив 26 июля 1982

года. ¹⁴¹Хаарец 30 июля 1982 года. ¹⁴²

Маарив 26 сентября 1982 года. ¹⁴³

Хаарец 30 июля 1982 года.

On July 30, 1982, the very day that the UN Security Council called on Israel to cease their siege of Beirut so its people could be supplied with food and medicine, Peres conveyed the events as if the IDF was actually doing a good deed in Lebanon – and quite obviously he actually perceived it this way.¹⁴⁴ Another war objective which Peres mentions is the election of a new president in Lebanon:

It would be naive to think that all the [Israeli] efforts in Beirut [...] had the removal of terrorists as their only goal. Another aim – an enormously important one in my assessment – is the formation of a Lebanese government, or rather the election of the next president of Lebanon, [...] and that without foreign intervention. Therefore, the removal of terrorists is not a goal in itself, but rather an important means for helping Lebanon sort itself out.¹⁴⁵

This is not the first time that Peres espouses the view that Israel has the right to exert influence on the formation of new governments in its neighboring countries. Already in the Sinai-Suez Campaign of 1956, one of the goals was to remove the Egyptian president from office. And also when riots broke out in Jordan in 1963, Peres suggested to Ben-Gurion that in the event of King Hussein (1935–1999) being overthrown, Israel should “appoint an Israeli Arab in his stead.”¹⁴⁶

In 1982, Peres stressed that the election of a new Lebanese head of state was to take place “without foreign intervention.” Was he aware of the inconsistency of his statements? Perhaps in his mind the Israeli army was so positively connoted that he would never refer to its actions as a “foreign intervention.” Or maybe he was of the opinion that Israel’s intervention on the grounds of their alliance with the Lebanese Christians – a group belonging to the ruling stratum in the country – was in some way nothing more than helping them help themselves. What is certain though is that his focus was solely on Israeli interests, which in 1982 were to be preserved by a military invasion of the neighboring country. Even as he stuck to diplomatic rhetoric, what can be gathered from the article is that he regards the military as an essential instrument in the shaping of regional politics.¹⁴⁷

So what position did Peres take towards Sharon’s actual war aim, namely the solution of the Palestinian question in Jordan? Sharon’s plan provided the expulsion of the PLO leadership into Jordan, where they were to establish a state. The

144 On August 1, 1982, the IDF seized Beirut International Airport and bombarded the southern parts of the city. On August 4, 1982, western Beirut also fell into Israeli hands. Gal and Hammerman 2002: 14–15.

145 Peres 1982.

146 Segev 2005: 200.

147 Peres 1982.

30 июля 1982 года, в тот самый день, когда Совет Безопасности ООН призвал Израиль прекратить осаду Бейрута, чтобы обеспечить население продовольствием и медикаментами, Перес преподнес события так, будто Армия обороны Израиля действительно совершала доброе дело в Ливане – и совершенно очевидно, что он действительно так это воспринимал.¹⁴⁴ Еще одна военная цель, которую упоминает Перес, – это избрание нового президента в Ливане:

Было бы наивно полагать, что все усилия [Израиля] в Бейруте [...] были направлены исключительно на устранение террористов. Другая цель – чрезвычайно важная, на мой взгляд, – это формирование ливанского правительства, или, скорее, избрание следующего президента Ливана, [...] и это без иностранного вмешательства. Поэтому устранение террористов не является самоцелью, а скорее важным средством для того, чтобы помочь Ливану навести порядок.¹⁴⁵

Это не первый случай, когда Перес высказывает мнение о том, что Израиль имеет право оказывать влияние на формирование новых правительств в соседних странах. Уже во время Синайско-Суэцкой кампании 1956 года одной из целей было смещение египетского президента с должности. А также, когда в 1963 году в Иордании вспыхнули беспорядки, Перес предложил Бен-Гуриону, что в случае свержения короля Хусейна (1935–1999) Израиль должен «назначить на его место израильского араба».¹⁴⁶

В 1982 году Перес подчеркнул, что выборы нового ливанского главы государства должны состояться «без иностранного вмешательства». Осознавал ли он противоречивость своих заявлений? Возможно, в его представлении израильская армия воспринималась настолько позитивно, что он никогда бы не назвал её действия «иностранным вмешательством». Или, может быть, он считал, что вмешательство Израиля обусловлено его союзом с ливанскими христианами – группой, принадлежащей к правящим слоям населения страны. – в некотором смысле это было не чем иным, как помощью им самим себе. Однако несомненно то, что его внимание было сосредоточено исключительно на израильских интересах, которые в 1982 году должны были быть защищены военным вторжением в соседнюю страну. Даже придерживаясь дипломатической риторики, из статьи можно сделать вывод, что он рассматривает военных как важнейший инструмент в формировании региональной политики.¹⁴⁷

Итак, какую позицию занял Перес по отношению к реальной цели войны Шарона, а именно к решению палестинского вопроса в Иордании? План Шарона предусматривал изгнание руководства ООП в Иорданию, где они должны были создать собственное государство.

¹⁴⁴1 августа 1982 года Армия обороны Израиля захватила международный аэропорт Бейрута и подвергла бомбардировке южные районы города. 4 августа 1982 года западная часть Бейрута также перешла в руки Израиля. Гал и Хаммерман 2002: 14–15.

¹⁴⁵Перес 1982.

¹⁴⁶Сегев 2005: 200.

¹⁴⁷Перес 1982.

international pressure on Israel to withdraw from Palestinian territories would then subside, or so was the hope.

On the Israeli Right this plan was known by the slogan "Jordan is Palestine."¹⁴⁸ But Sharon did not say what was to happen with the Palestinians living in *Eretz Israel*/Palestine, should his plan be successful. Would they have to move to Jordan? At any event, Sharon did not believe that Israeli military occupation could be kept up for long in the Palestinian zones. And giving up any territories was completely out of the question.

It also remained unclear by which means Sharon intended to secure the consent of the PLO and the Jordanian Royal Family. Even if Arafat should cooperate, it was to be expected that the realization of the plan would result in considerable tensions at the Israeli-Jordanian border.¹⁴⁹ At the time Peres penned his article on the "political path," Sharon's plan had not yet been made public. For this reason the leader of the opposition had to be very cautious in taking up a clear position regarding the connection between the Palestinian question and the war in Lebanon, and so he took refuge in coded language:

I don't see in the future any Israeli mandate based on which anybody can decide in Israel's name to force a withdrawal from the territories of 1967, to divide Jerusalem and to create a Palestinian state. This state would attempt to sometimes unsettle Israel, sometimes to rule Jordan. Especially since we have a much more convincing alternative, namely to negotiate with elected representatives of the territories and with Jordan. With this in mind, it is unfortunate that the European initiative seeks to adjust the [UN] resolutions 242 and 338 to PLO caprices. Resolutions such as 242 and 338 could be revoked, but it is unlikely that an acceptable alternative can be found for the Arab as well as the Israeli side. [...] Thus, the European intervention not only complicates American mediation, but also adds unnecessary fuel to the fire of the PLO's wishes.¹⁵⁰

Peres is careful to not directly link the war to the Palestinian question or Sharon's suggestion for a solution. Like Sharon, he disapproved of UN Resolutions 242 and 338. He was critical of the supporters of these motions, such as the European Union. The said resolutions stipulated an Israeli withdrawal from Palestinian territories, and this is exactly what Peres tried to avert in 1982. But he does not discuss in how far the expulsion of the PLO from Lebanon serves this territorial interest. He also ignores the nexus between this war in Lebanon and *his* solu-

¹⁴⁸ Landau 2015: 195 seq.

¹⁴⁹ Shlaim 2000: 412.

¹⁵⁰ Peres 1982.

Тогда международное давление на Израиль с целью вывода войск с палестинских территорий ослабнет, или, по крайней мере, на это была надежда.

В израильских правых этот план был известен под лозунгом «Иордания — это Палестина». ¹⁴⁸ Но Шарон не сказал, что должно произойти с палестинцами, проживающими в *Эрец Израиль* Палестина, если его план окажется успешным. Придётся ли им перебраться в Иорданию? В любом случае, Шарон не верил, что израильская военная оккупация палестинских территорий может продолжаться долго. А отказ от каких-либо территорий был совершенно исключен.

Также оставалось неясным, каким образом Шарон намеревался заручиться согласием ООП и иорданской королевской семьи. Даже если бы Арафат сотрудничал, следовало ожидать, что реализация плана приведет к значительной напряженности на израильско-иорданской границе. ¹⁴⁹ На момент написания Пересом своей статьи о «политическом пути» план Шарона еще не был обнародован. По этой причине лидеру оппозиции приходилось проявлять большую осторожность, занимая четкую позицию относительно связи палестинского вопроса с войной в Ливане, и поэтому он прибегнул к завуалированному языку:

Я не вижу в будущем никакого израильского мандата, на основании которого кто-либо мог бы от имени Израиля принять решение о принудительном выводе войск с территорий 1967 года, разделе Иерусалима и создании палестинского государства. Это государство будет пытаться иногда дестабилизировать Израиль, иногда управлять Иорданией. Тем более что у нас есть гораздо более убедительная альтернатива, а именно переговоры с избранными представителями территорий и с Иорданией. Учитывая это, прискорбно, что европейская инициатива стремится подстроить резолюции [ООН] 242 и 338 под капризы ООП. Резолюции, подобные 242 и 338, могут быть отменены, но маловероятно, что будет найдена приемлемая альтернатива как для арабской, так и для израильской стороны. [...] Таким образом, европейское вмешательство не только осложняет американское посредничество, но и подливает масла в огонь желаний ООП. ¹⁵⁰

Перес старается не связывать войну напрямую с палестинским вопросом или предложением Шарона по его решению. Как и Шарон, он не одобрял резолюции ООН 242 и 338. Он критиковал сторонников этих резолюций, таких как Европейский союз. Указанные резолюции предусматривали вывод израильских войск с палестинских территорий, и именно этого Перес пытался избежать в 1982 году. Но он не обсуждает, в какой степени изгнание ООП из Ливана служит этим территориальным интересам. Он также игнорирует связь между этой войной в Ливане и *негораствор-*

¹⁴⁸Ландау 2015: 195 сек.

¹⁴⁹Шлаим 2000: 412. ¹⁵⁰

Перес 1982.

tion of the Palestinian question, at the same time remaining unclear whether he would even support the idea of a Palestinian state in Jordan.

But Peres does clearly express his actual goal: No Israeli withdrawal from the Palestinian territories. Even as he has little to offer by way of a concrete suggestion regarding the solution of the Palestinian issue, his concluding sentence does reveal something about the unspoken connection between the war in Lebanon and the Palestinian question:

The Israeli army has fulfilled the immediate mission of liberating northern Israel from PLO terrorism. The time has now come for great politics: for the liberation of Lebanon from the Gordian knot of its uninvited guests and for the comprehensive solution of the Palestine question, and namely by peaceful means.¹⁵¹

Three years after the commencement of the war, the Israeli army partially withdrew from Lebanon. This was pushed through by Prime Minister Peres in early 1985, against the resistance of the *Likud* coalition partner in the cabinet. In the retreat plan presented by Minister of Defense Yitzhak Rabin, a gradual pullout from the country was provided, wherein a “narrow security zone” in South Lebanon along the Israeli-Lebanese border was to remain under the control of the Israeli army; notably in cooperation with the army of South Lebanon under the command of General Antoine Lahad (1927–2015).¹⁵²

This plan was carried out by June of 1985. The “security zone,” as it is called in Israeli parlance – a military occupation from the Lebanese point of view –, *de facto* meant a continuation of the Lebanon War. The Islamic-Lebanese organization Hezbollah, which was founded in the wake of the Israeli invasion and was financially and ideologically supported by Iran, took up a guerrilla war against the Israeli occupation of South Lebanon. After eighteen years of relentless fighting, it managed to force Israel into a so-called “unilateral retreat” from Lebanon. In the year 2000, Prime Minister Ehud Barak (1942–), leader of the Labor Party, followed through with a full withdrawal from the region against vehement protests from the leadership of the Israeli army.¹⁵³ Up to this point, skirmishes had been occurring regularly in the “security zone.” One of these military missions had been approved in the spring of 1996 by Peres himself during his second term in office as prime minister.

¹⁵¹ Ibid.

¹⁵² Shlaim 2000: 427.

¹⁵³ Pedezur 2006.

Он не только не уделяет должного внимания палестинскому вопросу, но и неясно, поддержит ли вообще идею создания палестинского государства в Иордании.

Однако Перес ясно выражает свою истинную цель: не допустить вывода израильских войск с палестинских территорий. Хотя он и не может предложить ничего конкретного в качестве решения палестинской проблемы, его заключительная фраза раскрывает негласную связь между войной в Ливане и палестинским вопросом:

Израильская армия выполнила свою первоочередную задачу — освобождение северного Израиля от терроризма ООП. Теперь настало время для важных политических решений: освобождения Ливана от гордиева узла незваных гостей и всеобъемлющего решения палестинского вопроса, и, в частности, мирными средствами.¹⁵¹

Спустя три года после начала войны израильская армия частично вывела войска из Ливана. Это решение было принято премьер-министром Пересом в начале 1985 года вопреки сопротивлению израильских войск. *Ликуд* Партнер по коалиции в кабинете министров. В плане вывода войск, представленном министром обороны Ицхаком Рабином, предусматривался постепенный вывод войск из страны, при котором «узкая зона безопасности» в Южном Ливане вдоль израильско-ливанской границы должна была оставаться под контролем израильской армии, в частности, в сотрудничестве с армией Южного Ливана под командованием генерала Антуана Лахада (1927–2015).¹⁵²

Этот план был реализован к июню 1985 года. «Зона безопасности», как её называют в израильской терминологии (с ливанской точки зрения, это военная оккупация), *де-факто* Это означало продолжение ливанской войны. Исламско-ливанская организация «Хезболла», основанная после израильского вторжения и получавшая финансовую и идеологическую поддержку от Ирана, начала партизанскую войну против израильской оккупации Южного Ливана. После восемнадцати лет непрерывающихся боев ей удалось вынудить Израиль к так называемому «одностороннему отступлению» из Ливана. В 2000 году премьер-министр Эхуд Барак (1942–), лидер Лейбористской партии, осуществил полный вывод войск из региона, несмотря на яростные протесты руководства израильской армии.¹⁵³ До этого момента в «зоне безопасности» регулярно происходили столкновения. Одна из таких военных миссий была одобрена весной 1996 года самим Пересом во время его второго срока на посту премьер-министра.

¹⁵¹Там же.

¹⁵²Шлаим 2000: 427.

¹⁵³Педезур 2006.

The Escalation Potential of the “Security Zone” in South Lebanon

Peres' contribution as prime minister in 1984 to 1986 towards containing the damage created by the Lebanon War led by the *Likud* government is generally viewed as a positive one.¹⁵⁴ However, what is not properly taken into account in this context is that the plan he pushed through in 1985 provided only a *partial* withdrawal. He kept holding on to the “security zone.” In 1984, when he was still leader of the opposition, Peres delineated his security-political solution for the ongoing war in the neighboring country in his article “Lebanon – A Different Policy.”¹⁵⁵

Even though according to the article Israeli troops were to withdraw from the greater part of the country, Israel's military dominance was still to be kept up. Peres wanted that “the [Israeli] Air Force continues flying in the sky over Lebanon and the [Israeli] navy keeps patrolling its coasts. The armed forces [of the Israeli allies under the leadership] of Haddad [Major Saad Haddad (1936–1984), predecessor of General Antoine Lahad] shall also be bolstered to protect as a regular force the villages in South Lebanon from the return of the terrorists.” Basically, Israel would “regard South Lebanon as flexible territory.”¹⁵⁶

As Peres goes on to explain: “As long as this [region] is free of terrorists, the IDF will not interfere. But if they [the terrorists] entrench themselves there [in South Lebanon], the IDF will [have to] cross the border for a limited time to chase them out.” Peres claims that the security of Israel can be guaranteed by his defense strategy, even without “the IDF having to act on foreign territory.” In order to clear up any misconceptions, the leader of the Labor Party stressed that the Israeli army was “a defense force, by no means an occupying army,” so there would be “no real occupation” in South Lebanon.¹⁵⁷

Based on this plan of “active defense from outside,” the “security zone” was finally firmly established. It would determine Israel's Lebanon policy up until May of 2000. The fighting in the “security zone,” led with varying intensity, became routine in the course of the years. But the situation escalated in July of 1993 when Hezbollah combatants killed six Israeli soldiers. The government of the Labor Party under Prime Minister and Minister of Defense Yitzhak Rabin launched a military operation that was put into action on July 25, 1993, under the name of

154 Shlaim 2000: 427–428; Azoulay-Katz 1996: 122–123.

155 *Hadashot*, March 4, 1984.

156 *Ibid.*

157 *Ibid.*

Потенциал эскалации конфликта в «зоне безопасности» на юге Ливана

Вклад Переса в качестве премьер-министра в 1984-1986 годах в смягчение последствий ливанской войны, возглавляемой...*Ликуд* Правительство в целом воспринимается как позитивный фактор.¹⁵⁴ Однако в этом контексте не учитывается тот факт, что план, который он продвинул в 1985 году, предусматривал лишь *частичный* отступление. Он продолжал удерживать «зону безопасности». В 1984 году, когда он еще был лидером оппозиции, Перес изложил свое политическое решение в отношении продолжающейся войны в соседней стране в своей статье «Ливан – другая политика».¹⁵⁵

Несмотря на то, что, согласно статье, израильские войска должны были быть выведены из большей части страны, военное превосходство Израиля должно было сохраняться. Перес хотел, чтобы «ВВС [Израиля] продолжали летать в небе над Ливаном, а военно-морской флот [Израиля] продолжал патрулировать его побережье. Вооруженные силы [израильских союзников под руководством] Хаддада [майора Саада Хаддада (1936–1984), предшественника генерала Антуана Лахада] также должны быть усилены для защиты в качестве регулярных войск деревень в Южном Ливане от возвращения террористов». По сути, Израиль должен был «рассматривать Южный Ливан как гибкую территорию».¹⁵⁶

Как далее поясняет Перес: «Пока этот [регион] свободен от террористов, ЦАХАЛ не будет вмешиваться. Но если они [террористы] закрепятся там [в Южном Ливане], ЦАХАЛ [придется] на ограниченное время пересечь границу, чтобы вытеснить их». Перес утверждает, что его оборонная стратегия может гарантировать безопасность Израиля, даже без «действий ЦАХАЛ на иностранной территории». Чтобы развеять любые заблуждения, лидер Лейбористской партии подчеркнул, что израильская армия является «вооружённой силой, а не оккупационной армией», поэтому «настоящей оккупации» в Южном Ливане не будет.¹⁵⁷

На основе этого плана «активной обороны извне» была окончательно создана «зона безопасности». Она определяла политику Израиля в отношении Ливана до мая 2000 года. Бои в «зоне безопасности», вевшиеся с различной интенсивностью, со временем стали обычным явлением. Но ситуация обострилась в июле 1993 года, когда боевики «Хезболлы» убили шестерых израильских солдат. Правительство Рабочей партии под руководством премьер-министра и министра обороны Ицхака Рабина начало военную операцию, которая была приведена в действие 25 июля 1993 года под названием...

¹⁵⁴Шлайм 2000: 427–428; Азулай-Кац 1996: 122–123. ¹⁵⁵

Хаддашот 4 марта 1984 года. ¹⁵⁶Там же.

¹⁵⁷Там же.

“Payback.” The IDF, under Chief of General Staff Ehud Barak, bombarded villages in South Lebanon. The goal was to make the inhabitants of the villages flee north and put the Lebanese government under pressure to disarm Hezbollah. By the ceasefire of July 31, 1993, approximately 300,000 South-Lebanese had fled their homes. One hundred and eighteen Lebanese civilians and eight Hezbollah fighters – “more than fifty,” according to Israeli reports – were killed.

On the Israeli side, two civilians and one soldier died as a result of Hezbollah missile strikes on northern Israel. The seven-day clash devastated South Lebanon, until finally American mediators were able to achieve an armistice regulation in which all sides declared they would cease fire. Syria promised to not support Hezbollah and the Palestinian organizations in the event of an attack on Israel.¹⁵⁸ The “security zone” remained in place. The fight between Hezbollah, the South Lebanese and the Israeli army continued, though less intensively.

This hot spot was ultimately the reason for Peres’ operation of 1996. In the spring of that year, shortly before the start of operation “Grapes of Wrath,” Prime Minister Peres declared why the “security zone” in South Lebanon needed to remain:

There have been attempts [by Hezbollah] to reach the [Israeli-Lebanese] border. Without the security zone, everything that happens over there would happen at the border. After all, many infiltrations have been avoided [through the security zone]. The situation is still tense, but there is no solution for the war [of Hezbollah] which is actually a guerrilla war. This is a war that will continue on unless there is a comprehensive political solution. Lebanon is Israel’s largest field for experimentation in the fight against terrorism. We have tried everything, from an invasion to peace with Lebanon. None of this has worked. The final true remedy is peace.¹⁵⁹

Peres’ dilemma still stood unsolved. He invoked military strength, which did not really amount to anything, but was somehow still considered vital and thus continued to be used. The circle is almost inescapable. In this case, military strength was demonstrated by occupying South Lebanon while being understood as “defense.” The “security zone” was also part of the defense strategy, which is why the military occupation had to be kept up.

At the same time, this occupation was the reason for Hezbollah to lead a guerrilla war against the IDF. The result was a war of attrition. For Israel, Hezbollah (and for many years also the PLO and later Hamas) was a “terrorist organization.” Negotiations with it remained unimaginable because it was allegedly pursuing

¹⁵⁸ Shlaim 2000: 560–561.

¹⁵⁹ *Maariv*, April 3, 1996.

«Расплата». Армия обороны Израиля под командованием начальника Генерального штаба Эхуда Барака бомбардировала деревни на юге Ливана. Цель заключалась в том, чтобы заставить жителей деревень бежать на север и оказать давление на ливанское правительство с целью разоружения «Хезболлы». К моменту прекращения огня 31 июля 1993 года около 300 000 жителей южного Ливана покинули свои дома. 118 ливанских мирных жителей и 8 бойцов «Хезболлы» — «более пятидесяти», согласно израильским отчетам, — были убиты.

С израильской стороны в результате ракетных ударов «Хезболлы» по северному Израилю погибли два мирных жителя и один солдат. Семидневное столкновение опустошило Южный Ливан, пока, наконец, американские посредники не смогли добиться соглашения о перемирии, в котором все стороны заявили о прекращении огня. Сирия пообещала не поддерживать «Хезболлу» и палестинские организации в случае нападения на Израиль.¹⁵⁸ «Зона безопасности» оставалась в силе. Бои между «Хезболлой», южноливанцами и израильской армией продолжались, хотя и в меньшей интенсивности.

Именно этот очаг напряженности в конечном итоге стал причиной операции Переса 1996 года. Весной того года, незадолго до начала операции «Гроздь гнева», премьер-министр Перес заявил, почему «зона безопасности» в Южном Ливане должна оставаться нетронутой:

Были попытки [Хезболлы] достичь [израильско-ливанской] границы. Без зоны безопасности все, что там происходит, происходило бы на границе. В конце концов, многих проникновений удалось избежать [через зону безопасности]. Ситуация остается напряженной, но решения для войны [Хезболлы], которая фактически является партизанской войной, нет. Эта война будет продолжаться до тех пор, пока не будет найдено всеобъемлющее политическое решение. Ливан — крупнейший полигон для экспериментов Израиля в борьбе с терроризмом. Мы перепробовали все, от вторжения до мира с Ливаном. Ничего из этого не сработало. Окончательное истинное решение — мир.¹⁵⁹

Дилемма Переса оставалась неразрешенной. Он апеллировал к военной мощи, которая, по сути, ничего не дала, но почему-то все равно считалась жизненно важной и поэтому продолжала использоваться. Круг практически неразрывен. В данном случае военная мощь демонстрировалась оккупацией Южного Ливана, при этом она воспринималась как «оборона». «Зона безопасности» также являлась частью оборонительной стратегии, поэтому военную оккупацию необходимо было поддерживать.

В то же время, эта оккупация стала причиной того, что «Хезболла» начала партизанскую войну против ЦАХАЛ. Результатом стала война на истощение. Для Израиля «Хезболла» (а на протяжении многих лет также ООП, а позже и ХАМАС) была «террористической организацией». Переговоры с ней оставались немыслимыми, поскольку она якобы преследовала

¹⁵⁸Шлаим 2000: 560–561. ¹⁵⁹

Маарив 3 апреля 1996 г.

the goal of obliterating Israel. Therefore, a political solution was not even on the radar.

What we have here is the logic of perpetual warfare, which is at the heart of Zionist Israel's dilemma. War becomes routine. It took civilian Israeli resistance against the Israeli presence in South Lebanon, the "Four Mothers Movement," to prompt Israel's government to "unilaterally retreat," which occurred only as late as 2000. But the Israeli army continues to stick to the opinion that their withdrawal has tarnished Israel's deterrent power.¹⁶⁰

Security and the Policy of Targeted Killings

The operation "Grapes of Wrath" in Lebanon on April 1996 was Israel's reaction to another escalation of violence. On January 6, 1996 the Israeli domestic security service Shin Bet killed the Palestinian Yahya Ayyash (1966–1996). Israel held him responsible for several Hamas suicide attacks in the years 1994 and 1995. At that time, suicide attacks were a new form of fighting against Israel. They were a response of religious-political Palestinian movements Hamas and Islamic Jihad to the massacre of twenty-nine Palestinians at prayer, committed in February of 1994 by the Jewish settler Baruch Goldstein in Hebron. Goldstein's deed had in turn been directed against the Israeli-Palestinian peace talks that had been taken up in late 1993. The massacre itself had all the features of a suicide attack. Goldstein shot blindly into a group of people before he was finally overpowered and beaten to death by survivors of the massacre.

The political scientist Avi Shlaim ascribes the murder of Ayyash to the Chief of Shin Bet Carmi Gilon (1950–) wanting to end his term in office with a "spectacular gesture." It also served to divert attention from the security gaps which his intelligence agency was responsible for and which had allowed the assassination of Israeli Prime Minister Yitzhak Rabin to occur on November 4, 1995. Ayyash, who had been hiding in the Gaza Strip, was finally killed on the orders of Peres.¹⁶¹

Straightaway Hamas declared Ayyash a martyr. After Ramadan ended, a revenge campaign began which shook Israel in the spring of 1996. In the months of February and March, sixty Israelis were killed and many more injured in Hamas suicide attacks in Jerusalem, Ashkelon and Tel Aviv. In reaction to this, Peres terminated peace talks with the Palestinian Autonomy Authority under the

¹⁶⁰ Pedezur 2006.

¹⁶¹ Shlaim 2000: 556.

Цель заключалась в уничтожении Израиля. Поэтому политическое решение даже не рассматривалось.

Здесь мы имеем дело с логикой перманентной войны, которая лежит в основе дилеммы сионистского Израиля. Война становится обыденностью. Потребовалось гражданское сопротивление израильских войск против израильского присутствия в Южном Ливане, «Движение четырёх матерей», чтобы заставить правительство Израиля «в одностороннем порядке отступить», что произошло лишь в 2000 году. Но израильская армия продолжает придерживаться мнения, что её вывод запятнал сдерживающую силу Израиля.¹⁶⁰

Безопасность и политика целенаправленных убийств

Операция «Гроздь гнева» в Ливане в апреле 1996 года стала реакцией Израиля на очередную эскалацию насилия. 6 января 1996 года израильская служба внутренней безопасности «Шин Бет» убила палестинца Яхью Айяша (1966–1996). Израиль возложил на него ответственность за несколько терактов смертников ХАМАС в 1994 и 1995 годах. В то время теракты смертников были новой формой борьбы против Израиля. Они стали ответом религиозно-политических палестинских движений ХАМАС и «Исламский джихад» на массовое убийство двадцати девяти палестинцев во время молитвы, совершенное в феврале 1994 года еврейским поселенцем Барухом Гольдштейном в Хевроне. Действия Гольдштейна, в свою очередь, были направлены против израильско-палестинских мирных переговоров, начавшихся в конце 1993 года. Само массовое убийство имело все признаки теракта смертника. Гольдштейн стрелял вслепую по группе людей, прежде чем его наконец обезвредили и забили до смерти выжившие после резни.

Политолог Ави Шлаим объясняет убийство Айяша желанием главы Шин Бет Карми Гилона (1950–) завершить свой срок полномочий «эффектным жестом». Это также послужило отвлечением внимания от пробелов в безопасности, за которые несли ответственность его разведывательная служба и которые позволили совершить убийство премьер-министра Израиля Ицхака Рабина 4 ноября 1995 года. Айяш, скрывавшийся в секторе Газа, был в итоге убит по приказу Переса.¹⁶¹

ХАМАС немедленно объявил Айяша мучеником. После окончания Рамадана началась кампания мести, которая потрясла Израиль весной 1996 года. В феврале и марте в результате терактов смертников ХАМАС в Иерусалиме, Ашкелоне и Тель-Авиве погибли шестьдесят израильтян и многие получили ранения. В ответ на это Перес прекратил мирные переговоры с Палестинской автономией.

¹⁶⁰Педезур 2006.

¹⁶¹Шлаим 2000: 556.

leadership of the PLO and ordered the closure of the borders to the Gaza Strip and the West Bank.

Why did Peres give permission to liquidate Ayyash so shortly after the murder of Rabin that the country was still reeling from? Shlaim surmises two motives behind this. For one thing, the Prime Minister had thought of the retaliation as “tough justice.” For another, he felt like he was acting “in the service of the morality of the nation and of the security forces.”¹⁶² Indeed, at first Ayyash’s execution was welcomed enthusiastically in Israel.

But Peres himself told the American journalist Robert Littell (1935–) that the killing was to be understood as a preemptive strike. As he stressed, there was proof that “Ayyash was actively preparing another attack. It wasn’t a matter of revenge. The decision to liquidate him prevented this terrorist attack.”¹⁶³ Peres denies payback as a motive. He maintains that Israel did not do this for reasons of vengeance “although he [Peres] is satisfied that a Jew killer has disappeared.”¹⁶⁴

This understanding nipped any public debate in the bud because the killing of Ayyash was cast as a necessary defense of Israel. Peres did not question this policy. In keeping with his security doctrine of using retaliation as a means of determent, he continued to pursue the liquidation policy of his predecessors as a matter of routine.¹⁶⁵ Despite the spiral of violence and counterviolence that this practice keeps triggering, its security-political benefits remain undisputed to this very day.

But how did Peres not have any scruples to execute Ayyash in view of the upcoming elections and the starting Oslo Peace Process? Obviously “tough justice,” the biblical principle of “an eye for an eye, a tooth for a tooth,” and the nationalistic element of the “morality of the nation” and the security apparatuses had priority. Rabin’s murder not only created tension within the Shin Bet, but also divided Israeli society. Now a convincing strike against a “clearly identified enemy of Israel” was meant to reunite the Jewish people within the country. After Ayyash’s killing, a patriotic mood spread in the entire country, accompanied by a feeling of satisfaction regarding the capabilities of the guardians of the Zionist project. But are wars led by Israel really only for national-state or security-political reasons?

¹⁶² Ibid. 556; Azoulay-Katz 1996: 238.

¹⁶³ Peres and Littell 1998: 87.

¹⁶⁴ Ben-Simon 1997: 216–218.

¹⁶⁵ Prime Minister and Minister of Defense Yitzhak Rabin authorized the execution of Islamic Jihad leader Fathi Shikaki. The Mossad carried out this order on October 25, 1995, on the island of Malta.

руководителю ООП и отдал приказ о закрытии границ с сектором Газа и Западным берегом.

Почему Перес дал разрешение на ликвидацию Айяша так скоро после убийства Рабина, от которого страна еще не оправилась? Шлаим предполагает два мотива. Во-первых, премьер-министр рассматривал эту месть как «жесткое правосудие». Во-вторых, он чувствовал, что действует «на службе морали нации и сил безопасности».¹⁶² Действительно, поначалу казнь Айяша была встречена в Израиле с энтузиазмом.

Однако сам Перес заявил американскому журналисту Роберту Литтеллу (1935–), что убийство следует понимать как превентивный удар. Как он подчеркнул, были доказательства того, что «Айяш активно готовил очередное нападение. Это не было местью. Решение о его ликвидации предотвратило этот террористический акт».¹⁶³ Перес отрицает месть как мотив. Он утверждает, что Израиль не сделал этого из мести, «хотя он [Перес] убежден, что убийца евреев исчез».¹⁶⁴

Такое понимание пресекло любые публичные дебаты на корню, поскольку убийство Айяша было представлено как необходимая защита Израиля. Перес не ставил под сомнение эту политику. В соответствии со своей доктриной безопасности, предполагающей использование возмездия как средства сдерживания, он продолжал проводить политику ликвидации, начатую его предшественниками, в качестве обычной практики.¹⁶⁵ Несмотря на спираль насилия и ответного насилия, которую эта практика продолжает провоцировать, ее преимущества в сфере безопасности и политики остаются неоспоримыми по сей день.

Но как Перес мог не испытывать угрызений совести, казнив Айяша, учитывая предстоящие выборы и начало мирного процесса в Осло? Очевидно, приоритетными были «суровое правосудие», библейский принцип «око за око, зуб за зуб», а также националистический элемент «нравственности нации» и силовых структур. Убийство Рабина не только создало напряженность внутри Шин Бет, но и раскололо израильское общество. Теперь убедительный удар по «явно идентифицированному врагу Израиля» должен был объединить еврейский народ внутри страны. После убийства Айяша по всей стране распространилось патриотическое настроение, сопровождаемое чувством удовлетворения от возможностей защитников сионистского проекта. Но действительно ли войны, развязанные Израилем, происходят только по национально-государственным или политически мотивированным соображениям безопасности?

¹⁶²Там же. 556; Азулай-Кац 1996: 238.

¹⁶³Перес и Литтелл 1998: 87. ¹⁶⁴Бен-Симон 1997: 216–218.

¹⁶⁵Премьер-министр и министр обороны Ицхак Рабин санкционировал казнь лидера «Исламского джихада» Фатхи Шикаки. Моссад выполнил этот приказ 25 октября 1995 года на острове Мальта.

The Military Operation Grapes of Wrath of April 1996

The suicide attacks in the spring of 1996 shook Peres' government and darkened his prospects of being reelected. US President Bill Clinton (1946–) tried to save the Oslo Peace Process and Peres' government, initiating an antiterrorism summit that took place on March 13, 1996 in Sharm el-Sheikh. But the international summit did not have the desired effect. The prime minister's drop in popularity remained drastic.

Regarding this point, Peres' biographer writes: "Peres still hadn't understood that international conferences had no influence on Israelis; a single military operation against the terrorists would have been much more effective."¹⁶⁶ Did Peres hope to improve his chances for reelection with the military operation in Lebanon? According to Shlaim, Lebanon was a "tempting retaliation target" against the background of the terror wave in Israel so close to the parliamentary elections. After all, the Israeli public was longing for a reprisal.¹⁶⁷ But whether the Israeli public really wanted another military operation in Lebanon has to remain open. As for the security-political elites in the military, government and the media, they were ready to enter what was referred to as "the next round."¹⁶⁸

The army leadership and some ministers of the cabinet, in particular Foreign Minister Ehud Barak – who had been chief of general staff and the architect of operation "Payback" in July 1993 – advocated another military action against Hezbollah in South Lebanon, given the tensions in the "security zone." Passivity, so went their assessment, would damage Peres' security-political standing. But other voices in the government warned Peres, also with a view to his prospects for being reelected, that "we all [in the Zionist Left] will come to regret a war."¹⁶⁹

¹⁶⁶ Bar-Zohar 2007: 467.

¹⁶⁷ Shlaim 2000: 559.

¹⁶⁸ Cf. press releases such as: IDF assessment: "Inhabitants of the security zone assisted in the killing of an Israeli soldier by the Hezbollah," *Haaretz*, March 11, 1996; "Rumors of imminent IDF military action in Lebanon," *Haaretz*, March 18, 1996; "Hezbollah announces: Should IDF attack Lebanon, we will bombard settlements in northern Israel with Katyusha rockets," *Haaretz*, March 19, 1996; "Katyusha rockets hit Galilee in reaction to IDF bombardment in which two Lebanese were killed," *Haaretz*, March 31, 1996; "110 terrorist attacks committed against the IDF in South Lebanon since beginning of the year," *Haaretz*, March 17, 1996; Yoel Markus asks: "Is a second Lebanon War imminent?," *Haaretz*, March 19, 1996; Ehud Oshri observes the "Combativeness of TV media," *Haaretz*, April 2, 1996.

¹⁶⁹ Ben-Simon 1997: 230.

Военная операция «Гроздь гнева» в апреле 1996 года.

Теракты смертников весной 1996 года потрясли правительство Переса и подорвали его шансы на переизбрание. Президент США Билл Клинтон (1946–) попытался спасти мирный процесс в Осло и правительство Переса, инициировав саммит по борьбе с терроризмом, который состоялся 13 марта 1996 года в Шарм-эль-Шейхе. Но международный саммит не принес желаемого результата. Падение популярности премьер-министра оставалось резким.

По этому поводу биограф Переса пишет: «Перес так и не понял, что международные конференции не оказывают никакого влияния на израильтян; одна-единственная военная операция против террористов была бы гораздо эффективнее».166 Надеялся ли Перес улучшить свои шансы на переизбрание с помощью военной операции в Ливане? По словам Шлаима, Ливан был «заманчивой целью для ответных мер» на фоне волны террора в Израиле, разразившейся так близко к парламентским выборам. В конце концов, израильская общественность жаждала репрессий.167 Но действительно ли израильская общественность хотела еще одной военной операции в Ливане, остается открытым вопросом. Что касается силовых и политических элит в армии, правительстве и СМИ, они были готовы вступить в то, что называлось «следующим раундом».168

Военное руководство и некоторые министры кабинета, в частности министр иностранных дел Эхуд Барак, который был начальником Генерального штаба и архитектором операции «Возмездие» в июле 1993 года, выступали за еще одну военную операцию против «Хезболлы» в Южном Ливане, учитывая напряженность в «зоне безопасности». Пассивность, по их оценке, нанесла бы ущерб политическому положению Переса в сфере безопасности. Но другие голоса в правительстве предупреждали Переса, также с учетом его перспектив переизбрания, что «мы все [в сионистском левом движении] пожалеем о войне».169

166Бар-Зохар 2007: 467.

167Шлаим 2000: 559.

168См. пресс-релизы, такие как: оценка ЦАХАЛ: «Жители зоны безопасности оказали помощь Хезболле в убийстве израильского солдата». *Хаарец* 11 марта 1996 г.; «Слухи о скорой военной операции ЦАХАЛ в Ливане», *Хаарец* 18 марта 1996 г.; «Хезболла заявляет: если ЦАХАЛ нападет на Ливан, мы будем бомбардировать поселения на севере Израиля ракетами «Катюша»». *Хаарец* 19 марта 1996 г.; «Ракеты «Катюша» попали в Галилею в ответ на бомбардировку Армии обороны Израиля, в результате которой погибли двое ливанцев». *Хаарец* 31 марта 1996 г.; «С начала года в Южном Ливане совершено 110 террористических актов против Армии обороны Израиля». *Хаарец* 17 марта 1996 г.; Йозель Маркус спрашивает: «Неизбежна ли вторая ливанская война?» *Хаарец* 19 марта 1996 г.; Эхуд Ошри отмечает «агрессивный характер телевизионных СМИ». *Хаарец* 2 апреля 1996 г. **169**Бен-Симон 1997: 230.

Peres went ahead with it anyway, authorizing the military operation “Grapes of Wrath.” It was supposed to be directed only against Hezbollah fighters.¹⁷⁰ However, the military leadership as well as Foreign Minister Barak pushed for air raids to force the majority of the civilian population of South Lebanon to flee north so that the Israeli army could deal the local Hezbollah a massive blow. Further, it was hoped that the Lebanese refugees would put their government under pressure, and together with Syria it would restrain Hezbollah.¹⁷¹ The air strikes on South Lebanon, Beirut and the Beqaa Valley began on April 11, 1996. Approximately 400,000 civilians fled the area. Nevertheless, Hezbollah succeeded in firing Katyusha rockets into northern Israel. Some of the Israelis living there were also forced to flee.¹⁷²

Statements Peres made to the press on the eve of the war reveal how the prime minister promoted the escalation of the war by rhetorical means: “Iran smuggles weapons and explosives to Hezbollah through diplomatic mail”¹⁷³; “Syria thinks that it is clever to provoke us. We will not tolerate the escalation in the north.”¹⁷⁴ A couple of days before the battle began, Peres publicly pointed out “the IDF intelligence service has new evidence that Iran is about to overthrow the ‘peace government’ [Peres’ government].”¹⁷⁵

What sort of practical effect did the head of the peace government see in the war? Peres did not enlighten the Israeli public on the specific political goals of the new operation in Lebanon, “in order to avoid high, unattainable aspirations.”¹⁷⁶ A long fight might become necessary in order to achieve a sustainable solution, he said. He asked his people for resilience and patience.¹⁷⁷

The clashes finally ended on April 27, 1996 as a result of American pressure. On the domestic front, the Labor Party, and thus Peres’ “peace government,” lost the elections; not least because it had failed to take into account the Israeli Palestinian votes it had lost because of the fighting in Lebanon. It was a heavy blow for the Zionist Left, and consequently for the Oslo Peace Process. From a military standpoint, the 1996 operation ended without result. Israel had neither managed

170 Ibid. 231.

171 Shlaim 2000: 560.

172 Ibid. 560; Ben-Simon 1997: 231.

173 *Haaretz*, March 24, 1996.

174 *Haaretz*, March 21, 1996.

175 *Haaretz*, April 8, 1996. On June 8, 1996, just a few days before the fighting began, the inhabitants of northern Israel were called upon to seek shelter in bunkers. Cf. *Haaretz*, June 9, 1996.

176 *Haaretz*, April 14, 1996.

177 *Haaretz*, April 16, 1996.

Перес всё равно продолжил операцию, санкционировав военную операцию «Гроздь гнева». Предполагалось, что она будет направлена только против боевиков «Хезболлы». Однако военное руководство, а также министр иностранных дел Барак настаивали на воздушных налётах, чтобы заставить большую часть гражданского населения Южного Ливана бежать на север, дабы израильская армия могла нанести местной «Хезболле» сокрушительный удар. Кроме того, предполагалось, что ливанские беженцы окажут давление на своё правительство, и вместе с Сирией оно сдержит «Хезболлу». Авиаудары по Южному Ливану, Бейруту и долине Бекаа начались 11 апреля 1996 года. Примерно 400 000 мирных жителей покинули этот район. Тем не менее, «Хезболле» удалось выпустить ракеты «Катюша» по северному Израилю. Часть проживавших там израильтян также была вынуждена бежать.

Заявления Переса, сделанные им прессе накануне войны, показывают, как премьер-министр риторическими средствами способствовал эскалации войны: «Иран переправляет оружие и взрывчатку в Хезболлу через дипломатическую почту»¹⁷³; «Сирия считает, что провоцировать нас — это умно. Мы не потерпим эскалации на севере»¹⁷⁴. За пару дней до начала боевых действий Перес публично заявил, что «у Армии обороны Израиля появились новые доказательства того, что Иран собирается свергнуть «правительство мира» [правительство Переса]»¹⁷⁵.

Какой практический эффект видел глава мирного правительства в этой войне? Перес не стал разъяснять израильской общественности конкретные политические цели новой операции в Ливане, «чтобы избежать высоких, недостижимых амбиций». По его словам, для достижения устойчивого решения может потребоваться длительная борьба. Он призвал свой народ к стойкости и терпению.

Столкновения окончательно завершились 27 апреля 1996 года в результате давления со стороны США. На внутривнутриполитической арене Лейбористская партия, а следовательно, и «мирное правительство» Переса, проиграла выборы; не в последнюю очередь потому, что не учли голоса израильских палестинцев, потерянные из-за боевых действий в Ливане. Это был тяжёлый удар для сионистских левых и, следовательно, для Ословского мирного процесса. С военной точки зрения операция 1996 года закончилась безрезультатно. Израилю не удалось ни добиться, ни добиться успеха.

¹⁷⁰Там же, 231.

¹⁷¹Шлаим 2000: 560.

¹⁷²Там же. 560; Бен-Симон 1997:

231. ¹⁷³Хаарец 24 марта 1996 г. ¹⁷⁴

Хаарец 21 марта 1996 г.

¹⁷⁵Хаарец 8 апреля 1996 г. 8 июня 1996 г., всего за несколько дней до начала боевых действий, жителям северного Израиля было предложено укрыться в бункерах. См. Хаарец 9 июня 1996 года. ¹⁷⁶ Хаарец 14 апреля 1996 года. ¹⁷⁷Хаарец 16 апреля 1996 г.

to consolidate its presence in South Lebanon, nor had it won the support of its inhabitants for such a presence.¹⁷⁸

Hezbollah had not been crushed and their guerrilla war continued up to the retreat resolution of the Ehud Barak government in 2000. The military criticized this decision as a “major curtailment of the deterrence power” of Israel, and blamed it for the eruption of the “Second Intifada” that same year. There was a crack down on the Palestinians with the goal of regaining the deterrent objective. On these grounds alone, the military got its way and was authorized to carry out another operation in Lebanon in the summer of 2006, again triggered by an incident with Hezbollah at the northern border.¹⁷⁹

In late 2008, Barak – this time as the leader of the Labor Party and Minister of Defense in the government of Ehud Olmert who led the *Kadima* party, a party of the center that had been newly formed in 2006 – sent Israeli troops into the Gaza Strip which had been controlled by Hamas since 2006. The other decisive armed encounters in the new century – 2000 to 2004, 2006, and 2008 to 2009 – were likewise the result of decisions made by a “Zionist Left government” in Jerusalem. And as for the clashes of 2012 and 2014 in the Gaza Strip that were led by the *Likud* government, these too had the Zionist Left's unshakable consent.

Conclusion: Of War and Jewish Statehood

How may this perpetual state of war be explained? Why has it been tolerated by Israeli society for so many years, despite the fact that the war policy has proven to be counterproductive over and over again? The answer to this question may be found in the fact that historically Israel has come to presuppose a close connection between military strength and national-state existence. And as a consequence thereof, and especially in the face of the Jewish catastrophe in Europe, an internalized understanding of Zionism as a guarantor of Jewish existence or as the only answer to the so-called “Jewish question” has evolved.

Already in 1948, in the first war over Palestine, the implementation of the Zionist project in *Eretz Israel* proved to be utterly dependent on the operational readiness of the military. A military defeat was equated with the disintegration of the *Yishuv*, while a military victory – as would turn out to be confirmed – with the birth of a national state.

¹⁷⁸ Shlaim 2000: 561; Bar-Zohar 2006: 665; Azoulay-Katz 1996: 247.

¹⁷⁹ Bar-Josef 2006.

не для того, чтобы укрепить свое присутствие в Южном Ливане, и не для того, чтобы заручиться поддержкой его жителей.¹⁷⁸

Хезболла не была разгромлена, и её партизанская война продолжалась вплоть до резолюции правительства Эхуда Барака об отступлении в 2000 году. Военные раскритиковали это решение как «значительное сокращение сдерживающей силы» Израиля и обвинили его в начале «Второй интифады» в том же году. Были предприняты репрессии против палестинцев с целью восстановления сдерживающей силы. Только на этом основании военные добились своего и получили разрешение на проведение ещё одной операции в Ливане летом 2006 года, снова спровоцированной инцидентом с Хезболлой на северной границе.¹⁷⁹

В конце 2008 года Барак – на этот раз в качестве лидера Рабочей партии и министра обороны в правительстве Эхуда Ольмерта, который возглавлял *Кадима* Эта центристская партия, образованная в 2006 году, направила израильские войска в сектор Газа, который с 2006 года контролировался ХАМАС. Другие решающие вооруженные столкновения в новом столетии – с 2000 по 2004 год, в 2006 году и с 2008 по 2009 год – также стали результатом решений, принятых «сионистским левым правительством» в Иерусалиме. Что касается столкновений 2012 и 2014 годов в секторе Газа, которые были организованы ХАМАС, *Ликуд* правительства также пользовались непоколебимой поддержкой сионистских левых.

Заключение: О войне и еврейской государственности

Как объяснить это перманентное состояние войны? Почему израильское общество терпело его столько лет, несмотря на то, что военная политика снова и снова оказывалась контрпродуктивной? Ответ на этот вопрос может заключаться в том, что исторически Израиль предполагал тесную связь между военной мощью и существованием национального государства. И как следствие этого, и особенно в свете еврейской катастрофы в Европе, сформировалось внутреннее понимание сионизма как гаранта еврейского существования или как единственного ответа на так называемый «еврейский вопрос».

Уже в 1948 году, во время первой войны за Палестину, осуществлялась реализация сионистского проекта. *Эрец Израиль* Оказалось, что все это полностью зависит от оперативной готовности вооруженных сил. Военное поражение приравнивалось к распаду армии. *Ишув*, в то время как военная победа – как впоследствии подтвердилось – сопровождалась рождением национального государства.

¹⁷⁸Шлайм 2000: 561; Бар-Зоар 2006: 665; Азулай-Кац 1996: 247. ¹⁷⁹ Бар-Йозеф 2006.

The Jewish state was born out of war. It was thanks to the war of 1948 that Zionism managed to come much closer to achieving its national-state goals than UN Resolution 181 of November 29, 1947 was prepared to allow. Through other wars – particularly that of 1956 – Israel built up its deterrent effect, and it also succeeded in expanding its state territory as a result of the war of 1967. In this sense, war has a positive connotation. It secures Jewish statehood.

But since Israel did not settle the question of its state territory in 1949 but rather was intent on expansion, and also because in 1949 no peace deal but only a temporary ceasefire agreement with the neighbor states could be reached, no solution to the question of Palestine was arrived at and various conflicts continued to ignite. Gaining and keeping territory has turned out to be a central motive of the military operations undertaken over the course of the years. Not only the wars of conquest (1948, 1956 and 1967), but also the less glorious wars of attrition (1967–1970, 1985–2000) as well as the defense wars (such as 1973) were ultimately fought over land.

But the armed encounters of 1956, 1982 and 1996 show how closely the territory is linked to the military task of defense in the Israeli understanding. And defense stands for security, which in turn stands for national-state existence. For this reason security has become a central social code, the “Security Code”¹⁸⁰ represents a way of life to which there is no alternative. In Hebrew, the expression “*Ein-Breira*” (no choice) was popularized as a social code for the necessity of war for the purpose of self-defense.

What the Security Code spells out is this: Security is a guiding principle of the social order. But because security has not yet been achieved and keeps ending up back on the political agenda, the state has no choice but to revert even more resolutely to a war policy with the conviction that it ensures national statehood. This happens with the support of society.

Over time, Israeli militarism has become a taken-for-granted fact. The historical development of Israel’s state apparatus, social structures and political culture has unfolded accordingly. The Israeli collective is fixated upon war institutionally (politics, military, society, economy, industry and legal system), as well as mentally and politico-culturally. In dialectic relationship to the notion that war is an integral part of reality in the Middle East, the security doctrine of determent has been established. This became apparent from the formative years on, as the worst-case scenario was constantly invoked. This included the assumption that the Arab neighboring states of Israel are its archenemies. And this in turn gave birth to the conviction that an invincible Israeli military power is a necessity.

180 Kimmerling 2001.

Еврейское государство зародилось в результате войны. Именно благодаря войне 1948 года сионизму удалось значительно приблизиться к достижению своих целей в области национального государства, чего не допускала резолюция ООН № 181 от 29 ноября 1947 года. В ходе других войн – особенно войны 1956 года – Израиль усилил свой сдерживающий эффект, а также добился расширения своей государственной территории в результате войны 1967 года. В этом смысле война имеет позитивный оттенок. Она обеспечивает еврейскую государственность.

Но поскольку Израиль в 1949 году не урегулировал вопрос о своей государственной территории, а стремился к экспансии, а также потому, что в 1949 году не удалось достичь мирного соглашения, а лишь временное соглашение о прекращении огня с соседними государствами, решение палестинского вопроса так и не было найдено, и различные конфликты продолжали разгораться. Завоевание и удержание территории стало центральным мотивом военных операций, проводившихся на протяжении многих лет. Не только войны за завоевание (1948, 1956 и 1967), но и менее славные войны на истощение (1967–1970, 1985–2000), а также оборонительные войны (например, 1973 год) в конечном итоге велись за землю.

Однако вооруженные столкновения 1956, 1982 и 1996 годов показывают, насколько тесно эта территория связана с военной задачей обороны в израильском понимании. А оборона означает безопасность, которая, в свою очередь, означает существование национального государства. По этой причине безопасность стала центральным социальным кодексом, «Кодекс безопасности»¹⁸⁰ представляет собой образ жизни, которому нет альтернативы. На иврите выражение «*Эйн-Брейра*» (фраза «нет выбора» (*no choice*)) получила широкое распространение как социальный код, обозначающий необходимость войны в целях самообороны.

Кодекс безопасности гласит следующее: безопасность является руководящим принципом общественного порядка. Но поскольку безопасность еще не достигнута и постоянно возвращается на политическую повестку дня, у государства нет иного выбора, кроме как еще более решительно вернуться к военной политике, будучи убежденным, что это обеспечит национальную государственность. Это происходит при поддержке общества.

Со временем израильский милитаризм стал само собой разумеющимся фактом. Соответственно, развивался исторический облик израильского государственного аппарата, социальных структур и политической культуры. Израильское общество институционально (политика, армия, общество, экономика, промышленность и правовая система) и ментально, и политико-культурно одержимо войной. В диалектической связи с представлением о том, что война является неотъемлемой частью реальности на Ближнем Востоке, сформировалась доктрина безопасности сдерживания. Это стало очевидным с первых лет существования государства, поскольку постоянно апеллировал наихудший сценарий. Это включало в себя предположение, что соседние с Израилем арабские государства являются его заклятыми врагами. И это, в свою очередь, породило убеждение в необходимости непобедимой израильской военной мощи.

¹⁸⁰Киммерлинг 2001.

The doctrine of determent was soon framed in terms such as “activistic defense,” “preemptive war,” “retaliation” and “determent.” The “demonstration of strength” was supposed to neutralize the hostile potential of the enemy. If only the military strength of Israel could be made obvious, the feared attacks would be averted. But this doctrine does not only entail perpetual armament. It also means a ceaseless demonstration of military power. As a consequence, non-conventional weapons and disproportionate military operations are likewise legitimized in domestic policy. The deterrent effect cannot be allowed to lessen, even if in parallel peace is being negotiated.

The flipside of such a security doctrine based on determent is the state of panic into which politics, army and society are thrown every time cracks appear in the deterrent effect. Whenever the Israeli army suffers a defeat – even against clearly inferior powers such as Hezbollah or the Palestinian resistance of first the PLO and later also Hamas – the urge to rebuild the deterrence power through the military grows stronger.

To political Israel, deterrence power is equivalent to its military hegemony in the region. This is to be achieved not only through a well-equipped conventional army, but also through the exclusive regional possession of non-conventional weapons. And while Israel is still not admitting to its nuclear capacities, it fully understands that its national state security is closely coupled to being the only nuclear power in the region.

This is why it cannot let its Arab neighbor states, perceived as mortal enemies, ever come into possession of nuclear weapons of mass destruction. Accordingly, so-called preemptive wars also form a part of the security policy where the goal is to prevent the nuclear armament of neighbor states. This became obvious in the case of Iraq in June 1981 and Syria in September 2007, when the Israeli air force destroyed nuclear reactors in these countries. The ongoing debate concerning Iran's nuclear program has also been ranking at the top of Israel's security-political agenda for some years.

The prospect of Iranian nuclear weapons is a source of great concern to Israel, because through the 1980s and 1990s this Islamic republic has become an increasingly important ally of two political-military organizations with Muslim-religious orientations, namely the Palestinian Hamas and the Lebanese Hezbollah. Both of these have become declared archenemies in these decades from the Israeli point of view. And since Israel accuses Iran as well as Hamas and Hezbollah of having the strategic goal of annihilating Israel, Iran being a nuclear power poses a danger to the Jewish state. It would challenge Israel's hegemonic military position in the region, and in doing so possibly also jeopardize its national-state existence. Or so goes the Israeli fear. Thus, political Israel sees the preclu-

Доктрина сдерживания вскоре была сформулирована в таких терминах, как «активистская оборона», «превентивная война», «возмездие» и «сдерживание». «Демонстрация силы» должна была нейтрализовать враждебный потенциал противника. Если бы только военная мощь Израиля была очевидна, страшные нападения были бы предотвращены. Но эта доктрина подразумевает не только постоянное вооружение. Она также означает непрерывную демонстрацию военной мощи. Как следствие, нетрадиционные виды оружия и непропорциональные военные операции также легитимизируются во внутренней политике. Сдерживающий эффект не должен ослабевать, даже если параллельно ведутся переговоры о мире.

Обратная сторона такой доктрины безопасности, основанной на сдерживании, — это состояние паники, в которое впадают политика, армия и общество всякий раз, когда в сдерживающем эффекте появляются трещины. Всякий раз, когда израильская армия терпит поражение — даже от явно превосходящих её сил, таких как «Хезболла» или палестинское сопротивление сначала ООП, а затем и ХАМАС, — стремление восстановить сдерживающую силу с помощью армии усиливается.

Для политического Израиля сдерживающая сила равнозначна его военной гегемонии в регионе. Это должно достигаться не только за счет хорошо оснащенной обычной армии, но и за счет исключительного регионального обладания нетрадиционными видами оружия. И хотя Израиль до сих пор не признает наличие у него ядерного потенциала, он прекрасно понимает, что его национальная государственная безопасность тесно связана с тем, что он является единственной ядерной державой в регионе.

Именно поэтому Израиль не может допустить, чтобы его соседние арабские государства, воспринимаемые как заклятые враги, когда-либо получили ядерное оружие массового уничтожения. Соответственно, так называемые превентивные войны также являются частью политики безопасности, целью которых является предотвращение ядерного вооружения соседних государств. Это стало очевидным в случае с Ираком в июне 1981 года и Сирией в сентябре 2007 года, когда израильские ВВС уничтожили ядерные реакторы в этих странах. Продолжающиеся дебаты по поводу иранской ядерной программы также уже несколько лет занимают ведущее место в политической повестке дня Израиля в области безопасности.

Перспектива обладания Ираном ядерным оружием вызывает серьезную озабоченность у Израиля, поскольку в 1980-х и 1990-х годах эта исламская республика стала все более важным союзником двух военно-политических организаций с мусульманской религиозной направленностью, а именно палестинского ХАМАС и ливанской Хезболлы. Обе они в последние десятилетия стали объявленными заклятыми врагами с точки зрения Израиля. А поскольку Израиль обвиняет Иран, а также ХАМАС и Хезболлу в стратегической цели уничтожения Израиля, ядерное оружие Ирана представляет опасность для еврейского государства. Оно бросит вызов гегемонистскому военному положению Израиля в регионе и, таким образом, может поставить под угрозу существование его национального государства. По крайней мере, так опасается Израиль. Таким образом, политический Израиль видит в этом предзнаменование...

sion of a nuclear Iran as an integral part of its security policy that is based on the security doctrine of determent through Israel's military superiority.

It is obvious that this doctrine entails escalation and keeps intensifying the respective conflicts instead of diffusing them as the determent policy promises. Despite this fact, it has barely lost any of its potency. How does such an overwhelming social consensus on a war policy based on this doctrine come about? An explanation may be found in the already discussed civil militarism. Israeli militarism is a product of the depoliticization of security as it has been practiced from above for many years. The state (and its apparatuses of violence) claims the exclusive power of decision in security matters, thus effectively excluding society, i.e., the public and their representatives in the *Knesset*, from the actual decision process.

De facto it is the executive powers – the security cabinet and the security apparatuses – that make all the decisions regarding security policy. Through the exclusion of society from this entire area, the executive has plenty of room to maneuver. It can stick to a repeatedly failed security policy without really being forced to expose it to scrutiny. This domestic political procedure has been established over the course of the years to become an essential feature of Israel's political culture. In opposition to the strength and autonomy of the state stands a society that is deprived of power as a result of its depoliticization.

The fundament for this depoliticization of security was already laid in the early years of the State of Israel, when Prime Minister and Minister of Defense David Ben-Gurion held enough power and authority to segregate the complex of security policy from political routine and debate. In the formative years, the actual decision process did not take place in the *Knesset* or the *Mapai* party. Instead, a small circle within the Ministry of Defense exclusively decided issues of war and armament. In this way, Ben-Gurion set the course for a political culture of the depoliticization of security. His protégé Peres would later reinforce these structures. While the state strengthened its executive power by relieving it from any obligation to account for its security policy, the new immigrant society was weakened “from above” as this entire field was effectively placed out of its reach.

The first Israeli “war of opportunity” is a good example of the process of the depoliticization of security. In 1956, it was three individuals on the Israeli side who prepared the war against Egypt: David Ben-Gurion, Army Chief Moshe Dayan and Director-General in the Ministry of Defense Shimon Peres. The latter two took a vanguard role in politically paving the way for Ben-Gurion. Neither the *Mapai* party nor the *Knesset* or even the government, not to mention the public, had a say in any of it.

The entire endeavor had to remain strictly secret at the time, not least because the actual backdrop to the war, namely the stabilization of the military alliance

Восприятие Ираном ядерного оружия как неотъемлемой части его политики безопасности, основанной на доктрине сдерживания посредством военного превосходства Израиля.

Очевидно, что эта доктрина влечет за собой эскалацию и лишь усиливает соответствующие конфликты, вместо того чтобы смягчать их, как обещает политика сдерживания. Несмотря на это, она практически не утратила своей эффективности. Как же возникает такой подавляющий общественный консенсус в отношении военной политики, основанной на этой доктрине? Объяснение можно найти в уже обсуждавшемся гражданском милитаризме. Израильский милитаризм является продуктом деполитизации безопасности, которая практикуется сверху уже много лет. Государство (и его аппараты насилия) претендует на исключительную власть принятия решений в вопросах безопасности, тем самым фактически исключая общество, то есть общественность и ее представителей, из процесса принятия решений. *Кнессет* из самого процесса принятия решений.

Де-факто Именно исполнительная власть – кабинет безопасности и аппараты безопасности – принимает все решения, касающиеся политики безопасности. Исключение общества из этой сферы дает исполнительной власти широкие возможности для маневрирования. Она может придерживаться неоднократно проваливавшейся политики безопасности, не будучи вынужденной подвергать ее тщательному анализу. Эта внутриполитическая процедура формировалась на протяжении многих лет и стала неотъемлемой частью политической культуры Израиля. В противовес силе и автономии государства стоит общество, лишенное власти в результате его деполитизации.

Основа для этой деполитизации безопасности была заложена еще в первые годы существования Государства Израиль, когда премьер-министр и министр обороны Давид Бен-Гурион обладал достаточной властью и авторитетом, чтобы отделить сложный комплекс политики безопасности от политической рутины и дискуссий. В годы становления фактическое принятие решений происходило не в рамках *Кнессеты* или *Мапай* партии. Вместо этого узкий круг внутри Министерства обороны решал исключительно вопросы войны и вооружений. Таким образом, Бен-Гурион заложил основу для политической культуры деполитизации безопасности. Его протее Перес позже укрепил эти структуры. В то время как государство укрепило свою исполнительную власть, освободив себя от каких-либо обязательств по отчетности за свою политику безопасности, новое иммигрантское общество было ослаблено «сверху», поскольку вся эта сфера фактически оказалась вне его досягаемости.

Первая израильская «война по случаю» — хороший пример процесса деполитизации безопасности. В 1956 году войну против Египта готовили три человека с израильской стороны: Давид Бен-Гурион, начальник штаба армии Моше Даян и генеральный директор Министерства обороны Шимон Перес. Последние двое сыграли ведущую роль в политической подготовке Бен-Гуриона. Ни один из них не был одним из тех, кто... *Мапай* ни партия ни *Кнессет* Даже правительство, не говоря уже о общественности, не имели права голоса ни в одном из этих вопросов.

Вся эта затея в то время должна была оставаться в строжайшей тайне, не в последнюю очередь из-за обстоятельств, предшествовавших войне, а именно стабилизации военного союза.

with France, would have been difficult to communicate. Even as it was beyond debate to Peres that the war was led in the interest of Israel and that the alliance with France was only necessary during the embargo, he knew how to mask the actual background in order to achieve consensus in Israel.¹⁸¹

More importantly, even years later Israeli society was still not informed of the true motive. Therefore, the Sinai-Suez War remained an undisputed necessity, a defense war in the collective awareness. This rendered domestic political debate a moot point. The narrative according to which “the enemies want to annihilate us and we have to defend ourselves,” can neither be proven nor refuted. It has, however, been passed on and become firmly institutionalized in an unreflective process carried on over many years.

And so the security question was ideologized and ultimately depoliticized. In this way the concrete circumstances of any war appear to be of secondary importance. They are ultimately blocked out. Accordingly, any serious discussion or effective criticism fails to emerge. The scenario of 1956 repeated itself in 1967, on the eve of the Six-Day War. The war was portrayed as an existence-securing measure as the country was seized by a downright fear of annihilation. Behind the scenes, the decision to go to war was forced on politics by the military.¹⁸² Israel scored a military triumph, which led to victory euphoria. Here, too, any substantial public debate about the reasons, the course, the goals or the devastating politico-demographical and geopolitical results of the war failed to materialize. Settlement of the new territories commenced immediately afterwards.

Another contribution to the depoliticization of war and thus to the consolidation of civil militarism was made by civilian politician Peres in 1982, when he was in the opposition. In the beginning he did not only agree with the government's decision to send the Israeli army into Lebanon, but he also supported the political architect of the Lebanon war by practically smothering any public debate about the aims of the war before it even began. This was again fueled by the conviction that war was a necessity, but it also arose from the fact that disclosing to the public the actual motivation for this bold military operation in the neighboring country was out of the question.

The Lebanon plan ultimately failed, exposing Israel to an even greater threat from the country's northern border. Despite this fact, the war of 1982 was still considered a defensive war by the political-military leadership, and this is why it would continue for eighteen years. Although in 1983 Israeli society actually did come to the point where it forced the resignation of war architect Ariel Sharon

¹⁸¹ Amar-Dahl 2010: 225–250.

¹⁸² Golani 2002: 197–203; Segev 2005.

Общение с Францией было бы затруднительным. Даже несмотря на то, что для Переса было очевидно, что война велась в интересах Израиля и что союз с Францией был необходим только во время эмбарго, он умел скрывать истинные причины, чтобы добиться консенсуса в Израиле.¹⁸¹

Что еще более важно, даже спустя годы израильское общество так и не узнало истинных мотивов. Поэтому Синайско-Суэцкая война оставалась в коллективном сознании бесспорной необходимостью, оборонительной войной. Это сделало внутривластные дебаты бессмысленными. Утверждение о том, что «враги хотят нас уничтожить, и мы должны защищаться», нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Однако оно передавалось из поколения в поколение и прочно укоренилось в результате необдуманного процесса, продолжавшегося многие годы.

Таким образом, вопрос безопасности был идеологизирован и в конечном итоге деполитизирован. В этом смысле конкретные обстоятельства любой войны кажутся второстепенными. В конечном счете, они игнорируются. Соответственно, любое серьезное обсуждение или эффективная критика не возникают. Сценарий 1956 года повторился в 1967 году, накануне Шестидневной войны. Война была представлена как мера по обеспечению существования, поскольку страну охватил откровенный страх уничтожения. За кулисами решение о начале войны было навязано политикам военными.¹⁸² Израиль одержал военную победу, которая привела к эйфории от победы. Здесь также не возникло существенного общественного обсуждения причин, хода, целей или разрушительных политико-демографических и геополитических последствий войны. Заселение новых территорий началось сразу после этого.

Ещё один вклад в деполитизацию войны и, следовательно, в укрепление гражданского милитаризма внёс гражданский политик Перес в 1982 году, когда он находился в оппозиции. Вначале он не только соглашался с решением правительства ввести израильскую армию в Ливан, но и поддерживал политического архитектора ливанской войны, практически подавляя любые публичные дебаты о целях войны ещё до её начала. Это снова было обусловлено убеждением в необходимости войны, но также и тем фактом, что раскрытие общественности истинных мотивов этой дерзкой военной операции в соседней стране было исключено.

Ливанский план в конечном итоге провалился, подвергнув Израиль еще большей угрозе со стороны северной границы страны. Несмотря на это, война 1982 года все еще рассматривалась военно-политическим руководством как оборонительная, и именно поэтому она продолжалась восемнадцать лет. Хотя в 1983 году израильское общество действительно дошло до того момента, когда вынудило к отставке архитектора войны Ариэля Шарона.

¹⁸¹Амар-Даль 2010: 225–250. ¹⁸²

Голани 2002: 197–203; Серев 2005.

through a state investigation committee, it no less than its political leadership still maintains the view that this war was an act of defense. This is why it would go on to entrust itself to the same security-political leadership for so long afterwards. Shimon Peres and Ariel Sharon would try to keep the Palestinian territories under Israeli control for many more years, before finally making the decision in 2005 to pull out of the Gaza Strip.¹⁸³

The depoliticization of security becomes most apparent in the question of nuclear weapons, where the inception of the Israeli nuclear program was decided to the exclusion of the public and its representatives. The “policy of opacity” carried the day. This policy is not only geared towards keeping the Israeli nuclear program out of international control, but also towards preventing it from being discussed domestically. Peres played a central role in these developments, starting in the mid-1950s with the acquisition of the infrastructure, and leading up to the assertion and ultimately the consolidation of the policy of opacity in the political culture.

This depoliticization of security forms the basis for the civil militarism that has taken such a firm hold in the political culture of the country. The genesis of this political culture is rooted in the disciplining of an immigrant and settler society for the ultimate goal of national statehood, as it is understood by the political-military leadership and enforced by the state. For the sake of its secret warfare, the state secures its own political maneuvering room by reverting to military censorship, emergency laws, the policy of denial and the exertion of control over the military-industrial complex.

All these measures carry an important domestic-political function in effectively stifling public debate of the security question. As things stand, Israeli society is *de facto* all but completely at the mercy of the state when it comes to matters of security. This understanding of state and society has evolved not least because the country’s political leadership failed to clarify the question of state territory, leaving it to the military instead. And so the question of Palestine continues to play a decisive role in Israel’s quest for peace.

183 Landau 2015: 344 seq.

Через государственную следственную комиссию она, как и её политическое руководство, до сих пор придерживается мнения, что эта война была актом самообороны. Именно поэтому она так долго после этого доверяла себя тому же самому руководству, отвечающему за безопасность и политику. Шимон Перес и Ариэль Шарон пытались удерживать палестинские территории под контролем Израиля ещё много лет, прежде чем в 2005 году наконец приняли решение о выводе войск из сектора Газа.¹⁸³

Деполитизация безопасности наиболее очевидна в вопросе ядерного оружия, где создание израильской ядерной программы было решено в отсутствие общественности и её представителей. Победила «политика непрозрачности». Эта политика направлена не только на то, чтобы вывести израильскую ядерную программу из-под международного контроля, но и на то, чтобы предотвратить её обсуждение внутри страны. Перес сыграл центральную роль в этих событиях, начиная с середины 1950-х годов с приобретения инфраструктуры и заканчивая утверждением и, в конечном итоге, укреплением политики непрозрачности в политической культуре.

Эта деполитизация безопасности лежит в основе гражданского милитаризма, который так прочно укоренился в политической культуре страны. Зарождение этой политической культуры коренится в дисциплинировании иммигрантского и поселенческого общества ради конечной цели – национальной государственности, как её понимает военно-политическое руководство и как её обеспечивает государство. Ради своей тайной войны государство обеспечивает себе политическое пространство для маневров, прибегая к военной цензуре, чрезвычайным законам, политике отрицания и установлению контроля над военно-промышленным комплексом.

Все эти меры выполняют важную внутривнутриполитическую функцию, эффективно подавляя публичные дебаты по вопросу безопасности. В нынешней ситуации израильское общество находится в...*де-факто* в вопросах безопасности Израиль практически полностью находится во власти государства. Такое понимание роли государства и общества изменилось не в последнюю очередь потому, что политическое руководство страны не смогло прояснить вопрос о государственной территории, оставив его на усмотрение военных. Таким образом, вопрос о Палестине продолжает играть решающую роль в стремлении Израиля к миру.

¹⁸³Ландау 2015: 344 сек.

5 Jewish Statehood and Regional Peace

The now fifty years of my public life can be divided into two halves. The first half of my work has been dedicated to defense, the second to peace. [...] For me, crossing over from the domain of defense to the domain of peace was like leaving the real world in exchange for an unreal one.¹

This remark by veteran politician Shimon Peres, made in the late 1990s, provides a telling insight into the political culture of Israel – and, for that matter, into its prospects of ending the century-long conflict over Palestine. Peres succinctly describes the fifty years following Israel’s establishment as a balancing act between the conflicting priorities of defense and peace, security and reconciliation. It is in this difficult terrain that he, Peres, had to move and find his bearings throughout his entire political career. War remains indispensable for Israel’s existence, but since the state of war is excruciating in the long run, peace needs to be aspired to. However, it is to come about strictly as a consequence of security, and is only feasible after the Jewish state has been secured. In other words, existence as a national state has to precede reconciliation.

But what exactly should this reconciliation look like? This is what Peres had to say with regard to this matter five decades after Israel’s establishment and following several years of peace talks with the Palestinians, but still before the final failure of the Oslo Peace Process in October 2000: “Peace is like a dream: It still lingers as I awaken, even if it is only pale and blurred like the dusk, but as the day is dawning and the hours pass, reality gets the upper hand.”² Is “reality” as it presents itself roughly half a century after the founding of the state not suited for peace in the eyes of Israel’s last remaining founding father?

Since the mid-1980s, the bearer of hope for peace and leader of the Israeli Labor Party had been increasingly putting himself out for an initiation of peace talks. And it was his party that popularized the formula of “peace and security” (*Shalom ve-Bitahon*). In numerous speeches over the years, Peres mentioned these two terms in one breath. His voice was increasingly perceived as a call for negotiations to solve the Palestinian question. Up to this point, any such thing had been unimaginable in Israel.

In 1985, Peres, as prime minister in the grand coalition, pushed through the partial withdrawal of Israeli troops from Lebanon against the resistance of most *Likud* cabinet members. This decision was preceded by the peace settlement with

¹ Peres 1999: 57, 61.

² Ibid. 61–62.

5. Еврейская государственность и региональный мир

Мои пятьдесят лет общественной жизни можно разделить на две половины. Первая половина моей работы была посвящена обороне, вторая — миру. [...] Для меня переход из сферы обороны в сферу мира был подобен уходу из реального мира в нереальный.¹

Это высказывание ветерана политики Шимона Переса, сделанное в конце 1990-х годов, дает показательное представление о политической культуре Израиля – и, собственно говоря, о его перспективах положить конец столетнему конфликту вокруг Палестины. Перес кратко описывает пятьдесят лет после создания Израиля как балансирование между противоречащими друг другу приоритетами обороны и мира, безопасности и примирения. Именно на этой сложной территории ему, Пересу, приходилось двигаться и искать свою позицию на протяжении всей своей политической карьеры. Война остается необходимой для существования Израиля, но поскольку состояние войны в долгосрочной перспективе мучительно, к миру необходимо стремиться. Однако он должен наступить исключительно как следствие безопасности и осуществим только после того, как еврейское государство будет обеспечено. Другими словами, существование национального государства должно предшествовать примирению.

Но как именно должно выглядеть это примирение? Вот что сказал Перес по этому поводу спустя пять десятилетий после создания Израиля и после нескольких лет мирных переговоров с палестинцами, но еще до окончательного провала Ословского мирного процесса в октябре 2000 года: «Мир подобен сну: он все еще остается во мне, когда я просыпаюсь, даже если он лишь бледный и размытый, как сумерки, но с наступлением рассвета и течением часов реальность берет верх».² Разве «реальность», какой она предстает примерно через полвека после основания государства, не подходит для мира в глазах последнего оставшегося отца-основателя Израиля?

Начиная с середины 1980-х годов, носитель надежды на мир и лидер израильской Рабочей партии все активнее выступал за инициирование мирных переговоров. Именно его партия популяризировала формулу «мир и безопасность». *Шалом ве-Битахон* В многочисленных выступлениях на протяжении многих лет Перес упоминал эти два термина в одном предложении. Его голос все чаще воспринимался как призыв к переговорам для решения палестинского вопроса. До этого момента в Израиле подобное было немыслимо.

В 1985 году Перес, будучи премьер-министром в составе большой коалиции, добился частичного вывода израильских войск из Ливана, несмотря на сопротивление большинства. *Ликуд* члены кабинета министров. Этому решению предшествовало мирное соглашение с

¹Перес 1999: 57, 61. ²

Там же. 61–62.

Egypt in 1979, by which the danger of war in the south was averted for the time being, as well as by the failed attempt of 1982 to solve the Palestinian question by waging war in Lebanon. Peres' policy created a feeling of relief in Israel, which had maneuvered itself into a hopeless war.

The leader of the Labor Party distinguished himself as a responsible, level-headed politician, as the “liberator of the Israeli army from the Lebanese quagmire,” and this in spite of the fact that a “security zone” had been created in South Lebanon and a guerrilla war with Hezbollah had ensued there. Peres increasingly positioned himself as a proponent of the peace process. His conciliatory demeanor was in clear contrast to the blockade mentality of the *Likud* that balked at peace talks, given its commitment to the ideology of the “promised land.”

Yitzhak Shamir, head of the *Likud* and prime minister in the period from 1986 to 1992, soon turned out to be Peres' main political rival regarding this question. The debates over peace finally led to a split into a Zionist Right and a Zionist Left. Foreign Minister Peres (1986–1988) initiated talks with Jordan's King Hussein with the goal of solving the Palestinian question. But the result, the “London Document” of 1987, was blocked by the *Likud* in the grand coalition and was never ratified.

Finally, in 1990, Peres started working on dissolving the grand coalition in the hopes of being able to form a “small government” together with the party of religious peace advocates *Shas*. The leader of the Zionist Left justified this strategic move in the name of peace: “So far, big decisions could only be made by small governments.”³ The formation of this “peace government” occurred only as late as 1992 under the leadership of the Labor Party. Thus, for the first time in history, Israel had a political constellation that made direct negotiations with the Palestinians possible. The Oslo Peace Process was set in motion by the Zionist Left government only a short time later.

What was this government hoping to achieve in this process? What kind of peace did the Israeli peace camp strive for? And why did the only attempt to solve the conflict over Palestine ultimately fail?

Zionist Left: The Language of Peace

Let us first take a closer look at four catchphrases used by Israeli scholarship to describe the manner in which the Zionist Left conceives of peace: “peace ideology,” “imaginary peace,” “security myth,” and “peace without Arabs.” These

³ *Al Hamishmar*, April 9, 1990.

Египет в 1979 году, благодаря которому опасность войны на юге была предотвращена на данный момент, а также неудачная попытка 1982 года решить палестинский вопрос путем войны в Ливане. Политика Переса вызвала чувство облегчения в Израиле, который загнал себя в безнадежную войну.

Лидер Лейбористской партии отличился как ответственный, рассудительный политик, как «освободитель израильской армии из ливанской трясины», и это несмотря на то, что в Южном Ливане была создана «зона безопасности» и там развернулась партизанская война с «Хезболлой». Перес все больше позиционировал себя как сторонник мирного процесса. Его примирительное поведение резко контрастировало с блокадным менталитетом...*Ликуд* которая отказалась от мирных переговоров, учитывая ее приверженность идеологии «земли обетованной».

Ицхак Шамир, глава *Ликуд* Министр иностранных дел Перес, занимавший пост премьер-министра в период с 1986 по 1992 год, вскоре оказался главным политическим соперником Переса в этом вопросе. Дебаты о мире в конечном итоге привели к расколу на сионистское правое и сионистское левое крыло. Министр иностранных дел Перес (1986–1988) инициировал переговоры с королем Иордании Хусейном с целью решения палестинского вопроса. Но результат, «Лондонский документ» 1987 года, был заблокирован *Ликуд* входила в большую коалицию и так и не была ратифицирована.

Наконец, в 1990 году Перес начал работу над роспуском большой коалиции в надежде сформировать «малое правительство» вместе с партией религиозных сторонников мира. *Шах* Лидер сионистских левых оправдал этот стратегический шаг во имя мира: «До сих пор важные решения могли принимать только небольшие правительства». ³ Формирование этого «мирного правительства» произошло лишь в 1992 году под руководством Лейбористской партии. Таким образом, впервые в истории Израиль получил политическую ситуацию, которая сделала возможными прямые переговоры с палестинцами. Мирный процесс в Осло был запущен сионистским левым правительством вскоре после этого.

Чего надеялось добиться это правительство в ходе этого процесса? К какому миру стремился израильский мирный лагерь? И почему единственная попытка урегулировать конфликт вокруг Палестины в конечном итоге провалилась?

Сионистские левые: Язык мира

Давайте сначала внимательнее рассмотрим четыре крылатых выражения, используемых израильскими учеными для описания того, как сионистские левые понимают мир: «идеология мира», «воображаемый мир», «миф о безопасности» и «мир без арабов».

³ *Аль-Хамишмар* 9 апреля 1990 года.

terms were coined as a reaction to the Oslo Peace Process, or the failure of it, as the first serious attempt undertaken by Israel to tackle the Palestinian question by diplomatic means. The reconciliation process of 1993 was considered a political victory of the Zionist Left over the Zionist Right.

Moshe Zuckermann speaks of a “psycho-collective fear of peace” inherent in Israel’s political culture. Using the failure of the Israeli-Palestinian talks of 2000 as an example, he shows that while Israel kept evoking the “longing for peace” in an emotionally charged manner, it proved to be utterly unable to realize this aspiration by politically legitimizing peace in its own society. Zuckermann refers to a “peace ideology,” i.e., a depoliticized understanding of peace that has been prevalent since the founding era. He observes that there is constant talk of “peace” and the “peace wish,” and also of “wanting to live with the neighbors in peace.”⁴

Such avowals of peace are also ubiquitous in songs, political rhetoric and Israeli diplomacy, “so that one may speak of a fetishistic relationship to the term of ‘peace’ and peace ideology.” Zuckermann interprets this as a “false consciousness about the actual intent.” In terms of collective conceptions as well as the actual policy, in Israel “peace is on everyone’s lips, but nobody has ever really put it to the test, that is, shown the willingness to bring it about by paying the necessary price.” Even as alternative approaches to the peace question have gained in significance over the years, the depoliticized peace ideology has remained dominant in Israel.⁵

For Zuckermann, the “peace ideology” represents the flipside of the “security question.” As he sees it, the “security question” serves as “cement for the conflict-laden society.”⁶ Over time it has engendered the Israeli-Jewish unit matrix, an undisputed consensus regarding the borders and developments of Israeli society and its political framework.⁷ The central function the “security question” or the “security myth” has for the cohesion of Jewish-Israeli society only became fully apparent when its unifying effect seemed to wane, namely at the moment when a deep rift appeared in Israeli society as a result of the peace process with the PLO.

One does not have to believe that the Israeli-Palestinian political talks initiated in 1993 even needed to bring about actual peace in order to threaten the ‘unity’ effect which depends on the ideologization of the ‘security question.’⁸

⁴ Zuckermann 2001: 159.

⁵ Ibid. 142.

⁶ Zuckermann 2003: 105.

⁷ Zuckermann 2001: 177–191.

⁸ Ibid. 186.

Эти термины были придуманы в ответ на Ословский мирный процесс, или его провал, как первую серьезную попытку Израиля решить палестинский вопрос дипломатическими средствами. Процесс примирения 1993 года рассматривался как политическая победа сионистских левых над сионистскими правыми.

Моше Цукерман говорит о «психоколлективном страхе перед миром», присущем политической культуре Израиля. На примере провала израильско-палестинских переговоров 2000 года он показывает, что, хотя Израиль постоянно эмоционально подчеркивал «стремление к миру», он оказался совершенно неспособен реализовать это стремление, политически легитимизировав мир в собственном обществе. Цукерман говорит о «идеологии мира», то есть о деполитизированном понимании мира, которое преобладало со времен основания государства. Он отмечает, что постоянно звучат разговоры о «мире» и «желании мира», а также о «желании жить с соседями в мире».4

Подобные заявления о мире также повсеместно встречаются в песнях, политической риторике и израильской дипломатии, «так что можно говорить о фетишистском отношении к термину „мир“ и идеологии мира». Цукерман интерпретирует это как «ложное осознание истинных намерений». С точки зрения коллективных представлений, а также реальной политики, в Израиле «мир у всех на устах, но никто никогда по-настоящему не проверял его на практике, то есть не демонстрировал готовности достичь его, заплатив необходимую цену». Даже несмотря на то, что альтернативные подходы к вопросу мира с годами приобрели большее значение, деполитизированная идеология мира остается доминирующей в Израиле.5

Для Цукермана «идеология мира» представляет собой обратную сторону «вопроса безопасности». По его мнению, «вопрос безопасности» служит «цементом для общества, раздираемого конфликтами».6 Со временем он породил израильско-еврейскую единую матрицу, бесспорный консенсус относительно границ и развития израильского общества и его политической структуры.7 Центральная функция «вопроса безопасности» или «мифа о безопасности» для сплочения еврейско-израильского общества стала полностью очевидной только тогда, когда его объединяющий эффект, казалось, ослабел, а именно в тот момент, когда в израильском обществе возник глубокий раскол в результате мирного процесса с ООП.

Необязательно верить, что израильско-палестинские политические переговоры, начатые в 1993 году, вообще нуждались в достижении реального мира, чтобы поставить под угрозу эффект «единства», который зависит от идеологизации «вопроса безопасности».8

4Цукерман 2001: 159. 5

Там же, 142.

6Цукерман 2003: 105. 7

Цукерман 2001: 177–191. 8

Там же, 186.

This weakening can be seen in the unprecedentedly scathing criticism that was directed by the Israeli Right against the security politician Yitzhak Rabin of all people, who, however hesitantly, dared to tread the path of peace. As a result, he was vilified as a “traitor” and “murderer of Zionism.” On the other side, the reaction of the Zionist Left to Rabin’s assassination is likewise an indication of the central function of the “security question.” Shortly after Rabin’s murder on November 4, 1995, it was depoliticized to such an extent that the debate about the deed and its political background shifted to the question of the “split of Israeli society” or the “unity of the Jewish people.” According to Zuckermann, this represents an attempt to keep the divergent ethnic, socio-economic, religious and political powers of Israeli society from surfacing.⁹

A similar connection between the ideologization of the security question, Israel’s peace [in]ability and the schisms inherent in Israeli society is also discerned by the Israeli sociologist Lev Grinberg (1953–) in his examination of the Oslo Peace Process: *Imagined Peace, Discourse of War*.¹⁰ According to Grinberg, the “myth of security” has an indispensable regulating function for inner-Israeli as well as for Israeli-Palestinian conflicts. He defines the “security myth” as the belief that the new hostile relations with the Arab world are an incarnation of Jewish history, one that is conceived of as a history of suffering and persecution. It is a perception that had already been solidified in the founding period as a consequence of the Holocaust and the “War of Independence” of 1948.

This notion contains the fear that the *Goyim*’s intention – in any historical epoch – is the annihilation of the Jews. Accordingly, the ethnic-national army is stylized as a “defensive army” in order to legitimize its use of violence, among other things. As a result of the security myth, the conflict is depoliticized as it is traced back to an unredeemable archenemyship of the “new *Goyim*” towards the Jews:

The security myth sprang from the sense of being under an existential threat that is deeply rooted in Jewish history, and in particular from the experience of anti-Semitism dominated by the Holocaust, which is why the security myth stands in the way of a debate on Israel’s realpolitik situation, including the concrete dangers it involves.¹¹

The security myth is not always being accepted without resistance, however. Against the backdrop of the Palestinian uprising from 1987 to 1992, for example,

⁹ Ibid. 186–187; id. 2003: 105.

¹⁰ Grinberg 2007.

¹¹ Ibid. 44–45.

Это ослабление можно увидеть в беспрецедентно резкой критике, направленной израильскими правыми против политика в сфере безопасности Ицхака Рабина, который, несмотря на свою нерешительность, осмелился встать на путь мира. В результате его очернили как «предателя» и «убийцу сионизма». С другой стороны, реакция сионистских левых на убийство Рабина также свидетельствует о центральной роли «вопроса безопасности». Вскоре после убийства Рабина 4 ноября 1995 года он был настолько деполитизирован, что дискуссия о содеянном и его политическом контексте сместилась к вопросу о «расколе израильского общества» или «единстве еврейского народа». По мнению Цукермана, это представляет собой попытку скрыть расхождение этнических, социально-экономических, религиозных и политических сил израильского общества.⁹

Подобную связь между идеологизацией вопроса безопасности, неспособностью Израиля к миру и расколами, присущими израильскому обществу, также обнаруживает израильский социолог Лев Гринберг (1953–) в своем исследовании Ословского мирного процесса: *Воображаемый мир, дискурс войны*.¹⁰ По мнению Гринберга, «миф о безопасности» играет незаменимую регулирующую функцию как для внутриизраильских, так и для израильско-палестинских конфликтов. Он определяет «миф о безопасности» как убеждение, что новые враждебные отношения с арабским миром являются воплощением еврейской истории, которая воспринимается как история страданий и преследований. Это восприятие уже укрепилось в период основания государства в результате Холокоста и «Войны за независимость» 1948 года.

В этой идее заложен страх, что *Гоим* Цель – в любую историческую эпоху – это уничтожение евреев. Соответственно, этнонациональная армия стилизуется как «оборонительная армия», чтобы, помимо прочего, легитимизировать применение насилия. В результате мифа о безопасности конфликт деполитизируется, поскольку его происхождение связывают с непримиримой враждой «новых» сил. *Гоим*то отношению к евреям:

Миф о безопасности возник из ощущения экзистенциальной угрозы, глубоко укоренившейся в еврейской истории, и в частности, в опыте антисемитизма, связанном с Холокостом. Именно поэтому миф о безопасности препятствует обсуждению реальной политической ситуации в Израиле, включая конкретные опасности, которые она влечет за собой.¹¹

Однако миф о безопасности не всегда принимается без сопротивления. Например, на фоне палестинского восстания 1987-1992 годов...

⁹ Там же, стр. 186–187; там же, 2003:

105. ¹⁰ Гринберг 2007.

¹¹ Там же. 44–45.

doubts arose in society, politics and the army as to whether the Intifada was really about the annihilation of Israel, and whether it can be kept in check by military means. Such doubts shake the legitimation of military violence and damage the belief in the security myth.

An alternative to the security myth is the myth of “peace and security.” This myth is propagated mostly by the Zionist Left in the hopes of escaping the consequence of perpetual warfare as it is contained in the security myth. Pursuant to the myth of peace and security, the occupation of the Palestinian territories of 1967 is only temporary, with these areas merely representing a trump card for future negotiations or a pawn that can be used in exchange for the desired peace.¹²

What makes this declaration of “peace and security” a myth is the fact that championing this combination of peace and security does not keep its proponents within the Zionist Left from politically supporting Jewish settlement in the Palestinian territories, even if only by implication. And this is clearly done out of conviction, since the Zionist Left no less than its opponents pins its politics on the Zionist vision of a Jewish state in *Eretz Israel*.

Grinberg demonstrates in how far this fundament of “peace and security” has posthumously turned out to be a myth. He uses the expression “imagined peace” – included already in the title of his book *Imagined Peace, Discourse of War* – to refer to the tension between peace and security that is contained in said myth. What he means by “imaginary” peace is a depoliticized, ahistorical understanding of peace. Thus, peace is imagined as separate from any concrete political action. On the one hand, a symbolic gesture like the signing of the Declaration of Principles on September 13, 1993 (Oslo I) is enough to spark peace euphoria, as if the peace would arrive by virtue of a ceremony at the White House alone. On the other hand, the Oslo Peace Process is conceptualized in such a way that the core questions of the Israeli-Palestinian conflict remain untouched for the time being; one first has to focus on building trust with the new Palestinian dialogue partner, after all.

This constellation creates a situation where it becomes possible to cherish the illusion of a continuously approaching peace, since it is now possible to point to ongoing political talks. But at the same time there is no progress whatsoever in the modification of the old political order of military occupation, including the expansion of settlements. Grinberg speaks of a peace discourse in which peace is thought of in abstract terms, without any concrete changes occurring or any real political solutions being discussed.

¹² Ibid. 54.

В обществе, политике и армии возникли сомнения относительно того, действительно ли интифада была направлена на уничтожение Израиля и можно ли сдержать её военными средствами. Такие сомнения подрывают легитимность военного насилия и разрушают веру в миф о безопасности.

Альтернативой мифу о безопасности является миф о «мире и безопасности». Этот миф распространяется в основном сионистскими левыми в надежде избежать последствий непрекращающейся войны, которые содержатся в мифе о безопасности. В соответствии с мифом о мире и безопасности, оккупация палестинских территорий в 1967 году носит лишь временный характер, и эти территории представляют собой всего лишь козырь для будущих переговоров или пешку, которую можно использовать в обмен на желаемый мир.¹²

Мифом в этом заявлении о «мире и безопасности» делает тот факт, что отстаивание этого сочетания мира и безопасности не мешает его сторонникам в сионистском левом движении политически поддерживать еврейские поселения на палестинских территориях, пусть даже лишь косвенно. И это явно делается из убеждений, поскольку сионистское левое движение, как и его противники, строит свою политику на сионистском видении еврейского государства в Палестине. *Эрец Израиль*.

Гринберг демонстрирует, насколько этот фундамент «мира и безопасности» посмертно оказался мифом. Он использует выражение «воображаемый мир», которое уже присутствует в названии его книги. *Воображаемый мир, дискурс войны*—Речь идёт о напряжённости между миром и безопасностью, заложенной в этом мифе. Под «воображаемым» миром он подразумевает деполитизированное, аисторическое понимание мира. Таким образом, мир представляется отдельным от любых конкретных политических действий. С одной стороны, символического жеста, такого как подписание Декларации принципов 13 сентября 1993 года (Осло I), достаточно, чтобы вызвать эйфорию по поводу мира, как будто мир наступит сам по себе благодаря церемонии в Белом доме. С другой стороны, Ословский мирный процесс концептуализируется таким образом, что основные вопросы израильско-палестинского конфликта пока остаются нетронутыми; в конце концов, сначала необходимо сосредоточиться на укреплении доверия с новым палестинским партнёром по диалогу.

Такая ситуация создает возможность лелеять иллюзию постоянно приближающегося мира, поскольку теперь можно указать на продолжающиеся политические переговоры. Но в то же время нет никакого прогресса в изменении старого политического порядка военной оккупации, включая расширение поселений. Гринберг говорит о мирном дискурсе, в котором мир рассматривается в абстрактных терминах, без каких-либо конкретных изменений или обсуждения реальных политических решений.

¹² Там же, 54.

The occupation is deemed to have ended, with the borders of 1967 representing the final state lines. Especially in the constellation of the Oslo Accords, the old occupation practices and the necessity of decolonizing the Palestinian territories are not only allowed to be ignored, but are being even further solidified. In addition, the Zionist Left's discourse of the depoliticized "irreversibility of the peace process," which is conceived of in messianic terms, leads to a shift in the debate. Now it is no longer centered on the Israeli-Palestinian conflict that indeed remains to be settled. Instead, it moves from a conflict-laden to a post-conflict-laden agenda. As a result of this shift

Israelis succeeded in imagining peace, in turning it into an illusion, because they managed to 'disconnect' themselves from what had really happened behind the Green Line [the borders of 1949–1967]. But for three groups it was all but impossible to disconnect and indulge in the illusion of peace: the Palestinians, the [Jewish] settlers and the Israeli army.¹³

Amnon Raz-Krakotzkin speaks of a "principle of separation" as a characteristic feature of the understanding of peace across the entire Zionist-Israeli political spectrum. According to this notion, the separation of the two collectives is the goal of any peace.¹⁴ Based on the traditional perception of the Zionist project as an apolitical utopia, detached of the concrete space and very real people and actual history of Palestine, Raz-Krakotzkin describes the separation principle inherent in the Zionist consciousness also in connection to its understanding of peace. The Zionist vision of peace is based on a separation of the two peoples, which is why Palestinians and their rights are given little attention, even as many Israelis sincerely believe in the end of the occupation. Thus, the categorical elimination of the Palestinians from the Israeli consciousness remains unchanged also in the context of the act of the Oslo Process.¹⁵

The "principle of separation" certainly becomes apparent in the fact that it was particularly in the Oslo era that the policy of locking down Palestinian territories was reinforced. The passport system, introduced in 1991 for Palestinians living in the occupied territories, signalized the end of a relative freedom of movement for Palestinians on Israeli state territory. Despite some restrictions for security-political reasons, the policy of "economic integration" that had been pursued by Minister of Defense Moshe Dayan from 1967 on at least conceded Palestinians from the West Bank and Gaza the fundamental right to freedom

¹³ Ibid. 339.

¹⁴ Raz-Krakotzkin 1998: 59–76.

¹⁵ Ibid. 65.

Оккупация считается завершённой, а границы 1967 года представляют собой окончательные государственные границы. Особенно в контексте Ословских соглашений старые оккупационные практики и необходимость деколонизации палестинских территорий не только игнорируются, но и еще больше укрепляются. Кроме того, дискурс сионистских левых о деполитизированной «необратимости мирного процесса», которая рассматривается в мессианских терминах, приводит к сдвигу в дискуссии. Теперь она больше не сосредоточена на израильско-палестинском конфликте, который действительно еще не урегулирован. Вместо этого она переходит от повестки дня, ориентированной на конфликт, к повестке дня, ориентированной на постконфликтный период. В результате этого сдвига

Израильтянам удалось создать иллюзию мира, превратить её в иллюзию, потому что они сумели «отключиться» от того, что действительно происходило за «зелёной линией» [границами 1949–1967 годов]. Но для трёх групп было практически невозможно отключиться и предаваться иллюзии мира: палестинцы, [еврейские] поселенцы и израильская армия.¹³

Амнон Раз-Кракоцкин говорит о «принципе разделения» как о характерной черте понимания мира во всем сионистско-израильском политическом спектре. Согласно этой концепции, разделение двух коллективов является целью любого мира.¹⁴ Основываясь на традиционном восприятии сионистского проекта как аполитической утопии, оторванной от конкретного пространства, реальных людей и подлинной истории Палестины, Раз-Кракоцкин описывает принцип разделения, присущий сионистскому сознанию, также в связи с его пониманием мира. Сионистское видение мира основано на разделении двух народов, поэтому палестинцам и их правам уделяется мало внимания, даже несмотря на то, что многие израильтяне искренне верят в прекращение оккупации. Таким образом, категорическое исключение палестинцев из израильского сознания остается неизменным и в контексте Ословского процесса.¹⁵

Принцип «разделения» становится очевидным, особенно в контексте политики изоляции палестинских территорий, проводимой в эпоху Осло. Введенная в 1991 году паспортная система для палестинцев, проживающих на оккупированных территориях, ознаменовала конец относительной свободы передвижения палестинцев на территории Израиля. Несмотря на некоторые ограничения по соображениям безопасности и политики, политика «экономической интеграции», проводимая министром обороны Моше Даяном с 1967 года, по крайней мере, предоставила палестинцам с Западного берега и из сектора Газа основополагающее право на свободу.

¹³Там же, 339.

¹⁴Раз-Кракоцкин 1998: 59–76. ¹⁵

Там же, 65.

of movement within Israel, mostly for work purposes. In contrast to that, the Oslo Process brought the implementation of the passport system by which the freedom of movement of the Palestinian population was considerably restricted, and became a privilege that was granted on a case-by-case basis by Israel or the Palestinian Autonomy Authority.¹⁶

Raz-Krakovitzkin interprets this lockdown policy as the result of a mindset fixed on separation even in the act of peace. Another consequence of this way of thinking is that neither the history of the Israeli-Palestinian conflict nor the different political positions were actually discussed in the Oslo Process. In the groundwork of the Oslo Accords (Oslo I and II), the core questions of the historically grown conflicts are indeed excluded from negotiations and ultimately also from public debate. True to the precept that confidence has to be built first, these questions are postponed to a later point in time. But peace can hardly be achieved without revising one's own understanding of it. A change in perception that is indispensable for peace cannot be realized without the reappraisal of the historically developed subject matter of the conflict.¹⁷

But how is it that this kind of historical consciousness evolved? And what understanding of the conflict or of peace is it based on? How may the collective fear of peace¹⁸ with the Palestinians be explained? And why is it still so hard for Zionist Israel to imagine such a peace even in the second decade of the twenty-first century?

The Young Israel: Jewish Statehood without Peace

After the devastating war of 1948 had come to an end, it became clear to the Israeli leadership that it would be possible to manage peace with the Arab neighbor states only if two complexes of problems could be settled, namely the question of state borders and the problem of Palestinian refugees. But the Israeli leadership excluded any compromise in both of these matters.¹⁹

For David Ben-Gurion, a political settlement was impossible at this early stage. A statement he gave to the New York Herald Tribune concerning this issue went around the world: "I am prepared to get up in the middle of the night in order to sign a peace agreement – but I am not in a hurry and I can wait ten

¹⁶ Hass 2006: 13–34.

¹⁷ Raz-Krakovitzkin 1998: 66–68.

¹⁸ Zimmermann 2010.

¹⁹ Shlaim 2000: 49–51.

Передвижение внутри Израиля было ограничено, в основном, в рабочих целях. В отличие от этого, Ословский процесс привел к внедрению паспортной системы, которая значительно ограничила свободу передвижения палестинского населения и превратила ее в привилегию, предоставляемую в каждом конкретном случае Израилем или Палестинской автономией.¹⁶

Раз-Кратотцкин интерпретирует эту политику изоляции как результат мышления, заикнувшегося на разделении даже в акте мира. Другим следствием такого образа мышления является то, что ни история израильско-палестинского конфликта, ни различные политические позиции фактически не обсуждались в рамках Ословского процесса. В основе Ословских соглашений (Осло I и II) ключевые вопросы исторически сложившихся конфликтов действительно исключены из переговоров и, в конечном итоге, из публичных дебатов. Верные принципу, что сначала необходимо укрепить доверие, эти вопросы откладываются на более поздний срок. Но мир вряд ли может быть достигнут без пересмотра собственного понимания его. Изменение восприятия, необходимое для мира, не может быть реализовано без переоценки исторически сложившейся тематики конфликта.¹⁷

Но как же сформировалось подобное историческое сознание? И на каком понимании конфликта или мира оно основано? Как можно объяснить коллективный страх перед миром¹⁸ с палестинцами? И почему сионистскому Израилю до сих пор так трудно представить себе такой мир даже во втором десятилетии XXI века?

Молодой Израиль: еврейское государство без мира

После окончания разрушительной войны 1948 года израильскому руководству стало ясно, что мир с арабскими соседними государствами возможен только в том случае, если удастся урегулировать два комплекса проблем: вопрос государственных границ и проблему палестинских беженцев. Однако израильское руководство исключило любые компромиссы по обоим этим вопросам.¹⁹

Для Давида Бен-Гуриона политическое урегулирование на данном раннем этапе было невозможно. Его заявление газете New York Herald Tribune по этому вопросу облетело весь мир: «Я готов встать посреди ночи, чтобы подписать мирное соглашение, но я не тороплюсь и могу подождать десять лет».

¹⁶Хасс 2006: 13–34.

¹⁷Раз-Кратотцкин 1998: 66–68.

¹⁸Циммерманн 2010.

¹⁹Шлаим 2000: 49–51.

years. We are under no pressure whatsoever.”²⁰ True to this statement, Ben-Gurion initially opposed peace talks with the Egyptian King Faruq (1920–1965) in September 1948, as well as with the Syrian President Husni Zaim (1894–1949) in the spring of 1949.

According to Avi Shlaim, Ben-Gurion was convinced that Israel’s starting position in the negotiations would improve at a later point in time. The time factor played an important role for the father of the nation. Surely, in 1949 he was still in the process of intellectually digesting such enormous demographic and geopolitical changes. Israel’s interests as a national state could initially be preserved even without peace. But at the same time, Ben-Gurion makes recourse to the language of the peace ideology, such as for example in a debate of the cabinet on May 29, 1949:

It is true that these things should not prevent us from accelerating the peace, because the issue of peace between us and the Arabs is important, and it is worth paying a considerable price for it. But when the matter is dragged out – it brings us benefits, as the mufti helped us in the past. [...] But in general we need not regret too much that the Arabs refuse to make peace with us.²¹

Likewise, Shimon Peres, Ben-Gurion’s right-hand man in the Ministry of Defense for the first decade, hardly knew what to make of the terms “peace” and “reconciliation.” Peres’ main focus in these years was the armament of the young state. The security myth dominated his view of Arab-Israeli relations. His essay “Reconciliation Does Not Mean Security”²², published on September 29, 1955, is one of his few early comments on this topic. At this point the political debate between the Ministry of Defense and the Foreign Ministry on war and peace, retaliation and rapprochement had reached a climax. The protagonists of the controversy were Prime Minister and Minister of Defense Ben-Gurion and Foreign Minister Moshe Sharett (1949–1956). In his short term in office, Sharett, who was also Prime Minister in the period from December 1953 to August 1955, tried to initiate a dialogue with Nasser.

But Israeli-Egyptian relations perceivably deteriorated following Ben-Gurion’s return to the Ministry of Defense in February 1955. With the support of Ben-Gurion, Chief of General Staff Moshe Dayan pushed through his aggressive political plans against Prime Minister Sharett. Already on February 28, 1955, the Israeli army in Gaza carried out “Black Arrow”; one of its most devastating

²⁰ Shlaim 2000: 52; quoted from Ben-Gurion’s Diary, July 18, 1949.

²¹ Shlaim 2000: 51–52; quoted from the Cabinet Protocol of May 29, 1949.

²² Peres 1965: 16–24 [hereafter: Peres, September 29, 1955].

лет. Мы не испытываем никакого давления».20 Верный этому заявлению, Бен-Гурион первоначально выступал против мирных переговоров с египетским королем Фаруком (1920–1965) в сентябре 1948 года, а также с сирийским президентом Хусни Заимом (1894–1949) весной 1949 года.

По словам Ави Шлаима, Бен-Гурион был убежден, что исходная позиция Израиля на переговорах улучшится позже. Фактор времени сыграл важную роль для отца нации. Несомненно, в 1949 году он все еще находился в процессе интеллектуального осмысления столь масштабных демографических и геополитических изменений. Интересы Израиля как национального государства первоначально могли быть сохранены даже без мира. Но в то же время Бен-Гурион прибегает к языку мирной идеологии, например, в ходе обсуждения в кабинете министров 29 мая 1949 года:

Правда, эти обстоятельства не должны препятствовать ускорению мирного процесса, поскольку вопрос мира между нами и арабами важен, и за него стоит заплатить немалую цену. Но когда дело затягивается – это приносит нам выгоду, как муфтий помогал нам в прошлом. [...] Но в целом нам не стоит слишком сожалеть о том, что арабы отказываются заключать с нами мир.²¹

Аналогично, Шимон Перес, правая рука Бен-Гуриона в Министерстве обороны в течение первого десятилетия, едва ли понимал значения терминов «мир» и «примирение». В эти годы основное внимание Переса было сосредоточено на вооружении молодого государства. Миф о безопасности доминировал в его взгляде на арабо-израильские отношения. Его эссе «Примирение не означает безопасность»²², опубликованное 29 сентября 1955 года, является одним из немногих его ранних комментариев на эту тему. К этому моменту политические дебаты между Министерством обороны и Министерством иностранных дел о войне и мире, ответных мерах и сближении достигли кульминации. Главными действующими лицами в этом споре были премьер-министр и министр обороны Бен-Гурион и министр иностранных дел Моше Шаретт (1949–1956). За время своего недолгого пребывания на посту премьер-министра Шаретт, который также занимал этот пост с декабря 1953 года по август 1955 года, пытался инициировать диалог с Насером.

Однако израильско-египетские отношения заметно ухудшились после возвращения Бен-Гуриона в Министерство обороны в феврале 1955 года. При поддержке Бен-Гуриона начальник Генерального штаба Моше Даян продвинул свои агрессивные политические планы против премьер-министра Шаретта. Уже 28 февраля 1955 года израильская армия в Газе провела операцию «Черная стрела» — одну из самых разрушительных своих операций.

²⁰Шлаим 2000: 52; цитируется из дневника Бен-Гуриона, 18 июля 1949 г. ²¹Шлаим 2000: 51–52; цитируется по протоколу Кабинета министров от 29 мая 1949 года. ²²Перес 1965: 16–24 [далее: Перес, 29 сентября 1955 г.].

retaliation operations.²³ Egypt's President Nasser used this occasion to recruit Palestinian refugees from the Gaza Strip, the Fedayeen, which he then deployed against Israeli facilities.²⁴

Another consequence of the retaliation operation was the Egyptian-Soviet arms treaty of September 1955, which in turn threw Israel into a state of panic and prompted it to buy arms through France. "Black Arrow" also put an end to the unofficial talks between Nasser and Sharett that had been taken up in early 1954. Although the Lavon Affair of July 1954 and its consequences had already made the continuation of these meetings difficult, it was the Israeli retaliation operation that finally led to Nasser cutting off talks with Sharett.²⁵

In these years the Western Powers did not give up in their attempts to bring peace to the Middle East. Two plans, the "Alpha Plan" and the "Johnston Plan," provided some material for discussion. With the Alpha Plan of February 1955, Great Britain and the USA pursued the goal of safeguarding their strategic interests in the Middle East by means of a peace settlement between Israel and its Arab neighbors. The following points were proposed in project "Alpha": The creation of a land bridge between Egypt and Jordan, wherein Israel was to give up two thirds of the Negev – without, however, having to abandon its connection to Eilat; an allocation of the demilitarization zones as they had been stipulated in the armistice agreement of 1949 between Israel and its neighbors; the return of a limited number of Palestinian refugees and the payment of compensations to others; a treaty concerning the distribution of Jordan's water; the lifting of the Arab economic boycott against Israel; and a security guarantee by the West for the new borders. Israel categorically refused.²⁶

The objective of the 1955 Johnston Plan – named for Eric Johnston (1896–1963), the personal representative of American President Dwight D. Eisenhower – was to regulate the distribution of the water reserves of the Jordan Basin amongst the states of Lebanon, Syria, Jordan and Israel based on the model of the "Tennessee Valley Authority." It provided for the development of an irrigation network to the benefit of all states. The project also intended to turn the West Bank into fertile land in order to support the Palestinian refugees that were living there. The Johnston Plan was based on the hope that the regulation of water distribution could create a fundament for solving the border question and thus a reconcilia-

²³ Shlaim 2000: 124.

²⁴ Ibid. 128–129.

²⁵ Ibid. 127.

²⁶ Ibid. 146–147.

операции возмездия.²³ Президент Египта Насер воспользовался этим случаем, чтобы завербовать палестинских беженцев из сектора Газа, федаинов, которых он затем использовал против израильских объектов.²⁴

Еще одним следствием ответной операции стал египетско-советский договор о разоружении от сентября 1955 года, который, в свою очередь, поверг Израиль в панику и побудил его закупать оружие через Францию. Операция «Черная стрела» также положила конец неофициальным переговорам между Насером и Шареттом, начавшимся в начале 1954 года. Хотя дело Лавона в июле 1954 года и его последствия уже затруднили продолжение этих встреч, именно израильская ответная операция в конечном итоге привела к тому, что Насер прекратил переговоры с Шареттом.²⁵

В эти годы западные державы не прекращали попыток установить мир на Ближнем Востоке. Два плана, «План Альфа» и «План Джонстона», послужили поводом для обсуждения. В рамках «Плана Альфа» от февраля 1955 года Великобритания и США преследовали цель защиты своих стратегических интересов на Ближнем Востоке посредством мирного урегулирования между Израилем и его арабскими соседями. В проекте «Альфа» были предложены следующие пункты: создание сухопутного моста между Египтом и Иорданией, в рамках которого Израиль должен был уступить две трети Негева, не отказываясь при этом от связи с Эйлатом; распределение демилитаризованных зон в соответствии с условиями перемирия 1949 года между Израилем и его соседями; возвращение ограниченного числа палестинских беженцев и выплата компенсаций остальным; договор о распределении иорданской воды; отмена арабского экономического бойкота против Израиля; и гарантия безопасности со стороны Запада для новых границ. Израиль категорически отказался.²⁶

Целью плана Джонстона 1955 года, названного в честь Эрика Джонстона (1896–1963), личного представителя президента США Дуайта Д. Эйзенхауэра, было регулирование распределения водных ресурсов бассейна реки Иордан между Ливаном, Сирией, Иорданией и Израилем по модели «Управления долины Теннесси». Он предусматривал развитие ирригационной сети в интересах всех государств. Проект также предполагал превращение Западного берега в плодородные земли для обеспечения потребностей палестинских беженцев, проживавших там. План Джонстона основывался на надежде, что регулирование распределения воды создаст основу для решения пограничного вопроса и, таким образом, для примирения.

²³Шлаим 2000: 124. ²⁴

Там же. 128–129.

²⁵Там же, 127.

²⁶Там же. 146–147.

tion process might be initiated. This is how Shlaim describes the Israeli reaction to the Johnston Plan:

The attitude of the defense establishment was typically negative and suspicious: it was believed that Johnston's purpose was to look for incriminating evidence against Israel and to curtail its rights. Sharett's attitude was characteristically flexible and constructive. He mastered the water brief as only he knew how to, and he conducted the negotiations himself.²⁷

Sharett was hoping to secure several advantages by supporting the plan. He also assumed that a settlement of the water dispute with American support could facilitate further talks with the neighboring Arab states. For one thing, he held the view that the allocation of the water resources, as provided by the plan, was consistent with Israel's requirements. For another thing, considering the limited water resources available to Israel, this project was supposed to give Israel more flexibility with regard to the further development of water plans. As a third aspect, Israeli cooperation would secure greater economic support from the US. And fourthly, the Johnston Plan could serve as a basis for cooperation with the Arab states.

Although the security establishment under Pinchas Lavon had in principal rejected the first draft of the plan of June 1954, Sharett nevertheless finally succeeded in making the plan palatable to the cabinet. In the end, it was the Arab heads of state that rejected the Johnston Plan. According to Shlaim, this was because consenting to it would have meant recognizing Israel.²⁸ Other interpretations assume that the Arab League turned down the Johnston Plan for the reason that its approach sought to solve the water question and the refugee problem separately.²⁹ Israel eventually took an ambivalent stance toward the Johnston Plan. It did not openly agree to it but did not explicitly reject it, either.³⁰

In the early 1950s, the security establishment and the Foreign Ministry were repeatedly facing each other as political opponents in the vehement quarrel about the Johnston Plan and other security-political questions, such as the border war, the retaliation policy and the arms purchases. This was due to two different points of view regarding the complex political realities after 1949. A year after he had to leave the Foreign Ministry, Sharett reflected on this dispute in his 1957 article

²⁷ Ibid. 109.

²⁸ Ibid. 109–110.

²⁹ Polkehn, <http://www.ag-friedensforschung.de/regionen/Palaestina/wasser.html>. (Ger.)

³⁰ Shlaim 2000: 110.

Возможно, будет инициирован избирательный процесс. Вот как Шлаим описывает реакцию Израиля на план Джонстона:

Отношение оборонного ведомства было типично негативным и подозрительным: считалось, что цель Джонстона — найти улики против Израиля и ограничить его права. Позиция Шаретта, напротив, отличалась гибкостью и конструктивностью. Он мастерски владел терминологией по водным ресурсам и вел переговоры сам.²⁷

Шаретт надеялся получить ряд преимуществ, поддержав план. Он также предполагал, что урегулирование водного спора при поддержке США может облегчить дальнейшие переговоры с соседними арабскими государствами. Во-первых, он придерживался мнения, что распределение водных ресурсов, предусмотренное планом, соответствует потребностям Израиля. Во-вторых, учитывая ограниченные водные ресурсы, доступные Израилю, этот проект должен был предоставить Израилю большую гибкость в отношении дальнейшего развития водных планов. В-третьих, сотрудничество Израиля обеспечило бы ему большую экономическую поддержку со стороны США. И в-четвертых, план Джонстона мог бы послужить основой для сотрудничества с арабскими государствами.

Хотя силовые структуры под руководством Пинхаса Лавона в принципе отвергли первый проект плана от июня 1954 года, Шаретту, тем не менее, в конечном итоге удалось сделать план приемлемым для кабинета министров. В итоге именно главы арабских государств отвергли план Джонстона. По словам Шлаима, это произошло потому, что согласие с ним означало бы признание Израиля.²⁸ Другие интерпретации предполагают, что Лига арабских государств отклонила план Джонстона по той причине, что его подход предполагал раздельное решение водного вопроса и проблемы беженцев.²⁹ В конечном итоге Израиль занял двойственную позицию по отношению к плану Джонстона. Он не согласился с ним открыто, но и не отверг его явно.³⁰

В начале 1950-х годов силовые структуры и Министерство иностранных дел неоднократно противостояли друг другу как политические противники в ожесточенной борьбе по поводу плана Джонстона и других вопросов безопасности и политики, таких как пограничная война, политика ответных мер и закупки оружия. Это было связано с двумя разными точками зрения на сложные политические реалии после 1949 года. Через год после ухода из Министерства иностранных дел Шаретт размышлял об этом споре в своей статье 1957 года.

²⁷Там же, 109.

²⁸Там же. 109–110.

²⁹Полькен, <http://www.ag-friedensforschung.de/regionen/Palaestina/wasser.html>. (нем.) ³⁰ Шлаим 2000: 110.

“Israel and the Arabs – War and Peace: Reflections on the Years 1947–1957”³¹. He examines the various political camps in Israel; the Israeli security establishment among them:

One point of view assumes that the language of power is the only thing the Arabs understand. The State of Israel is so small and isolated; it is so weak in the geographical and demographic sense that it has to double its power by conspicuous military operations [namely retaliation policy] in order to preempt the dangers arising from its weakness. Therefore, from time to time, Israel must clearly show the Arabs that it is strong and capable of exercising its power efficiently and relentlessly at all times. If Israel did not do this, it could be razed to the ground. According to this point of view, peace is doubtful and far off anyway. It can only arrive if the Arabs are convinced that the state is invincible. It is more likely that it arrives as a result of the persuasive power of Israeli violence than by virtue of the sincere conviction that Israel truly wishes for peace. As long as the day-to-day security problem has to be solved with violence, peace cannot even be considered. When retributive actions keep fueling hate there is no reason for determent, for the flame is fanned anyway. If we avoided retributive actions to mitigate the fire of hate, we would lose. In addition, if we take the following factors into account – namely the general human tendency to fight back, the particular vulnerability of the Jews that have historically always been considered weak, and the recentness of the great victory of the Israeli army [1948] – we will understand in what kind of atmosphere and in what kind of *zeitgeist* this position has been fostered.³²

Sharett goes on to contrast this position of the security establishment to “the other stance” towards peace, which he himself shares and according to which

we have to be incessantly aspiring to peace. This is not only based on a political consideration. It is a decisive security-political consideration in the long-term perspective. We have to understand peace as our basic interest and drastically curb our retaliatory reactions accordingly. After all, the question as to whether retributive acts really solve the security problem still remains open.³³

As Director-General in the Ministry of Defense, Shimon Peres (1953–1959) held the view of the conflict as it was propagated by the security establishment in the young Israel. Peres’ voice may be considered to be representative here. In those years, Peres rarely made any statements about peace, but when he did, it was only to argue that it was utterly impossible for the time being. His 1955 essay entitled “Reconciliation Does Not Mean Security” opens with the words: “Israel’s security problem has essentially remained as acute and unique as it was imme-

³¹ Sharett 1957.

³² Ibid. 8–9.

³³ Ibid. 9.

«Израиль и арабы – война и мир: размышления о 1947–1957 годах»³¹. Он исследует различные политические лагеря в Израиле, в том числе израильскую систему безопасности:

Одна из точек зрения предполагает, что арабы понимают только язык власти. Государство Израиль настолько мало и изолировано, настолько слабо в географическом и демографическом смысле, что ему приходится удваивать свою мощь посредством показательных военных операций [а именно, политики возмездия], чтобы предотвратить опасности, возникающие из-за его слабости. Поэтому время от времени Израиль должен ясно демонстрировать арабам свою силу и способность эффективно и неустанно применять свою власть в любое время. Если Израиль этого не сделает, его могут сравнять с землей. Согласно этой точке зрения, мир в любом случае сомнителен и далек. Он может наступить только в том случае, если арабы убедятся в непобедимости государства. Более вероятно, что он наступит в результате убедительной силы израильского насилия, чем благодаря искренней убежденности в том, что Израиль действительно желает мира. Пока повседневные проблемы безопасности приходится решать с помощью насилия, о мире даже не может быть и речи. Когда карательные действия продолжают разжигать ненависть, нет причин для сдерживания, ибо пламя все равно раздувается. Если бы мы избегали карательных действий, чтобы смягчить огонь ненависти, мы бы проиграли. Кроме того, если мы примем во внимание следующие факторы – а именно, общую человеческую склонность к сопротивлению, особую уязвимость евреев, которые исторически всегда считались слабыми, и недавнюю великую победу израильской армии [1948] – мы поймем, в какой атмосфере и в какой степени *дух времени* эта позиция получила развитие.³²

Шаретт далее противопоставляет эту позицию силовых структур «другой позиции» в отношении мира, которую он сам разделяет и в соответствии с которой

Мы должны неустанно стремиться к миру. Это не только политическое соображение. В долгосрочной перспективе это решающее соображение в сфере безопасности и политики. Мы должны понимать мир как наш основной интерес и, соответственно, резко сдерживать наши ответные действия. В конце концов, вопрос о том, действительно ли карательные акты решают проблему безопасности, остается открытым.³³

Будучи генеральным директором Министерства обороны, Шимон Перес (1953–1959) придерживался точки зрения на конфликт, которую разжигали силовые структуры молодого Израиля. Голос Переса здесь можно считать репрезентативным. В те годы Перес редко делал заявления о мире, но когда делал, то лишь для того, чтобы доказать, что мир на данный момент совершенно невозможен. Его эссе 1955 года под названием «Примирение не означает безопасность» начинается словами: «Проблема безопасности Израиля по существу остается такой же острой и уникальной, какой она была непосредственно перед нами...»

³¹Шаретт, 1957.

³²Там же, стр. 8–9.

³³Там же. 9.

diately after the War of Independence.” And he concludes the essay with the following postulation: “Israel’s security neither depends on reconciliation with the [Western] world nor on reconciliation with the Arabs. Rather, our security lies in our willingness and ability to defend what we have achieved with much blood.”³⁴

Two central elements of the security myth are contained herein: Firstly, the text is based on the assumption that the Jews or the State of Israel are exposed to the threat of annihilation. While the “Western World” is accused of willfully jeopardizing Israel’s interests for the sake of “Arab demands” and is therefore met with suspicion. Secondly, it bears witness to the conviction that, true to the maxim that “the world is against us,” Israel can only rely on itself. According to this understanding reconciliation is impossible, with negotiations with the Arab world – regardless of whether they are carried out with the help of the Western Powers or not – not really being conducive to the Israeli “willingness and ability” to protect itself. At the time he authored this text, Peres was worried more about the Great Western Powers than his Arab neighbors:

The demands [made by the Great Powers] for [Arab-Israeli] reconciliation overlook the fact that only one side is responsible for the conflict. By directing the demand at Israel and the Arab states, the distorted impression is created that the enthusiasm for peace (or lack thereof) exists on both sides alike. But any unbiased party can clearly see that the factors of tension in the Middle East are these: the arms buildup by the Arabs for a targeted ‘second round’ [another regional war]; organized as well as sporadic intrusion [of Palestinian refugees into the Israeli state territory]; blockade of sea routes [for Israeli ships] in Suez and Eilat; frustration of the development of Israeli water sources; [Arab] economic boycott against the State of Israel; and the non-recognition of Israel’s state borders [the armistice borders of 1949]. If the Great Powers actually tried removing these factors of tension, Israel’s position would doubtlessly be as follows: Israel would be willing to avoid a ‘second round’ [sic]; Israel would open its sea routes and ports [to Arab states]; Israel would commit to refraining from imposing economic boycotts against Arab states; Israel would take responsibility to make sure that Israeli infiltrators [sic] do not intrude into Arab states; Israel would be willing to recognize the state borders [of the Arab states]; and finally, Israel would also be willing to help solve the question of Arab refugees and take up diplomatic relations with the Arabs. But strangely, these demands are not made. This is because peace is not the main goal. Rather, placating the Arabs seems to be the actual objective of these demands for contentment.³⁵

Peres rejects demands for reconciliation because in his view any kind of compromise would endanger the demographic and geopolitical achievements of 1948. In addition, he sees the Arab opponents as the only party responsible for the con-

³⁴ Peres, September 29, 1955: 16, 24.

³⁵ Ibid. 17–18.

«Сразу после Войны за независимость». И он завершает эссе следующим утверждением: «Безопасность Израиля не зависит ни от примирения с [западным] миром, ни от примирения с арабами. Скорее, наша безопасность заключается в нашей готовности и способности защищать то, чего мы достигли ценой больших кровопролитий».34

В тексте содержатся два центральных элемента мифа о безопасности: во-первых, он основан на предположении, что евреи или Государство Израиль находятся под угрозой уничтожения. При этом «Западный мир» обвиняется в умышленном пренебрежении интересами Израиля ради «арабских требований» и поэтому встречает подозрения. Во-вторых, он свидетельствует об убеждении, что, в соответствии с максимой «весь мир против нас», Израиль может полагаться только на себя. Согласно этому пониманию, примирение невозможно, а переговоры с арабским миром – независимо от того, ведутся они с помощью западных держав или нет – не способствуют «готовности и способности» Израиля защитить себя. В момент написания этого текста Перес больше беспокоился о великих западных державах, чем о своих арабских соседях.

Требования [великих держав] к [арабо-израильскому] примирению игнорируют тот факт, что ответственность за конфликт несет только одна сторона. Направляя эти требования на Израиль и арабские государства, создается искаженное впечатление, что стремление к миру (или его отсутствие) одинаково распространено с обеих сторон. Но любая беспристрастная сторона может ясно видеть, что факторами напряженности на Ближнем Востоке являются: наращивание арабами вооружений для целенаправленного «второго раунда» [еще одной региональной войны]; организованное, а также спорадическое вторжение [палестинских беженцев на территорию государства Израиль]; блокада морских путей [для израильских судов] в Суэце и Эйлате; препятствование развитию израильских водных ресурсов; [арабский] экономический бойкот против государства Израиль; и непризнание государственных границ Израиля [границ перемирия 1949 года]. Если бы великие державы действительно попытались устранить эти факторы напряженности, позиция Израиля, несомненно, была бы следующей: Израиль был бы готов избежать «второго раунда» [sic]; Израиль открыл бы свои морские пути и порты [для арабских государств]; Израиль обязался бы воздерживаться от введения экономических бойкотов против арабских государств; Израиль взял бы на себя ответственность за то, чтобы израильские агенты не вторгались на территорию арабских государств; Израиль был бы готов признать государственные границы [арабских государств]; и, наконец, Израиль также был бы готов помочь в решении вопроса об арабских беженцах и установить дипломатические отношения с арабами. Но, как ни странно, эти требования не выдвигаются. Это потому, что мир не является главной целью. Скорее, истинной целью этих требований, направленных на достижение согласия, кажется умиротворение арабов.35

Перес отвергает требования о примирении, поскольку, по его мнению, любой компромисс поставит под угрозу демографические и геополитические достижения 1948 года. Кроме того, он считает арабских противников единственной стороной, ответственной за примирение.

34Перес, 29 сентября 1955 г.: 16, 24. **35**

Там же. 17–18.

flict. Entirely in accordance with the security myth, he ascribes the antagonism to ahistorical aversions of the Arab world, and even the world in general, against the Jews. In this way the conflict is separated from its historic and political context. It is described as a result of ultimate hostility, dismissing the political and historical developments of 1948. For Peres, it is Israel that is the victim in this situation, which is why concessions are excluded. Peace is only possible if the ill will towards Israel is laid to rest. But an end to this enmity is simply unimaginable for the security-political leadership in the mid-1950s. And within the logical system of the security myth, this legitimizes the taking up of arms.

This attempt to paint Israel as being some sort of military giant in the fragile situation of 1955 ends up casting some light on the actual powerlessness of Israel in its state of isolation. It has to live in the constant fear of a peace dictated by the Great Powers. So now the language of peace ideology is invoked to create a domestic consensus in order to avoid any compromises as outlined in the Alpha Plan. The actual problems of borders, territory, refugees and water are not approached. It can hardly be a coincidence that neither the Alpha Plan nor the Johnston Water Plan is mentioned. Rather, the question of guilt is brought to the foreground: Who is responsible for the factors of tension? Who is striving for another war? Who is boycotting whom? Who refuses to recognize whom? Peres' rendering of the conflict relies on blocking out all the complications that have led to the political development in Israel since 1948. In 1955, the country is described as an undisputed political entity that has always been in existence:

In a conciliatory world [with regard to the endeavors of the Great Powers to achieve peace in the region] Israel is in a strange situation: The point is not only that the [Western] world does not demand that Israel's neighbors remove the obstacles on the way to peace; the Great Powers actually contribute to piling these obstacles even higher. For by supplying the Arabs with weapons, their target being none other than Israel, they inevitably encourage the Arabs to pursue a policy of non-peace. Therefore, Israel is unable to take the path it wishes to take, namely the path of peace. For the demands for reconciliation [made by the Great Powers towards Israel] are aimed more at being liked by the Arabs than at peace.³⁶

Here, the security myth, which presumes that the world as such is a source of danger for Jews, meets the peace ideology, according to which Israel is longing for peace despite all political and historical realities. At the same time Israel fears peace, for it also means having to compromise. Peres had a difficult time considering territorial concessions throughout his career. Especially in the 1950s, giving up any territory was taboo. To the contrary, the security establishment openly

³⁶ Ibid. 19.

Конфликт. В полном соответствии с мифом о безопасности, он объясняет антагонизм внеисторической неприязни арабского мира, и даже мира в целом, к евреям. Таким образом, конфликт отделяется от своего исторического и политического контекста. Он описывается как результат крайней враждебности, игнорируя политические и исторические события 1948 года. Для Переса жертвой в этой ситуации является Израиль, поэтому уступки исключены. Мир возможен только в том случае, если будет утихла неприязнь к Израилю. Но прекращение этой вражды просто немыслимо для силово-политического руководства середины 1950-х годов. И в рамках логической системы мифа о безопасности это легитимизирует взятие в руки оружия.

Попытка представить Израиль как некоего военного гиганта в хрупкой ситуации 1955 года в конечном итоге проливает свет на реальную беспомощность Израиля в условиях изоляции. Ему приходится жить в постоянном страхе перед миром, продиктованным великими державами. Поэтому теперь используется язык идеологии мира для создания внутреннего консенсуса, чтобы избежать любых компромиссов, изложенных в плане «Альфа». Реальные проблемы границ, территории, беженцев и воды не затрагиваются. Вряд ли это совпадение, что ни план «Альфа», ни план Джонстона по водоснабжению не упоминаются. Скорее, на первый план выходит вопрос вины: кто несет ответственность за факторы напряженности? Кто стремится к новой войне? Кто кого бойкотирует? Кто отказывается признать кого? Представление Переса о конфликте основано на игнорировании всех сложностей, которые привели к политическому развитию Израиля с 1948 года. В 1955 году страна описывается как бесспорное политическое образование, существовавшее всегда:

В мире, настроенном на примирение [в отношении усилий великих держав по достижению мира в регионе], Израиль находится в странном положении: дело не только в том, что [западный] мир не требует от соседей Израиля устранения препятствий на пути к миру; великие державы фактически способствуют еще большему увеличению этих препятствий. Поставляя арабам оружие, их целью является не кто иной, как Израиль, они неизбежно подталкивают арабов к проведению политики немира. Поэтому Израиль не может пойти по желаемому пути, а именно по пути мира. Ведь требования примирения [выдвигаемые великими державами в отношении Израиля] направлены скорее на то, чтобы понравиться арабам, чем на достижение мира.³⁶

Здесь миф о безопасности, предполагающий, что мир как таковой представляет опасность для евреев, сталкивается с идеологией мира, согласно которой Израиль жаждет мира, несмотря на все политические и исторические реалии. В то же время Израиль боится мира, поскольку это также означает необходимость компромисса. Перес на протяжении всей своей карьеры испытывал трудности с рассмотрением территориальных уступок. Особенно в 1950-е годы отказ от какой-либо территории был табу. Напротив, силовые структуры открыто

³⁶ Там же. 19.

talked about expanding the state territory even further. For Peres, peace almost amounts to capitulation on the part of Israel:

In this way [through the willingness to compromise], an absurd situation is created in which, on the one hand, the spirit of reconciliation strengthens the will of one side [the Arabs] as it strives for war; on the other hand, it intensifies the appeals for peace directed towards Israel, which come across more like conditions such as are usually imposed on the defeated side in a war.³⁷

Thus, the “spirit of reconciliation” is treacherous because it may cause Israel to lose what it has gained in 1948 at great sacrifice. Israeli sovereignty remains the first priority: “[...] the entire Negev is part of the state territory of Israel, and nothing [...] can bring the Israeli military to restrict its freedom of movement in its own state.”³⁸ By this route, Peres arrives at his main hypothesis that reconciliation cannot lead to security:

This situation forces us to return to the starting point, namely Israel’s security: We should count out the illusory notion that outside parties or certain situations in the greater world [historical constellations] will ever be the saving anchor for Israel. Instead, relying on our own power is and will remain our realpolitik security policy.³⁹

Not peace, but the Israeli military is needed. Peres makes no secret of his resentment of the peace initiatives by the West and the United Nations here. Especially the ceasefire of 1949 that is controlled by the UN is a thorn in the side of the security establishment, as the treaties between Israel and its neighboring states stipulate that UN observers have to be present at the contested borders as mediators.

Peres’ standpoint is that observers should keep out of the Arab-Israeli relations, since the armistice agreements did not actually result in the conclusion of peace as it was originally foreseen. He shares the position of army commander Moshe Dayan who openly demands that more freedom of action be given to the Israeli military at the borders, and he acts accordingly. “The ceasefire regulation,” says Peres, “involves a danger for Israel’s sovereignty.” After all:

The UN resolved the free passage in the Suez Canal [for Israeli ships], but this is not observed by Egypt. The UN resolved the release of the four Israeli soldiers [who were arrested during an act of espionage in Syria]. This, too, is not observed by Syria. But the UN observers create the impression as if there was no difference between the attackers and the attacked. More

³⁷ Ibid. 19.

³⁸ Ibid. 20.

³⁹ Ibid. 19.

Обсуждались дальнейшие расширения территории государства. Для Переса мир практически равносителен капитуляции Израиля:

Таким образом [благодаря готовности к компромиссу] создается абсурдная ситуация, в которой, с одной стороны, дух примирения укрепляет волю одной стороны [арабов], стремящихся к войне; с другой стороны, он усиливает призывы к миру, направленные в адрес Израиля, которые больше похожи на условия, обычно навязываемые побежденной стороне в войне.³⁷

Таким образом, «дух примирения» коварен, поскольку он может привести к тому, что Израиль потеряет то, чего он добился в 1948 году ценой больших жертв. Суверенитет Израиля остается первостепенной задачей: «[...] весь Негев является частью государственной территории Израиля, и ничто [...] не может заставить израильских военных ограничить свободу передвижения в собственном государстве».³⁸ Таким образом, Перес приходит к своей главной гипотезе о том, что примирение не может привести к безопасности:

Эта ситуация заставляет нас вернуться к отправной точке, а именно к безопасности Израиля: мы должны отбросить иллюзорное представление о том, что внешние силы или определенные ситуации в более широком мире [исторические обстоятельства] когда-либо станут спасительным якорем для Израиля. Вместо этого, опора на собственную силу является и останется нашей реальной политикой безопасности.³⁹

Нужен не мир, а израильская армия. Перес не скрывает своего недовольства мирными инициативами Запада и Организации Объединенных Наций. Особенно болезненным для силовых структур является прекращение огня 1949 года, контролируемое ООН, поскольку договоры между Израилем и соседними государствами предусматривают присутствие наблюдателей ООН на спорных границах в качестве посредников.

Позиция Переса заключается в том, что наблюдателям следует держаться подальше от арабо-израильских отношений, поскольку соглашения о перемирии фактически не привели к заключению мира в том виде, в каком это первоначально предполагалось. Он разделяет позицию командующего армией Моше Даяна, который открыто требует предоставления большей свободы действий израильским военным на границах, и действует в соответствии с этим. «Постановление о прекращении огня, — говорит Перес, — представляет опасность для суверенитета Израиля». В конце концов:

ООН разрешила свободный проход через Суэцкий канал [для израильских судов], но Египет этого не соблюдает. ООН также разрешила освободить четырех израильских солдат [арестованных во время шпионажа в Сирии]. Это тоже не соблюдается Сирией. Но наблюдатели ООН создают впечатление, будто между нападавшими и жертвами нет никакой разницы.

³⁷Там же. 19.

³⁸Там же. 20.

³⁹Там же. 19.

than reinforcing the spirit of peace by virtue of their mere presence in the region, they actually become a burden of a special kind and a big political problem for Israel's security.⁴⁰

Peres argues that UN observers are “not too worried if a couple of Jews should die, they are more concerned about Nasser's regime.” Once again Peres reaches the conclusion: “The reinforcement of our [military] power is an absolute, by no means relative matter.”⁴¹ The bottom line is that thinking about peace creates discontent. It remains a foreign, hazardous terrain that it is better to stay clear of. The hypothesis that peace is impossible to realize although Israel is longing for it is also held up by Peres in his 1965 article entitled “Disarmament and Peace.”⁴² About nuclear weapons he offers the following thought:

The actual question is not what we want – nuclear disarmament or armament. Rather, the real question is what is possible and realistic for us. If we talk about ‘what we want’ it is quite clear that all of us in Israel want disarmament of nuclear as well as conventional weapons. We do not only want conventional disarmament, but also the elimination of the horrible hostility. In short, we want peace. But the situation is completely different once we leave the area of academic language and turn to the complicated reality in which a very real [political] choice has to be made.⁴³

The text is informed by the rhetoric of the peace ideology. The longing for peace is never questioned, even presupposed as a self-evident fact. Nevertheless, Peres is still not able to imagine peace even in 1965, all too unrealizable as it seems in the face of the political reality. The main reason for peace remaining out of reach is the assumption that Israel has no dialogue partner in the Arab world. Peres still holds this position in 1970, even after the territorial victory of 1967 with its great geopolitical significance:

The Six Day War brought an acute relevance to the subject of the relations with the Arabs: how to translate military victory into the language of normal, logical and peaceful co-existence. I have long taken the view that any realistic appraisal of the prospects must take primary account of the relationship and not of the phrasing of formulae. What is really required to reach a peaceful settlement is not a *road* to peace. There have been frequent suggestions in the past about ‘roads’ and ‘paths’ to peace, but they have remained deserted routes, with none to ply them.

⁴⁰ Ibid. 19.

⁴¹ Ibid. 20.

⁴² Peres 1965: 129–134.

⁴³ Ibid. 129.

Вместо того чтобы укреплять дух мира одним своим присутствием в регионе, они фактически становятся особым бременем и серьезной политической проблемой для безопасности Израиля.⁴⁰

Перес утверждает, что наблюдатели ООН «не слишком обеспокоены гибелью нескольких евреев, их больше волнует режим Насера». И снова Перес приходит к выводу: «Укрепление нашей [военной] мощи — это абсолютный, отнюдь не относительный вопрос».⁴¹ Суть в том, что размышления о мире порождают недовольство. Это остается чуждой, опасной территорией, от которой лучше держаться подальше. Гипотеза о невозможности достижения мира, хотя Израиль к нему стремится, также выдвигается Пересом в его статье 1965 года под названием «Разоружение и мир».⁴² Относительно ядерного оружия он предлагает следующую мысль:

Вопрос не в том, чего мы хотим – ядерного разоружения или вооружения. Скорее, реальный вопрос в том, что для нас возможно и реалистично. Если мы говорим о том, «чего мы хотим», то совершенно ясно, что все мы в Израиле хотим разоружения как ядерного, так и обычного оружия. Мы хотим не только обычного разоружения, но и ликвидации ужасной враждебности. Короче говоря, мы хотим мира. Но ситуация совершенно иная, как только мы выходим за рамки академического языка и обращаемся к сложной реальности, в которой необходимо сделать очень реальный [политический] выбор.⁴³

Текст пронизан риторикой идеологии мира. Стремление к миру никогда не подвергается сомнению, даже предполагается как само собой разумеющийся факт. Тем не менее, Перес по-прежнему не может представить себе мир даже в 1965 году, слишком нереализуемый, каким бы он ни казался перед лицом политической реальности. Главная причина недостижимости мира — предположение, что у Израиля нет партнера по диалогу в арабском мире. Перес по-прежнему придерживается этой позиции в 1970 году, даже после территориальной победы 1967 года, имевшей огромное геополитическое значение:

Шестидневная война придала особую актуальность вопросу отношений с арабами: как перевести военную победу на язык нормального, логичного и мирного сосуществования. Я давно придерживаюсь мнения, что любая реалистичная оценка перспектив должна в первую очередь учитывать сами отношения, а не формулировки. Для достижения мирного урегулирования действительно требуется не что-то одно, *дорога* к миру. В прошлом часто высказывались предположения о «дорогах» и «путях» к миру, но они оставались заброшенными маршрутами, по которым не пошло ни одного пути.

⁴⁰Там же. 19.

⁴¹Там же. 20.

⁴²Перес 1965: 129–134.

⁴³Там же, 129.

If there were really anyone among the Arab States prepared to make peace, this very fact itself would pave the way to peace. The countries beyond our cease-fire lines – and cease-fire is all we have; there is not even armistice – refuse even to talk about, let alone act towards, a settlement by peaceful means.⁴⁴

Furthermore, Peres asserts that even if there were a potential dialogue partner in an Arab state, they would hardly be able to politically enforce peace given the instability of the Arab world. As he sees it, Jordan's King Hussein is too weak, barely being in a position to represent his own population, and is met with distrust in the Arab world.⁴⁵ And as for Egypt, it is unlikely to make peace with Israel “even though the great need for peace is blatant for Egypt as well as for Israel.”⁴⁶ In Peres' assessment, Nasser is not able to bring about peace “even if Israel gave back the entire territory. Because it is not territory, but prestige that Nasser has lost and is trying to regain.”⁴⁷

Whether Peres' arguments were brought forward for purely tactical reasons with a view to excluding negotiations, or whether he was sincerely firmly convinced there was no credible, peace-desiring dialogue partner on the Arab side, we cannot know. But what is important here is that three years after the historically decisive war of conquest of 1967, the debate is shifted away from the central point of conflict, namely the territory, to the question of a dialogue partner. The claim that there is no such partner becomes one of Israel's important standard formulas over the course of the years. Thus, a political solution seems impossible. What is applied here by Peres is a “discourse of separated contemplation.” He disconnects interrelated facts to better fit them into his line of reasoning. As he postulates, for Nasser it is not really about the territory, i.e., the Sinai Peninsula that had been seized by Israel, but merely about his loss of prestige.

Peace Treaty with Egypt 1978–1979: Peace Work of the Zionist Right

The Sinai Peninsula turned out to be the price Israel had to pay for their first peace treaty with an Arab state. It was concluded by Israel after the *Mapai* – later the Labor Party – had ceded the government to the *Likud* in May of 1977 after three decades in power. It was none other than the newly elected Prime Minister

⁴⁴ Peres 1970: 258.

⁴⁵ Peres 1970: 259. (Hebr.)

⁴⁶ Ibid. 218.

⁴⁷ Ibid. 218.

Если бы среди арабских государств действительно был кто-то, готовый к миру, сам этот факт проложил бы путь к миру. Страны за пределами наших линий прекращения огня – а прекращение огня – это все, что у нас есть; нет даже перемирия – отказываются даже говорить о мирном урегулировании, не говоря уже о каких-либо действиях в этом направлении.⁴⁴

Более того, Перес утверждает, что даже если бы в арабском государстве появился потенциальный партнер по диалогу, он вряд ли смог бы политически обеспечить мир, учитывая нестабильность арабского мира. По его мнению, король Иордании Хусейн слишком слаб, едва ли в состоянии представлять интересы собственного населения, и в арабском мире к нему относятся с недоверием.⁴⁵ Что касается Египта, то маловероятно, что он заключит мир с Израилем, «хотя острая необходимость в мире очевидна как для Египта, так и для Израиля».⁴⁶ По оценке Переса, Насер не способен установить мир, «даже если Израиль вернет всю территорию. Потому что Насер потерял не территорию, а престиж и пытается его вернуть».⁴⁷

Неизвестно, были ли аргументы Переса выдвинуты исключительно по тактическим соображениям с целью исключения переговоров, или же он был искренне убежден в отсутствии заслуживающего доверия, стремящегося к миру партнера по диалогу с арабской стороны. Но важно отметить, что спустя три года после исторически решающей войны 1967 года дискуссия смещается с центрального пункта конфликта, а именно территории, на вопрос о партнере по диалогу. Утверждение об отсутствии такого партнера становится одной из важных стандартных формул Израиля на протяжении многих лет. Таким образом, политическое решение кажется невозможным. Перес применяет здесь «дискурс разделенного созерцания». Он разъединяет взаимосвязанные факты, чтобы лучше вписать их в свою линию рассуждений. Как он утверждает, для Насера речь идет не столько о территории, то есть о Синайском полуострове, захваченном Израилем, сколько лишь о потере престижа.

Мирный договор с Египтом 1978–1979 гг.: Мирная деятельность сионистских правых

Синайский полуостров оказался ценой, которую Израилю пришлось заплатить за свой первый мирный договор с арабским государством. Он был заключен Израилем после *Мапай*–позже Лейбористская партия уступила правительство...*Ликуд* В мае 1977 года, после трех десятилетий пребывания у власти, это был не кто иной, как новоизбранный премьер-министр.

⁴⁴Перес 1970: 258. ⁴⁵Перес

1970: 259. (Евр.) ⁴⁶Там же, 218.

⁴⁷Там же, 218.

Menachem Begin, the leader of the *Likud* party and open proponent of the myth of the “promised land,” who ended up signing the first peace treaty with an Arab state in which Israel gave up part of the occupied territories.

Shortly after he assumed office, Begin let American President Jimmy Carter (1924–) know that he was willing to take up peace talks with the Arab neighboring states, and especially with Egypt. In the course of the negotiations that ensued, Egyptian President Anwar el-Sadat even visited Jerusalem on November 19, 1977, a step that was interpreted as a hopeful sign everywhere. The following summit at Camp David (September 5–17, 1978) finally concluded with the signing of the “Camp David Accords” in a celebratory ceremony at the White House. *The Framework for Peace in the Middle East* includes the following points: Firstly, “a process for Palestinian self-government in the West Bank and Gaza”; secondly, “a framework for the conclusion of a peace treaty between Egypt and Israel”; and thirdly, “a similar framework for peace treaties between Israel and its other neighbours.”⁴⁸

As a first step, Egypt, Israel, Jordan and representatives of the Palestinians were to jointly solve the Palestinian problem in all its aspects. An agreement was to be negotiated in three phases. Initially, it was provided that the conflict parties conclude an agreement about a freely elected Palestinian self-regulatory body in the West Bank and the Gaza Strip, and about its competences. Then, a transitional period was to begin in which Israel was to withdraw from the Palestinian territories and terminate its local military government and civil administration. Security zones for Israel, the geographical extent of which was still unclear, were to be created. Lastly, in a third phase, the final settlement was to be reached. “The solution from the negotiations must also recognize the legitimate right of the Palestinian peoples and their just requirements.”⁴⁹

As a second step, to be carried out within three months of the signing of the Camp David Accords, Israel and Egypt were to negotiate a peace treaty, to be implemented within two to three years. The treaty was to contain the following items: Withdrawal of Israel from the Sinai Peninsula which had been seized in 1967; recognition of Egyptian sovereignty over this territory by Israel; demilitarization of the Sinai Peninsula; deployment of UN troops for the purpose of guaranteeing demilitarization as well as freedom of navigation [for Israel] in the Gulf of Suez, the Suez Canal, the Gulf of Aqaba and the Strait of Tiran; and finally, the peace agreement was to normalize relations between Israel and Egypt.⁵⁰

⁴⁸ <http://www.britannica.com/event/Camp-David-Accords>.

⁴⁹ https://en.wikipedia.org/wiki/Camp_David_Accords.

⁵⁰ Shlaim 2000: 375.

Менахем Бегин, предводитель *Ликуд* — сторонник партии и открытый поборник мифа о «земле обетованной», который в итоге подписал первый мирный договор с арабским государством, в соответствии с которым Израиль отказался от части оккупированных территорий.

Вскоре после вступления в должность Бегин дал понять американскому президенту Джими Картеру (1924–), что готов начать мирные переговоры с соседними арабскими государствами, и особенно с Египтом. В ходе последовавших переговоров президент Египта Анвар Садат даже посетил Иерусалим 19 ноября 1977 года, что было воспринято повсюду как обнадеживающий знак. Последовавший за этим саммит в Кэмп-Дэвиде (5–17 сентября 1978 г.) завершился подписанием «Кэмп-Дэвидских соглашений» на торжественной церемонии в Белом доме. *Рамочная программа мира на Ближнем Востоке* включает следующие пункты: во-первых, «процесс палестинского самоуправления на Западном берегу и в секторе Газа»; во-вторых, «рамки для заключения мирного договора между Египтом и Израилем»; и в-третьих, «аналогичные рамки для мирных договоров между Израилем и другими его соседями».48

В качестве первого шага Египет, Израиль, Иордания и представители палестинцев должны были совместно решить палестинскую проблему во всех ее аспектах. Соглашение должно было быть достигнуто в три этапа. Первоначально предусматривалось, что стороны конфликта заключат соглашение о свободно избранном палестинском органе самоуправления на Западном берегу и в секторе Газа, а также о его компетенциях. Затем должен был начаться переходный период, в течение которого Израиль должен был вывести свои войска с палестинских территорий и прекратить деятельность своего местного военного правительства и гражданской администрации. Должны были быть созданы зоны безопасности для Израиля, географические границы которых еще не были определены. Наконец, на третьем этапе должно было быть достигнуто окончательное урегулирование. «Решение, достигнутое в ходе переговоров, должно также признать законные права палестинских народов и их справедливые потребности».49

В качестве второго шага, который должен был быть осуществлен в течение трех месяцев после подписания Кэмп-Дэвидских соглашений, Израиль и Египет должны были договориться о мирном договоре, который должен был быть реализован в течение двух-трех лет. Договор должен был содержать следующие пункты: вывод израильских войск с Синайского полуострова, захваченного в 1967 году; признание Израилем суверенитета Египта над этой территорией; демилитаризация Синайского полуострова; размещение войск ООН с целью обеспечения демилитаризации, а также свободы судоходства [для Израиля] в Суэцком заливе, Суэцком канале, заливе Акаба и Тиранском проливе; и, наконец, мирное соглашение должно было нормализовать отношения между Израилем и Египтом.50

48 <http://www.britannica.com/event/Camp-David-Accords>. 49 https://en.wikipedia.org/wiki/Camp_David_Accords. 50 Шлаим 2000: 375.

The peace treaty became effective in March 1979, with the main point of conflict in the negotiations being the Palestinian question. The Egyptian president sought to attach the settlement of this problem to the conclusion of peace with Israel, as provided in the Camp David Accords. In this way, Sadat also wanted to avoid putting Egypt's position in the Arab world at risk. In contrast, for Israel's prime minister the primarily goal was to conclude a separate peace treaty with Egypt, which Israel considered to be the most dangerous Arab state. Begin prevailed, and the Palestinian question remained left out.

The peace agreement between Israel and Egypt stipulated that Israel retreat to beyond the internationally recognized southern border, so that Egypt could regain its sovereignty over the Sinai Peninsula. Diplomatic relations between the two states were to be taken up as soon as the first phase of withdrawal of Israeli troops was concluded. Further items concerned the regulation of security in Sinai, stationing of UN troops and navigation, among other things. In an accompanying memorandum, Israel was warranted oil supplies for the next fifteen years by Egypt, and also American support in the event of a breach of contract on Egypt's part. Moreover, Israel was to receive military and economic help from the USA. After the Israeli cabinet had agreed to the peace treaty, the *Knesset* ratified it in a twenty-eight-hour session on March 22, 1979, with ninety-five yeas and eighteen nays. On March 26, 1979, the first peace agreement between Israel and an Arab state was solemnly signed at the White House and even implemented for the most part over the course of the years 1979 and 1980.⁵¹

Egypt met with harsh criticism in the Arab world for its solo action with Israel, however, and was excluded from the Arab League. Although Begin and Sadat had committed to the American president to also take up negotiations concerning Palestinian autonomy – as stipulated in the Camp David Accords, as a part of the negotiations following their agreement – Begin was extremely reluctant. According to Shlaim, the prime minister was not interested in successful talks regarding Palestine. In keeping with the myth of the “promised land,” he sought to maintain Israeli sovereignty in the Palestinian territories – meaning Judea, Samaria and the Gaza Strip – even after the provided five-year transitional period.⁵²

As it became obvious that Begin was not seeking any further negotiations, Foreign Minister Moshe Dayan and Minister of Defense Ezer Weizmann (1924–2005) resigned. Subsequently, Yitzhak Shamir became foreign minister, while Begin himself took over the defense department. After his re-election in June

⁵¹ Shlaim 2000: 380–381.

⁵² Ibid. 381–382.

Мирный договор вступил в силу в марте 1979 года, и главным пунктом разногласий на переговорах стал палестинский вопрос. Президент Египта стремился привязать урегулирование этой проблемы к заключению мира с Израилем, как это было предусмотрено Кэмп-Дэвидскими соглашениями. Таким образом, Садат также хотел избежать угрозы положению Египта в арабском мире. В отличие от него, для премьер-министра Израиля главной целью было заключение отдельного мирного договора с Египтом, который Израиль считал наиболее опасным арабским государством. Победа досталась Бегину, и палестинский вопрос остался за бортом.

Мирное соглашение между Израилем и Египтом предусматривало вывод израильских войск за пределы международно признанной южной границы, чтобы Египет мог восстановить свой суверенитет над Синайским полуостровом. Дипломатические отношения между двумя государствами должны были возобновиться сразу после завершения первого этапа вывода израильских войск. Дальнейшие пункты касались, среди прочего, регулирования безопасности на Синае, размещения войск ООН и судоходства. В сопроводительном меморандуме Израилю гарантировались поставки нефти от Египта в течение следующих пятнадцати лет, а также американская поддержка в случае нарушения Египтом условий договора. Кроме того, Израиль должен был получать военную и экономическую помощь от США. После того, как израильский кабинет министров одобрил мирный договор, *Кнессет* Соглашение было ратифицировано на 28-часовой сессии 22 марта 1979 года девятьюстами пятью голосами «за» и восемнадцатью «против». 26 марта 1979 года первое мирное соглашение между Израилем и арабским государством было торжественно подписано в Белом доме и в значительной степени реализовано в течение 1979 и 1980 годов.⁵¹

Египет подвергся резкой критике в арабском мире за свои самостоятельные действия в отношении Израиля и был исключен из Лиги арабских государств. Хотя Бегин и Садат пообещали американскому президенту также начать переговоры об автономии Палестины – как это было предусмотрено Кэмп-Дэвидскими соглашениями, в рамках переговоров, последовавших за их заключением, – Бегин проявил крайнюю неохоту. По словам Шлаима, премьер-министр не был заинтересован в успешных переговорах по Палестине. В соответствии с мифом о «земле обетованной», он стремился сохранить израильский суверенитет на палестинских территориях – то есть в Иудее, Самарии и секторе Газа – даже после истечения предусмотренного пятилетнего переходного периода.⁵²

Когда стало очевидно, что Бегин не стремится к дальнейшим переговорам, министр иностранных дел Моше Даян и министр обороны Эзер Вейцман (1924–2005) подали в отставку. Впоследствии министром иностранных дел стал Ицхак Шамир, а Бегин возглавил министерство обороны. После его переизбрания в июне

⁵¹Шлаим 2000: 380–381. ⁵²

Там же. 381–382.

1981, Begin appointed the former General Ariel Sharon as Minister of Defense. With these two people at the top of Israel's government, he formulated his plans regarding the question of Palestine.⁵³

In giving up Sinai, however, Begin had reached the limits of his capacities for compromise. To relinquish Jewish sovereignty in parts of *Eretz Israel* was completely out of the question for Israel in the 1980s. After a failed attempt by the new Minister of Defense to create a new order in the Middle East and to solve the Palestinian problem by engaging in a war in Lebanon in June 1982, already Begin resigned by September 1983. This meant the end of his political career.

Nevertheless, Begin went down in history as the first Israeli politician who dared aspire to an agreement based on abandoning a claim to territories, and finally accomplishing a conclusion of peace that was even realized for the most part. The once notorious leader of the underground militia *Etzel*, a national military organization known for its terrorist operations in the founding years of Israel, was in the opposition for almost three decades. Until shortly after his electoral victory in 1977 he successfully concluded a historic peace treaty, and was awarded the Nobel Peace Prize together with Sadat.

The Oslo Peace Process 1993–1996: Peace Work of the Zionist Left

As is well known, the Syrian and Lebanese fronts as well as the inner front of the Palestinian question remained on Israel's domestic and security-policy agenda even years after the peace agreement with Egypt. What was happening on these fronts in the course of the 1980s can hardly be called a reconciliation process. There was the 1982 attempt to solve the Palestinian question by waging war in Lebanon, the ensuing eighteen years of Israeli presence in the "security zone" in South Lebanon, the Jewish settlement of the Palestinian territories and Syrian Golan Heights conquered in 1967, and finally the Palestinian uprising of 1987 to 1992. All of this contributed to an extremely volatile relationship between Israel and its neighbors.

During this period Israel was ruled by a *Likud* cabinet (1977–1984; 1990–1992) and a grand coalition (1984–1990). Then in 1992, the Zionist Left came back into power. This government of the Labor Party, again headed by Yitzhak Rabin (as prime minister and minister of defense) and Shimon Peres (as foreign minister), made an attempt to achieve regional peace. To be mentioned in this context are

⁵³ Ibid. 382–383.

В 1981 году Бегин назначил бывшего генерала Ариэля Шарона министром обороны. Имея этих двух людей во главе израильского правительства, он разработал свои планы относительно палестинского вопроса.⁵³

Однако, отказавшись от Синая, Бегин достиг предела своей способности к компромиссу. Отказаться от еврейского суверенитета в некоторых частях Синая...*Эрец Израиль* В 1980-х годах для Израиля это было совершенно немыслимо. После неудачной попытки нового министра обороны создать новый порядок на Ближнем Востоке и решить палестинскую проблему путем войны в Ливане в июне 1982 года, Бегин подал в отставку уже в сентябре 1983 года. Это означало конец его политической карьеры.

Тем не менее, Бегин вошел в историю как первый израильский политик, осмелившийся стремиться к соглашению, основанному на отказе от территориальных претензий, и в конечном итоге добившийся мирного урегулирования, которое в значительной степени было реализовано. Некогда печально известный лидер подпольной милиции *Этцель* Национальная военная организация, известная своими террористическими операциями в годы основания Израиля, находилась в оппозиции почти три десятилетия. Вскоре после своей победы на выборах в 1977 году он успешно заключил исторический мирный договор и был удостоен Нобелевской премии мира вместе с Садатом.

Ословский мирный процесс 1993–1996 гг.: Мирная деятельность сионистских левых

Как известно, сирийский и ливанский фронты, а также внутренний фронт палестинского вопроса оставались в повестке дня Израиля в области внутренней политики и политики безопасности даже спустя годы после мирного соглашения с Египтом. То, что происходило на этих фронтах в течение 1980-х годов, вряд ли можно назвать процессом примирения. Была попытка решить палестинский вопрос в 1982 году путем войны в Ливане, последующие восемнадцать лет израильского присутствия в «зоне безопасности» на юге Ливана, еврейское заселение палестинских территорий и сирийских Голанских высот, завоеванных в 1967 году, и, наконец, палестинское восстание 1987–1992 годов. Все это способствовало крайне нестабильным отношениям между Израилем и его соседями.

В этот период Израилем правил...*Ликуд* кабинет министров (1977–1984; 1990–1992) и большая коалиция (1984–1990). Затем в 1992 году к власти вернулись сионистские левые. Это правительство Рабочей партии, вновь возглавляемое Ицхаком Рабином (в качестве премьер-министра и министра обороны) и Шимоном Пересом (в качестве министра иностранных дел), предприняло попытку достичь регионального мира. В этом контексте следует упомянуть...

⁵³ Там же, стр. 382–383.

the Madrid Peace Conference, forced on the *Likud* government by the Americans in 1991, and also the Israeli-Palestinian breakthrough in the Oslo Peace Process of 1993. In 1994, the Israeli government succeeded in concluding peace with Jordan. And over the course of 1995 there was promising progress in Syrian-Israeli negotiations, which, however, suffered a severe setback with the assassination of Prime Minister Yitzhak Rabin on November 4, 1995, and ultimately failed.

The 1990s are often called an “optimistic peace decade” in the Arab-Israeli conflict. For the first time in its history Zionist Israel dared tackle the Palestine question by political means. This made it look like the longed-for normalization of Arab-Israeli relations was within reach. Although the rights of the Palestinian people were recognized pursuant to the 1978 Camp David Accords – with this agreement also providing the establishment of Palestinian autonomy – the Israeli-Egyptian negotiations about this very topic had ended without result in the beginning of the 1980s when the question of sovereignty over the Palestinian territories could not be agreed on.⁵⁴

Was the autonomy to apply only to the people or also to the land, the territory on which they live? This was a decisive question for the Oslo Peace Process. In Begin’s autonomy plan, this issue was approached as follows: “Israel stands by its right and its claim of sovereignty over Judea, Samaria and the Gaza District. In the knowledge that other claims exist, it proposes, for the sake of the agreement and the peace, that the question of sovereignty in these areas be left open.”⁵⁵

This meant maintaining the status quo of military occupation in the Palestinian territories as had existed since 1967. The Zionist Right as well as the Zionist Left, within the framework of the grand coalition of the 1980s, both massively supported Jewish colonialization of these territories for historical-religious (the myth of the promised land or the myth of *Eretz Israel*) as well as for security-policy reasons (the security myth or the myth of defendable lines). Retaining their military dominance over the entire country was absolutely essential to both political camps of Israel when it came to negotiating the Palestinian question. After all, it is inseparably linked to the other core questions of the conflict: the Israeli state territory, settlements, water, Jerusalem and the question of return for the Palestinian refugees. Political Israel of the 1980s was not willing to discuss any of these questions.

Two different state myths provided the basis for the respective positions of the opposing camps: the “myth of the promised land” for the Zionist Right or Religious Zionism, and the “security myth” for the Zionist Left. While the first myth

⁵⁴ Grinberg 2007: 50.

⁵⁵ Shlaim 2000: 365.

Мадридская мирная конференция, навязанная *Ликуд* В 1991 году правительство США установило мирный договор, а также произошел израильско-палестинский прорыв в рамках Осовского мирного процесса 1993 года. В 1994 году израильскому правительству удалось заключить мир с Иорданией. В течение 1995 года наблюдался многообещающий прогресс в сирийско-израильских переговорах, которые, однако, потерпели серьезную неудачу после убийства премьер-министра Ицхака Рабина 4 ноября 1995 года и в конечном итоге провалились.

1990-е годы часто называют «десятилетием оптимистичного мира» в арабо-израильском конфликте. Впервые в своей истории сионистский Израиль осмелился подойти к палестинскому вопросу политическими средствами. Это создало впечатление, что долгожданная нормализация арабо-израильских отношений вполне достижима. Хотя права палестинского народа были признаны в соответствии с Кэмп-Дэвидскими соглашениями 1978 года, которые также предусматривали установление палестинской автономии, израильско-египетские переговоры по этому вопросу завершились безрезультатно в начале 1980-х годов, когда не удалось достичь соглашения по вопросу суверенитета над палестинскими территориями.⁵⁴

Распространялась ли автономия только на людей или также на землю, территорию, на которой они живут? Это был решающий вопрос для мирного процесса в Осло. В плане автономии Бегина этот вопрос был рассмотрен следующим образом: «Израиль отстаивает свое право и свои претензии на суверенитет над Иудеей, Самарией и сектором Газа. Зная о существовании других претензий, он предлагает, ради соглашения и мира, оставить вопрос о суверенитете в этих районах открытым».⁵⁵

Это означало сохранение статус-кво военной оккупации палестинских территорий, существовавшего с 1967 года. Как сионистские правые, так и сионистские левые, в рамках большой коалиции 1980-х годов, массово поддерживали еврейскую колонизацию этих территорий по историко-религиозным мотивам (миф о земле обетованной или миф о...). *Эрец Израиль* также по соображениям политики безопасности (миф о безопасности или миф о защищаемых линиях обороны). Сохранение военного господства над всей страной было абсолютно необходимо для обоих политических лагерей Израйля при обсуждении палестинского вопроса. В конце концов, он неразрывно связан с другими ключевыми вопросами конфликта: израильской государственной территорией, поселениями, водными ресурсами, Иерусалимом и вопросом возвращения палестинских беженцев. Политический Израиль 1980-х годов не желал обсуждать ни один из этих вопросов.

В основе позиций противоборствующих лагерей лежали два разных государственных мифа: «миф о земле обетованной» для сионистских правых или религиозного сионизма и «миф о безопасности» для сионистских левых. Первый миф, в свою очередь, представлял собой миф о земле обетованной.

⁵⁴Гринберг 2007: 50.

⁵⁵Шлаим 2000: 365.

barely leaves any political negotiating range since it rules out giving up any territories in *Eretz Israel*, the “myth of security” does not completely exclude peace negotiations as long as security remains guaranteed. Thus, in the course of the 1980s, the “myth of peace and security” (*Shalom ve-Bitahon*) was successfully cultivated as an alternative for the Zionist Left camp under Peres’ leadership. And so the Labor Party, together with the other Zionist Left civil rights parties *Meretz* and *Shinui*, evolved to become “the peace camp.”

And yet, not only was the first Arab-Israeli peace treaty obtained by a right-wing government – at an inopportune time for the Zionist Left, namely shortly after the historic transition of power in 1977 –, but it was also concluded at the price of the *entire* occupied Egyptian territory. This clear conclusion – the entire territory in exchange for a peace settlement – ran counter to the Zionist Left’s myth of “peace and security” since, at a single stroke, it surrendered the “trump card” that is part of this myth, namely the territories won in the war. Many Israelis saw this loss as an endangerment of security because the returned territories did not only serve as territorial resources for the settlement project, but also as “lines of defense.”

The negotiation tactics inspired by the myth of “peace and security,” which the Oslo Peace Concept was based on, was that of “small steps.” Although this left some room to take up negotiations, the political goals remained unvoiced, and ultimately were left to the respective *power* relationships of the negotiating parties. Peres’ peace efforts at the end of the 1980s, undertaken within the framework of the grand coalition and vigorously obstructed by the *Likud* coalition partner, may offer an in-depth look into the understanding of “peace and security” as the Zionist Left upheld it.

In April 1987, secret talks took place in London between Foreign Minister Peres and Jordan’s King Hussein. Peres sought to realize his own ideas of peace under the terms of the “Jordan Option.” The negotiated “London Document” essentially provided that a peace process would be set in motion under international auspices. It contained the following items: Firstly, the UN secretary general was to appeal to the five permanent members of the Security Council and the parties involved in the Arab-Israeli conflict to negotiate a settlement based on the UN Security Council Resolutions 242 and 338, and namely “with the object of bringing a comprehensive peace to the area, security to its states, and to respond to the legitimate rights of the Palestinian people.”⁵⁶

Secondly, the London Paper provided that the respective conflict parties be invited to form bilateral groups in this conference in order to lead the negotia-

⁵⁶ Shlaim 2000: 444–445.

Практически не оставляет места для политических переговоров, поскольку исключает передачу каких-либо территорий. *Эрец Израиль* «Миф о безопасности» не исключает полностью мирные переговоры, пока гарантируется безопасность. Таким образом, в течение 1980-х годов «миф о мире и безопасности» (*Шалом ве-Битахон*) Под руководством Переса эта партия успешно развивалась как альтернатива сионистскому левому лагерю. Таким образом, Лейбористская партия, вместе с другими сионистскими левыми партиями, борющимися за гражданские права, *Мерец* и *Шинуи*, со временем он превратился в «лагерь мира».

И все же первый арабо-израильский мирный договор был заключен не только правым правительством – в неподходящее для сионистских левых время, а именно вскоре после исторического перехода власти в 1977 году, – но и ценой *весь* оккупированная египетская территория. Этот очевидный вывод — вся территория в обмен на мирное урегулирование — противоречил мифу сионистских левых о «мире и безопасности», поскольку одним махом они отказались от «козыря», являющегося частью этого мифа, а именно от территорий, завоеванных в войне. Многие израильтяне рассматривали эту потерю как угрозу безопасности, поскольку возвращенные территории служили не только территориальными ресурсами для проекта поселений, но и «линиями обороны».

Тактика ведения переговоров, вдохновленная мифом о «мире и безопасности», на котором основывалась Ословская концепция мира, заключалась в «малых шагах». Хотя это оставляло некоторое пространство для переговоров, политические цели оставались невысказанными и в конечном итоге были оставлены на усмотрение соответствующих сторон. *власть* Отношения между сторонами переговоров. Мирные усилия Переса в конце 1980-х годов, предпринятые в рамках большой коалиции и активно препятствовавшиеся *Ликуд* Партнер по коалиции может предложить углубленный анализ понимания «мира и безопасности» в том виде, в каком его отстаивали сионистские левые.

В апреле 1987 года в Лондоне состоялись секретные переговоры между министром иностранных дел Пересом и королем Иордании Хусейном. Перес стремился реализовать свои собственные представления о мире в рамках «Иорданского варианта». Согласованный «Лондонский документ» по сути предусматривал запуск мирного процесса под международным эгидой. Он содержал следующие пункты: Во-первых, генеральный секретарь ООН должен был обратиться к пяти постоянным членам Совета Безопасности и сторонам, участвующим в арабо-израильском конфликте, с просьбой о переговорах по урегулированию на основе резолюций Совета Безопасности ООН № 242 и 338, а именно «с целью установления всеобъемлющего мира в регионе, обеспечения безопасности его государств и соблюдения законных прав палестинского народа».56

Во-вторых, в «Лондонском документе» предусматривалось, что соответствующие стороны конфликта будут приглашены к формированию двусторонних групп на этой конференции для руководства переговорами.

tions. The third part contained the agreement that, firstly, no solution and no veto may be imposed on the parties from outside this negotiation network; secondly, that the negotiations were to be lead in the bilateral groups; thirdly, that the Palestinian question was to be addressed in talks between a Jordanian-Palestinian and an Israeli Delegation; fourthly, that the Palestinian representatives be allowed to participate as a part of the Jordanian-Palestinian delegation; fifthly, that participation in the conference required the acceptance of the UN Security Resolutions 242 and 338 and also the rejection of violence and terrorism; sixthly, that each multilateral group was to negotiate independently; and finally, the London Document stressed the multilateral character of this power-neutralized international conference. Other matters were to be determined within the framework of an agreement between Jordan and Israel.⁵⁷

The London Paper was based on the Jordanian Option insofar as the Palestinian Option, meaning the creation of a Palestinian state and the recognition of the PLO as a dialogue partner, was categorically excluded. Instead, the Palestinian question was to be treated exclusively in connection with Jordan. Another peculiarity was that although the framework for the conference was provided by an international sponsorship, the UN was not allowed to influence the negotiations or their results when it came to their specific content, with the regulations having to be worked out in bilateral negotiations between the respective delegations.

As for content, the London Document made barely any statements about the core points of the Israeli-Palestinian conflict. These, too, were to be clarified in bilateral negotiations. What prospects the London Document might have had, had its realization not been frustrated by the coalition partner *Likud*, we can only speculate. Peres exhibited extreme indignation towards his political rivals who stood in the way of his peace mission of 1987. He was firmly convinced that his initiative would have had realistic chances of success, had it been implemented.⁵⁸

But history did grant Israel's Zionist Left another opportunity. Since the change of government in June 1992, Peres was once more in a position to influence the political process, namely as foreign minister in the so-called "Second Rabin Government." At that time the bilateral talks conducted in Washington in 1991 between the Israeli and the Jordanian-Palestinian delegation within the context of the Madrid Conference quickly turned out to be fruitless. The differences between the parties on the autonomy question remained unbridgeable. While the Palestinians wanted to negotiate based on a Palestinian state, the Israelis cleaved

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Peres 1995: 385. (Ger.)

Третья часть содержала соглашение о том, что, во-первых, никакое решение и никакое право вето не могут быть навязаны сторонам извне этой переговорной сети; во-вторых, что переговоры должны вестись в рамках двусторонних групп; в-третьих, что палестинский вопрос должен быть рассмотрен на переговорах между иорданско-палестинской и израильской делегациями; в-четвертых, что палестинским представителям должно быть разрешено участвовать в составе иорданско-палестинской делегации; в-пятых, что участие в конференции требует принятия резолюций ООН о безопасности 242 и 338, а также отказа от насилия и терроризма; в-шестых, что каждая многосторонняя группа должна вести переговоры независимо; и, наконец, Лондонский документ подчеркивал многосторонний характер этой международной конференции, нейтрализующей силу. Другие вопросы должны были быть решены в рамках соглашения между Иорданией и Израилем.⁵⁷

Лондонский документ основывался на иорданском варианте в той мере, в какой палестинский вариант, подразумевающий создание палестинского государства и признание ООП в качестве партнера по диалогу, был категорически исключен. Вместо этого палестинский вопрос должен был рассматриваться исключительно в связи с Иорданией. Еще одной особенностью было то, что, хотя рамки конференции были обеспечены международной поддержкой, ООН не имела права влиять на переговоры или их результаты в отношении их конкретного содержания, а правила должны были быть разработаны в ходе двусторонних переговоров между соответствующими делегациями.

Что касается содержания, Лондонский документ практически не содержал никаких заявлений по ключевым моментам израильско-палестинского конфликта. Эти вопросы также должны были быть уточнены в ходе двусторонних переговоров. Какие перспективы мог бы иметь Лондонский документ, если бы его реализация не была сорвана партнером по коалиции? *Ликуд* Мы можем лишь предполагать. Перес испытывал крайнее негодование по отношению к своим политическим соперникам, которые препятствовали его мирной миссии 1987 года. Он был твердо убежден, что его инициатива имела бы реальные шансы на успех, если бы была реализована.⁵⁸

Однако история предоставила израильским сионистским левым еще одну возможность. После смены правительства в июне 1992 года Перес вновь оказался в положении, позволяющем влиять на политический процесс, а именно в качестве министра иностранных дел в так называемом «втором правительстве Рабина». В то время двусторонние переговоры, проведенные в Вашингтоне в 1991 году между израильской и иорданско-палестинской делегациями в рамках Мадридской конференции, быстро оказались безрезультатными. Разногласия между сторонами по вопросу автономии оставались непреодолимыми. В то время как палестинцы хотели вести переговоры на основе палестинского государства, израильтяне придерживались противоположной точки зрения.

⁵⁷Там же.

⁵⁸Перес 1995: 385. (нем.)

to a vague concept of interim agreements with the goal of maintaining their military dominance in the Palestinian territories.⁵⁹

The futility of the Washington talks gradually increased public pressure on the new prime minister to make good on his pre-election promises of peace. Ultimately, the Israeli leadership under Rabin, Peres and Vice Foreign Minister Yossi Beilin (1948–) made the historic decision to take up direct negotiations with the PLO, which had always been considered a terrorist organization. This made the breakthrough possible.

The “Declaration of Principles on Interim Self-Government Arrangements,” also called Oslo I, which was signed by Israel and the PLO on September 13, 1993, was pre-eminently a mutual recognition of the rights of both peoples, a declaration of intent for the cessation of the conflict and for a historic reconciliation, and thus for a life in peace, dignity and security. In addition, the creation of a Palestinian Authority (PA), which was to be appointed in free elections and was to gradually take over the tasks of Israeli civil and military administration, was provided by Oslo I within the period of five years. For this purpose, this new authority was also to negotiate with Israel about permanent solutions based on UN Resolutions 242 and 338. This included core questions that had been excluded from the declaration of principles for the time being, such as the borders, Jerusalem, refugees, settlements and security regulations.

According to Oslo I, the negotiations about permanent regulations, which were to be brought into force five years after Oslo I, were to be taken up as early as December 3, 1995. The declaration of principles defined the West Bank and the Gaza Strip as a territorial unit over which the PA was to be given responsibility, with the exception of matters regarding security regulations and foreign affairs, which were to be Israel’s domain. Israel was directed to withdraw its troops from Gaza and Jericho, namely as part of a treaty that was to be signed by December 13, 1993 and implemented by April 13, 1994. Provided within nine months of Oslo I – in July 1994 – were free elections for a legislative council in Gaza and the West Bank. They were to take place under international supervision and with the help of the Palestinian police.⁶⁰

The “Agreement on the Autonomy of the West Bank,” also referred to as Oslo II, was signed on September 28, 1995. Oslo II marked the conclusion of the first phase of negotiations between Israel and the PLO. The agreement foresaw, among other things, the election of a Palestinian council and transfer of legislative authority to

⁵⁹ Ibid. 509.

⁶⁰ Grinberg 2007: 78; Shlaim 2000: 516–517.

к расплывчатой концепции временных соглашений с целью сохранения своего военного господства на палестинских территориях.⁵⁹

Бесплодность вашингтонских переговоров постепенно усилила общественное давление на нового премьер-министра, требуя от него выполнения предвыборных обещаний мира. В конечном итоге израильское руководство под руководством Рабина, Переса и заместителя министра иностранных дел Йосси Бейлина (1948–) приняло историческое решение начать прямые переговоры с ООП, которая всегда считалась террористической организацией. Это и сделало прорыв возможным.

«Декларация принципов временного самоуправления», также известная как Осло I, подписанная Израилем и ООП 13 сентября 1993 года, в первую очередь представляла собой взаимное признание прав обоих народов, заявление о намерении прекратить конфликт и достичь исторического примирения, а следовательно, и жизни в мире, достоинстве и безопасности. Кроме того, Осло I предусматривало создание Палестинской автономии (ПА), которая должна была быть сформирована путем свободных выборов и постепенно взять на себя задачи израильской гражданской и военной администрации в течение пяти лет. С этой целью новая автономия должна была также вести переговоры с Израилем о постоянных решениях на основе резолюций ООН 242 и 338. Это включало в себя ключевые вопросы, которые на тот момент были исключены из декларации принципов, такие как границы, Иерусалим, беженцы, поселения и правила безопасности.

Согласно Ословским соглашениям I, переговоры о постоянных правилах, которые должны были вступить в силу через пять лет после подписания соглашений I, должны были начаться уже 3 декабря 1995 года. Декларация принципов определяла Западный берег и сектор Газа как территориальную единицу, за которую Палестинская автономия должна была нести ответственность, за исключением вопросов, касающихся правил безопасности и внешней политики, которые должны были находиться в ведении Израиля. Израилу было предписано вывести свои войска из Газы и Иерихона, а именно в рамках договора, который должен был быть подписан к 13 декабря 1993 года и введен в действие к 13 апреля 1994 года. В течение девяти месяцев после подписания соглашений I – в июле 1994 года – были предусмотрены свободные выборы в законодательный совет в Газе и на Западном берегу. Они должны были пройти под международным наблюдением и при содействии палестинской полиции.⁶⁰

Соглашение об автономии Западного берега, также известное как Осло II, было подписано 28 сентября 1995 года. Осло II ознаменовало завершение первого этапа переговоров между Израилем и ООП. Соглашение предусматривало, среди прочего, избрание палестинского совета и передачу законодательной власти Палестине.

⁵⁹Там же, 509.

⁶⁰Гринберг 2007: 78; Шлайм 2000: 516–517.

the same, the retreat of the Israeli army from “the Palestinian centers” and the division of the West Bank into three control categories A, B and C.

Category A comprised the Palestinian cities and small towns that were in the judicial district of the Palestinian Autonomy. Category B referred to the Palestinian villages and sparsely populated areas of the West Bank considered non-military judicial districts, with security control remaining with the Israeli army. Category C covered the rest of the West Bank and included the land seized by Israel that was designated for Jewish settlements and roads. Zone A comprised four percent and Zone B twenty-five percent of the West Bank. In the Gaza Strip, Israel would keep more than thirty-five percent of the land for settlement purposes, military bases and road construction.⁶¹

Oslo II also passed only by a narrow majority of sixty-one to fifty-nine votes in the *Knesset* on October 5, 1995. The Oslo Peace Process aroused massive protests from the Zionist Right and national-religious opposition against the Labor Party government. On November 4, 1995, an extremist named Yigal Amir murdered Prime Minister Yitzhak Rabin.

The sociologist Lev Grinberg points out three processes that were at work in Israeli society, taking place in the military, the economic and the political areas, which contributed to the Oslo Peace Process. The backdrop to this was particularly the Palestinian uprising against the Israeli occupation order that had been persisting since late 1987. The Intifada made discontent within the Israeli military leadership grow, as they were being faced with the frustrating task of smashing Palestinian resistance. The security policy elite gradually recognized the necessity of a political change. Grinberg interprets a statement made by Chief of General Staff Dan Shomron (1937–2008), to the effect that there is no military solution for the Intifada, as shaking up the constitutive security myth.

Shomron’s insight increasingly undermined the legitimation for deployment of the military against the Palestinian uprising. The security myth lost persuasive power in the sense that its basis – the fight and victory of the Jewish side as a precondition for the existence as a national state – was weakened. It was the military in its function as an important political security authority, says Grinberg, which signaled to the political level that a political process was indeed a legitimate approach. As Grinberg argues further, the former General and Prime Minister Yitzhak Rabin did in fact fear the army would be worn out by having to perform policing tasks related to the occupation.⁶²

61 Shlaim 2000: 528–529.

62 Grinberg 2007: 54.

То же самое касается отступления израильской армии из «палестинских центров» и разделения Западного берега на три контрольные категории: А, В и С.

Категория А включала палестинские города и небольшие поселки, находившиеся в судебном округе Палестинской автономии. Категория В относилась к палестинским деревням и малонаселенным районам Западного берега, считавшимся невоенными судебными округами, при этом контроль за безопасностью оставался за израильской армией. Категория С охватывала остальную часть Западного берега и включала земли, захваченные Израилем и предназначенные для еврейских поселений и дорог. Зона А составляла четыре процента, а зона В — двадцать пять процентов Западного берега. В секторе Газа Израиль сохранял более тридцати пяти процентов земли для целей строительства поселений, военных баз и дорог.⁶¹

Второй закон Осло также был принят лишь с небольшим перевесом голосов: шестьдесят один против пятидесяти девяти. *Кнессет* 5 октября 1995 года. Ословский мирный процесс вызвал массовые протесты со стороны сионистских правых и национально-религиозной оппозиции против правительства Лейбористской партии. 4 ноября 1995 года экстремист по имени Игаль Амир убил премьер-министра Ицхака Рабина.

Социолог Лев Гринберг указывает на три процесса, действовавшие в израильском обществе в военной, экономической и политической сферах, которые способствовали Ословскому мирному процессу. Фоном для этого послужило, в частности, палестинское восстание против израильской оккупации, продолжавшееся с конца 1987 года. Интифада усилила недовольство в израильском военном руководстве, поскольку оно столкнулось с непростой задачей подавления палестинского сопротивления. Элита в сфере безопасности постепенно осознала необходимость политических перемен. Гринберг интерпретирует заявление начальника Генерального штаба Дана Шомрона (1937–2008) о том, что военного решения интифады не существует, как поколебание устоявшегося мифа о безопасности.

Проницательность Шомрона все больше подрывала легитимность применения армии против палестинского восстания. Миф о безопасности утратил убедительную силу в том смысле, что его основа — борьба и победа еврейской стороны как необходимое условие существования национального государства — была ослаблена. Именно армия, как важный орган политической безопасности, по словам Гринберга, сигнализировала политическому уровню о том, что политический процесс действительно является легитимным подходом. Как утверждает Гринберг далее, бывший генерал и премьер-министр Ицхак Рабин действительно опасался, что армия будет измотана необходимостью выполнять полицейские задачи, связанные с оккупацией.⁶²

⁶¹Шлаим 2000: 528–529.

⁶²Гринберг 2007: 54.

Apart from the security-political motive, Grinberg identifies the economic elite as another driving force for a reconciliation process. As the Intifada was turning out to be an economic burden, the ideal scenario of a Palestinian market as a source of cheap labor, well-controlled by Israel and aligned to the benefit of its economy, and at the same time as a controlled importer of goods, failed to materialize. With the transformation of international politics, the business elites of Israel turned their attention to globalization processes. Eager to unlock global markets, including those of the Middle East, to Israeli economy with its neoliberal orientation, the economic sector urged politics to solve the local conflict. In Shimon Peres, Grinberg discerns the political sponsor of this line of thought.⁶³

Furthermore, Grinberg describes a party-political process initiated in the early 1990s by which hopes for a reconciliation process with the Palestinians were fueled. He speaks of a democratization or renewal process within the Israeli Labor Party, which was an important mass party at that time. The party members got more say in the selection of their representatives, with primary elections taking place for the first time. Moreover, politically relevant content was included into the party program. Under the slogan “Change in National Priorities,” the focus of national interest was to be shifted away from the settlement of occupied territories, which had been massively sponsored during the 1980s, to social policy in the core country of Israel. In general, after fifteen years under the leadership of Peres, a new language and a new image for a new era seemed to be called for.

Grinberg interprets this democratization process as a first signal that the Labor Party was turning away from the “old-style” paralyzing left-right debate of the national myths. Now more emphasis was placed on addressing “normal” everyday political issues faced by the average Israeli. The electoral campaign of 1992, in which Yitzhak Rabin challenged the old Prime Minister and *Likud* leader Yitzhak Shamir, was conducted under the banner of these changed priorities. In this political constellation, Grinberg also sees a political alternative to the maintenance of Israeli dominance over the occupied territories.⁶⁴

But the question still remains whether the same leading personalities of the 1970s and 1980s, i.e., Rabin and Peres, who have decisively shaped the Israeli political order with regard to security as well as settlement policy, were actually able to point to a real alternative. Was the Israeli Zionist Left of the 1990s really capable of ending the conflict over Palestine?

⁶³ Ibid. 56.

⁶⁴ Ibid. 57–59.

Помимо политических мотивов, связанных с безопасностью, Гринберг выделяет экономическую элиту как еще одну движущую силу процесса примирения. Поскольку интифада стала экономическим бременем, идеальный сценарий палестинского рынка как источника дешевой рабочей силы, хорошо контролируемого Израилем и ориентированного на выгоду его экономики, и одновременно как контролируемого импортера товаров, не материализовался. С трансформацией международной политики бизнес-элита Израиля обратила свое внимание на процессы глобализации. Стремясь открыть глобальные рынки, включая рынки Ближнего Востока, для израильской экономики с ее неолиберальной ориентацией, экономический сектор призвал политику к решению локального конфликта. В Шимоне Пересе Гринберг видит политического спонсора этой линии мышления.⁶³

Кроме того, Гринберг описывает партийно-политический процесс, начатый в начале 1990-х годов, который подпитывал надежды на примирение с палестинцами. Он говорит о процессе демократизации или обновления внутри Израильской рабочей партии, которая в то время была важной массовой партией. Члены партии получили больше влияния на выбор своих представителей, впервые были проведены предварительные выборы. Более того, в партийную программу был включен политически значимый контент. Под лозунгом «Изменение национальных приоритетов» акцент национальных интересов должен был сместиться с заселения оккупированных территорий, которое активно финансировалось в 1980-х годах, на социальную политику в самом центре государства — Израиле. В целом, после пятнадцати лет руководства Переса, казалось, необходимы новый язык и новый образ для новой эпохи.

Гринберг интерпретирует этот процесс демократизации как первый сигнал того, что Лейбористская партия отходит от «старомодных» парализующих лево-правых дебатов, основанных на национальных мифах. Теперь больше внимания уделялось решению «обычных» повседневных политических проблем, с которыми сталкивается среднестатистический израильтянин. Избирательная кампания 1992 года, в которой Ицхак Рабин бросил вызов старому премьер-министру и *Ликуд* лидер Ицхак Шамир действовал под знаменем этих изменившихся приоритетов. В этой политической ситуации Гринберг также видит политическую альтернативу сохранению израильского господства над оккупированными территориями.⁶⁴

Однако остается вопрос, смогли ли те же самые ведущие деятели 1970-х и 1980-х годов, а именно Рабин и Перес, которые оказали решающее влияние на израильский политический порядок в отношении безопасности и поселенческой политики, действительно указать на реальную альтернативу. Была ли израильская сионистская левая 1990-х годов действительно способна положить конец конфликту вокруг Палестины?

⁶³ Там же, 56.

⁶⁴ Там же, стр. 57–59.

The Oslo Peace Process: The Palestinian Option

In the Oslo Peace Process, Baruch Kimmerling detects a connection between the “routinization of war and conflict” as it is reinforced in Israeli society and the ideological-religious motivation of maintaining dominance over the Palestinian territories:

In the course of the state’s crystallization, Israeli immigrant settlers developed war- and conflict-oriented as well as compromise-oriented values and groups, with their accompanying rhetoric. Owing to the routinization of war and conflict, however, an all-embracing militaristic metacultural code developed to blur the distinctions between peace and war, and between rational military and ideological religious ‘reasons’ for keeping the occupied territories. The first ‘peace in exchange for territory’ agreement with Egypt was made in order to increase control over the components of *Eretz Israel* dubbed ‘Judea and Samaria’ and was immediately followed by the 1982 war in Lebanon, fought for the same reason. The Oslo Accords with the Palestinians were agreed to by Israel primarily in order to shed responsibility for densely Arab-populated areas by establishing indirect control using Arafat’s Palestinian Authority as subcontractor, but without giving up ‘overall security responsibility’ for any part of *Eretz Israel*. This came about only after political and military elites had reached the conclusion that there was no acceptable military solution to the Palestinian problem (not all Israeli Jews were, however, in agreement). The making of *de facto* peace with the Hashemite kingdom of Jordan was aimed at weakening Palestinian political and military strength.⁶⁵

Kimmerling explains the motives for the Oslo Peace Process as follows:

The existential anxiety built into Israeli collective identity and collective memory simultaneously fuels civilian militarism and reinforces ‘military militarism’ and the military-cultural complex, creating a vicious circle that always leads to self-fulfilling ‘worst case’ prophecies. Even the main motives for peace-making are driven either by xenophobic feelings of separateness or instrumental manipulation of improved control over ‘the other side’ and preservation of ‘our’ ultimate military might.⁶⁶

The recognition of the PLO as the representative of the Palestinian people was a watershed in the history of the Israeli-Palestinian conflict. Up until 1993, Israel and the PLO were at war. In Israel’s eyes the “Palestine Liberation Organization” was nothing more than a terrorist organization pursuing the goal of dissolving the Jewish state. The announcement of the PLO, founded in 1964, that they would free the whole of Palestine – meaning the entire state territory under Israeli

⁶⁵ Kimmerling 2001: 227–228.

⁶⁶ Ibid. 228.

Ословский мирный процесс: палестинский вариант

Барух Киммерлинг в контексте Ословского мирного процесса выявляет связь между «рутинизацией войны и конфликта», которая подкрепляется в израильском обществе, и идеологически-религиозной мотивацией сохранения господства над палестинскими территориями:

В процессе формирования государства израильские иммигранты-поселенцы выработали ценности и группы, ориентированные на войну и конфликты, а также на компромиссы, со всей соответствующей риторикой. Однако из-за рутинизации войны и конфликтов возник всеобъемлющий милитаристский метакультурный код, размывающий границы между миром и войной, а также между рациональными военными и идеологическими религиозными «причинами» сохранения оккупированных территорий. Первое соглашение «мир в обмен на территорию» с Египтом было заключено с целью усиления контроля над компонентами *Эрец Израиль*. Ословские соглашения, получившие название «Иудея и Самария», сразу же последовали за войной в Ливане 1982 года, которая велась по той же причине. Израиль заключил Ословские соглашения с палестинцами главным образом для того, чтобы снять с себя ответственность за густонаселенные арабскими странами районы, установив косвенный контроль с помощью Палестинской автономии Арафата в качестве субподрядчика, но не отказываясь при этом от «общей ответственности за безопасность» какой-либо части этих районов. *Эрец Израиль* Это произошло лишь после того, как политическая и военная элита пришла к выводу, что приемлемого военного решения палестинской проблемы не существует (однако не все израильские евреи были с этим согласны). *де-факто* Мир с хашимитским королевством Иордания был направлен на ослабление политической и военной мощи палестинцев.⁶⁵

Киммерлинг объясняет мотивы Ословского мирного процесса следующим образом:

Экзистенциальная тревога, заложенная в израильской коллективной идентичности и коллективной памяти, одновременно подпитывает гражданский милитаризм и укрепляет «военный милитаризм» и военно-культурный комплекс, создавая порочный круг, который всегда приводит к самосбывающимся пророчествам о «худшем сценарии». Даже основные мотивы миротворчества обусловлены либо ксенофобским чувством обособленности, либо инструментальной манипуляцией с целью усиления контроля над «другой стороной» и сохранения «нашей» высшей военной мощи.⁶⁶

Признание ООП представителем палестинского народа стало поворотным моментом в истории израильско-палестинского конфликта. До 1993 года Израиль и ООП находились в состоянии войны. В глазах Израиля «Организация освобождения Палестины» была не более чем террористической организацией, преследующей цель роспуска еврейского государства. Заявление ООП, основанной в 1964 году, о том, что они освободят всю Палестину – то есть всю государственную территорию, находящуюся под израильским контролем, – стало поворотным моментом.

⁶⁵Киммерлинг 2001: 227–228. ⁶⁶

Там же, 228.

supremacy – can hardly be reconciled with the Zionist claim to *Eretz Israel* for the Jewish people.

Over the years, Peres used his position as vice president of the Socialist International to deny the PLO recognition on the international stage. In doing so, he repeatedly came into conflict with European leaders who increasingly saw an inclusion of the PLO as the key to solving the Palestine question. In 1985, the *Knesset* under the government Peres enacted a law prohibiting talks between Israelis and representatives of terrorist organizations; annulled only in 1993 for the Oslo Process. According to Peres' biographer Michael Bar-Zohar, the weakness of the PLO lay in the motif for its recognition. He assumes that the only reason Peres opted to take up negotiations with the PLO is because it had lost considerable political and financial influence in 1991 in the wake of the Second Gulf War. It was an opportune time to "conclude a deal" with a weakened PLO.⁶⁷

But in how far did the new government *politically* stand behind the Palestinian Option that provided the basis for the Oslo Peace Process? In the years 1992 to 1996, the Zionist Left was in a very precarious situation regarding the peace process. Following a yearlong political stagnation brought about by the governing coalition with the *Likud*, it managed to achieve a breakthrough in 1993. The Oslo Peace Process, which is regarded as a historic turning point, is for the most part considered to be the merit of the Israeli Foreign Minister Shimon Peres and his Vice Minister Yossi Beilin.

They convinced the hesitant Prime Minister and Minister of Defense Yitzhak Rabin of the necessity to take up the difficult direct negotiations with the Palestinians, which would include having to recognize the PLO. Thanks to their willingness to accept the PLO under the leadership of Yasser Arafat as a dialogue partner, Rabin and Peres paved the way for a historic breakthrough in Israeli-Palestinian history. For this, all three political leaders were awarded the Nobel Peace Prize in 1994.

But while the Jerusalem peace government scored a lot of praise internationally, in Israel itself it was confronted with a particularly tough political and intellectual challenge as it had to defend the peace process against the highly active and well organized political opposition of the Zionist Right, or religious Zionism. But at the same time it was no less skeptical than its political rivals of a solution to the Palestine question in terms of the Palestinian Option. At least the specific concept of Oslo I would leave the political-military situation essentially unchanged *for the time being*. A declaration of intent marked the beginning of

⁶⁷ Bar-Zohar 2006: 616.

превосходство – это вряд ли согласуется с притязаниями сионистов на *Эрец Израиль* для еврейского народа.

На протяжении многих лет Перес использовал своё положение вице-президента Социалистического интернационала, чтобы отказать ООП в признании на международной арене. При этом он неоднократно вступал в конфликт с европейскими лидерами, которые всё чаще видели в включении ООП ключ к решению палестинского вопроса. В 1985 году *Кнессет* При правительстве Перес принял закон, запрещающий переговоры между израильтянами и представителями террористических организаций; он был отменен только в 1993 году в связи с Ословским процессом. По словам биографа Переса, Михаэля Бар-Зохара, слабость ООП заключалась в мотивах ее признания. Он предполагает, что единственная причина, по которой Перес решил вступить в переговоры с ООП, заключалась в том, что организация потеряла значительное политическое и финансовое влияние в 1991 году после Второй войны в Персидском заливе. Это было подходящее время для «заключения сделки» с ослабленной ООП.⁶⁷

Но насколько далеко продвинулось новое правительство? *политически* Вы поддерживаете палестинский вариант, который лег в основу мирного процесса в Осло? В период с 1992 по 1996 год сионистские левые находились в очень шатком положении в отношении мирного процесса. После годичной политической стагнации, вызванной правящей коалицией с *Ликуд* В 1993 году удалось добиться прорыва. Ословский мирный процесс, который считается историческим поворотным моментом, в основном приписывается заслугам министра иностранных дел Израиля Шимона Переса и его заместителя Йосси Бейлина.

Они убедили колеблющегося премьер-министра и министра обороны Ицхака Рабина в необходимости начать сложные прямые переговоры с палестинцами, которые включали бы в себя признание ООП. Благодаря их готовности принять ООП под руководством Ясира Арафата в качестве партнера по диалогу, Рабин и Перес проложили путь к историческому прорыву в израильско-палестинской истории. За это все три политических лидера были удостоены Нобелевской премии мира в 1994 году.

Однако, хотя мирное правительство Иерусалима получило высокую оценку на международном уровне, в самом Израиле оно столкнулось с особенно сложной политической и интеллектуальной задачей, поскольку ему пришлось защищать мирный процесс от весьма активной и хорошо организованной политической оппозиции сионистского правого крыла, или религиозного сионизма. Но в то же время оно было не менее скептически настроено, чем его политические соперники, к решению палестинского вопроса в рамках палестинского варианта. По крайней мере, конкретная концепция Осло I оставила бы военно-политическую ситуацию по существу неизменной. *в настоящее время* Заявление о намерениях ознаменовало начало

⁶⁷Бар-Зохар 2006: 616.

a process of “small steps,” with further development hinged on the course the negotiations would take.

But since Israel objected to arbitrators and, what is more, sought to defer tackling the core questions until later, to a time when negotiations for a permanent provision would take place, much was determined by the power relations between the two parties. A hybrid situation arose that was characteristic for the Oslo years, namely while negotiations were taking place the usual occupation practices were continued with the necessary modifications. In accordance with the preliminary assumption of Oslo that the core questions of the conflict would be resolved only later anyway, Israel gained more maneuvering room to keep creating facts in its own interest.

This happened despite the fact that due to its recognition as negotiating partner the PLO's position was not as powerless as it had once been. The situation in which civil competences and thus the responsibility for the Palestinian population were conferred to the Palestinian Authority (Oslo II), while Israeli military dominance still remained in place is characterized by a leftist Oslo critic's hybrid phrasing: “Oslo as continuation of occupation by peaceful means.”

The Labor Party government did not even dare start decolonializing the occupied territories. To the contrary, it looked for ways to keep up and even expand the settlement projects *in spite of* Oslo. On the one hand, the hybrid “Oslo Regime” facilitated the separation of the two collectives with the help of the military. Here it was especially the lockdown policy that considerably limited the Palestinian's freedom of movement and worsened their living conditions. On the other hand, the continuation of the Jewish colonialization of Palestinian territories ran counter to the separation of the two peoples that Oslo had been envisioning.

It is particularly under the pretext of this peace process that Israel brought its Zionism-backed separation policy more strongly into accordance with the colonialization, as the Oslo Regime parceled out the Palestinian territories and thus segmented Palestinian society. Amira Hass draws attention to the fact that the number of settlers in the occupied territories (excluding East Jerusalem) doubled between 1991 and 2000, rising from 91,400 to 198,300. For East Jerusalem, 141,000 settlers is quoted for 1992, and 173,000 for 2000.⁶⁸

The Oslo concept created an open situation. On the one hand, the pressure of the international community on Israel decreased perceivably and Israel's image was strongly improved after five years of Palestinian Intifada. Both of these factors helped colonialization and occupation to continue without disturbance. On the

⁶⁸ Cf. Hass, Amira, “Israeli Colonialism Under the Guise of the Peace Process (1993–2000),” in: Hass 2006: 194–209, 208; Grinberg 2007: 129.

это процесс, состоящий из «небольших шагов», дальнейшее развитие которого будет зависеть от хода переговоров.

Но поскольку Израиль возражал против арбитров и, более того, стремился отложить решение ключевых вопросов на более поздний срок, до момента переговоров о постоянном положении дел, многое определялось соотношением сил между двумя сторонами. Возникла гибридная ситуация, характерная для оловских лет, а именно: пока шли переговоры, продолжалась обычная оккупационная практика с необходимыми изменениями. В соответствии с предварительным предположением Осло о том, что ключевые вопросы конфликта в любом случае будут решены только позже, Израиль получил больше пространства для маневра, чтобы продолжать создавать факты в своих собственных интересах.

Это произошло несмотря на то, что благодаря признанию в качестве партнера по переговорам позиция ООП уже не была такой бессильной, как прежде. Ситуация, в которой гражданские полномочия и, следовательно, ответственность за палестинское население были переданы Палестинской автономии (Осло II), в то время как израильское военное господство все еще сохранялось, характеризуется гибридной формулировкой левого критика Осло: «Осло как продолжение оккупации мирными средствами».

Правительство Лейбористской партии даже не осмелилось начать деколонизацию оккупированных территорий. Напротив, оно искало способы сохранить и даже расширить проекты поселения. *несмотря на* Осло. С одной стороны, гибридный «режим Осло» способствовал разделению двух народов при помощи военных. В частности, политика изоляции значительно ограничила свободу передвижения палестинцев и ухудшила их условия жизни. С другой стороны, продолжение еврейской колонизации палестинских территорий противоречило идее разделения двух народов, которую предполагал режим Осло.

Именно под предлогом этого мирного процесса Израиль еще сильнее привел свою политику разделения, поддерживаемую сионизмом, в соответствие с колонизацией, поскольку режим Осло разделил палестинские территории и тем самым расколол палестинское общество. Амира Хасс обращает внимание на то, что число поселенцев на оккупированных территориях (за исключением Восточного Иерусалима) удвоилось в период с 1991 по 2000 год, увеличившись с 91 400 до 198 300. Для Восточного Иерусалима в 1992 году было зарегистрировано 141 000 поселенцев, а в 2000 году — 173 000.⁶⁸

Концепция Осло создала открытую ситуацию. С одной стороны, давление международного сообщества на Израиль заметно снизилось, а имидж Израиля значительно улучшился после пяти лет палестинской интифады. Оба этих фактора способствовали продолжению колонизации и оккупации без каких-либо помех.

⁶⁸См. Хасс, Амира, «Израильский колониализм под видом мирного процесса (1993–2000)», в: Хасс 2006: 194–209, 208; Гринберг 2007: 129.

other hand, the Zionist Right was fighting the progressing peace process, supposedly heading towards a Palestinian state, while in actual fact the settlement policy was still being actively pursued. For the Zionist Right also opposed the option of a Palestinian pseudo-state controlled by Israel. It feared negotiations that may lead to Israel having to yield up territories in *Eretz Israel*.

In contrast, the leadership of the Zionist Left was looking to find a middle ground: negotiations and reconciliation *in order that* settlement and security may be further ensured. Israel explicitly quoted the fight against terrorism, especially against the religious Palestinian groups Hamas and Islamic Jihad, as a motivation for the negotiations. At this, the Palestinian Authority was to serve as an auxiliary power and relieve the Israeli army from this task.

As far as the Israeli government was concerned, the political goal as it presented itself from the perspective of the Palestinians, namely a Palestinian state in the West Bank and Gaza Strip, was in no way a done deal in the years from 1993 to 1996. Thus Peres was in a political predicament. He was held responsible for the peace process, which was associated exclusively with the political goal of a Palestinian state. At least the Zionist Left desired that this goal be reached and the world community expected it, even as the proponents of *Eretz Israel* battled against it. But of all people, it was actually the leader of the peace government who did not stand behind this aim.⁶⁹

The Zionist Left Trapped between Eretz Israel, Security and Peace

As the architect of Oslo and leading politician, Peres had to support the peace process before the domestic public even though he was against a Palestinian state. Therefore, Peres' own way of dealing with the ongoing peace process seems absurd at times, especially when he came into a situation where he had to defend it against the combative Right.⁷⁰ It was problematic that the political goals of the process were not transparent and thus could not be discussed.

So how exactly was Peres hoping to achieve peace? It is telling in this context what aspects he chose to emphasize in a public talk about the Oslo Peace Process on March 25, 1994 with the Jewish-religious Israeli philosopher Yeshayahu Leibowitz – a fierce critic of the occupation policy since 1967. Leibowitz brought the foreign minister face to face with the fact that “the violent Israeli occupying

⁶⁹ Amar-Dahl 2010: 336–366.

⁷⁰ Ibid. 366–370.

С другой стороны, сионистские правые боролись против продвигающегося мирного процесса, якобы ведущего к созданию палестинского государства, в то время как на самом деле политика поселений все еще активно проводилась. Сионистские правые также выступали против варианта создания палестинского псевдогосударства, контролируемого Израилем. Они опасались переговоров, которые могли бы привести к тому, что Израилю пришлось бы уступить территории. *Эрец Израиль*.

Напротив, руководство сионистских левых стремилось найти золотую середину: переговоры и примирение. *для того чтобы* Возможно, будут обеспечены дополнительные гарантии поселения и безопасности. Израиль прямо указал на борьбу с терроризмом, особенно с палестинскими религиозными группировками ХАМАС и «Исламский джихад», как на мотивацию для переговоров. При этом Палестинская автономия должна была выступать в качестве вспомогательной силы и освободить израильскую армию от этой задачи.

С точки зрения израильского правительства, политическая цель, как она представлялась палестинцам, а именно создание палестинского государства на Западном берегу и в секторе Газа, никоим образом не была свершившимся фактом в период с 1993 по 1996 год. Таким образом, Перес оказался в политическом затруднительном положении. На него возложили ответственность за мирный процесс, который был связан исключительно с политической целью создания палестинского государства. По крайней мере, сионистские левые желали достижения этой цели, и мировое сообщество ожидало этого, даже несмотря на то, что сторонники *Эрец Израиль* Они боролись против этого. Но, как ни странно, именно лидер мирного правительства не поддержал эту цель.⁶⁹

Сионистские левые оказались в ловушке между Эрец-Израэль, безопасностью и миром.

Будучи архитектором соглашений в Осло и ведущим политиком, Перес был вынужден поддерживать мирный процесс перед общественностью, несмотря на то, что выступал против создания палестинского государства. Поэтому подход Переса к текущему мирному процессу порой кажется абсурдным, особенно когда ему приходилось защищать его от воинственно настроенных правых.⁷⁰ Проблема заключалась в том, что политические цели процесса не были прозрачными и, следовательно, не могли обсуждаться.

Так как же именно Перес надеялся достичь мира? В этом контексте показательно, какие аспекты он решил подчеркнуть в публичном выступлении об Ословском мирном процессе 25 марта 1994 года с израильским философом-евреем Иешаягу Лейбовицем – яростным критиком оккупационной политики с 1967 года. Лейбовиц поставил министра иностранных дел перед фактом, что «насильственная израильская оккупация

⁶⁹Амар-Даль 2010: 336–366. ⁷⁰Там же, стр. 366–370.

power has not been removed even following Oslo [I]; we have not retreated even by a centimeter [from the territories in the Gaza Strip and Jericho, according to Oslo I].” To which Peres replied, “I think, the Oslo Accords will be implemented within a couple of weeks. We also intend to negotiate about other territories. [...] But we have to proceed cautiously, as we always have to win over the majority [of the Israeli-Jewish population] and at the same time have to fight [Palestinian] terror.”⁷¹

Leibowitz countered the terror argument in reference to the Palestinians as follows. “I know what terror means: two hundred and sixty children, the oldest ones fifteen, were killed by Israeli soldiers. That is the meaning of occupation policy.” As for Peres’ reasoning, it was meant to take into account the wishes of the “Israeli broad center”: “This is why we want to get out of there. This is one of the reasons why we do not want to be the policemen of the Palestinian people.” But Leibowitz was skeptical of Peres’ statement of intent and confronted him with political reality: “But we still are [the policemen of the Palestinian people].” Peres responded that negotiations are in fact being conducted “in order to get out of there.” Leibowitz, who stuck to his point of view that “we have not retreated even by a centimeter,” had to put up with the following argumentation brought forward by Peres: “But we can’t retreat like thieves in the middle of the night, can we. After all, the Arabs [meaning the Palestinians] are killing their brothers over there, sadly. Innocent Arabs are being killed by Arabs.”⁷²

At this, Leibowitz objected that “this empathy with the Arabs is nothing but hypocrisy.” And then he, a proponent of the two-state solution within the borders of 1967, got to hear from the foreign minister what he really thinks about the Oslo concept: “Just like you, I would be in favor of a permanent solution, but I just don’t see any possibility of the two parties agreeing about the lines [...]. This is why the Oslo concept is initially focused on creating a better climate [for negotiations] in the hopes that it will be possible to draw a map which is acceptable to both parties in the course of five years. [...] At this point in time, I cannot commit to a permanent solution.” In Peres’ mind, the borders of 1967 were just no basis for a solution. Instead he brought up his preferred confederation concept. Leibowitz’ prediction from 1994 is telling here: “The things you say are not sincere. Because what this factually means is the continuation of occupation of Palestinian people. [...] We are going to continue pursuing [the occupation] in a sham package of lies and hypocrisy. [...] This is sick hypocrisy.”⁷³

71 Cf. “Thus Said the Angry Prophet to the Peace Architect,” *Maariv*, March 25, 1994.

72 Ibid.

73 Ibid.

«Власть не была отнята даже после Осло [I]; мы не отступили ни на сантиметр [с территорий в секторе Газа и Иерихоне, согласно Осло I]». На что Перес ответил: «Я думаю, что Ословские соглашения будут реализованы в течение пары недель. Мы также намерены вести переговоры по другим территориям. [...] Но мы должны действовать осторожно, поскольку нам всегда нужно завоевывать расположение большинства [израильско-еврейского населения] и одновременно бороться с [палестинским] террором».71

Лейбовиц возразил против аргумента о терроре в отношении палестинцев следующим образом: «Я знаю, что значит террор: израильские солдаты убили двести шестьдесят детей, самым старшим из которых пятнадцать. Вот что значит оккупационная политика». Что касается рассуждений Переса, то они были призваны учесть пожелания «широкого израильского центра»: «Вот почему мы хотим уйти оттуда. Это одна из причин, почему мы не хотим быть полицейскими палестинского народа». Но Лейбовиц скептически отнёсся к заявлению Переса о намерениях и столкнулся с политической реальностью: «Но мы всё ещё [полицейские палестинского народа]». Перес ответил, что переговоры на самом деле ведутся «для того, чтобы уйти оттуда». Лейбовиц, который упорно придерживался своей точки зрения, что «мы не отступили ни на сантиметр», был вынужден выслушать следующие доводы Переса: «Но мы же не можем отступать, как воры посреди ночи, не так ли? В конце концов, арабы [имеется в виду палестинцы] убивают там своих братьев, к сожалению. Арабы убивают невинных арабов».72

На это Лейбовиц возразил, что «эта эмпатия к арабам — не что иное, как лицемерие». И тогда он, сторонник решения о создании двух государств в пределах границ 1967 года, услышал от министра иностранных дел, что тот на самом деле думает о концепции Осло: «Как и вы, я был бы за постоянное решение, но я просто не вижу никакой возможности для того, чтобы обе стороны договорились о линиях [...]. Именно поэтому концепция Осло изначально сосредоточена на создании более благоприятного климата [для переговоров] в надежде, что в течение пяти лет удастся составить карту, приемлемую для обеих сторон. [...] На данный момент я не могу гарантировать постоянное решение». По мнению Переса, границы 1967 года просто не являлись основой для решения. Вместо этого он поднял вопрос о предпочитаемой им концепции конфедерации. Предсказание Лейбовица 1994 года здесь весьма показательное: «Ваши слова неискренни. Потому что на самом деле это означает продолжение оккупации палестинского народа. [...] Мы будем продолжать [оккупацию] в фиктивной форме лжи и лицемерия. [...] Это отвратительное лицемерие».73

71См. «Так сказал разгневанный пророк Архитектору мира», *Маарив* 25 марта 1994 года. 72 Там же.

73Там же.

But this “hypocrisy” does in fact follow its own logic if one keeps in mind what a Palestinian state would mean for a Jewish nationalist and security politician of many years. Such a state had been a taboo topic for security-political and political elites of the country since the founding of the state and the war of 1948. In Peres’ eyes it is a danger for Zionist Israel, also in the mid-1990s.⁷⁴

Ultimately, even the Zionist Left “peace government” cannot relinquish military dominance in the country, which would be dissolved by a Palestinian state in the West Bank and the Gaza Strip. Instead, by the mid-1990s, it was inefficiently looking to close the abyss between the three maxims of security, *Eretz Israel* and peace, as these proved to be mutually irreconcilable. An understanding of security in which military dominance and the Zionist tenet of *Eretz Israel* as the land of the Jewish people are assumed to be fundamental necessities renders peace based on a two-state solution impossible.

Because Israel could not liberate itself from its two founding myths – the security myth and the myth of the “promised land” – even under the leadership of the Zionist Left, peace had to remain an unfulfilled dream. Nevertheless, the Zionist Left keeps clinging to the peace process even years later because it is still trapped in the peace ideology or the myth of peace and security. It is not able to reflect on the contradictions between its Zionist goals and reality.

The actual difference between the two main camps of the Israeli political spectrum is the belief in the compatibility of peace with one’s own conception of the state. While the Zionist Right and religious Zionism do not aspire to peace because they are not willing to pay its territorial and identity-political price, the Zionist Left cleaves to the old Zionist ambition to normalize the relations between Jews and non-Jews, founding myths notwithstanding. But this peace ideology results in a depoliticization of peace: If the process of working towards peace is perceived as something that takes place essentially in isolation from Israel’s policy (which is seen as being in the interest of Zionist Israel, thus remaining untouchable and unquestioned) and that hinges solely on the willingness of “the Arabs” to recognize Israel, there really is little that can be done from the political point of view. One can only keep hoping that the hostility of “the Arabs” will disappear, while continuing to imagine peace and fight terrorism – by military means, mind you.

⁷⁴ Amar-Dahl 2010: 328–387.

Но это «лицемерие» на самом деле подчиняется собственной логике, если учесть, что означало бы палестинское государство для еврейского националиста и политика в сфере безопасности с многолетним стажем. Такое государство было табуированной темой для силовых и политических элит страны со времени основания государства и войны 1948 года. В глазах Переса это опасность для сионистского Израиля, также в середине 1990-х годов.⁷⁴

В конечном счете, даже сионистское левое «правительство мира» не может отказаться от военного господства в стране, которое было бы распущено палестинским государством на Западном берегу и в секторе Газа. Вместо этого, к середине 1990-х годов, оно безуспешно пыталось преодолеть пропасть между тремя принципами безопасности. *Эрец Израили* мир, поскольку они оказались взаимоисключающими. Понимание безопасности, в котором военное господство и сионистский принцип *Эрец Израиль* Поскольку земля еврейского народа считается первостепенной необходимостью, мир, основанный на решении проблемы путем создания двух государств, становится невозможным.

Поскольку Израиль не смог освободиться от двух своих основополагающих мифов – мифа о безопасности и мифа о «земле обетованной» – даже под руководством сионистских левых, мир так и остался несбывшейся мечтой. Тем не менее, сионистские левые продолжают цепляться за мирный процесс даже спустя годы, потому что они всё ещё находятся в ловушке идеологии мира или мифа о мире и безопасности. Они не способны осмыслить противоречия между своими сионистскими целями и реальностью.

Реальное различие между двумя основными лагерями израильского политического спектра заключается в вере в совместимость мира с собственным представлением о государстве. В то время как сионистские правые и религиозный сионизм не стремятся к миру, поскольку не готовы платить за него территориальную и идентитарно-политическую цену, сионистские левые придерживаются старой сионистской цели нормализации отношений между евреями и неевреями, несмотря на основополагающие мифы. Но эта идеология мира приводит к деполитизации мира: если процесс работы над миром воспринимается как нечто, происходящее по сути изолированно от политики Израиля (которая рассматривается как отвечающая интересам сионистского Израиля, оставаясь, таким образом, неприкосновенной и не подвергающейся сомнению) и зависящее исключительно от готовности «арабов» признать Израиль, то с политической точки зрения мало что можно сделать. Остается только надеяться, что враждебность «арабов» исчезнет, продолжая при этом мечтать о мире и бороться с терроризмом – заметьте, военными средствами.

⁷⁴Амар-Даль 2010: 328–387.

Exit of the Zionist Left

Peres' depoliticized understanding of the Oslo Peace Process and his rejection of the Palestinian Option proposed therein became obvious the moment he had to take over the leadership of the state. Between the murder of Prime Minister and Minister of Defense Yitzhak Rabin on November 4, 1995 and the voting out of the Labor Party in late May 1996, it became clear in how far the Zionist Left under the leadership of Peres really represented an alternative in the question of Palestine.

In October 1995, on occasion of the signing of Oslo II, the Minister of Foreign Affairs Peres gave his assessment of the situation before the *Knesset*: "The permanent solution will not result in a Palestinian state, but rather will be based on new ideas." He poses the rhetorical question:

Does autonomy [as stipulated in Oslo II] mean a Palestinian state? Not necessarily. It may be a template for many things – for regulations, or demilitarized and even domination-free [sic] territories. I believe that the permanent regulation will not be based on an existing foundation [Oslo II], but on a series of completely new ideas.⁷⁵

Even at this point in time, standing before the Israeli Parliament, the Foreign Minister did not feel the need to elaborate on the actual content of his "new ideas." He also did not say which legal status he was planning to confer on the Palestinian autonomy or the vacated Palestinian territories. Rather, he shifted the focus to his actual objective: "Without Oslo II, Israel would have slipped into the danger of a bi-national state which would not even have included coexistence. Israel cannot and will not be an apartheid state."⁷⁶

Stressing Israel's military and economic strength in this *Knesset* speech, Peres went on to conclude that the decision for Oslo II was opportune at that point in time. He points out that the Israeli army was the only one between Jordan and the Mediterranean, and that the fight against terrorism was not only in the interest of Israelis, but also of Palestinians: "The Palestinian Authority is well aware of the fact that if it does not smash terror, it would be infiltrated by it."⁷⁷

Here, Peres makes his security-oriented understanding of the Oslo Process very clear. On the one hand, the future of the Palestinian autonomy remains vague, with no word being said about it. On the other hand, a clear task is given

⁷⁵ *Davar* I, October 24, 1995.

⁷⁶ *Ibid.*

⁷⁷ *Ibid.*

Уход сионистского левого крыла

Деполитизированное понимание Пересом Ословского мирного процесса и его неприятие предложенного в нем палестинского варианта стали очевидны в тот момент, когда ему пришлось взять на себя руководство государством. В период между убийством премьер-министра и министра обороны Ицхака Рабина 4 ноября 1995 года и исключением из партии «Лейбористская партия» в конце мая 1996 года стало ясно, насколько сионистские левые под руководством Переса действительно представляли собой альтернативу в палестинском вопросе.

В октябре 1995 года, по случаю подписания соглашений Осло II, министр иностранных дел Перес дал свою оценку ситуации перед *Кнессет*: «Постоянное решение не приведет к созданию палестинского государства, а будет основано на новых идеях». Он задает риторический вопрос:

Означает ли автономия [как это предусмотрено в Осло II] создание палестинского государства? Не обязательно. Она может служить образцом для многих вещей – для регулирования, демилитаризованных и даже свободных от господства территорий. Я считаю, что постоянное регулирование будет основано не на существующем фундаменте [Осло II], а на ряде совершенно новых идей.⁷⁵

Даже сейчас, выступая перед израильским парламентом, министр иностранных дел не счел нужным подробно рассказывать о содержании своих «новых идей». Он также не сказал, какой правовой статус планирует придать палестинской автономии или освобожденным палестинским территориям. Вместо этого он переключил внимание на свою истинную цель: «Без Осло II Израиль оказался бы в опасности стать двунациональным государством, которое даже не предполагало бы сосуществования. Израиль не может и не будет государством апартеида».⁷⁶

Подчеркивая военную и экономическую мощь Израиля в этом контексте, *Кнессет* в своей речи Перес заключил, что решение о заключении второго соглашения в Осло было своевременным в тот момент. Он отметил, что израильская армия была единственной между Иорданией и Средиземным морем, и что борьба с терроризмом отвечала интересам не только израильтян, но и палестинцев: «Палестинская автономия прекрасно понимает, что если она не сокрушит террор, то сама будет им пронизана».⁷⁷

Здесь Перес очень четко выражает свое ориентированное на безопасность понимание Ословского процесса. С одной стороны, будущее палестинской автономии остается неопределенным, и о нем ничего не говорится. С другой стороны, поставлена четкая задача.

⁷⁵ Давар 124 октября 1995 года. 76

Там же.

⁷⁷ Там же.

to the Palestinian Authority already in advance, namely to fight the Palestinian terrorism directed against Israel so that it may not itself be destroyed by it.

Shortly after Peres took office as acting Prime Minister in November 1995, he declared which points he wanted to give weight to in the peace process.⁷⁸ In the beginning, Peres assumed Rabin's former double position as head of state and minister of defense. But instead of giving the Foreign Ministry to his Vice Foreign Minister Yossi Beilin, the man so strongly committed to the work on Israeli-Palestinian relations, he conferred it to the former Chief of General Staff Ehud Barak, a man who had taken a critical stance towards the Oslo Peace Process in his position as army commander.

Soon Peres announced his plan: a regional peace between Israel and the entire Arab world. For this reason he wanted to turn to Syria in the next months, since "it is not pressing for now with the Palestinians." The approaching elections also played a role in this change: "Another peace ceremony in Washington [like the one on September 13, 1993] – so it is assumed – would make the election campaign superfluous."⁷⁹ Assuming that by turning to the Syrian-Israeli scene Peres pursued the goal of bringing his New Middle East closer, he was not successful. The Syrian-Israeli negotiations in Maryland (USA) in January 1996 soon hit a dead end. On this front, too, the territorial question remained the main obstacle.

That Peres did not actually wish to achieve peace in the Israeli-Palestinian conflict by making more territorial concessions is also suggested by his attempt shortly after the assassination of Rabin, i.e., before the implementation of Oslo II, to include no other than the national-religious party *Mafdal* into his coalition. Due to its adherence to the ideology of the "promised land," *Mafdal* took a very hostile stance towards the Oslo Peace Process.

What was Peres' motivation for such a "rightward shift"? Grinberg attributes it to the fact that Peres construed the murder of Rabin as well as the peace process itself as a danger to the "unity of Israeli-Jewish society." He promised the leaders of *Mafdal* to not vacate any settlements, but nevertheless failed to win it for his coalition. From then on, up until he was voted out by a narrow margin in the end of May 1996, his actions were determined by the struggle to appease the opponents of Oslo by dissolving the already vague political differences between the proponents and critics of the peace process. Thus, the political debate was shifted from the reconciliation process with the Palestinians to the question of "national unity" and the risk of a "disintegration of Jewish-Israeli society."

⁷⁸ *Haaretz*, November 8, 1995.

⁷⁹ "The Leader of the New Middle East," *Haaretz*, December 5, 1995.

Палестинской автономии заранее, а именно для борьбы с палестинским терроризмом, направленным против Израиля, чтобы и она сама не была уничтожена им.

Вскоре после того, как Перес занял пост исполняющего обязанности премьер-министра в ноябре 1995 года, он заявил, каким пунктам он хочет придать большее значение в мирном процессе.⁷⁸ Вначале Перес занял прежнюю двойную должность Рабина — главы государства и министра обороны. Но вместо того, чтобы передать пост министра иностранных дел своему заместителю министра иностранных дел Йосси Бейлину, человеку, столь преданному работе над израильско-палестинскими отношениями, он передал его бывшему начальнику Генерального штаба Эхуду Бараку, человеку, который, будучи командующим армией, занимал критическую позицию по отношению к мирному процессу в Осло.

Вскоре Перес объявил о своем плане: региональный мир между Израилем и всем арабским миром. По этой причине он хотел в ближайшие месяцы обратиться к Сирии, поскольку «сейчас это не имеет большого значения для палестинцев». Приближающиеся выборы также сыграли роль в этих изменениях: «Еще одна мирная церемония в Вашингтоне [подобная той, что состоялась 13 сентября 1993 года] – как предполагается – сделала бы избирательную кампанию излишней».⁷⁹ Предполагая, что, обратившись к сирийско-израильскому вопросу, Перес преследует цель сближения своего «Нового Ближнего Востока», он не добился успеха. Сирийско-израильские переговоры в Мэриленде (США) в январе 1996 года вскоре зашли в тупик. И на этом фронте территориальный вопрос оставался главным препятствием.

О том, что Перес на самом деле не желал достичь мира в израильско-палестинском конфликте путем дальнейших территориальных уступок, свидетельствует также его попытка вскоре после убийства Рабина, то есть до реализации соглашений Осло II, включить в процесс не кого иного, как национально-религиозную партию. *Мафдал* в его коалицию. Благодаря своей приверженности идеологии «земли обетованной», *Мафдал* занял крайне враждебную позицию по отношению к мирному процессу в Осло.

Какова была мотивация Переса для такого «сдвига вправо»? Гринберг объясняет это тем, что Перес истолковал убийство Рабина, а также сам мирный процесс, как угрозу «единству израильско-еврейского общества». Он пообещал лидерам *Мафдал* Ему не удалось освободить ни одно поселение, но тем не менее он не смог обеспечить победу своей коалиции. С тех пор, вплоть до его смещения с небольшим перевесом голосов в конце мая 1996 года, его действия определялись борьбой за умиротворение противников Осло путем урегулирования и без того неясных политических разногласий между сторонниками и критиками мирного процесса. Таким образом, политическая дискуссия сместилась с процесса примирения с палестинцами на вопрос «национального единства» и риск «распада еврейско-израильского общества».

⁷⁸ *Хаарец* 8 ноября 1995 года.

⁷⁹ «Лидер нового Ближнего Востока». *Хаарец* 5 декабря 1995 года.

Peres' overtures to *Mafdal* so shortly after Rabin's murder lead the Israeli publicist Jacob Jona to ironically label this closing of ranks a "hysteric alliance" – by which he alludes to the party-political so-called "historic alliance" between *Mapai* and *Mafdal* in the first three decades of Israeli policy. In this context, Jona criticized Peres' lack of collegiality towards his "natural political allies" for peace, such as the Zionist Left party *Meretz*, Reform Judaism and the Israeli Palestinians.⁸⁰ Whether Peres really saw these avowed supporters of the peace process as his "natural allies," and whether he sought the coalition with the national-religious camp out of "hysteria" and not due to an ideological closeness (possibly in order to have an alibi to back down should it look like territorial compromises were looming in the peace talks) can be deduced from his policy.

In December 1995, Peres withdrew Israeli troops from Palestinian cities in the West Bank, as stipulated in the Oslo II Accord. Regions A and B, comprising the twenty-seven percent of fragmented territorial dominions in the West Bank, were transferred to the Palestinian authority, while Region C (seventy-three percent) remained under Israeli dominance. The Jewish settlements remained in place with the consent of the PA, and the Islamic resistance was neutralized by Arafat, who even convinced its representatives in the Palestinian territories to accept the Oslo Accords. As for Peres, he got moderate representatives of the Jewish settlers to consent to Oslo II, promising to upgrade their bypass road network and expand existing settlements in return.

Thus, Oslo II was mostly realized by December 1995. In January 1996, Peres admitted elections for the presidency and the Palestinian Counsel in the Palestinian territories, which, although provided in Oslo I Accord, had been repeatedly postponed. Thereby another important precondition for entering into the last phase of the negotiations that was to bring about a permanent solution was met.

Peres also remained true to his concept of "soft borders" with regard to the question of a boundary wall, and stopped the construction project that was already underway.⁸¹ The idea of building a boundary wall had come up in reaction to a deadly attack by the Islamic Jihad on Israeli soldiers within the "Green Line" in January 1995. The pressure from the Israeli public to actually realize the separation of both peoples, as it is aspired to in the Oslo Peace Process, was mounting. In addition to the lockdown policy being pursued in the occupied territories, the Rabin government was also considering the construction of a boundary wall with the objective of increasing the consciousness for the borders that had been fading since 1967. Despite considerable resistance from the settler leadership,

⁸⁰ Jona, Jacob, "The Hysteric Alliance," *Maariv*, December 11, 1995.

⁸¹ *Davar* I, November 26, 1995.

предложения Переса *Мафдал* Вскоре после убийства Рабина израильский публицист Якоб Йона иронично назвал это сплочение «истерическим союзом». – посредством чего он намекает на так называемый партийно-политический «исторический союз» между *Мапаим* *Мафдал* в первые три десятилетия израильской политики. В этом контексте Йона критиковал отсутствие коллегиальности у Переса по отношению к его «естественным политическим союзникам» в деле мира, таким как сионистская левая партия. *Мерец* Реформистский иудаизм и израильские палестинцы.⁸⁰ Действительно ли Перес считал этих ярких сторонников мирного процесса своими «естественными союзниками» и стремился ли он к коалиции с национально-религиозным лагерем из «истерии», а не из-за идеологической близости (возможно, чтобы иметь алиби на случай, если на мирных переговорах возникнут опасения по поводу территориальных компромиссов), можно понять из его политики.

В декабре 1995 года Перес вывел израильские войска из палестинских городов на Западном берегу, как это было предусмотрено в Ословских соглашениях II. Регионы А и В, составляющие 27% раздробленных территориальных владений на Западном берегу, были переданы Палестинской автономии, в то время как регион С (73%) остался под израильским контролем. Еврейские поселения остались на своих местах с согласия Палестинской автономии, а исламское сопротивление было нейтрализовано Арафатом, который даже убедил своих представителей на палестинских территориях принять Ословские соглашения. Что касается Переса, он добился согласия умеренных представителей еврейских поселенцев на Ословские соглашения II, пообещав взамен модернизировать их сеть объездных дорог и расширить существующие поселения.

Таким образом, Ословские соглашения II были в основном реализованы к декабрю 1995 года. В январе 1996 года Перес допустил проведение выборов президента и Палестинского совета на палестинских территориях, которые, хотя и были предусмотрены в Ословских соглашениях I, неоднократно откладывались. Тем самым было выполнено еще одно важное условие для вступления в заключительную фазу переговоров, которая должна была привести к окончательному решению.

Перес также остался верен своей концепции «мягких границ» в отношении вопроса о пограничной стене и остановил уже начавшийся строительный проект.⁸¹ Идея строительства пограничной стены возникла в ответ на смертоносное нападение «Исламского джихада» на израильских солдат в пределах «зеленой линии» в январе 1995 года. Давление со стороны израильской общественности с целью фактического разделения двух народов, как это предусмотрено в Ословском мирном процессе, нарастало. В дополнение к политике изоляции, проводимой на оккупированных территориях, правительство Рабина также рассматривало строительство пограничной стены с целью повышения осведомленности о границах, которая начала стираться с 1967 года. Несмотря на значительное сопротивление со стороны руководства поселенцев,

⁸⁰Джона, Якоб, «Истерический альянс», *Маарив* 11 декабря 1995 года. **81** *Давар* Я, 26 ноября 1995 года.

Rabin increasingly endorsed the re-erection of the borders, even if they should not correspond to the borders of 1967.⁸²

However, there was a difference of opinion between Israel's business elites, who were adverse to any separation of the two economic areas (a position that is reflected in Peres' idea of "open economic borders of the New Middle East"), and the "security elites" under Rabin's leadership that gave priority to "defense borders."⁸³ How pronounced the dichotomy really was between these two elites regarding the boundary wall question is debatable, though. For not only is it more than doubtful whether the military leadership really shared Rabin's position as he increasingly promoted the separation solution and whether they really did approve of the withdrawal from the territories, it is also unclear whether the "economic factor" was really all Peres had in mind when he invoked the unity of the country.

After all, as the business elites were anxious to hold on to their dominance over the Palestinian market, military control over the entire country was indispensable if the interests of that business elite were to be upheld.⁸⁴ Accordingly, Peres had to insist on military dominance, even if the economic aspects and interests of the Israeli business elites really were the only thing he was focused on. And this point of view does not really allow for a dividing wall.

According to Grinberg, Rabin had resolved to build a boundary wall along the "Green Line" of 1967 since any other location would have meant breaching the agreement with the PLO. The re-establishment of the borders of 1967 would not only have meant a premature regulation of the border issue, but would have made the question of settlement even more explosive. Thus, a boundary wall would frustrate the intended blurring of the borders, and as such go against Israeli dominance in the Palestinian territories.

The new prime minister surely did not wish to determine the "permanent borders" too early in the game, and he ordered the halting of preparations for the construction of the separation wall as early as November 1995. Peres described in flowery language the "creation of 'industrial parks' in the 'areas around the border lines'," particularly for the purpose "of creating employment opportunities for the Palestinians, which would result in good neighborly relations."⁸⁵

Ultimately, Peres' political decision to not recognize the borders of 1967 was in the interests of both elites that were supposed to stand behind the Oslo Process

⁸² Grinberg 2007: 133–134.

⁸³ Ibid. 135.

⁸⁴ Grinberg 2007A: 38–45.

⁸⁵ *Davar* I, November 26, 1995.

Рабин все больше склонялся к восстановлению границ, даже если они не должны были соответствовать границам 1967 года.⁸²

Однако существовали разногласия между израильской бизнес-элитой, которая выступала против любого разделения двух экономических регионов (позиция, отраженная в идее Переса об «открытых экономических границах нового Ближнего Востока»), и «элитой безопасности» под руководством Рабина, которая отдавала приоритет «оборонительным границам».⁸³ Насколько выраженным было это расхождение во мнениях между двумя элитами по вопросу о пограничной стене, остается спорным. Более чем сомнительно, разделяло ли военное руководство позицию Рабина, который все больше продвигал решение о разделении, и действительно ли оно одобряло вывод войск с территорий, а также неясно, действительно ли «экономический фактор» был единственным, что имел в виду Перес, когда говорил о единстве страны.

В конце концов, поскольку бизнес-элита стремилась сохранить свое господство над палестинским рынком, военный контроль над всей страной был необходим для защиты интересов этой бизнес-элиты.⁸⁴ Соответственно, Перес должен был настаивать на военном господстве, даже если экономические аспекты и интересы израильской бизнес-элиты были единственным, на чем он сосредоточивался. И эта точка зрения на самом деле не допускает возведения разделительной стены.

По словам Гринберга, Рабин принял решение построить пограничную стену вдоль «Зеленой линии» 1967 года, поскольку любое другое местоположение означало бы нарушение соглашения с ООП. Восстановление границ 1967 года означало бы не только преждевременное урегулирование пограничного вопроса, но и сделало бы вопрос о поселениях еще более взрывоопасным. Таким образом, пограничная стена помешала бы запланированному размыванию границ и, следовательно, противоречила бы израильскому господству на палестинских территориях.

Новый премьер-министр, безусловно, не хотел определять «постоянные границы» слишком рано, и уже в ноябре 1995 года он распорядился остановить подготовку к строительству разделительной стены. Перес витиеватыми словами описал «создание „промышленных парков“ в „районах вдоль линии границы“», в частности, с целью «создания рабочих мест для палестинцев, что привело бы к добрососедским отношениям».⁸⁵

В конечном счете, политическое решение Переса не признавать границы 1967 года было в интересах обеих элит, которые должны были поддерживать Ословский процесс.

⁸²Гринберг 2007: 133–134. **83**

Там же, 135.

⁸⁴Гринберг 2007А: 38–45. **85**

Давар 126 ноября 1995 года.

in 1993. The business elites were eager for the closure of the borders between the Palestinian autonomy and Egypt and Jordan in order to avoid the import of cheap goods. This in turn conformed to the goals of the military leadership that saw the control over the Palestinians and the isolation of their territories from all sides as a security-political priority in facilitating the fight against Palestinian terrorism.⁸⁶

This overlaps with the interests of the settler movement that had traditionally been supported by Peres. And with the political level under the leadership of Peres likewise rejecting a Palestinian state in the West Bank, the Palestinian Option did not really stand a chance. Already in the turbulent days after Rabin's assassination, Peres offered the following comment:

I have always said that peace with Jordan would arrive – and that is indeed the case. I have always said 'Gaza First' – and that, too, has come to pass. Also, I have always said, a 'functional confederation solution' should be realized in the West Bank. You have to believe me that this will ultimately happen as well.⁸⁷

In any case, in his short time in office as the head of government Peres took several measures to push through his solution concept for the West Bank, even if neither "industrial parks" were created in the process, nor could there be any talk of "good neighborly relations." By the end of 1995, the political reality increasingly started to resemble the well known "old security order" – and that despite the implementation of Oslo II.⁸⁸

The acting prime minister quickly took a "security-political position" and made two central military decisions that would soon dominate the less than peaceful atmosphere in the country in the first half of 1996. In January 1996, Peres ordered the killing of the Palestinian terrorist Yahya Ayyash, triggering a wave of terror that swept over Israel in the months of February and March. Then, in April 1996, the Prime Minister and Minister of Defense authorized a military operation in Lebanon.

Grinberg interprets Peres' war policy as a failed attempt to imitate the ultimate "man of security," former General Rabin, who had forced through a similar operation in Lebanon in the summer of 1993, and under whose power of command the leader of the Islamic Jihad was liquidated in October 1995, shortly before Rabin himself was assassinated. In how far Peres actually stood behind this strategy of distinguishing himself as a "man of security" with a view to the approaching

⁸⁶ Grinberg 2007: 139.

⁸⁷ Galili, Orit, "Beilin in Search for Bonds, Peres Walking Backwards – Words One Cannot Say Before the Elections," *Haaretz*, November 29, 1995.

⁸⁸ Grinberg 2007: 161–162.

В 1993 году бизнес-элита стремилась к закрытию границ между палестинской автономией и Египтом и Иорданией, чтобы избежать импорта дешевых товаров. Это, в свою очередь, соответствовало целям военного руководства, которое рассматривало контроль над палестинцами и изоляцию их территорий со всех сторон как приоритет в сфере безопасности и политики, способствующий борьбе с палестинским терроризмом.⁸⁶

Это совпадает с интересами поселенческого движения, которое традиционно поддерживал Перес. А поскольку политический уровень под руководством Переса также отвергал создание палестинского государства на Западном берегу, палестинский вариант практически не имел шансов на успех. Уже в бурные дни после убийства Рабина Перес высказал следующее замечание:

Я всегда говорил, что мир с Иорданией наступит – и это действительно так. Я всегда говорил: «Газа прежде всего» – и это тоже сбылось. Кроме того, я всегда говорил, что на Западном берегу должно быть реализовано «функциональное конфедеративное решение». Можете мне поверить, что в конечном итоге это тоже произойдет.⁸⁷

В любом случае, за короткое время пребывания Перес на посту главы правительства предпринял ряд мер для продвижения своей концепции решения проблемы Западного берега, хотя при этом не были созданы ни «промышленные парки», ни даже заговоры о «добрососедских отношениях» стали невозможны. К концу 1995 года политическая реальность все больше стала напоминать хорошо известный «старый порядок безопасности» – и это несмотря на выполнение соглашений Осло II.⁸⁸

Исполняющий обязанности премьер-министра быстро занял «политическую позицию в сфере безопасности» и принял два ключевых военных решения, которые вскоре стали доминировать в беспокойной атмосфере страны в первой половине 1996 года. В январе 1996 года Перес отдал приказ об убийстве палестинского террориста Яхьи Айяша, что вызвало волну террора, прокатившуюся по Израилу в феврале и марте. Затем, в апреле 1996 года, премьер-министр и министр обороны санкционировали военную операцию в Ливане.

Гринберг интерпретирует военную политику Переса как неудачную попытку подражать образу «человека безопасности» — бывшего генерала Рабина, который летом 1993 года провел аналогичную операцию в Ливане, и под чьим командованием в октябре 1995 года был ликвидирован лидер «Исламского джихада», незадолго до убийства самого Рабина. Насколько Перес действительно придерживался этой стратегии, изображая себя «человеком безопасности» в преддверии надвигающейся войны.

⁸⁶Гринберг 2007: 139.

⁸⁷Галили, Орит, «Бейлин в поисках облигаций, Перес идет назад – слова, которые нельзя произносить перед выборами», *Хаарец* 29 ноября 1995 года. ⁸⁸Гринберг 2007: 161–162.

elections, and whether he possibly agreed to it under the influence of bad advisers, it is hard to say.

However, the fight against terrorism by means of targeted killings and military operations is no exception in Israel's security policy, and is instrumentalized also for the purposes of electoral campaign. What is striking here is that the leader of the peace camp did not want to pin his re-election on the continuation of the peace process, but rather on his military stance. These two security-political decisions – which ultimately led to an electoral defeat – are the flipside of the depoliticization of the peace process.

In his election campaign, Peres focused on covering up the political debate between the peace camp and the Oslo opponents while quietly discontinuing the Israeli-Palestinian talks. He led a depoliticized electoral campaign in which neither the Israeli-Palestinian relations nor the political assassination of Rabin that was directly related to it were addressed.⁸⁹ Confident about his re-election, Peres even chose to see the electoral campaign itself as a depoliticized matter. Not only did he avoid discussing the position of the Labor Party concerning peace, he also pursued his “strategy of ignoring” in a televised debate with his challenger Benjamin Netanyahu (1949–) on the eve of the election. He simply dodged political confrontation.⁹⁰

Peres' tactics included a decisive political move in the peace process. He refused to begin negotiations with the Palestinians about a permanent solution before the election. At this point in time, Peres could not take up the agreement in principle for a permanent solution that had been secretly negotiated by Yossi Beilin and the Palestinian representative Mahmud Abbas (1935–) in Stockholm, let alone make it the basis of his peace policy.

In a nutshell, the Beilin/Abu-Masen Paper provided for a demilitarized Palestinian state that was supposed to comprise ninety-four percent of the West Bank, wherein the remaining six percent (seventy-five percent of which were Jewish settlements) were to be compensated for by a region in southern Gaza. The Muslim holy sites in East Jerusalem would get an extraterritorial status, and the Palestinian capital would have been allowed outside the city limits of Jerusalem as determined by Israel. According to Shlaim, this paper, called the “coup of the century” by the Palestinian negotiating partner Hussein Agha, was rejected because “Peres could not be persuaded to endorse the plan, for three main reasons: he wanted

⁸⁹ Peres' closest advisor Uri Savir even stresses that the discussion of the differences with the Palestinians regarding the pending permanent solution involve the danger of the Labor Party not being re-elected. This is why the talks were shifted to Syria. Cf. Galili 1995.

⁹⁰ Bar-Zohar 2006: 666.

Трудно сказать, соглашался ли он на это под влиянием плохих советников.

Однако борьба с терроризмом посредством целенаправленных убийств и военных операций не является исключением в политике безопасности Израиля и используется также в целях предвыборной кампании. Примечательно, что лидер мирного лагеря не хотел обосновывать свое переизбрание продолжением мирного процесса, а скорее своей военной позицией. Эти два решения в сфере безопасности и политики, которые в конечном итоге привели к поражению на выборах, являются обратной стороной деполитизации мирного процесса.

В своей избирательной кампании Перес сосредоточился на замалчивании политических дебатов между сторонниками мира и противниками Осло, одновременно тихо прекратив израильско-палестинские переговоры. Он провел деполитизированную избирательную кампанию, в которой не затрагивались ни израильско-палестинские отношения, ни политическое убийство Рабина, непосредственно связанное с ними.⁸⁹ Уверенный в своем переизбрании, Перес даже решил рассматривать саму избирательную кампанию как деполитизированный вопрос. Он не только избегал обсуждения позиции Лейбористской партии по вопросу мира, но и продолжал свою «стратегию игнорирования» в телевизионных дебатах со своим соперником Биньямином Нетаньяху (1949–) накануне выборов. Он просто уклонялся от политической конфронтации.⁹⁰

Тактика Переса включала в себя решающий политический ход в мирном процессе. Он отказался начинать переговоры с палестинцами о постоянном урегулировании до выборов. На тот момент Перес не мог принять всерьез соглашение о постоянном урегулировании, которое было тайно согласовано Йосси Бейлином и палестинским представителем Махмудом Аббасом (1935–) в Стокгольме, не говоря уже о том, чтобы сделать его основой своей мирной политики.

Вкратце, документ Бейлина/Абу-Масена предусматривал создание демилитаризованного палестинского государства, которое должно было занимать девяносто четыре процента территории Западного берега, а оставшиеся шесть процентов (семьдесят пять процентов из которых составляли еврейские поселения) должны были быть компенсированы регионом на юге Газы. Мусульманские святыни в Восточном Иерусалиме получили бы экстерриториальный статус, а палестинская столица должна была бы располагаться за пределами городских границ Иерусалима, определенных Израилем. По словам Шлаима, этот документ, названный палестинским партнером по переговорам Хусейном Агйи «переворотом века», был отклонен, потому что «Переса не удалось убедить одобрить план по трем основным причинам: он хотел

⁸⁹Ближайший советник Переса, Ури Савир, даже подчеркивает, что обсуждение разногласий с палестинцами по поводу готовящегося окончательного решения сопряжено с опасностью того, что Лейбористская партия не будет переизбрана. Именно поэтому переговоры были перенесены в Сирию. См. Галили, 1995.

⁹⁰Бар-Зохар 2006: 666.

future relations between Palestine and Jordan spelled out, he regarded the ideas on Jerusalem as inadequate, and he wanted to retain the Jordan Valley as Israel's strategic border.”⁹¹

Conclusion: Israel's Founding Myths and the Question of Palestine

For the first time in the history of the Israeli-Palestinian conflict, the peace process of the 1990s opened up a time window that could have led to a political settlement of the Palestine question. The domestic-political development that took place in Israel in 1992, i.e., the changeover of power in Jerusalem and the formation of a government willing to negotiate peace, was one of the reasons for this historic moment. Without the readiness of political Israel to face up to the question of Palestinians and of Palestine, the breakthrough of 1993 would not have been possible.

The electoral defeat of the Labor Party in 1996 is generally seen as a harsh setback for the peace process between Israel and the Palestinians. It was hoped that as a main instigator for the breakthrough that had been achieved in Oslo, the candidate of the Labor Party and thus of the Zionist Left was a “man of peace” – in contrast to his challenger, *Likud* leader Benjamin Netanyahu. Hence, Peres was also seen as the man who could have brought to a close what had already been started, namely a solution entailing the creation of two states.

Accordingly, Oslo advocates regretted the narrow poll defeat. Whereas Oslo opponents saw the duo of Peres and Beilin as the chief culprits for the so-called “Oslo catastrophe,” above all because it carried the possibility that a resolution might take the form of the country being divided between the two peoples. Given the extremely unstable security situation on the eve of the election, great hopes were set on the Nobel Peace Prize laureate that he might steer the ship safely to shore.

Yet as a diehard security politician and figure who is representative of Israel's conflict-laden political order, Peres was simply not the right man. It would turn out that Peres advanced the peace process only very hesitantly at a time when the conditions for completing it were most favorable. In the end, he even chose to quietly discontinue it. As of November 1995, “the man of peace” found himself in a unique situation: After Rabin's assassination, Peres held an unparalleled amount of power and authority within a broad range of political and social circles

⁹¹ Shlaim 2000: 555–556.

Он изложил свои планы относительно будущих отношений между Палестиной и Иорданией, посчитал идеи об Иерусалиме недостаточными и хотел сохранить Иорданскую долину в качестве стратегической границы Израиля.⁹¹

Заклучение: Основополагающие мифы Израиля и палестинский вопрос.

Впервые в истории израильско-палестинского конфликта мирный процесс 1990-х годов открыл временную рамку, которая могла бы привести к политическому урегулированию палестинского вопроса. Внутриполитические события, произошедшие в Израиле в 1992 году, а именно смена власти в Иерусалиме и формирование правительства, готового к мирным переговорам, стали одной из причин этого исторического момента. Без готовности политического Израиля к решению палестинского и палестинского вопросов прорыв 1993 года был бы невозможен.

Поражение Лейбористской партии на выборах 1996 года обычно рассматривается как серьезный удар по мирному процессу между Израилем и палестинцами. Выражалась надежда, что кандидат от Лейбористской партии, а следовательно, и от сионистских левых, как главный инициатор прорыва, достигнутого в Осло, будет «человеком мира» – в отличие от своего соперника. *Ликуд* лидер Биньямин Нетаньяху. Поэтому Перес также рассматривался как человек, который мог бы положить конец уже начатому, а именно решению, предполагающему создание двух государств.

Таким образом, сторонники Осло сожалели о незначительном поражении на выборах. В то время как противники Осло видели в дуэте Переса и Бейлина главных виновников так называемой «катастрофы Осло», прежде всего потому, что она несла в себе возможность того, что решение может принять форму разделения страны между двумя народами. Учитывая крайне нестабильную ситуацию с безопасностью накануне выборов, большие надежды были возложены на лауреата Нобелевской премии мира, что он сможет благополучно привести страну к берегу.

Однако, будучи убежденным политиком в сфере безопасности и представителем конфликтного политического порядка Израиля, Перес просто не был подходящим человеком. Оказалось, что Перес продвигал мирный процесс лишь с большой неохотой в то время, когда условия для его завершения были наиболее благоприятными. В конце концов, он даже решил тихо его прекратить. По состоянию на ноябрь 1995 года «человек мира» оказался в уникальной ситуации: после убийства Рабина Перес обладал беспрецедентной властью и авторитетом в широком кругу политических и социальных кругов.

91Шлаим 2000: 555–556.

due to his influential double function as prime minister and minister of defense, and also because of his position as “tribal elder.”

After Rabin’s death he could have mobilized the Israeli public for the peace process. The Zionist Left as well as the so-called “broad center” would have doubtless supported him. At that point, the right-wing opposition had been highly weakened as the public held it responsible for the outrageous deed of one Jew killing another. The preconditions for making headway in the peace process were therefore extremely advantageous, and that not only with regard to the domestic-political situation. For with the PLO there was a dialogue partner who was recognized by Israel, the United Nations, as well as the Palestinians themselves, and in cooperation with whom a lot had already been achieved by the end of 1995. Not only had an interim agreement been reached and partially implemented, but also a “permanent solution” had already been formulated. The Beilin/Abu-Masen document, which was based on a division solution, had been negotiated shortly before Rabin’s assassination and would have been welcomed by the Palestinian leadership.

The factor of age is of no small importance here either. In 1996, Peres was in his mid-eighties. Had he really wanted the two-state concept he should have seized this chance. “There are such unique fate-changing moments in history,” noted Israeli publicist and peace activist Uri Avneri (1923–) in late November 1995 with regard to the political situation of the acting prime minister, “when all becomes possible that cannot be realized either shortly before or shortly after. [...] The greatness of a historic leader is in recognizing such moments and seizing the opportunity.”⁹²

Yet Peres did not seize the opportunity to complete the peace process with the Palestinians by political means, because even in the mid-1990s the prominent statesman did not see the two-state concept as a viable solution in the interests of Zionist Israel. A peace with the Palestinians that was based on officially giving up any Israeli claims to parts of *Eretz Israel* would also mean bringing up the question of Palestine not only *politically*, but also *ideologically*, just like in the time before the founding of the state. But for the Zionist Leftist Peres and for Zionist Israel, *Eretz Israel* is not up for political debate. As the “land of the forefathers” it remains the “promised land,” the country of the Jewish people. This is the foundation of Zionism as it is being realized in Israel.

And it is just this realization of the Zionist project in *Eretz Israel* that Peres has been fighting for throughout his entire political career. It is what he regards as his life’s work: immigration, settlement and security as the first principles of

⁹² Avneri 1995.

благодаря его влиятельной двойной роли премьер-министра и министра обороны, а также благодаря его положению «племенного старейшины».

После смерти Рабина он мог бы мобилизовать израильскую общественность на мирный процесс. Сионистские левые, а также так называемый «широкий центр», несомненно, поддержали бы его. К тому моменту правая оппозиция была сильно ослаблена, поскольку общественность возлагала на неё ответственность за чудовищное убийство еврея. Таким образом, предпосылки для продвижения мирного процесса были чрезвычайно выгодными, и не только в отношении внутрисполитической ситуации. Ведь в лице ООП появился партнёр по диалогу, признанный Израилем, Организацией Объединённых Наций, а также самими палестинцами, и в сотрудничестве с которым к концу 1995 года уже многое было достигнуто. Было не только достигнуто и частично реализовано временное соглашение, но и сформулировано «постоянное решение». Документ Бейлина/Абу-Масена, основанный на решении о разделении, был согласован незадолго до убийства Рабина и был бы одобрен палестинским руководством.

Возраст здесь тоже играет немаловажную роль. В 1996 году Пересу было за восемьдесят. Если бы он действительно хотел реализовать концепцию двух государств, ему следовало бы воспользоваться этим шансом. «В истории бывают такие уникальные, судьбоносные моменты, — отметил израильский публицист и борец за мир Ури Авнери (1923–) в конце ноября 1995 года, говоря о политической ситуации исполняющего обязанности премьер-министра, — когда становится возможным всё то, что не могло быть реализовано ни незадолго до этого, ни вскоре после. [...] Величие исторического лидера заключается в умении распознавать такие моменты и использовать предоставленную возможность».⁹²

Однако Перес не воспользовался возможностью завершить мирный процесс с палестинцами политическими средствами, поскольку даже в середине 1990-х годов этот видный государственный деятель не считал концепцию двух государств жизнеспособным решением в интересах сионистского Израиля. Мир с палестинцами, основанный на официальном отказе Израиля от любых претензий на части территории Палестины, был бы невозможен. *Эрец Израиль* это также означало бы поднятие вопроса о Палестине не только политически, но и идеологически, точно так же, как и во времена до основания государства. Но для сионистского левого Переса и для сионистского Израиля... *Эрец Израиль* это не предмет политических дебатов. Будучи «землей отцов-основателей», она остается «землей обетованной», страной еврейского народа. В этом заключается основа сионизма в том виде, в котором он реализуется в Израиле.

Именно эта реализация сионистского проекта в *Эрец Израиль* За это Перес боролся на протяжении всей своей политической карьеры. Он считает это делом всей своей жизни: иммиграция, расселение и безопасность как основополагающие принципы.

⁹²Авнери 1995.

Israeli policy. But since the land was and ultimately still is settled by another collective, a conflict-laden political discourse emerged as the dominant mode over the course of the years; a discourse that was not oriented towards peace, but toward security.

A statement made by Peres in the days shortly before the onset of the Second Intifada is revealing in this regard: "For me, crossing over from the domain of defense to the domain of peace was like leaving the real world in exchange for an unreal one."⁹³ Even for a supposed proponent of peace and bearer of hope, peace is hard to imagine. He, too, thinks of the historically grown political order as absolutely essential.

The bottom line is that the political order of Zionist Israel is based on two founding myths: the myth of *Eretz Israel* as the land of the Jewish people and on the safety myth. These two lines of thought form the core of the Palestine question, and therefore epitomize the key issues of the historically grown Middle East conflict. Both myths stand in the way of a political resolution of the conflict with the "Arabs of *Eretz Israel*." After all, Israel's insistence on the myth according to which *Eretz Israel* is the land of the Jewish people also means that it cannot acknowledge the self-determination rights of the Palestinians living in this territory.

For this reason, Israel cannot allow the formation of a Palestinian state in any part of the country. The alternative of naturalizing all Palestinians would equally force Israel to revise its *raison d'état* as a predominantly Jewish state for the Jewish people in *Eretz Israel*. Since Zionist Israel neither can/wants to split the land nor sees a bi-national state as a real option, the status quo of the Palestinians remains that of an "out-group," in effect that of the displaced enemies of Zionist Israel.

Not only the Palestinians are considered to be the enemies in Israel's political culture, however. The neighboring Arab states are as well. Already in 1948 they intervened in the conflict over Palestine and have been involved in several conflicts with the Jewish state since. From the Israeli perspective, the strife over *Eretz Israel* is very closely linked to the conflict in the Middle East region. This extremely sensitive question of the nation state is associated with the civilian militarization of society that has occurred over the course of history, and thus ultimately with the establishment of the second myth.

The safety myth is based on a perception that has sprung up from the history of Jewish suffering and assumes that the hostile relations between Jews and *Goyim* can never be fully resolved. This is accompanied by the notion that an invincible

⁹³ Peres 1999: 61.

Израильская политика. Но поскольку эта земля была и в конечном итоге остается заселена другим коллективом, на протяжении многих лет доминирующим стал конфликтный политический дискурс; дискурс, ориентированный не на мир, а на безопасность.

В этом отношении показательно заявление Переса, сделанное им незадолго до начала Второй интифады: «Для меня переход из сферы обороны в сферу мира был подобен уходу из реального мира в нереальный».⁹³ Даже для предполагаемого сторонника мира и носителя надежды мир трудно представить. Он тоже считает исторически сложившийся политический порядок абсолютно необходимым.

В конечном итоге, политический порядок сионистского Израиля основан на двух основополагающих мифах: мифе о *Эрец Израиль* Идеи о том, что Палестина — это земля еврейского народа, и миф о безопасности. Эти две линии рассуждений составляют ядро палестинского вопроса и, следовательно, олицетворяют ключевые проблемы исторически сложившегося конфликта на Ближнем Востоке. Оба мифа препятствуют политическому урегулированию конфликта с «арабами». *Эрец Израиль* В конце концов, настойчивое следование Израилем мифу, согласно которому... *Эрец Израиль* Тот факт, что это земля еврейского народа, также означает, что она не может признать право на самоопределение палестинцев, проживающих на этой территории.

По этой причине Израиль не может допустить образования палестинского государства ни в одной части страны. Альтернатива в виде натурализации всех палестинцев также вынудила бы Израиль пересмотреть свои *raison d'état* как преимущественно еврейское государство для еврейского народа в *Эрец Израиль* Поскольку сионистский Израиль не может и не хочет разделять землю, а также не рассматривает двунациональное государство как реальный вариант, статус-кво палестинцев остается таковым, фактически, статусом «чужой группы», то есть перемещенных врагов сионистского Израиля.

Однако врагами в политической культуре Израиля считаются не только палестинцы. Соседние арабские государства также являются врагами. Уже в 1948 году они вмешались в конфликт из-за Палестины и с тех пор неоднократно вступали в конфликты с еврейским государством. С израильской точки зрения, борьба за Палестину *Эрец Израиль* Этот вопрос тесно связан с конфликтом на Ближнем Востоке. Крайне деликатный вопрос национального государства ассоциируется с милитаризацией гражданского населения, происходившей на протяжении истории и, следовательно, в конечном итоге, с формированием второго мифа.

Миф о безопасности основан на представлении, возникшем в результате истории страданий евреев, и предполагает, что враждебные отношения между евреями и *Гои* Этот вопрос никогда не может быть полностью решен. Это сопровождается представлением о непобедимом.

⁹³Перес 1999: 61.

military power is absolutely essential, and it is justified time and time again in domestic policy as a means of protecting the Jews against their ever-present foes.

For the Jewish state, “the Arabs” have taken over the function of the “great opponent” at least from 1948 on, which is why military strength could be depicted as the guarantor for the nation state’s existence as early as during the 1950s. So it is that security became the central pillar of Israeli order, a social code of security. And as the country was being shaped by a political security culture, security forces were elevated to become one of the most powerful state elites. This civilian militarization of Israeli society was accompanied by an increasingly prevalent view that it is not so much through negotiations or compromises but rather thanks to favorable power relations that peace would ultimately be brought about. In the eyes of many Israelis, an advantageous balance of power is the prerequisite for the existence of the nation state. After all, it was the Israeli army who conquered the land in two wars (1948 and 1967) and now guarantees the protection of the Jewish state.

Consequently, peace is deemed possible only if the existence of the nation state is ensured. This in turn means that military control over *Eretz Israel* and its “Arabs” must be maintained: The military administration before 1967 as well as the occupation policy afterwards are examples of this attitude. But because of this fixation on security and control stands in the way of reconciliation, a peace ideology has established itself in the course of time alongside the myth of safety.

The peace ideology habitually points to the tension between the “peace-seeking” Israel and its “unruly” Arab environment. It claims that despite Israel’s unreserved wish for reconciliation, “the Arabs” are simply not up to the task of making peace with the Jewish state. Based on this understanding, negotiations seem pointless since there is “no dialogue partner” for peace. This serves to reinforce Israel’s self-image as a peaceful and just state – an extremely important domestic-political source of power for a political order that is based on violence.

Moreover, the peace ideology also serves as a veil in pressing one’s own interests, which are understood as interests connected to the Jewish statehood and therefore as indispensable. The fact that Zionism, which is construed as historically just, has ultimately been accomplished sword-in-hand must be duly blocked out. It is this very contradiction present within the peace ideology – it draws on the peaceful self-image of the Jewish people on the one hand while appealing to a strong enemy image on the other – which has facilitated the continued existence of the conflict-laden order on the domestic front for so many years.

In this order, the peace ideology and the myth of safety are resorted to as crucial codes of the Israeli-Zionist discourse. To the same extent they are the reason for and the expression of the inability to truly deal with the conflict, including its political and historical origins. In other words, a fundamental

Военная мощь абсолютно необходима, и она неоднократно оправдывается во внутренней политике как средство защиты евреев от их постоянно присутствующих врагов.

Для еврейского государства «арабы» взяли на себя функцию «великого противника», по крайней мере, с 1948 года, поэтому военная мощь уже в 1950-х годах могла рассматриваться как гарант существования национального государства. Таким образом, безопасность стала центральной опорой израильского порядка, социальным кодексом безопасности. И по мере того, как страна формировалась в рамках политической культуры безопасности, силы безопасности были возведены в ранг одной из самых влиятельных государственных элит. Эта гражданская милитаризация израильского общества сопровождалась все более распространенным мнением о том, что мир в конечном итоге достигается не столько путем переговоров или компромиссов, сколько благодаря благоприятным властным отношениям. В глазах многих израильтян выгодный баланс сил является предпосылкой существования национального государства. В конце концов, именно израильская армия завоевала землю в двух войнах (1948 и 1967 годы) и теперь гарантирует защиту еврейского государства.

Следовательно, мир считается возможным только при условии существования национального государства. Это, в свою очередь, означает, что военный контроль над *Эрец Израили* его «арабов» необходимо сохранить: примерами такого подхода являются как военная администрация до 1967 года, так и оккупационная политика после него. Но именно эта фиксация на безопасности и контроле препятствует примирению, и со временем наряду с мифом о безопасности утвердилась идеология мира.

Идеология мира обычно указывает на напряженность между «стремящимся к миру» Израилем и его «непокорным» арабским окружением. Она утверждает, что, несмотря на безоговорочное желание Израиля примирения, «арабы» просто не способны заключить мир с еврейским государством. Исходя из этого понимания, переговоры кажутся бессмысленными, поскольку «нет партнера по диалогу» для мира. Это служит укреплению самовосприятия Израиля как мирного и справедливого государства – чрезвычайно важного внутривнутриполитического источника власти для политического порядка, основанного на насилии.

Более того, идеология мира также служит прикрытием для продвижения собственных интересов, которые понимаются как связанные с еврейской государственностью и, следовательно, как необходимые. Тот факт, что сионизм, который считается исторически справедливым, в конечном итоге был осуществлен с применением оружия, должен быть должным образом заблокирован. Именно это противоречие, присутствующее в идеологии мира – с одной стороны, она опирается на мирный образ еврейского народа, а с другой – на сильный образ врага, – способствовало сохранению конфликтного порядка на внутреннем фронте на протяжении стольких лет.

В этом контексте идеология мира и миф о безопасности используются как важнейшие коды израильско-сионистского дискурса. В той же степени они являются причиной и выражением неспособности по-настоящему справиться с конфликтом, включая его политические и исторические истоки. Иными словами, фундаментальная проблема.

obstacle when it comes to facing up to the question of Palestine. Indeed, both the peace ideology and the safety myth lead to a depoliticized understanding of the conflict. It is conceived of as belonging to a sphere that lies beyond any concrete political and historical development, and attributed to a hostility that is aimed at Jews in general.

Arising from the notion that the concrete struggle over *Eretz Israel* is not really about resources (such as the territory), but is rather to be understood within a broader context of the history of the persecution of Jews, what evolved over time is a political culture in which not politics but the military is seen as the party which is ultimately responsible for handling the conflict. This depoliticization of the conflict is the consequence of the two founding myths.

On the one hand, the sacralization of the country made sure that the “Holy Land” was kept off the negotiating table for many years, thus making the “Judaization of the country” possible. On the other hand, the myth of safety served to promote an “ideologization” of security, thus leading to its depoliticization. In this way, security could be retained in an exceptional position as the prime principle – and that despite the fact that Israel’s actual security policy has repeatedly proven to be counterproductive, and at the end of the day is responsible for maneuvering the conflict over Palestine/*Eretz Israel* into the dead end it is currently locked.

Depoliticization of the conflict, however, inevitably leads to the depoliticization of peace. An understanding of the conflict based on inexplicable hostility does not permit reconciliation. A notion of peace that draws on the internalized logic of the peace ideology remains conflict-laden because it assumes that the core of the conflict lies somewhere else than politics. Consequently, it cannot possibly be one’s own policy or the order it is based on that needs to be subjected to negotiation, but rather a motive that lies beyond (one’s own) political actions.

This view has eventually also taken root in the Zionist peace camp. Here, peace turns into a compulsion to get rid of the Palestinian “enemy”; it becomes a means for bringing about a separation from “the others” in order to finally be able to make the desiderated Zionist vision come true. But since the Israeli order (including the two founding myths) remained substantially intact during the peace process of the 1990s, real peace could not prevail. Rather, it had to be “imagined.”

Blocking out one’s own history is the reaction to the many key questions remaining politically unsolvable, even for Israel’s Zionist Left. Lying at the very core of the numerous entanglements of the regional Middle East conflict, Israel’s fought-over state territory and the status of Palestinians in the Jewish state remain the Achilles’ heel of Zionist Israel. In every compromise, in every retreat from what has already been achieved, political Israel fearfully suspects a seed

Препятствием на пути решения палестинского вопроса является то, что как идеология мира, так и миф о безопасности приводят к деполитизированному пониманию конфликта. Он воспринимается как принадлежащий к сфере, находящейся за пределами любого конкретного политического и исторического развития, и приписывается враждебности, направленной против евреев в целом.

Возникая из идеи о том, что конкретная борьба за *Эрец Израиль* Речь идёт не столько о ресурсах (таких как территория), сколько о более широком контексте истории преследования евреев. Со временем сформировалась политическая культура, в которой не политика, а армия рассматривается как сторона, несущая окончательную ответственность за урегулирование конфликта. Эта деполитизация конфликта является следствием двух основополагающих мифов.

С одной стороны, сакрализация страны гарантировала, что «Святая Земля» на долгие годы оставалась вне стола переговоров, что сделало возможной «иудаизацию страны». С другой стороны, миф о безопасности способствовал «идеологизации» безопасности, что привело к её деполитизации. Таким образом, безопасность могла оставаться в исключительной позиции как первостепенный принцип – и это несмотря на то, что реальная политика безопасности Израиля неоднократно оказывалась контрпродуктивной и в конечном итоге ответственна за разжигание конфликта вокруг Палестины. *Эрец Израиль* В тупик, и сейчас он заблокирован.

Однако деполитизация конфликта неизбежно приводит к деполитизации мира. Понимание конфликта, основанное на необъяснимой враждебности, не допускает примирения. Представление о мире, опирающееся на внутреннюю логику идеологии мира, остается конфликтным, поскольку предполагает, что суть конфликта лежит где-то вне политики. Следовательно, предметом переговоров не может быть собственная политика или порядок, на котором она основана, а скорее мотив, лежащий в основе (собственных) политических действий.

Эта точка зрения в конечном итоге укоренилась и в сионистском лагере за мир. Здесь мир превращается в навязчивую идею избавиться от палестинского «врага»; он становится средством для отделения от «других», чтобы, наконец, воплотить в жизнь желаемое сионистское видение. Но поскольку израильский порядок (включая два основополагающих мифа) оставался в значительной степени неизменным в ходе мирного процесса 1990-х годов, настоящий мир не мог восторжествовать. Скорее, его нужно было «вообразить».

Замалчивание собственной истории — это реакция на множество ключевых вопросов, остающихся политически неразрешимыми даже для израильских сионистских левых. В самом центре многочисленных переплетений регионального конфликта на Ближнем Востоке, спорная территория Израиля и статус палестинцев в еврейском государстве остаются ахиллесовой пятой сионистского Израиля. В каждом компромиссе, в каждом отступлении от уже достигнутого, политический Израиль с опаской подозревает зародыш.

that may contain the failure of the entire Zionist project. From its inception, this project has been advanced “at the expense of the Arabs” in either one way or another, no matter how vehemently this fact is repressed and denied. Now any noteworthy concession may prepare the groundwork for the next one, any yielding may be equated to weakness and could be the beginning of the end.

This kind of reasoning results in an existential *angst* and a sense of being isolated. Since the outbreak of the Second Intifada in October 2000 and the escalation of the conflict with the Palestinians that followed, the Jewish state has entered a highly precarious historical phase. After more than half a century of successful policy as seen from the vantage point of the Zionist reason of state, Israelis were faced with the fact that history is no longer on their side. Despite the regional-military hegemony Israel hinges its existence on, and a still considerable amount of support from the West, it has become more and more obvious during the last decade that the political order of Israel cannot be permanent.

The demography in Palestine defies the myth of *Eretz Israel*, and the continuing state of war perceivably demoralizes Israeli civil society, increasingly weakening the domestic political significance of the myth of safety. Military strength cannot resolve the conflict over Palestine. Neither can the use of violence in the name of Jewish statehood provide the desired security, not to mention any sort of normalization or peace. And although international pressure on Israel is growing daily, Israel keeps clinging to its founding myths and conflict-laden order. For the deep-seated insecurity regarding one's own future goes hand in hand with a fear of facing the past. Based on its historical experience, political Israel has developed the strategy of waiting things out, of entrenching itself and fighting, at whatever front it deems necessary. And so the Middle East conflict remains the inescapable price Israel has to pay for Jewish national statehood – or at least that is what she has been conditioned to believe.

Это может означать провал всего сионистского проекта. С самого начала этот проект продвигался «за счет арабов» тем или иным способом, независимо от того, насколько яростно этот факт подавляется и отрицается. Теперь любая заметная уступка может подготовить почву для следующей, любая уступка может быть приравнена к слабости и стать началом конца.

Подобные рассуждения приводят к экзистенциальному выводу. *тревога*и чувство изоляции. С начала Второй интифады в октябре 2000 года и последующей эскалации конфликта с палестинцами еврейское государство вступило в крайне нестабильную историческую фазу. После более чем полувека успешной политики, рассматриваемой с точки зрения сионистского государственного разума, израильяне столкнулись с тем фактом, что история больше не на их стороне. Несмотря на регионально-военную гегемонию, на которой основано существование Израиля, и все еще значительную поддержку со стороны Запада, в течение последнего десятилетия все более очевидным стало то, что политический порядок Израиля не может быть постоянным.

Демографическая ситуация в Палестине опровергает миф о *Эрец-Исраэль*, Продолжающееся состояние войны, очевидно, деморализует израильское гражданское общество, всё больше ослабляя внутривнутриполитическое значение мифа о безопасности. Военная сила не может разрешить конфликт вокруг Палестины. Применение насилия во имя еврейской государственности также не может обеспечить желаемую безопасность, не говоря уже о какой-либо нормализации или мире. И хотя международное давление на Израиль растёт с каждым днём, Израиль продолжает цепляться за свои основополагающие мифы и конфликтный порядок. Глубоко укоренившаяся неуверенность в собственном будущем идёт рука об руку со страхом столкнуться с прошлым. Основываясь на своём историческом опыте, политический Израиль разработал стратегию выживания, укрепления своих позиций и борьбы на любом фронте, который он сочтёт необходимым. И поэтому конфликт на Ближнем Востоке остаётся неизбежной ценой, которую Израиль должен заплатить за еврейскую национальную государственность – или, по крайней мере, так его приучили верить.

Bibliography

- Amar-Dahl, Tamar (2003): *Moshe Sharett: Diplomatie statt Gewalt: Der "andere" Gründungsvater Israels und die arabische Welt*, Munich. (Ger.)
- Amar-Dahl, Tamar (2010): *Shimon Peres: Friedenspolitiker und Nationalist*, Paderborn. (Ger.)
- Amar-Dahl, Tamar (2012): *Das zionistische Israel: Jüdischer Nationalismus und die Geschichte des Nahostkonflikts*, Paderborn. (Ger.)
- Anderson, Benedict (1983): *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, London.
- Arendt, Hannah (1970): "Zionism Reconsidered" (first published in: *The Menorah Journal*, 1945), in: Michael Selzer: *Zionism Reconsidered: The Rejection of Jewish Normalcy*, 213–249, London.
- Arieli, Yehoshua (1965): *Secret Conspiracy*, Tel Aviv. (Hebr.)
- Avineri, Shlomo (1999): *Varieties of Zionist Thought*, Tel Aviv. (Hebr.)
- Avneri, Arye (2004): "He Won't Forgive," *Maariv*, May 24, 2004. (Hebr.)
- Avneri, Uri (1975): "Buried in Cairo," *Haolam Haze*, March 19, 1975. (Hebr.)
- Avneri, Uri (1995): "The Moment of Truth," *Maariv*, November 27, 1995. (Hebr.)
- Azoulay, Ariella and Adi Ophir (2008): *This Regime which is not One: Occupation and Democracy Between the Sea and the River (1967–)*, Israel. (Hebr.)
- Azoulay-Katz, Orly (1986): "Since When has Peres Known of the Affair? Prime Minister: Since November 1985," *Yedioth Ahronoth*, June 6, 1986. (Hebr.)
- Azoulay-Katz, Orly (1996): *Sisyphus' Catch: Shimon Peres – The Man Who Did Not Know How To Win*, Tel Aviv. (Hebr.)
- Bar-Josef, Uri (1997): "Understandable Denial," *Haaretz*, January 16, 1997. (Hebr.)
- Bar-Josef, Uri (2006): "Determent – not only with Violence," *Haaretz*, July 24, 2006. (Hebr.)
- Barnea, Nahum (1984): "When an Evil Arab becomes a Dead Arab: Zorea Commission, What to Do with the Prisoners?," *Koteret Rashit*, May 30, 1984. (Hebr.)
- Bar-On, Mordechai (1992): *The Gates of Gaza: Israel's Defense and Foreign Policy 1955–1957*, Tel Aviv. (Hebr.)
- Baron, Natan (1986): "Calmly, in Secrecy," *Yedioth Ahronoth*, May 30, 1986. (Hebr.)
- Barzilai, Gad (1996): *Wars, Internal Conflicts, and Political Order. A Jewish Democracy in the Middle East*, New York.
- Bar-Zohar, Michael (2006): *Phoenix. Shimon Peres – A Political Biography*, Tel Aviv. (Hebr.)
- Bar-Zohar, Michael (2007): *Shimon Peres – The Biography*, New York.
- Bechor, Guy (1996): *Constitution for Israel*, Jerusalem. (Hebr.)
- Ben-Eliezer, Uri (1994): "'Nation in Arms' and the War: Israel in Its First Years," *Zmanim* 49, Tel Aviv, 50–65. (Hebr.)
- Ben-Eliezer, Uri (1998): *Making of Israeli Militarism*, Bloomington.
- Ben-Eliezer, Uri (1998A): "Is Military Coup Possible in Israel? Israel and French-Algeria in Comparative Historical-Sociological Perspective," *Theory and Society* 27, Netherlands, 311–349.
- Ben-Porat, Isaiah (1986): "Shimon Peres' Dilemma," *Yedioth Ahronoth*, May 30, 1986. (Hebr.)
- Ben-Simon, Daniel (1997): *A New Israel*, Tel Aviv. (Hebr.)
- Benvenisti, Meron (1987): *1987 Report: Demographic, Economic, Legal, Social and Political Development in the West Bank*, Jerusalem.
- Benziman, Uzi (1985): *Sharon: An Israeli Caesar*, Tel Aviv. (Hebr.)

Библиография

- Амар-Даль, Тамар (2003): *Моше Шаретт: Дипломатическая позиция: Der «andere» Gründungsvater Israels und die arabische Welt* Мюнхен (Германия).
- Амар-Даль, Тамар (2010): *Шимон Перес: Фриденсполитикер и националист*, Падерборн. (Немецкий)
- Амар-Даль, Тамар (2012): *Das zionistische Israel: Jüdischer Nationalismus und die Geschichte des Nahostkonflikts* Падерборн. (нем.)
- Андерсон, Бенедикт (1983): *Воображаемые сообщества: размышления о происхождении и распространении Национализма* Лондон.
- Арендт, Ханна (1970): «Переосмысление сионизма» (впервые опубликовано в: *Журнал «Менора»*, 1945), в: Майкл Селзер: *Переосмысление сионизма: Отвержение еврейской нормальности*, 213–249, Лондон.
- Ариэли, Йехошуа (1965): *Тайный заговор*, Тель-Авив. (Евр.) Авинери, Шломо (1999): *Разновидности сионистской мысли* Тель-Авив. (ивр.) Авнери, Арье (2004): «Он не простит», *Маарив*, 24 мая 2004 г. (евр.) Авнери, Ури (1975): «Похоронен в Каире», *Хаолам Хейз*, 19 марта 1975 г. (Евр.) Авнери, Ури (1995): «Момент истины», *Маарив*, 27 ноября 1995 г. (Евр.) Азулай, Ариэлла и Ади Офир (2008): *Этот режим, который не является единым: оккупация и*
Демократия между морем и рекой (1967–Израиль). (ивр.)
- Азулай-Кац, Орли (1986): «С каких пор Перес знал об этом деле? Премьер-министр: С каких пор?» Ноябрь 1985 года. *Йедиот Аронот* 6 июня 1986 г. (ивр.)
- Азулай-Кац, Орли (1996): «Улов Сизифа»: *Сёмон Перес – человек, который не знал, как это сделать. Победить* Тель-Авив. (ивр.)
- Бар-Йозеф, Ури (1997): «Понятное отрицание», *Хаарец* 16 января 1997 г. (ивр.) Бар-Йозеф, Ури (2006), «Решимость – не только с помощью насилия», *Хаарец* 24 июля 2006 г. (ивр.) Барнеа, Нахум (1984): «Когда злой араб становится мертвым арабом: Комиссия Зорея, что делать
«Что делать с заключенными?» *Котерет Раши* 30 мая 1984 г. (на иврите)
- Бар-Он, Мордехай (1992): *Ворота Газы: оборона и внешняя политика Израиля в 1955–1957 годах*, Тель-Авив. (ивр.)
- Барон, Натан (1986): «Спокойно, в тайне», *Йедиот Аронот*, 30 мая 1986. (Евр.) Варзилай, Гад (1996): *Войны, внутренние конфликты и политический порядок. Еврейская демократия в Средний Восток*, Нью-Йорк.
- Бар-Зохар, Майкл (2006): *Феникс. Шимон Перес – Политическая биография.*, Тель-Авив. (Евр.) Бар-Зоар, Михаил (2007): *Шимон Перес – Биография* Нью-Йорк. Бехор, Гай (1996): *Конституция Израиля* Иерусалим. (Ивр.)
- Бен-Элизер, Ури (1994): «„Нация в оружии“ и война: Израиль в первые годы своего существования», *Эманим* 49, Тель-Авив, 50–65. (Ивр.)
- Бен-Элизер, Ури (1998): *Формирование израильского милитаризма* Блумингтон.
- Бен-Элизер, Ури (1998А): «Возможен ли военный переворот в Израиле? Израиль и французская Алжирская область». Сравнительно-историко-социологическая перспектива. *Теория и общество* 27, Нидерланды, 311–349.
- Бен-Порат, Исайя (1986): «Дилемма Шимона Переса», *Йедиот Аронот*, 30 мая 1986 г. (Евр.) Бен-Симон, Даниэль (1997): *Новый Израиль* Тель-Авив. (ивр.)
- Бенвенисти, Мерон (1987): *Отчет за 1987 год: демографические, экономические, правовые, социальные и политические аспекты. Развитие событий на Западном берегу* Иерусалим.
- Бензимиан, Узи (1985): *Шарон: Израильский Цезарь* Тель-Авив. (ивр.)

- Benziman, Uzi and Atallah Mansour (1992): *Subtenants*, Jerusalem. (Hebr.)
- Betelheim, Avi (1986): "The Bad Business of 1986, the Political Level," *Maariv* Special Report – Shin Bet Affair, July 18, 1986, 20–27. (Hebr.)
- Biale, David (1986): *Power and Powerlessness in Jewish History*, New York.
- Black, Ian and Benny Morris (1991): *Israel's Secret Wars: A History of Israel's Intelligence Services*, New York.
- Black, Ian and Benny Morris (1994): *Mossad, Shin Bet, Aman. Die Geschichte der israelischen Geheimdienste*, Heidelberg. (Ger.)
- Brenner, Michael (2002): *Geschichte des Zionismus*, Munich. (Ger.)
- Brenner, Michael (2016): *Israel. Traum und Wirklichkeit des jüdischen Staates – Von Theodor Herzl bis heute*, Munich. (Ger.)
- Brubaker, Rogers (2002): "Nationalistische Mythen und eine post-nationalistische Perspektive," in: *Jüdische Geschichtsschreibung heute: Themen, Positionen, Kontroversen*, ed.: Michael Brenner and David N. Myers, Munich, 217–228. (Ger.)
- Cohen, Avner (2000): *Israel and The Bomb*, Tel Aviv. (Hebr.)
- Cohen, Avner (2005): *The Last Taboo*, Israel. (Hebr.)
- Cohen, Hillel (2006): *Good Arabs. The Israeli Security Services and the Israeli Arabs*, Jerusalem. (Hebr.)
- Cohen, Yoel (1995): *Die Vanunu Affäre. Israels Geheimes Atompotential*, Heidelberg. (Ger.)
- Davis, Uri (2003): *Apartheid Israel, Possibilities for the Struggle Within*, London/New York.
- Dubnow, Simon: (1931/2003): "Diaspora," in: *Jüdische Geschichte lesen, Texte der jüdischen Geschichtsschreibung im 19. und 20. Jahrhundert*, ed.: Michael Brenner, Munich. (Ger.)
- Edmonds, Martin (1999): "Armed Service and Society," Boulder, Westview Press, 70–112.
- Eisenstadt, Shmuel N. (1985): *The Transformation of Israeli Society*, London.
- Eldar, Akiva (1990): "The Secret Negotiations to Release the Cairo Prisoners," *Haaretz*, July 5, 1990.
- Elgazi, Josef (1997): "Michel Binett Would Not Have Executed the Order," *Haaretz*, October 24, 1997.
- Eshed, Chagai (1963/1979): *Who Gave The Order? The Lavon Affair*, Jerusalem. (Hebr.)
- Evron, Yair (1987): *Israel's Nuclear Dilemma*, Israel. (Hebr.)
- Fackenheim, Emil L. (1978): *The Jewish Return to History: Reflections in the Age of Auschwitz and a New Jerusalem*, New York.
- Fackenheim, Emil L. (1990): *The Jewish Bible after the Holocaust – a re-reading*, u. a. Bloomington.
- Feldmann, Avigdor (1998): "Vanunu, the Secret and the Law," in: *Vanunu and the Bomb, The Campaign to Free Vanunu*, London/Israel, 129–138. (Hebr.)
- Gal, Irit and Ilana Hammerman (2002): *From Beyrouth to Jenin*, Tel Aviv. (Hebr.)
- Galili, Orit (1995), "Beilin in Search for Bonds, Peres Walking Backwards – Words One Cannot Say Before the Elections," *Haaretz*, November 29, 1995. (Hebr.)
- Gellner, Ernest (1983): *Nations and Nationalism*, Ithaca, Cornell Univ. Press.
- Golan, Arnon (1995): "The Transfer to Jewish Control of Abandoned Arab Lands during the War of Independence," in: *Israel – The First Decade of Independence*, ed.: Ilan S. Troen and Noah Lucas, New York, 403–440.
- Golani, Motti (1998): *Israel in Search of a War – the Sinai Campaign, 1955–1956*, Brighton.
- Golani, Motti (2002): *Wars Don't Just Happen*, Ben Shemen. (Hebr.)
- Gorny, Josef (1986): *The Arab Question and the Jewish Problem*, Tel Aviv. (Hebr.)

- Бензيمان, Узи и Аталлах Мансур (1992): *Субарендаторы* Иерусалим. (Ивр.)
- Бетельхайм, Ави (1986): «Плохие дела 1986 года на политическом уровне», *Маарив* Специальный доклад – Дело Шин Бет, 18 июля 1986 г., 20–27. (на иврите)
- Биале, Давид (1986): *Власть и бессилие в еврейской истории*, Нью-Йорк.
- Блэк, Иэн и Бенни Моррис (1991): «Секретные войны Израиля: история израильской разведки» *Услуги*, Нью-Йорк.
- Блэк, Иэн и Бенни Моррис (1994): *Моссад, Шин Бет, Аман. История Израиля* *Geheimdienst* Гейдельберг (Германия).
- Бреннер, Майкл (2002): *Geschichte des Zionismus* Мюнхен (Германия).
- Бреннер, Майкл (2016): *Израиль. Traum und Wirklichkeit des jüdischen Staates* — Фон Теодор Герцль до сегодняшнего дня Мюнхен (Германия).
- Брубейкер, Роджерс (2002): «Националистический миф и постнационалистическая Перспектива», в: *Jüdische Geschichtsschreibung heute: Themen, Positionen, Kontroversen*, ред.: Майкл Бреннер и Дэвид Н. Майерс, Мюнхен, 217–228. (нем.)
- Козн, Авнер (2000): *Израиль и бомба*, Тель-Авив. (Евр.) Козн, Авнер (2005): *Последнее табу* Израиль. (ивр.)
- Козн, Хиллель (2006): *Добрые арабы. Израильские службы безопасности и израильские арабы*. Иерусалим. (Ивр.)
- Козн, Йозель (1995): *Die Vanunu Affäre. Исраэль Гехаймес Атомпотенциал*, Гейдельберг. (Нем.) Дэвис, Ури (2003): *Израиль в эпоху апартеида: возможности для внутренней борьбы* Лондон/Нью-Йорк.
- Дубнов, Саймон: (1931/2003): «Диаспора», в: *Jüdische Geschichte lesen, Texte der Jüdischen Geschichtsschreibung im 19 und 20. Jahrhundert*, ред.: Михаэль Бреннер, Мюнхен. (Немецкий)
- Эдмондс, Мартин (1999): «Вооруженная служба и общество», Боулдер, Westview Press, 70–112.
- Айзенштадт, Шмуэль Н. (1985): *Трансформация израильского общества* Лондон.
- Эльдар, Акива (1990): «Секретные переговоры об освобождении каирских заключенных», *Хаарец* 5 июля 1990.
- Эльгази, Йозеф (1997): «Мишель Бинет не исполнил бы этот приказ». *Хаарец* 24 октября 1997.
- Эшед, Чагай (1963/1979): *Кто отдал приказ? Дело Лавона*. Иерусалим. (Евр.) Эврон, Яир (1987): *Ядерная дилемма Израиля* Израиль. (ивр.)
- Факенхайм, Эмиль Л. (1978): *Еврейское возвращение в историю: размышления в эпоху Освенцима и Новый Иерусалим*, Нью-Йорк.
- Факенхайм, Эмиль Л. (1990): *Еврейская Библия после Холокоста – переосмысление.*, иа Блумингтон.
- Фельдман, Авигдор (1998): «Вануну, тайна и закон», в: *Вануну и бомба, Кампания за освобождение Вануну*, Лондон/Израиль, 129–138. (евр.)
- Галь, Ирит и Илана Хаммерман (2002): *От Бейрута до Дженина* Тель-Авив. (ивр.)
- Галили, Орит (1995), «Бейлин в поисках связей, Перес, идущий назад – словами не описать» «Скажите это перед выборами». *Хаарец*, 29 ноября 1995 г. (Евр.) Геллнер, Эрнест (1983): *Нации и национализм* Итака, издательство Корнельского университета.
- Голан, Арнон (1995): «Передача еврейского контроля над заброшенными арабскими землями во время войны. независимости», в: *Израиль – первое десятилетие независимости*, ред.: Илан С. Троен и Ной Лукас, Нью-Йорк, 403–440.
- Голани, Мотти (1998): *Израиль в поисках войны – Синайская кампания, 1955–1956 годы*, Брайтон.
- Голани, Мотти (2002): *Войны не случаются сами по себе*. Бен-Шемен. (ивр.)
- Горни, Йозеф (1986): *Арабский вопрос и еврейская проблема* Тель-Авив. (ивр.)

- Grinberg, Lev (2007): *Imagined Peace, Discourse of War. The Failure of Leadership, Politics and Democracy in Israel, 1992–2006*, Tel Aviv. (Hebr.)
- Gutman, Yechiel (1995): *A Storm in the G.S.S.*, Tel Aviv. (Hebr.)
- Hagemann, Steffen (2010): *Die Siedlerbewegung. Fundamentalismus in Israel*, Schwalbach/Ts. (Ger.)
- Harel, Isser (1979): *Anatomy of a Betrayal. The Disaster in Egypt*, Israel. (Hebr.)
- Harel, Isser (1982): *When Man Rose Against Man*, Jerusalem. (Hebr.)
- Hasin, Eliyahu and Dan Horowitz (1961): *The Affair*, Tel Aviv. (Hebr.)
- Hass, Amira (2006): *Morgen wird alles schlimmer*, Munich. (Ger.)
- Herzl, Theodor (1896/1997): *Der Judenstaat, Versuch einer modernen Lösung der Judenfrage*, Zürich. (Ger.)
- Herzl, Theodor (1902): *Altneuland*, Leipzig. (Ger.)
- Hobsbawm, Eric J. (1983): *The Invention of Tradition*, Cambridge.
- Hobsbawm, Eric J. (1992): *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*, Cambridge.
- Hofnung, Menachem (1996): *Democracy, Law and National Security in Israel*, Dartmouth.
- Horowitz, Dan (1977): "Is Israel A Garrison State?," *The Jerusalem Quarterly*, Summer, 58–75.
- Horowitz, Dan and Moshe Lissak (1990): *Trouble in Utopia: The Overburdened Polity of Israel*, New York.
- Huntington, Samuel P. (1968): *Political Order in Changing Societies*, New Haven.
- Janowitz, Morris (1971): *The Professional Soldier, A Social and Political Portrait*, New York.
- Jona, Jacob (1995): "The Hysteric Alliance," *Maariv*, December 11, 1995. (Hebr.)
- Kafkafi, Eyal (1994): *An Optional War – To Sinai and Back: 1956–1957*, Tel Aviv. (Hebr.)
- Kafkafi, Eyal (1998): *Pinchas Lavon – Anti-Messiah. A Biography*, Tel Aviv. (Hebr.)
- Keren, Michael (1996): *Professionals Against Populism, The Peres' Government and Democracy*, Tel Aviv. (Hebr.)
- Kimmerling, Baruch (1993): "State and Society in Israel," in: *Israel Society: Critical Perspectives*, ed.: Uri Ram, Tel Aviv, 328–350. (Hebr.)
- Kimmerling, Baruch (1993A): " Militarism in the Israeli Society," *Theory and Critique* 4, Jerusalem, 123–141. (Hebr.)
- Kimmerling, Baruch (1994): "Religion, Nationalism and Democracy in Israel," *Zmanim* 50–51, Tel Aviv, 116–131. (Hebr.)
- Kimmerling, Baruch (2001): *The Invention and Decline of Israeliness – State, Society, and the Military*, Berkeley.
- Kimmerling, Baruch (2004): "The debate still to be held," *Haaretz*, April 20, 2004. (Hebr.)
- Krispin, Yael (2002): "Change and Continuity: Shimon Peres' Take on the Israel-Arab Conflict," *The New Orient* 43, Jerusalem, 177–207. (Hebr.)
- Landau, David (2015): *ARIK: The Life of Ariel Sharon*, Israel. (Hebr.)
- Leibowitz, Yeshayahu (1954/1997): "Nation, Religion, and State," *De'ot*, Tel Aviv, 1954. (Hebr.), cf.: Akiva Orr, "Hundert Jahre Zionismus – eine Kritik," in: *Hundert Jahre Zionismus. Befreiung oder Unterdrückung? Beiträge der Gegentagung zum Herzl-Jubiläum*, Verein "Gegentagung zum Herzl-Jubiläum," Basel, 35–52. (Ger.)
- Lissak, Moshe (1983): "Paradoxes of the Israeli Civil-Military-Relations," *Journal of Strategic Studies* 6: 6–11.
- Lissak, Moshe (1984): "Paradoxes of Israeli Civil-Military Relations: An Introduction," in: *Israeli Society and Its Defence Establishment*, ed.: Moshe Lissak, London, 1–12.
- Love, Kenneth (1969): *Suez: The Twice Fought War*, London.

- Гринберг, Лев (2007): *Воображаемый мир, дискурс войны. Провал лидерства, политики и Демократия в Израиле, 1992–2006 гг.*, Тель-Авив. (Евр.)
- Гутман, Йехиэль (1995): *Буря в ГССТель-Авив* (иврит).
- Хагеманн, Штеффен (2010): *Die Siedlerbewegung. Фундаментализм в Израиле*Швальбах/Ц. (нем.)
- Харель, Иссер (1979): *Анатомия предательства. Катастрофа в Египте.*, Израиль. (Евр.)
- Харель, Иссер (1982): *Когда человек восстал против человека*, Иерусалим. (Евр.)
- Хасин, Элияху и Дэн Горовиц (1961): *Дело*, Тель-Авив. (Евр.) Хасс, Амира (2006): *Morgen wird alles schlimmer*Мюнхен (Германия).
- Герцль, Теодор (1896/1997): *Der Judenstaat, Veruch einer Modernen Lösung der Judenfrage*, Цюрих. (нем.)
- Герцль, Теодор (1902): *Альтнеуланд*Лейпциг. (Германия) Хобсбаум, Эрик Дж. (1983): *Изобретение традиции*Кембридж.
- Хобсбаум, Эрик Дж. (1992): *Нации и национализм с 1780 года: программа, миф, реальность*. Кембридж.
- Хофнунг, Менахем (1996): *Демократия, право и национальная безопасность в Израиле*Дартмут. Горовиц, Дэн (1977): «Является ли Израиль государством-гарнизон?» *Иерусалимский ежеквартальный журнал*Лето, 58–75. Горовиц, Дан и Моше Лиссак (1990): *Проблемы в утопии: перегруженное политическое устройство Израйля*, Нью-Йорк.
- Хантингтон, Сэмюэл П. (1968): *Политический порядок в меняющихся обществах*Нью-Хейвен. Яновиц, Моррис (1971): *Профессиональный солдат: социально-политический портрет*Нью-Йорк. Джона, Якоб (1995): «Истерический альянс», *Маарив*, 11 декабря 1995 г. (ивр.) Кафкафи, Эаль (1994): *Война по выбору – на Синай и обратно: 1956–1957 годы*, Тель-Авив. (Евр.) Кафкафи, Эаль (1998): *Линхас Лавон – Антимессия. Биография*.Тель-Авив. (ивр.)
- Керен, Майкл (1996): «Профессионалы против популизма», *«Правительство Переса и демократия»* Тель-Авив. (ивр.)
- Киммерлинг, Барух (1993): «Государство и общество в Израиле», в: *Израильское общество: критический анализ Перспективы*, ред.: Ури Рам, Тель-Авив, 328–350. (евр.)
- Киммерлинг, Барух (1993А): «Милитаризм в израильском обществе», *Теория и критика*4, Иерусалим, 123–141. (Ивр.)
- Киммерлинг, Барух (1994): «Религия, национализм и демократия в Израиле», *Зманим*50–51, Тель-Авив, 116–131. (евр.)
- Киммерлинг, Барух (2001): *Создание и упадок израильской идентичности – государство, общество и... Военный*Беркли.
- Киммерлинг, Барух (2004): «Дебаты еще предстоят», *Хаарец*20 апреля 2004 г. (ивр.) Криспин, Яэль (2002): «Изменения и преемственность: взгляд Шимона Переса на израильско-арабский конфликт», *Новый Восток*43, Иерусалим, 177–207. (евр.)
- Ландау, Давид (2015): *АРИК: Жизнь Ариэля Шарона*Израиль. (ивр.)
- Лейбовиц, Йешаягу (1954/1997): «Нация, религия и государство», Деот, Тель-Авив, 1954. (ивр.), ср.: Акива Опп, «Hundert Jahre Zionismus – eine Kritik», в: *Хундерт Яре Сионизм. Befreiung oder Unterdrückung? Beiträge der Gegentagung zum Herzl-Jubiläum*, Verein «Gegentagung zum Herzl-Jubiläum», Базель, 35–52. (нем.)
- Лиссак, Моше (1983): «Парадоксы израильских гражданско-военных отношений», *Журнал стратегического планирования Исследования*6: 6–11.
- Лиссак, Моше (1984): «Парадоксы израильских гражданско-военных отношений: введение», в: *Израильский Общество и его оборонное ведомство*, ред.: Моше Лиссак, Лондон, 1–12. Лав, Кеннет (1969): *Суэцкий кризис: война, в которой дважды велась борьба*Лондон.

- Malman, Yosi (2004): "Vanunu will not be allowed to get close to Ben-Gurion Airport or to an embassy," *Haaretz*, April 14, 2004. (Hebr.)
- Mintz, Alex (1983): "The Military Industrial Complex – The Israeli Case," *Journal of Strategic Studies* 6/3, 103–127.
- Morris, Benny (1996): *Israel's Border Wars, 1949–1956: Arab Infiltration, Israeli Retaliation and the Countdown to the Suez War*, Tel Aviv. (Hebr.)
- Morris, Benny (2000): "The Israeli Press and the Qibiya Affair, October–November 1953," in: *Jews and Arabs in Eretz Israel 1936–1956*, ed.: Benny Morris, Tel Aviv, 175–197. (Hebr.)
- Negbi, Moshe (1987): *Above the Law: The Constitutional Crisis in Israel*, Tel Aviv. (Hebr.)
- Neurberger, Benyamin (1998): *Democracy in Israel: Origins and Development*, Tel Aviv. (Hebr.)
- Ophir, Adi (2001): *Working for the Present: Essays on Contemporary Israeli Culture*, Israel. (Hebr.)
- Oren, Michael B. (1992): *The Origins of the Second Arab-Israel War*, London.
- Orr, Akiva (1998): "Mordechai Vanunu and Israel's Nuclear Policy," in: *Vanunu and the Bomb, The Campaign to Free Vanunu*, London/Israel, 65–68. (Hebr.)
- Oz, Amos (1986): "Putsch," *Davar*, June 27, 1986. (Hebr.)
- Ozacky-Lazar, Sarah (1998): "Security and Israel's Arab Minority," in: *Security Concerns – Insights from the Israeli Experience*, ed.: Daniel Bar-Tal, Dan Jacobson, Aharon Kliemann, London, 347–369.
- Pedezur, Reuven (2003): "Israel's Security Culture: Origins of and Impacts on Israeli Democracy," *Politika, The Israeli Journal of Political Science and International Relations* 10, Jerusalem, 87–113. (Hebr.)
- Pedezur, Reuven (2006): "Trapped in the Hands of the Generals," *Haaretz*, July 27, 2006. (Hebr.)
- Peled, Yoav (2007): "Von ethnischer Demokratie zur Ethnokratie? – Demographie und Staatsbürgerschaft im heutigen Israel," in: *Demographie – Demokratie – Geschichte*, Göttingen: Tel Aviver Jahrbuch für deutsche Geschichte, 351–362. (Ger.)
- Peres, Shimon (1965): *The Next Phase*, Tel Aviv. (Hebr.)
- Peres, Shimon (1970): *David's Sling*, Jerusalem. (Hebr.)
- Peres, Shimon (1970): *David's Sling. The Arming of Israel*, London.
- Peres, Shimon (1978): *And Now Tomorrow*, Jerusalem. (Hebr.)
- Peres, Shimon (1982): "For the Political Path," *Haaretz*, July 30, 1982. (Hebr.)
- Peres, Shimon (1995): *Shalom – Erinnerungen*, Stuttgart. (Ger.)
- Peres, Shimon (1995): *Battling for Peace. Memoirs*, London.
- Peres, Shimon and Robert Littell (1998): *For the Future of Israel*, Baltimore and London.
- Peres, Shimon (1999): *Man steigt nicht zweimal in denselben Fluß. Politik heißt Friedenspolitik*, Munich. (Ger.)
- Peres, Shimon (2000): *The Imaginary Voyage: With Theodor Herzl in Israel*, Cambridge.
- Polkehn, Klaus (2001): "Das Wasser und die Palästinafrage," *Marxistische Blätter* 4/2001: <http://www.ag-friedensforschung.de/regionen/Palaestina/wasser.html>. (Ger.)
- Raz-Krakotzkin, Amnon (1998): "A Peace without Arabs: The Discourse of Peace and the Limits of Israeli Consciousness," in: *After Oslo: New Realities, Old Problems*, ed.: George Giacaman and Dag Jørund Lønning, London/Chicago, 59–76.
- Raz-Krakotzkin, Amnon (2000): "Historisches Bewußtsein und historische Verantwortung," in: *Historikerstreit in Israel – Die 'neuen' Historiker zwischen Wissenschaft und Öffentlichkeit*, ed.: Barbara Schäfer, Frankfurt/New York, 151–207. (Ger.)

- Мальман, Йоси (2004): «Вануну не будет разрешено приближаться к аэропорту Бен-Гурион или к посольство», *Хаарец* 14 апреля 2004 г. (на иврите)
- Минц, Алекс (1983): «Военно-промышленный комплекс – израильский случай». *Журнал стратегического планирования Исследования* 6/3, 103–127.
- Моррис, Бенни (1996): *Израильские пограничные войны 1949–1956 годов: проникновение арабов, израильские ответные меры и Обратный отсчет до Суэцкой войны*. Тель-Авив. (ивр.)
- Моррис, Бенни (2000): «Израильская пресса и дело Кибии, октябрь–ноябрь 1953 г.», в: *Евреи и арабы в Эрец-Исраэль, 1936–1956 гг.*, ред.: Бенни Моррис, Тель-Авив, 175–197. (ивр.)
- Негби, Моше (1987): *Выше закона: конституционный кризис в Израиле*, Тель-Авив. (Евр.)
- Нойрбергер, Беньямин (1998): *Демократия в Израиле: истоки и развитие.*, Тель-Авив. (Евр.)
- Офир, Ади (2001): *Работая ради настоящего: Эссе о современной израильской культуре* Израиль. (Ивр.)
- Орен, Майкл Б. (1992): *Истоки Второй арабо-израильской войны*. Лондон.
- Орр, Акива (1998): «Мордехай Вануну и ядерная политика Израйля», в: *Вануну и бомба, Кампания за освобождение Вануну*, Лондон/Израиль, 65–68. (Евр.)
- Оз, Амос (1986): «Путч», *Давар* 27 июня 1986 г. (ивр.)
- Озаки-Лазар, Сара (1998): «Безопасность и арабское меньшинство Израйля», в: *Проблемы безопасности – Взгляд из израильского опыта*, ред.: Дэниел Бар-Тал, Дэн Джейкобсон, Аарон Климанн, Лондон, 347–369.
- Педезур, Реувен (2003): «Культура безопасности Израйля: истоки и влияние на Израиль». *Демократия*, «Политика», *Израильский журнал политических наук и международных отношений*. 10, Иерусалим, 87–113. (евр.)
- Педезур, Реувен (2006): «В ловушке у генералов», *Хаарец*, 27 июля 2006 г. (ивр.)
- Йоав (2007): «Von ethnischer Demokratie zur Ethnokratie? – Demographie und Staatsbürgerschaft im heutigen Israel», в: *Демография – Демократия – История*, Геттинген: Tel Aviver Jahrbuch für deutsche Geschichte, 351–362. (нем.)
- Перес, Шимон (1965): *Следующий этап*, Тель-Авив. (Евр.)
- Перес, Шимон (1970): *Праца Давида*, Иерусалим. (Евр.)
- Перес, Шимон (1970): *Праца Давида. Вооружение Израйля*. Лондон.
- Перес, Шимон (1978): *А теперь завтра* Иерусалим. (Ивр.)
- Перес, Шимон (1982): «За политический путь», *Хаарец*, 30 июля 1982. (Евр.)
- Перес, Шимон (1995): *Шалом – Эрннерунген* Штутгарт. (Германия)
- Перес, Шимон (1995): *Борьба за мир. Мемуары*. Лондон.
- Перес, Шимон и Роберт Литтелл (1998): *За будущее Израйля* Балтимор и Лондон.
- Перес, Шимон (1999): *Человек steigt nicht zweimal в плотном потоке. Politik heißt Friedenspolitik*, Мюнхен. (Германия)
- Перес, Шимон (2000): *Воображаемое путешествие: с Теодором Герцлем в Израиле*, Кембридж.
- Полькен, Клаус (2001): «Das Wasser und die Palästinafrage», *Марксистские письма* 4/2001: <http://www.ag-friedensforschung.de/regionen/Palaestina/wasser.html>. (нем.)
- Раз-Кракотцкин, Аммон (1998): «Мир без арабов: дискурс мира и «Пределы израильского самосознания», в: *После Осло: новые реалии, старые проблемы.*, ред.: Джордж Джакамани и Даг Йорунд Лённинг, Лондон/Чикаго, 59–76.
- Раз-Кракоцкин, Аммон (2000): «Historisches Bewußtsein und historische Verantwortung», в: *Historikerstreit в Израиле – Die 'neuen' Historiker zwischen Wissenschaft und Öffentlichkeit*, ред.: Барбара Шефер, Франкфурт/Нью-Йорк, 151–207. (нем.)

- Raz-Krakovitzkin, Amnon (2002): "Geschichte, Nationalismus, Eingedenken," in: *Jüdische Geschichtsschreibung heute: Themen, Positionen, Kontroversen*, ed.: Michael Brenner and David N. Myers, Munich, 181–206. (Ger.)
- Raz-Krakovitzkin, Amnon (2005): "The Zionist Return to the West and the Mizrahi Jewish Perspective," in: *Orientalism and the Jews*, ed.: Ivan Davidson Kalmar and Derek J. Penslar, Hanover/London, 162–181.
- Rosental, Rubik (1997): "Bus Line 300, the Core of the Question," *Maariv*, January 16, 1997. (Hebr.)
- Said, Edward W. (1978/2009): *Orientalismus*, Frankfurt am Main. (Ger.)
- Said, Edward W. and David Barsamian (2003/2006): *Culture and Resistance*, Cambridge/USA. (Ger.)
- Schmidt, Helmut (2000): *Jahrhundertwende, Gespräche mit...*, Berlin. (Ger.)
- Schweid, Eliezer (1973): *Israel at the Crossroads*, Philadelphia.
- Segev, Tom (1989): "Memoirs of a Secretary," *Haaretz*, July 7, 1989. (Hebr.)
- Segev, Tom (2005): *Israel in 1967*, Jerusalem. (Hebr.)
- Shahar, Peerli (1989): "Who Did Not Give the Order?," *Al Hamishmar*, December 18, 1989. (Hebr.)
- Shapira, Anita: (1980/1983): *Berl Katznelson. Biography*, Jerusalem. (Hebr.)
- Shapira, Anita (1992): *Land and Power*, Tel Aviv. (Hebr.)
- Shapiro, Gidon (1998): "The Israeli Government Announces," in: *Vanunu and the Bomb, The Campaign to Free Vanunu*, London/Israel, 148–166. (Hebr.)
- Sharett, Moshe (1957): "Israel and the Arabs – War and Peace: Some Reflections on the Years 1947–1957," first published: *OT*, 1.9.1966, 5–10, Tel Aviv. (Hebr.)
- Sheffer, Gabriel (1995): "Sharett's 'Line,' Struggles, and Legacy," in: *Israel. The First Decade of Independence*, ed.: Ilan S. Troen and Noah Lucas, New York, 143–169.
- Shlaim, Avi (2000): *The Iron Wall – Israel and the Arab World*, New York.
- Shlaim, Avi (2001): "The Protocol of Sèvres, 1956, Anatomy of a War Plot," in: *The 1956 War: Collusion and Rivalry in the Middle East*, ed.: David Tal, London, 119–143.
- Smith, Anthony D. (1986): *The Ethnic Origins of Nations*, Oxford.
- Smith, Anthony D. (1991): *National Identity*, London.
- Smootha, Sammy (1996): "Ethnic Democracy: Israel as a Prototype," in: *Zionism: A Contemporary Debate*, ed.: Pinchas Genosar and Avi Bareli, Israel, 277–311. (Hebr.)
- Smootha, Sammy (2002): "The Model of Ethnic Democracy: Israel as a Jewish and Democratic State," in: *Nations and Nationalism* 8/4, 475–503.
- Sprinzak, Ehud (1993): "Elite Illegality in Israel and the Question of Democracy," in: *Israeli Democracy under Stress*, ed.: Ehud Sprinak and Larry Diamond, Boulder/London, 173–198.
- Tal, David (2001): "Introduction: A New Look at the 1956 Suez War," in: *The 1956 War: Collusion and Rivalry in the Middle East*, ed.: Tal David, London, 1–18.
- Teveth, Shabtai (1994): *The Unhealing Wound*, Tel Aviv. (Hebr.)
- Teveth, Shabtai (1996): *Ben-Gurion's Spy – The Story of the Political Scandal that Shaped Modern Israel*, New York.
- Vagts, Alfred (1937): *A History of Militarism: Romance and Realities of a Profession*, New York.
- Vagts, Alfred (1959): *A History of Militarism*, New York.
- Wasserstein, Bernard (2003): *Israel und Palästina, warum kämpfen sie und wie können sie aufhören?*, Munich. (Ger.)
- Wehler, Hans-Ulrich (2007): *Nationalismus. Geschichte – Formen – Folgen*, Munich. (Ger.)

- Раз-Кракоцкин, Аммон (2002): «Geschichte, Nationalismus, Eingedenken», в: *Еврейский Geschichtsschreibung heute: Themen, Positionen, Kontroversen*, ред.: Майкл Бреннер и Дэвид Н. Майерс, Мюнхен, 181–206. (нем.)
- Раз-Кракоцкин, Аммон (2005): «Сионистское возвращение на Запад и евреи-мизрахи» Перспектива», в: *Ориентализм и евреи*, ред.: Иван Дэвидсон Калмар и Дерек Дж. Пенслар, Гановар/Лондон, 162–181.
- Розенталь, Рубик (1997): «Автобусный маршрут 300, суть вопроса», *Маарив* 16 января 1997 года. (Ивр.)
- Эдвард У. Саид (1978/2009): *Ориентализм* Франкфурт-на-Майне (Германия).
- Саид, Эдвард В. и Дэвид Барсамян (2003/2006): *Культура и сопротивление*. Кембридж/США. (нем.)
- Шмидт, Хельмут (2000): *Jahrhundertwende, Gespräche mit...*, Берлин. (нем.) Швайд,
- Элизер (1973): *Израиль на перепутье* Филадельфия. Сегев, Том (1989): «Воспоминания секретаря». *Хаарец*, 7 июля 1989 г. (Евр.) Сегев, Том (2005): *Израиль в 1967 году* Иерусалим. (Ивр.)
- Шахар, Пирли (1989): «Кто это сделал?» Нет «Отдать приказ?» *Аль-Хамишмар* 18 декабря 1989 года. (Ивр.)
- Шапира, Анита: (1980/1983): *Берл Кацнельсон. Биография.*, Иерусалим. (Евр.)
- Шапира, Анита (1992): *Земля и власть* Тель-Авив. (ивр.)
- Шапиро, Гидон (1998): «Израильское правительство объявляет», в: *Вануну и бомба, Кампания за освобождение Вануну*, Лондон/Израиль, 148–166. (евр.)
- Шаретт, Моше (1957): «Израиль и арабы – война и мир: некоторые размышления о прошедших годах». 1947–1957», впервые опубликовано: *ОТ*, 1.9.1966, 5–10, Тель-Авив. (евр.)
- Шеффер, Габриэль (1995): «„Линия“ Шаретта, его борьба и наследие», в: *Израиль. Первое десятилетие Независимость*, ред.: Илан С. Троен и Ноа Лукас, Нью-Йорк, 143–169.
- Шлаим, Ави (2000): *Железная стена – Израиль и арабский мир*. Нью-Йорк.
- Шлаим, Ави (2001): «Северский протокол 1956 года: анатомия военного заговора», в: *Война 1956 года: Сговор и соперничество на Ближнем Востоке*, ред.: Дэвид Тал, Лондон, 119–143.
- Смит, Энтони Д. (1986): *Этническое происхождение наций* Оксфорд. Смит, Энтони Д. (1991): *Национальная идентичность* Лондон.
- Смуха, Сэмми (1996): «Этническая демократия: Израиль как прототип», в: *Сионизм: А Современные дебаты*, ред.: Пинхас Геносар и Ави Барели, Израиль, 277–311. (ивр.) Смуха,
- Сэмми (2002): «Модель этнической демократии: Израиль как еврейский и демократический Государство», в: *Нации и национализм* 8/4, 475–503.
- Спринзак, Эхуд (1993): «Элитный нелегализм в Израиле и вопрос демократии», в: *Израильский Демократия в условиях стресса*, ред.: Эхуд Спринак и Ларри Даймонд, Боулдер/Лондон, 173–198. Таль,
- Дэвид (2001): «Введение: Новый взгляд на Суэцкую войну 1956 года», в: *Война 1956 года: сговор и соперничество на Ближнем Востоке*, изд.: Тал Дэвид, Лондон, 1–18. Тевет, Шабтай (1994): *Незаживающая рана* Тель-Авив. (ивр.)
- Тевет, Шабтай (1996): *Шпион Бен-Гуриона – история политического скандала, определившего будущее. Современный Израиль* Нью-Йорк.
- Вагтс, Альфред (1937): *История милитаризма: романтика и реалии профессии*. Нью-Йорк. Вагтс, Альфред (1959): *История милитаризма*, Нью-Йорк.
- Вассерштейн, Бернард (2003): *Израиль и Палестина, warum kämpfen sie und wie können sie aufhören?* Мюнхен (Германия).
- Велер, Ханс-Ульрих (2007): *Национализм. Гешихте – Формен – Фольген* Мюнхен (Германия).

- Yiftachel, Oren (1999): “‘Ethnocracy’: The Politics of Judaizing Israel/Palestine,” *Constellations* 6/3, 364–390.
- Yoren, Noam (2004): “Culture of Concealment,” *Haaretz*, February 10, 2004. (Hebr.)
- Zertal, Idith (1986): “Active or Passive Partner,” *Davar*, June 27, 1986. (Hebr.)
- Zertal, Idith and Akiva Eldar (2004): *Lords of the Land, The Settlers and the State of Israel 1967–2004*, Israel. (Hebr.)
- Zertal, Idith (2005): *Israel’s Holocaust and the Politics of Nationhood*, Cambridge.
- Zimmermann, Moshe (2010): *Die Angst vor dem Frieden – Das israelische Dilemma*, Berlin. (Ger.)
- Zuckermann, Moshe (1993): *Shoah in the Sealed Room: The “Holocaust” in Israeli Press during the Gulf War*, Tel Aviv. (Hebr.)
- Zuckermann, Moshe (2001): *On the Fabrication of Israelism, Myths and Ideology in a Society in Conflict*, Tel Aviv. (Hebr.)
- Zuckermann, Moshe (2002): “Volk, Staat, Religion im Zionistischen Selbstverständnis. Historische Hintergründe und aktuelle Aporien,” in: *Gewaltspirale ohne Ende? Konfliktstrukturen und Friedens Chancen im Nahen Osten*, ed.: Uta Klein and Dietrich Thränhardt, Schwallbach/Ts., 34–49. (Ger.)
- Zuckermann, Moshe (2003): *Zweierlei Israel? Auskünfte eines marxistischen Juden an Thomas Ebermann, Hermann L. Gremliza und Volker Weiß*, Hamburg. (Ger.)

Internet sources

- <http://www.ag-friedensforschung.d/regionen/Palaestina/wasser.html>
- <http://www.britannica.com/event/Camp-David-Accords>
- <https://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/Zionism/herzl2.html>
- http://www.knesset.gov.il/laws/special/heb/chok_hashvut.htm
- <http://www.math.ias.edu/~boaz/JewishState/herzl1.html>
- <http://www.mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/declaration%20of%20establishment%20of%20state%20of%20israel.aspx>
- http://www.nkusa.org/Foreign_Language/German/062504ViennaGerman.cfm
- http://edoc.vifapol.de/opus/volltexte/2009/1893/pdf/working_paper_13.pdf
- https://en.wikipedia.org/wiki/Camp_David_Accords
- <http://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-4066153,00.html>

- Ифтахель, Орен (1999): «„Этнокрафия“: политика иудаизации Израиля/Палестины», *Созвездия* 6/3, 364–390.
- Йорен, Ноам (2004): «Культура сокрытия», *Хаарец* 10 февраля 2004 г. (ивр.) Зерталь, Идит (1986): «Активный или пассивный партнер», *Давар* 27 июня 1986 г. (ивр.)
- Зерталь, Идит и Акива Эльдар (2004): *Владыки земли, поселенцы и государство Израиль 1967–2004* Израиль. (ивр.)
- Зерталь, Идит (2005): *Холокост в Израиле и политика государственности* Жембридж.
- Циммерманн, Моше (2010): *Die Angst vor dem Frieden – Израильская дилемма* Берлин. (нем.)
- Цукерман, Моше (1993): *Холокост в запечатанной комнате: «Холокост» в израильской прессе в то время Война в Персидском заливе* Тель-Авив. (ивр.)
- Цукерман, Моше (2001): *О создании образа израилизма, мифов и идеологии в обществе в Конфликт* Тель-Авив. (ивр.)
- Цукерманн, Моше (2002): «Volk, Staat, Religion im Zionistischen Selbstverständnis. Historische Hintergründe und aktuelle Aporien», в: *Gewaltspirale без конца? Конфликт структуры и Фриденшанцен в Нахен Остен*, ред.: Ута Кляйн и Дитрих Трэнхардт, Швальбах/Ц., 34–49. (нем.)
- Цукерман, Моше (2003): *Цвайерлей Израиль? Auskünfte eines marxistischen Juden an Thomas Эберманн, Герман Л. Гремлица и Фолькер Вайс*, Гамбург. (нем.)

Интернет-источники

<http://www.ag-friedensforschung.d/regionen/Palaestina/wasser.html>
<http://www.britannica.com/event/Camp-David-Accords>
<https://www.jewishvirtuallibrary.org/jsourc/Zionism/herzl2.html> http://www.knesset.gov.il/laws/special/heb/chok_hashvut.htm. <http://www.math.ias.edu/~boaz/JewishState/herzl1.html> <http://www.mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/declaration%20of%20establishment%20of%20state%20of%20israel.aspx> http://www.nkusa.org/Foreign_Language/German/062504ViennaGerman.cfm http://edoc.vifapol.de/opus/volltexte/2009/1893/pdf/working_paper_13.pdf https://en.wikipedia.org/wiki/Camp_David_Accords
<http://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-4066153,00.html>

Index of Persons

- Abbas, Mahmoud 184
Abu Nidal (Sabri al-Banna) 130
Ahad, Ha'am (Ascher Hirsch Ginsberg) 12, 13, 21, 92
Agha, Hussein 184
Alon, Yigal 113
Amin al-Husseini, Mohammed, Jerusalem Mufti 48, 155
Amir, Yigal 171
Arafat, Yasser 35, 36, 128, 130, 134, 173, 174, 181
Arendt, Hannah 15, 16
Arens, Moshe 79
Argov, Shlomo 130
Arieli, Yehoshua 72
Atatürk, Mustafa Kemal 47
Avineri, Shlomo 6, 7
Avneri, Uri 186
Ayyash, Yahya 138, 139, 183
- Baer, Yitzhak 5
Barak, Ehud 135, 137, 140–142, 180
Barnea, Nahum 78, 89
Bar-On, Mordechai 100, 101
Bar-Zohar, Michael 110, 111, 174
Begin, Menachem, 35, 76, 128–132, 164–167
Beilin, Yossi 170, 174, 180, 184–186
Ben-David, Haim 72, 73
Ben-Eliezer, Uri 67, 90, 93
Ben-Gurion, David 23, 61–64, 67, 69–76, 97–99, 101–110, 112, 116, 118, 119, 133, 145, 154, 155
Ben-Sasson, Hayim Hillel 5
Berdyczewski, Micha Josef 92
Bergman, Ernst David 109
Betelheim, Avi 81
Black, Ian 128, 130
Blatman, Yonah 80
Bourgès-Maunoury, Maurice 103, 110, 111
Brubaker, Rogers 6
Buber, Martin 119
- Carmel-Goldstein, Dalia 73
Carter, Jimmy 164
- Clinton, Bill 140
Cohen, Avner 109, 110, 112, 113, 116–118, 120, 121, 124–126
Cohen, Yoel 120, 122, 123
Cohn, Haim 73
- Dayan, Moshe 69–72, 75, 76, 95, 96, 99, 100, 102, 104, 106, 112, 121, 145, 153, 155, 161, 165
Dinur, Ben-Zion 5
Dori, Yaacov 67
Dubnow, Simon 4, 5
Dulles, John Foster 102
- Eden, Anthony 105
Eisenhower, Dwight D. 68, 156
Eitan, Rafael 129
Elad, Avri 68, 72
El-Sadat, Muhammad Anwar 35, 164
Epstein, Yitzhak 22
Eshed, Chagai 75
Eshkol, Levi 75, 76, 121
Evron, Yair 113
- Fackenheim, Emil L. 92, 127
Farouk I, King of Egypt 48
Feldmann, Avigdor 126
- Galili, Israel 113
Gazier, Albert 105
Gellner, Ernest 9
Gemayel, Bachir 130
Genosar, Yossi 79
Gibli, Binyamin 68, 71
Gilon, Carmi 138
Golani, Motti 97, 100
Goldman, Nahum 119
Goldstein, Baruch 138
Gorny, Yosef 22, 24, 49
Grinberg, Lev (Luis) 151, 152, 171, 172, 180, 182, 183
- HaCohen, Abraham Isaac Kook 8
Haddad, Saad 129, 136

Указатель лиц

Аббас, Махмуд 184

Абу Нидал (Сабри аль-Банна) 130

Ахад, Хаам (Ашер Хирш Гинзберг) 12, 13, 21, 92

Ага, Хусейн 184

Алон, Игаль 113

Амин аль-Хусейни, Мухаммед, Иерусалим

Муфтий 48, 155

Амир, Игаль 171

Арафат, Ясир 35, 36, 128, 130, 134, 173, 174, 181

Арендт, Ханна 15, 16

Аренс, Моше 79

Аргов, Шломо 130

Ариэли, Йехошуа 72

Ататюрк, Мустафа Кемаль 47,

Авинери, Шломо 6, 7

Авнери, Ури 186

Айяш, Яхья 138, 139, 183

Баер, Ицхак 5

Варак, Аод 135, 137, 140–142, 180

Варни, Наум 78, 89

Бар-Он, Мордехай 100, 101 Бар-

Зоар, Михаил 110, 111, 174

Бегин, Менахем, 35, 76, 128–132, 164–167

Бейлин, Йосси 170, 174, 180, 184–186

Бен-Давид, Хаим 72, 73 Бен-Элиезер, Ури

67, 90, 93 Бен-Гурион, Давид 23, 61–64, 67, 69–76,

97–99, 101–110, 112, 116, 118, 119, 133, 145, 154, 155

Бен-Сассон, Хаим Хиллель 5

Бердичевский, Миха Йозеф 92

Бергман, Эрнст Давид 109

Бетельхайм, Ави 81

Блэк, Иан 128, 130

Блатман, Йона 80

Бурж-Монури, Морис 103, 110, 111

Брубейкер, Роджерс 6

Бубер, Мартин 119

Кармель-Голдштейн, Далия 73

Картер, Джимми 164

Клинтон, законопроект № 140

Коэн, Авнер 109, 110, 112, 113, 116–118, 120, 121, 124–126

Коэн, Йоэль 120, 122, 123

Коэн, Хаим 73

Даян, Моше 69–72, 75, 76, 95, 96, 99, 100, 102, 104, 106, 112, 121, 145, 153, 155, 161, 165

Динур, Бен-Цион 5

Дори, Яаков 67

Дубнов, Саймон 4, 5

Даллес, Джон Фостер 102

Эден, Энтони 105

Эйзенхауэр, Дуайт Д. 68, 156

Эйтан, Рафаэль 129

Элад, Аври 68, 72

Эль-Садат, Мухаммад Анвар 35, 164

Эпштейн, Ицхак 22

Эшед, Чагай 75

Эшколь, Леви 75, 76, 121

Эврон, Яир 113

Факенхайм, Эмиль Л. 92, 127

Фарук I, царь Египта 48

Фельдман, Авигдор 126

Галили, Израиль 113

Газиер, Альберт 105

Геллнер, Эрнест 9

Джемайель, Башир 130

Геносар, Йосси 79

Гибли, Биньямин 68,

Гилон 71, Карми 138

Голани, Мотти 97, 100

Гольдман, Наум 119

Гольдштейн, Барух 138

Горный, Йосеф 22, 24, 49

Гринберг, Лев (Луис) 151, 152, 171, 172, 180, 182, 183

ХаКоэн, Авраам Исаак Кук 8

Хаддад, Саад 129, 136

- Harish, Yosef 86, 87
 Harmelin, Yosef 82
 Hasin, Eliyahu 72, 74
 Hass, Amira 175
 Hausner, Gideon 73
 Hazak, Reuven 80–82
 Herzl, Theodor 1, 6, 11–17, 20, 21, 49, 107
 Herzog, Chaim 86
 Hess, Moshe (Moses) 11
 Hobsbawm, Eric J. 9, 10
 Horowitz, Dan 66, 72, 74
 Hussein bin Talal, King of Jordan 133, 149, 163, 168

 Janowitz, Morris 66
 Johnston, Eric 156
 Jona, Jacob 181

 Kaffafi, Eyal 70
 Katznelson, Berl 24–27, 49
 Kimmerling, Baruch 52, 59–61, 76, 94–97, 173
 Krispin, Yael 42

 Lahad, Antoine 135, 136
 Lavon, Pinhas 67–78, 83, 91, 156, 157
 Leibowitz, Yeshayahu 7, 119, 120, 176, 177
 Lenin, Vladimir I. 9
 Lissak, Moshe 66
 Littell, Robert 139
 Livneh, Eliezer 119, 120

 Malka, Rafi 80, 82
 Meir, Golda 76, 121
 Mollet, Guy 103–105, 110, 111
 Mordechai, Yitzhak 79, 80
 Morris, Benny 99, 100, 128, 130

 Nafsu, Izzat 77
 Nasser, Gamal Abdel 30, 45–47, 51, 99, 103–105, 107, 108, 114, 155, 156, 162, 163
 Negbi, Moshe 86
 Netanyahu, Benjamin 184, 185
 Nordau, Max 21, 22, 92
 Nurok, Mordechai 64

 Ollendorff, Franz 119
 Olmert, Ehud 142

 Olshen, Yitzhak 69
 Ophir, Adi 62
 Orbach, Efraim 119
 Orr, Akiva 124

 Pedezur, Reuven 97
 Peled, Yoav 58, 59
 Peres, Shimon 4, 16, 17, 24, 26–29, 37, 38, 40–49, 65–67, 69–72, 75, 76, 80–91, 102–104, 108–112, 114–117, 119, 121–126, 130–141, 145–149, 155, 158–163, 166, 168–170, 172, 174, 176–187
 Pineau, Christian 105, 111
 Pollard, Jonathan 77

 Rabin, Yitzhak 83, 88, 121, 122, 130, 132, 135, 136, 138, 139, 151, 166, 167
 169–172, 174, 179–186
 Radai, Peleg 80, 82
 Rashi (Rabbi Shlomo Yitzchaki) 5
 Ratosh, Yonatan 7
 Raz-Krakovitzkin, Amnon 5, 19, 27, 28, 153, 154
 Rotberg, Ro'i 95

 Said, Edward W. 19
 Saladin (Yusuf Ibn Ayyub) 47
 Scholem, Gershom 5
 Schweid, Eliezer 92, 127
 Segev, Tom 121
 Shafir, Gershon 27
 Shalom, Avraham 78–83, 85, 87
 Shamir, Yitzhak 36, 79, 80, 83, 87–89, 122, 149, 165, 172
 Shapira, Anita 24, 25, 92
 Shapiro, Gidon 124
 Sharett, Moshe 68–72, 76, 97, 102, 103, 155–158
 Sharon, Ariel 35, 128–131, 133, 134, 146, 147, 166
 Shikaki, Fathi 139
 Shlaim, Avi 106, 110, 138–140, 155, 157, 165, 184
 Shomron, Dan 171
 Smith, Anthony D. 10, 17
 Smootha, Sammy 54–56
 Sprinzak, Ehud 88
 Stein, Gabriel 119

Хариш, Йосеф 86, 87
 Хармелин, Йосеф 82
 Хасин, Элияху 72, 74
 Хасс, Амира 175
 Хауснер, Гидеон 73
 Хазак, Реувен 80–82
 Герцль, Теодор 1, 6, 11–17, 20, 21, 49, 107
 Герцог, Хаим 86
 Гесс, Моше (Моисей) 11
 Хобсбаум, Эрик Дж. 9, 10
 Горовиц, Дан 66, 72, 74
 Хусейн бин Талал, король Иордании, 133, 149, 163, 168

Яновиц, Моррис 66
 Джонстон, Эрик 156
 Йона, Якоб 181

Кафкафи, Эяль 70
 Кацнельсон, Берл 24–27, 49
 Киммерлинг, Барух 52, 59–61, 76, 94–97, 173
 Криспин, Яэль 42

Лахад, Антуан 135, 136
 Лавон, Пинхас 67–78, 83, 91, 156, 157
 Лейбовиц, Йешаягу 7, 119, 120, 176, 177
 Ленин, Владимир И. 9
 Лиссаж, Моше 66
 Литтелл, Роберт 139
 Ливне, Элизер 119, 120

Малка, Рафи 80, 82
 Меир, Голда 76, 121
 Молле, Гай 103–105, 110, 111
 Мордехай, Ицхак 79, 80
 Моррис, Бенни 99, 100, 128, 130

Нафсу, Иззат 77
 Насер, Гамаль Абдель 30, 45–47, 51, 99, 103–105, 107, 108, 114, 155, 156, 162, 163
 Негби, Моше 86
 Нетаньяху, Биньямин 184, 185,
 Нордау, Макс 21, 22, 92
 Нурок, Мордехай 64

Оллендорф, Франц 119
 Ольмерт, Эхуд 142

Ольшен, Ицхак 69
 Офир, Ади 62
 Орбах, Эфраим 119
 Опп, Акива 124

Педезур, Реувен 97
 Пелед, Йоав 58, 59
 Перес, Шимон 4, 16, 17, 24, 26–29, 37, 38, 40–49, 65–67, 69–72, 75, 76, 80–91, 102–104, 108–112, 114–117, 119, 121–126, 130–141, 145–149, 155, 158–163, 166, 168–170, 172, 174, 176–187
 Пино, Кристиан 105,
 Поллард 111, Джонатан 77

Рабин, Ицхак 83, 88, 121, 122, 130, 132, 135, 136, 138, 139, 151, 166, 167
 169–172, 174, 179–186
 Радай, Пелег 80, 82
 Раши (раввин Шломо Ицхаки) 5
 Ратош, Йонатан 7
 Раз-Кракоцкин, Амнон 5, 19, 27, 28, 153, 154
 Ротберг, Рой 95

Саид, Эдвард В. 19
 Саладин (Юсуф ибн Айюб) 47
 Шолем, Гершом 5
 Швайд, Элизер 92, 127
 Сегев, Том 121
 Шафир, Гершон 27
 Шалом, Авраам 78–83, 85, 87
 Шамир, Ицхак 36, 79, 80, 83, 87–89, 122, 149, 165, 172
 Шапира, Анита 24, 25, 92
 Шапиро, Гидон 124
 Шаретт, Моше 68–72, 76, 97, 102, 103, 155–158
 Шарон, Ариэль 35, 128–131, 133, 134, 146, 147, 166
 Шикаки, Фатхи 139
 Шлайм, Ави 106, 110, 138–140, 155, 157, 165, 184
 Шомрон, Дан 171
 Смит, Энтони Д. 10, 17
 Смуха, Сэмми 54–56
 Спринзак, Эхуд 88
 Штайн, Габриэль 119

Tal, David 100
Thomas, Abel 104

Vagts, Alfred 94
Vanunu, Mordechai 77, 121–127

Weber, Max 9
Weizman, Ezer 165
Weizmann, Chaim 39
Wilson, T. Woodrow 9

Yankelewitz, Vladimir 4
Yiftachel, Oren 54, 56–58, 64

Zamir, Yitzhak 79–86
Zertal, Idith 95
Zorea, Meir 79, 80
Zuckermann, Moshe 13, 14, 150, 151

Тал, Давид 100
Томас, Авель 104

Вагтс, Альфред 94
Вануну, Мордехай 77, 121–127.

Вебер, Макс 9
Вейцман, Эзер 165
Вейцман, Хаим 39
Уилсон, Т. Вудроу 9

Янкелевиц, Владимир 4,
Ифтачел, Орен 54, 56–58, 64

Замир, Ицхак 79–86
Зертал, Идит 95
Зорея, Меир 79, 80 Цукерман,
Моше 13, 14, 150, 151